Проф. Р. Виппер.

УЧЕБНИКЪ
НОВОЙ ИСТОРІИ.

СЪ ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

Третье изданіе.

[illegible] въ книжномъ магазинѣ
Д. С[illegible]ова и А. М. [illegible]ова.
Москва, Тверская, Столешник. пер., д. Лианозова. Телеф. 120-35.

Цѣна 1 р. 50 к.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1908.

Digitized by Google

KF 39376

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAR 16 1964

Keller

Digitized by Google

Предисловіе къ первому изданію.

Предлагаемый учебникъ Новой исторіи служитъ непосредственнымъ продолженіемъ „учебника исторіи Среднихъ вѣковъ“, но имѣетъ въ виду другой возрастъ учащихся и болѣе значительный срокъ изученія (обыкновенно Новая исторія проходится въ теченіе 2 лѣтъ). Эти обстоятельства позволили придать ему болѣе обширный видъ сравнительно съ его предшественникомъ, что́ было безусловно необходимо для изложенія сложныхъ общественно-историческихъ явленій Новаго времени вообще, особенно же послѣдняго, XIX вѣка. Едва ли кто будетъ спорить противъ того, что желательна возрастающая подробность изложенія по мѣрѣ близости событій къ переживаемому нами моменту.

Но подробность изложенія можетъ быть различно понимаема. Въ предисловіи къ учебнику Древней исторіи автору пришлось обстоятельно высказать свой взглядъ на значеніе хронологіи, многочисленныхъ именъ, перечисленія внѣшнихъ фактовъ и т. д., и здѣсь нѣтъ нужды повторять сказанное. Можно надѣяться, что скоро на исторію въ школѣ перестанутъ смотрѣть, какъ на предметъ, овладѣваемый памятью и служащій, правда ненадолго, ея обремененію скелетомъ внѣшнихъ данныхъ, таблицами, списками и каталогами царствованій, министерствъ, міровъ, конгрессовъ и т. п. Авторъ исходитъ отъ другаго представленія о цѣляхъ преподаванія исторіи: онъ думаетъ, что съ первыхъ шаговъ изученія такъ же, какъ впослѣдствіи, исторія можетъ давать матеріалъ для сравненій, умственныхъ опытовъ и заключеній, которыя помогли бы понять условія и ходъ развитія человѣческихъ обществъ. Если такой взглядъ правиленъ, въ историческомъ преподаваніи будутъ цѣниться лишь тѣ данныя, которыя оставляютъ достаточно яркое и прочное впечатлѣніе и открываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность для самостоятельной работы мысли.

Отсюда неизбѣжно вытекаетъ необходимость помѣщать въ учебникѣ не одни упоминанія, заголовки, термины, заключительныя формулы, но также характеристики явленій и учрежденій, описанія исторической об-

Digitized by Google

становки, изложенія политическихъ мнѣній, соціальныхъ и религіозныхъ взглядовъ и т. п. Напр., для того, чтобы дать введеніе къ эпохѣ развитія демократіи въ Европѣ, казалось необходимымъ представить описаніе промышленнаго переворота, начавшагося въ Англіи съ конца XVIII в., а такія явленія опять-таки нельзя только упомянуть, надо дать о нихъ реальное представленіе.

Другой вопросъ, какъ проходить въ классѣ и при опредѣленномъ числѣ часовъ книгу, по размѣрамъ превышающую обычную норму. Но разъ преподаватель не будетъ имѣть въ виду заучиванія и подробнаго пересказа учащимися страницъ учебника, его не затруднитъ выбрать одни отдѣлы или части разсказа, которые, по его мнѣнію, достаточно прочитать для общаго впечатлѣнія, для того, чтобы войти въ предметъ или выяснить обстановку явленій,—и другіе, которые желательно ближе анализировать, и гдѣ онъ захотѣлъ бы прочнѣе закрѣпить основные факты. Обыкновенно памяти стараются помочь разными внѣшними средствами въ родѣ повторительныхъ и синхронистическихъ таблицъ, частыхъ курсивовъ, рѣзкихъ зрительныхъ напоминаній и т. п. Если памяти придавать нѣсколько болѣе благородную роль въ обиходѣ человѣческаго мышленія, если заботиться о томъ, чтобы это былъ не механическій складъ нужныхъ и ненужныхъ вещей, а разумный организаторъ вступающаго въ сознаніе матеріала, тогда придется подумать о другихъ приспособленіяхъ для нея. Авторъ придастъ въ этомъ смыслѣ большое значеніе плану изучаемой книги, размѣщенію матеріала, той послѣдовательности и группировкѣ, въ которой воспринимаются впервые историческія явленія. Усвоеніе въ извѣстномъ порядкѣ, закрѣпленіе самаго плана въ головѣ учащагося есть вмѣстѣ съ тѣмъ усвоеніе связи между явленіями, т.-е. пріобрѣтеніе гораздо болѣе прочное, чѣмъ слѣды конспективныхъ рубрикъ, затверженныхъ при помощи разныхъ оптическихъ пріемовъ.

Возможно, что преподаватель многое сократитъ въ этой книгѣ при ближайшемъ ея изученіи и передастъ учащимся иное въ болѣе сжатомъ видѣ или поручитъ имъ самимъ извлечь при чтеніи того или другого отдѣла болѣе короткіе выводы и результаты. Но авторъ увѣренъ, что главныя линіи изложенія, которыя, при всякомъ сокращеніи, все же должны сохраниться, окажутъ свое содѣйствіе сознательному усвоенію историческаго матеріала.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая. Вѣкъ реформаціи.

Понятіе о Новой исторіи—1.

I. **Колоніи испанцевъ и португальцевъ. Переворотъ въ экономической жизни Европы** 2—22. Америка до прихода европейцевъ—2. Завоеваніе Америки—5. Колоніальная политика испанцевъ—6. Колоніальная политика португальцевъ—10. Условія европейской торговли въ XVI вѣкѣ—11. Антверпенская биржа—12. Итальянскія войны—13. Избраніе императора въ 1520 г.—15. Политика Карла V—17. Макіавелли—19. Денежный капиталъ въ XVI вѣкѣ—20. Революція цѣнъ—21.

II. **Итальянское просвѣщеніе, революція и реформація въ Германіи** 22—51. Итальянское искусство—22. Римъ въ началѣ XVI вѣка—25. Религіозное возрожденіе въ Италіи и Испаніи—26. Умственныя движенія въ германскихъ странахъ. Эразмъ и Моръ—27. Кружки гуманистовъ. Гуттенъ—29. Религіозныя движенія на Сѣверѣ—31. Лютеръ—31. Состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка. Князья и города—33. Положеніе крестьянъ въ началѣ XVI вѣка—35. Рейхстагъ въ Вормсѣ—37. Революція въ Германіи—39. Умѣренная реформація—43. Анабаптисты—44. Цвингли—45. Протестантизмъ въ Германіи—46. Реформація въ Швеціи и Даніи—47. Реформація въ Англіи—48.

III. **Реакція католичества и кальвинизмъ** 51—66. Расколъ въ Германіи—51. Католическая реформація—53. Орденъ іезуитовъ—53. Реакція въ Италіи—59. Кальвинизмъ—61. Обостреніе религіозной вражды и судьба свободной мысли—64.

IV. **Испанія и Голландія. Борьба за торговое преобладаніе** 66—86. Абсолютная монархія въ Испаніи—67. Политика Филиппа II—69. Нидерланды въ срединѣ XVI вѣка—70. Нидерландская революція—71. Испанскій терроръ и отпаденіе Нидерландовъ—72. Усиленіе Испаніи и республика сѣверныхъ Нидерландовъ—75. Экономическое паденіе Испаніи—77. Культура Испаніи въ XVI и XVII вв.—79. Торговля Голландіи—81. Колоніальная система голландцевъ—83. Политическій и общественный строй Нидерландовъ—84.

V. **Кризисъ монархіи во Франціи** 87—110. Французская монархія въ первой половинѣ XVI вѣка—87. Просвѣщеніе во Франціи въ 20—50-хъ годахъ—89. Протестантизмъ во Франціи—90. Политическая и религіозная реформа около 1560 г.—91. Крушеніе реформы и религіозныя войны—93. Монархомахи и организація гугенотовъ—94. Католическая лига—95. Монархическая теорія Бодэна—97. Революція въ Парижѣ и начало Бурбоновъ—98. Примирительная политика Генриха IV. Паденіе генеральныхъ штатовъ—99. Разореніе Франціи и экономическая политика Генри-

Digitized by Google

ха IV — 101. Возобновленіе смуты и послѣдніе штаты — 103. Политика Ришелье и закрѣпленіе бюрократической монархіи — 104. Фронда — 107. Французское общество въ первой половинѣ XVII вѣка—107. Внѣшняя политика Франціи со времени Ришелье—109.

VI. **Тридцатилѣтняя война въ Германіи. Польша въ XVI и XVII вв. 110—128.** Упадокъ Германіи къ началу XVII вѣка—110. Возстаніе чеховъ и реакція въ Богеміи—112. Общая война въ Германіи—114. Германія по Вестфальскому миру—118. Общественный строй Польши въ XVI вѣкѣ—118. Планы общей реформы польскаго государства—120. Неудача реформъ. Строй Рѣчи Посполитой съ конца XVI вѣка—122. Католическая реакція въ Польшѣ — 124. Возстанія низшихъ классовъ. Польская анархія—125.

VII. **Англійская великая революція 128—153.** Англійская торговля—128. Законы о рабочихъ и о призрѣніи—130. Вѣкъ королевы Елизаветы—131. Англійскій театръ—132. Пуританство — 134. Король и парламентъ въ первой трети XVII вѣка — 136. Правленіе безъ парламента—139. Реформы Долгаго парламента—142. Гражданская война въ Англіи—143. Республика—146. Крайніе сектанты—147. Протекторатъ Кромвеля—149. Реставрація Стюартовъ и реакція—150. Внутренняя перемѣна въ сектантствѣ—152. Абсолютная монархія въ европейскихъ государствахъ—152.

VIII. **Міровоззрѣніе XVI и первой половины XVII вѣка 154 — 162.** Демономанія и колдовскіе процессы — 154. Астрологія — 155. Великія астрономическія открытія и переворотъ въ міровоззрѣніи—156. Паденіе схоластики и новые научные методы—160. Гуманистическая гимназія—161.

Часть вторая. Послѣднее столѣтіе стараго порядка въ Европѣ.

I. **Реставрація и вторая революція въ Англіи 163—174.** Усиленіе аристократіи и возрастаніе торговыхъ интересовъ Англіи — 163. Новое столкновеніе Стюартовъ съ парламентомъ—165. Виги и тори—166. Реакція и сверженіе Стюартовъ—167. Революція 1688 года—169. Политическія ученія реставраціи и революціи—170. Внѣшняя политика Англіи подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ—172. Лондонскій банкъ и начало національнаго долга—173.

II. **Преобладаніе Франціи 174—201.** Меркантилизмъ — 174. Индустріальная политика Кольбера—176. Новые классы предпринимателей и рабочихъ—178. Система полицейскаго государства—179. Французскій король и его дворъ—181. Войны Людовика XIV—183. Французская литература „вѣка Людовика XIV"—184. Вторая половина царствованія Людовика XIV. Церковная политика — 187. Паденіе внѣшняго могущества Франціи—190. Консервативная оппозиція—192. Недостатки администраціи—194. Регентство и его финансовая катастрофа—197. Старый порядокъ—200.

III. **Англія XVIII вѣка 201 — 218.** Образованіе кабинета — 201. Избирательная система въ Англіи XVIII в. — 203. Англійская печать и политическая сатира — 206. Деизмъ — 209. Научное міровоззрѣніе — 213. Развитіе колоніальнаго могущества Англіи—214.

IV. **Франція въ XVIII вѣкѣ 218 — 235.** Бюрократическія реформы и оппозиція парламентовъ — 218. Положеніе низшихъ классовъ. Крестьянство во Франціи — 221. Салоны—223. Вліяніе Англіи — 224. Просвѣтители. Вольтеръ и Монтескье — 225. Крайнее направленіе просвѣтителей. Энциклопедисты — 228. Физіократы — 230. Народничество — 231. Патріархальная демократія — 232. Общественное значеніе литературы—234.

Digitized by Google

V. **Пруссія въ XVII и XVIII вв. 235—249.** Военно-крѣпостная восточная Европа—235. Возникновеніе прусскаго государства — 238. Сословная политика прусскихъ государей — 240. Прусская бюрократія — 242. Политика Фридриха II — 243. Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи XVIII в.—245. Конецъ Фридриха II и реакція въ Пруссіи—248.

VI. **Австрія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Католическая церковь 249—262.** Государство Габсбурговъ въ XVII и XVIII вѣкахъ — 249. Крѣпостное право въ австрійскихъ земляхъ — 251. Реформы второй половины XVIII вѣка — 253. Крестьянская реформа Іосифа II — 254. Общая политика Іосифа II и реакція — 255. Паденіе католической церкви и закрытіе ордена іезуитовъ — 258. Просвѣщенный абсолютизмъ—261.

Часть третья. Вѣкъ развитія демократіи.

I. **Сѣверо-американская революція 263 — 275.** Сѣверная Америка — 263. Американская революція и отпаденіе колоній—268. Конституція Соединенныхъ штатовъ—271. Начало республиканской Америки—274.

II. **Промышленный переворотъ въ Англіи 276—286.** Аграрный переворотъ въ юго-восточной Англіи—276. Индустріальный переворотъ въ сѣверо-западной Англіи—278. Идеи свободнаго обмѣна и соперничества — 281. Утилитаризмъ. Возникновеніе радикальной партіи—282. Реакція и парламентарный порядокъ въ Англіи—285.

III. **Великая французская революція 286 — 313.** Французская буржуазія передъ революціей — 286. Демократическія идеи — 288. Неудача умѣренной реформы — 291. Созваніе генеральныхъ штатовъ—292. Національное собраніе. Революція въ Парижѣ и деревняхъ — 296. Печать, клубы и партіи — 298. Конституція 1791 года — 299. Церковная и крестьянская реформы—301. Возникновеніе республиканской партіи — 303. Паденіе монархіи — 307. Якобинская республика — 309. Начало реакціи — 312.

IV. **Польша, Италія и Германія передъ революціей 314—325.** Раздѣлъ Польши—314. Майская конституція и конецъ польскаго государства—316. Итальянскія государства въ XVIII вѣкѣ—318. Начало національнаго возрожденія въ Италіи—319. Культура Германіи въ концѣ XVIII вѣка—321.

V. **Революціонныя войны, имперія во Франціи и начало реформъ въ Германіи 326—347.** Французская революція и Европа—326. Войны французской республики—327. Внутренняя реакція и переворотъ 18 брюмера — 329. Строй консульства и имперіи — 331. Внѣшняя политика Наполеона — 335. Переходъ демократическихъ началъ въ европейскія страны — 337. Освободительныя реформы въ Пруссіи — 340. Національныя движенія въ Европѣ — 343. Паденіе имперіи Наполеона I — 344.

VI. **Общеевропейская реакція и революціонныя движенія на южныхъ полуостровахъ 347—361.** Европейская реакція—347. Либерализмъ—350. Рѣшенія Вѣнскаго конгресса и возстановленіе абсолютизма—351. Радикальныя движенія и реакція въ Германіи—353. Революція въ Испаніи — 356. Итальянскія революціи и освобожденіе грековъ—357. Общій характеръ европейскихъ движеній въ первой половинѣ XIX вѣка—361.

VII. **Англія въ первой половинѣ XIX вѣка 362 — 385.** Реакція въ Англіи и положеніе рабочаго класса — 362. Ирландія — 364. Хлѣбный законъ и оппозиція промышленнаго класса—366. Начало соціализма—368. Радикальная оппозиція и исключительные законы—369. Реформы 20-хъ годовъ—371. Эмансипація католиковъ—372. Парламентская реформа — 374. Возвышеніе торгово-промышленнаго класса — 376. Либеральныя реформы и начало охраны труда—377. Народная хартія — 379. Отмѣна хлѣбнаго закона и торжество свободнаго обмѣна—381. Конецъ радикальнаго движенія рабочихъ—384.

Digitized by Google

VIII. **Франція въ первой половинѣ XIX вѣка 385—414.** Франція въ 1814 году—385. Эмигрантская реакція и буржуазный либерализмъ—388. Управленіе реакціонеровъ—389. Либеральная оппозиція въ концѣ 20-хъ годовъ и возникновеніе соціализма—392. Іюльская революція—396. Буржуазная реакція—399. Господство крупной буржуазіи—400. Буржуазный радикализмъ и соціалистическія ученія—403. Возрожденіе католичества—404. Февральская революція—407. Вторая республика и соціальная реакція—410. Бонапартистскій переворотъ и вторая имперія—412.

IX. **Революція 1848-9 годовъ въ Италіи, Германіи и Австріи 415—432.** Національное движеніе въ Италіи—415. Революція въ Италіи—417. Національное движеніе въ Германіи—419. Германскій радикализмъ въ политикѣ и философіи—421. Развитіе индустріи въ Германіи и начало соціализма—422. Мартовская революція въ Пруссіи—424. Франкфуртскій общегерманскій парламентъ—426. Революція въ Австріи и Венгріи—427. Реакція въ Австріи и Германіи—431.

X. **Объединеніе Италіи и Германіи. Демократическая республика во Франціи 432—466.** Внѣшняя политика имперіи во Франціи—433. Объединеніе Италіи и Ватиканскій соборъ—434. Либеральное бюргерство и начало рабочаго движенія въ Пруссіи—438. Сѣверо-германскій союзъ—441. Внутренняя политика имперіи во Франціи—443. Паденіе имперіи—445. Франко-прусская война и объединеніе Германіи—447. Конституція и національные вопросы въ Австро-Венгріи—451. Конецъ національныхъ войнъ и милитаризмъ въ Европѣ—452. Международный союзъ рабочихъ, ученіе Маркса и германская соціалъ-демократія—454. Исключительные законы, торговая и соціальная политика Бисмарка—457. Парижская коммуна и буржуазная реакція во Франціи—459. Республиканская конституція во Франціи—462. Реформы республиканской буржуазіи—464.

XI. **Демократическое развитіе Англіи 467—481.** Рабочіе союзы и время остановки реформъ—467. Вторая избирательная реформа—470. Демократическія реформы перваго министерства Гладстона—472. Возвращеніе ко власти консерваторовъ и начало имперіализма—474. Ирландскій вопросъ и третья избирательная реформа—476. Окончаніе демократическихъ реформъ и усиленіе соціализма въ Англіи—478.

XII. **Соединенные штаты Америки и Австралія въ XIX вѣкѣ 481—503.** Европейская эмиграція въ XIX вѣкѣ—481. Расширеніе Соединенныхъ штатовъ въ XIX вѣкѣ—483. Сѣверные и южные штаты и вопросъ о рабствѣ—485. Междоусобная война и ея послѣдствія—478. Промышленное развитіе Соединенныхъ штатовъ—490. Американскій имперіализмъ—492. Новое американское общество—494. Начало австралійскихъ колоній. Образованіе земельной аристократіи—496. Открытіе золота въ Австраліи и общественный переворотъ—499. Демократическая федерація въ Австраліи—501.

XIII. **Міровая политика бѣлой расы и Японія въ концѣ XIX вѣка 503—513.** Раздѣлъ Африки и Океаніи между европейцами и американцами—503. Начало раздѣла Азіи—505. Дореформенная Японія—506. Переворотъ въ Японіи. Реформа общественнаго строя и конституція—509. Внѣшнее расширеніе Японіи—512.

Карты внѣ текста.

Стр.

Испанскія и португальскія колоніи въ XVI вѣкѣ 16
Западная Европа передъ революціей 1789 года 288
Западная Европа въ началѣ XX вѣка 480
Колоніальныя владѣнія европейцевъ и американцевъ въ началѣ XX вѣка . . . 496

Digitized by Google

Изъ библіотеки
И. И. ДЗИОМЕНКО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вѣкъ реформаціи.

Понятіе о Новой исторіи. Въ западной Европѣ принято начинать съ XVI в. Новую исторію, при чемъ иногда точнѣе опредѣляютъ за исходный срокъ открытіе Америки (1492) или годъ перваго протеста въ Германіи противъ папы (1517). Дѣйствительно, эти два событія отмѣчаютъ начало крупныхъ перемѣнъ въ европейской жизни: во-первыхъ, расширеніе ея торговли, ея сношеній и кругозора ея общества и, во-вторыхъ, разрывъ ея церковнаго единства и первые шаги освобожденія ума человѣческаго отъ стѣснительныхъ рамокъ вѣры.

Но въ другихъ отношеніяхъ Европа и въ послѣдующее XVI столѣтіе еще остается при старыхъ порядкахъ и взглядахъ. Въ строеніи общества, въ устройствѣ труда, въ научныхъ понятіяхъ перемѣны начинаются позднѣе, съ XVII и XVIII вѣковъ. Строгій научный духъ, не смущаемый вѣрой въ чудесное, пробуждается въ концѣ XVII в.; черезъ сто лѣтъ, въ концѣ XVIII в., начинается сильное движеніе къ демократіи, открывающее періодъ европейскихъ революцій; около того же времени промышленный переворотъ захватываетъ одну страну за другою, создаетъ сосредоточеніе капиталовъ и рабочихъ массъ: общество перестраивается; старыя его сословія, различавшіяся по всему складу быта и по своимъ правамъ, замѣняются классами, которые выдѣляются другъ отъ друга только размѣромъ имуществъ; возникаютъ новыя общественныя ученія, которыя обѣщаютъ дальнѣйшее переустройство на началахъ равенства достатка и справедливаго вознагражденія труда. Въ XIX в. раздвигается область господства образованной части человѣчества: на материкахъ Америки и Австраліи возникаютъ какъ бы новыя Европы. Съ этими перемѣнами совпадаютъ огромные успѣхи науки и техники, особенно поразительной въ ускореніи сообщеній между странами міра и увеличеніи двигательныхъ и производительныхъ силъ, которыми пользуется человѣкъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ перемѣны въ жизни западной Европы, въ XIX в. превращающейся въ образованное общество почти всего земного шара, растягиваются на 4 вѣка и проходятъ въ длинной очереди. Въ виду этого внутри самаго періода Новаго времени стали проводить раздѣльную черту и отдѣлять послѣдній вѣкъ, XIX, отъ предшествующихъ, подъ названіемъ Новѣйшаго времени.

Всѣ эти раздѣленія и обозначенія очень условны и не имѣютъ особеннаго научнаго значенія. Общество каждаго вѣка или даже каждаго поколѣнія можетъ рѣшать по-своему, что̀ считать новымъ, т.-е. близкимъ къ переживаемой эпохѣ, и съ какого момента начинать счетъ Новаго времени. Но есть одна замѣтная общая черта, отличающая весь періодъ такъ наз. Новой исторіи отъ предшествующихъ вѣковъ: это — быстрое неостанавливающееся движеніе впередъ во всѣхъ сторонахъ трудовой жизни и особенно возрастающее торжество знанія и разума.

I.

Колоніи испанцевъ и португальцевъ. Переворотъ въ экономической жизни Европы.

Америка до прихода европейцевъ. До конца XV в. кругозоръ европейцевъ едва переходилъ за предѣлы материка Европы и прилегающихъ къ нему морей. Послѣ великихъ открытій конца XV и начала XVI вв., сдѣланныхъ португальцами и испанцами, кругъ понятій народовъ западной Европы и ихъ предпріятія крайне расширились. Особенно обширны были завоеванія испанцевъ въ Америкѣ.

Европейскіе колонисты и завоеватели нашли въ Америкѣ особый культурный міръ, который стариною не уступалъ европейско-азіатскому и развивался совершенно самостоятельно. Какъ въ Старомъ свѣтѣ, такъ и здѣсь были разрозненныя племена дикарей, но были также крупныя народности, составлявшія государства, обладавшія разнообразными знаніями и искусствами, большими запасами богатствъ, высоко развитой промышленностью.

Ихъ культура однако въ сравненіи съ европейской была бѣднѣе и однообразнѣе. Причиною отчасти были географическія условія западнаго материка. Америка не обладаетъ моремъ, которое, подобно европейскому Средиземному, сближало бы различныя ея страны; земли Новаго свѣта тянутся въ одномъ вертикальномъ направленіи и даютъ гораздо менѣе мѣста и повода для встрѣчи народовъ, для сношенія между ними и для соперничества, которое служитъ всегда главнымъ

Digitized by Google

толчкомъ къ работѣ и усовершенствованію. Америка уступала Старому свѣту и по своимъ естественнымъ произведеніямъ. Животный и растительный міръ ея былъ бѣднѣе видами. Европейцы впервые перенесли на почву Америки большую часть хлѣбныхъ породъ, перевезли лошадь, рогатый скотъ и овецъ; въ самой Америкѣ они встрѣтили только одно прирученное животное, ламу, которая давала мясо, шерсть и служила для переноса тяжестей. Американцы обладали золотомъ и серебромъ, но совсѣмъ не были знакомы съ желѣзомъ и частью употребляли каменныя орудія.

Владѣнія двухъ самыхъ передовыхъ народностей Америки, ацтековъ въ Мексикѣ и инковъ въ Перу, не представляли государствъ въ европейскомъ смыслѣ. Это были обширныя области, захваченныя воинственными племенами, большею частью пришлыми, подчинившими себѣ обширное мѣстное земледѣльческое и рабочее населеніе и насильственно стянувшими разбросанныя на большомъ пространствѣ мирныя племена, которыя продолжали жить въ очень старинномъ быту. Племена дѣлились на братства, братства—на роды. Каждая родовая группа занимала одно или нѣсколько пуэбло, т.-е. большихъ общественныхъ домовъ-крѣпостей; это были правильные четыреугольники, съ квадратнымъ же дворомъ внутри; высокія, многоэтажныя стѣны, безъ оконъ наружу, имѣли выходъ только съ одной изъ четырехъ сторонъ, между тѣмъ какъ вовнутрь зданіе спускалось уступами, и обитатели верхнихъ этажей поднимались по крышамъ ниже лежавшихъ ярусовъ. Господа-воины жили въ такихъ же общественныхъ казармахъ, но сохраняли перевѣсъ благодаря тому, что сосредоточились въ немногихъ пунктахъ.

Главное поселеніе мексиканскихъ ацтековъ было расположено на неприступномъ островѣ среди большого озера. Въ сущности у нихъ не было никакого управленія надъ подчиненными. Въ опредѣленные сроки они разсылали въ разные концы небольшіе отряды для сбора дани съ зависимыхъ племенъ; часть этой дани шла въ видѣ запасовъ маиса, часть—драгоцѣнностями, которыя скоплялись въ столицѣ; но подчиненные должны были еще отдавать людей въ рабство военной группѣ ацтековъ; часть плѣнниковъ приносилась въ жертву богамъ; ихъ закалывали на высокихъ каменныхъ алтаряхъ, имѣвшихъ видъ усѣченныхъ конусовъ. Въ шествіе боговъ принимали участіе воины: ацтеки удержали людоѣдство въ видѣ священнаго обряда, который долженъ былъ обезпечивать господамъ силу на землѣ и блаженство на томъ свѣтѣ. Если зависимые люди сопротивлялись, ацтеки нападали на ихъ пуэбло, разграбляли ихъ, убивали населеніе и уводили плѣнниковъ. Подчиненные были обязаны ставить отряды для походовъ ацтековъ. Въ случаѣ неповиновенія имъ грозила расправа, но можно было всегда откупиться лишнимъ взносомъ

Digitized by Google

годовой дани. Благодаря работѣ подчиненныхъ, у ацтековъ составлялась блестящая обстановка; у нихъ были фонтаны, ванны, мраморная мозаика, художественная посуда изъ серебра, шитые ковры; они ходили въ пестрыхъ хлопчатобумажныхъ тканяхъ. Въ столицѣ ацтековъ были пѣвцы, давались драматическія представленія.

Выше по культурѣ были инки, опиравшіеся на сложный порядокъ въ распредѣленіи труда и пользованіи богатствами. Сами инки составляли касту, выводившую свой родъ отъ бога солнца; во главѣ ихъ стояли царь и верховный жрецъ, котораго испанцы сравнивали съ папою. Часть земли была отобрана въ пользу царя съ остальными инками, другая принадлежала жрецамъ; зависимое населеніе исполняло всѣ работы на господской и на собственной землѣ. Въ странѣ не было денегъ, и весь обмѣнъ совершался натурой: продуктами, повинностями и услугами. Въ деревняхъ сохранилось старинное общинное устройство: земля считалась достояніемъ всего крестьянскаго общества каждой округи; ежегодно между хозяевами распредѣлялись пахотные участки; долю свою въ общинѣ нельзя было ни дарить, ни сдавать; кто уклонялся отъ работы или уходилъ безъ позволенія старосты, терялъ свое право на участіе въ общинѣ. Въ обработкѣ полей не было плуговъ; мужчины вскапывали землю длинными заостренными заступами, за ними шли женщины и дѣти, которыя размельчали глыбы лопатками и кольями. Маисовыя поля орошались искусственной водой, проведенной съ горъ. На высокихъ плоскогорьяхъ Кордильеровъ разводили обширныя стада ламъ. Часть ихъ принадлежала инкамъ и жрецамъ; изъ этого запаса однѣхъ отправляли на убой въ столицу, Куско, другихъ распредѣляли по военнымъ гарнизонамъ, разсѣяннымъ въ странѣ. Шерсть отдавали назадъ крестьянамъ для выработки. Деревенскіе ткачи готовили болѣе грубыя матеріи на одежду солдатъ; испанцы нашли въ перуанскихъ складахъ большія массы этого матеріала. Тонкіе сорта приготовлялись для царя и другихъ инковъ монахинями, посвященными култу солнца.

Покоренное рабочее населеніе подчинялось своимъ прежнимъ старостамъ, начальникамъ сотенъ (какъ у германцевъ) и племеннымъ вождямъ, выдѣлявшимся большими земельными надѣлами и стадами. Надъ этими вождями были поставлены намѣстники уже изъ числа инковъ: эти чиновники наблюдали за наборомъ рекрутъ, повѣряли барщину и повинности, направляли постройку мостовъ и дорогъ, творили судъ, въ которомъ часто примѣнялась смертная казнь. Въ недавно замиренныхъ областяхъ стояли крѣпости, выстроенныя барщиной самихъ побѣжденныхъ жителей: на отобранной у нихъ землѣ поселяли колонистовъ, переведенныхъ изъ другого края и служившихъ стражей.

Для быстраго сообщенія царскихъ приказовъ и передвиженія това-

Digitized by Google

ровъ въ царскіе склады и магазины были устроены казенныя дороги; но перевозки по нимъ не было; вдоль дорогъ только бѣгали скороходы и тянулись навьюченныя ламы. Господствующій классъ, инки, не работали; они кормились у царскаго стола и служили въ войскѣ и управленіи. Въ качествѣ военныхъ людей они получали особое воспитаніе и, достигнувъ извѣстнаго возраста, представлялись царю. Умѣнье вычислять календарь и другія астрономическія свѣдѣнія, затѣмъ знаніе обычаевъ и законовъ и медицина составляли науку, которую изучали въ особыхъ школахъ. Но письма не было; для памяти и справокъ употреблялись особые знаки въ видѣ шнурковъ со сложными узлами.

Завоеваніе Америки. Открытіе и захватъ новыхъ странъ были случайностью для испанцевъ. У нихъ дома не было ни избытка населенія, ни чрезмѣрно большого производства товаровъ, и они, собственно, не нуждались въ колоніяхъ. Ихъ движеніе за океанъ было продолженіемъ крестовыхъ походовъ, которые они вели противъ иновѣрцевъ и людей другой расы на своемъ собственномъ полуостровѣ. Люди, отправлявшіеся въ Америку, руководились фантастическими представленіями: искали земного рая, источника живой воды, дающей вѣчную молодость: во Флоридѣ испанцы погружались чуть не въ каждую рѣчку, чтобы испытать чудодѣйственную силу. Многихъ увлекала надежда на быструю наживу: Америка казалась золотымъ дномъ (эль-дорадо). Безпокойные, неспособные къ мирному труду, полуголодные дома, кастильскіе дворяне бросались въ заморскія предпріятія. Между ними были однако даровитые люди, энергіи которыхъ открывалось широкое поле рискованныхъ экспедицій и новыхъ открытій.

Испанцы-завоеватели (конквистадоры) очень быстро захватили большія населенныя страны Америки, хотя онѣ могли выставить десятки тысячъ воиновъ, а у европейцевъ, напротивъ, были ничтожныя силы. Кортесъ завоевалъ Мексику съ 400 солдатъ, Писарро началъ покореніе Перу съ отрядомъ въ 168 человѣкъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ предпріятіи испанское правительство не участвовало: Кортесъ, офицеръ на службѣ намѣстника о. Кубы, обманомъ увелъ отрядъ въ задуманное имъ на свой рискъ предпріятіе. Писарро, незаконнорожденный, лишенный всякаго образованія и даже безграмотный, составилъ съ двумя товарищами частную компанію, которая собрала сначала средства и наняла затѣмъ отрядъ искателей золота для проникновенія въ чудесную страну драгоцѣнностей. Оба они воспользовались раздорами въ средѣ господствующихъ воинственныхъ племенъ и оба начали съ того, что захватили въ плѣнъ главнаго вождя страны. Необычный видъ бѣлыхъ людей, появившихся среди краснокожихъ, ихъ быстрыя, какъ вѣтеръ, лошади, громъ и молнія незнакомаго американцамъ огнестрѣльнаго оружія со-

Digitized by Google

здавали страхъ и помогали испанцамъ: ацтеки приняли ихъ за воплощеніе своего бога, вернувшагося къ нимъ согласно пророчеству.

Но этого мало, чтобы объяснить быстрое паденіе американскихъ государствъ. Завоевателямъ помогли также недостатки въ устройствѣ американцевъ: низшіе классы и подчиненныя народности ненавидѣли воиновъ и господъ, которые жили на ихъ счетъ. Сложный порядокъ перуанскихъ инковъ, который могъ казаться такимъ прочнымъ, держался только потому, что не было толчковъ со стороны, не было соперниковъ. Рабочее населеніе было лишено всякой самостоятельности; оно было равнодушно къ судьбѣ неограниченной власти царя инковъ и многочисленнаго чиновничества, которое дѣйствовало во имя этой власти. Въ американскомъ строѣ не было ничего похожаго на Европу, гдѣ иной разъ противъ нашествія врага отчаянно защищалась какая-нибудь небольшая община, гдѣ рыцари, купцы, ремесленники были соединены въ самостоятельныя общества и гдѣ постоянная борьба разнообразныхъ интересовъ вызывала у отдѣльныхъ лицъ предпріимчивость и энергію. Европейскимъ завоевателямъ было достаточно разстроить въ американскомъ государствѣ военный классъ, чтобы уничтожить само государство, завладѣть его запасами и богатствами.

Въ свою очередь пріобрѣтеніе огромныхъ земель и подчиненіе массы людей было имъ облегчено тѣмъ, что раньше здѣсь уже была объединяющая власть, которая пріучила разбросанныя племена къ повиновенію, къ общимъ податямъ и работамъ: испанцы были въ Америкѣ не первыми покорителями, а наслѣдниками готовыхъ державъ; они во многомъ воспроизвели прежніе порядки.

Колоніальная политика испанцевъ. Ставши случайно обладателями колоній, испанцы не принесли съ собою въ Америку настоящей трудовой энергіи, которою такъ богаты были позднѣйшіе англійскіе колонизаторы; они перевели только на новую почву свои старые общественные порядки. Чванное и лѣнивое испанское дворянство переѣзжало въ колоніи со всѣми своими притязаніями и привычками. Треть населенія въ большомъ городѣ Лимѣ, столицѣ испанскаго Перу, состояла изъ дворянъ, между которыми было множество титулованныхъ. Въ ихъ рукахъ скоплялись огромныя имущества, земельныя угодья, равныя цѣлымъ княжествамъ и епископствамъ. Владѣнія часто были стѣснены майоратомъ, т.-е. правомъ первородства при наслѣдованіи, какъ въ Испаніи, не могли ни дробиться, ни продаваться, и потому часто земля пропадала совершенно непроизводительно. Сторонясь отъ распахиванія земли, европейцы и ихъ потомки жили на ренты и скоплялись въ городахъ. Въ колоніи направлялось также исполненное миссіонерскаго пыла и узкой нетерпимости испанское духовенство: оно получило здѣсь огромныя даренія, выстроило

Digitized by Google

монастыри, принялось за обращеніе краснокожихъ въ христіанство, взяло въ свои руки вновь основанные университеты; его преданность вѣрѣ проявилась такъ же, какъ на родинѣ, въ преслѣдованіи еретиковъ и несогласно мыслящихъ, въ стѣсненіи печати и устройствѣ инквизиціи.

Помимо всего этого, самостоятельность колонистовъ была еще уничтожена политикой правительства. Королевская власть и въ Америкѣ, какъ въ Испаніи, хотѣла все держать подъ своимъ надзоромъ. Ни одинъ испанецъ не могъ выѣхать въ Америку безъ особаго разрѣшенія, при чемъ еще каждый выѣзжавшій долженъ былъ показать, что никто изъ его предковъ не былъ подъ судомъ инквизиціи. Колонистовъ старались держать вдали отъ дѣлъ и поручали управленіе присылаемымъ изъ Европы чиновникамъ.

Правительство поддерживало въ новой странѣ раздробленность и разобщеніе народа; по своему оно охраняло туземныя племена Америки, „индѣйцевъ“, чтобы опираться на нихъ противъ колонистовъ въ случаѣ непокорства послѣднихъ. Колумбъ и слѣдовавшіе за нимъ завоеватели и колонизаторы хотѣли независимо и полновластно распоряжаться въ открытыхъ ими земляхъ и пріобрѣсти исключительное право на пользованіе ихъ богатствами; въ индѣйцахъ они видѣли низшій родъ людей, своихъ прирожденныхъ рабовъ. Въ самомъ началѣ Колумбъ прислалъ въ Севилью корабль съ плѣнными американцами, предназначенными для продажи на рынкѣ. Но испанское правительство рѣшительно воспретило обращеніе краснокожихъ въ рабство и торговлю ими. Опасаясь образованія въ Америкѣ новыхъ феодальныхъ владѣній съ крѣпостными, оно объявило землю въ Америкѣ собственностью короля, отмѣнило наслѣдственность громадныхъ участковъ, которые нарѣзали себѣ конквистадоры, и освободило закрѣпощенныхъ рабочихъ въ рудникахъ. Надѣлы (encomiendas) стали выдаваться пользователямъ на два, три поколѣнія; жившіе на нихъ туземцы были приписаны въ качествѣ рабочихъ подъ „покровительство“ владѣльцевъ; они считались прямыми подданными короны. Защищая цвѣтное населеніе отъ насилій колонистовъ, правительство считало нужнымъ держать индѣйцевъ подъ опекой, на правахъ несовершеннолѣтнихъ: имъ было воспрещено занимать деньги и заключать договоры, что лишало ихъ возможности заводить какой-либо самостоятельный промыселъ. Въ казенныхъ рудникахъ требовали на работу приписанныхъ къ нимъ сосѣднихъ туземцевъ; ихъ приводили каждый понедѣльникъ мѣстные вожди, кацики, и уводили въ субботу; королевскій чиновникъ распредѣлялъ ихъ по копямъ.

У духовенства были свои основанія охранять туземцевъ. Монахи-миссіонеры, особенно доминиканцы (болѣе другихъ Ласъ-Казасъ, современникъ Кортеса) отстаивали человѣческія права новообращенныхъ сы-

Digitized by Google

новъ церкви. Они указывали также на быстрое вымираніе туземцевъ отъ тяжелой работы въ рудникахъ и во вновь заведенныхъ плантаціяхъ сахара. Защита индѣйцевъ не повела однако къ устраненію рабства въ Америкѣ. Чтобы удовлетворить владѣтелей рудниковъ и плантацій, было позволено вывозить негровъ изъ Средней Африки. Они и составили скоро многочисленное рабское населеніе на Антильскихъ островахъ и на материкѣ Америки.

Первый колонизаторскій народъ въ Америкѣ не умѣлъ извлечь настоящей пользы изъ своихъ огромныхъ новыхъ владѣній. Правда, съ самаго начала уже изъ Америки привозили цвѣтное дерево, кожи, бакалею, но все это было очень незначительно. Колонисты бросались главнымъ образомъ на поиски драгоцѣнныхъ металловъ. На испанскихъ картахъ тѣ территоріи, гдѣ не предполагалось золота и серебра, помѣчались словами: „земли, не приносящія никакого дохода“. Всюду пытались промывать золото, но при несовершенныхъ способахъ того времени его добывали немного. Главная добыча получалась отъ вымѣниванія у туземцевъ металлическихъ вещей и отъ захвата сокровищъ и запасовъ въ завоеванныхъ американскихъ государствахъ. Писарро потребовалъ у плѣннаго царя инковъ, чтобы для его освобожденія доставили золото и наполнили большую комнату до черты, которую завоеватель провелъ рукой. Новыя сокровища, взятыя въ столицѣ инковъ Куско, были такъ велики, что обычная доля испанскаго короля въ видѣ одной пятой со всей американской добычи, сразу удвоилась. Когда запасы, награбленные у американцевъ, стали истощаться, европейцы открыли (въ 1545 г.) знаменитые серебряные рудники въ Потози (въ нынѣшней Боливіи).

Первое время серебро добывали первобытнымъ способомъ, расплавляя его въ 6000 печей, которыя были поставлены на вершинахъ и склонахъ и ночью превращали горы въ фантастическое пожарище, при чемъ промышленники молились, какъ на морѣ, о благопріятномъ вѣтрѣ, чтобы поддержать огонь.

Отъ американской добычи и особенно отъ разработки серебра быстро увеличился притокъ драгоцѣнныхъ металловъ, направлявшихся въ Европу. Но колоніи не могли окупить сами своего производства. У нихъ не было своей индустріи. Онѣ получали изъ Европы не только продукты промышленности, орудія, матеріи, но даже предметы питанія. Согласно обычной своей политикѣ, чтобы не упустить выгодъ, испанское правительство взяло въ свои руки надзоръ за всей торговлей въ Новомъ Свѣтѣ. Для этого въ Испаніи образована была Торговая камера: вся корреспонденція изъ колоній поступала сначала въ руки ея чиновниковъ. Весь вывозъ товаровъ въ Новый Свѣтъ и весь привозъ оттуда долженъ былъ направляться черезъ городъ Севилью, единственный портъ Ка-

Digitized by Google

стиліи, государства, которому принадлежали колоніи; здѣсь взималась пошлина.

Торговое движеніе по океану вовсе не было непрерывнымъ. Оно совершалось въ опредѣленные сроки и только большими соединеніями кораблей. Это дѣлалось для защиты торговли отъ разбойничества на морѣ и для вѣрности казеннаго сбора. Ежегодно въ Севилью собиралось около 20—30 торговыхъ судовъ (это и называлось „флотомъ"); они были снабжены орудіями, и экипажъ былъ вооруженъ, но помимо того флотъ сопровождали особыя военныя суда, галеоны, сильно вооруженныя и съ небольшимъ грузомъ; они должны были потомъ везти назадъ золото и серебро. Два адмиральскихъ корабля, одинъ во главѣ, другой позади флота, держали въ порядкѣ весь караванъ; легкія суда, авизо, спѣшили впередъ для развѣдокъ. Въ Санъ-Доминго на о. Гаити корабли подвергались контролю, и распредѣлялись на два каравана: одна часть предназначалась для Новой Испаніи, т.-е. Мексики, и ѣхала къ гавани Вера Крусъ; другая служила для Центральной и Южной Америки и направлялась къ Портобелло на Панамскомъ перешейкѣ. Около этой гавани, расположенной въ нездоровой мѣстности, пустынной въ остальное время года, закипала на 40 дней жизнь необычайно оживленная: открывалась ярмарка для обмѣна товаровъ въ большей части Новаго Свѣта. Къ сроку прибытія европейскаго флота привозили моремъ вдоль западныхъ береговъ Южной Америки товары изъ Перу и Чили въ Панаму на берегу Тихаго океана, отсюда на мулахъ ихъ перевозили черезъ перешеекъ. Губернаторъ Панамы, въ качествѣ представителя интересовъ перуанскихъ купцовъ, и начальникъ европейской эскадры, отъ имени испанскихъ купцовъ, встрѣчались на адмиральскомъ кораблѣ и устанавливали взаимно цѣны товаровъ. Колоніи не имѣли права торговать съ Европой иначе, какъ черезъ посредство ея флота; отгороженныя другъ отъ друга торговыми заставами, онѣ не могли даже обмѣниваться между собою европейскими продуктами. Всѣ закупки для колоній надо было сдѣлать въ короткій сезонъ ярмарки; во временномъ городѣ, состоявшемъ изъ палатокъ и бараковъ, устраивались крупнѣйшія сдѣлки, играла бѣшеная спекуляція; пестрый людъ, собиравшійся здѣсь, отдавался мотовству и кутежамъ. Каждые три года у береговъ средней Америки составлялся „серебряный флотъ" изъ галеоновъ, который везъ обратно въ Европу грузъ драгоцѣнныхъ металловъ. Въ сношеніяхъ Америки съ Европой это путешествіе и было самымъ важнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ опаснымъ. Враги Испаніи впослѣдствіи, особенно англичане и голландцы, выслѣживали серебряный флотъ, старались захватить грузъ и нерѣдко успѣвали въ этомъ, по крайней мѣрѣ частью.

Digitized by Google

Колоніальная политика португальцевъ. У португальцевъ были другія цѣли торговли, но пріемы ихъ во многомъ похожи на систему испанцевъ. Португальцы стали заселять колонистами только одну область, Бразилію въ Южной Америкѣ; но притокъ переселенцевъ направлялся сюда очень медленно. Главной ихъ задачей было пріобрѣтеніе восточныхъ рынковъ пряностей и цѣнныхъ товаровъ (слоновой кости, шелку, золотого песку, жемчуга, фарфора). Путь къ этимъ рынкамъ, т.-е. къ гаванямъ Индостана, Индокитая, и къ Молуккскимъ островамъ, они старались обезпечить себѣ на всемъ протяженіи: вдоль западнаго и большей частью восточнаго берега Африки расположились ихъ станціи, въ видѣ небольшихъ приморскихъ крѣпостей, которыя давали отдыхъ приставшимъ мореплавателямъ и снабжали ихъ нужными припасами. Всѣ усилія португальцевъ были направлены на то, чтобы выключить съ восточныхъ рынковъ всѣхъ соперниковъ и пользоваться безусловной монополіей. Первые изслѣдователи, вожди и намѣстники португальскихъ владѣній въ Азіи, Васко да Гама, Альбукеркъ и др., были храбрыми и предпріимчивыми солдатами; тѣмъ же воинственнымъ натискомъ дѣйствовала Португалія и впослѣдствіи: въ Индіи всюду поднимались ея крѣпости, стояли ея гарнизоны, происходили битвы и осады.

Сама торговля была похожа на военныя экспедиціи, правильно повторявшіяся и руководимыя правительствомъ: частныя лица только съ его разрѣшенія могли принимать участіе въ обмѣнѣ, притомъ извѣстные товары оставались въ исключительномъ распоряженіи короны; Индійская камера (Casa da India) въ Лисабонѣ вѣдала всѣ торговыя сношенія съ Востокомъ. Путешествія были долги и трудны; проѣздъ изъ Лисабона въ Гоа, главное владѣніе португальцевъ въ Индостанѣ, длился 18 мѣсяцевъ. Драгоцѣнные товары грузились на тяжелые военные корабли, карраки, снабженные десятками пушекъ и везшія сотни моряковъ и солдатъ. Они наводили страхъ на персовъ, индусовъ и арабовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ грузы вызывали зависть европейцевъ другихъ странъ, жаждавшихъ перехватить у португальцевъ торговые пути и отбивавшихъ иногда военныя громады недалеко отъ самой Португаліи. Перевозъ крупными партіями при рѣдкихъ отправкахъ создавалъ на рынкахъ лихорадочное напряженіе на короткій срокъ, какъ въ испанскомъ Портобелло; за нимъ слѣдовала полная остановка дѣлъ и запустѣніе. Выгоды отъ такой прерывающейся торговли были не велики; португальцы добивались большой, иногда чрезмѣрной и грабительской прибыли на рѣдкихъ и немногочисленныхъ предметахъ, пренебрегая умѣреннымъ, но вѣрнымъ барышомъ на дешевыхъ, массовыхъ товарахъ. Притомъ они лишь довозили грузы до своего Лисабона и вовсе не заботились о распространеніи привезенныхъ товаровъ въ остальныхъ странахъ Европы.

Digitized by Google

Условія европейской торговли въ XVI вѣкѣ. Сосредоточенный, замкнутый обмѣнъ Испаніи съ Америкой посредствомъ флотовъ и галеоновъ и *монопольная* (исключительная) торговля Португаліи съ Востокомъ сдѣлали обѣ страны богатѣйшими въ Европѣ по ввозу. Но обѣ были бѣдны своею внутренней жизнью, не имѣли развитой промышленности, значительнаго ремесленнаго и рабочаго класса и крупныхъ капиталистовъ. Благодаря энергіи своихъ конквистадоровъ и моряковъ Пиренейскія государства только забирали массами большую заморскую добычу, но не могли ни распродать ее по Европѣ, ни превратить свои запасы золота, серебра, пряностей и предметовъ роскоши въ широкія торговыя и фабричныя предпріятія. Если бы на помощь имъ не являлись посредники изъ другихъ странъ Европы, эти запасы должны были бы оставаться въ Испаніи и Португаліи мертвымъ капиталомъ. Такими посредниками въ XVI в. выступили купцы, державшіе въ своихъ рукахъ обмѣнъ на старой Европейской торговой дорогѣ, которая шла изъ Италіи черезъ Альпы къ берегамъ Нѣмецкаго моря. Когда турки заперли сношенія съ Левантомъ, торговля, процвѣтавшая на этомъ среднеевропейскомъ пути со времени крестовыхъ походовъ, стала падать; Венеція, Генуя, Миланъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ начали терять то значеніе, которое они имѣли въ XVI—XV вв. Но у старыхъ торговыхъ домовъ южной Германіи и сѣверной Италіи частью оставался свободный капиталъ, а главное, были опытъ и сноровка, которые позволяли имъ приспособиться къ новымъ условіямъ.

Большія торговыя фирмы южно-нѣмецкаго Аугсбурга, дома Фуггеровъ и Вельзеровъ, принимали самое дѣятельное участіе въ новой океанической торговлѣ. Они снабжали отходившія въ Индію торговыя эскадры европейскимъ фабричнымъ товаромъ, снаряжали флотиліи на свой счетъ, становясь во главѣ компаній на паяхъ. Они закупали у португальцевъ индійскій перецъ, когда еще онъ былъ въ морѣ, давали королю Португаліи большіе задатки и только этимъ непрерывнымъ отпускомъ денежныхъ средствъ дѣлали возможными дальнѣйшія поѣздки на Востокъ. Наконецъ, они вывозили сами американскіе и индійскіе товары изъ Испаніи и Португаліи въ другія страны Европы. Когда въ разработкѣ потозійскаго серебра стали примѣнять усовершенствованный способъ при помощи ртути, Фуггеры взяли у испанскаго короля въ аренду ртутные рудники Альмадена въ Андалузіи: вся добыча ртути переходила затѣмъ къ казнѣ и отправлялась на галеонахъ въ Америку.

Испанія и Португалія стали въ зависимость отъ финансовыхъ силъ Германіи и Италіи: чужіе купцы опредѣляли въ Европѣ цѣну перца, главный продуктъ, вывозимый португальцами изъ Индіи. Сложныя операціи старо-европейскихъ капиталистовъ сосредоточились въ новомъ

Digitized by Google

центрѣ международной торговли, соединившей теперь товары Новаго Свѣта съ продуктами европейскихъ странъ. Этимъ центромъ сталъ фламандскій городъ Антверпенъ на Шельдѣ, недалеко отъ устья Рейна, близъ канала, отдѣляющаго Англію отъ материка.

Антверпенская биржа. Грузы перца и другихъ колоніальныхъ товаровъ, едва коснувшись Лисабона, направлялись моремъ вдоль западныхъ береговъ Европы въ Антверпенъ; сюда подвозились также англійское сукно, мѣдь и нѣмецкій бархатъ; на большихъ антверпенскихъ ярмаркахъ опредѣлялись цѣны на всѣ эти предметы, закупавшіеся для разныхъ странъ Европы. Отличіе Антверпена отъ прежнихъ торговыхъ мѣстъ состояло въ томъ, что здѣсь не было склада товаровъ съ преимуществомъ покупки для какой-либо націи или какого-нибудь союза купцовъ. Въ Антверпенѣ впервые возникъ международный узелъ, гдѣ торговцы разныхъ странъ, совершенно равноправные, непосредственно сносились другъ съ другомъ. Крупныя фирмы Германіи, Италіи, Англіи и Франціи стали держать своихъ агентовъ въ Антверпенѣ, завели въ немъ „факторіи“, т.-е. конторы. Агенты вставали въ 4 часа утра, внимательно наблюдали за колебаніями рынка, собирали свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ разныхъ странахъ, узнавали политическія извѣстія, всегда очень важныя для торговыхъ соображеній, и составляли изъ всего этого въ видѣ отчета хозяевамъ подробныя корреспонденціи; это было начало европейскихъ газетъ.

Въ серединѣ XVI вѣка, по словамъ англичанъ, „Антверпенъ поглотилъ торговлю другихъ городовъ“. Въ теченіе мѣсяца въ немъ совершалось больше дѣлъ, чѣмъ въ прежнее время въ Венеціи за два года. Его коммерческій оборотъ, не считая вексельныхъ дѣлъ, исчислялся за годъ въ $1^1/_2$ милліарда флориновъ. Торговля Антверпена не была похожа на обмѣнъ старыхъ европейскихъ рынковъ. Товары по большей части не привозились на мѣсто и не выставлялись для осмотра; вмѣсто нихъ присылались образцы, по которымъ заказывали покупку. Торгъ происходилъ непрерывно, и хотя попрежнему считали четыре ярмарки въ году, но онѣ обратились въ сроки для платежей. Городской совѣтъ Антверпена, имѣя въ виду облегчить устройство сдѣлокъ, ознакомленіе купцовъ съ образцами, переговоры между заказчиками и доставителями, выстроилъ близъ порта большое красивое зданіе „биржи“ (bourse, названіе, повидимому, происходитъ отъ имени одного фламандскаго богача). Надпись на домѣ гласила: „на пользу купцовъ всѣхъ націй и языковъ“. „Въ антверпенской биржѣ слышался,—какъ пишетъ одинъ наблюдатель,—смутный говоръ всѣхъ нарѣчій, видѣлась пестрая смѣсь всевозможныхъ костюмовъ,—словомъ, антверпенская биржа казалась малымъ міромъ, въ которомъ соединялись всѣ части большого“.

Digitized by Google

Къ срокамъ уплатъ по счетамъ и векселямъ въ Антверпенѣ скоплялась большая масса денегъ. Многіе капиталисты вмѣсто того, чтобы вести хлопотливую закупку и перевозъ товаровъ, обращались къ чисто денежнымъ операціямъ: давали взаймы торговцамъ, покупали и продавали доли въ предпріятіяхъ, пользуясь повышеніемъ цѣнъ на предметы. Большой ходъ получила различнаго рода *спекуляція*, т.-е. расчеты на счастливыя случайности въ торговыхъ оборотахъ, которые зависѣли во многомъ отъ взаимныхъ отношеній народовъ и государствъ. Раньше случалось нерѣдко, что денежные люди держали пари на избраніе того или другого лица въ санъ папы, на рожденіе у государя мальчика или дѣвочки, на жизнь или смерть человѣка (это начало нашего страхованія жизни). Теперь въ Антверпенѣ въ несравненно болѣе широкихъ размѣрахъ играли на случай подвоза цѣнныхъ товаровъ изъ Индіи или Новаго свѣта, на выручку металла въ европейскихъ рудникахъ, а главное—на перемѣны въ положеніи европейскихъ королей, странъ и народовъ, такъ какъ отъ этихъ перемѣнъ зависѣла судьба коммерческихъ предпріятій. Для капиталистовъ всей Европы было очень важно, перейдетъ ли сѣверная Италія съ ея торговыми путями въ руки французскаго или испанскаго короля, или, напримѣръ, вопросъ о томъ, кого выберутъ въ санъ императора Германіи. Поэтому главныя спекуляціи и основывались на выдачѣ правительствамъ европейскихъ государствъ, завоевателямъ и кандидатамъ на короны займовъ со стороны купцовъ и банкировъ въ расчетѣ на прибыль при удачѣ политическаго предпріятія.

Но подъ руководство капитала поступали и благочестивыя учрежденія. Въ 1515 г. въ Германіи архіепископъ Майнцскій сдѣлалъ большой заемъ у аугсбургской фирмы Фуггеровъ, чтобы заплатить папѣ за свое утвержденіе въ санѣ. Папа самъ нуждался въ деньгахъ для построенія храма св. Петра въ Римѣ и устроилъ продажу индульгенцій въ Германіи, поручивъ ее архіепископу Майнцскому; половина дохода съ предпріятія должна была идти въ Римъ, половина отходила архіепископу въ уплату его долга; агенты Фуггера ѣздили вмѣстѣ съ проповѣдниками, возвѣщавшими прощеніе грѣховъ, провѣряли полученія и забирали ихъ въ уплату векселей.

Итальянскія войны. Въ эпоху, когда океаническія путешествія испанцевъ и португальцевъ только что начинались, главная борьба интересовъ въ Европѣ сосредоточивалась на Италіи, странѣ богатой культуры, накопленной за четыре вѣка сношеній съ Востокомъ и промышленнаго развитія городовъ.

Со времени паденія Штауфеновъ въ концѣ XIII в. Италія не знала иноземныхъ нашествій и видѣла у себя только мелкія столкновенія сосѣднихъ республикъ и княжествъ. Но къ концу XV в., именно когда

Digitized by Google

начали запираться выходы итальянской торговли на востокѣ, Италіи стала грозить опасность со стороны ея западныхъ европейскихъ сосѣдей, между которыми успѣли сложиться крупныя завоевательныя государства. Въ 1494 г. сынъ объединителя Франціи, Людовика XI, Карлъ VIII, перешелъ Альпы съ крупнымъ для того времени войскомъ, въ которомъ видное мѣсто занимали швейцарскіе наемники. Французскій король захватилъ, не встрѣчая затрудненій, сѣверную и среднюю Италію, вступилъ послѣдовательно въ Туринъ, Миланъ, Флоренцію, Римъ и, наконецъ, легко завоевалъ Неаполь; онъ строилъ дальше планы отвоеванія Іерусалима у невѣрныхъ и изгнанія турокъ изъ Европы. Помимо фантастической романтики, къ которой король былъ склоненъ, здѣсь участвовалъ и расчетъ, именно овладѣть Средиземнымъ моремъ и пробиться къ загороженнымъ путямъ восточной торговли; это были своего рода поиски „Индіи“, сходные съ предпріятіями испанцевъ и португальцевъ. Успѣхи французовъ грозили также папскому престолу, который занималъ въ это время папа-тиранъ Александръ VI: король возобновилъ требованія французскаго духовенства о созывѣ собора и реформѣ церкви. Въ самой Италіи поднималось опасное движеніе противъ папы во имя строгаго и чистаго христіанства.

Во Флоренціи появленіе французовъ вызвало народное возстаніе противъ тиранніи Медичи, и они были вынуждены бѣжать: на первое мѣсто въ возстановленной республикѣ выдвинулся суровый монахъ и пламенный проповѣдникъ, доминиканецъ Савонарола, въ которомъ народъ видѣлъ пророка. Савонарола гремѣлъ противъ флорентійской роскоши и свѣтскаго искусства и увлекъ гражданъ къ великому покаянію: многіе принесли изъ домовъ своихъ художественныя вещи, украшенія, вольныя книги и сожгли все это на большомъ кострѣ передъ Синьоріей. Савонарола называлъ Христа главой республики. Онъ поднялъ также голосъ въ защиту бѣдныхъ, „обираемыхъ богачами“, потребовалъ у Большого Совѣта республики введенія прогрессивнаго налога (т.-е. возвышающагося соотвѣтственно богатству(, прощенія долговъ несостоятельнымъ гражданамъ, изгнанія еврейскихъ банкировъ и устройства закладного дома, гдѣ бы давали бѣднымъ ссуду за ничтожный процентъ. Въ то же время Савонарола безпощадно обличалъ развращенный римскій дворъ. Онъ клялся, что папа „не христіанинъ и не вѣритъ въ Бога“.

Но завоеванія французовъ также быстро были потеряны. Угрожаемый въ своихъ сообщеніяхъ съ сѣверомъ, Карлъ VIII долженъ былъ уйти изъ Неаполя. Папа воспользовался поворотомъ настроенія во Флоренціи и враждой францисканцевъ противъ ордена, къ которому принадлежалъ Савонарола; монаха внезапно схватили, и папскій легатъ присудилъ его къ сожженію на кострѣ.

Digitized by Google

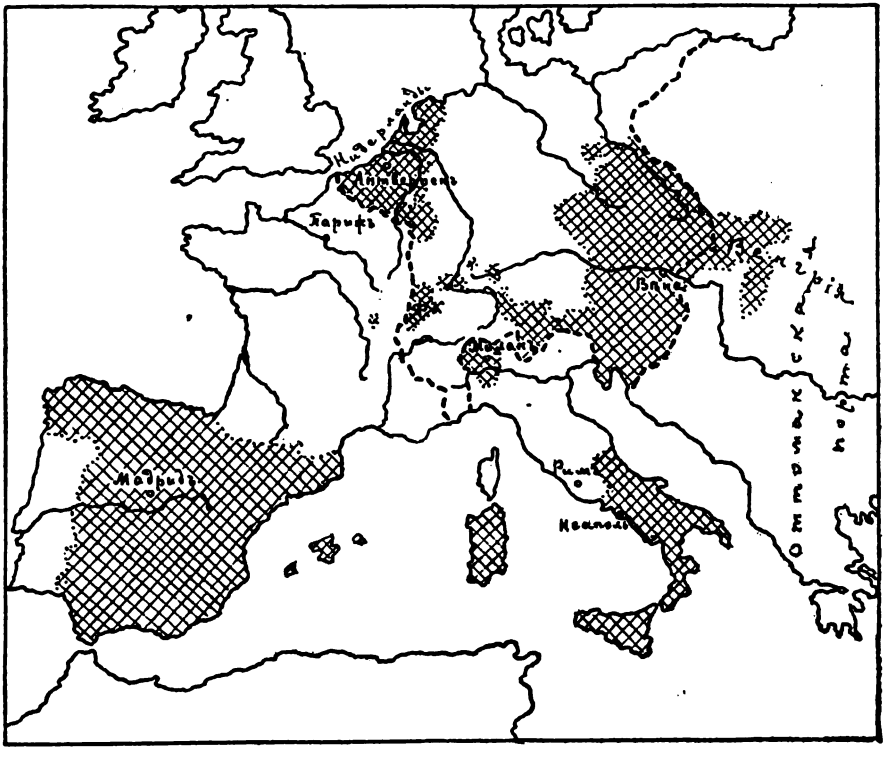
Французскіе короли еще нѣсколько разъ возвращались въ Италію. Но у нихъ оказались соперники въ лицѣ германскаго императора Максимиліана Габсбурга, владѣвшаго восточно-альпійскими проходами къ Италіи, и арагонскаго короля, Фердинанда Католическаго, который также энергично преслѣдовалъ цѣль завоеванія Средиземнаго моря. Максимиліанъ, человѣкъ разнообразныхъ талантовъ, большой знатокъ военной техники, сумѣлъ составить и обучить въ Германіи наемные отряды ланцкнехтовъ (т.-е. пѣшихъ копейщиковъ) по образцу швейцарцевъ. Но, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, не получая поддержки отъ германскаго рейхстага онъ былъ въ своихъ предпріятіяхъ болѣе похожъ на кондотьера, чѣмъ на крупнаго государя. Онъ бросался то на завоеваніе Милана, то на римскій походъ для коронованія въ вѣчномъ городѣ, то мечталъ о своемъ избраніи въ папы, а кончалъ тѣмъ, что бралъ субсидіи направо и налѣво, въ видѣ приданаго за второй женой, въ видѣ отступного за уходъ изъ Италіи и нарушеніе обѣщаннаго союза и т. п. Его походы прерывались внезапно, когда нечѣмъ было платить ланцкнехтамъ, и Максимиліанъ ничего не успѣлъ добиться на южномъ полуостровѣ. Напротивъ, Фердинандъ и испанцы изгнали французовъ изъ южной Италіи и пріобрѣли неаполитанское королевство (въ началѣ XVI в.).

Французскіе короли сосредоточили теперь свои усилія на ближней къ нимъ, сѣверной части Италіи. Въ 1515 г. молодой Францискъ (Франсуа I) сломилъ при Мариньяно сопротивленіе непобѣдимыхъ до того времени швейцарцевъ, которыхъ на этотъ разъ нанялъ миланскій тиранъ, взялъ Миланъ и всю западную часть долины рѣки По. Швейцарцы ушли съ поля борьбы за Италію съ выгодой для себя: они удержали главную долину по южному склону Альпъ за С.-Готардомъ (р. Тичино) и заключили съ побѣдителемъ „вѣчный миръ“, по которому онъ обязался платить кантонамъ ежегодно 700.000 золотыхъ за право набирать въ странѣ наемниковъ на французскую службу.

Избраніе императора въ 1520 г. Между тѣмъ умеръ опасный врагъ Франціи, Фердинандъ Католическій, и его мѣсто занялъ его внукъ по матери, Карлъ Габсбургъ, получившій отъ другого своего дѣда Максимиліана, „бургундское наслѣдство“, т.-е. Нидерланды, а послѣ смерти Максимиліана австрійскія земли въ юго-восточной Германіи. Владѣнія Карла были необычайно велики; въ нихъ „никогда не заходило солнце“. Особенно важно было то, что они соединяли въ себѣ военную силу Испаніи и завоеванныя ею богатства Новаго Свѣта вмѣстѣ съ главнымъ торговымъ и денежнымъ центромъ Европы, Антверпеномъ. Карлъ, котораго трудно отнести къ какой-либо національности, выросъ въ Нидерландахъ, странѣ въ то время первой по индустріи и капиталу, служив-

Digitized by Google

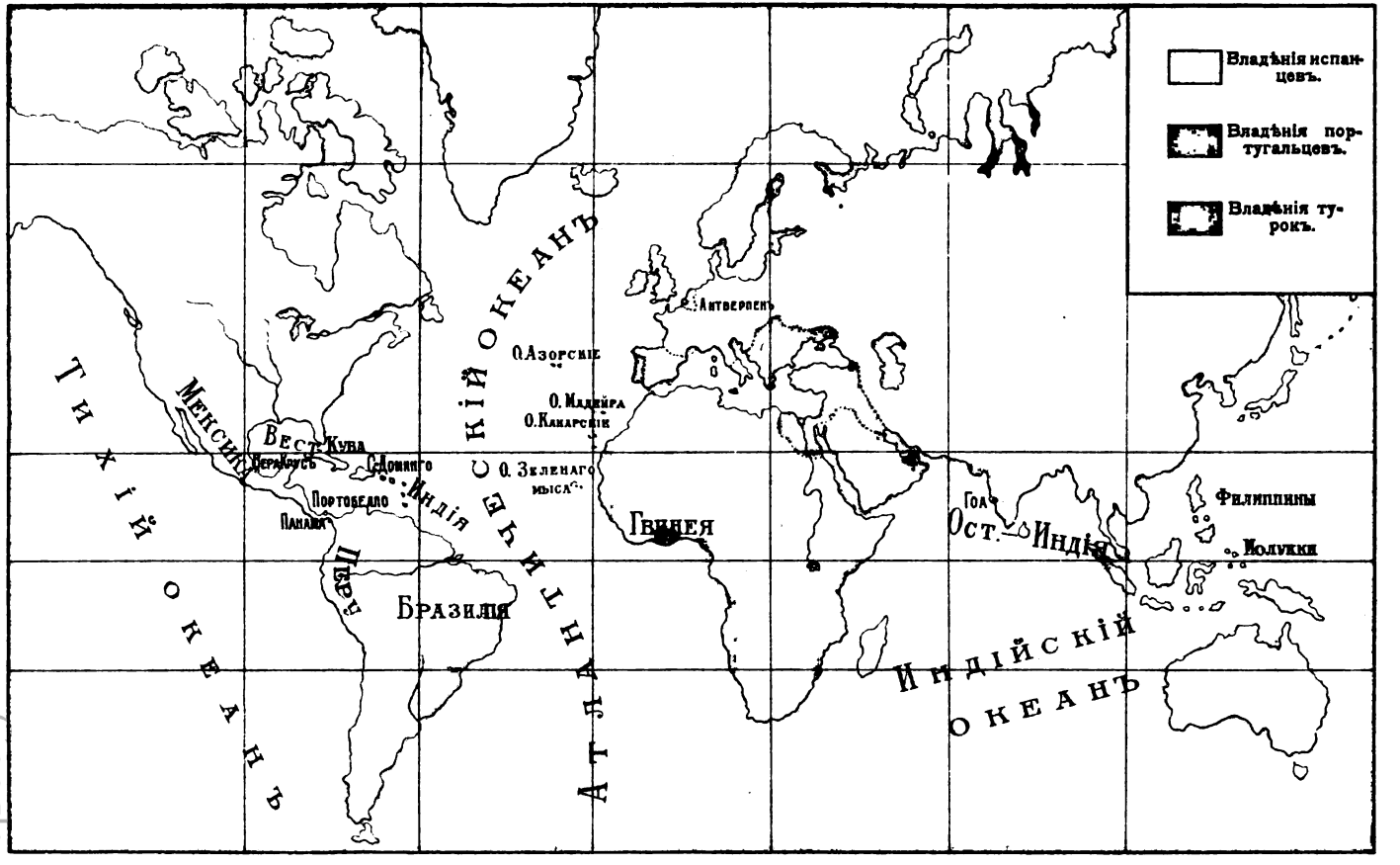
шей посредникомъ между Испаніей и остальной Европой, и въ своей обширной монархіи цѣнилъ ее болѣе всего. Карлъ и Францискъ вездѣ были соперниками: въ Италіи, гдѣ одному принадлежалъ югъ, другому сѣверъ, въ Средиземномъ морѣ, у канала и у Сѣвернаго моря, гдѣ Нидерланды съ ихъ морскими выходами и богатой промышленностью и составляли именно спорную область. У Карла было больше рессурсовъ, но онъ былъ затрудненъ разобщенностью своихъ владѣній.



Габсбургскія владѣнія Карла V. - - - - Граница Германской имперіи. ФК. Франш-Конте.

Въ 1519 г. со смертью Максимиліана открылся вопросъ о выборѣ императора въ Германіи; оба противника выступили кандидатами. Выборы обратились теперь въ огромный аукціонъ, при чемъ претенденты, Францискъ и Карлъ, старались перебить другъ друга подарками, которые подносились избирателямъ (курфюрстамъ) и тѣмъ, кто могъ имѣть на нихъ вліяніе. Избиратели склонились на сторону болѣе богатаго Карла (въ качествѣ императора Германіи, отъ 1520—1555 года онъ

Digitized by Google



Испанскія и португальскія колоніи въ XVI вѣкѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

сталъ называться Карломъ V). Средства для подкупа курфюрстовъ, 850.000 флориновъ, Карлъ получилъ отъ капиталистовъ южно-нѣмецкихъ городовъ, а также Генуи и Флоренціи. Больше половины далъ аугсбургскій купецъ и банкиръ, Яковъ Фуггеръ, который уже ссужалъ Максимиліана и въ видѣ залога получилъ всѣ альпійскіе рудники, принадлежавшіе Габсбургамъ. Банкиръ хорошо понималъ, въ какой мѣрѣ обязанъ ему новый императоръ. Вскорѣ въ Германіи подняли жалобы на крупныхъ торговцевъ и денежныхъ людей, разоряющихъ народъ, и на рейхстагѣ было рѣшено принять противъ нихъ стѣснительныя мѣры; Фуггеръ протестовалъ передъ лицомъ императора и писалъ ему угрожающе: „извѣстно, что Ваше Величество не могли бы безъ моей помощи добиться короны, что я могу доказать подписями вашихъ довѣренныхъ".

Политика Карла V. Между Карломъ и Франциской начались войны, которыя тянулись четверть вѣка и возобновлялись четыре раза. Вмѣстѣ съ императорской короной Карлъ получилъ въ свои руки линіи сообщенія между Нидерландами и Альпами и готовился выбить французовъ съ итальянской половины великаго средне-европейскаго пути. Болѣзненный, сосредоточенный въ себѣ, вначалѣ казавшійся человѣкомъ незначительнымъ, Карлъ V проявилъ потомъ напряженную дѣятельность, переѣзжая постоянно изъ одной части своихъ владѣній въ другую, вырабатывая сложные политическіе планы и руководя по большей части самъ военными экспедиціями. Интересы націй не принимались во вниманіе въ его политикѣ: нидерландцы составляли его администрацію въ Испаніи, а нѣмецкіе наемники отправлялись въ итальянскіе походы. Но Карлъ долженъ былъ приспособляться къ установившимся политическимъ обычаямъ въ разныхъ странахъ. Управляя неограниченно въ Неаполѣ, онъ былъ связанъ собраніями сословныхъ представителей въ Кастиліи, Арагонѣ, Сициліи, Нидерландахъ, Германіи. Въ Нидерландахъ каждая область имѣла особыя привилегіи, а въ Германіи императоръ, въ силу условій своего избранія, могъ созывать рейхстагъ, издавать законы, заключать договоры съ другими державами лишь съ согласія совѣта курфюрстовъ; онъ не имѣлъ права вводить въ Германію иноземныя войска. Чтобы добиться въ Германіи какого-либо общаго рѣшенія, приходилось входить въ цѣлый рядъ частныхъ соглашеній съ князьями. Эти пестрыя условія вносили въ судьбу монархіи Карла V, любившаго сравнивать себя съ Карломъ Великимъ, рѣзкія колебанія и неожиданныя перемѣны.

Въ 1525 г. Карлъ имѣлъ полный успѣхъ: при Павіи его сборное войско изъ испанцевъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ разбило Франциска; король французскій былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ столицу Кастиліи, Мадридъ. Въ видѣ выкупа за свое освобожденіе онъ долженъ былъ отказаться отъ итальянскихъ завоеваній своихъ и отъ

Digitized by Google

всякихъ притязаній на Италію. Но, едва выскользнувъ изъ плѣна, Францискъ возобновилъ войну: на его сторону перешелъ папа, образовалась лига (союзъ) для изгнанія испанцевъ изъ Италіи. Карлъ V, лично вѣрный церкви, позволилъ своему войску, состоявшему изъ нѣмецкихъ ланцкнехтовъ, большею частью еретиковъ, броситься на Римъ, и городъ, полный художественныхъ богатствъ, античныхъ и современныхъ, отчасти вновь перестроенный папами-покровителями искусствъ, былъ жестоко разграбленъ (1527). За Карломъ осталась сѣверная Италія съ Миланомъ и крѣпости въ области, принадлежавшей Флоренціи: республика, во второй разъ возстановленная въ этомъ городѣ, была опять опрокинута; снова и окончательно вернулись Медичи, теперь уже въ качествѣ герцоговъ, покровительствуемыхъ императоромъ. Въ Италіи всюду, кромѣ Венеціи и Генуи, съ ихъ замкнутыми аристократіями, наступилъ конецъ республиканскому строю.

Гораздо болѣе опасный врагъ въ союзѣ съ Франціей появился у Карла на востокѣ: османскіе турки возобновили, при султанѣ Солиманѣ, свои завоеванія въ Европѣ, остановившіяся съ половины XV в.: они захватили Венгрію и подступили къ Вѣнѣ, гдѣ ихъ отбили войска императора. Еще сидя въ мадридскомъ заключеніи, Францискъ завязалъ сношенія съ турецкимъ султаномъ. Позднѣе, онъ вступилъ съ главою ислама въ договоръ противъ священной имперіи, что произвело сильное впечатлѣніе среди христіанской Европы; французскій король пустилъ даже мусульманскихъ пиратовъ изъ сѣверной Африки зимовать въ свою гавань, Тулонъ, по сосѣдству съ императорской Ниццой, которую бомбардировалъ турецкій флотъ. Для того, чтобы оборонить отъ нападеній морскихъ разбойниковъ Италію и Испанію, Карлъ предпринялъ противъ нихъ два похода въ Тунисъ и Алжиръ. Наконецъ въ самой имперіи противъ него соединялись протестантскіе (т.-е. отпавшіе отъ католической церкви) князья, которыхъ поддерживалъ опять-таки французскій король.

Ни одно государство западной Европы не осталось въ сторонѣ отъ этихъ столкновеній. Англійскій король присоединялся то къ одному, то къ другому изъ соперниковъ. Въ большихъ войнахъ между крупными европейскими государями всѣмъ остальнымъ приходилось не только наблюдать свой ближайшій интересъ, но также выбирать между воюющими, чтобы не дать одной сторонѣ чрезмѣрно усилиться и стать опасной для другихъ. Соображенія подобнаго рода стали впослѣдствіи называть системой *политическаго равновѣсія*. Въ числѣ державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ общеевропейской политикѣ, была Венеція, которая всюду имѣла торговыя и денежныя связи и старалась сохранить свое старинное значеніе среди измѣнившихся обстоятельствъ. Венеціанскіе послы, находившіеся при всѣхъ европейскихъ дворахъ, присматривались внима-

Digitized by Google

тельно къ планамъ правительствъ, характерамъ королей и настроеніямъ общественныхъ слоевъ и писали своей Синьоріи обстоятельные отчеты.

Макіавелли. Политика стала своего рода наукой въ XVI в. Обращались за поученіями къ античнымъ писателямъ и древней исторіи, сопоставляли сходные факты и старались вывести изъ нихъ общія заключенія, принципы и правила политическаго искусства. Этими мыслями проникнуты сочиненія флорентійца Макіавелли (1469—1527). Когда послѣ изгнанія Медичи, во время похода Карла VIII, во Флоренціи установилась республика, Макіавелли занималъ видное мѣсто въ ея дипломатіи, но въ 1512 г. снова вернулись Медичи, и съ ними опять водворилась тиранія; Макіавелли вмѣстѣ съ другими республиканцами былъ удаленъ отъ дѣлъ, едва избавился отъ тюрьмы и дошелъ до бѣдственнаго положенія. У него остался невольный досугъ, который онъ отдавалъ политическимъ мечтамъ и разсужденіямъ: со своимъ честолюбіемъ и увлеченіемъ политикой онъ долженъ былъ зарыться въ литературную работу, но въ родномъ городѣ мало обращали вниманія на его совѣты. Макіавелли съ необыкновенной отчетливостью и горячностью указывалъ на причины слабости мелкихъ итальянскихъ государствъ и порабощенія прекрасной страны хищными иноземцами. Въ свое время древніе римляне были сильны гражданскими ополченіями, у нихъ не было наемниковъ: по мнѣнію Макіавелли, тотъ, кто въ Италіи первый устроитъ народное войско, будетъ господиномъ страны. Въ виду раздробленія Италіи, мелкой борьбы партій въ республикахъ, вѣчныхъ заговоровъ и переворотовъ съ истребленіемъ противника, истерзавшихъ страну, Макіавелли готовъ отказаться отъ республиканскихъ идей и присовѣтовать итальянцамъ единаго правителя, тѣмъ болѣе, что этотъ порядокъ, какъ ему кажется, далъ Франціи и Испаніи, странамъ хотя и менѣе развитымъ, перевѣсъ надъ культурной, богатой, но обезсиленной его родиной. Въ своей книгѣ о „Государѣ“ онъ хочетъ собрать рядъ совѣтовъ для будущаго объединителя и избавителя Италіи. „Италія болѣе порабощена, чѣмъ были евреи въ Египтѣ, она лишена главы и порядка; разбита, ограблена; растерзана, разорена; она почти бездыханна. Она ждетъ того, кто излѣчитъ ее отъ ударовъ, исцѣлитъ отъ застарѣлыхъ язвъ, спасетъ отъ жестокихъ варваровъ“.

Но Макіавелли не вѣритъ въ нравственныя качества своихъ соотечественниковъ, въ ихъ честность, гражданскую вѣрность, безкорыстіе. „Люди неблагодарны, легкомысленны, лицемѣрны, боятся опасности и жадны до выгоды; если ты будешь дѣлать имъ добро, они отдадутъ тебѣ жизнь, кровь, собственность и дѣтей своихъ, но лишь пока ты силенъ; какъ только ты будешь въ опасности, они возмутятся противъ тебя“. Поэтому онъ предлагаетъ правителю не разбирать средствъ для укрѣпленія своей власти; пускай все управленіе будетъ построено на

Digitized by Google

искусномъ обманѣ, на недовѣріи къ подданнымъ; Макіавелли даже ссылается на примѣръ ужаснаго Чезаре Борджа, сына папы Александра VI, составлявшаго себѣ княжество путемъ преступленій, кинжаломъ и ядомъ.

Макіавелли умеръ въ тяжелый для Италіи годъ разграбленія Рима, которое онъ предугадалъ. Совѣты Макіавелли не хуже практики его времени. Но ими пользовались потомъ люди, совершенно отстранявшіе патріотическую цѣль, которою руководился самъ Макіавелли. Его разсужденія о политическомъ искусствѣ правителя нашли поклонниковъ далеко за предѣлами Италіи, но съ именемъ макіавеллизма осталось связаннымъ представленіе о беззастѣнчивой и лицемѣрной политикѣ.

Денежный капиталъ въ XVI в. Интересъ къ политикѣ захватилъ всюду широкіе слои общества, тѣмъ болѣе, что всѣ классы его испытывали теперь на себѣ матеріальную тягость или матеріальную выгоду войнъ и другихъ большихъ политическихъ предпріятій. Прежде война велась натурально-хозяйственнымъ способомъ, дружинами военно-обязанныхъ людей, лично отбывавшихъ службу, снаряжавшихся на средства своихъ имѣній или вознаграждавшихъ себя вновь завоеванными имѣніями. Характеръ войнъ XVI в. иной: ихъ ведутъ наемники, люди, исключительно занятые своимъ военнымъ ремесломъ, безъ земельнаго обезпеченія, въ отрядахъ пестраго національнаго состава; обыкновенно вынужденные уходить далеко отъ родины, они получали все готовое и вознаграждались деньгами. Это стоило очень дорого, но не покрывалось правильно собираемыми податями, какъ въ настоящее время. У правительствъ XVI в. не было въ распоряженіи постоянныхъ большихъ средствъ. Для всякаго отдѣльнаго похода и найма солдатъ, для пріобрѣтенія артиллеріи и т. п. они вынуждены были дѣлать займы у большихъ купеческихъ и банкирскихъ фирмъ. Ссужая правительство, капиталисты въ свою очередь пускали этимъ путемъ въ оборотъ суммы, составившіяся у нихъ изъ вкладовъ массы довѣрителей или изъ мелкихъ долей, данныхъ имъ въ оборотъ на рискъ. Множество людей въ надеждѣ на то, что такое-то предпріятіе, выборъ государя или военная экспедиція, кончится удачно и дастъ капиталисту-кредитору большую выгоду, играли съ нимъ вмѣстѣ на повышеніе цѣны своихъ долей такъ же, какъ они участвовали съ купцами въ игрѣ на привозъ перца или серебра. Передъ большой войной начиналась горячка среди массы лицъ разныхъ сословій, готовыхъ рисковать своими излишками и сбереженіями.

Съ открытіемъ „обѣихъ Индій“ прибавилось еще одно условіе, которое усилило этотъ оборотъ денежныхъ средствъ, именно приливъ золота и серебра. Притокъ богатствъ Новаго Свѣта и отдаленнаго Востока внесъ, такимъ образомъ, сильное напряженіе въ общественную жизнь Европы. Онъ создалъ и разжегъ крупныя соперничества и войны, вы-

Digitized by Google

двинулъ посредниковъ денежной торговли и затянулъ въ большія предпріятія интересы множества людей. Одинъ итальянскій наблюдатель въ XVI в. замѣтилъ, что „прежде дворяне вкладывали свои капиталы въ пользованіе землей, купцы—въ правильную торговлю, и, благодаря ей, уравнивались обиліе и недостатокъ въ разныхъ странахъ; землевладѣльцы и торговцы занимали работой массу людей и увеличивали доходы городовъ и государей. Теперь же часть дворянства и купечества, первые—тайно, вторые—открыто, стараясь избѣгнуть тягости и опасностей работы, вкладываютъ всѣ свободные капиталы въ денежные обороты. Вслѣдствіе этого земля остается необработанной, торговля въ пренебреженіи, постоянно возникаетъ дороговизна, бѣдныхъ высасываютъ богачи, а въ концѣ-концовъ и послѣднихъ настигаетъ банкротство".

Революція цѣнъ послѣ 1550 г. На дороговизну жаловались очень многіе въ XVI в. Когда возникалъ вопросъ о причинахъ этого явленія, иные обвиняли крупныхъ купцовъ въ устройствѣ стачекъ, „круговъ" (Ringe), какъ говорили въ Германіи, съ цѣлью злонамѣреннаго повышенія цѣнъ, другіе думали найти объясненіе въ развитіи чрезмѣрнаго роскошества одежды, ѣды, домашняго убранства, которое повело къ тому, что торговцы, бросившись на товары такого рода, уменьшили доставку жизненныхъ припасовъ. Дѣйствительно, цѣны на всѣ предметы очень возросли за 50—60 лѣтъ послѣ открытія Америки, и настоящая причина этого явленія заключалась именно въ притокѣ богатствъ Новаго Свѣта. Золото и серебро зависятъ въ своей цѣнѣ, какъ всякій товаръ, отъ спроса на предметъ и предложенія его, т.-е. наличнаго его количества. Чѣмъ больше предложеніе, тѣмъ ниже становится цѣна, если спросъ остается тотъ же самый. Въ первой половинѣ XVI в. количество драгоцѣнныхъ металловъ увеличилось настолько, что цѣна ихъ крайне упала. На ту же сумму денегъ можно было купить гораздо меньше товара, или, иначе говоря, цѣны товаровъ, которыя приходится измѣрять деньгами, чрезвычайно возросли.

Возрастаніе цѣнъ выгодно для однихъ классовъ и убыточно для другихъ. Вообще тотъ, кто производитъ или продаетъ товары, долженъ выигрывать потому, что можетъ на рынкѣ тотчасъ же требовать увеличеннаго количества денегъ; тотъ, кто получаетъ жалованье или заработную плату, долженъ проигрывать потому, что плата такого рода обыкновенно уже раньше расчислена въ деньгахъ. Удешевленіе денегъ и вздорожаніе товаровъ есть одно и то же явленіе, но всѣмъ становится легко замѣтно второе и не видно перваго; поэтому прибавка денежнаго содержанія совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ вздорожаніе продаваемыхъ товаровъ. Вздорожаніе было выгодно купцамъ, крупнымъ ремесленникамъ, зажиточнымъ крестьянамъ и тѣмъ землевладѣльцамъ, кото-

Digitized by Google

рые вели собственное хозяйство; оно тяжело отзывалось на положеніи людей наемнаго труда, крестьянъ, дополнявшихъ свое небольшое хозяйство работой у помѣщика, батраковъ, подмастерьевъ. Невыгодно оно было и для большинства дворянъ мелкаго и средняго положенія, особенно тѣхъ, которые не вели собственнаго хозяйства, а жили на ренты, т.-е. различные взносы за ихъ право судить или собирать пошлину, или за отдачу въ пользованіе своихъ угодій, такъ какъ эти взносы были разъ навсегда установлены въ деньгахъ, большею частью въ отдаленныя времена, когда золото и серебро были дороги. Многіе изъ такихъ дворянъ тянулись жить „достойно своего званія“, т.-е. тратились на предметы роскоши, которые особенно поднялись въ цѣнѣ; вслѣдствіе этого они разорялись. Презирая промышленный и производительный трудъ, дворянство шло въ королевскую и городскую службу; такъ поступали во множествѣ испанскіе гидальги, если они не уходили въ Новый Свѣтъ. Нѣмецкіе рыцари, французскіе дворяне шли въ наемную военную службу; когда не было войны, они поднимали мятежи, заговоры, объединялись въ боевые союзы; въ XVI в. они составляли наиболѣе безпокойный слой общества.

II.

Итальянское просвѣщеніе, революція и реформація въ Германіи.

Въ началѣ XVI в. умственные интересы и понятія общества въ западной Европѣ значительно отличались отъ кругозора людей XIV вѣка. Послѣ великихъ открытій около 1500 г. стало ясно, что на земной поверхности обитаемый міръ несравненно больше, чѣмъ его представляли себѣ раньше. Знакомство съ человѣческой культурой расширилось еще въ другомъ направленіи: открыли литературу и искусство древняго Рима и Греціи, узнали, что человѣчество уже разъ переживало тѣ состоянія и обладало тѣми понятіями, до которыхъ оно вновь дошло въ современности. Тѣ и другія открытія производили большой переворотъ въ умахъ. Однако новыя знанія распространялись въ ограниченномъ кругу. Около 1500 г. образованное общество было довольно многочисленно только въ Италіи; гораздо слабѣе оно было въ другихъ странахъ Европы.

Итальянское искусство. Центрами умственной жизни оставались Флоренція, Римъ Венеція и Миланъ. До небывалой высоты поднялось итальянское искусство. Въ то время, какъ все возрасталъ спросъ на картины, фрески, статуи, художественныя постройки и украшенія для

Digitized by Google

церквей, для папскихъ, княжескихъ и магнатскихъ дворцовъ, художники не только улучшали технику, яркость красокъ, вѣрность изображенія, красоту линій; они ставили также новыя возвышенныя, идеальныя цѣли.

Начиная съ Леонардо да-Винчи (1452—1519), работавшаго главнымъ образомъ въ Миланѣ, идетъ цѣлый рядъ мастеровъ, которые обладали разнообразными свѣдѣніями, дѣятельно и чутко относились къ движеніямъ современнаго общества. Леонардо былъ не только выдающійся живописецъ и скульпторъ, но также музыкантъ, поэтъ, естествоиспытатель, механикъ и инженеръ-строитель крѣпостей. Уговариваясь съ миланскимъ герцогомъ о заказахъ и характерѣ службы, Леонардо заявилъ гордо, что онъ „все можетъ выполнить, что угодно, не уступая никому". Какъ философъ, какъ составитель теоріи своего искусства, Леонардо придавалъ огромное значеніе наблюденію и опыту: онъ настойчиво изучалъ анатомическое строеніе человѣка, производя неслыханныя въ то время разсѣченія труповъ. Съ тою же внимательностью онъ изучалъ свои модели, иногда по цѣлымъ годамъ. Въ „Тайной вечери" ему не давался типъ одного изъ апостоловъ; онъ долго бродилъ по улицамъ, пока не остановился, пораженный наружностью одного встрѣченнаго рабочаго. Однако Леонардо не считалъ искусство простымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. По его опредѣленію, это—„предметъ внутренней умственной работы". Онъ совѣтовалъ художнику ограничиться небольшимъ числомъ выдающихся произведеній: „главное—никому не подражайте, изъ опасенія прослыть пасынками, а не сыновьями природы".

Самымъ крупнымъ по уму и энергіи художникомъ первой половины XVI в. былъ флорентіецъ Микель Анджело Бонаротти (1475—1564), также поразительный по своей многосторонности, скульпторъ, живописецъ, архитекторъ и поэтъ. Въ своей молодости онъ видѣлъ сверженіе Медичи и образованіе республики со строгими нравами подъ руководствомъ доминиканца Савонаролы, потомъ нашествіе иноземцевъ и новое водвореніе Медичи. Въ 1527 г. онъ руководилъ защитой стѣнъ Флоренціи противъ войска Карла V. Онъ горячо сочувствовалъ свободѣ роднаго города и памятью своей республиканской гордости оставилъ флорентійцамъ статую Давида, изображеннаго въ тотъ моментъ, когда въ прекрасной юношеской отвагѣ онъ вышелъ на бой со страшнымъ Голіаѳомъ. Могучіе характеры привлекали Микель Анджело, и онъ старался найти для ихъ изображенія рѣзкія и сильныя внѣшнія формы: такова его статуя Моисея съ напряженными желѣзными мускулами и грознымъ взглядомъ подъ нависшими бровями. Таковъ его Христосъ на громадной картинѣ Страшнаго Суда, нарисованной на стѣнѣ капеллы св. Сикста въ папскомъ дворцѣ Ватиканѣ: это—скорѣе гнѣвный Юпитеръ, бросающій молнію на осужденныхъ, а они—обнаженныя фигуры въ рѣзкихъ

Digitized by Google

поворотахъ, изломанныя и сдавленныя, падающія и цѣпляющіяся съ выраженіемъ дикаго страха или жестокой боли. Отъ спокойныхъ античныхъ статуй, которыя такъ прилежно изучались мастерами этой эпохи, скульптуры и картины Микель Анджело сильно отличаются своей нервностью, меланхоліей, мрачнымъ драматизмомъ: четыре фигуры Дня, Ночи, Вечера и Зари на могилѣ одного изъ Медичи, пророки и пророчицы (сивиллы) на потолкѣ Сикстинской капеллы, Брутъ, скованный рабъ— всѣ они отражаютъ скорбный и мятежный духъ великаго художника, которому пришлось дожить до тяжелыхъ дней Италіи.

Другія стороны человѣческой натуры привлекали его современниковъ, Рафаэля Санціо и Тиціана. Рафаэль, мастеръ яркихъ свѣтлыхъ красокъ, оставилъ въ своихъ Мадоннахъ самые гармоническіе образы женской нѣжности и задумчивости. Въ большихъ фрескахъ, украшающихъ комнаты (станцы) Ватикана, напримѣръ, въ Аѳинской школѣ, гдѣ представлены греческіе ученые, въ Побѣдѣ Константина надъ язычниками и др. онъ далъ историко-символическія изображенія, передающія смыслъ великаго момента или эпохи посредствомъ искусной композиціи частей, характерной постановки фигуръ и выраженія лицъ. У Тиціана, выросшаго въ пестрой нарядной обстановкѣ полувосточной Венеціи,—торжество земной красоты: его миѳологическія фигуры, его портреты — великолѣпные образцы рода человѣческаго.

Въ первую четверть XVI в. былъ большой спросъ на итальянское искусство. Францискъ I во время своего перваго похода пригласилъ во Францію Леонардо да-Винчи. Позднѣе онъ вызвалъ флорентійца Андреа дель Сарто расписать замокъ Фонтенбло и снабдилъ его большими суммами для закупки картинъ разныхъ художниковъ въ Италіи. Тиціанъ нѣсколько разъ писалъ Карла V. Художники сознавали свою силу. Микель Анджело говорилъ съ папой, не снимая шляпы; Тиціана, какъ разсказываетъ біографъ, посѣщали „всѣ государи, ученые и выдающіяся лица, пріѣзжавшіе въ Венецію“. Итальянскіе художники этого времени, по старой памяти или потому, что исполняютъ церковный заказъ, берутъ сюжеты изъ Священной исторіи. Но библейскаго содержанія въ искусствѣ больше нѣтъ: подъ именами Богоматери, Іосифа, Іоанна и т. д. они пишутъ своихъ современниковъ, папъ и монаховъ, нобилей, свѣтскихъ дамъ, солдатъ, крестьянъ, ремесленниковъ. Не стѣсняясь костюмомъ и обстановкой, они изображаютъ свою эпоху и близкіе имъ нравы. Они большею частью очень далеки отъ заботы о вѣрѣ: имъ ближе сродни міръ греческихъ боговъ и героевъ, закрѣпленныхъ въ искусствѣ въ видѣ прекрасныхъ людей. Оттого художники XVI в. (Чинквеченто, какъ говорятъ итальянцы, т.-е. пятаго столѣтія съ 1100 года, съ „начала“ искусства) берутъ часто сюжеты изъ греческихъ миѳовъ, оттого въ наше

Digitized by Google

время ихъ искусство называютъ языческимъ. Очень замѣтный призывъ въ искусствѣ и литературѣ этого вѣка — возстановленіе классической старины, подражаніе ей, воспроизведеніе ея пріемовъ.

Римъ въ началѣ XVI в. Болѣе всего простора классицизму было въ Римѣ, гдѣ такъ много сохранилось остатковъ старины. Самыми щедрыми покровителями искусства и самыми энергичными возродителями блеска древности были правители Рима, папы. Рядомъ съ возстановленной изъ праха стариной они хотѣли выстроить новый Римъ, который бы сравнялся съ императорскимъ. Папа Юлій II (1503—1513) призвалъ лучшихъ художниковъ Италіи, между ними Микель Анджело, и началъ постройку огромнаго собора св. Петра. Его преемникъ, Левъ X (1513—1521) изъ фамиліи Медичи, поручалъ большую часть работъ Рафаэлю. Этотъ папа держался по преимуществу свѣтскаго направленія. При его дворѣ происходили театральныя представленія; наслаждаясь ими, папа пользовался технической новинкой, лорнетомъ. За торжественными обѣдами среди кардиналовъ и прелатовъ сидѣли богато одѣтыя дамы. Вся обстановка папскаго Рима получила языческій характеръ: при въѣздѣ Льва X послѣ его избранія поставлена была тріумфальная арка, украшенная изображеніями древнихъ боговъ съ надписью: „за господствомъ Марса и Венеры (боговъ войны и любви) наступаетъ царство Паллады (богини просвѣщенія)“. Эти черты папства выступали тѣмъ рѣзче, что оно продолжало жить на старыя средства, на взносы вѣрующихъ, искавшихъ у главы церкви прощенія грѣховъ и дарованія вѣчнаго блаженства. Чтобы добыть денегъ на окончаніе собора въ Римѣ, папа въ широкихъ размѣрахъ устроилъ въ Германіи продажу индульгенцій; тамъ говорили, что Римъ обстраивается „на нѣмецкіе грѣхи“. Въ то же время для духовенства, святостью котораго долженъ былъ спасаться міръ, всякій грѣхъ и порокъ былъ разрѣшенъ за денежный выкупъ (диспенсацію), и папская канцелярія вела большой торгъ такими разрѣшеніями. Благочестивыхъ богомольцевъ, ожидавшихъ встрѣтить въ „столицѣ міра“ (caput mundi) сіяніе вѣры, ожидало разочарованіе. Сѣверно-нѣмецкій монахъ Лютеръ, съ суевѣрнымъ страхомъ приближавшійся къ Риму, писалъ потомъ: „пороки здѣсь невѣроятны; это — самые нечестивые люди на свѣтѣ, они смѣются надъ истинной вѣрой. Идя въ церковь, они говорятъ: надо отдать дань народному заблужденію. Итальянцы — либо невѣрующіе, либо погружены въ предразсудокъ. Народъ боится больше святого Антонія или святого Себастіана, чѣмъ Христа, говоря, что они насылаютъ проказу и язвы. Они не знаютъ слова Божія, не вѣрятъ ни въ воскрешеніе плоти, ни въ вѣчную жизнь. Они справляютъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль карнавалъ среди величайшаго распутства...“

Въ этихъ словахъ смѣшивается вражда къ народному суевѣрію и

Digitized by Google

къ свободной мысли. Воззрѣнія папы Льва X неизвѣстны, но въ числѣ людей близкаго къ нему кружка былъ Помпонаццо, авторъ книги „О причинахъ удивительныхъ природныхъ явленій". По мнѣнію Помпонаццо, все, что представляется страшнымъ, чудеснымъ, необыкновеннымъ, все, что вѣрующіе относятъ къ вмѣшательству божества, объясняется естественнымъ закономѣрнымъ дѣйствіемъ силъ природы. Религія въ его глазахъ—такое же преходящее явленіе, какъ и все другое. „Мы видѣли, какъ поклоненіе идоламъ и языческія чудеса сначала были слабы, потомъ выросли и дошли до высшей точки, еще позднѣе пали и разрушились. Такъ и въ нашей вѣрѣ все охладѣваетъ, чудеса прекращаются, священники прибѣгаютъ къ обману и хитрости". Въ сочиненіи „О безсмертіи души" Помпонаццо выражаетъ также отрицательный взглядъ: душа тѣсно связана съ тѣломъ и такъ же преходяща, какъ оно. Притомъ немыслимо человѣка ставить такъ высоко, чтобы предполагать его существо вѣчнымъ. Невѣріе не поведетъ однако къ безнравственности. Напротивъ, „надежда на награду и страхъ наказанія въ будущей жизни—вотъ признаки рабскаго образа мыслей". „Надо презирать смерть, и все равно, смертна ли душа или безсмертна, ничто не даетъ права человѣку измѣнять пути добродѣтели".

Религіозное возрожденіе въ Италіи и Испаніи. Въ Италіи было однако и другое направленіе, близко подходившее къ религіозной ревности людей сѣвера: оно ярко выразилось въ проповѣди Савонаролы, имѣвшей такой успѣхъ среди той же самой Флоренціи, которая была центромъ художественной жизни, проникнутой свѣтскимъ и языческимъ характеромъ. Реформаторы, подобные Савонаролѣ, не затрогивали церковнаго устройства. Они хотѣли только очистить церковь, опростить ее, удаливши изъ ея обычаевъ и обрядовъ все то, что несоотвѣтствовало, какъ имъ казалось, истинной сущности христіанства. Ихъ призывъ—возвращеніе къ первоначальному христіанству. Но въ опредѣленіи истиннаго христіанства понятія очень расходились. На Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ цѣлые вѣка шла борьба съ невѣрными и народъ считалъ дѣломъ чести истреблять безпощадно все чужое, ученые и проповѣдники обращались къ воинственному богословію Ѳомы Аквинскаго и другихъ схоластиковъ. Въ Испаніи старались возродить аскетизмъ, истязаніе плоти; здѣсь говорили болѣе всего о реформѣ монастырей: обители не должны быть мѣстомъ успокоенія; изъ нихъ должны выходить самоотверженные, проникнутые единой идеей дѣятели, люди, у которыхъ знанія, искусство рѣчи и спора, поэтическій даръ и нравственная энергія будутъ служить только вѣрѣ; они должны завоевать для церкви равнодушныхъ, отрицателей и темную массу язычниковъ. Новый Свѣтъ открывалъ огромный просторъ этому пламенному испанскому благоче-

Digitized by Google

стію. Но оно способно было также вмѣстѣ съ испанскимъ оружіемъ броситься на борьбу съ европейскими ересями.

Въ Италіи среди духовенства было много людей гуманистическаго просвѣщенія. Они старались найти среди христіанскихъ книгъ тотъ же идеалъ простого художественнаго стиля и классической ясности мысли, какой они встрѣчали у великихъ греческихъ и римскихъ писателей. Евангеліе отвѣчало этимъ требованіямъ и казалось имъ, на равнѣ съ Платономъ, чистымъ источникомъ богопознанія. Во времена того же свѣтскаго папы Льва X въ Римѣ образованные прелаты и священники составили общество подъ названіемъ Ораторіи божественной любви. Члены Ораторіи расходились съ господствующимъ ученіемъ католической церкви: они говорили, что человѣкъ спасается не „добрыми дѣлами“, т.-е. внѣшними лишеніями или взносами, значеніе которыхъ могутъ оцѣнивать только духовные руководители, а исключительно своею вѣрой; по ихъ мнѣнію, ученіе это и составляетъ главное содержаніе Евангелія.

Умственныя движенія въ германскихъ странахъ. Эразмъ и Моръ. Еще болѣе сторонниковъ гуманистическаго богословія было за Альпами, на сѣверѣ, особенно въ Германіи и въ Англіи. Главный его представитель въ первой трети XVI в.—голландецъ Эразмъ изъ Роттердама (1467—1536), учившійся въ Кёльнѣ и Парижѣ, потомъ жившій въ Лондонѣ и Оксфордѣ, побывавшій въ Италіи и подъ конецъ жизни поселившійся въ Базелѣ. Ученый съ обширными и разносторонними познаніями, Эразмъ былъ главнымъ образомъ филологомъ, т.-е. знатокомъ древней литературы и языка. Въ видѣ настольной книжки для литературно развитаго человѣка онъ собралъ букетъ мудрыхъ и красивыхъ изреченій древности (Adagia). Главная цѣль его состояла въ изданіи чистыхъ, неиспорченныхъ текстовъ греческихъ и римскихъ писателей и въ ихъ истолкованіи. Въ числѣ изучавшихся имъ текстовъ видное мѣсто занимали отцы церкви, и особенно Новый Завѣтъ. По мысли Эразма, всѣ должны узнать „проповѣдь о Христѣ изъ самаго источника“, т.-е. Евангеліе должно стать общимъ достояніемъ всего грамотнаго міра. Но лучшій путь къ истинѣ — это свободное изученіе великой книги. Къ Библіи Эразмъ примѣняетъ тѣ же пріемы критики, что и къ древнимъ писателямъ, которые дошли въ испорченномъ видѣ, искаженные невѣждами. Онъ находитъ, что иные „разсказы Библіи болѣе смѣшны, чѣмъ миѳы“; тогда надо искать въ нихъ скрытаго смысла, толковать ихъ аллегорически. Нельзя ни въ чемъ держаться буквы, не надо упираться въ догматы. Все дѣло въ великихъ нравственныхъ началахъ, выраженныхъ христіанствомъ. Поэтому источники богопознанія шире священныхъ христіанскихъ книгъ; ими обладали также древніе писатели: „гдѣ истина,

Digitized by Google

тамъ и христіанство". По привычкѣ призывать въ молитвѣ имя святого, Эразмъ говоритъ: „святой Сократъ, молись за насъ"; онъ цѣлуетъ философское сочиненіе Цицерона, какъ книгу, полную истиннаго благочестія.

Эразмъ возмущенъ испорченностью, невѣжествомъ клира, который только портитъ народъ. Въ своей сатирѣ „Похвала глупости" онъ осмѣиваетъ слабости и пороки своего времени. Веселая и распущенная Глупость, царица испорченнаго и суетнаго вѣка, хвастаетъ своимъ могуществомъ и перебираетъ своихъ поклонниковъ во всѣхъ возрастахъ и общественныхъ положеніяхъ. Больше всего она хвалитъ грамматиковъ, подчиненныхъ буквѣ и вѣчно враждующихъ между собою, но особенно она въ восторгѣ отъ чревоугодныхъ монаховъ и богослововъ, путающихся въ смѣшныхъ изысканіяхъ, при чемъ оговаривается, что ей страшно трогать это „чумное болото", изъ котораго посыплются тысячи яростныхъ обвиненій. Глупости должны подчиняться въ концѣ-концовъ прелаты и даже папы, потому что только ей они обязаны всѣми своими богатствами и почетомъ. Эразмъ широко понималъ просвѣтительныя задачи. Въ одномъ изъ своихъ „Діалоговъ" онъ выводитъ споръ молодой дамы съ аббатомъ, который увидалъ у нея ученыя книги. Отсталому священнику кажется, что лучше бы вмѣсто нихъ были забавныя книжки: „женщины вѣдь созданы для удовольствій. Бѣда мужу съ ученой женой, какъ настоятелю съ начитанными монахами: они плохо слушаются; чрезмѣрная развитость убиваетъ стыдъ". Собесѣдница его легко опровергаетъ эти доводы: „не лучше ли я воспитаю дѣтей, располагая серьезнымъ знаніемъ? Моя развитость сблизитъ меня тѣснѣе съ моимъ мужемъ. Какъ не изучить намъ, женщинамъ, ученыхъ авторовъ, которые во всемъ—наши лучшіе совѣтники". Она напоминаетъ затѣмъ, какъ много стало образованныхъ женщинъ въ Европѣ, и полушутя грозитъ, что скоро онѣ начнутъ захватывать занятія и профессіи мужчинъ.

Эразмъ пріобрѣлъ необыкновенную популярность во всей Европѣ. Онъ поддерживалъ огромную переписку, его звали къ своимъ дворамъ государи; къ нему, какъ на богомолье, отправлялись многочисленные поклонники; по его указаніямъ работали молодые ученые, „эразмовцы". Слабый здоровьемъ, тщедушный человѣкъ этотъ былъ настоящимъ „царемъ науки". Но онъ не годился въ вожди для проведенія реформы: кабинетный дѣятель, съ опаской и полировкой придворнаго, онъ боялся сказать лишнее слово, чтобы не задѣть кого-нибудь; угодливый передъ папой и королями, онъ болѣе всего ненавидѣлъ „сумятицу", не хотѣлъ ломки, крутого переворота, возстанія. Напротивъ, онъ думалъ найти въ папѣ, въ просвѣщенныхъ прелатахъ и государяхъ покровителей „добрыхъ знаній"; они и должны были, по его мнѣнію, открыть золотой

Digitized by Google

вѣкъ мирнаго процвѣтанія науки и отстранить испорченныхъ невѣждъ отъ дѣла просвѣщенія народа; въ этомъ будетъ состоять вся реформа.

По взглядамъ ближе всего къ Эразму стоялъ его другъ, англичанинъ Томасъ Моръ, принадлежавшій къ кружку оксфордскихъ просвѣтителей, сложившемуся во время пребыванія Эразма въ Англіи, впослѣдствіи канцлеръ короля Генриха VIII. Свои мысли и мечтанія о близкомъ счастливомъ вѣкѣ, который водворится вслѣдствіе мирнаго переворота въ умахъ, Моръ выразилъ въ фантастическомъ описаніи общества Утопіи („Нигдѣ"). Моръ начинаетъ съ сатиры на Англію, гдѣ овцы (развитіе скотоводства) совсѣмъ истребляютъ людей, гдѣ они поглощаютъ поля, дома и огороды, гдѣ господствуетъ воинственная необузданность вмѣстѣ съ безработицей, бродяжничествомъ и преступленіями. По фабулѣ разсказа, на большомъ уединенномъ отъ остального міра островѣ Запада живетъ свободный народъ; онъ не ведетъ войнъ, у него нѣтъ ни роскоши, ни бѣдности, всѣ люди обладаютъ равнымъ достаткомъ, такъ какъ между ними проведена общность имущества; благодаря этому каждому дана возможность „подняться духомъ, развиться въ наукахъ и искусствахъ". Никто не работаетъ больше шести часовъ въ сутки, отдавая досугъ просвѣщенію своего ума. Женщинамъ открыто образованіе, одинаковое съ мужчинами; имъ доступны также всѣ общественныя должности и занятія. Въ дѣлахъ вѣры нѣтъ стѣсненія: религія—дѣло личнаго убѣжденія; ея сущность въ нравственномъ совершенствѣ, а добродѣтель — ничто иное, какъ жизнь, согласная съ природой, т.-е. съ разумомъ. Однако матеріалисты, отрицающіе безсмертіе души, выключены изъ общества Утопіи; съ другой стороны, въ немъ есть люди, отрекшіеся отъ всѣхъ радостей жизни и отъ самой науки, аскеты, отдавшіеся истязаніямъ, тяжелой работѣ и благотворительности, т.-е. монахи.

Кружки гуманистовъ. Гуттенъ. При посредствѣ Эразма и Мора на сѣверъ проникали идеи, выдвинутыя итальянскими учеными и литераторами еще съ XIV в. Въ Германіи и получило ходъ имя гуманистовъ въ приложеніи къ поклонникамъ древнихъ писателей. Масса типографій—ихъ насчитывали до тысячи къ 1500 г., въ одномъ Нюрнбергѣ было 25—содѣйствовали распространенію новаго научнаго интереса. Его поддерживали также богатые патриціи южно-нѣмецкихъ городовъ, стоявшихъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Италіей. Но въ многочисленныхъ германскихъ университетахъ преподаваніе велось по-старому и находилось большею частью въ рукахъ монаховъ. Сторонники новаго просвѣщенія, младшіе преподаватели или посторонніе университетамъ люди, возставали противъ узости старой школы, нападали на ея тяжеловѣсную и неясную науку и выдвигали противъ нея идеалъ свободной „поэзіи",

Digitized by Google

вдохновляющейся образцами греческихъ и римскихъ писателей. Они составляли литературные кружки, гдѣ вошло въ обычай передѣлывать свои имена на греческій и латинскій ладъ; считая корнемъ науки три языка (со включеніемъ древне-еврейскаго, какъ языка Ветхаго Завѣта), они называли себя homines trilingues (трехъязычные).

Въ войнѣ, которую вели „поэты“ и гуманисты противъ монашеской учености, одинъ эпизодъ занялъ вниманіе всего германскаго общества. Доминиканцы-инквизиторы въ Кельнѣ старались выхлопотать у императора Максимиліана указъ о сожженіи еврейскихъ ученыхъ книгъ. Но императоръ, самъ гуманистъ, обратился за совѣтомъ къ лучшему знатоку еврейской литературы Рейхлину, и ученый выступилъ въ защиту этихъ книгъ, указывая на важное значеніе ихъ для христіанской философіи и для просвѣщенія вообще. Доминиканцы хотѣли притянуть къ суду инквизиціи самого Рейхлина, но это имъ не удалось. Напротивъ, гуманисты воспользовались случаемъ, чтобы напасть на ихъ узость и нетерпимость. Особенный успѣхъ имѣла анонимная сатира подъ заглавіемъ „Письма темныхъ людей“: содержаніе ея — переписка представителей старой школы между собою, при чемъ они пишутъ невозможно варварской латынью, разсказываютъ другъ другу о своихъ мелкихъ продѣлкахъ, интригахъ и сомнительныхъ похожденіяхъ, задаютъ своему главному авторитету будто бы ученые, нелѣпо-ухищренные вопросы и т. п. Отъ насмѣшливаго обозначенія ихъ въ сатирѣ obscuri viri (неизвѣстные люди) пошло въ ходъ прозвище обскурантовъ, прилагаемое къ противникамъ просвѣщенія.

Однимъ изъ сотрудниковъ въ составленіи писемъ темныхъ людей былъ молодой поэтъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ (1488—1523), изъ бѣднаго рыцарскаго рода, безпокойная натура, въ молодости бѣжавшій изъ монастыря, то бурный студентъ, то солдатъ, то придворный архіепископа, то дипломатъ на императорской службѣ, новый Одиссей, какъ его звали друзья, много бѣдствовавшій и рано умершій въ тяжелыхъ условіяхъ. Отъ первоначальнаго восторженнаго увлеченія классической литературой Гуттенъ скоро повернулъ на вопросы политики. Онъ былъ проникнутъ горячей любовью къ своему отечеству, раздробленному, униженному и разоренному поборами на Римъ, и въ немъ пробудилось настроеніе рыцаря, который видитъ выходъ лишь въ безпощадной борьбѣ. Гуттенъ издалъ существовавшее только въ рукописи сочиненіе итальянца Лоренцо Валла о Константиновомъ дарѣ, гдѣ опровергалась выгодная для папъ басня о томъ, что первый христіанскій императоръ передалъ папѣ свѣтское владѣніе. Гуттенъ имѣлъ смѣлость иронически посвятить книгу Льву X, прибавляя, что вѣдь онъ не похожъ на своихъ предшественниковъ, разбойниковъ и воровъ. Гуттенъ и нѣкоторые другіе „поэты“ были далеки отъ увлеченія религіозными идеями.

Digitized by Google

Религіозныя движенія на Сѣверѣ. Между тѣмъ среди противниковъ римской церкви были также направленія совершенно другого рода, примыкавшія къ стариннымъ сектамъ и ересямъ, гуситству, лоллардамъ, вальденцамъ, и искавшія религіознаго возрожденія. Ихъ сторонники считали не только строй католической церкви, но и все ученіе ея уродливымъ наростомъ, искаженіемъ, сравнительно съ чистымъ христіанствомъ первыхъ трехъ вѣковъ. Всѣ позднѣйшія прибавленія и преданія должны быть отброшены; единственно правильно держаться Писанія. Сущность христіанства состоитъ въ томъ, что человѣкъ спасается вѣрою. Нѣтъ никакихъ заслугъ, никакихъ земныхъ средствъ пріобрѣсти загробное блаженство; посты, церковныя наказанія, отпускныя грамоты не имѣютъ силы; безполезно призывать помощь папы, святыхъ; единственный посредникъ между Богомъ и людьми—Христосъ, въ своей неизреченной благости готовый сжалиться надъ грѣшникомъ; священники должны быть лишь толкователями Его откровенія въ Писаніи. Такое ученіе можно было встрѣтить въ университетахъ.

Отъ этого *библейскаго* направленія отдѣлялось *мистическое*. Его сторонники шли дальше и думали, что откровеніе не связано съ писаннымъ словомъ; оно выражается въ видѣ внутренняго просвѣтлѣнія, въ видѣ непосредственнаго общенія человѣка съ Божествомъ; религія должна быть свободнымъ вдохновеніемъ. Эти взгляды существовали уже въ XV в. и даже въ XIV в. Движеніе къ реформѣ, поднимавшееся въ первую треть XV столѣтія, разбилось на взаимно враждебныя партіи и не достигло цѣли. Послѣ 60—70 лѣтъ отлива и затишья оно снова выступило съ силой, увлекая за собой всѣ классы общества.

Лютеръ. Недовольство противъ Рима всего сильнѣе выражалось въ Германіи. Здѣсь и возникло движеніе, которое повело къ расколу и реформаціи по всей Европѣ. Оно началось по вопросу второстепенному и поднято было человѣкомъ сильнаго таланта и энергіи, но далеко не передовымъ по своимъ идеямъ.

Мартинъ Лютеръ (1483—1546), сынъ саксонскаго крестьянина, натура необузданная, способная болѣзненно преувеличивать свои чувства, рано ушелъ въ монастырь: его мучила мысль о гнѣвѣ Божіемъ и Страшномъ Судѣ; онъ не могъ иногда „выносить вида распятаго Христа и готовъ былъ лучше искать чорта“. Какъ „громомъ поражали его совѣсть“ слова: судъ Божій. Онъ видѣлъ въявь дьявола и вступалъ съ нимъ въ борьбу. Человѣкъ, казалось ему, подавленъ грѣхомъ и долженъ неминуемо погибнуть. Единственное спасеніе въ заступничествѣ Христа, которое Онъ даетъ человѣку безъ малѣйшей его заслуги. Эта мысль объ „оправданіи вѣрою“, подкрѣпленная чтеніемъ нѣмецкихъ мистиковъ XIV в., успокоила встревоженную душу Лютера. „Я чувствовалъ себя какъ бы воз-

Digitized by Google

рожденнымъ, мнѣ казалось, что я вхожу въ открытыя врата рая". Курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый пригласилъ Лютера профессоромъ вновь основаннаго университета въ Виттенбергѣ. Когда въ Германіи начали продавать индульгенціи для построенія храма св. Петра въ Римѣ, Лютеръ, движимый своею ревностью къ вѣрѣ и считая папу невиновнымъ въ великомъ злоупотребленіи, вызвалъ на споръ доминиканца, распространявшаго грамоты, и выставилъ по обычаю у дверей соборной церкви Виттенберга 95 положеній (1517). Въ нихъ говорилось между прочимъ: „если бы папа узналъ о грабительствѣ проповѣдниковъ, ходящихъ съ грамотами, онъ бы лучше сжегъ церковь св. Петра, чѣмъ строить ее на счетъ плоти, крови и костей порученныхъ ему овецъ. У церкви одно истинное сокровище, это—святѣйшее Евангеліе о величіи и благости Божіей". Главный руководитель продажи индульгенцій въ Германіи, архіепископъ Майнцскій, принесъ папѣ жалобу на Лютера. Но курфюрстъ саксонскій, благоволившій Лютеру, не согласился выдать его на судъ въ Римъ, а кардиналу, который въ личной бесѣдѣ съ Лютеромъ потребовалъ у него отреченія, глубоко убѣжденный монахъ отвѣтилъ отказомъ. Лютеръ испытывалъ тяжелый переломъ всѣхъ своихъ понятій; онъ уже считалъ про себя Римъ „кровавымъ Вавилономъ", а папу—антихристомъ.

Усердные противники ускорили разрывъ Лютера съ Римомъ, въ свою очередь вызвавши его на диспутъ въ Лейпцигъ. Здѣсь защитникъ папы, Экъ, заставилъ Лютера признаться, что онъ повторяетъ еретическія ученія Гусса и Уиклефа. „Страшно мнѣ стало отъ мысли, что евангелическую истину сожгли сто лѣтъ назадъ". Теперь Лютеръ чувствуетъ себя свободнымъ отъ всякаго страха передъ церковными авторитетами. Охваченный ожиданіемъ великаго суда на землѣ, онъ пишетъ: „слово Божіе—это мечъ, война, разрушеніе, соблазнъ, ядъ". Онъ зоветъ своихъ соотечественниковъ „броситься съ оружіемъ на развратителей, кардиналовъ и папъ, на всю шайку римскаго Содома и умыть руки въ ихъ крови". Во всей Германіи горячо отзывались на его слова. Гуманисты, только что выдержавшіе споръ съ „темными людьми", видѣли въ Лютерѣ восходящую силу въ борьбѣ за просвѣщеніе. Глава недовольныхъ имперскихъ рыцарей, Зикингенъ, предлагалъ Лютеру въ видѣ убѣжища свой замокъ; Гуттенъ вступилъ съ нимъ въ переписку и соединился для борьбы за права нѣмецкаго народа. Теперь Гуттенъ рѣшилъ бросить всѣ украшенія латинскаго стиля и писать на родномъ языкѣ. Въ сатирѣ „Римская Троица" онъ изображаетъ Римъ огромнымъ складомъ добра, награбленнаго со всего свѣта; папа, окруженный толпой жадныхъ пожирателей, какъ ненасытный хлѣбный червь, точитъ это добро и сосетъ кровь и мозгъ нѣмцевъ. Объявляя Риму войну, Гуттенъ припи-

Digitized by Google

сываетъ въ концѣ: „Да здравствуетъ свобода! жребій брошенъ!“ Въ свою очередь Лютеръ въ рядѣ небольшихъ книжекъ, выражаясь образнымъ, грубымъ и мѣткимъ языкомъ, съ наивностью человѣка, внезапно прозрѣвшаго, поднимаетъ глубокіе вопросы, волновавшіе весь народъ.

Онъ самъ обращается къ мятежному рыцарству и набрасываетъ очертанія реформы. Пусть созовутъ соборъ. Папа, „жалкій смердящій грѣшникъ“, пусть будетъ лишенъ свѣтской власти и займется Библіей и молитвенникомъ. Не должно быть вообще различія клира и мірянъ. „Всѣ христіане—священники“. Община сама будетъ избирать своихъ духовныхъ руководителей. Все должно быть перестроено: и школы, бывшія до сихъ поръ „вратами ада“, и общественный порядокъ; надо „умножить число земледѣльцевъ и сократить купцовъ“. Призывъ этотъ „къ христіанскому дворянству“, напечатанный въ 4000 экземпляровъ, разошелся въ нѣсколько дней. Лютеръ громилъ церковныя учрежденія и особенно монашество. „Отнынѣ не будетъ считаться угоднымъ Богу, если нѣсколько сумасшедшихъ святошъ станутъ терзать и умерщвлять свою плоть“. Христіане должны быть свободны отъ внѣшнихъ предписаній и обрядовъ, потому что, какъ говорили еще старинные мистики, „внутреннее существо человѣка и Богъ—это одно и то же“.

Лютеръ отказался потомъ отъ многаго, что было сказано имъ въ пылу возбужденія. Но въ 1520 г., когда выходили его мятежныя произведенія, онъ былъ настоящимъ народнымъ героемъ. Въ Германіи готовилась *революція*. Причины ея заключались въ общемъ положеніи страны.

Состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка. Князья и города. Раздробленность Германіи, возникшая въ XIII в., за два слѣдующія столѣтія еще увеличилась. Въ огромной странѣ, включавшей въ себѣ, кромѣ нынѣшней Германской имперіи, Нидерланды, Австрію и нашъ Прибалтійскій край, не было общаго правительства. Императоръ былъ лишь однимъ изъ сильнѣйшихъ князей, рейхстагъ — съѣздомъ самостоятельныхъ и частью враждебныхъ между собою чиновъ имперіи, т.-е. князей и городскихъ властей. Неудобства этого положенія чувствовались всѣми: не имѣя ни войска, ни финансовъ, имперія не могла охранить своихъ окраинъ отъ нападеній турокъ, французовъ, бургундцевъ; нельзя было обезпечить безопасность и внутри страны, особенно сдерживать разбойничавшихъ рыцарей; не существовало способовъ рѣшать споры иначе, какъ усобицей и самозащитой. Поэтому на рейхстагахъ постоянно поднималась рѣчь о *реформѣ имперіи*, т.-е. объ устройствѣ болѣе тѣснаго союза между чинами и учрежденіи союзнаго правительства. Но при всякомъ приступѣ къ реформѣ обнаруживалась противоположность интересовъ между князьями и независимыми, такъ наз. имперскими, горо-

Digitized by Google

дами. Князья имѣли по сравненію съ городами огромный перевѣсъ въ размѣрѣ земельныхъ владѣній; города, лежавшіе небольшими пятнами на территоріи имперіи и среди княжествъ, преобладали своимъ капиталомъ. Города составляли для князей крупную приманку въ качествѣ источниковъ дохода и должны были оберегаться съ этой стороны отъ захватовъ. Въ рейхстагѣ города были представлены гораздо слабѣе князей: изъ трехъ курій (голосующихъ отдѣленій) имъ принадлежала одна, тогда какъ князьямъ двѣ (одна курфюрстамъ, другая остальнымъ князьямъ).

Въ началѣ XVI в. при императорѣ Максиміліанѣ крупные князья приступили къ реформѣ. Они рѣшили объявить обязательный миръ во всей имперіи, установить имперскій судъ (Reichskammergericht) для разбора столкновеній съ тѣмъ, чтобы приводить въ исполненіе его приговоры и наказывать нарушителей мира, если нужно, при помощи вооруженной силы. Но Максиміліанъ разстроилъ попытку князей составить союзное правительство, которое вовсе отодвинуло бы его въ сторону: не удалось учредить ни союзное войско, ни общеимперскій налогъ. Безсильный править самъ въ Германіи, императоръ имѣлъ однако столько средствъ, чтобы помѣшать всякому другому правленію. Но онъ отлично устроилъ свои династическія дѣла: собственнымъ бракомъ пріобрѣлъ „бургундское наслѣдство“, т.-е. Нидерланды, а браками своихъ дѣтей и внуковъ обезпечилъ потомству испанскую корону, Богемію и Венгрію.

Во второй разъ князья попытались устроить союзное правительство изъ своей среды послѣ избранія императоромъ Карла V. Чиновники и юристы, состоявшіе на службѣ князей, выработали планъ общаго таможеннаго сбора съ товаровъ, ввозимыхъ въ имперію; это обѣщало крупный доходъ, главнымъ образомъ съ торговыхъ городовъ; притомъ надѣялись сильно обрѣзать большихъ капиталистовъ и купеческія компаніи, набившія цѣны въ иностранной торговлѣ. Князья думали такимъ путемъ угодить и общенародному мнѣнію, которое рѣзко высказывалось противъ ненасытныхъ купцовъ и банкировъ. У князей была еще одна важная забота: они желали получить въ свое распоряженіе церковныя владѣнія. Между тѣмъ богатыя аббатства, монастыри и вообще духовные владѣтели знали только одного владыку, римскаго папу, и платили взносы только въ Римъ. Въ средѣ самихъ князей было нѣсколько крупныхъ владѣтельныхъ прелатовъ, которыхъ назначалъ папа; имъ принадлежали лучшія земли Германіи, лежавшія по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, главнымъ образомъ въ густонаселенной западной части. Свѣтскіе владѣтели были крайне склонны увеличить земли на счетъ этихъ духовныхъ имуществъ; они не желали также встрѣчаться въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ съ независимымъ духовенствомъ. Поэтому они

Digitized by Google

присоединялись къ жалобамъ на жадность и несправедливыя притязанія римской куріи. Почти одновременно съ грозными вызовами Лютера рейхстагъ посылалъ въ Римъ изложеніе „ста обидъ нѣмецкой націи". Въ нихъ выражались многія желанія, раздѣлявшіяся всѣмъ народомъ. У рыцарей и городовъ были свои основанія добиваться *общей реформы церкви* въ предѣлахъ имперіи. Рыцари, давно переставшіе нести имперскую службу, разоренные и упорно уклонявшіеся отъ труда, надѣялись увеличить свои надѣлы и доходы отъ захвата земельныхъ угодій и запасовъ церкви. Города имѣли передъ глазами другой видъ церковныхъ богатствъ, дворцы, обители, богадѣльни, училища и гостиницы епископовъ, соборныхъ капитуловъ и монашескихъ орденовъ. Просвѣщенные дѣятельные горожане хотѣли воспользоваться учрежденіями и капиталами церкви, чтобы устроить свѣтскія школы для общаго образованія въ новомъ духѣ.

Положеніе крестьянъ въ началѣ XVI в. Еще гораздо напряженнѣе было недовольство и ожиданіе реформы въ низшихъ классахъ, между тѣмъ какъ ихъ голосъ вовсе не доходилъ до рейхстага. Главнымъ образомъ волновались крестьяне на югѣ и въ срединѣ Германіи. Въ XIII вѣкѣ крестьяне этого края находились въ сравнительно хорошемъ состояніи. У многихъ повинности были переведены на точно опредѣленные взносы; крестьяне пользовались общинными угодьями, лѣсомъ, пастбищемъ, ловлями; сеньеры большею частью предоставляли имъ землю въ наслѣдственную аренду, и крестьяне, ведя свое хозяйство, лишь отдавали долю своего дохода господамъ военнаго класса, платили имъ судебныя пошлины и дѣлали приношенія. Къ XV и еще болѣе къ XVI в. положеніе крестьянъ измѣнилось. Сеньеру и рыцарю не хватало уже прежняго дохода, такъ какъ деньги стали дешевле, а потребности жизни поднялись. Нѣкоторые болѣе крупные владѣльцы переходили къ веденію собственнаго хозяйства; имъ нужны были тогда не арендаторы, а работники. Они пользовались тѣмъ, что рабовладѣніе не было отмѣнено закономъ, и стали пріобрѣтать людей въ качествѣ холоповъ. Точно также они начали примѣнять опять старое правило крѣпостного времени, по которому деревни должны были отдавать молодыхъ парней и дѣвушекъ на работу въ хозяйскомъ дворѣ. Старое крѣпостное право получило снова болѣе широкіе размѣры. Имущественное положеніе холопа было непрочно; сеньеръ вмѣшивался въ его хозяйство, бралъ послѣ смерти холопа лучшую голову его скота или лучшую одежду и т. п.

Сеньеры болѣе мелкіе или владѣтели, оторвавшіеся отъ земли, пытались иначе воспользоваться положеніемъ: они увеличивали денежныя требованія, гдѣ только могли: заявляли свои права на общинныя угодья и заставляли крестьянъ платить за пользованіе, напр., лѣсомъ или

Digitized by Google

увеличивали судебные сборы, хотя никакого разбирательства дѣлъ давно уже не вели сами. Князья стали со своей стороны возвышать подати, взимаемыя съ крестьянъ: они дѣлали это безпрепятственно, такъ какъ крестьяне не имѣли участія въ собраніяхъ земскихъ чиновъ, гдѣ представители другихъ сословій, напротивъ, могли защищать свои интересы и отказывать князю во взносахъ и повинностяхъ.

Возрастаніе населенія также повело къ ухудшенію быта крестьянъ. Участки дробились между наслѣдниками, хозяева мелкихъ клочковъ едва могли перебиваться. Въ деревнѣ было много совсѣмъ безземельныхъ: частью они уходили въ ланцкнехты, но когда не было войны, солдаты, лишенные дѣла и заработка, присоединялись къ бродягамъ и нищимъ, безпокойно кружившимъ около поселковъ.

Господствующій классъ въ городахъ также стѣснялъ крестьянъ, затрудняя продажу сельскихъ издѣлій на городскомъ рынкѣ и не давая хода ремеслу въ деревнѣ. Занимать деньги приходилось неизбѣжно въ городѣ, и крестьяне были въ долгу у городскихъ капиталистовъ. Жалѣя крестьянъ, Лютеръ писалъ: „ростовщики скребутъ и дерутъ съ насъ кожу“; по его словамъ, „всякій, кто владѣетъ сотней гульденовъ, можетъ ежегодно сожрать одного мужика безъ всякаго риска для себя и своего имущества, сидя за печкой и угощаясь яблочнымъ пирогомъ“. Еще одинъ разрядъ горожанъ вызвалъ раздраженіе крестьянства: это— юристы, примѣнявшіе во всѣхъ процессахъ о спорныхъ земляхъ или о пользованіи угодьями изучаемое ими въ университетахъ римское право, которое не знало общиннаго владѣнія и очень рѣзко опредѣляло власть собственника: по толкованію юристовъ, выходило, что крестьянинъ— лишь посаженный на землю рабочій сеньера, а сеньеръ и есть настоящій владѣлецъ земель, что общія угодья принадлежатъ тому же землевладѣльцу, и крестьянинъ долженъ платить за пользованіе ими.

Но бѣдный людъ въ городахъ, ремесленники, подмастерья и рабочіе, писцы и другіе мелкіе служащіе, нищенствующіе монахи и простые священники сочувствовали крестьянамъ. Когда доходило до возстаній, низшіе классы въ городахъ и деревняхъ соединялись вмѣстѣ; въ городахъ составлялись воззванія къ мятежнымъ крестьянамъ, выходили сатиры на князей, рыцарей и духовенство, притѣсняющихъ народъ, листки, иногда иллюстрированные выдающимися художниками, напр., знаменитымъ Гольбейномъ. Особенно была въ ходу картинка, изображавшая міръ на выворотъ: пахарь стоитъ у алтаря, какъ бы награжденный этимъ за долгій трудъ, а попъ, не привыкшій къ работѣ, плетется за плугомъ. Въ ряду враговъ простолюдина чаще всего упоминался клирикъ: ко всѣмъ взносамъ и повинностямъ крестьянина присоединялась еще десятина, платимая въ пользу церкви.

Digitized by Google

У людей низшихъ классовъ сложилось свое представленіе о великомъ переворотѣ, который можетъ принести счастье обездоленнымъ. Страшный Судъ Божій пройдетъ по землѣ. Отнимется у сильныхъ неправедно захваченное ими имущество, и прежде всего у духовенства, которое ничего не дѣлаетъ и за грѣхи котораго Господь караетъ весь народъ. Явится сильный государь, который станетъ во главѣ простого люда и отдастъ ему землю. Время отъ времени появлялись манифесты („реформаціи“) въ видѣ завѣщанія умершаго или воображаемаго императора. Многіе думали, что реформаторъ будетъ зваться Фридрихомъ, „царемъ міра“; это многозначительное имя отвѣчало идеалу народной монархіи бѣдныхъ людей. На ряду съ этимъ были ожиданія *анархическія:* въ концѣ XV в. въ Тюрингіи массы стали собираться около пастуха-проповѣдника, который требовалъ всеобщаго покаянія, утверждая, что болѣе не будетъ ни императора, ни папы, ни князей, что помѣщичьи и церковныя земли надо раздать народу, поповъ избить, погнать господъ на поденную работу; всѣ оброки и повинности будутъ уничтожены, всѣ люди станутъ братьями и будутъ добывать свой хлѣбъ въ потѣ лица, пользуясь свободно и равно землей, лѣсомъ, водой и выгономъ.

Съ конца XV в. въ различныхъ частяхъ южной Германіи поднимались возстанія крестьянъ, къ которымъ присоединялись обнищавшіе рыцари. У крестьянъ были уже привычные символы и знаки объединенія: въ Эльзасѣ хорошо знали революціонное знамя съ фигурой мужицкаго „союзнаго башмака“, по одну сторону котораго было изображено Распятіе, а по другую—крестьянинъ на колѣняхъ. Въ деревнѣ были свои дѣятельные и умѣлые агитаторы: одинъ изъ нихъ, Іостъ Фрицъ, успѣлъ поднять нѣсколько возстаній, но оставался неуловимъ, спасаясь отъ разгрома и разъ унеси революціонное знамя обернутымъ вокругъ тѣла.

Рейхстагъ въ Вормсѣ. Всѣ эти движенія въ Германіи были враждебны господству римской церкви, но очень расходились между собою. Общій кличъ былъ: „реформація, жизнь согласно чистому ученію Писанія“, но каждая группа вкладывала особый смыслъ и содержаніе въ эти общія слова. Князья и большіе города хотѣли образовать особую германскую церковь, получить матеріальныя владѣнія церкви и подчинить себѣ духовенство; къ нимъ присоединялись по большей части люди умственнаго труда, ожидавшіе отъ этой перемѣны освобожденія науки и искусства, очищенія и возвышенія самой религіи. Рыцари, городскіе пролетаріи и крестьяне добивались полнаго переворота съ другимъ распредѣленіемъ собственности. Одни ждали *финансовой* и *просвѣтительной*, другіе *соціальной* реформы.

Въ эту возбужденную среду попали призывы Лютера и Гуттена. Казалось, что они и открываютъ давно ожидаемую всѣми новую эпоху

Digitized by Google

для Германіи. При напряженномъ состояніи всей націи въ Германію прибылъ вновь избранный Карлъ V и созвалъ рейхстагъ въ Вормсѣ на Рейнѣ (1521 г.). Сюда императоръ пригласилъ Лютера, и саксонскій монахъ поѣхалъ, хотя его и предостерегали участью Гуса. Народъ на пути и при въѣздѣ въ Вормсъ встрѣчалъ Лютера съ восторгомъ; папскій посолъ въ Германіи говорилъ, что изъ каждыхъ десяти нѣмцевъ девять непремѣнно стоятъ за Лютера. Передъ императоромъ и князьями Лютеръ долженъ былъ изложить свои взгляды. Онъ сначала смутился, но потомъ сталъ защищаться твердо и опредѣленно; онъ убѣждалъ императора не начинать несчастливо своего правленія и не опозориться, какъ языческіе и нечестивые цари. Когда императоръ прервалъ его длинную рѣчь и потребовалъ отреченія, Лютеръ объявилъ, что убѣжденіе его можетъ поколебаться только, если противники докажутъ его неправоту Писаніемъ; неразумно и пагубно поступать противъ совѣсти. Хотя Лютеру дали свободно уѣхать, но можно было опасаться ареста на дорогѣ; поэтому доброжелатель Лютера, курфюрстъ саксонскій, спряталъ его въ одномъ изъ своихъ замковъ. Лютеръ не произвелъ никакого впечатлѣнія на императора. Карлъ V, не понимавшій по-нѣмецки, занятый общеевропейскими планами, совершенно чуждый германскому движенію, издалъ указъ, которымъ произносилъ надъ Лютеромъ опалу, осуждалъ сочиненія его на сожженіе и вообще подчинялъ печатныя произведенія цензурѣ духовенства. Но работа народной литературы была громадна: за 5 лѣтъ (1518—1523) число выходящихъ книгъ увеличилось въ 7 разъ. Портреты Лютера окружались сіяніемъ; его сравнивали со страдающимъ Христомъ.

Карлъ V вынужденъ былъ тотчасъ же послѣ рейхстага въ Вормсѣ уѣхать изъ Германіи; война въ Италіи удерживала его потомъ за границей въ теченіе 8 лѣтъ. Въ странѣ, предоставленной собственной участи, начались волненія. Народъ мѣстами врывался въ церкви, ломалъ иконы и украшенія, въ которыхъ видѣлъ „остатки язычества“, изгонялъ монаховъ и прелатовъ. Лютеръ вышелъ скоро изъ своего убѣжища, снялъ рясу и женился на бывшей монахинѣ; многіе слѣдовали его примѣру, протестуя этимъ противъ монашескаго лицемѣрія. Движеніе противъ Рима было особенно сильно въ городахъ южной Германіи, гдѣ съ давнихъ поръ распространялись еретическія секты. Въ Базелѣ во время крестнаго хода одинъ священникъ несъ Библію съ надписью: „единственныя истинныя мощи, остальное—кости мертвыхъ“. Всюду выступали народные проповѣдники.

Подъ давленіемъ общаго голоса рейхстагъ, собравшійся въ отсутствіе императора въ городѣ Нюрнбергѣ, одномъ изъ центровъ просвѣтительнаго движенія, призналъ, что сочиненія Лютера открыли великое

Digitized by Google

зло въ устройствѣ церкви: для ея реформы необходимо созвать общій соборъ не только изъ духовныхъ, но также изъ свѣтскихъ лицъ, и притомъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ. Тѣмъ временемъ позволили „проповѣдь чистаго Евангелія по истинному разуму и согласно принятымъ церковью книгамъ“. Рейхстагъ пытался провести также свѣтское преобразованіе имперіи, создать ея единство и ввести съ этой цѣлью общій налогъ, отобравъ у папы аннаты; но такъ какъ князья хотѣли положить главную тяжесть налога на города и особенно стѣснить пошлиной торговыя компаніи, то весь планъ реформы рушился: капиталисты послали депутацію въ Испанію, къ Карлу, и упросили его отмѣнить пошлины.

Революція въ Германіи. Ни властью императора, который оказался противникомъ всякой реформы, ни общимъ рѣшеніемъ чиновъ, въ Германіи ничего нельзя было добиться. Недовольные выступили теперь помимо и противъ высшей имперской власти. Гуттенъ въ рядѣ памфлетовъ (небольшихъ рѣзкихъ сатиръ и воззваній) объявилъ банкировъ, юристовъ и клириковъ истинными разбойниками, а князей — тиранами и звалъ города соединиться съ рыцарями для защиты свободы. Зикингенъ, кондотьеръ, скучавшій безъ дѣла, собралъ на съѣздъ рейнскихъ и швабскихъ рыцарей и открылъ войну противъ одного изъ духовныхъ князей, объявляя, что борется за „христіанскую свободу“. Рыцари были скоро опрокинуты соединившимися князьями: ихъ артиллерія прикончила старинный замокъ Зикингена и его самого; въ то же время умеръ укрытый Зикингеномъ Гуттенъ.

Слѣдомъ за рыцарями поднялись крестьяне во всей почти южной Германіи и во многихъ мѣстахъ средины (1524—25). Положеніе крестьянъ было различно по областямъ и они выставили разныя требованія. Въ Швабіи появились „12 основныхъ и главныхъ положеній всего крестьянства“, выработанныхъ „христіанскимъ союзомъ“, т.-е. крестьянскими депутатами при участіи проповѣдниковъ, расположенныхъ къ народу. Въ этомъ *земледѣльческомъ* манифестѣ чисто деревенскія желанія соединены съ реформой въ духѣ Евангелія. Первое требованіе крестьянъ— чтобы священника выбиралъ народъ, и чтобы Евангеліе возвѣщалось во всей чистотѣ, безъ примѣси человѣческаго вымысла; затѣмъ должна быть отмѣнена крѣпостная зависимость, потому что „Христосъ всѣхъ насъ безъ исключенія освободилъ и искупилъ Своей драгоцѣнной кровью, послѣдняго пастуха наравнѣ съ самымъ знатнымъ; а потому ясно изъ Писанія, что мы всѣ свободны, и мы хотимъ быть свободны“. „Мы не отрицаемъ властей, но не хотимъ подчиняться ихъ произволу“. Затѣмъ крестьяне требуютъ возвращенія отнятыхъ у нихъ общинныхъ земель, свободнаго пользованія водами, лѣсомъ, ловлей рыбы и дичи, умѣренной

Digitized by Google

и справедливой барщины и оброка и уничтоженія права помѣщика брать наслѣдство умершаго крестьянина. Они готовы сохранить старый порядокъ владѣнія и взносы, даже десятину; только они сами будутъ собирать ее на содержаніе священниковъ.

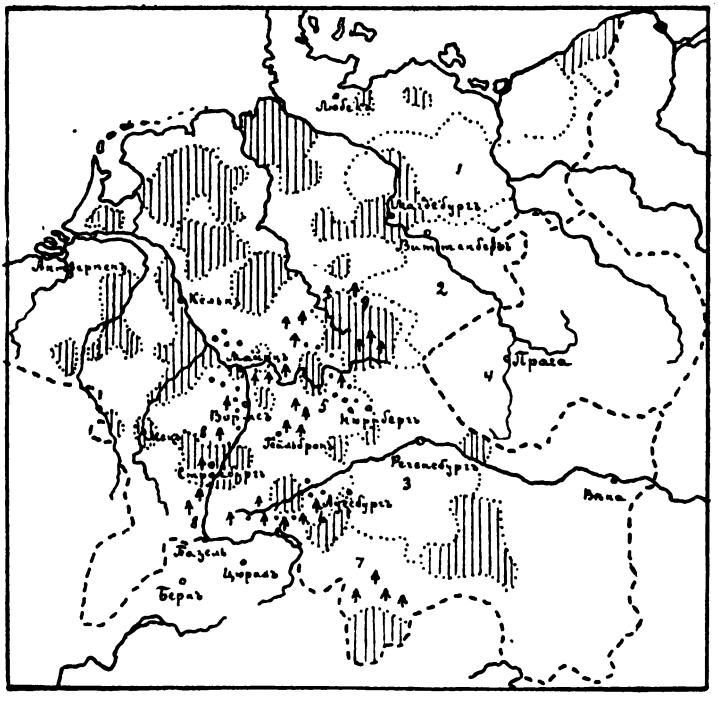
Эти требованія были очень умѣренны. Но такъ какъ князья и сеньеры-владѣтели большею частью отказались ихъ принять, крестьяне стали собираться большими отрядами, громить дворянскія усадьбы и двинулись на города; къ нимъ присоединялись ланцкнехты, не имѣвшіе дѣла, а во главѣ отрядовъ мѣстами становились обѣднѣвшіе рыцари. Въ свою очередь союзъ швабскихъ городовъ, располагавшій хорошимъ наемнымъ войскомъ, началъ противъ крестьянъ истребительную войну.

Въ другой области, Франконіи (на югъ отъ р. Майна), крестьянамъ удалось соединиться съ радикальной партіей среди горожанъ и занять городъ Гейльбронъ; однимъ изъ главныхъ составителей манифеста возставшихъ выступилъ бывшій секретарь мелкаго князя-владѣльца, Гиплеръ; въ немъ подробно изложена *политическая* реформа, которая должна была превратить нестройную имперію въ демократическую монархію. Предполагалось уничтожить дробность страны и всѣ стѣсненія; въ имперіи должно быть одно законодательство, одна монета; всѣ пошлины и сборы при переѣздѣ изъ одного владѣнія въ другое уничтожаются; всѣ люди получаютъ равенство передъ закономъ и свободу передвиженія. Князья и другіе сеньеры должны лишиться своей власти и обратиться въ простыхъ чиновниковъ; если они не захотятъ уступить, крестьяне пойдутъ противъ нихъ въ союзѣ съ рыцарями и горожанами. Надъ всѣми должно стать одно центральное правительство; на содержаніе его пойдетъ прямая подать съ народа и доходъ съ церковныхъ имуществъ, которыя надо отобрать на свѣтскія нужды. Въ судѣ должны быть только выборные засѣдатели, по старинѣ, а не ученые юристы, отъ которыхъ столько притѣсненія народу. Крестьянамъ надо дать возможность выкупить свои повинности и пріобрѣсти во владѣніе земли, на которыхъ они работаютъ. Гейльбронскій проектъ напоминаетъ новѣйшія понятія о народномъ государствѣ съ равенствомъ и свободой гражданъ.

Мѣстами возставшіе выставляли требованія еще болѣе рѣшительныя; въ Тиролѣ, гдѣ было много свободныхъ крестьянъ, ихъ съѣздъ принялъ проектъ, составленный бывшимъ чиновникомъ канцеляріи епископа, Гайсмайромъ, и отражавшій идеи *коммунизма* (общности имуществъ); онъ настаивалъ на уничтоженіи замковъ и крѣпостныхъ стѣнъ; пусть не будетъ больше городовъ, а останутся однѣ деревни, и пусть никто не возвышается надъ другими; надо уничтожить купечество, чтобы люди не оскверняли себя грѣхомъ лихвы. Рудники,

Digitized by Google

торговля, ремесло,—все это должно поступить въ распоряженіе государственной власти, которая возьметъ въ свои руки заботу о благоустройствѣ народа. Въ Тюрингіи крестьяне подъ руководствомъ пророчествующаго проповѣдника Томаса Мюнцера образовали большой коммунистическій лагерь наподобіе чешскихъ таборитовъ. Въ возстаніи каждая группа по-своему представляла себѣ святой божій порядокъ на землѣ и проповѣдовала свою реформацію. Требованія полнаго общественнаго переустройства по большей части соединялись съ крайними религіозными идеями.



Германія въ началѣ реформаціи. Полосками показаны владѣнія духовныхъ князей. Точки означаютъ распространеніе имперскихъ рыцарей. Стрѣлки — мѣста крестьянскихъ возстаній. 1 Бранденбургъ, 2 Саксонія, 3 Баварія, 4 Богемія, 5 Франконія, 6 Швабія, 7 Тироль, 8 Эльзасъ, 9 Тюрингія.

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Лютеръ, повторяя мистиковъ, говорилъ о томъ, что для человѣческаго духа, свободно возносящагося къ Богу, не нужны ни символы, ни догматы. Когда самые ревностные его сторонники и единомышленники начали звать народъ на свободную проповѣдь внѣ церквей, Лютеръ испугался и указалъ въ Библіи незыблемую почву ученія. Многіе изъ тѣхъ, кто привѣтствовалъ его вначалѣ, увидали въ этомъ отступничество. Мюнцеръ говорилъ, что

Digitized by Google

ссылка на Писаніе—буквоѣдство, умерщвленіе духа. Онъ называлъ самого Лютера „виттенбергскимъ папою, докторомъ лжи, архиязычникомъ". „Если не возродишься, то не познаешь Бога, проглоти хотя 100.000 библій". Адскія муки отчаянія, страшное потрясеніе души—вотъ что нужно для того, чтобы закалить избранника.

Другіе проповѣдники въ болѣе мягкой формѣ развивали тотъ же взглядъ. Въ Нюрнбергѣ, Аугсбургѣ, Страсбургѣ образовались кружки людей свободной мысли. Между ними особенно выдавался Денкъ, отстранявшій всю христіанскую догматику, учившій, что Христосъ не былъ искупителемъ, а только человѣкомъ, примѣру котораго мы должны слѣдовать; Писаніе есть книга, составленная какъ всѣ другія и подлежащая такой же критикѣ, какъ другія. Къ этому направленію примкнули ученики нюрнбергскаго художника Дюрера, который. самъ горячо привѣтствовалъ, въ лицѣ Эразма, а потомъ Лютера, начало великаго умственнаго освобожденія.

Сторонники свободной религіозной мысли видѣли главную цѣль во внутреннемъ просвѣтлѣніи человѣка. Для иныхъ понятіе объ этомъ моментѣ перерожденія души соединялось съ мыслью о міровомъ событіи, о переустройствѣ всей земли. Они принимали свое восторженное состояніе за приближеніе великаго суда Божія. Мюнцеръ обѣщалъ избранникамъ, отрекшимся отъ мірскихъ радостей, награду въ видѣ господства надъ міромъ: „короли должны служить имъ, а кто не захочетъ, погибнетъ смертью". Среди обездоленныхъ, среди волновавшихся крестьянъ Мюнцеръ имѣлъ огромное вліяніе. Онъ обѣщалъ за всѣ страданія народа наступленіе царства Божія на землѣ, земной рай всеобщаго равенства и братства подъ управленіемъ боговдохновенныхъ пророковъ. Когда началось возстаніе, проповѣдь Мюнцера приняла болѣе мрачный, кровавый характеръ. Онъ сталъ звать себя новымъ Моисеемъ и приглашать Божій народъ къ очищенію земли огнемъ и мечомъ; всѣ власть имущіе—нечестивцы, оскорбляющіе Господа. Передъ Мюнцеромъ несли красный крестъ и обнаженный мечъ.

Движеніе крестьянъ сначала носило очень грозный характеръ. Но оно скоро было разсѣяно. Бѣдный классъ въ городахъ не оказалъ дѣятельной поддержки крестьянамъ. Богатые горожане, напротивъ, соединились съ князьями и прелатами для подавленія мятежа. Сельскіе дружины, плохо вооруженныя, необученныя военному дѣлу, всюду были разбиты наемными ланцкнехтами. Мѣстами возставшихъ наказывали со страшной жестокостью: ослѣпляли захваченныхъ или вѣшали рядами на дорогахъ. Положеніе крестьянъ не стало лучше. Лишь кое-гдѣ имъ сдѣлали уступки, облегчили десятину и оброки: на рейхстагѣ только поговорили объ отмѣнѣ крѣпостныхъ обычаевъ. Сеньерамъ и рыцарямъ-

Digitized by Google

собственникамъ вернули ихъ права на барщины и пошлины; но, будучи водворены во владѣніи при помощи княжескихъ войскъ, они и должны были подчиниться князьямъ, которые получили такимъ образомъ главный выигрышъ отъ *реакціи* (подавленія революціи).

Революція 1525 г. захватила не одни интересы деревны: рыцари, ремесленники, мелкіе чиновники, священники, учителя принимали въ ней участіе; въ проекты реформъ были вложены политическія идеи людей разныхъ званій и классовъ. Поэтому несчастливый исходъ крестьянскаго движенія былъ вообще концомъ всѣхъ надеждъ на общую великую реформу имперіи, народнаго быта и просвѣщенія. До 1521 г. голоса недовольныхъ какъ бы сливались всѣ вмѣстѣ. Но послѣ Вормскаго сейма, когда дѣятельно выступили разныя группы интересовъ и понятій, между чинами имперіи и классами общества обнаружилось различіе, и они столкнулись враждебно.

Умѣренная реформація. Побѣдителями изъ борьбы вышли князья и частью самостоятельные города: въ рукахъ этихъ отдѣльныхъ силъ, ревниво наблюдавшихъ свою власть и интересы, каждая въ предѣлахъ своей узкой области, и осталось дѣло реформы церкви. Первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи была *секуляризація*, т.-е. отобраніе имуществъ, принадлежавшихъ монастырямъ и духовенству (буквально, передача „вѣчнаго“, божьяго владѣнія секулярной, т.-е. земной, временной власти). Это происходило главнымъ образомъ въ сѣверной и восточной Германіи. Замѣчательнымъ примѣромъ секуляризаціи было превращеніе Тевтонскаго духовно-рыцарскаго ордена въ свѣтское Прусское герцогство, при чемъ его владыка-монахъ обратился въ наслѣдственнаго князя, а братія-рыцари—въ наслѣдственныхъ же владѣтелей большихъ имѣній. Политика ордена была внушена исключительно разсчетомъ: эту отдаленную окраину Германіи имперскія власти покинули на произволъ судьбы, и ей оставалось подчиниться сосѣдней сильной Польшѣ: новый герцогъ покупалъ утвержденіе своей власти цѣною вассальной присяги польскому королю.

Другое слѣдствіе мѣстныхъ реформацій состояло въ томъ, что вмѣсто притязательныхъ, зависящихъ отъ Рима клириковъ были назначены проповѣдники и богословы, готовые подчиниться мѣстнымъ князьямъ или городскимъ магистратамъ. Духовное званіе совершенно измѣнило свой характеръ. Новые *пасторы* (т.-е. пастыри) не были связаны монашескими обѣтами, не были облечены таинственной благодатью и не возвышались надъ мірянами; они считались простыми учеными, учителями и толкователями открытаго и доступнаго всѣмъ писанія. По порученію властей Лютеръ и другіе „евангелическіе“ проповѣдники, отрекшіеся отъ папы и Рима, отправлялись по городамъ и деревнямъ, чтобы уничтожить

Digitized by Google

„языческіе“ обряды, отмѣнить торжественную мессу, посты и почитаніе мощей, ввести причащеніе подъ обоими видами для мірянъ, богослуженіе на народномъ языкѣ и утвердить ученіе, согласное Библіи. Предполагалось, что эти перемѣны составляютъ возвратъ къ первоначальному чистому христіанству. Евангелики сильно отклонились однако отъ того, что долгіе вѣка считалось неотъемлемой долей христіанства: они отвергали пять таинствъ изъ семи, отрицали поклоненіе Богородицѣ и святымъ; единственнымъ посредникомъ между Богомъ и людьми они признавали Христа. Все это отвѣчало требованіямъ, которыя были раньше выставлены реформаторами, но въ одномъ важномъ вопросѣ Лютеръ долженъ былъ смириться и уступить: новые священники не выбирались свободно общинами прихожанъ, какъ онъ требовалъ въ первыхъ своихъ революціонныхъ сочиненіяхъ; ихъ назначали мѣстные правители, князья, которые, съ отмѣной епископовъ, присвоили себѣ сами епископскую власть и стали считаться главами мѣстныхъ церквей. Эти черты устройства и составляютъ „лютеранскую“ реформацію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ проповѣдниковъ, ученыхъ и писателей, которые боролись за реформу церкви и просвѣщенія, произошло раздѣленіе. Тому, кто подчинился мѣстнымъ властямъ, одолѣвшимъ въ революціи 1525 года, трудно было уже поднимать голосъ на защиту простого народа: это бы значило идти заодно съ мятежниками. На самомъ Лютерѣ рѣзко сказалась перемѣна. Въ его первыхъ сочиненіяхъ много горячихъ призывовъ сжалиться надъ участью мужика, облегчить его положеніе. Но когда началось крестьянское возстаніе, Лютеру пришлось выбирать, и онъ сталъ на сторону князей и помѣщиковъ; всю свою гнѣвливость и рѣзкость онъ излилъ на мятежниковъ, призывая къ дикой расправѣ надъ ними. Еще въ другомъ отношеніи Лютеръ отдался реакціи. Въ тотъ же роковой 1525 годъ онъ написалъ слова: „разумъ— блудница дьявола“. Среди бурныхъ споровъ о религіозной истинѣ отодвинулись далеко планы мирнаго широкаго просвѣщенія умовъ въ духѣ Эразма. Самъ Эразмъ, колебавшійся между Римомъ и его противниками, осмѣянный Лютеромъ, доживалъ послѣдніе годы какъ бы въ тѣни, не пользуясь и половиной прежняго авторитета. Его младшіе послѣдователи, напр., ученый Меланхтонъ (греческая форма вмѣсто Шварцердъ), сотрудникъ Лютера, должны были всюду, гдѣ научная критика сталкивалась съ требованіями догмата, отдавать предпочтеніе второму.

Анабаптисты. Окончательно разошлись просвѣтители по вопросу о „свободѣ христіанина“. Умѣренные, особенно послѣ мятежа, заявили, что должна быть незыблемая основа ученія въ Писаніи, и что свобода можетъ выражаться только въ толкованіи текстовъ. Они отреклись теперь отъ прежнихъ союзниковъ, отъ крайнихъ, не ставившихъ никакой преграды

Digitized by Google

свободной мысли и вѣрованію. Тѣхъ, кто отрицалъ писанное откровеніе и ссылался на откровеніе внутреннее, стали называть *анабаптистами*, т.-е. перекрещенцами (названіе неточное: крайніе вовсе не крестили вторично, а допускали крещеніе лишь взрослыхъ, такъ какъ видѣли въ этомъ актѣ сознательное перерожденіе человѣка). Анабаптисты хотѣли „справедливаго“ порядка; пусть общины состоятъ изъ немногихъ, но эти немногіе должны быть „святы“, т.-е. нравственно совершенны; они сочувствовали равенству или общности имуществъ; въ утвержденныхъ властями проповѣдникахъ они видѣли угодниковъ могущества и богатства. Они высказывались противъ самой власти, признавая ее языческой силой, противъ войны, клятвы и присяги. Въ свою очередь и власти, и утвержденные ими пасторы принимаются жестоко преслѣдовать анабаптистовъ: имъ клеймятъ языки, ихъ жгутъ на кострахъ въ качествѣ еретиковъ и безбожниковъ. Ихъ гонятъ изъ страны въ страну: удаленные изъ Швейцаріи, они расходятся по южно-нѣмецкимъ городамъ, оттуда бѣгутъ на нижній Рейнъ, въ Голландію, и на востокъ, въ Моравію.

Среди анабаптистовъ были мирные устроители братскихъ общинъ (*моравскіе братья*, меннониты). Но рѣзкія преслѣдованія вызывали у многихъ крайне возбужденное настроеніе; тогда между анабаптистами появлялись восторженные проповѣдники, возвѣщавшіе близкое тысячелѣтнее царство Христово и великій судъ на землѣ. Голландскимъ анабаптистамъ удалось захватить городъ Мюнстеръ въ Вестфаліи; они объявили его новымъ Іерусалимомъ, водворили тамъ божье устройство съ общностью имуществъ, 12 старѣйшинами и царемъ Давидомъ новаго Израиля. Изгнанный ими епископъ скоро взялъ городъ; вожди анабаптистовъ были сожжены, и клѣтки съ ихъ костями долго висѣли на городской колокольнѣ.

Цвингли. Въ мелкихъ „земскихъ“ церквахъ, которыя устанавливались вмѣсто одной общей, управлявшейся изъ Рима, оказались разногласія даже между умѣренными евангеликами, сторонниками библейскаго направленія. Въ то время, какъ на сѣверѣ Германіи большею частью приняли саксонскіе порядки, введенные Лютеромъ и Меланхтономъ, въ городахъ Швейцаріи и южной Германіи держались устройства и ученія Цвингли, реформатора Цюриха. Цвингли одновременно съ Лютеромъ выступилъ противъ продажи индульгенцій и побудилъ цюрихскій городской совѣтъ отмѣнить посты, крестные ходы, мессу и церковную музыку, разрѣшить причащеніе виномъ для мірянъ и свободную проповѣдь. Болѣе проникнутый гуманизмомъ, Цвингли разошелся съ Лютеромъ въ вопросѣ о томъ, какъ толковать причащеніе: истинно ли вкушается тѣло и кровь Христовы, какъ учило католичество и допустили лютеране, или этотъ обрядъ заключаетъ въ себѣ лишь символъ, напоминаніе

Digitized by Google

духовнаго общенія человѣка съ Божествомъ. Между богословами, отколовшимися отъ Рима, начались сильныя пререканія по этому поводу. Многіе реформаторы и представители свѣтской власти хотѣли добиться соглашенія, чтобы сплоченной силой идти противъ католичества, и устроили съѣздъ проповѣдниковъ и ученыхъ. Лютеръ выказалъ здѣсь всю свою нетерпимость; въ то время, какъ Цвингли ради общаго дѣла просилъ не упоминать о разногласіяхъ и со слезами на глазахъ протягивалъ ему руку, **Лютеръ** написалъ на столѣ мѣломъ слово *есть* (изъ текста: „сіе есть тѣло мое“) и молча показывалъ на него.

Цвингли былъ гораздо болѣе политикомъ, чѣмъ Лютеръ: онъ настаивалъ на распространеніи реформаціи въ швейцарскомъ союзѣ и на увеличеніи самого союза, поднималъ голосъ противъ ухода изъ страны наемниковъ и противъ пенсій, получаемыхъ швейцарскими патриціями за позволеніе иностраннымъ государямъ вербовать въ Швейцаріи ландскнехтовъ. Когда старинные лѣсные кантоны, вѣрные папѣ, начали войну съ Цюрихомъ, Цвингли пошелъ съ солдатами и погибъ въ сраженіи (1531). Швейцарцы остались раздѣленными по вѣрѣ (реформацію приняли городскіе кантоны, Бернъ и Базель), но не разорвали своего союза.

Протестантизмъ въ Германіи. Между тѣмъ и та умѣренная реформа, которую удалось провести въ нѣкоторыхъ областяхъ и городахъ Германіи, подвергалась опасности. За годъ до возвращенія императора Карла V въ Германію большинство членовъ рейхстага въ Шпейерѣ, испуганное евангелическимъ движеніемъ, потребовало остановки секуляризаціи впредь до созванія общаго собора. Меньшинство протестовало противъ этого рѣшенія, и съ тѣхъ поръ за сторонниками реформаціи закрѣпилось названіе *протестантовъ*. На слѣдующій годъ на рейхстагѣ въ Аугсбургѣ (1530) протестанты представили императору свое исповѣданіе, составленное Меланхтономъ. Всѣ церковныя нововведенія были однако запрещены, и сторонникамъ реформаціи пригрозили опалой. Но императоръ тѣмъ не менѣе не въ силахъ былъ возстановить единство въ церкви и имперіи: папа не соглашался на созваніе собора, а протестантовъ спасали внѣшнія затрудненія, походы Карла на мусульманъ и борьба съ французами: французскій король вступилъ даже въ союзъ съ протестантскими князьями противъ императора. Два раза императоръ заключалъ религіозный миръ съ протестантами и предоставлялъ имъ свободу исповѣданія. Черезъ десять лѣтъ послѣ аугсбургскаго сейма Карлъ V пытался даже (въ Регенсбургѣ) устроить соглашеніе съ протестантами по главнымъ спорнымъ вопросамъ. Гуманистъ-протестантъ Меланхтонъ и гуманистъ-католикъ, кардиналъ Контарини, членъ Ораторіи божественной любви, почти столковались между собою. Контарини признавалъ догматъ оправданія вѣрой и высказался противъ индульгенцій,

Digitized by Google

но папа отозвалъ и осудилъ его. Въ лагерѣ протестантовъ большинство также оказалось непримиримымъ, и соглашеніе не состоялось.

Къ этому времени протестанты составляли уже большинство въ Германіи. Въ ихъ рукахъ былъ почти весь сѣверъ и востокъ имперіи съ владѣніями крупныхъ князей, а на югѣ—преимущественно города. Оплотомъ католичества оставался западъ по Рейну съ духовно-княжескими территоріями и юго-востокъ съ Баваріей и землями Габсбурговъ.

Реформація въ Швеціи и Даніи. Съ конца 20-хъ и въ теченіе 30-хъ годовъ XVI в. реформація захватила другія страны Европы. При этомъ ясно обнаружилось, что власть римской церкви была слабѣе въ германскихъ странахъ и сильнѣе въ романскихъ, т.-е. въ области старинной римской имперіи. Раньше всего прошла реформа церкви въ скандинавскихъ странахъ, Швеціи и Даніи. Шведы съ конца XIV в. подчинялись датскимъ королямъ. Въ 20-хъ годахъ XVI столѣтія произошло возстаніе противъ датчанъ. Его руководитель, Густавъ Ваза, былъ выбранъ шведскимъ королемъ; чтобы закрѣпить свое положеніе и найти средства для продолженія борьбы, онъ созвалъ представителей сословій (въ Швеціи, кромѣ дворянъ, духовенства и горожанъ, стали приглашаться еще крестьяне) и предложилъ отобрать у церкви замки и крѣпости, доходныя земли и монастырскія имущества, оставивъ лишь средства для содержанія клириковъ; рѣшеніемъ того же сейма (въ Вестеросѣ 1527 г.) большая доля секуляризуемыхъ владѣній церкви отходила въ видѣ вознагражденія дворянамъ. Поэтому они охотно поддержали короля и предоставили ему также право назначать свѣтскихъ управляющихъ по монастырямъ. Густавъ Ваза воспользовался этимъ, чтобы захватить надзоръ за духовенствомъ вообще, ставить и смѣнять священниковъ помимо епископовъ; въ страну были допущены лютеранскіе проповѣдники, которые большею частью и заняли церковныя должности. Монастыри были закрыты. Такъ произошелъ разрывъ съ Римомъ; король сталъ главою церкви, а епископы сошли на положеніе его чиновниковъ. Реформація въ Швеціи совпала съ національнымъ освобожденіемъ и усилила королевскую власть: на слѣдующихъ сеймахъ Густавъ Ваза добился признанія наслѣдственности короны за своимъ домомъ.

Большое сходство съ этими событіями представляетъ реформація въ Даніи. И здѣсь она была прежде всего финансовымъ переворотомъ. Притязательный клиръ желалъ, наподобіе французскаго, образовать въ Даніи особую національную церковь, съ сохраненіемъ стараго владѣнія, авторитета епископовъ и обрядности. Король освободился отъ этого ограниченія при содѣйствіи дворянства, съ которымъ раздѣлилъ доходы и владѣнія духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ была объявлена „свобода вѣры“, т.-е. допущена библейская проповѣдь и назначены послушные власти священ-

Digitized by Google

ники. Церковь осталась по устройству *епископальной*, но главою ея сдѣлался король.

Реформы такого рода были продолженіемъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ монархическими правительствами въ XV в. во время соборнаго движенія противъ папъ.

Реформація въ Англіи. Въ томъ же духѣ, хотя медленнѣе и съ бо́льшими колебаніями, произошло отдѣленіе Англіи отъ католической церкви.

Въ Англіи существовала оппозиція папству со времени проповѣди Уиклифа и парламентскихъ рѣшеній при Эдуардѣ III, воспрещавшихъ апеллировать въ Римъ. Высшіе классы хотѣли имѣть независимую національную церковь; въ народѣ распространялась Библія на родномъ языкѣ. Около 1500 г. подъ вліяніемъ итальянскихъ гуманистовъ и Эразма образовался кружокъ ученыхъ просвѣтителей, которые ставили цѣлью нравственное очищеніе церкви и путь къ нему видѣли въ изученіи античной литературы и отцовъ церкви.

Король Генрихъ VIII (1509—1547), по обычаю времени, держалъ сторону просвѣтителей противъ обскурантовъ; самый талантливый изъ оксфордскихъ реформаторовъ, Томасъ Моръ, былъ близкимъ къ нему человѣкомъ. Но англійскій король совсѣмъ не думалъ о реформѣ церкви: въ 20-хъ годахъ, во время великаго кризиса въ Германіи, онъ считался оплотомъ католичества, былъ въ родствѣ съ испанскимъ домомъ и самъ писалъ рѣзкія возраженія противъ Лютера. Чисто личныя дѣла повели къ разрыву его съ Римомъ. Папа отказался дать Генриху VIII разводъ съ первой женой, испанской принцессой. Тогда король обратился къ англійскому парламенту и конвокаціи англійскаго духовенства. Парламенты при первыхъ Тюдорахъ, Генрихѣ VII и VIII, правившихъ послѣ междоусобной войны, были весьма послушны: они были наполнены частью вновь пожалованными лордами и мелкими дворянами, частью юристами на королевской службѣ.

И парламентъ, и духовенство легко было увлечь къ рѣзкимъ заявленіямъ противъ Рима въ духѣ протестовъ XIV в.; оба собранія признали правильность развода и высказались противъ вмѣшательства папы въ дѣла Англіи. Затѣмъ парламентъ уничтожилъ аннаты, плативше́іеся въ Римъ, и запретилъ исполнять въ Англіи папскіе интердикты. Соглашаясь на эти перемѣны, какъ будто вытекавшія изъ стариннаго англійскаго законодательства XIV в., духовенство отдавало себя въ распоряженіе свѣтской власти, короля и поддерживавшаго его парламента. Послѣ того какъ университеты и собранія духовенства высказались противъ власти римскаго епископа надъ Англіей, парламентъ, по требованію Генриха VIII, „актомъ о верховенствѣ“ объявилъ короля главой церкви и передалъ ему право судить, раздавать чины и должности, распоряжаться

Digitized by Google

доходами духовныхъ учрежденій, производить визитаціи (осмотры) церквей и монастырей, искоренять ереси и злоупотребленія (1534). Вмѣсто обычной молитвы за папу было предписано въ церквахъ читать: „избави насъ, Господи, отъ тираніи римскаго епископа!“ Духовныя лица и свѣтскіе чиновники должны были приносить королю особую присягу, какъ главѣ церкви. Особымъ комиссарамъ было поручено произвести опись монастырскихъ имѣній и доходовъ, чтобы взимать съ нихъ аннату и десятину для короля.

Но это вовсе не значило, чтобы открывались двери протестантскому ученію. Напротивъ, сторонниковъ евангелическаго направленія преслѣдовали и сожигали въ качествѣ еретиковъ; одновременно съ ними, въ силу „законовъ объ измѣнѣ“, казнили, уже въ качествѣ политическихъ преступниковъ, тѣхъ католиковъ, которые не соглашались признать церковное главенство короля; среди нихъ былъ Моръ, вѣрившій когда-то, что король Генрихъ VIII откроетъ собой эру просвѣщеннаго мира и гуманности. Большимъ несчастіемъ было то, что король, при своемъ капризномъ деспотизмѣ, считалъ себя еще великимъ богословомъ, способнымъ установить истинный религіозный путь для своихъ подданныхъ. Согласно его взглядамъ, парламентъ, чтобы укрѣпить вѣроученіе, опредѣлилъ неподвижность догматовъ статутомъ „шести пунктовъ“; этотъ законъ, „бичъ о шести хвостахъ“, какъ его назвали протестанты, запрещалъ причащеніе подъ обоими видами, требовалъ безбрачія священниковъ, католической обѣдни и тайной исповѣди и грозилъ за отступленіе смертью на кострѣ и конфискаціей имущества.

Такъ же, какъ въ скандинавскихъ странахъ, король въ Англіи извлекъ изъ церковной реформы большую финансовую выгоду и подѣлился ею съ дворянствомъ. Новому любимцу, Томасу Кромвелю, было поручено, въ качествѣ генеральнаго викарія короля въ церковныхъ дѣлахъ, произвести ревизію монастырей, церквей и духовныхъ госпиталей подъ видомъ провѣрки политической благонадежности клириковъ и образа ихъ жизни. Духовенство было очень небезупречно, но ревизоры, желавшіе угодить королю, были еще хуже. Кромвель и его подчиненные наскоро собрали массу розсказней и сплетенъ и составили огромный обвинительный актъ, „черную книгу“, на основаніи которой было приступлено къ конфискаціямъ церковнаго имущества. Сначала закрыли небольшіе монастыри и пустили въ продажу ихъ владѣнія. Массы богомольцевъ, которые липнулись привычныхъ мѣстъ поклоненія, и бѣдныхъ, кормившихся при церковныхъ учрежденіяхъ, двинулись съ сѣвера къ Лондону; они несли знамя съ изображеніемъ пяти ранъ Христа, требовали возстановленія папизма и монастырей и наказанія Кромвеля. Ихъ остановили обѣщаніемъ пересмотрѣть церковныя дѣла, но въ сущности правительство воспольз-

Digitized by Google

зовалось движеніемъ, какъ предлогомъ для новаго обвиненія монаховъ въ измѣнѣ государю. Начались казни аббатовъ, подозрѣваемыхъ въ подстрекательствѣ народа къ демонстраціи. Испуганные клирики по монастырямъ сами признавались въ невѣроятныхъ грѣхахъ, чтобы спасти жизнь, и предлагали отобраніе церковнаго имущества. Новыя конфискаціи крупныхъ церковныхъ учрежденій приняли видъ настоящаго грабежа. Драгоцѣнныя ризницы были расхищены чиновниками усердствовавшаго Кромвеля; разбивали иконы и распятія, подъ предлогомъ истребленія „язычества“, сожгли между прочимъ останки стараго противника королевскаго самовластія, Томаса Бекета, рака котораго привлекала много богомольцевъ. Монастырскія земли распродавались спѣшно и достались большею частью придворнымъ и дворянству. Король посадилъ новыхъ лордовъ въ Верхнюю палату на мѣста, освободившіяся вслѣдствіе исчезновенія аббатовъ. Но Кромвель также вызвалъ подозрѣнія Генриха VIII и былъ казненъ.

Епископы, признавшіе главенство короля, исполняли послушно его церковныя предписанія, особенно Кранмеръ, архіепископъ кентерберійскій. При всей строгости, съ какою соблюдались старинные обряды, все-таки неизбѣжно проходили нѣкоторыя новшества. Такъ, былъ допущенъ переводъ Библіи на англійскій языкъ и англійская литургія.

Со смертью Генриха VIII, при его малолѣтнемъ сынѣ Эдуардѣ VI, выступили сторонники болѣе рѣшительной реформаціи; тотъ же податливый Кранмеръ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ въ направленіи протестаитизма: допустили причащеніе подъ обоими видами, браки священниковъ, приняли догматъ оправданія вѣрою и признали Писаніе единственной основой вѣроученія. Отдѣлившаяся отъ Рима *англиканская* церковь усвоила, такимъ образомъ, протестантское ученіе и сохранила, подобно скандинавскимъ странамъ, епископальный строй.

Закрытіе монастырей и отобраніе церковнаго имущества сопровождалось народными волненіями. Въ Англіи правительство, а не народъ, совершило переворотъ и разбило внѣшніе символы стараго культа; низшіе классы, напротивъ, мѣстами выступали на защиту его. Въ большомъ раздѣлѣ накопленнаго вѣками достоянія они ничего не получили, а, напротивъ, явно выиграли высшіе классы, особенно землевладѣльцы. Они и безъ того вызывали недовольство крестьянъ своими огораживаніями, захватомъ общинныхъ земель и крупнымъ овцеводствомъ, вытѣснявшимъ земледѣліе. Теперь всѣ эти обидныя впечатлѣнія отъ разгрома святыни и несправедливаго обогащенія немногихъ соединились въ умахъ простого народа и вызвали возстанія, особенно въ юго-западной и въ восточной Англіи (Норфокѣ). Норфокцы подъ предводительствомъ кожевника Кета ломали ненавистныя изгороди, возвращали огороженныя

Digitized by Google

земли въ общинное владѣніе и производили передѣлъ, исходя изъ взгляда, что земля должна принадлежать всѣмъ одинаково (1549 г.). Крестьянскія возстанія въ Англіи были похожи на германское движеніе 1525 г.: простой народъ выступалъ и здѣсь во имя понятого по-своему божественнаго права. Дворянская конница не могла сладить съ возстаніемъ. Пришлось пустить въ дѣло артиллерію, наемныхъ итальянскихъ мушкетеровъ и нѣмецкихъ ланцкнехтовъ, и лишь съ помощью этого иностраннаго войска возстаніе было подавлено.

III.

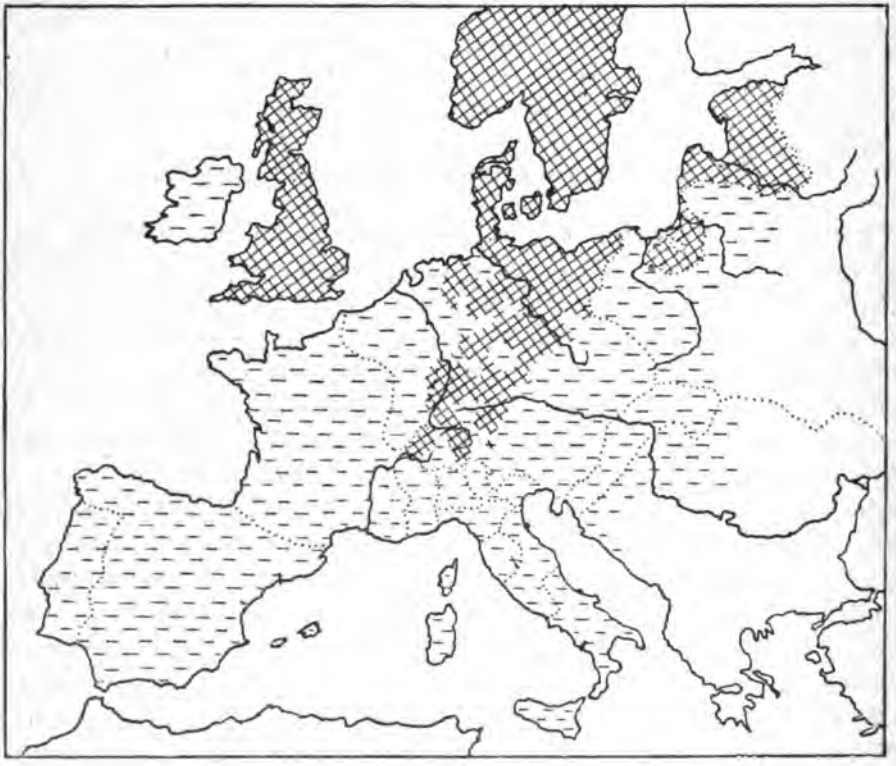
Реакція католичества и кальвинизмъ.

Расколъ въ Германіи. Въ половинѣ сороковыхъ годовъ XVI в. протестантизмъ достигъ въ Германіи наибольшей силы. Три курфюрста (Бранденбургъ, Саксонія, Пфальцъ) уже стали протестантами. Четвертый, архіепископъ кёльнскій, готовился, съ согласія земскихъ чиновъ, обратить свое духовное владѣніе въ свѣтское княжество, подобно Пруссіи; если бы онъ перешелъ къ новой вѣрѣ, это дало бы протестантамъ перевѣсъ въ коллегіи семи избирателей, и вѣрные католичеству Габсбурги были бы устранены отъ императорской короны. Вмѣстѣ съ тѣмъ германскіе князья, распоряжаясь въ церковныхъ дѣлахъ, пріобрѣли почти полную независимость въ своихъ владѣніяхъ. Между тѣмъ у Карла V, до тѣхъ поръ постоянно отвлекаемаго войнами внѣ имперіи, развязались руки, и онъ сталъ собирать силы, чтобы разгромить протестантскихъ князей и возстановить свою власть въ Германіи. Протестанты давно уже образовали военный союзъ, но дѣйствовали врозь и пропустили испанскія войска императора, стоявшія въ Италіи, черезъ альпійскіе проходы. Часть протестантскихъ князей даже перешла на сторону Карла V, между ними герцогъ саксонскій Морицъ, „Іуда Предатель“. Императоръ взялъ въ плѣнъ главу сопротивлявшихся протестантовъ, курфюрста саксонскаго, и передалъ Морицу его владѣнія и титулъ.

Карлъ стоялъ на верху своего могущества: онъ добился созванія общаго собора (въ Тридентѣ), заставилъ протестантовъ принять въ немъ участіе, а пока далъ Германіи свой церковный порядокъ съ незначительными уступками реформаціи (1548). Сохраняя въ странѣ испанскія войска, Карлъ нарушалъ главное условіе своего избранія въ императоры. Вмѣсто неопредѣленнаго союза почти самостоятельныхъ владѣтелей и городскихъ республикъ Германія, казалось, превратится въ католическую монархію

Digitized by Google

при поддержкѣ иноземныхъ силъ. Князья, и во главѣ ихъ Морицъ, стали искать въ свою очередь поддержки противъ Карла V за границей и снова подняли короля французскаго, предоставивъ ему захватить имперскіе города на западной окраинѣ, между ними Мецъ. Самъ Морицъ двинулся внезапно въ тирольскія горы, гдѣ императоръ жилъ, слѣдя за ходомъ собора, и чуть не взялъ его въ плѣнъ. Карлъ не имѣлъ подъ руками войска и былъ въ отчаяніи, что „банкиры сговорились не служить ему“.



Церковное положеніе Западной Европы ко времени Аугсбургскаго мира. Клѣтками показаны государства и области, отпавшія отъ Рима.

Онъ написалъ собственноручное письмо къ Фуггеру въ Аугсбургѣ и умолялъ его пріѣхать „ради самого неба“. Фуггеръ явился, Карлъ V бѣжалъ съ нимъ еще дальше въ горы и заключилъ сдѣлку на громадный заемъ: банкиръ спасъ императора.

Въ послѣдующихъ переговорахъ съ князьями императоръ вынужденъ былъ сдѣлать уступки. Въ 1555 г. рейхстагъ въ Аугсбургѣ утвердилъ религіозный миръ: обѣ стороны согласились вернуться къ тому поло-

Digitized by Google

женію, которое было за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. каждому чину было предоставлено поступать въ дѣлахъ вѣры по своему усмотрѣнію. Это не было объявленіемъ вѣротерпимости, а лишь выраженіемъ побѣды князей. Свобода была предоставлена только „непосредственнымъ“ членамъ имперіи, т.-е. участникамъ рейхстага; остальные „подданные“ обязаны были держаться религіи своихъ областныхъ правителей (что по-латыни выражалось въ словахъ: cujus regio, ejus religio). Въ Германіи осталось прежнее раздробленіе и отсутствіе центральной власти. Аугсбургскій религіозный миръ закрѣпилъ церковный расколъ въ Европѣ. Общій соборъ сталъ теперь невозможнымъ, и къ мысли о его созваніи больше не возвращались.

Несмотря на замиреніе Германіи, война Карла V съ Франціей продолжалась. Императору не удалось вернуть себѣ важную крѣпость Мецъ. Напротивъ, французы замышляли отнять у него Нидерланды. Въ борьбу втянулась и Англія, благодаря тому, что сынъ императора, Филиппъ, женился на англійской королевѣ Маріи, дочери Генриха VIII. Марія, преданная католицизму, возстановила въ Англіи мессу и снова подчинила страну церковной власти папы. Опять, какъ при ея отцѣ, зажглись костры, и въ качествѣ еретиковъ были казнены Кранмеръ и другіе сторонники протестантизма. Парламентъ соглашался на эти мѣры, но настойчиво отказался возвратить церкви отобранное у нея имущество: новые владѣльцы, обогатившіеся на счетъ конфискацій, ни за что не хотѣли уступать своихъ долей. Къ вопросамъ же вѣроученія англійское общество было еще довольно равнодушно.

Большая общеевропейская война (1552—9) сильно затронула интересы населенія различныхъ странъ. Банкиры доставали крупныя суммы, пользуясь финансовой горячкой, охватившей широкіе круги общества. Особенно французскому правительству удалось такимъ путемъ создать себѣ значительный заемъ для войны. Въ „большой операціи“ (grand parti) французскаго короля приняли участіе иностранцы: паи французскаго займа покупали нѣмецкіе князья, швейцарскіе патриціи и даже турецкіе паши, скрывавшіеся за подставными именами. Мелкій людъ во Франціи былъ также очень возбужденъ: чтобы купить долю въ grand parti, „женщины продавали свои украшенія, вдовы отдавали свои ренты и пенсіи, даже прислуга приносила свои сбереженія,—словомъ, народъ бѣжалъ туда, какъ на пожаръ“.

Финансовыя дѣла Карла V были гораздо хуже. Непрерывныя войны его 35-тилѣтняго правленія сдѣлали его неоплатнымъ должникомъ нѣмецкихъ и итальянскихъ банкировъ. Чтобы удовлетворить ихъ и получить новые займы, онъ вынужденъ былъ напрягать платежныя средства своихъ нидерландскихъ и испанскихъ подданныхъ, такъ какъ имперія

ничего не платила. Но съ Нидерландами нельзя было круто поступать; города и области обладали извѣстными вольностями, и въ странѣ существовало общее представительное учрежденіе, генеральные штаты, которое опредѣляло, по соглашенію съ королемъ, размѣръ налога. Въ Испаніи главные доходы состояли въ приходившихъ изъ-за океана грузахъ; ихъ отдавали въ залогъ еще до ихъ прибытія въ порты. Приближался жестокій кризисъ. Карлъ V не хотѣлъ переносить его; энергія его упала, онъ все болѣе отдавался меланхоліи и, наконецъ, отрекся отъ престола и ушелъ въ испанскій монастырь. Наслѣдство его раздѣлилось на двѣ неравныя части: главная доля, Испанія, Нидерланды, итальянскія владѣнія, Новый свѣтъ, отошли къ его сыну Филиппу; австрійскія владѣнія и императорская корона Германіи—къ брату Фердинанду.

Филиппъ продолжалъ войну противъ Франціи на сѣверѣ; хотя его союзники, англичане, потеряли Кале, свое послѣднее владѣніе на материкѣ, остатокъ Столѣтней войны, но французы были нѣсколько разъ разбиты нидерландскими и испанскими войсками. Однако Филиппъ ни на шагъ не подвинулся отъ этихъ побѣдъ; напротивъ, ланцкнехты его перебѣгали во французскій лагерь. Дѣло въ томъ, что французскій король еще могъ платить, тогда какъ у Филиппа изсякли всѣ ресурсы; притомъ нидерландскіе штаты, соизволяя ему послѣднюю субсидію, потребовали, чтобы изъ страны были уведены испанскія войска.

Королю испанскому оставался только одинъ выходъ — объявить банкротъ. Придворные испанскіе богословы поддержали его, сославшись на то, что ростовщическія сдѣлки съ банкирами—дѣло богопротивное, и король въ правѣ, на основаніи Писанія, забрать у купцовъ ихъ неправедно пріобрѣтенное имущество. Филиппъ въ силу особаго указа велѣлъ отобрать у Фуггеровъ и другихъ кредиторовъ испанской короны предоставленныя имъ въ Испаніи доходныя статьи и даже грузы серебра, уже забранные ими въ уплату долговъ; взамѣнъ имъ вручили расписки на полученіе будущихъ налоговъ, которыя при продажѣ не давали и половины поставленной на нихъ цѣны. Скоро прекратилъ уплаты и французскій король. Обѣ воюющія стороны заключили миръ (въ Като-Камбрези 1559 г.). Слѣдомъ за нимъ по средней Европѣ прошло большое разореніе. Кредиторы тѣхъ правительствъ, которыя признали себя несостоятельными, въ свою очередь не могли выполнить своихъ обязательствъ передъ ссудившими ихъ купцами и мелкими сберегателями. На ярмаркахъ перестали платить. Нѣсколько крупныхъ нѣмецкихъ фирмъ рушилось и сами Фуггеры очень пострадали. Одинъ нюрнбергскій купецъ писалъ по этому поводу своему товарищу по дѣлу: „Во время долговременныхъ жестокихъ войнъ у богатыхъ компаній, какъ и

Digitized by Google

у бѣдныхъ людей, явилось желаніе обогатиться крупнымъ барышомъ, и всякій, гдѣ только могъ, вступалъ со своимъ капиталамъ, уповая на государей; между тѣмъ теперь ясно, какъ Божій день, что великіе міра сего не держатъ слова, и одинъ подражаетъ въ этомъ другому".

У французскаго короля было еще одно основаніе спѣшить съ заключеніемъ мира: въ его странѣ также грозно поднималась ересь.

Католическая реформація. Двадцатые и тридцатые годы XVI в. представляютъ время распаденія католической церкви: одна за другою отдѣляются отъ Рима области и цѣлыя страны; духовное руководительство ускользаетъ отъ клира, цѣлые вѣка господствовавшаго во всемъ быту народа и направлявшаго дѣло просвѣщенія. Особенно поразительно то, что въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ реформаціи протестантскіе проповѣдники и ученые не встрѣчали почти вовсе талантливыхъ и образованныхъ противниковъ въ католическомъ духовенствѣ. Папы этого времени, поклонники свѣтскаго искусства, мало входили въ религіозные споры, поднимавшіеся за Альпами. Левъ X пренебрежительно назвалъ дѣло объ индульгенціяхъ, поднятое Лютеромъ, „распрей монаховъ". Папы примѣняли свое старое средство, потерявшее теперь силу, — буллы съ отлученіемъ и проклятіями.

Постепенно однако положеніе стало мѣняться. Въ южныхъ романскихъ странахъ Европы въ свою очередь усилилось движеніе, направленное къ очищенію нравовъ и возвышенію религіозныхъ понятій. Это была своего рода реформація, но она не порывала со стариннымъ строемъ церкви, съ первенствомъ Рима; поэтому ее можно назвать католической реформаціей; она направилась противъ „ереси", противъ всего, что хотѣло отдѣлиться отъ католичества. При этомъ католическая реформація приняла средства новаго просвѣщенія, исходившаго отъ гуманистовъ. Особенно замѣтна эта перемѣна на новоосновавномъ орденѣ іезуитовъ, т.-е. послѣдователей Іисуса.

Орденъ іезуитовъ. Въ устройствѣ іезуитовъ и цѣляхъ ихъ общества отразились характерныя черты испанскаго благочестія. Основателями ордена были нѣсколько испанцевъ, учившихся въ 30-хъ годахъ въ Парижѣ, между ними рыцарь Игнатій Лойола, который оказался, вслѣдствіе раны въ ногѣ, неспособнымъ продолжать военную службу и обратился въ „воина Христова". Лойола и его товарищи искали подвига, готовы были ради защиты вѣры подвергнуться истязаніямъ и униженіямъ; они могли упорнымъ созерцаніемъ и работой своей фантазіи доводить себя до горячихъ видѣній; имъ казалось, что открывается небо, и они вступаютъ въ общеніе со святыми. Но Лойола былъ также искуснымъ и настойчивымъ пропагандистомъ и учителемъ религіознаго подвига и преданности церкви. Въ книгѣ „Духовныя упражненія" Лойола

Digitized by Google

показалъ себя тонкимъ знатокомъ слабостей человѣческой души. Онъ даетъ здѣсь наставленія руководителю религіознаго воспитанія и учитъ, какъ въ теченіе 4 недѣль вызвать въ молодомъ человѣкѣ пламенное религіозное увлеченіе, какъ завладѣвать душой новичка, развивать его чувствительность и покаянное настроеніе, разгорячать его фантазію, доводя до галлюцинацій, чтобы онъ видѣлъ въявь мученія Христа, велъ разговоры съ собственной душой, бесѣдовалъ со святыми, трогалъ одежду Христа и Богоматери и ощущалъ ихъ близость. Лойола указываетъ различныя средства, чтобы бросать человѣка въ тревогу, внезапно будя въ полночь или заставляя его сидѣть днями въ темнотѣ, затѣмъ переносить его къ восторженному лицезрѣнію небесныхъ радостей и наконецъ овладѣть цѣликомъ его волей.

Сначала Лойола и его товарищи собрались отправиться въ Палестину для возобновленія крестоносной проповѣди, но постепенно они все болѣе проникались той мыслью, что главный врагъ церкви ближе и что энергію „Іисусовой дружины“, какъ они себя называли, надо направить противъ возрастающей ереси протестантизма. Они обратились къ папѣ Павлу III съ просьбой признать ихъ новый воинствующій орденъ; въ виду колебаній папы они предложили прибавить къ обычнымъ тремъ монашескимъ обѣтамъ еще четвертый, обѣщая „исполнять все, что прикажетъ папа, который будетъ занимать высшій престолъ, идти во всякую страну, къ туркамъ, язычникамъ и еретикамъ, куда бы онъ ихъ ни послалъ, безъ возраженія, безъ условій и вознагражденія“ (1540).

Новый орденъ во многомъ отличался отъ старыхъ. Его члены не обязаны были вести созерцательную жизнь въ замкнутыхъ общежитіяхъ; напротивъ, они должны были жить среди остальныхъ мірянъ, вмѣшиваться во всѣ житейскія отношенія, занимать любыя должности, открывающія широкую общественную дѣятельность; они не выдѣлялись поэтому особымъ монашескимъ костюмомъ. Только одну черту монастырской дисциплины, необходимую въ борьбѣ, іезуиты удержали и даже усилили, именно безусловное повиновеніе младшихъ волѣ старшаго и всѣхъ вообще членовъ своимъ начальникамъ—до той степени, чтобы подчиненный былъ въ рукахъ властвующаго безгласнымъ орудіемъ, „наподобіе трупа“. Въ силу орденскихъ правилъ (constitutiones), іезуитъ обязанъ пойти на „смертный или другой грѣхъ, если его предписываетъ старшій, во имя Господа нашего Іисуса Христа, или просто напоминая о должномъ повиновеніи, что̀ можетъ быть необходимо для пользы отдѣльнаго лица или ради общаго интереса“. Лойола въ своихъ „Духовныхъ упражненіяхъ“ говоритъ, что должно испытывать не только дѣтскую, но и „рабскую“ покорность Богу. Въ то же время должно быть безусловно преданнымъ церкви и единодушнымъ съ нею: „если церковь

Digitized by Google

опредѣлила, что вещь, кажущаяся намъ бѣлой, черна, мы тотчасъ же обязаны признать ее черной"—говорится тамъ же.

Распоряжаясь тиранически волей отдѣльныхъ членовъ, орденъ внимательно присматривался къ ихъ склонностямъ и способностямъ, старался открыть каждому наиболѣе подходящую дѣятельность, использовать во всякомъ его особое честолюбіе и энергію. Молодые люди, привлекавшіеся іезуитами въ свою среду, вступали сначала въ число новиціевъ (новичковъ); ихъ помѣщали въ особый пріютъ и старательно отдѣляли отъ остального міра; о родителяхъ своихъ они должны были говорить какъ объ умершихъ, всѣ ихъ письма читались начальникомъ. Сначала проходилъ періодъ испытанія, когда новиціи должны были исполнять черную и унизительную работу и постоянно открывать свою душу исповѣднику, каясь въ малѣйшихъ проступкахъ и помыслахъ; потомъ тѣхъ изъ нихъ, кто выказывалъ особый интересъ и талантъ въ наукахъ, переводили въ число схоластиковъ (студентовъ). Послѣ новыхъ испытаній ихъ возводили въ санъ духовныхъ коадьюторовъ; изъ нихъ назначались учителя и ректоры высшихъ школъ. Остальныхъ новиціевъ, менѣе даровитыхъ умственно, старались занять администраціей, хозяйствомъ ордена, поручали имъ раздачу милостыни, уходъ за больными и т. п.; имъ открывалась возможность вступать въ орденъ свѣтскими коадьюторами. Очень немногіе, послѣ долгой службы, исполненія трудныхъ порученій, строгой провѣрки взглядовъ и поведенія, вступали по назначенію „генерала" въ высшій чинъ профессовъ, полноправныхъ членовъ ордена. Профессоровъ распредѣляли по странамъ, въ которыхъ іезуитскій орденъ образовалъ свои „провинціи". Профессы принимали участіе въ провинціальныхъ и общихъ орденскихъ собраніяхъ (конгрегаціяхъ).

Генералъ ордена, обязанный жить въ Римѣ, назначаетъ на всѣ должности и требуетъ отъ всѣхъ чиновниковъ ордена обстоятельныхъ отчетовъ; у него полный списокъ всѣхъ участниковъ ордена; онъ—верховный судья во всѣхъ вопросахъ, касающихся ордена; однимъ почеркомъ пера онъ можетъ уничтожить вліятельнѣйшаго члена ордена. Но онъ связанъ въ то же время непрерывнымъ надзоромъ нѣсколькихъ несмѣняемыхъ высшихъ сановниковъ ордена, которые при немъ состоятъ. Во всемъ орденѣ сверху донизу проведена была сплошная система взаимнаго недовѣрія, всеобщаго шпіонства и доноса. Этимъ способомъ хотѣли достигнуть цѣли, выраженной въ словахъ конституцій: „будемъ всѣ вѣрить въ одно и то же и говорить одно и то же". Ни одно сочиненіе іезуита не можетъ быть опубликовано безъ разрѣшенія генерала. Когда въ средѣ католической церкви возникаетъ споръ, іезуиты всѣ должны принять одно и то же мнѣніе, именно то, которое „выгоднѣе всего для ихъ общества".

Digitized by Google

Іезуиты прежде всего направили свое вниманіе на южныя романскія страны, изъ которыхъ и набирались самые ревностные члены ордена. При смерти перваго генерала, Лойолы, орденъ располагалъ 13 провинціями, изъ нихъ семь принадлежали Испаніи и ея колоніямъ; іезуиты придавали большое значеніе миссіонерству въ обширныхъ странахъ Новаго свѣта; кромѣ того, они устроили миссіи въ области португальской торговли отъ Гоа на Индостанѣ и до Японіи. Іезуиты сначала помѣшали проникнуть протестантизму на два южные полуострова Европы; затѣмъ они двинулись сами на болѣе опасное поле борьбы, во Францію, и еще далѣе, въ Германію.

Въ борьбѣ съ ересью іезуитамъ было всего важнѣе взять въ свои руки воспитаніе будущихъ поколѣній, создать новый видъ дѣятелей, преданныхъ церкви, просвѣщенныхъ, обладающихъ всѣми талантами спора, обличенія, краснорѣчія и литературнаго искусства. Черезъ 10—12 лѣтъ послѣ возникновенія ордена іезуиты основали въ Римѣ два католическихъ университета, collegium Romanum и collegium Germanicum второй былъ предназначенъ для того, чтобы отвоевать болѣе чѣмъ наполовину потерянную для папства Германію. Іезуиты старались взять въ свои руки и среднюю школу. Новые пріемы обученія они усвоили въ совершенствѣ. Въ теченіе двухъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ, они были безспорно лучшими педагогами въ Европѣ. Они привлекали учениковъ даровымъ обученіемъ; впервые въ ихъ школахъ безформенная масса старшихъ и младшихъ учениковъ была раздѣлена на классы. Наглядным, яснымъ и интереснымъ изложеніемъ они умѣли заинтересовать учащихся; они замѣчали направленіе вкусовъ и талантовъ у отдѣльныхъ лицъ и старались ихъ развить; они поддерживали соперничество между учениками и честолюбіе ихъ. Одно изъ средствъ сдѣлать школу интересной состояло въ устройствѣ театральныхъ представленій; въ пьесахъ по большей части изображалась въ яркихъ краскахъ гибель ереси, ничтожество противниковъ церкви и одушевленная сила ея защитниковъ, при чемъ героическія роли послѣднихъ передавались самымъ честолюбивымъ, горячимъ и энергичнымъ юношамъ съ цѣлью ихъ экзальтировать.

Признавая только одну цѣль—служеніе церкви, іезуиты учили, что съ ея врагами, кто бы они ни были, частныя лица, цѣлые классы или правительства, должно бороться всѣми средствами; іезуиты старались проникнуть ко дворамъ въ качествѣ исповѣдниковъ и считали святымъ дѣломъ возбуждать правителей противъ еретическихъ подданныхъ; но и обратно, если правитель самъ склонялся къ ереси или казался слабымъ и допускалъ ея распространеніе, они признавали угоднымъ Богу поднять противъ него возстаніе или даже направить на него мстителя Бо-

Digitized by Google

жія: убійство „тирана“, какъ они называли нарушителя завѣтовъ церкви,— не грѣхъ, а, напротивъ, великій подвигъ.

Реакція въ Италіи. Само папство, благодаря католической реформаціи, измѣнилось. Папа Павелъ III (1534—1549), по образованію похожій на Льва X, въ виду успѣховъ протестантизма, призналъ необходимымъ повернуть на другой путь; онъ окружилъ себя членами Ораторіи божественной любви, ревнителями новыхъ орденовъ и обществъ. Однажды онъ спросилъ кардинала Караффу, какое тотъ знаетъ средство для искорененія ереси. Отвѣтъ былъ: „только одно—неумолимую инквизицію“.

Старый судъ доминиканцевъ давно былъ въ упадкѣ. Инквизиція испанская, учрежденная при Фердинандѣ, служила королевской власти. Папа приступилъ къ устройству новой общей инквизиціи; во главѣ ея сталъ кардиналъ Караффа (впослѣдствіи папа подъ именемъ Павла IV), который тотчасъ принялся за дѣло, самъ устроилъ помѣщеніе для допроса, заготовилъ цѣпи, замки, блоки и всѣ средства пытки. Папа Павелъ III учредилъ также духовную цензуру, чтобы истреблять опасныя или даже только сомнительныя въ глазахъ церкви книги. Книгопродавцы должны были вручать инквизиторамъ каталоги всѣхъ продаваемыхъ сочиненій. Особая коллегія духовныхъ составляла *индексъ*, списокъ книгъ, строго воспрещенныхъ для чтенія католикамъ.

Самый видъ Рима и папскаго двора измѣнился. Папы перестали поддерживать свѣтское жизнерадостное, полуязыческое искусство. На „Страшномъ Судѣ“ Микель Анджело велѣно было зарисовать одеждами обнаженныя фигуры Христа и Святыхъ. Папа Пій V хотѣлъ подчинить и свѣтскихъ людей всѣмъ церковнымъ правиламъ: онъ запретилъ врачамъ лѣчить больныхъ, которые не представятъ свидѣтельства о причащеніи; людямъ, которые три раза нарушатъ воскресный отдыхъ, грозило пронзеніе языка и каторжныя работы. Папа Сикстъ V изгналъ множество художниковъ и гуманистовъ, которые отправились за Альпы искать счастья; онъ запретилъ блестящіе банкеты и праздники, охоту, маскарады прелатовъ.

Крайне тяжело отразились эти перемѣны во всемъ быту и просвѣщеніи Италіи. Побѣда мрачнаго благочестія докончила то, что начали внѣшнія несчастія и разореніе. Съ конца XV в. иностранцы вели войны на почвѣ Италіи, разграбляли ея художественныя сокровища и уничтожали ихъ, какъ это случилось при взятіи Рима въ 1527 г. Установленіе испанскаго господства въ Неаполѣ и Миланѣ было концомъ политической жизни для всей Италіи; флорентійская республика окончательно уступила мѣсто наслѣдственной тираніи Медичи, опиравшихся на поддержку Испаніи. Свободомысліе должно было скрыться отъ всевидящей инквизиціи, которой ревностно служило множество добровольныхъ наблю-

дателей. Флорентійскій историкъ Гвиччардини замѣтилъ однажды иронически, что лицо Мартина (Лютера) мало чѣмъ отличается отъ лица Петра (патрона папы) и что не стоитъ подвергать себя опасности изъза догматовъ, которые человѣкъ давно переросъ умственно. Но не всѣ согласны были скрывать свои взгляды: людей независимой мысли, не желавшихъ лицемѣрить, ждалъ опасный допросъ инквизиціи, и кто не успѣвалъ бѣжать или не приносилъ унизительнаго отреченія, подпадалъ пожизненному заключенію или смерти. Но сама покорность передъ нетерпимой церковью могла создать человѣку мучительную трагедію жизни: такъ случилось съ поэтомъ Торквато Тассо (1544—95).

Ученикъ іезуитской школы въ Неаполѣ, Тассо избралъ героемъ поэмы „Освобожденный Іерусалимъ“ благочестиваго рыцаря Готфрида, участника крестоваго похода. Поэма есть призывъ христіанъ къ истребленію „здѣсь турокъ, а тамъ еретиковъ“ (слова Гете). Тассо послалъ рукопись въ Римъ, и самъ отправился туда, чтобы узнать ея участь. Несмотря на христіанскій пылъ стиховъ, духовные критики нашли въ ней слѣды язычества, заимствованія у грековъ и римлянъ. Эти замѣчанія вызвали у Тассо глубокое безпокойство: онъ ходилъ по всѣмъ церквамъ Рима, усердно молился, а по вечерамъ совѣтовался съ друзьями о своей поэмѣ и безъ конца поправлялъ ее, чтобы не было и тѣни несогласія съ католичествомъ. Онъ сталъ къ своему ужасу вспоминать, что не всегда былъ свободенъ отъ сомнѣній въ вопросахъ о созданіи міра изъ ничего, о безсмертіи души, и самъ явился на судъ инквизиціи; его оправдали— что было само по себѣ почти невѣроятно—но онъ опять отдалъ себя другому суду; наконецъ пошелъ къ самому великому инквизитору, чтобы получить прощеніе грѣховъ. Пришлось помѣстить Тассо въ домъ умалишенныхъ; выйдя оттуда совершенно разбитымъ, онъ переработалъ поэму такъ, что отъ прежней фантазіи ничего не осталось; когда его пригласили въ Римъ, чтобы вѣнчать короной поэта на Капитоліи, онъ попросилъ друга своего скупить старую поэму и предать ее огню.

Въ началѣ реформаціи отъ папъ требовали созванія собора для преобразованія церкви; они долго откладывали созывъ опаснаго для ихъ власти собранія. Католическое возрожденіе открыло имъ теперь возможность обратиться къ собору, но уже не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать на немъ уступки, а чтобы укрѣпить свою власть. Засѣданія Тридентскаго собора (начались при Карлѣ V въ 1546 г.) прерывались на многіе годы и возобновлялись три раза. На послѣднюю его сессію (1560—63 г.) не приглашали протестантовъ; дѣло шло уже не о реформѣ, а объ установленіи незыблемыхъ основъ строя католической церкви. У противниковъ сдѣлали нѣкоторыя внѣшнія заимствованія, чтобы обороняться ихъ же оружіемъ; католическое духовенство должно было приблизиться въ

Digitized by Google

своей жизни къ простому быту протестантскаго: прелатамъ предписано было жить въ своихъ епархіяхъ и запрещено заразъ владѣть нѣсколькими бенефиціями.

Но въ вопросахъ ученія на соборѣ одержало верхъ непримиримое направленіе *ультрамонтанъ* (загорныхъ, какъ называли на предальпійскомъ сѣверѣ сторонниковъ Рима). Во главѣ этого направленія стояли іезуиты; ихъ генералъ Лайнесъ, преемникъ Лойолы, игралъ важнѣйшую роль въ Тридентѣ. Они не допускали ни малѣйшей уступки новымъ ученіямъ, настаивали на вѣрѣ въ чистилищѣ, поклоненіи святымъ и Богородицѣ; они отвергали какую-либо критику Писанія и объявили, что истолкованіе его принадлежитъ одной церкви; они провозгласили папу непогрѣшимымъ въ вопросахъ вѣры, единственнымъ рѣшителемъ какихъ-либо реформъ, верховнымъ толкователемъ всѣхъ церковныхъ правилъ и священныхъ книгъ.

Кальвинизмъ. Соотвѣтственно той перемѣнѣ, которая произошла въ католичествѣ, и протестантизмъ сталъ принимать боевой характеръ. Это особенно замѣтно на кальвинизмѣ, сторонники котораго уже не ограничивались требованіемъ свободы для себя, какъ первые протестанты, а ставили цѣлью также искорененіе католичества.

Основателемъ новаго направленія былъ Кальвинъ (по-французски Ковенъ), молодой французскій ученый, бѣжавшій изъ Парижа по обвиненію въ протестантизмѣ и сдѣлавшійся проповѣдникомъ въ Женевѣ. Городъ этотъ съ небольшой территоріей у выхода Роны изъ Леманскаго озера, на соединеніи путей изъ Франціи, Нидерландовъ и Германіи въ Италію, принадлежалъ по имени къ имперіи, но давно оторвался отъ нея, подобно другимъ городамъ среднихъ Альпъ. Крайне важная по своему торговому положенію, Женева была въ XV в. мѣстомъ большихъ ярмарокъ для средней Европы и осталась потомъ крупной биржей. Въ борьбѣ съ сосѣдними савойскими герцогами, которые пытались захватить богатый городъ и соединить въ своихъ рукахъ оба склона важнѣйшихъ альпійскихъ переваловъ, Женева должна была искать помощи у швейцарцевъ, особенно у сильнаго Берна, который продвинулся въ свою очередь къ Леману и старался овладѣть этимъ юго-западнымъ ключомъ Швейцаріи. Поэтому Женева должна была принять вѣру своихъ союзниковъ, протестантизмъ, хотя была окружена католическими странами. Въ качествѣ международнаго пункта Женева служила убѣжищемъ для итальянскихъ и французскихъ эмигрантовъ, спасавшихся отъ преслѣдованій за вѣру: этотъ приливъ сдѣлалъ городъ изъ дѣлового банкирскаго узла также центромъ протестантскаго богословія и пропаганды, которая пошла въ другія страны.

Кальвинъ (1509—64) былъ далекъ отъ мистики; это—ученый система-

Digitized by Google

тикъ и резонеръ. Въ своемъ „Наставленіи въ христіанской вѣрѣ“ онъ обратилъ требованія протестантовъ въ новые непререкаемые догматы. Католичество въ глазахъ Кальвина само есть язычество, забвеніе Бога, которому предпочтены его слуги и орудія. Но тотъ Богъ, славу котораго Кальвинъ хочетъ возстановить,—грозный мститель, истребляющій, какъ въ Ветхомъ завѣтѣ, тысячи невѣрныхъ и отступниковъ. Католическое ученіе о милосердіи церкви, о заступничествѣ Дѣвы и святыхъ—вредная въ его глазахъ чувствительность. Божье рѣшеніе, непонятное, далекое отъ людей, безповоротно принято до ихъ рожденія; заранѣе уже души оправданныхъ отдѣлены отъ осужденныхъ; грѣхи людей на землѣ—не причина осужденія, а слѣдствіе его; добрыя дѣла—не заслуга человѣка, а милость Божія. Люди—орудія Божьей воли: часто Онъ исполняетъ волю Свою руками злодѣевъ; но это не служитъ имъ въ смягченіе (таково ученіе о *предопредѣленіи*). Вѣрующіе, въ надеждѣ, что они принадлежатъ къ числу избранниковъ, должны вести особо достойную жизнь.

Кальвинъ требовалъ монастырской тишины и строгости нравовъ, и женевская городская дума, согласно предложеніямъ пасторовъ, установила мелочный, придирчивый надзоръ за гражданами, которымъ руководилъ судъ *консисторіи*, состоявшій изъ священниковъ и свѣтскихъ старѣйшинъ. Граждане должны были посѣщать всѣ церковныя службы, и особый патруль обходилъ дома, чтобы выгонять въ церковь замѣшкавшихся или лѣнивыхъ. Запрещены были всякія развлеченія: пѣсни, танцы, общественныя игры; даже мистеріи, драматическія картины библейской жизни были недопущены, въ качествѣ лишняго развлеченія. Въ Женевѣ водворились темные костюмы, не слышно стало смѣха; хотѣли возродить народъ Божій, легендарнаго Израиля, суроваго и недоступнаго соблазну. Возникло новое уголовное право, въ силу котораго особенно преслѣдовали всякое оскорбленіе имени Божія. Въ Женевѣ опять вернулись къ католическому отлученію; духовное наказаніе, наложенное консисторіей, могло также привести къ тюрьмѣ, изгнанію и казни. Однажды осудили на смерть человѣка, у котораго нашли дома на черновомъ листѣ и на поляхъ его собственной книги два-три слова, истолкованныя въ смыслѣ непочтительнаго отношенія къ Моисею; онъ былъ признанъ виновнымъ на основаніи іудейскаго Второзаконія и уставовъ царя Юстиніана противъ еретиковъ.

Церковь Кальвина въ Женевѣ совершенно сравнялась по нетерпимости съ католической. Онѣ могли даже подавать другъ другу руку въ преслѣдованіи свободной мысли. Въ 1553 г. былъ арестованъ на французской территоріи, недалеко отъ Женевы, испанскій ученый Серветъ, отвергавшій въ своемъ сочиненіи „Возстановленіе христіанства“ ученіе о Троичности Бога. Кальвинъ, знакомый съ нимъ раньше, поспѣшилъ

Digitized by Google

сообщить французской инквизиціи письма Сервета, которыя послужили уликой задержаннаго. Когда Серветъ убѣжалъ изъ Франціи и попытался укрыться въ Женевѣ, Кальвинъ узналъ его въ толпѣ; по его указанію, Сервета задержали, и Кальвинъ повелъ противъ него обвиненіе. Женевская дума проявила при этомъ большую ревность, опросила большинство швейцарскихъ протестантскихъ богослововъ и, получивши ихъ одобреніе, осудила Сервета, какъ богохульника, на сожженіе.

Процессъ и осужденіе Сервета вызвали однако протесты защитниковъ вѣротерпимости. Въ Базелѣ образовался кружокъ просвѣтителей, ученыхъ и литераторовъ, которые высказывались противъ насилія и за права разума. У нихъ встрѣчаются выраженія: „Духъ человѣка благороденъ; скорѣе можно подѣйствовать на него свободнымъ убѣжденіемъ, чѣмъ силой". „Высшій судъ во всѣхъ вопросахъ принадлежитъ разуму, и самъ разумъ не знаетъ надъ собою другого суда, кромѣ собственнаго". Самая горячая защита въ пользу несогласно мыслящихъ принадлежала французу Шательону (подъ псевдонимомъ Беллія), бывшему женевскому проповѣднику, удаленному изъ города по настоянію Кальвина. Шательонъ писалъ: „Казнить человѣка... значитъ не защитить мысль, а убить человѣка. Защита мнѣнія—дѣло ученаго, мыслителя. Дѣло власти—оказывать покровительство этому мыслителю, какъ ея дѣло—охрана рабочаго, крестьянина, всѣхъ гражданъ". Суровый женевскій реформаторъ выпустилъ въ свою очередь „Защиту правовѣрнаго ученія, гдѣ доказывается, что еретиковъ надо наказывать мечомъ". Противники его ссылались на евангельскую любовь. Кальвинъ обращался къ Ветхому завѣту: „Богъ не щадитъ цѣлые народы; онъ велитъ до основанія разрушать города и уничтожать слѣды ихъ; мало того, ставить трофеи въ знакъ проклятія, чтобы зараза не захватила остальной земли". Большинство протестантскихъ богослововъ и ученыхъ (въ томъ числѣ Меланхтонъ) стали на сторону Кальвина. Защитники вѣротерпимости должны были замолкнуть, и положеніе самого Шательона стало опаснымъ. Только смерть спасла его отъ процесса передъ базельской думой, которой Кальвинъ подалъ грозную жалобу.

Послѣ 1540 г. религіозная жизнь въ Европѣ стала весьма не похожа на положеніе 1520 г., во время общихъ свѣтлыхъ ожиданій реформы. Поднялись двѣ враждебныя церкви другъ противъ друга, обѣ непримиримыя къ малѣйшему отступленію. Но протестанты были, кромѣ того, расколоты на-двое: цвингліанцы соединились съ кальвинистами; подъ именемъ *реформатовъ*, или реформированной церкви они отдѣлялись отъ лютеранъ; вражда между тѣми и другими была такая же, какъ между протестантами и католиками. Лютеранство ограничилось тѣми областями, которыя были пріобрѣтены съ самаго начала. Напротивъ, кальвинисты

Digitized by Google

повели энергичную борьбу противъ папизма и направили свою проповѣдь въ такія страны, гдѣ или вовсе не было реформы, какъ Франція, Нидерланды, Шотландія, или въ такія, гдѣ реформа была неполная, какъ въ Англіи. Въ Женевѣ была основана Академія, которая готовила кальвинистскихъ ученыхъ и проповѣдниковъ разныхъ національностей. Лютеранство вездѣ почти становилось подъ защиту власти и допускало признаніе государей главами церкви. Кальвинизмъ, напротивъ, большею частью выступалъ самостоятельно или даже прямо враждебно къ свѣтской власти. Поэтому его сторонники провозглашали особое божественное право церкви, подобное католической теократіи среднихъ вѣковъ.

Кальвинъ училъ, что безбожной власти должно оказывать сопротивленіе: „тотъ изъ государей, кто не ставитъ себѣ цѣлью прославленіе Бога, — не правитель, а разбойникъ“. „Земные правители сами отрекаются отъ власти, когда возстаютъ противъ Бога; скорѣе должно ихъ втаптывать въ грязь, чѣмъ повиноваться имъ“. Онъ называетъ правителей „раскрашенными куклами, привлекающими удивленіе жалкой народной массы блестящей обстановкой и актерствомъ; они ненасытны въ своей жадности“. И совершенно такъ же, какъ въ средніе вѣка, служители церкви считали себя въ правѣ громить свѣтскую власть, и Кальвинъ называетъ пасторовъ преемниками грозныхъ пророковъ и апостоловъ: „пусть они безбоязненно дерзаютъ на все, пусть заставятъ всѣхъ сильныхъ, гордыхъ міра сего преклониться передъ величіемъ Божіимъ“. Онъ училъ также, что священники могутъ въ качествѣ народныхъ трибуновъ выступать защитниками притѣсненныхъ или даже всей народной массы.

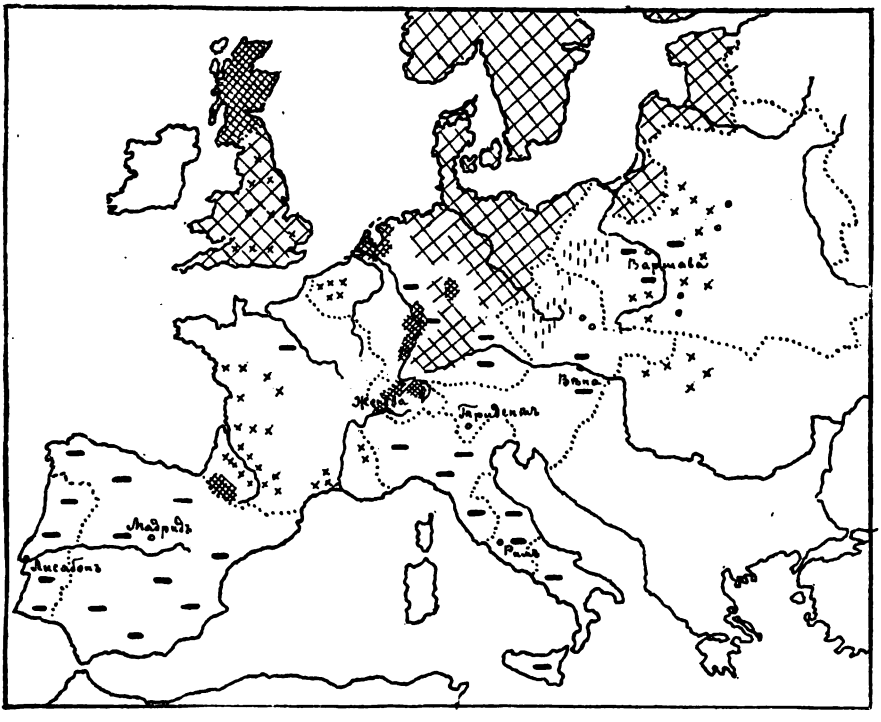
Обостреніе религіозной вражды и судьба свободной мысли. Нетерпимость религіозныхъ партій неизбѣжно вела къ рѣзкимъ столкновеніямъ. Слѣдующія за Тридентскимъ соборомъ десятилѣтія заполнены *религіозными войнами*. Это не только войны между государствами, но и внутреннія междоусобія, борьба сословій или областей, раздѣлявшихся на религіозныя партіи, для которыхъ вопросъ объ истинной вѣрѣ соединялся съ опредѣленными интересами, съ защитой своихъ правъ, улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія; знамя религіи, которое при этомъ поднимали, служило только обостренію борьбы.

Черезъ 30—40 лѣтъ послѣ начала реформаціи совершенно ясно раздѣлились различныя направленія, какъ будто сливавшіяся въ первоначальномъ общемъ движеніи. Вначалѣ всѣ, даже самые консервативные умы, какъ, напр., Лютеръ, сходились на требованіи „свободы“: свободы изслѣдованія, свободы совѣсти, свободы пропаганды. Но лишь меньшинство добивалось свободы въ качествѣ главной цѣли: большинство же составляли сектанты, люди, желавшіе преобразовать церковь и вѣру

Digitized by Google

чтобы остановиться на новыхъ незыблемыхъ догматахъ. Вслѣдствіе этого сторонники свободныхъ направленій мысли оказались между двухъ огней, выключенными отъ всѣхъ партій.

Со времени образованія протестантизма и возрожденія католичества эти люди стояли одиноко и были въ опасномъ положеніи. Въ Германіи знаменитый врачъ и химикъ Парацельзъ (Гогенгеймъ † 1541 г.) остался внѣ споровъ о вѣрѣ: онъ сравнивалъ Лютера и папу съ двумя блудни-



Церковное положеніе западной Европы къ концу XVI вѣка. Крупныя клѣтки — епископальныя церкви и лютеранство; мелкія—кальвинистскія (пресвитеріанскія) церкви; крестики—разрозненныя кальвинистскія общины; вертикальныя полоски—гусситство; кружки—социніанство; горизонтальныя черты—іезуиты.

цами, которыя бранятъ другъ друга, хотя обѣ заслуживаютъ осужденія. По его мнѣнію, надо быть не только вѣрующимъ, но и мыслящимъ; тотъ богатъ умственно, кто познаетъ Бога въ Его твореніяхъ и черезъ нихъ вѣруетъ въ Него, а не такъ, какъ слѣпой вѣритъ, что существуютъ краски. Очень далекъ отъ предмета религіозной вражды также Себастьянъ Франкъ († 1543 г.), мыловаръ и мелкій типографъ, добившійся независимаго положенія и занявшійся литературой Франкъ—сторонникъ освободительныхъ идей реформаціи; но онъ находитъ, что лю-

Digitized by Google

теране замѣнили живого человѣка-папу бумажнымъ папою, спасеніе въ дѣлахъ милосердія — спасеніемъ посредствомъ многословія; въ новыхъ церквахъ, по его мнѣнію, меньше свободы совѣсти, чѣмъ у язычниковъ и турокъ. Всѣ догматическіе споры—безплодное занятіе, всѣ обряды и таинства — остатки іудейства; „я же вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ считаю моими братьями всѣхъ, кто среди всѣхъ народовъ ищетъ Бога". Франкъ не хочетъ никакого внѣшняго авторитета въ дѣлахъ ума и совѣсти, но онъ признаетъ, что, къ сожалѣнію, масса людей иначе устроена. „Міръ желаетъ имѣть и долженъ имѣть папу, въ угоду которому онъ готовъ вѣровать во все, хотя бы пришлось его воскресить или изъ земли выкопать; и если каждый день у него отнимать папу, онъ немедленно будетъ находить себѣ другого".

Еще въ XV в. въ Италіи были попытки преобразовать христіанство посредствомъ платонизма. Въ началѣ XVI в. гуманисты мечтали объ освобожденіи христіанства отъ тѣхъ догматовъ, которые противорѣчатъ разуму. Въ вѣкъ реформаціи это направленіе обратилось въ *антитринитаризмъ* (отрицаніе троичности Бога). Впервые его систематически изложилъ Серветъ; больше всѣхъ послѣдователей оно пріобрѣло въ Италіи, гдѣ получило имя отъ двухъ ученыхъ Социновъ, Лелія и Фауста. *Соцініане* должны были бѣжать изъ Италіи вмѣстѣ съ разными протестантскими эмигрантами; они нашли убѣжище въ Польшѣ, гдѣ образовали нѣсколько общинъ, открыли высшую школу и типографію, выпускавшую изданія антитринитаріевъ.

IV.

Испанія и Голландія. Борьба за торговое преобладаніе.

Въ первой половинѣ XVI в. обладаніе Новымъ Свѣтомъ и океаническими путями принадлежало исключительно Пиренейскимъ государствамъ. Благодаря этому, Испанія была самымъ сильнымъ и богатымъ государствомъ въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что она владѣла также главнымъ европейскимъ торговымъ и денежнымъ центромъ—Нидерландами. Во второй половинѣ столѣтія у пиренейскихъ народовъ явились соперники на морѣ, главнымъ образомъ англичане и затѣмъ голландцы, возмутившіеся бывшіе подданные Испаніи, образовавшіе самостоятельную республику. Борьба этихъ сѣверныхъ народовъ съ южными за обладаніе моремъ и колоніями осложнилась религіознымъ расколомъ: Испанія составляла оплотъ католичества, тогда какъ голландцы и англичане защищали дѣло протестантизма.

Digitized by Google

Абсолютная монархія въ Испаніи. При сынѣ Карла V, Филиппѣ II, Испанія достигла наибольшей силы, и при немъ же началось ея паденіе. На томъ и другомъ явленіи отразились характеръ народа, бытъ его сословій и пріемы политики правительства. Главное государство въ составѣ Испаніи, Кастилія, возникло изъ долгой борьбы съ маврами, и эта опустошительная война наложила печать на исторію страны до нашихъ дней. Путемъ грабежа и захвата доставалась христіанамъ большая часть владѣній; мирный трудъ развивался очень слабо. Оттого испанецъ „бурно хватается за всякое дѣло, но ничего не можетъ довести до конца". Господствующую массу народа составили мелкіе рыцари, гидальги. По словамъ итальянскаго историка XVI в., они „лучше за ничтожное вознагражденіе согласны идти въ солдаты, нести всѣ тягости жалкой службы у грандовъ или даже разбойничать на дорогѣ, чѣмъ браться за ремесло или торговлю". Въ городахъ, возникшихъ большею частью изъ крѣпостей, высшіе классы тянулись за гидальгами; ремесленники, составлявшіе цехи, не имѣли большой силы. Только въ области бывшей Гренады, густо населенной, хорошо воздѣланной, снабжавшей своими фабрикатами всю остальную Испанію, сидѣло трудолюбивое рабочее населеніе; но это были большею частью *мориски*, потомки мавровъ; они сохранили свой костюмъ и бытъ и вызывали вражду остального населенія, ревностныхъ католиковъ, которые отождествляли патріотизмъ съ дѣломъ своей вѣры. Гордиться чистотой крови, т.-е. отсутствіемъ евреевъ и мавровъ въ числѣ своихъ предковъ, стало упорнымъ предразсудкомъ испанцевъ. Люди смѣшанной расы не могли получить никакихъ должностей.

Эти особенности помѣшали испанцамъ при всей ихъ гордости и свободолюбіи основать политическую свободу. Каждое сословіе, каждая область или городъ хлопотали только о своихъ правахъ. Этимъ разъединеніемъ воспользовалась слабая вначалѣ королевская власть. Въ концѣ XV в. король обуздалъ военную силу грандовъ съ ихъ свитами при помощи городскихъ милицій. Дворянство перешло на королевскую службу, стало уходить въ Америку. Въ началѣ XVI в. наступила очередь городовъ. Въ 1519 г. поднялось возстаніе кастильскихъ коммунъ противъ молодого короля Карла, который пріѣхалъ изъ Нидерландовъ со своими совѣтниками и заявилъ намѣреніе пользоваться богатствами Испаніи для своихъ общеевропейскихъ предпріятій. Города требовали бережливости, пребыванія короля въ Испаніи, подчиненія дворянъ, до тѣхъ поръ свободныхъ отъ налога, одинаковымъ повинностямъ съ горожанами, выключенія ихъ отъ службы въ городахъ, правильнаго созыва сейма (кортесъ). Дворянство не только не поддержало этого возстанія, а еще помогло королю подавить его.

При такомъ разъединеніи сословій собранія кортесъ не могли слу-

Digitized by Google

жить для ограниченія королевскаго произвола. Дворянство не интересовалось вопросомъ о податяхъ, такъ какъ подати соизволяли одни горожане. Послѣ 1538 г., когда гранды съ гордостью отвергли попытку ввести общій налогъ на товары, Карлъ пересталъ призывать ихъ. На кортесъ являлись съ тѣхъ поръ только городскіе депутаты. Но города тяготились посылать представителей, такъ какъ приходилось выплачивать имъ содержаніе. Король принялъ въ виду этого за правило давать депутатамъ „подарки", т.-е. покупалъ ихъ въ свою пользу; должность депутата стала такъ доходна, что ее начали пріобрѣтать за деньги. Притомъ отъ городовъ являлись проникшіе въ коммунальное управленіе гидальги, которые вносили въ дѣло интересы рыцарства. Этого мало: Карлъ опредѣлилъ размѣры и характеръ полномочій, которыя горожане должны были давать своимъ депутатамъ. Наконецъ онъ сталъ присылать въ собраніе, въ качествѣ предсѣдателя, одного изъ членовъ королевскаго совѣта, обязаннаго потомъ доложить королю о происходившемъ, вслѣдствіе чего стало уже опаснымъ дѣлать возраженія правительству и выражать несогласіе. Съ этихъ поръ депутаты, созывавшіеся черезъ 3—4 года, давали обыкновенно на все свое одобреніе. Король держалъ крупное по тому времени постоянное войско, самое большое въ Европѣ: оно служило не разъ для подавленія внутреннихъ мятежей.

Важной опорой короля была святѣйшая инквизиція. Въ Испаніи инквизиція была только по имени духовнымъ учрежденіемъ, такъ какъ возникла съ соизволенія папы, но въ сущности она служила королевскимъ чрезвычайнымъ судомъ. Инквизиторы, какъ чиновники, назначались и смѣнялись королемъ. Король получалъ отъ инквизиціи огромныя матеріальныя выгоды. Тому, кто подпалъ подъ ея обвиненіе, уже трудно было ускользнуть отъ наказанія. А между тѣмъ у осужденнаго отбиралось не только все имущество, но и всѣ сдѣланныя имъ когда-либо выдачи, даренья, вклады, вышедшее изъ дому приданое и т. д. Король получалъ изъ этихъ конфискацій двѣ трети, что составляло очень значительный постоянный его доходъ. „Инквизиція,—говоритъ одинъ итальянецъ,—придумана для того, чтобы у богатыхъ похищать ихъ владѣніе, у сильныхъ ихъ вліяніе". Если король не рѣшался притянуть могущественнаго гранда къ обыкновенному суду, то обвинялъ его въ ереси и добивалъ средствами инквизиціи. Духовный судъ вмѣшивался во все: въ дѣла торговли, искусства, флота, податей. Однажды было объявлено ересью продавать во Францію лошадей и оружіе. Инквизиція въ Испаніи держалась въ значительной степени національнымъ предразсудкомъ испанцевъ, ихъ преувеличеннымъ почитаніемъ чистоты крови и незапятнаннаго католичества. Считалось позоромъ уже просто подпасть обвиненію передъ инквизиціей; ни одинъ настоящій испанецъ не выдалъ бы за обвинявша-

Digitized by Google

гося замужъ своей дочери; потомки осужденнаго не могли получить должности ни у короля, ни въ городскомъ управленіи.

Политика Филиппа II. Наслѣдникъ Карла V, Филиппъ II (1555—98), родившійся и выросшій въ Испаніи, выражалъ собою типичныя черты своей націи. Образцомъ для него были кастильскіе порядки управленія. Въ Кастиліи не существовало самоуправленія послѣ возстанія 1520 г. Въ концѣ XVI вѣка были уничтожены вольности Арагона, другой гораздо меньшей по размѣру составной части Испаніи. Нити испанской политики сходились въ Совѣтѣ короля. Филиппъ, при замкнутости своего характера, перенесъ ее въ свой кабинетъ: онъ никуда не ѣздилъ, много работалъ, часто просиживалъ ночи, прочитывалъ массу докладовъ, снабжалъ ихъ помѣтками, писалъ самъ приказы и инструкціи, но вся эта работа была бумажная, безъ малѣйшаго знанія жизни и безъ желанія примѣниться къ особенностямъ различныхъ странъ и народностей, которыя были подъ его управленіемъ. Однако Филиппъ II ставилъ такія широкія цѣли, для достиженія которыхъ надо было напрягать всѣ силы разнообразныхъ составныхъ частей испанской имперіи. Считая себя оплотомъ вѣры, онъ диктовалъ папѣ предписанія, выставлялъ непримиримое мнѣніе на Тридентскомъ соборѣ и поддерживалъ въ Англіи и во Франціи католическія партіи. Послѣ смерти своей первой жены, англійской королевы Маріи, онъ сохранилъ притязаніе на Англію; но когда новая королева, Елизавета, другая дочь Генриха VIII, отвергла предложеніе руки съ его стороны и возстановила въ Англіи протестантизмъ, Филиппъ сталъ помогать возстаніямъ и заговорамъ англійскихъ католиковъ. Онъ основалъ особую духовную академію въ Нидерландахъ для приготовленія проповѣдниковъ, которые должны были вмѣстѣ съ тѣмъ служить агитаторами въ Англіи.

Филиппъ II не оставлялъ и той крупной цѣли, которую ставила себѣ Испанія на югѣ: въ качествѣ главы христіанъ онъ велъ войну съ сильной Турціей на Средиземномъ морѣ. При Солиманѣ (1520—66) турки завоевали, кромѣ нижняго и средняго Дуная въ Европѣ и долины Евфрата въ Азіи, берегъ сѣверной Африки, вытѣснили венеціанцевъ съ Кипра, а іоаннитскихъ рыцарей съ Родоса, собираясь взять, наконецъ, и послѣднюю ихъ опору, Мальту. Большой флотъ испанцевъ и венеціанцевъ разбилъ турокъ у береговъ западной Греціи (при Лепанто) и остановилъ движеніе мусульманъ въ западную часть Средиземнаго моря; однако ни одну изъ захваченныхъ уже турками позицій вернуть не удалось. Филиппъ II велъ ту же общеевропейскую имперскую политику, какую и его отецъ Карлъ, присоединивъ къ ней защиту непримиримаго католичества. Испанскій король держалъ въ безпокойствѣ всѣ страны Запада. Но его предпріятія поглощали огромныя суммы денегъ.

Digitized by Google

Они привели къ потерѣ части богатѣйшихъ нидерландскихъ провинцій и къ разоренію Испаніи.

Нидерланды въ срединѣ XVI в. Нидерланды (нынѣшняя Голландія, Бельгія и сѣверо-западная Франція) состояли изъ 17 провинцій весьма различнаго характера и устройства, которыя были соединены только однимъ общимъ учрежденіемъ, генеральными штатами, сходившимися послѣ значительныхъ перерывовъ на короткіе сроки. Населеніе ихъ распадалось на четыре народности, на с. фризовъ и голландцевъ (кругомъ залива Зюидерзе и по нижнему Рейну), на ю. фламандцевъ (по р. Шельдѣ) и валлоновъ (по р. Маасу), изъ которыхъ первыя три говорятъ на германскихъ нарѣчіяхъ, послѣдняя—на французскомъ. Области юго восточныя (нынѣшняя Бельгія и сѣверные департаменты Франціи), особенно густо населенныя по р. Шельдѣ, съ большими индустріальными городами, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Франціей и составляли до XV в. цѣль французскихъ завоеваній. Противовѣсомъ купечеству и ремесленникамъ фламандскихъ коммунъ выступала дворянская землевладѣльческая аристократія, особенно сильная въ валлонскихъ областяхъ. Сѣверныя провинціи (нынѣшняя Голландія) были ближе связаны съ Германіей и Англіей; нѣсколько городовъ принадлежали къ великой нѣмецкой Ганзѣ. Въ приморскихъ мѣстностяхъ преобладало рыболовство и мореходство. Три области (сѣверная и южная Голландія и Зеландія) лежатъ въ сущности ниже морского уровня; но ихъ населеніе отвоевало у моря полосы заливаемой земли, огородило ихъ съ морской стороны огромными насыпями и плотинами и устроило стокъ воды изъ нихъ черезъ каналы и шлюзы, прорѣзавшіе плотины. Сложилась поговорка: „Богъ сдѣлалъ море, а голландецъ—берега". Влажные и жирные польдеры, образовавшіеся благодаря этой огромной работѣ многихъ поколѣній, служили земледѣлію и еще болѣе скотоводству.

Нидерланды были важнѣйшей составной частью въ имперіи Карла V; онъ извлекалъ изъ соединенныхъ провинцій въ 8—9 разъ больше дохода, чѣмъ изъ Америки. „Тамъ истинныя сокровища и рудники, тамъ настоящая Индія, которая дала императору возможность вести войны, которая сохранила ему государство, достояніе и вліяніе" (слова венеціанскаго дипломата). Въ свою очередь Нидерланды пользовались при Карлѣ V всѣми выгодами соединенія съ Германіей; имперія служила большимъ рынкомъ для произведеній фламандской индустріи. При Филиппѣ II положеніе измѣнилось: страна оказалась въ тѣсной связи съ отдаленной, чуждой ей Испаніей; между тѣмъ для городской промышленности Фландріи наступилъ кризисъ (остановка или паденіе). Въ теченіе 3-хъ вѣковъ фламандскія тонкія шерстяныя матеріи были первыми въ Европѣ, въ XVI в. съ ними стали соперничать англійскія сукна и

Digitized by Google

шерстяное производство во фламандскихъ городахъ начало падать; многія фабрики сократились и закрылись: ремесло вмѣстѣ съ тѣмъ стало переходить изъ городовъ въ деревни, гдѣ работали худшіе, болѣе грубые сорта матерій на болѣе дешевыя цѣны. Въ городахъ вслѣдствіе сокращенія сбыта возникло недовольство; причину упадка дѣлъ хотѣли видѣть въ появленіи новыхъ господъ страны—испанцевъ; пріемами своей администраціи испанцы усиливали раздраженіе и какъ будто подтверждали правильность обвиненій.

Нидерландская революція. Филиппъ II на первыхъ порахъ сохранилъ въ Нидерландахъ управленіе Карла V, но, удалившись самъ въ Испанію, оставилъ управленіе страны своей сестрѣ (Маргаритѣ Пармской), духовникомъ которой одно время былъ Лойола. Въ государственномъ совѣтѣ, окружавшемъ правительницу, сидѣли крупные нидерландскіе сеньеры, между прочимъ Эгмонтъ, одинъ изъ выдающихся генераловъ въ войнѣ съ Франціей, и Вильгельмъ Оранскій, владѣвшій также посторонними землями во Франціи и Германіи. Но въ дѣйствительности дѣлами руководилъ тайный совѣтъ (консульта), во главѣ котораго находился иностранецъ, кардиналъ Гранвелла; это было первымъ нарушеніемъ нидерландскихъ вольностей. Филиппъ II сталъ ихъ далѣе нарушать своими церковными мѣрами, направленными къ истребленію ереси.

Въ Нидерландахъ распространились главнымъ образомъ воинственныя и крайнія формы протестантизма, враждебныя католической пышной обрядности; сюда направилась сильная пропаганда кальвинизма изъ Женевы, и переходили анабаптисты изъ Германіи. Богатые горожане составляли, вмѣстѣ съ проповѣдниками, консисторіи по женевскому образцу; это церковное управленіе было несравненно дешевле епископскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ открывало просторъ честолюбію и вліянію представителей высшихъ городскихъ классовъ. Въ деревняхъ сектантство принимало еще болѣе демократическій видъ: массы народа сходились по нѣсколько тысячъ на открытыхъ мѣстахъ; сходъ загораживался повозками и срубленными деревьями; въ серединѣ становился на возвышеніи проповѣдникъ, ближе къ нему женщины, дѣти, безоружные; снаружи большимъ кольцомъ помѣщались вооруженные и всадники на случай защиты отъ нападеній; народъ пѣлъ псалмы и приходилъ въ восторженное состояніе. Испанскій король увеличилъ число епископовъ, назначилъ на высшія духовныя мѣста испанцевъ и приготовился ввести въ странѣ испанскую инквизицію. Судьи по духовнымъ дѣламъ разъѣзжали по странѣ и присуждали къ сожженію всѣхъ, кто читалъ Библію и отказывался идти на католическую обѣдню.

Испанская администрація вызывала сильное недовольство въ Нидерландахъ. Аристократы отправили Эгмонта въ Мадридъ, чтобы предста-

Digitized by Google

вить королю вредъ инквизиціи. Дворяне, средніе и мелкіе, поступили болѣе рѣшительно. Они составили „святую конфедерацію и союзъ“, обязавшись взаимной клятвой искоренять инквизицію, составляющую „причину всѣхъ безпорядковъ и несправедливостей“. Договоръ этотъ подписали одинаково католики и протестанты, но текстъ его былъ написанъ кальвинистскимъ рыцаремъ-литераторомъ Марниксомъ де Сентъ-Альдегондъ, учившимся въ Женевѣ. Въ составѣ нѣсколькихъ сотъ дворяне отправились къ правительницѣ, чтобы подать ей прошеніе объ отмѣнѣ религіозныхъ указовъ и созваніи генеральныхъ штатовъ, къ которымъ не обращались уже въ теченіе десяти лѣтъ. На большомъ банкетѣ, происходившемъ нѣсколько дней спустя, дворяне составили „союзъ-гёзовъ“ (gueux), то-есть нищихъ, принявши въ качествѣ имени партіи обидную кличку, которую давали разорившимся рыцарямъ. Въ городахъ Фландріи и Голландіи, а особенно въ индустріальныхъ деревняхъ движеніе было гораздо болѣе грозно. Большія толпы вторгались въ католическія церкви и разбивали „знаки идолопоклонства“, алтари, статуи, иконы и украшенія. Въ Антверпенѣ народъ уничтожилъ всѣ предметы, связанные съ культомъ Богоматери (1566).

Правительницѣ удалось разъединить недовольныхъ, привлечь на свою сторону аристократію и частью рыцарей и съ ихъ помощью подавить народные мятежи. Но Филиппъ снова вызвалъ общее движеніе, рѣшивши примѣнить въ Нидерландахъ безпощадную строгость.

Испанскій терроръ и отпаденіе Нидерландовъ. Въ Нидерланды былъ отправленъ кастильянецъ герцогъ Альба съ испанскимъ войскомъ, стоявшимъ раньше въ Италіи. Папа совѣтовалъ захватить по дорогѣ оплотъ протестантовъ, Женеву. Согласно съ понятіями своего государя, Альба держался того взгляда, что возстановленіе единой католической вѣры— первое условіе политическаго порядка въ испанскомъ духѣ: „лучше страна разоренная, но вѣрная Богу и королю, чѣмъ богатая, но еретическая и преданная дьяволу... Нужно, чтобы каждый человѣкъ постоянно трепеталъ въ страхѣ, какъ бы его собственный домъ на него не обрушился“. Альба предполагалъ дѣйствовать по рецепту Макіавелли: уничтожить вождей, насильственнымъ путемъ установить повиновеніе, затѣмъ объявить милость. Тотчасъ же по прибытіи въ Брюссель Альба учредилъ „совѣтъ о безпорядкахъ“, т.-е. исключительный судъ для преслѣдованія ереси. Въ короткое время испанскіе инквизиторы, засѣвшіе въ немъ, арестовали и присудили къ смерти невѣроятное количество людей; долгое время на деревьяхъ и косякахъ висѣли скелеты повѣшенныхъ, которыхъ никто не смѣлъ похоронить. Въ числѣ казненныхъ будто бы за измѣну были крупные сеньеры, между ними вѣрный католичеству Эгмонтъ; Вильгельмъ Оранскій успѣлъ бѣжать въ Германію.

Digitized by Google

Альба приступилъ затѣмъ къ установленію испанской системы податей для поддержанія въ странѣ испанскаго войска и администраціи: онъ ввелъ *алкабалу*, т.-е. сборъ десяти процентовъ со всякой продажи товара и пяти—съ продажи или передачи недвижимости. Взиманіе этого налога избавляло испанцевъ отъ необходимости созывать генеральные штаты; алкабала составляла новый шагъ къ установленію абсолютизма.

Испанскій налогъ легъ невыносимымъ бременемъ на торговлю Нидерландовъ. Множество людей, разоренныхъ или преслѣдуемыхъ за вѣру, бѣжало изъ страны; частью они бросились на родную стихію нидерландцевъ, море, и обратились въ пиратовъ. Эти „морскіе гёзы“ захватили нѣсколько прибрежныхъ мѣстъ и оттуда жестоко обрушивались на католиковъ, какъ испанцевъ, такъ и своихъ единоплеменниковъ; они вѣшали священниковъ, издѣвались надъ церковными святынями; нѣкоторые носили шляпы съ полумѣсяцемъ и надписью: „лучше будемъ турками, чѣмъ папистами“. Въ то время, какъ гёзы тревожили Альбу партизанской войной, Вильгельмъ Оранскій сталъ вербовать въ Германіи и во Франціи наемные отряды и отправлять одинъ за другимъ противъ испанцевъ. Онъ принялъ теперь протестантизмъ. Его цѣлью было—собрать всѣхъ недовольныхъ и соединить въ защитѣ нидерландскихъ вольностей: оставаясь по имени въ зависимости отъ испанскаго короля, Нидерланды должны были управляться генеральными штатами. Одна изъ сѣверныхъ приморскихъ областей, Голландія, поднялась открыто противъ управленія Альбы: ея областные штаты сошлись самостоятельно и провозгласили своимъ штатгальтеромъ (намѣстникомъ) Вильгельма Оранскаго. Скоро стали присоединяться другія сѣверныя области; Вильгельму поручили главное начальство надъ морскими и сухопутными силами противъ Альбы. Онѣ также не имѣли намѣренія совсѣмъ отдѣляться отъ Испаніи, тѣмъ болѣе, что торговля съ Пиренейскимъ полуостровомъ сохраняла для Нидерландовъ важное значеніе. Возставшіе разсчитывали на помощь французскихъ протестантовъ (гугенотовъ). Но ихъ избіеніе въ Парижѣ (Варѳоломеевская ночь) разстроило всѣ расчеты.

Альба вездѣ одерживалъ побѣды и усилилъ терроръ до послѣдней степени Но сѣверные города не сдавались; протестантизмъ распространялся все сильнѣе. Два раза испанскія войска безуспѣшно осаждали важный по своему положенію Лейденъ. Когда въ городѣ стали истощаться всѣ средства, штаты Голландіи распорядились прорвать плотины и открыть шлюзы, защищавшіе страну отъ затопленія; флотъ страшныхъ гёзовъ съ ихъ дикими разсѣченными лицами подвезъ припасы обезумѣвшимъ отъ голода горожанамъ, а испанцы бѣжали отъ наводненія. Когда король отозвалъ Альбу, слѣдовавшіе за нимъ намѣстники, одинъ за другимъ, стали указывать на необходимость уступокъ нидерландцамъ

Digitized by Google

и возстановленія ихъ вольностей, такъ какъ только при этомъ условіи возможно было, по ихъ мнѣнію, сохранить связь страны съ Испаніей и ея вѣрность католичеству. Король не уступалъ и чуть не потерялъ всей страны. Испанскія войска возмутились противъ своихъ начальниковъ, когда имъ перестали платить жалованье; они двинулись изъ города въ городъ, грабя и избивая населеніе. Особенно обрушилась „испанская фурія“ на Антверпенъ. Здѣсь не пощадили ни чужихъ купцовъ, ни католическихъ церквей. Въ одинъ день избили испанцы до 8.000 гражданъ и сожгли до 500 домовъ. Богатѣйшій городъ представлялъ послѣ этого одинъ развалины. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій Антверпенъ не могъ оправиться: его торговля упала, капиталы ушли изъ него, всемірныя ярмарки окончились. Разграбленіе Антверпена повело къ мятежу въ другихъ южныхъ городахъ. Въ Брюсселѣ граждане взялись за оружіе и призвали Вильгельма Оранскаго.

Выборные отъ всѣхъ 17 областей сошлись на генеральные штаты въ Гентѣ и образовали *общенидерландскій союзъ* (1576 г.); постановлено было требовать отмѣны указовъ о вѣроисповѣданіи, для двухъ сѣверныхъ областей права удержать протестантизмъ, прощенія всѣмъ возставшимъ, удаленія испанскихъ чиновниковъ и войска, правильнаго созыва генеральныхъ штатовъ. Въ виду упорства испанскаго правительства штаты рѣшили отречься отъ Филиппа и стали искать государя между посторонними владѣтелями. Въ своемъ актѣ „отреченія отъ тирана“ они объявили, слѣдуя выраженіямъ литературы кальвинистовъ: „не народъ созданъ для государя, а государь для народа, такъ какъ безъ народа не было бы государя... Если государь поступаетъ съ гражданами какъ съ рабами, то перестаетъ быть государемъ, а становится тираномъ; подданные же, когда не могутъ отъ тирана получить никакого обезпеченія свободы, жизни и собственности для себя и своихъ семействъ, имѣютъ право, по законному рѣшенію своихъ представителей на генеральныхъ штатахъ, покинуть его“.

Но союзъ всѣхъ нидерландскихъ областей былъ весьма непроченъ. Въ южныхъ областяхъ, особенно валлонскихъ, сильно было католичество, и Оранскій имѣлъ здѣсь сторонниковъ только среди протестантскаго низшаго класса деревень и въ большихъ фламандскихъ городахъ. На сторону короля стало переходить дворянство, привлекаемое пенсіями, отличіями, службой. Замѣтенъ былъ сильный разладъ вообще между областями сѣверо-восточными (нынѣшней Голландіей) и юго-западными (нынѣшней Бельгіей). Болѣе чуждыя Испаніи, наполовину протестантскія, семь сѣверныхъ областей заключили особенно тѣсный союзъ для защиты, *Унію въ Утрехтѣ* (1579 г.). Союзники положили, сохраняя всѣ вольности и самоуправленіе областей и городовъ, защищаться на

Digitized by Google

общія средства; объявленіе войны и заключеніе мира, взиманіе податей на военныя цѣли должны зависѣть отъ единогласнаго рѣшенія всѣхъ областей; объявлялась свобода исповѣданія; недоразумѣнія между отдѣльными членами союза предполагалось рѣшать общимъ мнѣніемъ союзниковъ.

Назначенный въ это время намѣстникомъ Нидерландовъ Александръ Пармскій (сынъ Маргариты) сумѣлъ раздѣлить вопросы, религіозный и политическій, и уступками во второмъ привлечь на сторону Испаніи католиковъ-южанъ. Въ Аррасѣ образовалась католическая унія, враждебная Утрехтской: по соглашенію съ ней Пармскій обѣщалъ отослать испанскія войска. Но даже и это не понадобилось: валлонское дворянство отступилось отъ генеральныхъ штатовъ, опасаясь потери своихъ особыхъ вольностей, и согласилось на возвращеніе испанскаго войска. Тогда Пармскій, укрѣпившись въ валлонскихъ областяхъ, сталъ подвигаться на западъ и отвоевывать фламандскія. Опаснаго вождя возставшихъ областей, Вильгельма Оранскаго, Гранвелла предложилъ устранить „итальянскимъ средствомъ“, назначивъ за его голову высокую плату. Послѣ нѣсколькихъ покушеній Оранскій былъ убитъ однимъ изъ сторонниковъ ученія іезуитовъ. Вскорѣ затѣмъ Пармскій взялъ оплотъ протестантизма на югѣ, Антверпенъ, заставилъ выселиться кальвинистовъ и повелъ войну за возвращеніе сѣверныхъ областей.

Усиленіе Испаніи и республика сѣверныхъ Нидерландовъ. Съ 1580 г. испанская держава снова усилилась и пріобрѣла новыя богатства. Португальскій король погибъ въ походѣ противъ мусульманъ въ Марокко, и Филиппъ II, считая себя его наслѣдникомъ, присоединилъ Португалію съ ея колоніями въ Африкѣ, въ Индіи, на Молуккахъ, въ Южной Америкѣ (Бразилія) и съ ея обширной торговлей пряностями и другими восточными товарами. Испанскій король владѣлъ теперь „обѣими Индіями“. И денежныя его средства, и флотъ почти удвоились; можно было ожидать, что Испанія сломитъ окончательно сопротивленіе Нидерландовъ. Огромный перевѣсъ Испаніи на морѣ и предстоящее отвоеваніе Нидерландовъ были крайне невыгодны для Франціи и Англіи. Королева Елизавета рѣшила поэтому энергически поддерживать возстаніе въ Нидерландахъ. Но Филиппъ угрожалъ непосредственно обоимъ сосѣдямъ. Онъ объявилъ себя мстителемъ за казненную въ Англіи шотландскую королеву-католичку (Марію Стюартъ), обезпечилъ себѣ папскимъ благословеніемъ наслѣдство англійской короны и двинулъ большой флотъ, „непобѣдимую Армаду“, для обузданія одновременно Англіи и Голландіи; Александръ Пармскій долженъ былъ приготовить войско для высадки въ Англію. Но голландскіе корабли заперли ему выходы изъ Шельды и помѣшали высадкѣ, а флотъ испанскій былъ разбитъ бурей

Digitized by Google

въ Ламаншѣ и Нѣмецкомъ морѣ; его остатки могли вернуться домой лишь большимъ объѣздомъ, кругомъ Шотландіи. Во Франціи Филиппъ въ это время поддерживалъ *лигу*, т.-е. союзъ ревностныхъ католиковъ, объявившихъ себя противъ короля-протестанта, Генриха IV. Два раза водилъ Пармскій во Францію испанское войско, и Филиппъ возымѣлъ планъ доставить французскую корону своей дочери.

Обширность этихъ предпріятій привела къ ихъ гибели. Съ 90-хъ годовъ начинаются одна за другой крупныя неудачи Филиппа. Англійскіе моряки бросались на американскія владѣнія Испаніи и отбивали въ открытомъ морѣ серебряные грузы Англійскіе и голландскіе пираты пробрались въ испанскую гавань Кадиксъ, уничтожили стоявшіе въ ней военные корабли и сожгли торговый флотъ. Во Франціи лига потерпѣла полное пораженіе. Парижъ открылъ ворота Генриху IV, и испанское войско вынуждено было отступить. Наконецъ, Голландія и другія области Утрехтской уніи, пользуясь этимъ отвлеченіемъ испанскихъ силъ, удержали свою независимость; у нихъ былъ теперь талантливый генералъ, сынъ Вильгельма Оранскаго, Морицъ, выдвинувшій въ войнѣ на первый планъ техническое искусство, инженерныя работы, правильныя осады и т. д. Сѣверныя области загородились рядомъ отнятыхъ у испанцевъ крѣпостей. Разъ уже не было надежды объединить всѣ Нидерланды въ независимый отъ Испаніи союзъ, сѣверяне положили всѣ усилія на разореніе юга. То, что начала „испанская фурія", было докончено голландскими каперами, продолжателями гёзовъ: они разрушили морскую торговлю Фландріи, опустошили весь ея берегъ. Какъ только Пармскій взялъ Антверпенъ, сѣверяне заперли устье Шельды и закрыли выходъ для произведеній фламандской промышленности. Наступилъ новый кризисъ, разрушившій шерстяную индустрію Фландріи. Сѣверъ еще въ другомъ отношеніи разбогатѣлъ на счетъ разоренія юга: лишенные заработка и притѣсняемые за вѣру фламандскіе рабочіе переходили массами въ независимыя области и переносили туда свою индустрію.

Скоро послѣ смерти Филиппа II (умеръ въ 1598 г.) испанскій намѣстникъ Нидерландовъ въ виду безнадежности войны противъ свободныхъ областей вступилъ съ ними въ мирные переговоры. Сорокалѣтняя борьба (1568—1609) закончились признаніемъ ихъ независимости и ихъ права вести торговлю съ колоніями европейцевъ въ другихъ странахъ свѣта. Утрехтская унія стала республикой *Соединенныхъ штатовъ* (обыкновенно ее называютъ Голландіей, хотя это лишь имя самой важной изъ областей).

Положеніе Испаніи между тѣмъ становилось все хуже. Англія и Голландія, избавившись отъ опаснаго врага, направили свои усилія на отвоеваніе его заморскихъ владѣній и захватъ его торговыхъ путей. Съ

Digitized by Google

1600 г., приблизительно, морское и колоніальное преобладаніе Испаніи разрушается. Въ Англіи и въ Голландіи возникаютъ Остиндскія компаніи, общества купцовъ для сношеній съ богатыми восточными странами.

Экономическое паденіе Испаніи. Вслѣдствіе воинственной политики Испанія лишилась главнаго своего финансоваго источника; для возвращенія его приходилось дѣлать новыя усилія, которыя совершенно истощали страну. Не имѣя промышленности, она платила подати не изъ вырабатываемаго излишка, а изъ получаемой добычи, изъ капитала. Главнымъ налогомъ была заимствованная отъ арабовъ алкабала, первобытнымъ способомъ взимавшаяся со всякой продажи. При ежегодномъ передвиженіи огромныхъ стадъ овецъ на югъ арендаторы королевскаго сбора садились въ горныхъ проходахъ, считали стадо за стадомъ и получали, сколько приходилось съ каждой сотни или тысячи, деньгами или штуками скота. Внѣшняя торговля была также тяжело обложена. Главная область, Кастилія, какъ кольцомъ, отдѣлялась всюду отъ моря цѣпью таможенъ: въ мѣстахъ провоза черезъ эту цѣпь, такъ наз. сухихъ портахъ, взимали пошлины за доставляемые внутрь товары. Испанскій король получалъ еще въ свою пользу церковный сборъ, крусаду, т.-е. крестоносную подать, которая была въ дѣйствительности сборомъ съ индульгенцій, уступленнымъ папою. Каждые три года въ Испаніи печатались отпускныя грамоты съ особенно выгодными обѣщаніями; при звукѣ трубъ о нихъ возвѣщали по церквамъ, и всякій спѣшилъ купить бумагу, чтобы не прослыть у сосѣдей дурнымъ христіаниномъ, что, конечно, было очень опасно.

Несмотря на эти средства, король созывалъ время отъ времени кортесъ и заставлялъ ихъ голосовать чрезвычайный „подарокъ“. Для покрытія огромнаго долга, созданнаго борьбой съ возставшими Нидерландами, Филиппъ II потребовалъ возвышенія и безъ того тяжелой алкабалы. Съ изумленіемъ говорили за границей о преданности кастильянцевъ королю: ни одинъ народъ въ мірѣ не платитъ такъ много подати. И однако у правительства не было въ распоряженіи наличныхъ денегъ. Огромные грузы драгоцѣннаго металла, привозимые изъ Америки, забирались тотчасъ же для войны, не успѣвши вступить въ страну. Дѣлались все новые и новые займы у нѣмецкихъ и итальянскихъ банкировъ; но король не въ силахъ былъ собрать со страны деньги даже для уплаты процентовъ; время отъ времени, посовѣтовавшись со своимъ духовникомъ и съ богословами, онъ дѣлалъ банкротъ, разрывалъ старыя обязательства съ тѣмъ, чтобы опять заключить новыя. Вскорѣ послѣ смерти Филиппа II сдѣлали попытку ввести кредитные знаки въ видѣ мѣдной монеты; всю мѣдь стали перечеканивать и подняли при этомъ ея цѣну вдвое. Выгода, полученная правительствомъ въ первую минуту, была

Digitized by Google

совершенно опрокинута дальнѣйшими послѣдствіями: со всѣхъ концовъ Европы повезли мѣдь въ Испанію, гдѣ ее можно было такъ дорого продать; за привозимую мѣдь испанцы отдавали серебро, и скоро въ странѣ нельзя было найти ни одной серебряной монеты.

Преемникъ Филиппа II долженъ былъ признаться, что Кастилія, „главное изъ его королевствъ, мать столь славныхъ сыновъ, блиставшихъ на войнѣ и въ мирѣ, завоевавшихъ Новый Свѣтъ и варварскія народности“, низко упала. И все же испанское правительство не отступалось отъ мысли о господствѣ надъ всѣмъ міромъ и напрягало еще и еще платежныя силы страны; оно продолжало вмѣстѣ съ тѣмъ упорно держаться всѣхъ своихъ старыхъ пріемовъ. При Филиппѣ II уже тѣснили морисковъ юго-восточнаго края Испаніи: религіозный предразсудокъ кастильцевъ нечувствительно при этомъ соединялся съ экономической завистью ихъ къ морискамъ: рабочіе этой африканской расы, насильно обращенной въ христіанство и сохранявшей втайнѣ старыя вѣрованія, проникали въ Кастилію и своимъ трудолюбіемъ, неприхотливостью и дешевизной работы составляли опасную конкуренцію правовѣрнымъ и чистокровнымъ испанцамъ. Въ годъ отправленія Альбы въ Нидерланды морискамъ было воспрещено говорить по-арабски и носить національный костюмъ; они должны были отказаться отъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ и жить по-кастильски. Распоряженія эти вызвали возстаніе морисковъ, укрѣпившихся въ горахъ Альпухарры и въ свою очередь начавшихъ религіозную войну противъ христіанъ; потомки мусульманъ искали поддержки въ Константинополѣ и выбрали себѣ халифа изъ рода Омайядовъ. Возстаніе было подавлено съ чисто испанской жестокостью; оставшихся въ живыхъ обитателей Альпухарры переселили въ другія области; указы, направленные къ разрушенію національности морисковъ, остались въ силѣ; народъ долженъ былъ платить усиленные налоги для поддержанія огромнаго штата поставленныхъ надъ нимъ сеньеровъ-чиновниковъ, монаховъ-миссіонеровъ, священниковъ и т. п.

Католическимъ ревнителямъ было мало этого: они представляли правительству богословскія сужденія о морискахъ, производили разслѣдованія и обвиняли ихъ въ невѣроятныхъ преступленіяхъ. Наконецъ, преемникъ Филиппа II, удовлетворяя желанію ревнителей, рѣшился на окончательное изгнаніе морисковъ изъ Испаніи. Страна потеряла до полумилліона промышленнаго населенія. Шелковое производство, главное занятіе морисковъ, совсѣмъ прекратилось въ Испаніи; шерстяныя фабрики города Толедо были перенесены ими въ Тунисъ; вывозъ ремесленныхъ произведеній изъ Испаніи въ Америку сократился почти наполовину; многія мѣстности опустѣли совсѣмъ; въ округахъ, гдѣ культура земли поддерживалась искусственнымъ орошеніемъ, образовались пустыни.

Digitized by Google

При такомъ разореніи своихъ производительныхъ силъ Испанія сохраняла прежніе расходы: къ тратамъ на поддержаніе внѣшняго величія присоединялись многочисленныя выдачи внутри. Испанскій дворъ былъ самымъ блестящимъ въ Европѣ. Его жизнь распадалась на безконечныя церемоніи, на театральныя картины съ огромнымъ количествомъ статистовъ. Деньги сыпались на праздники, переѣзды короля, его охоты, его игру, на пенсіи и подарки испанскимъ грандамъ и людямъ свиты, представителямъ аристократіи во всѣхъ частяхъ имперіи. Число безполезныхъ потребителей, лежавшихъ бременемъ на странѣ, было необыкновенно велико: въ Неаполитанскомъ королевствѣ изъ $2^1/_2$ милліоновъ дукатовъ общаго дохода $1^1/_2$ милліона уходили на пенсіи сеньерамъ. Въ Испаніи, едва ли имѣвшей 8 милліоновъ всего населенія, было болѣе 700.000 чиновниковъ и духовныхъ, между послѣдними 70.000 монаховъ въ 9.000 слишкомъ монастырей, не считая еще болѣе многочисленныхъ монахинь.

Въ XVI в. самая сильная держава въ мірѣ, Испанія въ XVII столѣтіи сходитъ на второстепенное положеніе. Въ то время, какъ Англія и Голландія отнимаютъ у нея колоніи и перебиваютъ морскіе пути, Франція начинаетъ разрушать ея сухопутную силу.

Культура Испаніи въ XVI и XVII вв. За короткое время своего преобладанія Испанія успѣла однако показать себя не только первой военной и финансовой силой. Въ разнообразныхъ предпріятіяхъ испанцевъ, въ ихъ открытіяхъ, войнахъ, въ защитѣ вѣры выражался сильный подъемъ энергіи, который замѣтенъ также въ ихъ литературѣ и искусствѣ. Но это — литература отважныхъ, незнакомыхъ съ трудомъ, задорныхъ рыцарей и пламенныхъ непримиримыхъ священниковъ; чувства приподняты, причудливыя и неожиданныя приключенія переплетаются между собою. Характерна сама жизнь драматурга Лопе де-Вега, который въ молодости участвовалъ въ непобѣдимой Армадѣ, позднѣе пошелъ въ монахи и сталъ инквизиторомъ. Другой драматическій писатель, Кальдеронъ, былъ также сначала офицеромъ, потомъ капелланомъ короля. Въ числѣ написанныхъ ими драмъ много *auto*, т.-е. духовныхъ дѣйствій съ сюжетами изъ священной исторіи или аллегорическими фигурами. Духовенство сильно поддерживало эти драмы, и онѣ были любимыми народными зрѣлищами. Въ праздникъ Тѣла Господня появлялись подъ звуки музыки процессіи съ хоругвями и крестами, которымъ предшествовали уродливыя огромныя маски. Затѣмъ давались представленія въ теченіе мѣсяца въ разныхъ частяхъ города; всѣ улицы, балконы и окна были полны народа; король со своей свитой помѣщался подъ балдахиномъ противъ одной изъ сценъ. Въ свѣтскихъ пьесахъ испанскихъ драматурговъ на первомъ мѣстѣ вопросы чести. „Легче излѣчить рану, нанесенную оружіемъ, чѣмъ словомъ“—на этомъ изреченіи построено мно-

Digitized by Google

жество испанскихъ пьесъ. Соперники переходятъ отъ дуэли къ дуэли и не знаютъ пощады въ своей мести; часто появляется мотивъ захвата христіанъ въ плѣнъ мусульманскими пиратами Алжира, ихъ страданія, стойкость въ вѣрѣ; но испанцы умѣютъ изобразить также дикую храбрость своего гордаго противника, арабовъ.

Въ то время, какъ испанцы бились за предѣлами Кастиліи и заполняли своими страшными побѣдами Европу, внутри страны всемогущая сила монархіи ложилась на всѣ отношенія, тянула всѣхъ къ себѣ на службу и заводила однообразные порядки. Романтическіе подвиги и приключенія отходили въ глубь воспоминаній, и потомки рыцарей скоро лишились возможности проявлять свою независимость иначе, какъ только въ воображеніи. Сервантесъ, самъ рыцарь, раненый при Лепанто, прожившій нѣсколько лѣтъ въ плѣну въ Алжирѣ, изобразилъ въ Донъ-Кихотѣ старомоднаго, отставшаго отъ вѣка испанскаго гидальго, храбраго, благороднаго, но обратившагося теперь среди полицейскаго порядка и общаго затишья въ смѣшную фигуру со своими порывами защищать оружіемъ угнетенныхъ и слабыхъ. Въ этомъ образѣ Сервантесъ (1547—1616) и осмѣиваетъ, и оплакиваетъ отошедшій въ вѣчность міръ испанскаго военно-феодальнаго величія.

Въ искусствѣ испанцевъ отразились характерныя черты ихъ религіознаго увлеченія. Нѣтъ ничего похожаго на цвѣтущія здоровьемъ и красотой фигуры итальянскаго Возрожденія. Рибера и другіе художники пишутъ охотнѣе морщинистую старость, загорѣлыхъ нищихъ, желтолицыхъ святыхъ, скелетообразныхъ аскетовъ, стоящихъ на молитвѣ со сложенными руками, пытки мучениковъ, напр., святого Себастіана, пронзеннаго десяткомъ стрѣлъ и въ предсмертныхъ мукахъ поднимающаго голову къ небесамъ, или видѣнія изнуренныхъ монаховъ. Въ портретахъ Веласкеса, изображающихъ испанскій королевскій домъ и придворныхъ, на насъ глядятъ важныя и чопорныя сосредоточенныя лица, въ мрачныхъ костюмахъ, похожихъ на брони, жертвы тяжелаго церемоніальнаго этикета. Мягче писалъ Мурильо; онъ много заимствовалъ изъ народной и уличной жизни, его Мадонны по типу—крестьянки, но и онъ охотнѣе всего изображалъ религіозныя чудеса, вознесенія, видѣнія въ облакахъ или витанія духовъ на землѣ и т. п.

Въ искусствѣ также прошла послѣ 1560 г. католическая реформація. Но въ одной странѣ, въ отвоеванной испанцами Фландріи, она помирилась со старымъ полуязыческимъ направленіемъ. Послѣ большого разрушенія художественныхъ святынь, произведеннаго сектантами, испанскіе намѣстники вновь напустили въ страну цѣлую тучу духовенства, щедро одарили сохранившіяся церкви и монастыри, настроили много новыхъ, возстановили блескъ процессій и богослуженій. Бельгія стала опло-

Digitized by Google

томъ католичества, каковымъ остается до нашего времени. Но ея соборы не похожи на мрачныя испанскія громады: въ нихъ много свѣта, пестроты; съ картинъ на стѣнахъ глядятъ брызжущія здоровьемъ и силой фигуры. Большею частью — это произведенія *фламандской* школы, Рубенса и его учениковъ; въ многочисленныхъ работахъ этой, можно сказать, фабрики художниковъ преобладаетъ изображеніе животной жизни, обнаженнаго мускулистаго тѣла, сильныхъ страстей, бѣшенаго веселья. Во Фландріи, какъ потомъ въ Англіи, сектантство было требованіемъ строгости нравовъ и самоотреченія, протестомъ бѣднаго деревенскаго люда, который увлекался картинами ветхозавѣтнаго истребленія пышности золотого тельца и слушалъ своего простого проповѣдника подъ шатромъ небеснаго свода; возвратившееся католичество, напротивъ, помирилось со старымъ бытомъ, съ шумной разгульной жизнью зажиточныхъ горожанъ.

Торговля Голландіи. Весь выигрышъ отъ потерь Испаніи достался новой республикѣ. Зеландія, юго-западная область Соединенныхъ штатовъ, расположенная на островахъ устьевъ Рейна, Мааса и Шельды, держала теперь въ своихъ рукахъ концы всѣхъ водныхъ путей, выходившихъ изъ Бельгіи. Послѣ разстройства торговли Антверпена его значеніе стало переходить къ Амстердаму, главному городу Голландіи. Въ то же время, отдѣлившись отъ Испаніи, сѣверныя области нисколько не потеряли своихъ торговыхъ выгодъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Во время войны голландцы открыто или подъ чужими именами доставляли въ Испанію строительный матеріалъ и паруса для кораблей, а главное — столь необходимый южнымъ странамъ Европы хлѣбъ, за которымъ они ѣздили въ Балтійское море. Все больше и больше развивалось голландское рыболовство и особенно ловля сельдей, раскупавшихся потомъ во всей сѣверной Европѣ. „Амстердамъ выстроился на хребтахъ сельдей“. Продукты обширнаго скотоводческаго хозяйства Голландіи расходились также весьма далеко. Пользуясь своимъ особымъ положеніемъ между сѣверными и южными морями, голландцы скоро стали посредниками въ общей европейской торговлѣ, „морскими перевозчиками“, заступая прежнее значеніе великой нѣмецкой Ганзы. „Жители ея,—говоритъ голландскій писатель, — подобно пчеламъ, высасывали сокъ со всѣхъ странъ: Норвегія была ихъ строевымъ лѣсомъ, берега Рейна и Гаронны—ихъ виноградниками, Германія, Испанія и Ирландія—ихъ овечьими загонами, Пруссія и Польша—ихъ житницами, Индія и Аравія—ихъ садами“. Въ одной только области Голландіи торговый флотъ насчитывалъ 10.000 судовъ съ занятыми на нихъ 250.000 человѣкъ.

Голландцы направили также свое вниманіе на отдаленные морскіе пути, на отвоеваніе колоніальной торговли у испанцевъ и португальцевъ.

Digitized by Google

Со времени открытія прямой торговли съ Индіей, около 1500 г., они привыкли пріѣзжать въ Лисабонъ для скупки индійскихъ пряностей. Но когда Филиппъ II запретилъ купцамъ мятежныхъ провинцій всякія сношенія со своими португальскими подданными, голландцамъ оставалось на выборъ: или отказаться вовсе отъ торговли индійскими продуктами, или захватить себѣ прямой доступъ въ Индію. Съ воинственной энергіей отбившаго свободу народа они стали преслѣдовать новую задачу.

Нидерландцы въ началѣ XVII вѣка. Клѣтками показана республика Соединенныхъ штатовъ, вертикальными полосками—отвоеванная голландцами область, горизонтальными—области, оставшіяся за Испаніей. 1 Голландія, 2 Зеландія, 3 Фландрія, 4 Брабантъ, 5 Люксембургъ.

Для настроенія ихъ характеренъ уставъ „ордена выпущеннаго на волю льва“, который былъ учрежденъ при первомъ проѣздѣ голландцевъ черезъ Магелановъ проливъ; члены ордена обязались „не жалѣть жизни, чтобы наносить всякій вредъ исконному врагу и водрузить голландскій флагъ во всѣхъ частяхъ свѣта, откуда испанскій король собираетъ сокровища для войны съ нидерландцами“.

Голландская молодежь проявляла необыкновенный интересъ къ открытію новыхъ путей. Линшотенъ, будущій руководитель сѣверной экспедиціи, юношей 17 лѣтъ отправился въ Испанію, посѣтилъ Лисабонъ, Африку, Гоа въ Индіи и пробылъ тамъ многіе годы, всюду встрѣчая нидерландцевъ; послѣ тринадцати лѣтъ странствованій онъ вернулся домой и издалъ описаніе своихъ путешествій. Голландцы искали сначала проѣзда къ Индіи и Китаю мимо сѣверныхъ береговъ Европы и Азіи, и республика снарядила туда нѣсколько экспедицій, изъ которыхъ одна зимовала на о. Новой Земли. Попытки эти были брошены для того, чтобы остановиться окончательно на пути кругомъ Африки, который въ теченіе почти ста лѣтъ составлялъ тайну португальцевъ. Скоро голландцы начали вытѣснять португальцевъ изъ Индіи, выбили ихъ съ пряныхъ острововъ Молуккскаго архипелага,

Digitized by Google

затѣмъ изъ Цейлона и Малакки; португальцы сохранили лишь нѣсколько пунктовъ на берегахъ Индостана.

Колоніальная система голландцевъ. Въ своей колоніальной политикѣ голландцы были совершенно не похожи на испанцевъ и португальцевъ. Они не отправляли за море ни военныхъ авантюристовъ, ни миссіонеровъ, ни земледѣльцевъ: они не хлопотали ни о завоеваніяхъ, ни о распространеніи своей вѣры. Ихъ занимали чисто практическія задачи торговли. Голландцы разрушали отнятыя у соперниковъ крѣпости, но не ставили на ихъ мѣсто новыхъ: они не вмѣшивались въ мѣстные политическіе споры или войны, какъ это дѣлали португальцы, а старались заключить со всякимъ правительствомъ выгодный торговый договоръ. Не захватывая территорій, они ограничивались устройствомъ конторъ на пересѣченіяхъ важныхъ торговыхъ дорогъ. При этомъ голландцы настойчиво добивались полнаго устраненія своихъ торговыхъ соперниковъ. Искусно примѣняясь къ различнымъ условіямъ, продавая дешево въ Азіи европейскіе товары, они пріобрѣли въ свои руки передаточную торговлю въ отдаленныхъ восточныхъ краяхъ, продвинулись въ Китай и Японію.

Отдѣльнымъ предпринимателямъ было не подъ силу вести торговыя сношенія съ Индіей; не было капиталовъ настолько крупныхъ, чтобы выдержать рискъ и потери въ отдаленныхъ путешествіяхъ; разрозненнымъ судамъ опасно было встрѣчаться съ португальскими военными эскадрами. Эти основанія заставляли голландскихъ промышленниковъ сплотиться въ большое общее предпріятіе, *Остиндскую компанію* (1602); по образцу которой потомъ стали устраивать торговые союзы въ другихъ странахъ. Основной капиталъ компаніи въ $6^1/_2$ милліоновъ флориновъ составился изъ 2150 акцій по 3000 флориновъ; болѣе половины акцій принадлежала Амстердаму. Ежегодно между акціонерами общества раздѣлялись дивиденды, т.-е. соотвѣтственныя вкладу доли чистаго дохода предпріятія; они доходили въ иные годы до 60—75%; зато нѣкоторые годы приносили полный убытокъ, такъ какъ въ торговлѣ были большія колебанія. Дѣла компаніи представляли первостепенный интересъ для республики. Высшее управленіе компаніи, изъ 17 директоровъ, составлялось по назначенію генеральныхъ штатовъ изъ кандидатовъ, представленныхъ компаніей; въ то время, какъ отдѣльныя областныя и городскія камеры компаніи вѣдали чисто коммерческія дѣла, директоры руководили политическими отношеніями на Востокѣ, заключали договоры, отправляли въ колоніи военныхъ начальниковъ и т. п. За восемь милліоновъ флориновъ въ годъ компанія покупала у штатовъ право исключительной торговли и полнаго распоряженія въ колоніальныхъ странахъ. Эта привилегія распространялась на всѣ земли къ востоку отъ мыса

Digitized by Google

Доброй Надежды и до Магелланова пролива и проходила по линіи: Цейлонъ, Малакка, Зондскіе и Молуккскіе острова, заходя къ сѣверу въ Японію. Кто не служилъ въ компаніи, не смѣлъ подъ страхомъ смерти показаться въ этихъ предѣлахъ. Торговыя путешествія въ виду опасности морского разбоя совершались, какъ у испанцевъ, большими полувоенными эскадрами по 30 — 40 кораблей, съ экипажемъ въ 6000—7000 человѣкъ, выходившими изъ Голландіи три раза въ году. Ихъ грузъ на обратномъ пути поступалъ въ Амстердамѣ въ продажу дважды въ году.

При всей своей практичности и сдержанности, голландцы сохранили однако и старыя ошибки первыхъ европейскихъ колонизаторовъ. Остиндская компанія взяла въ свои руки добываніе пряныхъ продуктовъ, гвоздики, перца, корицы, муската, которые тогда высоко цѣнились въ Европѣ. Голландцы видѣли въ нихъ свои „золотые рудники“ и направляли всѣ усилія, чтобы поддержать огромныя цѣны на рѣдкій продуктъ, не останавливаясь передъ уничтоженіемъ его излишковъ, если угрожало удешевленіе. Компанія провела свою монополію самымъ безпощаднымъ образомъ. Всѣ европейцы были удалены съ Молуккскихъ и Зондскихъ острововъ; туземцевъ, не соглашавшихся съ условіями обработки, голландцы вырѣзывали. Гвоздичныя деревья вырубили на всѣхъ островахъ, кромѣ Амбоины; жители этого острова были обязаны обрабатывать цѣнное растеніе и отдавать продуктъ по опредѣленной цѣнѣ компаніи; они обратились въ крѣпостныхъ у голландскихъ промышленниковъ. Чтобы выключить возможность контрабанды, всю торговлю пряностями сосредоточили во вновь основанномъ городѣ Батавіи на островѣ Явѣ. Корабли компаніи не останавливались на длинномъ пути между Амстердамомъ и Батавіей, не могли ни забирать, ни выгружать товаровъ ни въ одномъ пунктѣ на дорогѣ; всѣ продукты, выходившіе изъ различныхъ частей Индіи, свозились предварительно въ Батавію, такъ же, какъ колоніальные товары, назначавшіеся въ Англію, Францію и другія страны Европы, проходили исключительно черезъ Амстердамъ.

Политическій и общественный строй Нидерландовъ. Успѣхи голландской торговли подняли богатство страны и увеличили ея населеніе. Ни въ одной области Европы не было такого множества городовъ. Вся культура сѣверныхъ Нидерландовъ и политическое устройство выработаны промышленными городами. Деревню совершенно оттѣснили; деревенскимъ жителямъ было запрещено открывать какія-либо ремесленныя заведенія; они не имѣли никакого участія въ управленіи. Но и въ средѣ горожанъ очень небольшой слой богатѣйшихъ купеческихъ фамилій держалъ въ своихъ рукахъ всю власть. Города Голландіи и большей части другихъ областей были аристократическими республиками. Во главѣ го-

Digitized by Google

рода стоялъ совѣтъ изъ 30—40 человѣкъ, должности которыхъ были пожизненны; они сами пополняли свой составъ, и мѣста въ совѣтѣ вслѣдствіе этого становились наслѣдственными. Изъ депутатовъ отъ аристократическихъ городскихъ совѣтовъ составлялись областные штаты; въ штатахъ Голландіи, сходившихся въ Гаагѣ, дворяне имѣли одинъ голосъ, представители городовъ—18 голосовъ. Въ вопросахъ войны и мира, въ назначеніи налоговъ требовалось единогласіе.

На томъ же *федеративномъ* (союзномъ) началѣ было основано устройство генеральныхъ штатовъ, собиравшихся также въ Гаагѣ. Республика сохранила тотъ видъ, какой имѣла въ свое время Утрехтская унія, образовавшаяся для защиты противъ испанцевъ, т.-е. она была союзомъ только во внѣшнихъ дѣлахъ. На генеральныхъ штатахъ появлялись выборные не отъ населенія, а отъ областныхъ штатовъ; они не только не могли принимать рѣшеній касательно отдѣльныхъ областей, но даже въ вопросахъ распредѣленія общихъ тратъ, въ назначеніи военныхъ начальниковъ, опредѣленіи числа войска они зависѣли отъ рѣшенія областныхъ штатовъ, мнѣніе которыхъ опрашивалось предварительно. Всякому постановленію предшествовали долгіе переговоры между отдѣльными штатами или отдѣльными городами, при чемъ каждая группа и мѣстность упорно стояла на своихъ особенныхъ вольностяхъ. Необходимость единаго образа дѣйствій во внѣшнихъ дѣлахъ выдвинула двѣ должности. Во-первыхъ, адвоката, или *великаго пенсіонарія* Голландіи. Это былъ вначалѣ юристъ, защищавшій интересы Голландіи на генеральныхъ штатахъ, ставшій потомъ предсѣдателемъ голландскихъ штатовъ и, благодаря тому значенію, которое имѣла въ союзѣ Голландія, соединившій въ своихъ рукахъ дипломатическія сношенія съ другими странами Европы. Во-вторыхъ, должность начальника надъ военными и морскими силами, которая соединялась обыкновенно со *штатгальтерствомъ* Голландіи. Штатгальтеръ имѣлъ право назначать бургомистровъ и другихъ должностныхъ лицъ въ городахъ изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ городскими совѣтами. Со времени Вильгельма штатгальтеровъ выбирали изъ дома Оранскихъ; другія области присоединялись обыкновенно къ этому выбору.

Ни штатгальтеръ, ни пенсіонарій не были похожи на президента республики; союзъ не имѣлъ также общегосударственныхъ министровъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ Нидерланды оставались слабымъ государствомъ; но во внутреннихъ отношеніяхъ союзное устройство создавало рядъ преимуществъ. Области и штаты сдерживали и уравновѣшивали другъ друга. Не было тяжелой центральной власти, которая бы, какъ въ Испаніи, опиралась на множество исполнителей и могла преслѣдовать убѣжденія, несогласныя съ ея видами; отъ притѣсненій въ одной области можно было найти себѣ защиту въ другой. Поэтому въ республикѣ

Digitized by Google

господствовала свобода мнѣній; хотя властями была признана протестантская церковь, однако католиковъ не притѣсняли; свободой исповѣданія пользовались также евреи. По мнѣнію голландскаго публициста, чтобы привлечь въ страну гражданъ изъ всѣхъ государствъ, нѣтъ лучшаго средства, какъ дать просторъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ. Въ XVII в. Голландія служила убѣжищемъ для европейскихъ эмигрантовъ, уходившихъ отъ притѣсненія свободной мысли. Въ республикѣ не существовало также стѣсненій для печатанія книгъ. Подвижная свободная жизнь Нидерландовъ выражалась особенно въ распространеніи *газеты*, совершенно новаго для Европы средства общенія. Газеты издавались частными лицами и выходили небольшими листками, два или три раза въ недѣлю. Онѣ сообщали новости со всѣхъ концовъ Европы; свѣдѣнія присылались корреспондентами, которые получали хорошее вознагражденіе. Публика, отъ богатыхъ негоціантовъ и банкировъ до простого народа, извозчиковъ и лавочниковъ, привыкла требовать постояннаго освѣдомленія. Картинки голландскихъ жанристовъ изображаютъ мужиковъ въ кабачкѣ, согнувшихся за газетнымъ листкомъ. Составители газетъ не ограничивались сообщеніями фактическихъ извѣстій; они передавали слухи о политическихъ замыслахъ, открывали злоупотребленія въ сосѣднихъ государствахъ, нападали на правительства или осмѣивали ихъ. Помимо газетъ, этому служили *памфлеты*, большею частью безъ имени автора, затрогивавшіе какой-либо жгучій вопросъ. Для сосѣднихъ монархическихъ государствъ такая свободная критика была очень неудобна, и французское правительство не разъ жаловалось генеральнымъ штатамъ, требуя кары для дерзкихъ авторовъ, затрогивавшихъ репутацію монарха Франціи; сами французскіе посланники въ Нидерландахъ должны были напоминать своему государю, что въ Голландіи нѣтъ никакихъ наказаній для тѣхъ, кто задѣваетъ и бранитъ власти.

При большомъ развитіи свободы, Голландія оставалась далекой отъ демократическаго строя. Съ развитіемъ богатства страны все рѣзче становилось имущественное различіе между классами. Ни въ одной странѣ Европы не было такого большого числа пролетаріевъ, какъ въ Голландіи. Матросы, плотовщики и бурлаки, носильщики, рабочіе на верфяхъ и т. п. получали нерѣдко хорошіе заработки, но при большихъ колебаніяхъ иностранной торговли могли также сильно терпѣть отъ безработицы. Поэтому среди низшихъ классовъ находили распространеніе анабаптистскія идеи общности имущества. Подвижныя легко воспламенявшіяся массы этого люда иногда, въ критическіе моменты, переживаемые страной, во время иноземныхъ нашествій, въ началѣ испанскихъ, потомъ французскихъ, поднимали возстанія и обрушивались страшной силой на крупное купечество, заправлявшее дѣлами.

Digitized by Google

V.

Кризисъ монархіи во Франціи.

Французская монархія въ первой половинѣ XVI в. Въ первой половинѣ XVI в. Франція могла бы показаться государствомъ еще болѣе монархическимъ, чѣмъ Испанія. Въ ней болѣе не было самостоятельныхъ феодальныхъ владѣній; старыя княжескія фамиліи вымерли или поступили къ королю на большія придворныя и административныя должности: большею частью онъ назначалъ ихъ, въ качествѣ своихъ намѣстниковъ, военными губернаторами областей. Лишь нѣсколько провинцій на окраинѣ еще сохранили свои штаты, голосовавшіе и распредѣлявшіе налогъ (отсюда названіе этихъ провинцій, Лангедока, Прованса, Дофинэ, Бретани, Бургундіи—pays d'états).

Общіе, или генеральные, штаты не созывались съ 1484 г.; о нихъ въ странѣ какъ будто забыли. Франциск I подчинилъ своей власти и духовенство, заключивши соглашеніе съ папою въ Болоньѣ (1516 г.) въ отмѣну Прагматики: къ королю отошла власть назначать на высшія церковныя должности, а папа сохранилъ право утверждать прелатовъ въ санѣ и собирать съ нихъ аннаты. Король могъ подолгу не замѣщать бенефицій, а пользовался доходами съ нихъ; онъ могъ соединять нѣсколько должностей или бенефицій въ рукахъ одного лица. Прелаты стали его придворными; имъ давались важныя дипломатическія порученія при иностранныхъ государяхъ. Король вообще требовалъ, чтобы люди высшихъ классовъ появлялись при его дворѣ, сопровождали его въ поѣздкахъ. Вся политика сосредоточилась въ *королевскомъ совѣтѣ*, собиравшемся, подъ предсѣдательствомъ государя, изъ принцевъ крови и сановниковъ, назначенныхъ королемъ. Въ совѣтѣ смѣшивались всѣ проявленія власти: онъ изготовлялъ указы, принималъ мѣры по управленію, опредѣлялъ размѣры налога, рѣшалъ важныя судебныя дѣла, изъятыя королемъ отъ общихъ судовъ. Общество не имѣло никакихъ средствъ контроля надъ дѣйствіями королевскихъ совѣтниковъ. Только одно учрежденіе, *королевскій парламентъ* въ Парижѣ, состоявшій изъ несмѣняемыхъ членовъ, которые большею частью покупали свои должности, служилъ нѣкоторой сдержкой королевскаго произвола: парламентъ имѣлъ право, прежде чѣмъ вносить новый эдиктъ въ свои протоколы (регистры), сдѣлать королю свои почтительныя замѣчанія (remontrances) и пріостановить этимъ путемъ исполненіе указа. Во Франціи обращали вниманіе на помѣтку, которую Франциск I дѣлалъ на своихъ указахъ: „такова моя добрая воля“. Была въ ходу также игра

Digitized by Google

словъ: король, когда-то государь франковъ, francs (что также означаетъ „свободныхъ"), теперь сталъ государемъ рабовъ (serfs).

Ни въ одной странѣ не росло съ такой быстротой число чиновниковъ, какъ во Франціи. Монархія создавала массу новыхъ должностей въ судѣ, полиціи, по сбору податей, по счетной части и т. д. По мнѣнію венеціанскаго посла, если сосчитать всѣхъ этихъ повѣренныхъ чуть не въ каждой деревнѣ, казначеевъ, податныхъ инспекторовъ, предсѣдателей судовъ и казенныхъ палатъ, приставовъ, исправниковъ, намѣстниковъ и генераловъ, то и половины было бы достаточно. Для правительства это былъ не малый источникъ доходовъ, такъ какъ должности большею частью продавались. На чиновную службу очень охотно шла буржуазія, покидая прилавокъ и мастерскую. Для представителей крупнаго капитала открывался также способъ выхода изъ своего сословія, который опять-таки давалъ доходъ коронѣ и привязывалъ къ ней новый разрядъ населенія: можно было покупать дворянскія грамоты.

Король Франциск I придалъ особый блескъ своему двору, усвоивши все, что только могло ему дать новое искусство, развившееся въ Италіи. По краснымъ берегамъ Луары выстроились просторные замки короля и крупныхъ магнатовъ, въ новомъ стилѣ, съ большими свѣтлыми залами, окруженные парками и садами; внутри владѣльцы старались собрать лучшія произведенія знаменитыхъ въ то время итальянскихъ художниковъ, выписывали мастеровъ для украшенія потолковъ и стѣнъ. Еще другую сторону новой культуры старался привить Франциск, науку гуманистовъ. Въ указѣ объ учрежденіи королевской типографіи въ Парижѣ онъ говоритъ: „выдающіеся ученые представили намъ, что искусства, исторія, философія и почти всѣ наши знанія исходятъ изъ греческихъ книгъ, какъ ручьи изъ одного источника". Для преподаванія древнихъ языковъ въ Парижѣ были назначены „королевскіе лекторы", пользовавшіеся большей свободой научныхъ объясненій, чѣмъ профессора старой богословской Сорбонны. Они составили какъ бы новый университетъ, такъ называемую „трехязычную коллегію" (или Collège de France), во главѣ которой король одно время думалъ поставить Эразма.

Въ литературѣ слышится также призывъ къ подражанію древнимъ. Въ „Защитѣ и украшеніи французскаго языка" Дюбеллэ предлагаетъ покинуть старые пріемы поэзіи труверовъ, которые „портятъ вкусъ и говорятъ лишь о нашемъ невѣжествѣ". „Направляйтесь смѣло, французы, къ несравненному городу римлянъ, украшайте добычей, взятой съ него, свои алтари и святилища, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, разграбляйте священныя сокровища дельфійскаго храма". Поэтъ Ронсаръ написалъ въ подражаніе Иліадѣ поэму Франсіаду. Писатели этой эпохи начинаютъ собою французскій *классицизмъ* (или, какъ обыкновенно го-

Digitized by Google

ворять, ложно-классицизмъ). Классическое направленіе все болѣе оттѣсняетъ старые народные пріемы литературы. Уже въ началѣ правленія Франциска были запрещены уличныя представленія любительской труппы, задѣвавшія своей сатирой церковь, дворъ и иностранныхъ государей. Король не хотѣлъ болѣе терпѣть этой критики. Нѣсколько времени спустя запретили большія мистеріи, соединявшія въ себѣ библейскую драму и народный жанръ. Дворъ явно благопріятствовалъ и покровительствовалъ новымъ направленіямъ въ театрѣ, литературѣ и искусствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстранялъ отъ себя тѣ городскіе буржуазные слои, которые были опорами болѣе бережливой и непритязательной монархіи XV в. Вовсе не желая предоставлять самостоятельность дворянству, король хотѣлъ однако жить среди представителей этого класса, выдвинуть на первое мѣсто его права и развлеченія. Опять вошли въ моду блестящія охоты, рыцарскіе турниры, служеніе дамамъ и т. п.

Просвѣщеніе во Франціи въ 20—50-хъ годахъ. Во Франціи не было тѣхъ основаній для реформаціи, которыя имѣлись въ Германіи и въ сѣверныхъ странахъ. Въ народной массѣ не было столь сильнаго раздраженія противъ Рима, какъ въ раздробленной Германіи, а монархія, получившая отъ богатаго и вліятельнаго духовенства крупную пользу, не имѣла побужденія конфисковать церковныя имущества, подобно англійскому и скандинавскимъ королямъ.

Въ кругахъ образованнаго общества около 1520 г. распространилось религіозно-просвѣтительное направленіе, близкое къ идеямъ Эразма и оксфордскихъ реформаторовъ. Но между французскими гуманистами было и другое настроеніе, похожее болѣе на Гуттена; а среди писателей первой половины XVI в. Раблэ воспроизводилъ и другую сторону дѣятельности самого Эразма—сатиру. Раблэ, монахъ и священникъ по профессіи, но совершенно равнодушный къ религіознымъ вопросамъ, медикъ и натуралистъ по спеціальности, осмѣиваетъ въ своей сатирѣ „Гаргантюа и Пантагрюэль“ всѣ явленія современности, кромѣ одного, науки и новаго просвѣщенія. Его отношеніе къ старой богословской схоластикѣ самое рѣзкое. „Какимъ образомъ среди свѣта, сіяющаго въ нашемъ вѣкѣ, и возрожденія драгоцѣннѣйшихъ знаній еще находятся люди, которые не могутъ или не хотятъ освободить свое зрѣніе отъ готическаго и варварскаго тумана, окутавшаго насъ?“ Раблэ изображаетъ своего рода рай просвѣщенія въ видѣ аббатства Телема (по-гречески значитъ „идеалъ“): въ отличіе отъ монастырскихъ общинъ дружеское братство, собравшееся здѣсь, не знаетъ ни стѣнъ, ни стѣснительныхъ обѣтовъ, ни самоистязанія; входъ воспрещенъ только лицемѣрамъ, и единственное правило: „дѣлай, что хочешь“. Здоровые, красивые, сильные люди свободно отдаются своимъ наклонностямъ и интересамъ. Все воспитаніе

Digitized by Google

сказано въ этихъ условіяхъ; „свободный, выросшій въ благородной средѣ человѣкъ уже отъ природы имѣетъ влеченіе къ правдѣ и отвращеніе отъ порока: это влеченіе новые люди называютъ честью“.

Протестантизмъ во Франціи. По мѣрѣ того какъ разгоралась религіозная борьба въ Германіи, измѣнялось отношеніе къ реформаціи и во Франціи. Появились сектантскіе проповѣдники „лютеранства“, рѣзко нападавшіе на мессу и готовые сами претерпѣть за то, что они считали истиной. Пока Францискъ I дружилъ съ нѣмецкими протестантами, чтобы повредить Карлу V, сторонниковъ новой вѣры почти не трогали во Франціи. Но въ 1534 году протестанты расклеили всюду, даже на дверяхъ королевской спальни, афиши съ грозными призывами къ истребленію „католическаго идолослуженія“. Король почувствовалъ себя оскорбленнымъ, какъ верховный защитникъ церкви. Университетъ и парламентъ требовали строгихъ наказаній еретикамъ; чтобы смыть ихъ святотатство, была устроена огромная манифестація „во славу Троицы, св. Дѣвы и Небеснаго двора райскаго“. Въ крестномъ ходу несли всѣ парижскія хоругви, раки съ мощами французскихъ святыхъ и всѣ реликвіи, куски св. Креста и терноваго вѣнца, нераздѣльную одежду Христову и даже посохъ Моисеевъ; шелъ весь Парижъ, всѣ сословія, братства и цехи, а во главѣ король съ обнаженной головой, держа зажженную восковую свѣчу. Затѣмъ обрушились со всей силой на книги, какъ самое страшное орудіе новыхъ идей: одно время было запрещено печатать что бы то ни было, подъ страхомъ повѣшенія; всѣ книжныя лавки были закрыты; потомъ поставили типографіи подъ надзоръ цензоровъ высшаго суда, которые должны были опредѣлять, какія изданія „необходимы и могутъ быть одобрены“. Изобличенныхъ въ ереси стали сожигать на кострахъ. Въ концѣ правленія Франциска въ южной Франціи было вырѣзано населеніе нѣсколькихъ деревень, въ которомъ власти узнали остатокъ вальденства.

Несмотря на это, пропаганда протестантизма еще усилилась съ сороковыхъ годовъ, когда во Франціи стали появляться женевскіе проповѣдники, ученики Кальвина. У самаго порога Франціи сложился разсадникъ ереси, откуда развозили Библіи на народномъ языкѣ, книги и брошюры. Кальвинъ, самъ.—выдающійся французскій писатель XVI в., поддерживалъ огромную переписку съ массой людей, принимавшихъ новое ученіе или склонявшихся къ нему. Большое впечатлѣніе производили кальвинисты своей несокрушимой діалектикой, глубокой убѣжденностью и богословскими знаніями, которыми они нерѣдко забивали своихъ судей, наконецъ горячимъ энтузіазмомъ, съ которымъ многіе изъ нихъ шли на вѣрную смерть.

Замѣтно было, что кальвинизмъ захватываетъ особенно тѣ слои на-

Digitized by Google

селенія, которые стояли въ оппозиціи правительству или старались сохранить независимый кругъ для своей дѣятельности. Болѣе всего распространялось новое ученіе въ области французскаго юга, когда-то сильно проникнутаго ересями. Подобно Нидерландамъ, во Франціи два класса по своимъ интересамъ склонны были къ протестантству: зажиточные горожане и дворяне. Первыхъ, особенно въ общинахъ, не утратившихъ еще самостоятельности, привлекало участіе въ церковныхъ дѣлахъ, которыя у протестантовъ становились предметомъ городского управленія и увеличивали власть крупной буржуазіи. Мелкое дворянство съ раздраженіемъ смотрѣло на обезпеченное духовенство, его огромныя земли, желая улучшить свое положеніе на счетъ церковныхъ богатствъ; съ другой стороны, и крупныхъ сеньеровъ привлекло то, что они могли, принявъ протестантство, собирать на богослуженіе въ своихъ замкахъ родство, челядь, мелкихъ дворянъ и другихъ обывателей округа, приглашать собственныхъ священниковъ и этимъ какъ бы возстановлять прежнее свое властное феодальное положеніе. Дворянство до извѣстной степени раздѣлялось на два слоя: придворное, остававшееся вѣрнымъ католичеству, и провинціальное, отдавшееся протестантству.

Протестанты во Франціи всюду сплочивались въ сильныя организаціи съ широкимъ участіемъ свѣтскихъ людей въ управленіи: вездѣ надъ вновь возникавшими общинами протестантовъ становились консисторіи изъ проповѣдниковъ и выборныхъ мірянъ, которыя завѣдовали дѣломъ благотворительности и слѣдили за правильностью взглядовъ и чистотой нравовъ прихожанъ. Изъ выборныхъ отъ консисторій составлялись областные съѣзды, а изъ выборныхъ отъ областей — національные съѣзды, или *синоды*, въ которыхъ опять-таки вмѣстѣ съ проповѣдниками сидѣли міряне. Такимъ образомъ французскіе протестанты составляли въ своихъ церковныхъ дѣлахъ федеральную республику, какъ бы союзъ союзовъ.

Съ возрастаніемъ этого устройства правительство принимало все болѣе суровыя мѣры, разсматривая протестантовъ какъ опасныхъ мятежниковъ. Преемникъ Франциска (Генрихъ II) установилъ въ парламентѣ „огненную палату“ для суда надъ еретиками, похожую на инквизицію. Протестантовъ удалили со всѣхъ должностей; строго была запрещена свободная проповѣдь особенно послѣ того, какъ въ деревняхъ образовались „лѣсныя школы“. Когда въ присутствіи короля одинъ изъ членовъ Парижскаго парламента, почтенный старикъ Дюбуръ, поднялъ голосъ противъ сожженія на кострѣ еретиковъ, его самого присудили къ той же казни.

Политическая и религіозная реформа около 1560 г. Послѣ смерти Генриха II осталось трое малолѣтнихъ его сыновей, которые правили одинъ

за другимъ въ теченіе 30 лѣтъ (1559 — 1589). Это — почти сплошное время смутъ во Франціи, вызванныхъ сначала столкновеніемъ религіозныхъ партій, а потомъ стремленіемъ сеньеровъ, большой части дворянства и нѣкоторыхъ городовъ обезпечить себѣ независимое положеніе наподобіе Германіи. При старшемъ сынѣ Генриха II власть захватили Гизы, родственники жены короля, Маріи Стюартъ, бывшей въ то же время королевой Шотландіи. Франсуа Гизъ выдвинулся въ войнѣ съ Испаніей, а его братъ, кардиналъ Гизъ, видный дѣятель на Тридентскомъ соборѣ, былъ богатѣйшимъ сеньоромъ и прелатомъ во Франціи: вмѣстѣ со своими двумя родственниками онъ занималъ заразъ 6 архіепископствъ, 12 епископствъ и 20 аббатствъ.

Политика Гизовъ была направлена на полное и безпощадное истребленіе ереси во Франціи; вмѣстѣ съ тѣмъ они старались вернуть королевскія имѣнія и доходы, розданные при предшествующихъ королякъ множеству дворянъ. Ихъ мѣры вызвали большое раздраженіе; среди недовольныхъ большинство составляли протестанты. Противники звали ихъ *гугенотами* (испорчено отъ слова eidgenots, eidgenossen, т.-е. имени швейцарцевъ, республиканскій строй которыхъ воспроизводили французскіе протестанты). Часть недовольныхъ дворянъ пыталась поднять возстаніе, захватить въ свои руки короля и избавиться отъ Гизовъ. Но этотъ замыселъ разстроился, мятежниковъ большею частью перехватали. Между тѣмъ выступили болѣе умѣренные, во главѣ ихъ крупный сеньеръ, адмиралъ Колиньи, и родственники короля, принцы Бурбонскаго дома. Они хотѣли законнаго разрѣшенія политическихъ и религіозныхъ затрудненій посредствомъ созванія генеральныхъ штатовъ и устройства религіознаго диспута. Къ такому же соглашенію склонялись гуманистически образованные епископы и умѣренные католики.

Гизы были вынуждены уступить, и въ 1560 г. при малолѣтнемъ королѣ Карлѣ II, второмъ сынѣ Генриха II, сошлись (послѣ 75-лѣтняго промежутка) штаты въ Орлеанѣ. Большинство въ собраніи было расположено къ проведенію реформаціи церкви. Предлагали совершить секуляризацію церковныхъ имуществъ и продать ихъ съ тѣмъ, чтобы отдѣлить $^1/_3$ на поддержаніе церковныхъ строеній, $^1/_3$ — на бѣдныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ третье сословіе и дворянство высказались за правильный созывъ штатовъ въ извѣстные сроки; штатамъ должно представить рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ и голосованіе податей. Мысль о реформѣ церкви во Франціи, какъ и всюду, поднимала вопросы политики и управленія, вызывала дѣятельныя силы страны и заставляла вспомнить о старомъ учрежденіи, которое служило средствомъ для контроля общества надъ правительствомъ. Это учрежденіе какъ бы возродилось вновь послѣ 100-лѣтняго упадка. Въ послѣдующія

Digitized by Google

30 лѣтъ королевская власть должна была нѣсколько разъ обращаться къ штатамъ.

Гизовъ замѣнила у власти мать малолѣтняго короля, Екатерина Медичи; вновь назначенный ею канцлеръ Лопиталь былъ готовъ идти навстрѣчу желаніямъ штатовъ: онъ откровенно заявилъ, что правительство испытываетъ большой *дефицитъ* (перевѣсъ расходовъ надъ доходами), вчетверо превышающій ежегодное поступленіе; онъ предложилъ штатамъ выбрать особую комиссію, чтобы обсудить финансовое положеніе, и соглашался вообще на правильныя совѣщанія со штатами. Въ религіозномъ вопросѣ Лопиталь былъ противъ стѣсненій: „ножомъ ничего не сдѣлаешь противъ духа“. Онъ предлагалъ примиреніе: „устранимъ эти дьявольскія названія папистовъ, гугенотовъ, лютеранъ, будемъ зваться только христіанами!“ Не дѣло государства, по его мнѣнію, рѣшать вопросъ о правильности той или другой вѣры; оно призвано лишь поставить разныя исповѣданія въ такія условія, чтобы они могли ужиться другъ съ другомъ.

Правительство даже сдѣлало попытку устроить религіозный диспутъ; въ присутствіи двора состязались лучшіе проповѣдники протестантовъ, между ними Бэзъ, ученикъ Кальвина, съ кардиналомъ Гизомъ и іезуитами, которыхъ впервые допустили во Францію Гизы. Черезъ годъ послѣ орлеанскихъ штатовъ Лопиталь издалъ эдиктъ (такъ наз. *январскій* 1562 г.), по которому протестантамъ позволялось свободно отправлять свое богослуженіе внѣ городовъ и занимать всѣ должности наравнѣ съ католиками.

Крушеніе реформы и религіозныя войны. Примирительная политика Лопиталя была разстроена взаимнымъ раздраженіемъ религіозныхъ партій. Франсуа Гизъ, проѣзжая со своей свитой мимо мѣстечка, гдѣ собрались въ деревенскомъ сараѣ нѣсколько десятковъ гугенотовъ для своего богослуженія и оскорбленный пѣніемъ псалмовъ, велѣлъ своимъ людямъ избить безоружную толпу. Гугенотскіе дворяне въ отвѣтъ собрали вооруженныя силы, и во Франціи начались религіозныя войны. Въ первомъ столкновеніи Гизъ побѣдилъ протестантовъ, но самъ былъ убитъ протестантскимъ дворяниномъ, поступившимъ къ нему на службу. Общая реформа стала во Франціи невозможна: умѣренные люди среднихъ взглядовъ, желавшіе достигнуть соглашенія, должны были отступиться и дать мѣсто двумъ крайнимъ воинственнымъ группамъ, одинаково нетерпимымъ и исключительнымъ. Ревностные католики и кальвинисты составили двѣ партіи, съ собственными вождями; онѣ сами набирали войска, частью нанимали за границей испанцевъ, швейцарцевъ, нѣмецкихъ ланцкнехтовъ и конницу; чтобы пополнять свои денежныя средства, каждая партія забирала въ свою пользу налогъ въ той мѣст-

Digitized by Google

ности, гдѣ имѣла перевѣсъ. Нѣсколько разъ партіи мирились и опять брались за оружіе (за 30 лѣтъ было десять религіозныхъ войнъ). Правительство не имѣло силы заставить ихъ сложить оружіе: оно колебалось между ними и подчинялось то одной, то другой сторонѣ. Екатерина Медичи дала отставку Лопиталю и пробовала взять дѣла въ свои руки. Она заключила съ гугенотами миръ и старалась привлечь ихъ въ Парижъ. Но, замѣтивши, что гугенотскій вождь Колиньи пріобрѣлъ вліяніе на ея сына и совѣтуетъ ему вмѣшаться въ нидерландскія дѣла, чтобы помочь тамошнимъ протестантамъ противъ Альбы и Филиппа II, королева подослала къ Колиньи убійцъ. Покушеніе однако не удалось; тогда Екатерина подговорила партію Гизовъ истребить всѣхъ протестантскихъ вождей, съѣхавшихся въ Парижъ. Колиньи умертвили въ его домѣ; парижскіе граждане приняли участіе въ рѣзнѣ, такъ наз. Варѳоломеевской ночи (по имени святого, чтимаго 26 августа), и она приняла большіе размѣры (1572 г.).

Монархомахи и организація гугенотовъ. Съ этой поры гугеноты перешли въ рѣшительную оппозицію правительству. Они составляли въ странѣ меньшинство, которому оставалось только собрать всю энергію, чтобы сохранить независимость. О торжествѣ ихъ ученія и устройства во всей Франціи не могло быть и рѣчи; но они призывали общія начала свободы въ свою пользу. Талантливые публицисты изъ ихъ среды выпустили рядъ обличительныхъ книгъ и статей противъ королевской власти; ихъ назвали потомъ *монархомахами* (борцами противъ монархіи). Они соединили старинныя понятія о верховной власти народа и договорѣ его съ государемъ, которыя были въ ходу еще во время борьбы императоровъ съ папами, и Кальвиново ученіе о законномъ сопротивленіи богопротивнымъ тиранамъ. Пасторы, выходившіе изъ женевской школы, поддерживали осужденіе неограниченной монархіи: они считали своимъ правомъ безстрашно указывать властямъ на безпорядки и распущенность жизни, публично порицать дурное управленіе и требовать исправленія нравовъ.

Въ сочиненіи „Франко-Галлія“ Отмана, вышедшемъ на латинскомъ и французскомъ языкахъ, доказывалось, что во Франціи было искони свободное устройство; еще галлы имѣли народныя собранія и выборныхъ правителей, и хотя римляне ввели страну въ порабощеніе, но франки снова принесли ей свободу; отъ старинныхъ народныхъ собраній произошли генеральные штаты. Въ книгѣ „Искъ къ тиранамъ“, авторъ которой назвался именемъ римскаго республиканца Юнія Брута, говорится, что только Богъ правитъ неограниченно, земные же государи—Божьи вассалы, и Онъ можетъ свергнуть вассала, когда тотъ нарушилъ присягу, данную народу. Изъ Ветхаго Завѣта видно, что государи, по указанію

Digitized by Google

Божію, избираются народомъ. Если государь становится тираномъ, въ государствѣ есть законная сила, которая можетъ его свергнуть; таково во Франціи собраніе трехъ штатовъ. Есть, кромѣ монарха, еще правители второго порядка, „цвѣтъ страны“, — публицистъ разумѣетъ аристократію сеньеровъ, — которые защищаютъ народъ и могутъ исправлять ошибки правительства. Подобныя учрежденія для защиты народа отъ тиранiи существуютъ во всѣхъ государствахъ, „кромѣ Московіи и Турціи, которыя должно считать не государствами, а соединеніями разбойниковъ“.

Соотвѣтственно этимъ взглядамъ гугеноты выработали свое устройство и распространили его на всю Францію. Политическій строй воспроизводилъ ихъ церковный порядокъ съ его выборными совѣтами общинъ и союзными собраніями. Вся страна была ими раздѣлена на особыя области, представители ихъ сходились на областныя собранія, гдѣ избирали представителей въ генеральное собраніе. Въ порядкѣ гугенотовъ сильно выражена аристократическая черта. Главное участіе въ политическихъ собраніяхъ принадлежало сеньерамъ и дворянамъ; меньше значенія въ нихъ имѣли представители городовъ. Дѣйствительной силой гугеноты обладали только на югѣ, особенно въ Лангедокѣ, сохранившемъ свое особое право и самостоятельность многихъ городовъ, и отчасти на западѣ, гдѣ ихъ главнымъ оплотомъ былъ приморскій городъ Ларошель, почти независимая торговая республика. Въ небольшой области Беарнъ въ Пиренеяхъ, остаткѣ Наваррскаго королевства, другая часть котораго была захвачена испанскими королями, протестантизмъ сдѣлался даже господствующей церковью. Наваррскіе короли изъ дома Бурбоновъ, ближайшіе родственники французской династіи Валуа, стояли во главѣ гугенотскихъ сеньеровъ и считались главными защитниками французскаго протестантизма. Для многихъ дворянъ протестантизмъ съ самаго начала былъ дѣломъ политики: они возобновили старыя феодальныя усобицы и вооруженные наѣзды, заправляли безконтрольно городами и областями, ссорились съ правительствомъ, чтобы потомъ мириться за хорошее вознагражденіе. Военные губернаторы областей, наприм., большого и богатаго Лангедока, пользовались тѣми же обстоятельствами, создавали себѣ почти независимыя княжества, вели свою иностранную политику, заключали особые договоры съ религіозными партіями и съ державами, безъ всякаго вниманія къ королевскому правительству.

Католическая лига. Во Франціи наступало раздробленіе, которое увеличилось тѣмъ, что противъ политической организаціи протестантовъ стала подниматься такая же католическая. Въ началѣ реформаціи во Франціи, какъ и всюду, не было даровитыхъ и свѣдущихъ католическихъ проповѣдниковъ, которые могли бы поспорить съ протестантски-

Digitized by Google

ми. Подъ вліяніемъ іезуитовъ духовенство обновилось, особенно низшее, священники и монахи: въ церквахъ появились горячіе ораторы, въ печати выступили клирики-писатели, поднимавшіе, какъ и гугенотскіе публицисты, политическіе вопросы. Они также призывали народъ къ возстанію и также ссылались на его право свергнуть государя, который не защищаетъ истинной вѣры. Ревностные католики составили Священную лигу для истребленія гугенотовъ. Ея сила была главнымъ образомъ на сѣверѣ и востокѣ Франціи, а важнѣйшимъ оплотомъ—многолюдный Парижъ. Во главѣ лиги сталъ Генрихъ Гизъ, сынъ Франсуа. Гизы напоминали о своемъ происхожденіи отъ Карла Великаго и были готовы отнять у Валуа корону.

Обѣ религіозныя партіи опирались на иноземную помощь и субсидіи: въ то время, какъ гугеноты получали средства борьбы отъ германскихъ протестантскихъ князей и отъ англійской королевы, лигисты пользовались поддержкой испанскаго короля, который платилъ ихъ вождямъ большія суммы и нѣсколько разъ присылалъ на помощь свои войска. Дикія военныя банды разоряли безжалостно страну. Земледѣліе было заброшено во многихъ мѣстахъ. Мануфактуры шелка и сукна, заводы художественной индустріи, стекла и фаянса совсѣмъ упали или сократились наполовину. Лучшія типографіи Франціи закрылись: знаменитая фирма Этьеновъ, которые сами были выдающимися гуманистами, вынуждена была изъ-за религіозныхъ преслѣдованій перейти въ Женеву.

Лига, подобно гугенотству, была подъ знаменемъ религіи сильнымъ протестомъ противъ королевской власти. Для борьбы съ еретиками, для подкупа недовольныхъ сеньеровъ, для огромныхъ тратъ на дворъ послѣдніе Валуа брали деньги отовсюду: занимали у городовъ, особенно у Парижа, недоплачивали жалованье чиновникамъ, создавали новыя должности и продавали ихъ, заставляли богатое духовенство платить себѣ правильный налогъ подъ названіемъ добровольнаго дара. Между тѣмъ страна испытывала, кромѣ разоренія и потери людей въ гражданскихъ войнахъ, всю тяжесть революціи цѣнъ, паденія стоимости денегъ и вздорожанія товаровъ. Тѣмъ рѣзче все населеніе должно было почувствовать введеніе новыхъ *косвенныхъ налоговъ* на предметы потребленія и на ввозные товары; еще болѣе раздражалъ массу народа способъ ихъ взиманія: для того, чтобы обезпечить себѣ въ деньгахъ вѣрный доходъ съ этихъ налоговъ, правительство по своему обыкновенію продавало или отдавало на откупъ ихъ сборъ; покупателями или арендаторами (fermiers des traites) являлись компаніи капиталистовъ, съ которыми въ доляхъ участвовали придворные сеньеры, принцы и фавориты короля; при сборѣ происходило много злоупотребленій, и на глазахъ у всей страны наживались, безъ всякаго усилія, какъ обыкно-

Digitized by Google

венные ростовщики, ближайшіе къ коронѣ люди, представители крупной аристократіи и буржуазіи.

Парижане выступили наконецъ съ изложеніемъ жалобъ королю (1575 г.). Они указывали на то, что если бы правительство разумно примѣняло средства, французскій король сталъ бы самымъ могущественнымъ государемъ Европы; теперь, напротивъ, французскій народъ—самый несчастный, истощенный борьбой и ограбленный иностранцами и наемными войсками. Гнѣвъ Божій противъ Франціи виденъ въ томъ, что всюду воцарилась распущенность: церковные доходы идутъ въ руки развращенныхъ свѣтскихъ лицъ, въ судахъ нѣтъ правды и господствуетъ полная продажность, налоги стали невѣроятно тяжелы. Парижане напоминали Генриху III о завѣщаніи „добраго короля святого Людовика, который говорилъ на смертномъ одрѣ сыну, чтобы онъ не бралъ налоговъ съ народа иначе, какъ по справедливости и въ случаѣ крайней нужды; „если будешь поступать иначе, ты не король болѣе, а тиранъ“.—„Знайте, государь: если правитель требуетъ съ народа болѣе, чѣмъ въ правѣ взять, подданные перестаютъ его слушаться“.

Монархическая теорія Бодэна. Религіозныя партіи называли всѣхъ равнодушныхъ къ церковному вопросу или искавшихъ мирнаго соглашенія *политиками*. Между политиками были сторонники государственной цѣлости Франціи, которые главнымъ образомъ хотѣли вывести страну изъ состоянія анархіи. Главный выразитель этого направленія въ литературѣ—историкъ и юристъ Бодэнъ. Въ своей книгѣ подъ заглавіемъ „Государство“ (République) онъ ставитъ выше всего государственный порядокъ, нераздѣльность частей страны, единое управленіе, подчиненіе всѣхъ интересовъ, въ томъ числѣ и религіозныхъ, политическому, потому что въ немъ именно заключено общее благо. Бодэнъ думаетъ, что ради спокойствія страны надо запретить всякія религіозныя пренія; правительство должно стоять выше самихъ религіозныхъ споровъ.

Основное свойство государственнаго порядка—это *верховенство* власти. Бодэнъ считаетъ наилучшей формой, обезпечивающей общественное спокойствіе, монархію. Онъ противъ демократіи: народъ „многоголовый звѣрь“, по его мнѣнію, опасенъ тѣмъ, что ни въ чемъ не знаетъ середины. Бодэнъ находитъ, что причина безпорядковъ и междоусобій—въ чрезмѣрномъ неравенствѣ имуществъ, при возмутительной гордости богатыхъ и полномъ униженіи бѣдныхъ; но онъ не хочетъ вовсе и равенства имуществъ и не одобряетъ мечтаній Томаса Мора въ Утопіи: общество держится на взаимныхъ обязательствахъ, на кредитѣ, долгахъ, договорахъ, условіяхъ, услугахъ; если все это отмѣнить, государство разрушится. Бодэнъ—врагъ теорій, которыя въ его время подрывали во Франціи монархическую власть и провозглашали права народа или

Digitized by Google

другихъ ограничивающихъ силъ; государь долженъ обладать полной властью; отъ него исходятъ законы; штаты и другія учрежденія могутъ имѣть при немъ лишь совѣщательное значеніе; но благоразумный государь самъ будетъ къ нимъ обращаться и въ особенности не станетъ взыскивать налоговъ безъ согласія штатовъ.

Король, правившій въ эту эпоху (Генрихъ III, братъ Карла IX, послѣдній Валуа), не удовлетворялъ вовсе тѣмъ требованіямъ уравновѣшенной авторитетной власти, которыя выставлялъ Бодэнъ. Признавъ за гугенотами вѣротерпимость, онъ однако подчинился тотчасъ же лигѣ. Въ штатахъ 1576 г., созванныхъ Блуа, преобладали сторонники лиги; они потребовали отъ короля запрещенія какого бы то ни было другого исповѣданія, кромѣ „апостолической и римской церкви“, и объявленія войны гугенотамъ. Бодэнъ, участвовавшій въ этомъ собраніи въ качествѣ депутата третьяго сословія, добился только одного, чтобы разстроить рѣшеніе лигистовъ: королю не дали денежной субсидіи для веденія религіозной войны.

Революція въ Парижѣ и начало Бурбоновъ. Скоро лига еще болѣе усилилась. Престолъ Франціи долженъ былъ, въ случаѣ смерти Генриха III, перейти къ другому Генриху, Бурбону, королю наваррскому, вождю гугенотовъ французскаго юга. Лига потребовала, чтобы Генрихъ III лишилъ его права наслѣдованія. Причину всѣхъ бѣдствій послѣдняго времени народъ, примыкавшій къ лигѣ, видѣлъ въ измѣнѣ католичеству, неискренности и колебаніяхъ короля. Въ Парижѣ началось сильное движеніе среди низшаго класса, мелкихъ лавочниковъ, рабочихъ, поденщиковъ, крестьянъ. Требовали возвращенія городамъ всѣхъ вольностей. Король велѣлъ повѣсить одного адвоката, который въ памфлетѣ назвалъ его „величайшимъ лицемѣромъ въ мірѣ“. Народъ цѣловалъ у трупа казненнаго руки и ноги. Буржуа Парижа образовали особый „исполнительный комитетъ шестнадцати“, такіе же комитеты составились въ другихъ сѣверныхъ городахъ; члены этихъ революціонныхъ совѣтовъ вступили между собою въ оживленныя сношенія. Но въ лигѣ соединились слишкомъ разнообразные интересы и слои общества, которые трудно было надолго примирить вмѣстѣ: въ ея манифестѣ говорилось, правда, о необходимости облегченія „бѣднаго простого народа, кормильца всѣхъ другихъ сословій, нынѣ варварски притѣсняемаго на тысячу ладовъ“; но въ то же время указывалось, что надо дать торжество духовенству и возстановить всѣ почести, привилегіи и вольности дворянства, „главной опоры этого королевства послѣ Бога“. Какъ въ гугенотствѣ, такъ и подъ лигой крылся *сепаратизмъ* сеньеровъ, областей и нѣкоторыхъ городовъ, и дальнѣйшая борьба религіозныхъ партій привела бы Францію къ состоянію раздробленія, похожему на Германскую имперію.

Digitized by Google

Король пробовалъ бороться съ лигой. Но когда онъ вызвалъ войска въ Парижъ, буржуа и простой народъ взялись за оружіе и загородили улицы баррикадами, нагромоздивъ повозки, каменныя плиты съ мостовыхъ и обломки всякаго рода; солдаты очутились точно въ осажденной крѣпости и сдались; горожане осадили баррикадами и дворецъ короля, Лувръ, такъ что онъ едва успѣлъ бѣжать. Ему не помогла и смерть Гиза, котораго онъ измѣнически убилъ въ своихъ покояхъ. Осталось только искать спасенія у гугенотскаго короля, приближавшагося съ юга къ Парижу; но здѣсь настигъ Генриха III убійца-лигистъ, спрятавшій отравленный ножъ подъ монашеской рясой. Незадолго до этого вышла горячая защита тираноубійства, написанная католикомъ Буше.

Новый король, Генрихъ IV, начавшій собою династію Бурбоновъ, былъ въ сущности главой партіи, очень энергичной, но составлявшей меньшинство въ странѣ. Однако онъ держался примирительно къ католикамъ, и „политики“ перешли на его сторону. Генриху IV пришлось завоевывать сѣверную Францію; онъ не могъ только взять Парижа, гдѣ засѣли самые ревностные лигисты: чтобы поддержать раздраженіе противъ гугенотовъ, монахи во главѣ съ ректоромъ католическаго университета устроили вооруженный крестный ходъ по улицамъ; болѣе 1000 клириковъ шли со шпагами при бедрѣ и сѣкирами на плечахъ, распѣвая воинственные гимны. Филиппъ прислалъ лигѣ помощь изъ Нидерландовъ подъ начальствомъ Александра Пармскаго.

Но Генрихъ IV вышелъ удачно изъ затрудненій. Считая, что „Парижъ стоитъ обѣдни“, онъ перешелъ въ католичество и обезоружилъ этимъ ревнителей вѣры; всѣхъ важныхъ сеньеровъ, примыкавшихъ къ лигѣ,—между ними было шесть Гизовъ, занимавшихъ намѣстничества,—купили большими подарками и пенсіями. Парижъ открылъ королю ворота, испанскій гарнизонъ долженъ былъ удалиться изъ города.

Примирительная политика Генриха IV. Паденіе генеральныхъ штатовъ. Долгая смута вызвала у многихъ настроеніе, враждебное религіознымъ спорамъ. Король, полжизни проведшій въ лагерѣ, былъ въ числѣ равнодушныхъ. Въ 1601 г. вышла книга Шаррона „О мудрости“, гдѣ выражалось охлажденіе къ поискамъ наилучшей религіи. Человѣкъ, говорилось здѣсь, далекъ отъ истины, отъ сути вещей. Въ религіи нѣтъ ничего возвышеннаго; въ началѣ всякаго исповѣданія какой-нибудь вождь, законодатель ловко подготовляетъ чудо; всѣ религіи предписываютъ людямъ лишенія, вклады, церемоніи и т. п., которыми думаютъ умилостивить Бога; во всѣхъ религіяхъ есть нѣчто страшное и чуждое здравому смыслу.

Пользуясь тѣмъ, что общество отворачивается отъ религіозной борьбы, король искусно провелъ примиреніе партій. Чтобы успокоить своихъ

Digitized by Google

прежнихъ единовѣрцевъ, которые не хотѣли складывать оружія, Генрихъ IV издалъ *религіозный эдиктъ* въ Нантѣ (1598 г.). За протестантами была признана, какъ 36 лѣтъ передъ тѣмъ въ январскомъ эдиктѣ Лопиталя, свобода исповѣданія, имъ было предоставлено право совершать богослуженіе по своему обряду въ замкахъ сеньеровъ и въ городахъ, но за выключеніемъ Парижа; дворянству дали такимъ образомъ привилегированное положеніе въ предѣлахъ самой секты. Протестантовъ допустили къ должностямъ, и въ парламентахъ возникли смѣшанныя камеры изъ протестантскихъ и католическихъ членовъ для разбора столкновеній между людьми разныхъ исповѣданій. Генрихъ IV призналъ также за гугенотами то обособленное республиканское положеніе, которое они считали нужнымъ для обезпеченія своихъ правъ въ католической странѣ: они удержали рядъ крѣпостей съ собственными гарнизонами, между ними Ларошель, и право каждые три года сходиться на общія политическія собранія для рѣшенія своихъ дѣлъ.

То, что получили гугеноты, не было признано за остальной націей. Генрихъ IV обѣщалъ при своемъ вступленіи созывать генеральные штаты; но за 16 лѣтъ своего правленія (1594—1610) онъ не собиралъ ихъ ни разу. Король не хотѣлъ большихъ собраній, въ которыхъ слышалось всегда столько жалобъ и критики на управленіе. Во время смутъ, вызванныхъ религіозной враждой, французскій народъ нѣсколько разъ обращался къ старинному способу обсужденія государственныхъ дѣлъ (съ 1560 по 1593 г. штаты собирались пять разъ); но собранія эти не имѣли достаточной силы, чтобы заставить королей уважать себя: правительство въ трудную минуту получало согласіе на новый налогъ, давало обѣщаніе произвести реформы, которыхъ требовали штаты, и распускало ихъ съ тѣмъ, чтобы по возможности къ нимъ не возвращаться. Главная причина безсилія штатовъ заключалась въ розни интересовъ тѣхъ областей и сословій, которыя были въ нихъ представлены. Окраины (Бретань, Лангедокъ, Бургундія, Дофинэ, Провансъ) мало интересовались генеральными штатами и болѣе всего держались своихъ мѣстныхъ правъ и преимуществъ. Между тремя большими группами въ штатахъ, дворянствомъ, духовенствомъ и третьимъ сословіемъ, поднимались несогласія по большинству дѣлъ, особенно по вопросу о налогахъ. Дворянство и духовенство, примыкавшее къ дворянству по своему имущественному положенію и пополнявшееся изъ дворянства, скорѣе могли столковаться между собою; такъ какъ голоса подавались по сословіямъ, то два первыя сословія покрывали часто своими голосами третье, и ему оставалось для того, чтобы добиться своего, обращаться къ правительству отдѣльно, помимо генеральныхъ штатовъ. Дворянство менѣе всего было заинтересовано въ общихъ собраніяхъ: когда боль-

Digitized by Google

шинство дворянъ разорилось въ религіозныхъ войнахъ, они еще болѣе, чѣмъ прежде, стали искать обезпеченія въ придворной и военной службѣ у короля.

Это разъединеніе интересовъ во Франціи позволяло утвердиться королевскому *абсолютизму*, т.-е. неограниченному распоряженію короля и назначаемыхъ имъ чиновниковъ. Абсолютизмъ сталъ устанавливаться при Франциске I, разстроился въ періодъ религіозныхъ войнъ и опять поднялся при Генрихѣ IV, чтобы продержаться потомъ почти два вѣка. Онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ теоріи Бодэна и политиковъ, которые видѣли въ сильной монархіи выходъ изъ общественнаго разстройства, но вовсе не хотѣли безконтрольнаго управленія: правда, слишкомъ подавленные смутами, они забыли о необходимости поставить прочныя и опредѣленныя сдержки королевскому произволу, но все же они рекомендовали королямъ правильно обращаться къ голосу страны.

Королевскій абсолютизмъ выражался болѣе всего: 1) въ настойчивомъ стремленіи правительства поставить всюду вполнѣ зависимыхъ отъ него исполнителей и сломить всякія мѣстныя силы, которыя могли бы ему противодѣйствовать, и 2) въ усиліяхъ, направленныхъ къ поднятію дохода страны посредствомъ поддержки торговли, промышленности и колонизаціи. Какъ только правительство добивалось успѣха въ первыхъ двухъ отношеніяхъ, оно тотчасъ же устремлялось, въ 3) на воинственную внѣшнюю политику съ цѣлью расширенія границъ Франціи. Это означало борьбу главнымъ образомъ съ двумя линіями Габсбурговъ, австрійской и испанской, за обладаніе пиренейскими, прирейнскими и бельгійскими областями.

Разореніе Франціи и экономическая политика Генриха IV. Всѣ эти черты уже видны въ правленіи Генриха IV. Онъ засталъ страну въ состояніи величайшаго разоренія. Масса земли была заброшена; города, деревни и фермы лежали въ развалинахъ; населеніе частью разбѣжалось; всюду составились разбойничьи шайки, въ которыхъ участвовали солдаты, оставшіеся безъ дѣла послѣ прекращенія войны. Когда помѣщики, видя себя безъ всякихъ средствъ жизни, попытались удвоить плату за аренды, противъ нихъ поднялись крестьяне, особенно въ южной Франціи. Они составили большія ополченія подъ названіемъ „нищихъ“ (croquants), жалуясь, что съ ними поступаютъ, какъ съ рабами. Движеніе было похоже на германское 1525 г. и англійское 1549 г. Инсургенты-крестьяне объявили, что религіозныя различія въ ихъ средѣ не помѣшаютъ ихъ союзу, и выставили демократическія требованія. Они настаивали на выборѣ общаго вождя деревень, который былъ бы „народнымъ трибуномъ“; на провинціальныхъ штатахъ появились делегаты отъ крестьянъ подъ названіемъ „деревенскаго третьяго сословія“ и

Digitized by Google

требовали уменьшенія прямого налога. Самые рѣзкіе хотѣли срытія дворянскихъ замковъ и отмѣны всѣхъ повинностей, кромѣ тѣхъ, которыя идутъ на короля. Мѣстами буржуа руководили движеніемъ и помогали крестьянамъ организоваться. Ихъ лозунгъ былъ: „свобода, свобода, да здравствуетъ третье сословіе!“ Дворяне составили противъ нихъ свой союзъ и объявили, что простой народъ поднялся противъ „божественнаго и человѣческаго права, отказывается платить десятину, установленную съ основанія міра для служенія Богу, хочетъ опрокинуть монархію и устроить демократію наподобіе швейцарцевъ“. Обѣ вооруженныя массы, дворяне и крестьяне, вступили въ бой, но крестьяне скоро разсѣялись; у нихъ не было ни привычки, ни хорошаго оружія, ни продовольствованія для того, чтобы выдержать правильную войну.

„Если бы кто-нибудь заснулъ за 40 лѣтъ до того и проснулся послѣ междоусобій, онъ подумалъ бы, что видитъ не Францію, а трупъ ея“, говоритъ одинъ изъ современниковъ.

Генрихъ IV и особенно первый министръ Сюлли, его другъ и старинный сотрудникъ, приложили усилія, чтобы поднять бытъ крестьянъ. Нѣсколько разъ скидывались большія недоимки крестьянъ по уплатѣ прямого налога (таліи). Было запрещено продавать скотъ и орудія земледѣльцевъ въ уплату за долги. Во время своихъ объѣздовъ по Франціи Сюлли пришелъ къ убѣжденію, что все благосостояніе ея зависитъ отъ земледѣлія; это—ея „истинные рудники и перуанскія сокровища“. Всего важнѣе открыть свободный вывозъ французскаго хлѣба за границу, что должно поощрить его разработку. Съ этого времени хлѣбъ становится главнымъ предметомъ французскаго вывоза. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство увлекалось мыслями о раціональной агрономіи: Генрихъ IV каждый день читалъ книгу „Королевскій театръ земледѣлія и полевое хозяйство“, авторъ которой рекомендовалъ улучшенные способы обработки и восхвалялъ выгоды и красоты деревенской жизни, къ которой звалъ отбившихся отъ земли дворянъ.

Но Генрихъ IV расходился со своимъ министромъ въ другомъ вопросѣ *экономической политики*. Въ годъ изданія Нантскаго эдикта ему подали записку (составителемъ которой былъ Лаффема), гдѣ доказывалось, что надо принять самыя энергичныя мѣры для развитія французской мануфактуры. Парижъ, Ліонъ, Туръ показали уже давно, что они умѣютъ обработывать и красить шелкъ не хуже, чѣмъ знаменитые итальянскіе города; въ сѣверной и восточной Франціи могутъ производить полотно, не уступающее фламандскому, и кружева, изготовляемыя на югѣ, въ Лангедокѣ, отличаются такой же тонкой отдѣлкой, какъ въ Нидерландахъ. Смѣшно продавать за границу сырье, напр., ленъ, пеньку и шерсть, чтобы покупать потомъ опять приготовленные изъ нихъ

Digitized by Google

въ чужихъ странахъ фабрикаты. Если бы Франція взялась сама за обработку, въ ней очень уменьшилось бы число бѣдняковъ, такъ какъ причина бѣдности—безработица. Весь интересъ Франціи въ томъ, чтобы стать индустріальной страной. Но для этого надо воспретить ввозъ чужихъ мануфактурныхъ и другихъ обработанныхъ продуктовъ, кромѣ хорошихъ книгъ и произведеній искусства, а также не позволять вывоза всѣхъ сырыхъ и наполовину обработанныхъ произведеній; необходимо также устранить всякія стѣсненія внутри страны, уничтожить таможни между областями и замѣнить многочисленные частные сборы съ торговли однимъ общимъ взносомъ; надо создать постоянную торговую камеру и должность генеральнаго контролера, чтобы изслѣдовать потребности и и улучшить условія, въ которыхъ находится торговля.

Въ предложеніяхъ Лаффема заключалась очень важная программа для правительства. Генрихъ IV лишь началъ ея выполненіе, оказывая покровительство французскимъ мануфактурамъ преміями и привлеченіемъ лучшихъ мастеровъ изъ-за границы.

Возобновленіе смуты и послѣдніе штаты. Генрихъ IV не успѣлъ также развернуть всѣ свои замыслы въ иностранной политикѣ. Во время приготовленія къ войнѣ съ Габсбургами его убилъ фанатическій католикъ Равальякъ, повидимому, настроенный іезуитами, мстившими за Нантскій эдиктъ и вражду короля къ Испаніи. Съ его смертью во Франціи опять наступила пора, похожая на время религіозныхъ войнъ: сеньеры, между ними принцы крови, поднимали войну съ правительствомъ (регентшей—матерью малолѣтняго короля Людовика XIII) и опять мирились за большую плату и подарки.

Губернаторы изъ ихъ среды дѣлали, что хотѣли. Однажды крупный чиновникъ короля, казначей провинціи (trésorier), сдѣлалъ донесеніе, что въ Шампани собираютъ подать безъ королевскаго разрѣшенія. Губернаторъ области, герцогъ Неверскій, возмущенный этимъ, велѣлъ схватить королевскаго казначея, продержать его въ тюрьмѣ и потомъ провести въ костюмѣ, который надѣвали на сумасшедшихъ, по всѣмъ городамъ провинціи. Жалоба казначея, поданная генеральнымъ штатамъ, осталась безъ послѣдствій: „мало надежды получить защиту суда противъ принца“, замѣчаетъ современникъ. Воинственная партія среди гугенотовъ волновалась. Въ 1621 году они выработали особый военный и финансовый уставъ, раздѣлили всю Францію на военные округа, стали собирать налоги въ свою пользу, назначили своихъ командировъ и протестантскаго главнокомандующаго. Образовалась опять протестантская республика. Недовольные искали опять помощи у иностранныхъ государствъ, Испаніи и Англіи.

Среди смутъ растерявшееся правительство обращалось еще разъ и

Digitized by Google

къ генеральнымъ штатамъ (1614 г.). На этомъ послѣднемъ собраніи штатовъ (они не созывались потомъ вплоть до революціи 1789 г., уничтожившей абсолютную монархію) обнаружилось еще разъ, насколько враждебны другъ другу сословія и насколько невозможна совмѣстная ихъ работа. Дворянскіе депутаты оскорбились тѣмъ, что представители буржуазіи сравнили государство съ семьей изъ трехъ братьевъ, при чемъ прибавили, что нерѣдко домъ, разоренный старшимъ (высшими классами), возстановляется младшимъ. „Мы не хотимъ,—говорили дворяне,—чтобы сыновья сапожниковъ звали насъ братьями; между нами и ими столько же разницы, сколько между господиномъ и лакеемъ". Депутаты третьяго сословія провозгласили торжественно верховенство короля, „держащаго корону отъ одного Бога", но при этомъ они разумѣли его независимость отъ папы и хотѣли протестовать противъ іезуитскаго ученія о принижеміи свѣтской власти передъ церковью. Тѣ же депутаты настаивали, чтобы генеральные штаты созывались правильно каждыя десять лѣтъ, и чтобы это положеніе было занесено въ „основные законы государства".

Но попрежнему не было средствъ, чтобы добиться осуществленія этого порядка: во Франціи значительно большая часть областей, въ отличіе отъ англійскихъ графствъ, не имѣла самоуправленія, этой необходимой основы правильнаго парламента: негдѣ было заявлять о необходимости созыва штатовъ, о ихъ участіи въ законодательствѣ, управленіи и назначеніи налоговъ; собранія штатовъ, созывавшіяся до этого времени, были случайны, рѣдки и не успѣли пріобрѣсти ни права, ни возможности сходиться по собственному закону или по предложенію изъ среды общества.

Политика Ришельё и закрѣпленіе бюрократической монархіи. Политическая жизнь Франціи опять вступила на путь абсолютной монархіи. Въ 1624 г. явился энергичный продолжатель Генриха IV въ лицѣ Ришельё, епископа люсонскаго, позднѣе кардинала, забравшаго власть при ничтожномъ Людовикѣ XIII. Въ своемъ „Политическомъ Завѣщаніи" Ришельё изобразилъ потомъ положеніе Франціи при своемъ вступленіи въ дѣла управленія. „Въ странѣ всякій привыкъ измѣрять свое достоинство дерзостью... частные интересы предпочитались общественнымъ... достоинство королевскаго величества было такъ принижено, что его почти нельзя было различить". Ришельё началъ съ борьбы противъ гугенотской республики, осадилъ главный оплотъ протестантовъ, Ларошель, срылъ ея стѣны и отнялъ у гугенотовъ всѣ ихъ крѣпости; политическій порядокъ ихъ былъ уничтоженъ, большія свѣтскія собранія ихъ прекратились. Ришельё очень искусно воспользовался большой перемѣной, происшедшей во французскомъ протестантизмѣ. Исключительность, религіозная ревность и духъ пропаганды ослабѣли въ средѣ французскихъ

Digitized by Google

кальвинистовъ, и большинство стали отворачиваться отъ политики и отъ вооруженной защиты своихъ правъ. Но Ришельё не хотѣлъ вовсе тѣснить мирныхъ протестантовъ, которые составляли на югѣ большую промышленную силу: онъ оставилъ имъ, согласно Нантскому эдикту, свободу богослуженія и большіе національные синоды.

Затѣмъ началась упорная и безпрерывная борьба съ сеньерами. Губернаторовъ, которые пытались завести самостоятельныя княжества, онъ смѣщалъ, а если встрѣчалъ сопротивленіе, то и казнилъ. Дворяне составляли нѣсколько разъ заговоры при участіи принцевъ королевскаго дома и даже матери короля съ цѣлью свергнуть всесильнаго министра. Ришельё объявилъ заговоры оскорбленіемъ власти и расправлялся съ полнымъ произволомъ: онъ примѣнялъ сначала экзекуцію, казнилъ захваченныхъ, а потомъ уже производилъ дальнѣйшее разслѣдованіе. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ министра было отправленіе во всѣ провинціи особыхъ королевскихъ чиновниковъ, подъ названіемъ *интендантовъ суда, полиціи и финансовъ*. Интенданту давались самыя широкія и разнообразныя полномочія. Онъ долженъ былъ разузнавать, нѣтъ ли тайныхъ дѣйствій противъ королевской власти, въ смыслѣ захвата крѣпостей, собиранія оружія, набора солдатъ недовольными; принимать рѣшенія противъ виновныхъ, судить и казнить ихъ; производить ревизію всѣмъ судебнымъ мѣстамъ, исправлять самый судъ и рѣшать столкновенія между чиновниками; наблюдать, чтобы городскіе головы исполняли полицейскіе приказы, вообще наказывать всѣхъ, кто ослушается королевской воли; смотрѣть, чтобы выплачивалось правильно королевское жалованье, особенно войскамъ, чтобы въ достаточномъ количествѣ всюду было продовольствіе и чтобы вообще препятствовать голодовкамъ. Сеньеровъ и крупныхъ дворянъ держали подальше отъ этихъ должностей; имъ оставлены были почетныя и доходныя мѣста губернаторовъ, которыхъ теперь почти лишили власти. Всесильный интендантъ, который долженъ былъ присматривать и за губернаторомъ, обыкновенно назначался изъ буржуа или мелкихъ дворянъ, чтобы быть вполнѣ послушнымъ орудіемъ правительства; онъ находился въ непрерывной перепискѣ съ правительствомъ, обо всемъ докладывалъ, просилъ новыхъ инструкцій и т. д.

Полномочія, даваемыя интендантамъ, показываютъ, какъ понимали въ то время во Франціи обязанности правительства и какими средствами считали возможнымъ установить порядокъ въ государствѣ. Предполагалось, что одно лишь правительство понимаетъ истинное благо страны; лишь къ своимъ прямымъ агентамъ оно питаетъ довѣріе; чрезъ ихъ посредство оно хочетъ быть обо всемъ освѣдомленнымъ и хочетъ во все входить; всякая другая власть или сила должна отступить передъ ними,

Digitized by Google

они могутъ нарушать всѣ обычные порядки; ихъ наблюденію подлежатъ не только поступки, но и образъ мысли подданныхъ. По мнѣнію Ришельё, нѣтъ ничего опаснѣе для правительства, какъ обращать вниманіе на толки и шумъ въ народѣ по поводу его дѣйствій. „Сочинители книгъ послужили бы истинно королю и его министрамъ, если бы не мѣшались въ обсужденіе дѣйствій правительства ни въ хорошую, ни въ дурную сторону“. Надо также держать народъ посредствомъ налоговъ въ умѣренномъ достаткѣ и не давать ему богатѣть; этимъ обезпечится и надлежащая его покорность.

Ришельё послѣдовательно проводилъ *бюрократическій* строй, т.-е. управленіе изъ министерскихъ канцелярій, черезъ чиновничество, послушное только правительственнымъ приказамъ. У него было нѣсколько рѣзкихъ столкновеній съ парламентомъ, который образовалъ учрежденіе, во многомъ независимое отъ короля и его министровъ. Должности въ парламентѣ уже давно покупались. При Генрихѣ IV былъ введенъ особый налогъ за передачу парламентскихъ должностей по наслѣдству, который давалъ большую сумму правительству; благодаря этому, должности закрѣплялись за извѣстными фамиліями, и составилась особая судебная аристократія, которая держала себя гораздо болѣе самостоятельно, чѣмъ военная. Въ судѣ, какъ учрежденіи замкнутомъ, было много злоупотребленій: судьи брали съ тяжущихся большое вознагражденіе (которое постаринному называлось épices, бакалея, въ свое время обычный видъ приношеній); въ судахъ была длинная и дорогая волокита.

Но въ то же время въ парламентахъ, и особенно въ парижскомъ, можно было нерѣдко встрѣтить голосъ критики и возраженія противъ правительственныхъ дѣйствій. Парламентъ считалъ себя даже представителемъ націи и замѣстителемъ генеральныхъ штатовъ. Ришельё задумалъ прекратить эти вмѣшательства высшей палаты въ политику. Въ торжественномъ засѣданіи парламента, куда прибылъ король въ блестящей обстановкѣ (lit de justice), чтобы заставить принять свою волю, было прочитано рѣзкое заявленіе верховной власти. Напоминалось, что гибельное раздробленіе и смуты временъ лиги произошли отъ неуваженія къ коронѣ; въ ослабленіи власти виноватъ и парламентъ. Для того, чтобы Франція не стала опять зрѣлищемъ ужаса и разрушенія, необходимо устранить всякое покушеніе на скипетръ и авторитетъ государя; поэтому безусловно воспрещается судебнымъ палатамъ входить въ государственные вопросы; онѣ должны заносить безпрекословно всѣ указы, когда король является въ ихъ присутствіе. Онѣ сохраняютъ право почтительно дѣлать свои замѣчанія по вопросамъ о налогахъ, но пусть воздержатся отнынѣ отъ оскорбительныхъ выраженій „не можемъ или не должны“, когда съ чѣмъ несогласны.

Digitized by Google

Фронда. Ришельё управлялъ 18 лѣтъ Франціей; скоро послѣ его смерти (1642 г.) умеръ бездѣятельный Людовикъ XIII; опять престолъ перешелъ къ малолѣтнему (Людовику XIV), и опять сеньеры сдѣлали попытку вернуть себѣ самостоятельность, при помощи тѣхъ же старыхъ средствъ, союза съ иностранными державами, заговоровъ, мелкой войны. Современники назвали это движеніе Фрондой (игрой). На этотъ разъ однако къ военной аристократіи присоединилась судебная, недовольная правленіемъ Ришельё. Парижскій парламентъ выставилъ рядъ требованій для возстановленія правъ народа. Особенно важны были два положенія: 1) подати могутъ быть налагаемы лишь съ согласія судебныхъ палатъ и 2) „никто изъ подданныхъ короля, какого бы онъ ни былъ званія и положенія, не можетъ быть удерживаемъ подъ арестомъ болѣе сутокъ, не будучи допрошенъ согласно законамъ и переданъ своему законному судьѣ". Это — знаменитое требованіе охраны гражданской личности и свободы, котораго добивались въ то же самое время англичане; парижскій парламентъ 1649 г. дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ англійской революціи 1642 г.; онъ требовалъ также отмѣны интендантовъ, главнаго орудія политики Ришельё. Но положеніе дѣлъ было иное во Франціи, чѣмъ въ Англіи, гдѣ большая часть населенія поднялась противъ королевскаго произвола. Парижскій парламентъ пытался соединиться въ своей дѣятельности съ другими, провинціальными; онъ пробовалъ объявить наборъ солдатъ, провозгласилъ перваго министра Мазарини, ученика и преемника Ришельё, врагомъ государства, поднялъ къ оружію парижское населеніе, сложившее въ городѣ баррикады, какъ во времена лиги.

Движеніе разбилось еще гораздо скорѣе, чѣмъ за 60 лѣтъ до того. Недовольные состояли изъ нѣсколькихъ группъ, между которыми не было ничего общаго. Наслѣдственные богатые судьи стояли такъ же далеко отъ народа, какъ сеньеры. Возставшіе принцы изъ ненависти къ крупной буржуазіи подняли противъ нея демагоговъ изъ среды низшихъ классовъ и устроили избіеніе ея представителей. Мазарини, сначала вынужденный бѣжать изъ столицы съ малолѣтнимъ королемъ, помирился съ недовольными поодиночкѣ, сдѣлалъ уступки для видимости, купилъ принцевъ и сеньеровъ и объявилъ опять господство неограниченной монархіи. Всѣ рѣшенія парламента были отмѣнены, и парламенту было опять безусловно воспрещено входить въ разсмотрѣніе общихъ вопросовъ государственной жизни и въ управленіе финансовъ.

Французское общество въ первой половинѣ XVII в. Съ этой поры въ теченіе 140 лѣтъ во Франціи не было крупныхъ возстаній. Установилось безусловное господство неограниченной монархіи. Въ странѣ со времени паденія лиги все болѣе и болѣе замиралъ политическій интересъ. Самая

Digitized by Google

подвижная часть французскаго общества, гугеноты, будучи стѣснены въ узкія рамки своей сектантской жизни, еще въ началѣ XVII в., распались на небольшую группу политиковъ и массу равнодушныхъ; когда Ришельё разстроилъ ряды политиковъ, большинство дворянъ-протестантовъ, между ними всѣ сеньеры, стали переходить, частью за хорошее вознагражденіе, въ католичество. Протестантизмъ остался вѣроисповѣданіемъ горожанъ, въ особенности индустріальнаго и торговаго населенія южной Франціи. Дворяне новаго поколѣнія, примирившіеся съ правительствомъ или привлеченные свѣтомъ королевскаго двора, презирали гугенотство, которое казалось имъ теперь старомоднымъ провинціализмомъ. Съ уходомъ дворянъ изъ протестантскаго лагеря исчезъ вообще типъ стариннаго рыцаря, склоннаго слишкомъ скоро, можетъ быть, хвататься за шпагу, но въ то же время независимаго, прямого и правдиваго, неспособнаго гнуться и угодничать. Одинъ изъ гугенотскихъ писателей, сподвижникъ Генриха IV, пережившій большую часть своихъ сверстниковъ (Агриппа д'Обинье), изобразилъ этого французскаго Донъ-Кихота, оставшагося угрюмымъ обломкомъ среди общей приниженности.

Новое поколѣніе облегчило дѣло Ришельё и Мазарини своимъ равнодушіемъ къ политикѣ, которая казалась ему дѣломъ безпокойнымъ, рискованнымъ, преслѣдующимъ невѣрныя мнимыя цѣли. Дворянство и высшіе слои буржуазіи уходятъ въ личную интимную жизнь, составляютъ небольшіе кружки, *салоны*, гдѣ отдаются литературнымъ бесѣдамъ, упражняются въ стихотворствѣ, состязаются въ остротахъ. Особенную извѣстность пріобрѣлъ первый литературный салонъ въ этомъ духѣ, основанный маркизой Рамбулье: центромъ кружка была образованная дама, по болѣзненности своей не выходившая изъ дому и принимавшая гостей въ своей спальнѣ: дамы сидѣли на креслахъ или стульяхъ, смотря по рангу; кавалеры у ихъ ногъ на разостланныхъ плащахъ. Участники салона раздавали другъ другу классическія и миѳологическія прозвища — Минервы, Сафо и т. п., привѣтствовали дамъ аллегорическими мадригалами, рисовали географію страны Нѣжности. Создалась особая манера свѣтскаго разговора (air galant): обо всемъ слѣдовало говорить „непринужденно и естественно, клонить къ пріятной забавѣ, избѣгать серьезности и рѣзкости, называть вещи собственными именами безъ аффектаціи и преувеличенія". Но это была теорія; въ дѣйствительности люди салоновъ, стараясь быть пріятными, легко впадали въ претенціозность, хитросплетенную изысканность (esprit précieux). Одинъ изъ обращенныхъ, бывшій членъ Лиги, d'Юрфе, посвятилъ Генриху IV безконечно длинный романъ „Астрею". Это произведеніе и ему подобныя отличаются какъ нельзя болѣе отъ фантастическихъ рыцарскихъ романовъ XVI в. съ ихъ воинственными приключеніями, грубоватыми шутками

Digitized by Google

и т. п. Новый романъ—пастушеская идиллія, гдѣ дѣйствуютъ изящныя нѣжныя существа, нимфы и пастушки, разумѣется, благороднѣйшаго происхожденія, въ очаровательной тихой природѣ, далеко отъ всякихъ общественныхъ столкновеній, вращаясь исключительно въ мірѣ чувствъ.

На самомъ языкѣ французскомъ отразилась общественная перемѣна: стиль XVI в., яркій и мѣткій, у каждаго писателя оригинальный, полный неожиданныхъ оборотовъ, живыхъ сравненій, заимствованныхъ изъ народныхъ поговорокъ и мѣстныхъ выраженій, уступаетъ мѣсто однородному для всѣхъ авторовъ, благообразному, гладкому и чистому слогу; непосредственность и живость смѣняются искусственной манерой, отшлифованной при дворѣ и въ салонахъ, гдѣ главнымъ образомъ слѣдятъ за модой, гдѣ всякій болѣе всего хлопочетъ походить на другихъ и болѣе всего боится быть самимъ собою. Ришельё, пригибавшій всѣ общественныя силы подъ приказы единой власти, принималъ прямое участіе и въ этомъ установленіи умственнаго единообразія, устроивъ Французскую Академію, одною изъ обязанностей которой было заниматься очищеніемъ литературы и языка и произносить въ этой области безусловные ученые приговоры.

Внѣшняя политика Франціи со времени Ришельё. Покончивъ съ внутренними смутами, Ришельё направилъ силы Франціи на внѣшнее расширеніе. Нѣсколько фантастическіе планы захвата восточныхъ торговыхъ путей и завоеванія Италіи были теперь оставлены, такъ какъ и сама Италія потеряла промышленное значеніе. Вниманіе Франціи направилось на ближайшія индустріальныя области въ Бельгіи и по Рейну, принадлежавшія двумъ слабымъ государствамъ, обѣднѣвшей Испаніи и раздробленной Германіи. На ихъ счетъ и развивается завоевательная политика Франціи. Какъ нельзя болѣе кстати для Ришельё была начавшаяся въ Германіи съ 1618 года почти безпрерывная внутренняя *тридцатилѣтняя* война, вызванная соперничествомъ католиковъ и протестантовъ, князей и императора. Разгромивъ протестантскую партію во Франціи, Ришельё сталъ однако на сторону германскихъ протестантовъ, чтобы бороться съ императорами изъ дома Габсбурговъ. Это была та же основная мысль внѣшней политики Франціи, которую развивалъ Колиньи передъ Варѳоломеевскою ночью и къ исполненію которой пытался приступить Генрихъ IV. Сначала Ришельё поддерживалъ своихъ союзниковъ деньгами, потомъ возбудилъ противъ католическаго императора протестантскую Швецію, наконецъ, выступилъ самъ, направивъ наемниковъ и французское войско во внутрь Германіи. Такъ какъ австрійскимъ Габсбургамъ помогали испанскіе, война, естественно, повернулась и на испанскія владѣнія, пограничныя Франціи съ трехъ сторонъ. Мазарини продолжалъ политику Ришельё и пріобрѣлъ часть Эльзаса (по Вестфальскому миру

Digitized by Google

1648 г.), вслѣдствіе чего Рейнъ сдѣлался границей Франціи, а у Испаніи отнялъ юго-западную часть Бельгіи, край съ сильно развитой индустріей. Къ 1660 году Франція была самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ.

VI.

Тридцатилѣтняя война въ Германіи. Польша въ XVI и XVII вв.

Упадокъ Германіи къ началу XVII в. Тридцатилѣтняя война въ Германіи была лишь рѣзкимъ концомъ постепеннаго паденія большой населенной, но раздробленной и потому безсильной страны. Паденіе Германіи произошло прежде всего вслѣдствіе перемѣщенія главныхъ торговыхъ путей въ европѣ. Въ этомъ отношеніи Германія раздѣлила участь Италіи. Съ развитіемъ океаническихъ и морскихъ сношеній на западной окраинѣ Европы торговое движеніе черезъ Альпы и по большимъ нѣмецкимъ рѣкамъ очень ослабѣло; ближайшіе къ горнымъ выходамъ города разорились и пришли въ упадокъ. Большіе купеческо-банкирскіе дома Вельзеровъ и Фуггеровъ, которыми держалась имперія Карла V, сдѣлали банкротъ или бросили торговлю и перешли на землевладѣніе. Но разстроился также и большой союзъ сѣверо-нѣмецкихъ городовъ, Ганза, такъ какъ центры всемірной торговли передвинулись на западную окраину Европы, въ Лисабонъ, Антверпенъ, Амстердамъ. На сѣверѣ, кромѣ того, поднялись сильныя государства, Англія, Данія, Швеція; съ ихъ сплоченными силами не могъ бороться ганзейскій союзъ, составленный изъ разбросанныхъ самостоятельныхъ городовъ; онъ не имѣлъ въ свою очередь защиты въ сильномъ государствѣ. Англійскіе купцы при королевѣ Елизаветѣ стали ввозить въ Гамбургъ въ большомъ количествѣ англійское сукно и стѣснять этимъ все болѣе и болѣе ткацкое дѣло въ Германіи. Когда имперскія власти попробовали воспретить этотъ ввозъ, ихъ приказъ остался безсильнымъ. Напротивъ, англійское правительство въ отвѣтъ приняло мѣру очень дѣйствительную и тяжелую для нѣмецкихъ купцовъ: оно закрыло старый ганзейскій Стальной дворъ въ Лондонѣ и изгнало торговцевъ вмѣстѣ съ ихъ старшинами. На другомъ концѣ, въ Балтійскомъ морѣ, противъ Ганзы выступила Швеція. Шведы заняли Ревель и воспретили ганзейскимъ купцамъ торговлю съ московскимъ государствомъ черезъ Нарву. Захвативъ единственный выходъ къ морю изъ большой русской равнины, шведы сами не обратились однако къ торговлѣ, но стали брать выгоду въ видѣ провозныхъ пошлинъ и до-

Digitized by Google

пустили въ Балтійское море голландцевъ. Такимъ образомъ ганзейцы были оттѣснены; отъ союза стали отпадать города, одинъ за другимъ, и въ половинѣ XVII в. ганзейскія собранія прекратились.

Съ паденіемъ городовъ еще болѣе усилились князья, владѣвшіе территоріями; руководясь узкой политикой, они запирали таможенными заставами границы своихъ владѣній и затрудняли внутреннее движеніе. Промышленнымъ стѣсненіямъ подавала руку религіозная нетерпимость: въ силу правила cujus regio ejus religio, торговцы, не раздѣлявшіе вѣроисповѣданія верховнаго владѣтеля территоріи, изгонялись изъ нея. Обмѣнъ сократился и количество денегъ уменьшилось; всему населенію приходилось все болѣе и болѣе покупать продукты на продукты или пріобрѣтать вещи услугой и работой.

Это возвращеніе къ натуральному хозяйству имѣло особенно тяжелыя послѣдствія для крестьянъ, главнымъ образомъ, въ большихъ восточныхъ земледѣльческихъ областяхъ, въ земляхъ нынѣшней Пруссіи, Австріи, Польши, прибалтійскихъ губерній Россіи. Между тѣмъ какъ для помѣщиковъ открылась возможность выгодно сбывать свой хлѣбъ по рѣкамъ, текущимъ въ Балтійское и Нѣмецкое море, они обратились къ усиленной разработкѣ земли. Но при отсутствіи денежнаго обмѣна въ странѣ они не могли нанимать крестьянъ за плату. Поэтому они стали изыскивать способы, чтобы поставить ихъ на подневольную работу, увеличить ихъ барщину, заставить крестьянскіе дворы выдавать себѣ даровыхъ рабочихъ. На земскихъ собраніяхъ (*ландтагахъ*), гдѣ крестьяне не имѣли представителей, дворянство легко достигало цѣли: рядомъ постановленій оно прикрѣпляло крестьянъ и получало въ свое распоряженіе наслѣдственныхъ рабочихъ. Мѣстами барщина была такъ усилена, что распространялась даже на воскресенье; по этому поводу саксонскій курфюрстъ пробовалъ напоминать своимъ дворянамъ, что „даже скоту даютъ отдыхъ по праздникамъ“. Въ областяхъ, которыя можно было бы назвать дворянскими республиками, вслѣдствіе крайней слабости княжеской власти, въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лифляндіи, дошло до полнаго рабства съ обычаемъ продажи рабочихъ людей безъ земли.

Сообразно этимъ перемѣнамъ въ быту низшихъ классовъ, установились отсталые взгляды, которые проникли въ научныя сочиненія. Германскіе юристы находили, что всѣ крестьяне съ самаго начала были посажены на рыцарской землѣ, а слѣдовательно всегда состояли рабами (homines proprii) землевладѣльцевъ; достаточно быть крестьяниномъ, чтобы считаться крѣпостнымъ. Въ ученомъ сочиненіи Politica нѣмецкаго іезуита Ко́нцена говорится, что рабство крестьянъ заключаетъ всякія выгоды: и дешевизну труда, и его производительность, и, наконецъ, полезно для государства.

Digitized by Google

Вопросъ церковный, не рѣшенный въ предшествующую эпоху, прибавлялъ новыя затрудненія и вносилъ новую вражду въ разрозненную и разорявшуюся страну. Вездѣ вновь вступавшій во владѣніе князь могъ навязывать населенію свою вѣру. Если съ прекращеніемъ княжеской династіи открывалось наслѣдство, судьба населенія зависѣла отъ перевѣса кого-либо изъ споривших наслѣдниковъ. Въ этихъ случаяхъ вмѣшивались сосѣди и единовѣрцы, и такъ какъ католики и протестанты были почти равносильными партіями, успѣхъ однихъ уравновѣшивался успѣхомъ другихъ; всюду шла мелкая борьба. Въ мелочности религіозныхъ счетовъ отражалась опять экономическая и политическая раздробленность страны. Но къ концу XVI в., благодаря дѣятельности іезуитовъ, роли католиковъ и протестантовъ въ Германіи перемѣнились, сравнительно съ временемъ реформаціи; теперь католики дѣйствовали скорѣе въ качествѣ нападающей силы, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ раздоромъ кальвинистовъ и лютеранъ въ протестантскомъ лагерѣ. Въ началѣ XVII вв. католики составили Лигу, наподобіе французской, противъ протестантской Уніи.

Возстаніе чеховъ и реакція въ Богеміи. Особенную силу вліянія пріобрѣли іезуиты въ южныхъ частяхъ Германіи, въ Баваріи и при дворѣ Габсбурговъ. Между тѣмъ во владѣніяхъ австрійскаго дома, въ Богеміи, Моравіи, собственно Австріи и въ Венгріи, дворянство и горожане по большей части приняли реформацію. Въ Богеміи протестантизмъ примкнулъ къ церковному устройству умѣренныхъ гусситовъ, чашниковъ, признанному королями еще въ XV в., въ Моравіи было много анабаптистовъ, вышедшихъ изъ Германіи, въ остальныхъ земляхъ распространялось лютеранство и кальвинизмъ. Свобода исповѣданія была частью даже признана особыми соглашеніями или грамотами государей; у чеховъ во главѣ протестантской церкви стояли консисторія, пражскій университетъ и выбираемые земскими чинами дефензоры (защитники). Протестантизмъ соединялся въ габсбургскихъ земляхъ такъ же, какъ во Франціи и Нидерландахъ, съ оппозиціей аристократіи въ ландтагахъ, или земскихъ чинахъ (соотвѣтствующихъ штатамъ). Въ началѣ XVII в. дворянство разныхъ областей стало входить во взаимныя соглашенія съ тѣмъ, чтобы ограничить власть императора *общимъ сеймомъ*. Габсбургамъ оставалось для спасенія своего авторитета прибѣгнуть къ неумолимому проведенію католической вѣры и къ *разъединенію* областей, чтобы по отдѣльности сломить сопротивленіе мѣстныхъ чиновъ. Эти два начала, католицизмъ и сепаратизмъ, и сдѣлались основными правилами ихъ политики на два вѣка.

Въ 1619 г. императоромъ сталъ ревностный ученикъ іезуитовъ, Фердинандъ II, въ молодости на богомольи въ Лоретто давшій обѣтъ

Digitized by Google

Богоматери посвятить всю жизнь истребленію ереси. Угрожаемые въ своихъ вольностяхъ чехи отказались признать его и выбрали себѣ королемъ одного изъ протестантскихъ князей Германіи. Подавленіемъ чешскаго возстанія и началась тридцатилѣтняя война, которая распространилась на всю Германію и постепенно затянула всѣ европейскія государства (1618—48).

Ни у императора, ни его протестантскихъ противниковъ не было своего постояннаго войска. Императоръ долженъ былъ искать поддержки у католической лиги князей, которая имѣла въ своемъ распоряженіи наемную армію. Начальникъ ея, бельгіецъ Тилли, разбилъ чеховъ подъ Прагой на Бѣлой горѣ. Для Богеміи наступила полная реакція, одновременно сломившая старое дворянство, самостоятельные города, независимость земскихъ чиновъ и протестантизмъ. За казнью мятежныхъ сеньеровъ послѣдовало изгнаніе массами протестантскихъ дворянъ и конфискація ихъ имуществъ. Отнятыя земли были розданы католическимъ дворянамъ, т.-е. тѣмъ, кто остался вѣрнымъ императору, его фаворитамъ, и поступили въ продажу: спекулянты покупали имѣнія и продавали ихъ съ большой выгодой. Около 500 крупныхъ владѣній, три четверти всей территоріи Богеміи, перемѣнили владѣльцевъ; положеніе обязанныхъ крестьянъ осталось то же самое, но новые помѣщики воспользовались разореніемъ отъ войны и отъ изгнаній и захватили часть крестьянскихъ земель. Протестантское богослуженіе, ненавистное императору, было запрещено, и народный чешскій языкъ въ церквахъ опять замѣнился латинскимъ; отмѣнили праздникъ памяти Гуса. Католическому духовенству вернули отобранныя у него протестантами земли и богатства и щедро заплатили за понесенные убытки. Университетъ былъ отданъ въ руки іезуитовъ.

Страна обѣднѣла и опустѣла, закрылись ея знаменитые рудники; но съ удаленіемъ наиболѣе независимыхъ людей, образованныхъ преподавателей, проповѣдниковъ, техниковъ, тѣмъ легче установилось господство габсбургскаго абсолютизма и чиновничества. Въ города присланы были военные начальники, совершенно оттѣснившіе городскія думы; они распоряжались городскимъ имуществомъ, наблюдали за порядкомъ, назначали учителей. Ландтагъ лишился почти всякаго значенія; созывъ чиновъ отнынѣ зависѣлъ отъ усмотрѣнія государя; путемъ возведенія въ рыцари онъ могъ ввести въ его составъ иностранцевъ; изданіе законовъ и „улучшеніе строя земли“ онъ объявилъ своимъ неотъемлемымъ правомъ. Ландтагу осталось только обсужденіе нѣкоторыхъ налоговъ; но косвенные сборы опредѣлялъ самъ императоръ, и подать на военныя издержки „ради скорости“ взималась безъ соглашенія съ чинами. Чешскій языкъ въ дѣлахъ долженъ былъ уступить нѣмецкому. Въ видѣ

Digitized by Google

символическаго увѣнчанія реакціи Фердинандъ II объявилъ свою власть въ Богеміи наслѣдственной, тогда какъ раньше король этой страны считался выборнымъ и подлежалъ утвержденію ландтага.

Общая война въ Германіи. Такъ какъ теперь стала грозить католическая реакція всей Германіи, протестанты попытались выставить своихъ наемниковъ противъ императора и лиги; Тилли продолжалъ ихъ разбивать, пока не выступилъ на защиту протестантизма датскій король. Войска лиги оказались теперь слишкомъ слабы; притомъ императоръ давно хотѣлъ отдѣлаться отъ опеки лиги; онъ принялъ поэтому предложеніе одного чешскаго дворянина, Валленштейна, ученика іезуитской коллегіи, разбогатѣвшаго отъ скупки имѣній изгнанныхъ чешскихъ протестантовъ. Валленштейнъ предложилъ набрать для императора собственную армію при условіи, что начальнику ея будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій; онъ разослалъ повсюду вербовщиковъ, которые раздавали задатки охотникамъ, принимали незанятыхъ людей обѣщаніями необычайной награды и добычи; скоро составилась большая для того времени армія въ 50.000 человѣкъ изъ самыхъ различныхъ національностей. Валленштейнъ оказался очень искуснымъ фельдмаршаломъ: онъ умѣлъ вести войну въ широкихъ размѣрахъ, совершать крупные переходы, возводить укрѣпленія и осадныя работы, устраивать крупный подвозъ припасовъ. Онъ перенесъ войну на сѣверъ, гдѣ преобладали протестанты, прогналъ датскаго короля, заставилъ его просить мира и завоевалъ для императора Балтійское побережье. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, распоряжаясь самовластно, Валленштейнъ затронулъ права князей: между прочимъ онъ изгналъ владѣтелей Мекленбурга, и императоръ обѣщалъ ему это приморское княжество; Валленштейнъ принялъ даже титулъ „генерала Балтійскаго моря и океана“, разсчитывая утвердить господство свое въ сѣверныхъ моряхъ.

Императоръ торжествовалъ побѣду и издалъ Возстановительный эдиктъ, которымъ хотѣлъ уничтожить всѣ пріобрѣтенія протестантовъ за послѣднія 75 лѣтъ: все, что было ими секуляризовано изъ духовныхъ владѣній послѣ Аугсбургскаго мира 1555 г., должно было отойти опять къ католической церкви. Эдиктъ приносилъ выгоды не только католической партіи,—онъ крайне усиливалъ власть императора въ распоряженіи территоріями имперіи, а образъ дѣйствій Валленштейна показывалъ, какъ это можетъ быть опасно для князей. Поэтому князья по предложенію главы лиги, баварскаго курфюрста, потребовали у императора отставки Валленштейна (1630).

Въ это время на южномъ берегу Балтійскаго моря высадился шведскій король Густавъ-Адольфъ, принося помощь потерянному, повидимому, дѣлу протестантовъ. Шведы выступили незадолго до того съ

Digitized by Google

широкой завоевательной политикой: Густавъ-Адольфъ успѣлъ уже отвоевать у московскаго государства Ладожскій край, устья Невы и Нарвы, у Польши – Лифляндію и право сбора пошлинъ въ Данцигѣ близъ устья Вислы; вмѣстѣ съ ранѣе принадлежавшими Швеціи Финляндіей и Эстляндіей это составило почти непрерывный рядъ земель вдоль всего восточнаго побережья Балтійскаго моря. Шведамъ оставалось пріобрѣсти южную окраину его (Померанію), чтобы оцѣпить Балтику со всѣхъ сторонъ и сдѣлать шведскимъ внутреннимъ моремъ. Появляясь въ Германіи, Густавъ-Адольфъ не только хотѣлъ помочь единовѣрцамъ, но также закончить обширныя завоеванія Швеціи. „Снѣжный“ король, какъ въ шутку называли его въ Вѣнѣ, гдѣ его силы считали ничтожными, привлекъ быстро массу незанятыхъ военныхъ людей, разбилъ нѣсколько разъ войска Тилли, прошелъ въ южную Германію и грозилъ наступленіемъ на самую Вѣну; Ришельё обѣщалъ ему помощь и присылку субсидіи.

Императору оставалось снова обратиться къ Валленштейну. Но фельдмаршалъ, который уже предлагалъ свои услуги королю шведскому, поставилъ на этотъ разъ императору еще болѣе тяжелыя условія: онъ требовалъ права распоряжаться всѣми землями, какія только завоюетъ, и въ награду—одного изъ наслѣдственныхъ владѣній Габсбурговъ, разумѣя Богемію. Опять въ самый короткій срокъ собралась армія около знаменитаго имени. Валленштейнъ заставилъ Густава-Адольфа уйти съ юга и хотя былъ разбитъ (при Люценѣ въ Саксоніи), но зато всѣ успѣхи шведовъ были уничтожены смертью ихъ короля въ этой битвѣ. Валленштейнъ не старался извлечь выгоду изъ этого положенія: онъ остался въ бездѣйствіи и завелъ съ врагомъ таинственные переговоры, вѣроятно, разсчитывая занять нейтральное положеніе и обезпечить себѣ княжество въ Богеміи. Однако это не соотвѣтствовало интересамъ ближайшихъ его военныхъ помощниковъ, жившихъ войной; въ средѣ офицеровъ составился заговоръ, и они его убили, къ большому удовольствію императора, который избавился отъ опаснаго диктатора.

Отъ начала войны до смерти Валленштейна прошло 16 лѣтъ, а спору не видѣлось и конца. Религіозный вопросъ, изъ-за котораго началась война, отступилъ на второй планъ. Князья разрушили при чужой помощи притязанія императора и спасли свою самостоятельность, но зато теперь выдвинулись эти иностранныя силы, шведы и французы, которые пользовались полемъ борьбы въ Германіи, чтобы отнять у обезсиленной страны важныя для нихъ территоріи. Война протянулась еще 14 лѣтъ. Сѣверные князья Германіи заключили миръ съ императоромъ, но ихъ земли не избавились отъ военныхъ ужасовъ; почти каждый годъ выходили шведы изъ занятой ими Померанія и послѣ похода на императорскія земли возвращались назадъ на зимнія квартиры; передъ ними

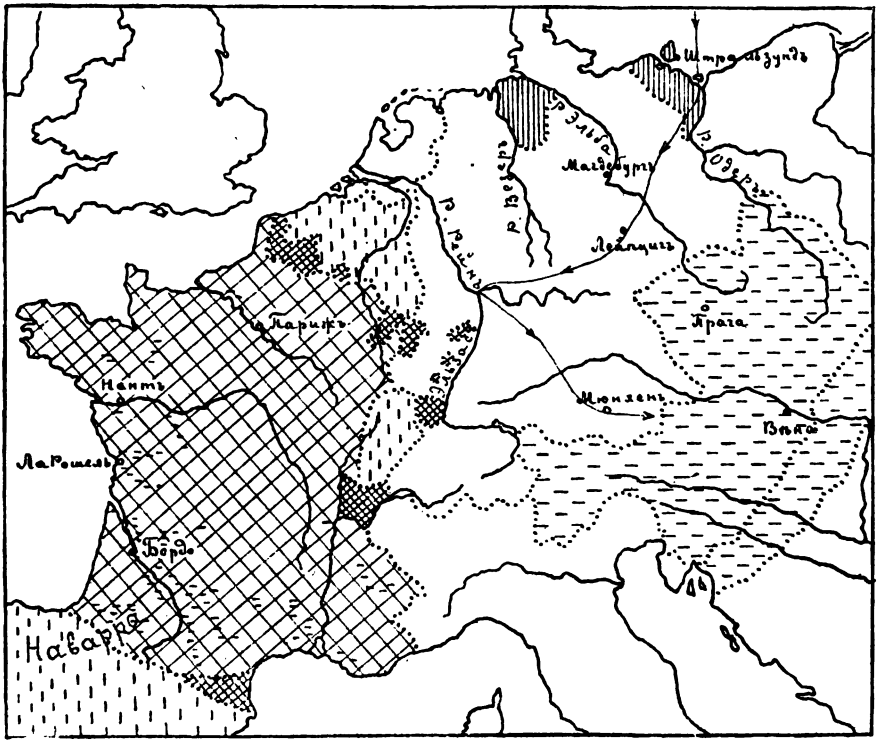
Digitized by Google

сначала отступали, а потомъ за ними двигались императорскія войска, проходя во второй разъ по тѣмъ же несчастнымъ странамъ, Саксоніи, Бранденбургу. Въ то же время французы опустошали юго-западъ Германіи, земли по среднему Рейну и верхнему Дунаю.

Такая продолжительная война была возможна лишь при особыхъ условіяхъ рекрутированія солдатъ и содержанія ихъ. Валленштейнъ выразилъ это въ словахъ: „война питаетъ войну“. Солдатъ нанимало правительство или частный человѣкъ, какъ работниковъ для постройки дома; капиталомъ для нихъ вознагражденія должно было служить завоеваніе и добыча. Но разъ такъ легко получали незанятыхъ людей, искавшихъ добычи, войну можно было тянуть до полнаго истощенія страны, переносить ее изъ края въ край. Долгое время въ Европѣ существовали два военныхъ рынка: одинъ въ Голландіи въ непрерывной борьбѣ съ испанцами, другой — на востокѣ, въ Венгріи и Польшѣ (считая также казацкую окраину въ Малороссіи), гдѣ шла еще болѣе продолжительная борьба съ турками. Съ 20-хъ по 40-е годы XVII в. вся Германія превратилась въ чудовищный по размѣру военный рынокъ. Молодцы, набираемые вербовщиками и пріѣзжавшіе на приманку имени знаменитаго капитана-наниматоля, въ родѣ Валленштейна, были изъ всѣхъ странъ: въ тридцатилѣтней войнѣ въ Германіи служили итальянцы, кроаты, поляки и венгерцы, валлоны и голландцы, французы, англичане, шотландцы и ирландцы. Эти люди легко переходили изъ одного лагеря въ другой, имъ были безразличны политическіе интересы, изъ-за которыхъ спорили государи и владѣтели: отъ шведской арміи отдѣлился отрядъ веймарцевъ, сражавшихся на Рейнѣ противъ императора и на денежныя средства Франціи; послѣ смерти начальника (Бернгарда) его армію старались привлечь наперерывъ императоръ, одинъ католическій и одинъ протестантскій князь; но всѣхъ искуснѣе и щедрѣе оказался Ришельё, перетянувшій этихъ нѣмецкихъ солдатъ на службу Франціи. Для наемниковъ былъ совершенно безразличенъ и религіозный вопросъ, изъ-за котораго вели войну правительства: солдаты „христіаннѣйшаго“, т.-е. французскаго, короля, по словамъ Ришельё, „люди всѣхъ исповѣданій, мазали сапоги священнымъ елеемъ, ломали иконы Богоматери, топтали хлѣбъ Причастія и стрѣляли по Распятію“. Солдату платили въ сущности немного: онъ долженъ былъ на свой счетъ одѣться, завести лошадь и достать оружіе; однообразной формы не было: поэтому, напр., въ битвѣ шведовъ съ императорскими войсками сражающіеся, чтобы узнавать своихъ, нацѣпили себѣ особые знаки, протестанты—зеленыя вѣтки, католики—бѣлыя ленты. Солдатъ бралъ себѣ въ странѣ все, что хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что по окончаніи войны ему грозила полная безработица и нищенство.

Digitized by Google

Этихъ солдатъ нельзя было держать въ дисциплинѣ. Они обращались послѣ побѣды или взятія города въ звѣрей. Часто они вырѣзывали или вѣшали все мужское населеніе и, унеся добычу, предавали пламени селеніе. Когда Тилли взялъ богатый Магдебургъ, передъ самымъ приходомъ Густава-Адольфа, въ соборѣ нашли полсотни обезглавленныхъ женщинъ, кроаты со смѣхомъ нацѣпляли дѣтей на пики. На просьбу о пощадѣ Тилли сказалъ: „подождите еще часъ; я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать; надо же дать солдату что-нибудь послѣ столькихъ опас-



Франція и Германія въ эпоху тридцатилѣтней войны. Клѣтками показаны пріобрѣтенія Генриха IV, Ришельё и Мазарини; полосками—земли, полученныя шведами по Вестфальскому миру. Стрѣлки означаютъ путь Густава-Адольфа. На территоріи Франціи отмѣчены протестантскія общины.

ностей и трудовъ". По мнѣнію другого начальника, чтобы держать среди нихъ порядокъ, понадобилось бы больше висѣлицъ, чѣмъ домовъ, и больше веревокъ, чѣмъ деревьевъ. Валленштейнъ привлекалъ болѣе всего тѣмъ, что предоставлялъ своимъ солдатамъ полную свободу. Густавъ-Адольфъ привелъ изъ Швеціи образцовое войско, набранное изъ крестьянъ и дворянъ: солдатамъ строго воспрещено было грабить: ка-

Digitized by Google

ждый день въ лагерѣ происходило богослуженіе, при которомъ присутствовалъ король. Но скоро онъ долженъ былъ принять много посторонних наемниковъ обычнаго типа, и сами шведы послѣ его смерти одичали и обратились въ разбойничающую армію. Цѣлыя области, разгромленныя войсками всѣхъ партій, Саксонія, Силезія, Бранденбургъ, Швабія, обратились въ печальныя пустыни, которыя послѣ войны надо было заселять заново.

Германія по Вестфальскому миру. Единственнымъ выходомъ изъ безконечной войны было вознаградить иноземныя державы на счетъ Германіи и внутри признать равноправность религіозныхъ партій: это соотвѣтствовало положенію вещей, на которомъ уже давно стояли воюющія силы. По Вестфальскому миру 1648 г. шведамъ отдали часть Померанія съ устьемъ Одера и устье Везера; французамъ—Эльзасъ на Рейнѣ. Императоръ сохранилъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ полное господство и удержалъ всю силу католической реакціи; въ остальной Германіи дали равноправность вѣроисповѣданіямъ, включая кальвинистовъ, и допустили свободу католиковъ въ земляхъ протестантскихъ князей и протестантовъ—въ земляхъ католическихъ князей.

Въ другихъ отношеніяхъ владѣтельные князья усилились: за ними было признано право самостоятельно вести переговоры и заключать союзы съ иностранными державами; императоръ утратилъ всякій авторитетъ въ общихъ дѣлахъ Германіи. Но и рейхстагъ не имѣлъ никакой силы: для рѣшенія общихъ дѣлъ въ немъ требовалось не большинство голосовъ, а единогласіе трехъ курій, курфюрстовъ, остальныхъ князей и городовъ, т.-е. нѣчто почти недостижимое. Для рѣшенія церковныхъ вопросовъ не существовало вовсе законнаго способа, такъ какъ въ этомъ случаѣ чины имперіи расходились на двѣ равныя стороны. Весь порядокъ былъ какъ бы разсчитанъ на бездѣйствіе имперіи въ цѣломъ и на самостоятельность ея частей. Князья перестали являться на рейхстагъ и присылали на него только своихъ уполномоченныхъ, какъ теперь правительства на международный конгрессъ. При этихъ условіяхъ единство имперіи было только пустымъ звукомъ. Германія осталась обширнымъ полемъ, на которомъ время отъ времени европейскія державы рѣшали свои споры, отчасти мѣстомъ вербовки солдатъ; мелкіе правители прямо продавали своихъ людей на службу въ чужіе края, иногда даже въ заокеаническія колоніи.

Общественный строй Польши въ XVI в. Въ XVI в. нѣкоторое сходство съ землями австрійской короны представляла Польша; политическое ея развитіе пошло однако другимъ путемъ. Польское государство расширялось въ юго-восточномъ направленіи такъ же, какъ Австрія, но по другую сторону Карпатъ; оно захватило степной край по большимъ рѣ-

Digitized by Google

камъ русской равнины, опустошенный, одичавшій за нѣсколько вѣковъ нашествій и господства кочевниковъ въ Черноморьѣ. Колонизованная земля, заключавшая въ себѣ области по Днѣстру, Бугу и Днѣпру (нынѣшнія Галицію, Волынскую, Подольскую, Кіевскую и Полтавскую губерніи) и вошедшая потомъ въ составъ такъ наз. Малой Польши, была гораздо больше старой Великой Польши. Въ колонизаціи „дикихъ полей“ приняли участіе, кромѣ поляковъ, западно-русскіе поселенцы; рядомъ съ магнатами новыя земли забирали свободные мелкіе землевладѣльцы, частью образуя военную охрану на границѣ (казаки); но они должны были уступить львиную долю польской аристократіи, такъ какъ паны не только располагали большими массами рабочихъ-крестьянъ, которыхъ они переселяли изъ плотно-населенной Великой Польши, но еще, кромѣ того, держали въ своихъ рукахъ весь сбытъ хлѣба, направлявшійся въ Балтійское море. Такъ сложились огромныя владѣнія Потоцкихъ, Конецпольскихъ, Вишневецкихъ и др. Паны оставались жить въ своихъ старыхъ вотчинахъ и замкахъ и поручали новыя имѣнія крупнымъ арендаторамъ, частью евреямъ. За аристократіей потянулось къ усиленію земледѣльческаго производства и многочисленное польское рыцарство, *шляхта* (собственно, въ широкомъ смыслѣ, шляхта обнимала также аристократію, но обыкновенно подъ этимъ обозначеніемъ разумѣются средніе и мелкіе землевладѣльцы). Въ XV в. шляхтичи несли вассальную военную службу; въ XVI в. наступаетъ замираніе, и они обращаются къ доходному сельскому хозяйству. Эта новая задача заставила шляхту стремиться къ тому, чтобы закрѣпить за собой и увеличить работу приписанныхъ къ военнымъ помѣстьямъ крестьянъ.

Какъ разъ въ XVI в. колонизація Малороссіи открывала возможность ухода для рабочаго крестьянства. Подъ страхомъ этого движенія шляхта въ началѣ XVI в. провела на сеймахъ строгія постановленія, воспрещавшія крестьянамъ оставлять свои мѣста и позволявшія землевладѣльцамъ преслѣдовать и возвращать бѣглецовъ. Затѣмъ шляхта также на сеймахъ добилась установленія барщины на господской землѣ, между тѣмъ какъ до этого времени большинство крестьянъ платило только небольшія наслѣдственныя аренды (*чинши*) и принимало на себя работы лишь по договорамъ. Крестьяне въ свою очередь, не имѣя представителей на сеймахъ, не могли воспрепятствовать законодательству, которое прикрѣпляло ихъ къ землѣ. У нихъ оставалось еще въ видѣ защиты собственное деревенское управленіе и судъ, охранявшіеся наслѣдственными главами деревень, солтысами. Чтобы сломить эту самостоятельность, шляхтичи начинаютъ скупать солтыства, т.-е. принуждаютъ солтысовъ за выкупъ оставлять свои дворы и заступаютъ ихъ мѣсто въ качествѣ начальниковъ деревни и предсѣдателей крестьянскаго суда; они отстра-

Digitized by Google

няютъ старинные договоры и вводятъ новыя повинности; вмѣстѣ съ тѣмъ они увеличиваютъ на счетъ выкупленныхъ у солтысовъ земель свои фольварки, вырубаютъ общинные лѣса и разрабатываютъ ихъ подъ плугъ.

Усиливши такими средствами свое хозяйство, дворянство польское заняло политическое положеніе, единственное во всей Европѣ, тѣмъ болѣе, что оно не имѣло соперника въ лицѣ горожанъ. Города въ Польшѣ были по большей части заселены иноплеменниками, нѣмцами и евреями; шляхта относилась къ *мѣщанству*, т.-е. горожанамъ, презрительно и не пускала ихъ въ сеймъ, кромѣ представителей Кракова. Дворянство отдѣлилось отъ горожанъ рѣзкой чертой, какъ отъ сословія низшаго: шляхтичу, занявшемуся мѣщанскимъ промысломъ, грозила потеря званія. Самоуправленіе городовъ стѣснили, подчинивши ихъ воеводамъ. Благодаря характеру шляхетскаго быта и дворянскому законодательству сеймовъ, городскіе промыслы не могли подняться въ Польшѣ; шляхта обезпечила себѣ безпошлинный вывозъ произведеній сельскаго хозяйства; дальнѣйшая забота ея была о томъ, чтобы удешевить ввозъ иностранныхъ продуктовъ, тонкихъ матерій, оружія, предметовъ роскоши и украшенія обстановки: открывая доступъ постороннимъ купцамъ и чужимъ товарамъ, въ Польшѣ не давали развиться своему торговому классу и національному ремеслу. Шляхта составляла исключительное гражданство Польши; 800—900 тысячъ дворянъ считали себя настоящимъ польскимъ народомъ.

У представителей аристократіи и дворянства польскаго XVI в. были свои положительныя стороны: они выдѣлялись культурой на ряду съ передовыми странами Европы, усвоили гуманистическую науку; множество польскихъ шляхтичей учились въ Италіи и Германіи, въ свою очередь въ Польшу вызывали иностранныхъ гуманистовъ. Въ началѣ XVI вѣка Польша выставила величайшаго ученаго, открывшаго новую эпоху во всемъ міровоззрѣніи европейцевъ, Николая Коперника. Признакомъ высокаго развитія просвѣщенія въ Польшѣ было то обстоятельство, что здѣсь нашло себѣ болѣе всего сторонниковъ самое свободное направленіе реформаціи, социніанство.

Планы общей реформы польскаго государства. Какъ почти вездѣ въ Европѣ, и въ Польшѣ дворянство переходило охотно въ протестантизмъ. Побужденія были обычныя: надежда на конфискацію и раздѣлъ церковныхъ земель въ случаѣ, если за проведеніе реформаціи возьмется король; освобожденіе отъ церковнаго суда; желаніе аристократовъ имѣть богослуженіе на дому среди своей свиты и челяди, а также получить вліятельное и почетное положеніе сеніоровъ (старѣйшинъ) въ протестантской церкви. Въ Польшѣ дѣйствовалъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ европейскихъ реформаторовъ, кальвинистъ Янъ Ласкій, раньше

Digitized by Google

работавшій въ Германіи, Англіи и Нидерландахъ; онъ предложилъ королю, сенату и шляхтѣ провести общую реформацію. Такъ же, какъ французскіе кальвинисты и австрійскіе протестанты, польская шляхта, принявшая реформацію, соединяла съ новымъ исповѣданіемъ политическіе планы: предполагалось объединить Польшу, тѣснѣе сблизить почти независимыя воеводства, управляемыя наслѣдственно крупными панами, и поднять силу общаго сейма. Значеніе пословъ (депутатовъ) должно было существенно измѣниться. До тѣхъ поръ они были только уполномоченными болѣе чѣмъ 30-ти сеймиковъ, собиравшихся по воеводствамъ. Они защищали не собственныя мнѣнія, а выступали исполнителями готовыхъ инструкцій, точно на конгрессѣ представители самостоятельныхъ державъ. Сторонники реформы хотѣли сдѣлать депутатовъ выразителями голоса всего народа-шляхты, а сеймъ обратить въ настоящій *парламентъ* съ рѣшающимъ большинствомъ голосовъ. Вмѣстѣ съ центральной властью сейма должна была возрасти и другая объединяющая власть, королевская: королю хотѣли дать новую финансовую силу въ видѣ дохода съ церковныхъ имуществъ, которыя онъ долженъ былъ конфисковать при реформѣ.

Протестантскіе публицисты съ талантомъ защищали преобразовательные планы. Наибольшее вліяніе они получили въ 60-хъ годахъ XVI в. при послѣднемъ королѣ изъ династіи Ягеллоновъ, Сигизмундѣ II Августѣ. Въ виду его бездѣтности возникалъ вопросъ объ отношеніяхъ между Литвой и Польшей, до тѣхъ поръ государствами совершенно отдѣльными, связанными только личностью короля. Въ Литву также проникъ протестантизмъ; сторонники новаго исповѣданія въ обоихъ государствахъ особенно энергично хлопотали объ *уніи* ихъ и выработкѣ общихъ *центральныхъ* установленій.

Но государственная реформа въ Польшѣ не удалась. Главные ея защитники, протестанты, были немногочисленны; согласно своимъ высокомѣрнымъ взглядамъ, шляхтичи пренебрегали исповѣданіемъ своихъ хлоповъ, и простой народъ остался при католичествѣ. Польскіе протестанты, кромѣ того были раздроблены: они распадались на лютеранъ (главнымъ образомъ въ городахъ по сосѣдству съ Пруссіей), кальвинистовъ (на югѣ Польши и въ Литвѣ) и гуситовъ (въ серединѣ); когда они рѣшили соединиться, то все-таки выключили социніанъ. Духовенство, расположенное отдѣлиться отъ Рима, энергично сопротивлялось однако отобранію церковныхъ имуществъ, и король былъ слишкомъ слабъ, чтобы приступить къ этой мѣрѣ. Главными противниками политической реформы были крупные аристократы, владѣтели пожизненныхъ и наслѣдственныхъ должностей, коронныхъ (гетмана, канцлера, маршалка, подскарбія, т.-е. министра финансовъ) и намѣстническихъ (воеводъ,

Digitized by Google

кастеляновъ и старостъ), похожіе по своей политикѣ на германскихъ князей.

Неудача реформъ. Строй Рѣчи Посполитой съ конца XVI в. Вмѣсто общаго преобразованія при Сигизмундѣ II была проведена только унія съ Литвой (на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.): оба государства должны были выбирать вмѣстѣ одного короля и соединять своихъ представителей въ общемъ сеймѣ, но сохранили каждое свое особое устройство. Слабость сейма и разрозненность областей остались попрежнему. Политическое разстройство еще увеличилось отъ новаго порядка избранія королей. Во время „безкоролевья", т.-е. въ періодъ выбора, господами положенія были магнаты, которые имѣли возможность связать вновь избираемаго короля условіями, такъ наз. pacta conventa, выгодными для аристократіи. Въ 1573 г., послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, выбрали французскаго принца Генриха Валуа (онъ бѣжалъ въ слѣдующемъ году изъ Польши и сталъ французскимъ королемъ Генрихомъ III); новый король обязался не объявлять войны и не заключать мира безъ согласія сената, т.-е. высшаго совѣта коронныхъ и областныхъ сановниковъ и епископовъ; онъ долженъ былъ содержать войско на свои собственныя средства. Магнаты увлекали за собой большую часть шляхты, стараясь дѣйствовать въ духѣ ея понятій о равенствѣ всѣхъ дворянъ. Планъ сторонниковъ реформы, желавшихъ укрѣпить сеймъ и передать ему право избранія короля, былъ опрокинутъ при первомъ же выборѣ въ 1573 г.: во вниманіе къ вольности дворянства избраніе было предоставлено всему народу-шляхтѣ, съѣзжавшемуся на общее коло. Въ знакъ того, что въ средѣ избирателей всѣ равны, знатнѣйшіе паны и бѣднѣйшіе помѣщики, пашущіе безъ рабочихъ,—на краю поля, гдѣ происходило избраніе, позади блестящихъ всадниковъ появлялось нѣсколько мелкихъ шляхтичей, пришедшихъ пѣшкомъ съ косами за плечами. Много значило мѣсто, гдѣ происходили выборы: оно было назначено около Варшавы, и вслѣдствіе этого перевѣсъ получала естественно ближайшая мазурская шляхта, наиболѣе отсталая и необразованная. Избраніе обыкновенно вело къ жестокимъ спорамъ и столкновеніямъ; иногда на выборномъ полѣ стояли другъ противъ друга два вооруженные лагеря.

Не удалась и другая реформа—обращеніе сейма въ правильно обсуждающій и голосующій парламентъ. Польша осталась союзомъ воеводствъ, а сеймъ—конгрессомъ уполномоченныхъ, которые были связаны инструкціями. Подъ видомъ защиты шляхетской вольности оставили старый порядокъ рѣшенія на сеймахъ, требовавшій *единогласія* депутатовъ, такъ какъ они считались представителями самостоятельныхъ сеймиковъ въ воеводствахъ. Меньшинство, несогласное съ мнѣніемъ большинства,

Digitized by Google

всегда могло уѣхать съ сейма и разстроить этимъ рѣшеніе. Замѣтно было, что вообще боятся усиленія сейма: его созывали лишь разъ въ два года и на короткій срокъ шести недѣль; сеймъ только принималъ постановленія, но не имѣлъ никакой возможности настоять на ихъ исполненіи и не могъ избирать никакой исполнительной власти.

Эта особенность польскаго сейма, осуждавшая его на безсиліе и бездѣйствіе, вызвала въ видѣ отпора обычай, въ свою очередь не совмѣстимый съ правильной политической жизнью: за невозможностью добиться чего-либо путемъ закона и рѣшенія большинствомъ, партія, искавшая защиты своихъ правъ, составляла союзъ, *конфедерацію*, и дѣйствовала угрозой вооруженной силы. Въ первый разъ конфедерацію образовали протестанты во время перваго безкоролевья для охраны своего исповѣданія: они предъявили требованія религіозной свободы вновь избранному королю (Генриху французскому) и заставили сеймъ включить эти требованія въ условія избранія. Закона, который бы охранялъ свободу совѣсти, такъ и не было издано. Конфедераціи были возстановленіемъ права феодальныхъ усобицъ и частной войны. По понятіямъ шляхты, отдѣльный дворянинъ въ правѣ оказывать личное сопротивленіе властямъ, поднимать бунтъ *(рокошъ)*, если находитъ ихъ дѣйствія неправильными: объ этомъ опредѣленно гласилъ пунктъ de non praestanda obedientia, который вставляли во всѣ pacta conventa.

Совокупность этихъ устарѣлыхъ и какъ бы замороженныхъ средневѣковыхъ политическихъ обычаевъ составила прославленную въ свое время „золотую вольность“. На нихъ держался въ теченіе двухъ столѣтій съ конца XVI в. строй Рѣчи Посполитой (т.-е. республики, какъ поляки называли свое государство). Польшу дѣйствительно нельзя было назвать монархіей; король былъ только пожизненнымъ, очень ограниченнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ сановникомъ. Когда король Сигизмундъ III изъ шведской династіи Ваза заговорилъ нѣсколько властнымъ тономъ, польскій примасъ (первый архіепископъ) напомнилъ ему, что онъ государь шляхтичей, подобныхъ которымъ нѣтъ во всемъ мірѣ, а не мужиковъ, какъ его отецъ въ Швеціи. Но рядомъ съ королемъ не стояло другое центральное учрежденіе, которое бы обладало верховной властью. Вмѣсто короля и сейма, взаимно связанныхъ въ старой сословной монархіи, водворился такой строй, при которомъ ни король, ни сеймъ не имѣли силы.

Въ дѣйствительности равенства шляхты не существовало, и сила принадлежала большимъ магнатскимъ фамиліямъ, которыя скопляли въ своихъ рукахъ громадные доходы и кормили при своихъ дворахъ, въ имѣніяхъ, во второстепенныхъ должностяхъ массы зависимыхъ людей, между ними много мелкихъ шляхтичей. Король былъ для нихъ „маткой пчелъ“, раздавателемъ щедротъ, коронныхъ имѣній, подарковъ и пенсій.

Digitized by Google

Католическая реакція въ Польшѣ. Крушеніе политической реформы, замышлявшейся болѣе всего протестантами, было вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ паденія самаго протестантизма, а затѣмъ и свободнаго просвѣщенія въ Польшѣ. Протестантизмъ въ Польшѣ не носилъ характера рѣзкаго увлеченія, нетерпимости и самопожертвованія. Для многихъ онъ былъ дѣломъ политики; многіе находили въ немъ форму болѣе свободной мысли, вслѣдствіе чего въ Польшѣ часть протестантовъ съ самаго начала приняла социніанство. Когда исчезли надежды на общую реформу, политики стали отставать отъ протестантизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Польшѣ началась дѣятельность іезуитовъ. Они появились при второмъ выборномъ королѣ, Стефанѣ Баторіи, воевавшемъ съ Иваномъ IV Грознымъ; іезуиты хлопотали о примиреніи Польши съ царемъ для того, чтобы проложить себѣ путь къ пропагандѣ въ Москвѣ. Подъ вліяніемъ іезуитовъ измѣнилось польское духовенство: сначала въ большинствѣ расположенное къ реформаціи, оно тѣсно примкнуло теперь къ Риму. Іезуиты проникли ко дворамъ магнатовъ и старались отвлечь своими школами аристократическую молодежь отъ протестантизма. Польская *анархія* (отсутствіе сильной власти) открыла іезуитамъ очень выгодныя условія дѣятельности: они не уставали поэтому выхвалять золотую вольность шляхетства, при чемъ ставили на видъ, что католичество служитъ лучшей его поддержкой.

Іезуиты пріобрѣли особенную силу при королѣ Сигизмундѣ III, выбранномъ въ 1587 г. (внукѣ Густава Ваза). Король взялъ себѣ въ образецъ Филиппа II испанскаго и заключилъ тѣсный союзъ со строго католическими Габсбургами въ Австріи; внутри онъ широко пользовался правомъ короны раздавать должности, земли, пенсіи и подарки исключительно для поощренія католиковъ. Изъ разновѣрнаго Кракова Сигизмундъ перенесъ столицу, т.-е. мѣстопребываніе короля и сейма, въ Варшаву, центръ строго католической шляхты Мазовіи. Аристократія покинула протестантизмъ такъ же, какъ она это сдѣлала во Франціи. Но теперь протестантамъ стало трудно защищать выговоренную религіозную свободу. Іезуиты воинственно настраивали противъ нихъ католическія массы: народъ бросался на протестантскія церкви, разгонялъ богослуженіе и процессіи, разрушалъ зданія, избивалъ иновѣрцевъ. Особенно тяжело было положеніе социніанъ, остатки которыхъ въ половинѣ XVII в. должны были совсѣмъ покинуть Польшу и переселиться въ Голландію. *Диссиденты* (отступившіе отъ католичества), которыхъ такъ охотно посылали депутатами на сеймъ во время надеждъ на общую реформу, теперь не избирались болѣе въ послы.

На ихъ примѣрѣ видно, что анархическая вольность не давала защиты группамъ и союзамъ, которые были слабы сами по себѣ: рели-

Digitized by Google

гіозная свобода даже входила въ понятіе шляхетской вольности, но ее нельзя было охранить за отсутствіемъ закона и сильной законодательной власти. То же самое безсиліе шляхетской анархіи привело къ другому явленію, стоявшему въ рѣзкомъ противорѣчіи съ понятіемъ свободы, къ жестокой и уничтожающей цензурѣ, похожей на испанскую. Подъ вліяніемъ іезуитовъ закрывались протестантскія типографіи; ученіе Коперника объявили кощунственнымъ; за напечатаніе еретической книги угрожала инфамія (безчестье). Польская литература въ XVI в. выдавалась богатствомъ идей и независимостью мнѣній; въ XVII в. послѣ преслѣдованій въ ней преобладаютъ безсодержательные, пышные по формѣ панегирики; она на службѣ свѣтскаго и духовнаго магнатства.

Реакція привела къ внѣшнему паденію Польши, начавшемуся въ то же самое правленіе Сигизмунда III. При его вступленіи Польша находилась въ крайне выгодныхъ условіяхъ: король соединялъ въ своемъ лицѣ Швецію и польско-литовское государство; такимъ образомъ въ его обладаніи находилась вся Балтика, отъ которой вмѣстѣ съ тѣмъ предшественникъ Сигизмунда, Баторій, отрѣзалъ Московское царство. Главный соперникъ Польши, Москва, переживалъ смуту: династія объединителей изъ дома Рюриковичей кончалась среди общаго недовольства, вызваннаго тиранической политикой Ивана Грознаго. Польша имѣла возможность поставить отъ себя въ зависимость ослабѣвшую Москву.

Католическая ревность Сигизмунда III однако испортила выгодное положеніе Польши. Въ Швеціи, угрожая протестантизму, онъ вызвалъ возмущеніе, лишился шведской короны и навязалъ Польшѣ войну, въ которой она потеряла важную Лифляндію. Вмѣшательство въ дѣла Москвы было также неудачно. Сначала оказывая поддержку Лжедимитрію, потомъ стараясь посадить въ Москвѣ своего сына, Сигизмундъ не скрывалъ замысла направить туда католическую пропаганду; тѣмъ сильнѣе вооружилъ онъ противъ себя православную церковь, принявшую участіе въ національномъ движеніи великоруссовъ. Въ Москвѣ выбрали русскаго царя и возобновили войну противъ Польши; король успѣлъ удержать только спорную полосу земли со Смоленскомъ и Черниговомъ.

Возстанія низшихъ классовъ. Польская анархія. Въ войнахъ Сигизмунда сказалась вся неслаженность политическаго устройства Польши. Король начиналъ походъ и набиралъ войско самовольно; за неимѣніемъ постоянныхъ финансовъ, онъ скоро оказывался не въ состояніи уплатить жалованье своимъ отрядамъ. Тогда въ войскѣ составлялась конфедерація; солдаты и офицеры отказывали въ повиновеніи и возвращались домой; здѣсь они садились на королевскихъ или церковныхъ имѣніяхъ, проѣдали ихъ доходы и вознаграждали себя до тѣхъ поръ, пока король не обращался къ сейму. На сеймѣ рѣшали назначить чрезвы-

Digitized by Google

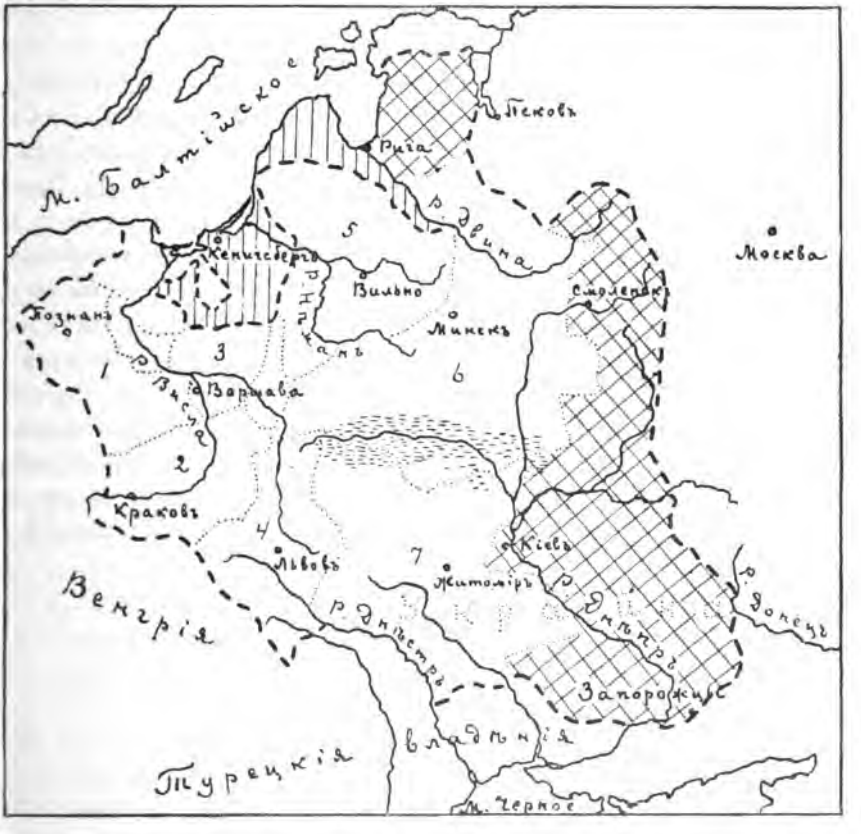
чайную подать для покрытія уже сдѣланныхъ расходовъ. Но и на этомъ дѣло не кончалось. Сеймъ устанавливалъ только общую цифру сбора: послы возвращались послѣ того къ выбравшимъ ихъ сеймикамъ, и каждый сеймикъ могъ пересмотрѣть дѣло, утвердить или отмѣнить налогъ и опредѣлить, какого рода должна быть подать; въ каждой землѣ могли такимъ образомъ отказать королю въ деньгахъ даже послѣ рѣшенія, состоявшагося на общемъ сеймѣ; въ отдѣльныхъ земляхъ шляхта могла по своему усмотрѣнію собирать подати и нанимать на нихъ отряды.

При этихъ условіяхъ Польша не въ силахъ была бороться противъ казацкихъ возстаній, сдѣлавшихся особенно грозными при сыновьяхъ Сигизмунда. Въ свою очередь возстанія эти были отвѣтомъ на одностороннюю политику шляхты и возродившейся католической церкви. Казачество возникло на юго-восточной окраинѣ польско-литовскаго государства, вдоль длинной линіи укрѣпленій и поселеній для защиты отъ турокъ и союзныхъ съ ними крымскихъ татаръ. Собственно казаковъ устраивали по образцу военной шляхты съ надѣломъ землей и помѣщеніемъ ихъ по городамъ. Но за чертой польскаго государства на нижнемъ Днѣпрѣ набиралась еще постоянно масса вольныхъ неустроенныхъ казаковъ, составлявшихъ нѣчто въ родѣ военной республики (Запорожская Сѣчь); въ ней главнымъ образомъ скоплялись недовольные господствомъ польской аристократіи, крѣпостные, бѣжавшіе отъ тяжелой барщины въ ея имѣніяхъ, а съ конца XVI в. православные, притѣсняемые католиками и *уніатами* (т.-е. духовенствомъ, сохранившимъ восточные обряды и признавшимъ верховенство папы). Со времени Баторія польское правительство старалось подчинить вольное казачество своей власти, ограничивало его число спискомъ (реестромъ) и требовало прекращенія самовольныхъ набѣговъ на турецкія области; аристократія въ свою очередь хотѣла отстранить вольныхъ поселенцевъ отъ пользованія „дикими полями“ и уничтожить убѣжище для бѣглыхъ хлоповъ. Въ юго-восточномъ краю польскаго государства Радзивиллы, Вишневецкіе, Конецпольскіе, Острожскіе и другіе аристократы вели себя, какъ „королята“, по выраженію казаковъ, распоряжались точно въ своихъ княжествахъ, строили, напр., цѣлые города, оставшіеся въ зависимости отъ нихъ. Обратное движеніе не заставило себя ждать. Казаки низовые, или запорожскіе, перенесли свои набѣги на польскія области, стали увлекать за собою украинскихъ городовыхъ казаковъ, также недовольныхъ польской аристократіей, стоявшей у нихъ воеводами и старостами, и, наконецъ, начали поднимать крѣпостныхъ крестьянъ въ имѣніяхъ самихъ польскихъ помѣщиковъ.

Большія казацкія возстанія 1629 г. и 1648 г. (второе подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго) были поэтому обширнымъ возмущеніемъ

Digitized by Google

низшихъ классовъ противъ польскихъ пановъ и шляхты. Это была *соціальная* борьба, начатая на границѣ бѣглецами и изгнанниками и перенесенная внутрь. Съ той и другой стороны она велась съ крайнимъ ожесточеніемъ гражданской войны. Непримиримыя начала стояли другъ противъ друга: сеймъ 1638 г. принялъ законъ, по которому вольные казаки обращались въ хлоповъ; обратно Хмельницкій объявлялъ, что



Польско-литовское государство въ эпоху своего наибольшаго расширенія, въ началѣ XVII вѣка. Клѣтками показаны области, отошедшія къ Швеціи и Москвѣ въ 1611—56 годахъ; полосками—вассальныя владѣнія, Пруссія и Курляндія. 1 Великая Польша, 2 Малая Польша, 3 Мазовія, 4 Червонная Русь (Галиція), 5 Литва, 6 Бѣлая Русь, 7 Малая Русь.

пришло время освободить весь простой народъ въ Польшѣ отъ неволи. Шляхта понимала, что дѣло идетъ о самыхъ существенныхъ интересахъ и основахъ ея существованія: она собралась поэтому въ 1648 г. подъ начальствомъ короля Яна Казиміра въ *посполитое рушенье* (т.-е. поголовное ополченіе), не созывавшееся уже нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Digitized by Google

Допуская еще уступки одной части возставшихъ, военнымъ поселенцамъ, шляхта однако во всѣхъ мирныхъ переговорахъ выдвигала неизмѣнно условіе, чтобы другая масса ихъ, бѣглые хлопы, была возвращена собственникамъ. Съ другой стороны, и казацкія ополченія не представляли однородности, и это спасло шляхту: такъ наз. старшины по своему владѣльческому положенію близко подходили къ польскому дворянству; военные поселенцы, украинскіе казаки, получивъ нужныя уступки, покидали защиту соединившихся съ ними крестьянъ.

Однако возстаніе 1648 г. стоило польскому государству потери половины Малороссіи, которая отошла къ Москвѣ. Среди послѣдовавшихъ затѣмъ войнъ съ Москвой и Швеціей Польша дошла до крайняго разстройства. Въ это время появился обычай, положившій послѣднюю печать анархіи на высшее государственное учрежденіе, сеймъ. До тѣхъ поръ случалось, что сеймъ разстраивался вслѣдствіе отъѣзда недовольнаго меньшинства; въ 1652 г. одинъ шляхтичъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ крупнаго аристократа Радзивилла, заявилъ на сеймѣ, что во имя свободы „не позволитъ“ дальнѣйшихъ совѣщаній, и покинулъ залу засѣданій; остальные послы признали, что не имѣютъ болѣе права совѣщаться, и сеймъ былъ такимъ образомъ „сорванъ“. Съ этого времени liberum veto (право единоличнаго протеста), выведенное изъ понятій объ обязательномъ единогласіи, грозило остановкой всякому сейму; скоро обычай перешелъ и въ сеймики, разстраивая дѣятельность даже тѣхъ отдѣльныхъ мелкихъ шляхетскихъ республикъ, на которыя распадалась Польша.

VII.

Англійская великая революція.

Своеобразность англійской исторіи состоитъ въ томъ, что, благодаря островному положенію, страна была свободна отъ посторонняго вмѣшательства и могла самостоятельно рѣшать свои внутренніе споры; оттого ея порядки были болѣе устойчивы, и въ ней, за исключеніемъ короткихъ періодовъ, не могла подняться военная сила. Другая особенность исторіи Англіи также вытекаетъ изъ ея островного характера и общаго географическаго положенія на западной окраинѣ Европы: съ развитіемъ большихъ океаническихъ путей Англія, при своей извилистой береговой линіи, обиліи портовъ и сравнительной безопасности, могла пріобрѣсти первостепенное торговое значеніе.

Англійская торговля. До XVI в. Англія оставалась страной земледѣльческой и скотоводческой по преимуществу. Ея продукты, особенно шерсть,

Digitized by Google

скупали пріѣзжіе фламандцы; англійскіе купцы (staplers) ограничивались подвозомъ товара на ближайшіе склады по ту сторону канала, отдѣляющаго Англію отъ материка; у англичанъ въ теченіе двухъ вѣковъ до половины XVI столѣтія былъ для этой цѣли особый опорный пунктъ на материкѣ въ городѣ Калэ, отнятомъ у Франціи. Лишь въ концѣ XV в. составилась компанія merchant adventurers, буквально „искателей приключеній", торговцевъ, которые пытались проникнуть глубже въ европейскія страны на материкѣ, въ Германію или дальше по морю, въ Балтику, въ Сѣверное море. Въ XVI в. торговля Англіи развивается все больше. Короли изъ дома Тюдоровъ (съ 1485 г.) энергически поддерживали купеческія предпріятія. Но господство на морѣ было уже захвачено другими, и для англичанъ становилась неизбѣжной самая жестокая и непримиримая борьба въ этой области, болѣе всего съ Испаніей, которая своими флотами какъ бы стягивала вмѣстѣ владѣнія по обѣ стороны Атлантическаго океана. Во внѣшней политикѣ Англіи при Тюдорахъ самый главный вопросъ состоялъ въ томъ, какое положеніе слѣдуетъ занять къ Испаніи: два раза оба королевскіе дома, англійскій и испанскій, сближаются, заключаютъ бракъ и пытаются устроить мирное торговое общеніе, два раза послѣ этого они разрываютъ; въ первый разъ, когда Генрихъ VIII отдѣлился отъ римской церкви, и во второй, когда послѣ смерти Маріи Кровавой, жены Филиппа II, Елизавета отвергла новый бракъ съ испанскимъ королемъ.

Всюду Елизавета (1558—1603 г.) поддерживала враговъ испанскаго короля, а они были вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ и протестантской партіей: шотландскимъ кальвинистамъ она помогла противъ ихъ католической королевы, Маріи Стюартъ, нидерландскимъ гёзамъ — въ ихъ возстаніи противъ Испаніи, французскимъ гугенотамъ — противъ Валуа, Гизовъ и лиги. За главной цѣлью — разстроить морское могущество Испаніи — никогда не забывались частныя выгоды: въ одномъ изъ договоровъ съ гугенотами Елизавета выговорила себѣ во владѣніе портъ Гавръ, т.-е. устье Сены; поддерживая тѣхъ же гугенотовъ съ моря на западномъ берегу Франціи, англичане вели вмѣстѣ съ тѣмъ оживленную торговлю съ протестантской Ларошелью. На морѣ непрерывно шла торговая борьба, носившая со стороны англичанъ разбойничій характеръ. Смѣлые корсары, Дрэкъ, Ралей, врывались въ область испанскихъ владѣній и полосу ихъ морскихъ путешествій, нападали на серебряный флотъ, опустошали берега Вестъ-Индіи. Въ Англіи составлялись цѣлыя общества для пользованія выгодами морскихъ набѣговъ; барышъ распредѣлялся между дольщиками, и говорятъ, что въ числѣ ихъ тайно участвовала королева.

Правительство старалось также прямыми путями поддерживать и

Digitized by Google

развивать торговлю и промышленное производство въ странѣ. Елизавета издала нѣсколько законовъ о „поднятіи земледѣлія“, сущность которыхъ состояла въ позволеніи свободно вывозить хлѣбъ изъ Англіи, если цѣна его не превышаетъ извѣстнаго уровня, т.-е. если есть излишекъ его. Законы эти, конечно, могли поощрять къ разработкѣ земли; но главная цѣль ихъ заключалась въ поддержаніи англійскаго мореплаванія, такъ какъ вывозъ хлѣба былъ разрѣшенъ только на англійскихъ корабляхъ. Торговлю поддерживали и другими мѣрами: извѣстнымъ компаніямъ выдавались привилегіи, т.-е. обезпеченныя королевской подписью права на исключительную торговлю какими-либо предметами, напр., желѣзомъ, сталью, мѣхами, солью. Такія же разрѣшенія выдавались компаніямъ иностранной торговли — русской, турецко-левантинской, африканской; самой важной изъ нихъ скоро сдѣлалась *остиндская*, образцомъ для которой послужила нидерландская остиндская компанія. Внѣшнимъ знакомъ расширенія англійской торговли была лондонская биржа, выстроенная банкиромъ Грэшемомъ; королева присутствовала при ея торжественномъ открытіи и возвела основателя въ рыцарское званіе; Грэшемъ игралъ большую роль въ ея дипломатическихъ сношеніяхъ.

Законы о рабочихъ и о призрѣніи. Ни въ одной странѣ того времени правительство не вступалось въ такой мѣрѣ, какъ въ Англіи, въ промышленную жизнь. Оно вмѣшивалось также въ устройство рабочаго класса. Когда большинство сельскаго населенія несло крѣпостную работу, а въ городскихъ промыслахъ каждою спеціальностью завѣдовали цехи, государству не приходилось заниматься опредѣленіемъ условій работы. Но уже въ половинѣ XIV в., когда въ Англіи освободилась значительная часть крестьянъ и развилось ремесло, король съ парламентомъ издали статутъ о рабочихъ (1349 г.). Правительство взяло на себя право рѣшать, кто долженъ работать и въ какой отрасли и какую мѣру жалованья слѣдуетъ считать справедливой. Съ того времени за 200 лѣтъ измѣнилось очень многое: земледѣліе въ Англіи стало сокращаться, и развились ремесла. Но главная перемѣна произошла въ XVI в. и состояла, какъ вездѣ, въ революціи цѣнъ. Въ то время, какъ цѣны на припасы возросли въ 2, 3 раза, заработная плата поднялась гораздо менѣе значительно. Правительство Елизаветы считало это положеніе несправедливымъ и издало новый законъ „о подмастерьяхъ“. Каждый годъ во всякой мѣстности и городѣ судьи должны были устанавливать размѣръ заработной платы во всѣхъ промыслахъ сообразно цѣнамъ на жизненные припасы; суровыя наказанія грозили за нарушеніе этого уровня, утверждаемаго властями. Законъ предписывалъ также опредѣленное число часовъ во всякой работѣ. Но въ то же время правительство озабочено было тѣмъ, чтобы обезпечить интересы хозяевъ и огра-

Digitized by Google

дить ихъ отъ давленія со стороны рабочихъ. Наказанія были положены за оставленіе работы до уговореннаго срока; рабочій долженъ былъ показать новому хозяину свидѣтельство о добропорядочности, выданное послѣднимъ предпринимателемъ, у котораго онъ служилъ; этими способами хотѣли придержать рабочихъ къ постоянной работѣ и помѣшать ихъ переходамъ. Въ законѣ было обстоятельно оговорено, кого можно принудить къ работѣ: тѣхъ, кто не имѣетъ съ земельнаго владѣнія болѣе 40 шиллинговъ дохода, или 10 фунтовъ съ другой собственности, кто не занятъ въ хозяйствѣ у дворянина и не держитъ аренды, а также не женатъ и моложе 30 лѣтъ.

Государство брало на себя такимъ образомъ наблюденіе за рабочими людьми, которое въ средніе вѣка принадлежало городамъ, гильдіямъ, цехамъ и корпораціямъ. Королевская власть дѣйствовала при этомъ въ согласіи съ парламентомъ, состоявшимъ изъ помѣщиковъ, которымъ нужны были рабочіе, и изъ крупныхъ торговцевъ или предпринимателей отъ городовъ. Между тѣмъ, какъ раньше представители высшихъ классовъ имѣли дѣло вразбродъ съ рабочимъ людомъ, теперь они стали опредѣлять его судьбу для всей страны. Правительство пыталось охватить въ своемъ надзорѣ еще одинъ разрядъ людей, именно безработныхъ, бѣдныхъ и нищихъ. Число ихъ въ Англіи XVI в., вслѣдствіе того что множество крестьянъ сгонялось съ земли, было велико. Людей, завѣдомо неспособныхъ къ труду, должны были содержать церковные приходы; всѣ состоятельные прихожане обязаны были уплачивать взносъ на бѣдныхъ; тѣхъ, кто не исполнялъ этого требованія, мировые судьи подвергали наказанію; они же вели списки бѣдныхъ въ своемъ участкѣ, завѣдовали суммами на ихъ содержаніе и постройкой домовъ призрѣнія. Всѣхъ здоровыхъ нищихъ, всякій странствующій людъ, который скитался по селеніямъ, мелкихъ разносчиковъ, фокусниковъ, знахарей, точильщиковъ и котельщиковъ, школяровъ и матросовъ безъ дѣла, если они обращались за подаяніемъ, мѣстныя власти должны были забирать и сажать въ работные дома.

Вѣкъ королевы Елизаветы. Всѣ эти учрежденія времени Елизаветы просуществовали около двухсотъ лѣтъ до новаго переустройства общества въ эпоху „промышленной революціи“. Классы, имѣвшіе представителей въ парламентѣ, были довольны правленіемъ Елизаветы и ея главнаго совѣтника, Бёрли, сорокъ лѣтъ стоявшаго у дѣлъ: война съ Испаніей, морскія предпріятія, участіе въ дѣлахъ материка открывали просторъ подвижнымъ воинственнымъ элементамъ среди дворянства (джентри) и титулованныхъ сеньеровъ (нобилити). Сельскіе хозяева получали выгоду отъ свободнаго вывоза хлѣба за границу и отъ хорошихъ цѣнъ на шерсть внутри; быстро поднимались англійская торговля и морепла-

Digitized by Google

ваніе. Королева искусно пользовалась борьбой на материкѣ въ интересахъ Англіи; не имѣя особыхъ симпатій къ протестантизму, она однако всюду защищала протестантовъ, и Англія казалась оплотомъ всѣхъ отпавшихъ отъ католичества. Когда же Филиппъ сталъ поддерживать въ Англіи католиковъ, составлявшихъ заговоры противъ королевы и собралъ противъ нея всю свою морскую силу (великую Армаду), защита протестантизма обратилась въ Англіи въ патріотическое дѣло, а королева выступила вождемъ народа, защищавшаго свою независимость.

Поэтому англичанамъ „вѣкъ Елизаветы" казался героическимъ временемъ. Одна черта придаетъ особый характеръ этой эпохѣ конца XVI в., по сравненію съ послѣдующимъ временемъ, именно свобода и широта воззрѣній на жизнь и человѣка. Литература и искусство Возрожденія проникли въ Англію позднѣе, чѣмъ въ другія страны; но помимо того Возрожденіе выразилось здѣсь въ своеобразной формѣ, въ развитіи народнаго театра.

Англійскій театръ. И въ Англіи, какъ въ другихъ странахъ, театръ возникъ изъ церковныхъ дѣйствій, которыя перешли въ большія мистеріи и аллегоріи, разыгрывавшіяся на ярмаркахъ и въ большіе праздники цеховыми мастерами или перехожими актерами. Къ изображенію великой драмы Ветхаго и Новаго завѣта и житій святыхъ рано стали присоединяться бытовыя сцены, осмѣиваніе недостатковъ общества. Во время паденія римской церкви пороки клира, его жадность, мелкій развратъ, невѣжество и обманъ представляли богатый матеріалъ для комическихъ вставокъ.

Съ середины XVI в. во французскомъ театрѣ начинается важная перемѣна. Въ то время какъ старыя народныя зрѣлища пришли въ упадокъ и частью даже подверглись запрещенію, возникла ученая классическая драма; ея авторы опредѣленно заявляли, что они пишутъ для образованной придворной публики, для короля и сеньеровъ, и знать не хотятъ о непросвѣщенной толпѣ. Драма наполняется греческими и римскими царями, героями и полководцами, выражающимися на самомъ изысканномъ языкѣ и соперничающими въ правильно построенныхъ монологахъ. Въ Англіи почитатели древней Греціи и Рима сначала сдѣлали попытку преобразовать театръ въ томъ же духѣ. Но они потерпѣли полную неудачу: народное направленіе сохранило всю свою силу; въ концѣ XVI в. интересъ къ національной англійской драмѣ былъ такъ великъ, что въ Лондонѣ и въ другихъ городахъ возникло нѣсколько постоянныхъ театровъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Глобусъ, открытый знаменитымъ актеромъ Борбеджемъ. Театръ имѣлъ очень незатѣйливый видъ овальнаго сарая безъ крыши надъ серединой, гдѣ помѣщался партеръ

Digitized by Google

и гдѣ публика стояла, съ крытыми галлереями кругомъ, гдѣ находились ложи; театралы и цѣнители изъ высшихъ классовъ покупали дорогія мѣста на сценѣ и полулежали на цыновкахъ; декорацій не было, вмѣсто нихъ мѣняли вывѣску на шестѣ съ надписью: „лѣсъ, дворецъ, буря“ и т. п. Люди всѣхъ классовъ посѣщали театръ, начиная отъ аристократіи и до рабочихъ. Дворъ Елизаветы не замыкался отъ этого направленія: сама королева не ѣздила въ театръ, но часто приглашала къ себѣ труппу, оказывала актерамъ и писателямъ поддержку, бесѣдовала съ ними о ихъ планахъ. Драматурги не отворачивались отъ англійской жизни: они изображали современность или обращались къ англійской исторіи; они вводили характерныя фигуры людей разныхъ сословій, заставляли ихъ говорить своеобразнымъ языкомъ, подслушаннымъ на улицѣ въ разговорахъ людей разныхъ классовъ, не боясь его шероховатости. Въ этой средѣ создался крупнѣйшій драматическій талантъ всѣхъ временъ, Уильямъ Шекспиръ (1564—1616). Самъ актеръ и членъ артистическаго товарищества Борбеджа, Шекспиръ драматизировалъ цѣлый вѣкъ англійской исторіи, самую бурную ея эпоху съ конца XIV в.; въ другихъ его пьесахъ сюжетъ заимствованъ изъ смутныхъ и богатыхъ борьбой періодовъ римской исторіи, изъ итальянскихъ или сѣверныхъ новеллъ (повѣстей), но всюду герои старинныхъ или фантастическихъ происшествій превращены въ современниковъ, придвинуты близко къ зрителю, потому что авторъ вложилъ въ нихъ столкновенія общечеловѣческіе интересы, заставилъ ихъ жить тѣмъ, что волнуетъ людей всѣхъ временъ.

Въ драмахъ Шекспира нѣтъ никакого интереса къ религіозному вопросу. Его герои не суевѣрны, равнодушны къ догматамъ, вѣрятъ въ свои силы, отдаются своимъ влеченіямъ и страстямъ или слѣдуютъ указаніямъ своего разсудка; въ нихъ нѣтъ страха передъ невѣдомыми высшими силами, нѣтъ самобичеванія, нѣтъ и досаднаго навязыванія другимъ своего убѣжденія. Никому не удастся открыть, католикомъ или протестантомъ былъ Шекспиръ, потому что онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. До начала XVII в. большая часть англійскаго общества была безразлична къ реформаціи; въ театрѣ именно сильно выражены черты этого настроенія, далекаго отъ религіозности, исполненнаго жажды жизни, увлекающагося свободной игрою чувствъ и смѣлостью мысли. Въ драмѣ „Фаустъ“ современника Шекспира, рано и трагически погибшаго Марло, человѣкъ сильнаго ума, послѣ безпощаднаго анализа завѣщанной отъ старины учености, отбрасываетъ схоластическую науку, какъ нѣчто лишенное содержанія; онъ вступаетъ въ договоръ съ дьяволомъ и отдается магіи; но эта старинная форма добровольной погибели души означаетъ, что человѣкъ хочетъ идти новыми невѣдомыми страшными пу-

Digitized by Google

тями свободнаго умственнаго творчества, хочетъ быть „на землѣ, какъ Богъ на небесахъ, господиномъ и владыкой всѣхъ стихій“ и „служить лишь одному богу—собственной волѣ“.

Когда потомъ въ обществѣ водворилось другое настроеніе, сложились требованія большей строгости нравовъ и возникло болѣе мрачное понятіе о человѣческомъ долгѣ, англійскій театръ и Шекспиръ стали казаться выраженіемъ полуязыческой „старой веселой Англіи“. Понятіе объ этомъ староанглійскомъ бытѣ опять-таки совпадаетъ съ мыслью о вѣкѣ Елизаветы.

Пуританство. Но уже въ теченіе ея царствованія стало усиливаться религіозное движеніе пуританства, которое и составило потомъ въ XVII в. настоящую реформацію понятій въ Англіи, тогда какъ при Тюдорахъ въ XVI в. произошла только внѣшняя перемѣна въ церковномъ устройствѣ.

Вступивъ на престолъ послѣ католической реакціи, Елизавета вернулась къ порядкамъ англиканства, признала *супрематію* (верховенство государя) и *единообразіе* вѣры, т.-е. утвержденные парламентомъ догматы согласно протестантскому молитвеннику Кранмера; остались частью католическіе обряды и католическая іерархія. Офиціальная церковь въ Англіи сохранила аристократическій характеръ и приняла вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократическое направленіе: епископы набирались изъ богатыхъ дворянскихъ фамилій, а по своей роли были первыми чиновниками королевской власти въ надзорѣ за настроеніемъ и образомъ мыслей населенія. Это неполная реформація однако открывала дверь болѣе рѣшительнымъ направленіямъ. Скоро между священниками стали появляться въ большомъ числѣ ревнители, отчасти ученики Женевы, которые по собственному побужденію или по желанію прихожанъ изгоняли церемоніи, замѣняли пеструю католическую одежду чернымъ плащомъ ученаго, вмѣсто алтаря ставили посреди церкви непокрытый столъ и запрещали склонять голову при произнесеніи имени Христа.

Такое опрощеніе или очищеніе религіи дало имъ основаніе называться *пуританами*. Въ этомъ смыслѣ написалъ „Увѣщаніе къ парламенту“ Картрайтъ, бывшій профессоръ кембриджскаго университета, потерявшій профессуру и средства къ жизни изъ-за своихъ убѣжденій. Пуританскій писатель высказывается рѣзко противъ англиканской церкви Она полна язычества и раболѣпства; свѣтская власть не должна господствовать надъ служителями божьими, Христосъ — единый глава церкви. Пуритане осуждали въ окружающемъ обществѣ страсть къ развлеченіямъ, пышные свѣтлые костюмы, веселые праздники, музыку, картины, охоту, все, что тѣшитъ глазъ и ухо. Подъ вліяніемъ строгаго ученія въ англійскомъ обществѣ появился особый типъ характеровъ. Пуританинъ смотритъ на жизнь, какъ на непрерывное исполненіе

Digitized by Google

возвышеннаго долга. Онъ вырабатываетъ себѣ волю, онъ методиченъ, заранѣе придумываетъ выраженія, не тратитъ лишнихъ словъ, не смѣется, не даетъ фантазіи мѣста въ жизни, работаетъ самъ и не терпитъ, чтобы другіе бездѣльничали; во всей его повадкѣ, одеждѣ, жестахъ, словахъ— однообразная мрачность, какой-то вѣчный трауръ. Воскресенье, день отдыха и развлеченья, сохранившее старинную шумливость и пестроту нарядовъ, пуритане превратили въ подобіе іудейской субботы съ обязательнымъ сидѣньемъ дома, неподвижной монотонностью и чтеніемъ Писанія. Пуританствующій сквайръ (помѣщикъ) или торговецъ—образцовый хозяинъ и семьянинъ; его домашняя жизнь безукоризненна, у него сильно развито чувство собственнаго достоинства. Но онъ непріятенъ своимъ педантизмомъ, безпощадностью къ человѣческимъ увлеченіямъ, преслѣдованіемъ всего яркаго и своевольнаго. Библія заполняетъ всѣ его понятія и рѣчь, и притомъ, главнымъ образомъ, Ветхій Завѣтъ съ его неумолимымъ закономъ, пророческими видѣніями и проклятіями, съ грозными обличеніями проповѣдниковъ, выступающихъ передъ лицомъ царей, съ картинами истребительнаго мщенія Бога и нетерпимости слугъ Его. При своей ревности къ исполненію Божьяго закона, пуритане сыграли важную роль въ политическомъ освобожденіи Англіи, такъ какъ столкнулись съ церковной нетерпимостью королей.

Въ средѣ пуританъ можно было различить въ свою очередь два направленія, соотвѣтствующія германскимъ партіямъ умѣренныхъ и анабаптистовъ; но въ Англіи вторые были сильнѣе, чѣмъ въ Германіи. Умѣренные выполняли въ сущности ученіе Кальвина и составляли *пресвитеріанскую* церковь, вполнѣ сложившуюся въ Шотландіи (ея названіе отъ свѣтскихъ выборныхъ старѣйшинъ, пресвитеровъ, управляющихъ вмѣстѣ съ проповѣдниками приходомъ). Основатель англійскаго крайняго направленія, Броунъ, близкій къ голландскимъ анабаптистамъ, бѣжавшимъ отъ Альбы, объявлялъ пресвитеріанъ фарисеями, остановившимися на полдорогѣ. Государственная церковь въ его глазахъ—антихристовъ порядокъ, порочный Вавилонъ. Правильно только такое устройство, при которомъ всѣ отдѣльныя церковныя общины совершенно независимы (отсюда названіе крайнихъ—*индепендентъ*) и сносятся между собою, какъ республики. Притомъ общины должны имѣть демократическое устройство; авторитетъ священниковъ и старѣйшинъ составляетъ тиранію; всѣ члены общины равны, и въ сущности всякій можетъ быть священникомъ, потому что проповѣдь и толкованіе слова Божія—дѣло вдохновенія, непосредственной благости Христа, открывающаго истину тому, кто ея жаждетъ и кто чистъ духомъ. У индепендентовъ проповѣдь приняла характеръ свободной импровизированной рѣчи, богослуженіе составляло только общее собраніе для пѣнія псалмовъ и совмѣстнаго чтенія Библіи

Digitized by Google

Они изгоняли не только обрядъ, какъ нѣчто мертвящее, но и всякія опредѣленныя, заготовленныя слова молитвы. Впослѣдствіи горячій защитникъ индепендентства въ литературѣ, Мильтонъ („въ Иконоборцѣ"), писалъ: „Нельзя замыкать св. Духъ, побуждающій насъ къ молитвѣ, въ кучу словъ. Пусть это будутъ драгоцѣнныя и чистыя слова, пусть это будетъ манна небесная. Но все же литургія наполнена заранѣе установленными выраженіями, въ то время какъ Богъ каждое утро ниспосылаетъ въ наши сердца животворнымъ дождемъ свѣжія слова, и эта литургія, какъ залежавшаяся манна, не дастъ здоровой пищи, а произведетъ лишь червей и тлѣніе".

При Елизаветѣ пуританъ было немного; многіе послѣдователи Броуна отъ преслѣдованій англійской церкви должны были бѣжать въ Голландію, въ Америку. Но въ борьбѣ съ католической Испаніей отчасти находило себѣ выходъ пуританское увлеченіе. Елизавета даже пользовалась услугами отчаянныхъ „морскихъ собакъ", полуразбойниковъ, топившихъ испанскія суда, которые пѣли псалмы „подъ носомъ Филиппа".

Короли и парламентъ въ первой трети XVII в. Положеніе измѣнилось при ея преемникахъ. Послѣ ея смерти (1603) въ Англіи вступила новая династія шотландскихъ Стюартовъ, родственныхъ Тюдорамъ. Шотландія сохранила свое особое политическое и церковное устройство при общемъ съ Англіей королѣ. Этотъ король, Іаковъ I, сынъ казненной при Елизаветѣ католички Маріи Стюартъ, выросъ въ маленькой странѣ, гдѣ въ сущности положеніе его было весьма жалко. Со временъ грознаго Нокса, ученика Кальвина, основателя шотландской церкви, очень вліятельные пресвитеріанскіе священники привыкли громить свѣтскихъ правителей. Когда Іаковъ позвалъ одного изъ нихъ, Мельвиля, въ свой совѣтъ, обвиняя его въ поднятіи мятежа, священникъ сказалъ: „Въ Шотландіи два государя и два государства. Есть государь Іисусъ Христосъ, его государство—церковь, и есть его подданный Іаковъ; въ этомъ государствѣ онъ—не король, не повелитель, а членъ церкви; и онъ не можетъ приказывать тѣмъ, кого Христосъ призвалъ бодрствовать надъ церковью". Среди этой принижающей обстановки сложились у Іакова огромныя притязанія, которыя онъ любилъ излагать самъ въ ученыхъ сочиненіяхъ, рѣчахъ и манифестахъ. По его мнѣнію, Богъ особенно покровительствуетъ наслѣдственной монархіи; власть монарха по праву деспотическая; онъ исполняетъ законъ только по доброй волѣ; всѣ законы, которые ограничиваютъ королевскую *прерогативу* (такъ въ Англіи назывались права короля въ законодательствѣ и управленіи),— простыя уступки милости королевской, которыя король можетъ взять назадъ, когда ему угодно. Юристы не смѣютъ обсуждать вопроса о границахъ королевской власти, потому что кощунственно спорить о томъ,

Digitized by Google

что сдѣлалъ Богъ. Назойливое заявленіе этой божественной теоріи власти тѣмъ болѣе должно было раздражать, что король былъ безтактенъ и непослѣдователенъ и въ серьезныхъ столкновеніяхъ съ парламентомъ обыкновенно отступался отъ своихъ требованій.

Увѣренный въ томъ, что „если нѣтъ епископа, то нѣтъ и короля", Іаковъ I находилъ сильнѣйшую опору своимъ стремленіямъ въ епископахъ англиканской церкви. По теоріи, выставленной ими, абсолютная монархія—единственная правильная форма, отвѣчающая Божьей волѣ и природѣ человѣческой, а тѣ права, на которыхъ настаиваетъ парламентъ,—безбожный захватъ; народъ не можетъ считаться источникомъ власти, потому что онъ образуетъ „безпорядочную толпу". Оксфордскій университетъ, находившійся подъ вліяніемъ высшаго духовенства, объявилъ, что подданные ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣютъ права сопротивляться своимъ государямъ, хотя бы и для собственной защиты; это заявленіе было прямо противоположно знаменитому положенію Великой Хартіи о правѣ сопротивленія королю, когда онъ нарушаетъ законъ.

Съ самаго начала правленія Іакова I въ Англіи пуританское низшее духовенство подверглось гоненію: многіе священники были лишены своихъ мѣстъ. Уже это вызвало недовольство парламента, въ который стали все болѣе и болѣе проникать пуритане. Другимъ основаніемъ для столкновеній съ королемъ былъ *финансовый* вопросъ. До конца XVI в. короли, располагая большими домэнами, сравнительно мало зависѣли отъ парламента въ денежныхъ дѣлахъ. Къ этому времени съ развитіемъ широкой международной политики въ Европѣ, при постоянныхъ столкновеніяхъ Англіи съ Испаніей и Франціей, сильно выросли государственные расходы; въ то же время, благодаря революціи цѣнъ, понизились деньги и упала доходность королевскихъ владѣній. Надо было изыскивать новые финансовые источники. Королева Елизавета уже пыталась въ концѣ своего правленія извлекать особый королевскій доходъ изъ развивающейся англійской торговли: она стала продавать *монополіи*, т.-е. права отдѣльныхъ купцовъ или компаній на исключительную торговлю извѣстными товарами. Но парламентъ поднялъ сильный протестъ, и королева, никогда не доводившая дѣло до столкновеній, обѣщала отмѣнить монополіи.

Стюарты стали править въ Англіи въ эпоху критическую, когда финансовыя затрудненія дошли до крайности: при всякомъ новомъ налогѣ или способѣ взиманія они встрѣчались съ крайнимъ недовѣріемъ парламента, который искалъ причины огромной траты денегъ въ неумѣлой политикѣ или въ злоупотребленіяхъ королевскихъ чиновниковъ. Іаковъ I предложилъ парламенту уничтожить старые феодальные выкупы и уплаты, поступавшіе въ пользу короля при продажѣ помѣстій, и взамѣнъ

Digitized by Google

соизволилъ правительству постоянный налогъ въ размѣрѣ 200.000 фунтовъ (2 мил. рублей). Но этотъ „большой контрактъ“ не былъ принятъ парламентомъ. Тогда правительство обратилось опять къ монополіямъ.

Парламентъ 1621 г., созванный послѣ семилѣтняго перерыва, жаловался на беззаконіе такихъ взиманій и требовалъ суда надъ королевскими совѣтниками, которые обогащались при раздачѣ промышленныхъ привилегій, скрытой отъ контроля общества; между обвинявшимися былъ великій ученый Фрэнсисъ Бэконъ, въ своей жизни человѣкъ далеко не безукоризненный. Король выдалъ Бэкона: онъ былъ осужденъ за взятки и лишенъ должности канцлера. Отношенія между королемъ и парламентомъ обострились: противъ королевской теоріи власти пуритане стали выдвигать свое ученіе о *народовластіи*, укрѣпившееся на примѣрѣ ихъ церковной жизни. Обѣ стороны ссылались на Библію и на прошлое Англіи, толкуя ихъ указанія въ свою пользу. На требованіе короля воздержаться отъ обсужденія политики депутаты заявили, что „свобода парламента составляетъ древнее и несомнѣнное право и наслѣдіе англичанъ... что при веденіи и обсужденіи этихъ дѣлъ всякій членъ палаты долженъ имѣть свободу рѣчи“. Іаковъ велѣлъ принести протоколы парламента и собственноручно вырвалъ страницы, на которыхъ былъ вписанъ этотъ протестъ.

Послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго своего паденія при Тюдорахъ парламентъ поднимается съ новой силой. Въ Англіи начала XVII в. было много основаній для протеста общества, и главное заключалось въ неумѣлой торговой и вообще внѣшней политикѣ Стюартовъ; пуританство усилило недовольство и придало ему характеръ борьбы за общіе принципы. Въ парламентѣ 1625 г. говорили, что Англія—единственная страна въ Европѣ, сохранившая свободу.

Разладъ между королемъ и парламентомъ сталъ еще сильнѣе при преемникѣ Іакова, Карлѣ I. Болѣе гибкій, чѣмъ отецъ, онъ былъ опаснѣе для противниковъ; король считалъ въ политическихъ дѣлахъ данное слово пустою формальностью, а обманъ и нарушеніе обѣщаній—законнымъ, естественнымъ средствомъ: въ этомъ состоитъ королевское „искусство“; долгъ короля—укрѣплять прерогативу; все хорошо, что къ этому ведетъ. Англія продолжала неудачную внѣшнюю политику: королевскій фаворитъ (Бэккингэмъ) безъ успѣха водилъ морскія экспедиціи, одну противъ Испаніи, другую противъ Франціи на защиту ларошельскихъ гугенотовъ. Финансовыя средства правительства не отвѣчали большимъ чрезвычайнымъ расходамъ. Всякій разъ, какъ король собиралъ парламентъ, Нижняя палата соизволяла лишь небольшія суммы, но вмѣстѣ съ тѣмъ громко выражала рядъ жалобъ на управленіе и требовала отставки Бэккингэма. Король принимался тогда дѣйствовать

Digitized by Google

помимо парламента: взималъ пошлины сверхъ годового срока, на который онѣ разрѣшались парламентомъ, и собиралъ деньги съ населенія по способу принудительнаго займа: тѣхъ, кто не хотѣлъ ссужать короля, или забирали въ солдаты, или сажали въ тюрьму, пока не уплатятъ. Пятеро арестованныхъ дворянъ апеллировали къ высшему королевскому суду и потребовали, чтобы тюремщикъ представилъ судьямъ письменное объясненіе причины ихъ заключенія; судьи поколебались признать приказъ королевскаго совѣта достаточнымъ основаніемъ для ареста. Король распорядился выпустить заключенныхъ и собралъ новый парламентъ. Но протестъ въ немъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Во главѣ протестующихъ стояли два выдающіеся оратора, Вентвортъ и Эліотъ, оба изъ пяти арестованныхъ. Вентвортъ, собственно говоря, сторонникъ сильной королевской власти, не хотѣлъ, чтобы она принимала незаконныя формы, и требовалъ отъ правительства обѣщанія, что нарушеній впредь не будетъ. Эліотъ, напротивъ, хотѣлъ сильнаго парламента и настоялъ на подачѣ въ 1628 г. большого общаго заявленія, такъ наз. *петиціи о правѣ*. Составители ея ссылались на основныя положенія Великой Хартіи и выводили изъ нея рядъ требованій: 1) чтобы средства на государственные расходы взимались не иначе, какъ съ согласія парламента, 1) чтобы король не ставилъ солдатъ на постой и не производилъ этимъ путемъ насилія для взиманія податей и 3) чтобы не совершалось произвольныхъ арестовъ и заключеній въ тюрьму безъ суда.

Король принялъ петицію и обратилъ ее въ законъ, но продолжалъ всякаго рода нарушенія права; онъ рѣшилъ распустить несговорчивый парламентъ. Тогда въ палатѣ разыгралась послѣдняя бурная сцена. Члены оппозиціи заперли изнутри двери залы; среди стука оружія присланной королемъ стражи возбужденные депутаты, удерживая за руки на мѣстѣ спикера (предсѣдателя), пытавшагося закрыть засѣданіе, приняли, по предложенію Эліота, слѣдующую резолюцію: „всякій, кто нарушаетъ религіозный строй, всякій министръ, собирающій субсидіи, не вотированныя въ парламентѣ,—врагъ государства и общества; всякій подданный, добровольно согласившійся подчиниться противозаконнымъ актамъ и требованіямъ, — измѣнникъ англійской свободѣ и врагъ ея“. Эліотъ поплатился за свою смѣлость: его обвинили въ мятежѣ противъ короля и посадили опять въ тюрьму. Эліотъ заболѣлъ отъ дурного содержанія и умеръ въ заключеніи.

Правленіе безъ парламента. Послѣ этого Карлъ сдѣлалъ попытку править безъ парламента и не созывалъ его послѣдовательно въ теченіе 11 лѣтъ (1629—40). На сторону короля неожиданно перешелъ вождь оппозиціи Вентвортъ и сталъ первымъ сторонникомъ короны. Возведенный въ званіе графа Страффорда, онъ предложилъ систему дѣйствія

Digitized by Google

„напроломъ“, безпощаднаго истребленія оппозиціи; оба, и король, и его министръ, находились подъ впечатлѣніемъ успѣховъ Ришельё. По мнѣнію Страффорда, важнымъ средствомъ для утвержденія королевской власти должно было служить войско. Онъ воспользовался возстаніемъ въ Ирландіи, куда его назначили намѣстникомъ, чтобы сформировать тамъ отряды. Одновременно съ нимъ дѣйствовалъ въ пользу монархіи первый архіепископъ Лоудъ: враждебный пуританству, онъ вмѣстѣ со многими высшими прелатами склонялся къ обрядности и церковнымъ понятіямъ католичества, при чемъ считалъ англійскую церковь только внѣшнимъ образомъ отдѣлившейся отъ Рима. Лоудъ старался возстановить безбрачіе священниковъ и тайную исповѣдь, возвеличить епископатъ, возстановить „красоту святости“, т.-е. пышность и благолѣпіе убранства церквей и богослуженія. Учрежденная еще при Елизаветѣ Высокая комиссія по дѣламъ церкви дѣйствовала теперь противъ пуританъ, какъ настоящая инквизиція. Прайннъ, написавшій рядъ грозныхъ памфлетовъ противъ всего „языческаго“, особенно противъ театровъ, „чортовыхъ храминъ“, задѣвая и короля, котораго онъ сравнивалъ съ Нерономъ, былъ присужденъ къ позорному столбу, отрубленію ушей и тюрьмѣ. Множество пуританъ стали выселяться въ Америку.

Ни свѣтская, ни церковная власть не могли однако достигнуть въ Англіи тѣхъ результатовъ, какъ въ Испаніи и Франціи, не могли вернуть католичество и установить бюрократію. Въ то время, какъ католичество крѣпко держалось въ Испаніи среди народной массы, а ересь была движеніемъ немногихъ образованныхъ людей, въ Англіи, наоборотъ, близко къ католичеству стояли лишь высшіе слои общества и то частью, а пуританство стало большой народной силой. Отличіе отъ Франціи было также велико. У англійскаго парламента были гораздо болѣе прочныя *традиціи* (привычки и связи съ прошлымъ), чѣмъ у генеральныхъ штатовъ: созывъ парламента никогда не прекращался, подобно штатамъ, на десятки лѣтъ. Англійскій король не имѣлъ арміи чиновниковъ въ своемъ распоряженіи; вмѣсто нихъ въ графствахъ и городахъ были совѣты и должностныя лица, выбираемыя населеніемъ: они завѣдовали раскладкой и сборомъ подати, наблюдали за порядкомъ. Въ Англіи не было ничего похожаго на вездѣсущихъ интендантовъ Ришельё, слѣдившихъ и за администраціей, и за населеніемъ, разобщеннымъ по областямъ. Король встрѣчался въ парламентѣ съ большой сплоченной массой выборныхъ людей отъ тѣхъ самыхъ классовъ общества, которые держали въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе.

Наконецъ, еще выгоднымъ отличіемъ англійскихъ порядковъ отъ французскихъ была постановка *суда*. Съ давнихъ поръ въ Англіи укрѣпилось сознаніе, что для всѣхъ людей въ государствѣ долженъ дѣй-

Digitized by Google

ствовать одинакій законъ, „общее право“, и этому сознанію въ свое время содѣйствовали много короли, вытѣсняя произвольный и раздробленный феодальный судъ своей строгой юстиціей при участіи мѣстныхъ людей въ качествѣ присяжныхъ. Французскій судъ не имѣлъ этого публичнаго характера, въ немъ не участвовали представители общества; важнѣйшія дѣла „изымались“ правительствомъ въ свое вѣдѣніе, и въ особенности выработался обычай не отдавать чиновниковъ на общій судъ, а разбирать ихъ злоупотребленія или карать ихъ въ канцеляріяхъ домашнимъ, тайнымъ образомъ; во Франціи не было сознанія равенства всѣхъ передъ закономъ, а потому у отдѣльныхъ людей не было сознанія незыблемости своихъ правъ, которое держится увѣренностью получить защиту отъ общаго для всѣхъ суда.

Все значеніе суда въ Англіи выступило въ одномъ процессѣ эпохи безпарламентскаго правленія, служившемъ вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣстникомъ революціонной бури. Страффордъ посовѣтовалъ королю ввести „корабельную подать“. Такъ назывался налогъ, плативщійся за 500 лѣтъ до того частью англійскаго населенія для снаряженія флота противъ набѣговъ датчанъ. Налогъ былъ не великъ, но важенъ для правительства, потому что существовалъ *до установленія* парламента. Повидимому, король, не нарушая положеній петиціи о правѣ, могъ бы взимать его безъ обращенія къ парламенту; такимъ образомъ удалось бы создать *прецедентъ*, т.-е. случай, на который впослѣдствіи можно было ссылаться какъ на совершившійся фактъ, не опровергнутый законами и слѣдовательно ставшій закономъ; Страффордъ надѣялся, пользуясь этимъ началомъ, расширить королевскую прерогативу еще далѣе относительно сбора налоговъ вообще. Большое значеніе имѣло то обстоятельство, что судьи Англіи допустили правильность корабельной подати.

Однако Гемпденъ, провинціальный дворянинъ, рѣшилъ на судѣ же доказать неправильность новаго налога. Онъ не заплатилъ своей доли и предсталъ предъ обвиненіемъ. Король со своей стороны желалъ суда по этому дѣлу. Изъ 12 судей 5 высказались за Гемпдена и 7 противъ. Онъ былъ осужденъ, но нравственно, конечно, выигралъ: въ сущности судили не его, а королевскую политику, и важно было то, что простой гражданинъ выступилъ ея обвинителемъ. Побѣда короля была слаба, и дальше идти по пути, указанному Страффордомъ, было трудно.

Королевская система рухнула въ 1640 г. вслѣдствіе возстанія шотландцевъ. Карлъ I и Лоудъ пытались ввести строгую епископальную церковь съ католическими чертами и въ Шотландіи, гдѣ вполнѣ утвердилось пресвитеріанство еще за 70 лѣтъ до того. Англійскіе пуритане были возмущены: Прайннъ, сидя въ тюрьмѣ, выпустилъ памфлетъ, гдѣ называлъ епископовъ „дьяволами въ ризахъ, грабителями душъ, ору-

Digitized by Google

діями Антихриста". Правительство опять распорядилось арестовать нѣсколькихъ памфлетистовъ, но толпы лондонцевъ провожали ихъ въ тюрьму, выражая громкое сочувствіе. Шотландцы составили *ковенантъ*, договоръ о сопротивленіи королю и официальной церкви; войско шотландскихъ мятежниковъ заняло сѣверъ Англіи, а у Карла не было денегъ, чтобы бороться съ ними. Тогда пришлось снова обратиться къ парламенту.

Реформы Долгаго парламента. Въ ноябрѣ 1640 г. собрался самый знаменитый въ исторіи Англіи парламентъ, такъ наз. Долгій (онъ не расходился болѣе 12 лѣтъ). Въ немъ сидѣли самые талантливые литераторы, юристы, ораторы и публицисты Англіи; ему пришлось поднять чуть ли не всѣ политическіе вопросы, которые потомъ волновали страну въ теченіе 2-хъ вѣковъ. Парламентъ 1640 г. сразу выдѣлился отъ своихъ предшественниковъ. Съ самаго начала уже опредѣлились заранѣе организованныя партіи. Признанный глава *оппозиціи*, т.-е. противниковъ королевскаго и церковнаго абсолютизма, Джонъ Пимъ объѣхалъ почти всю Англію, развивая основныя идеи своей партіи и вербуя сторонниковъ; въ самомъ собраніи подъ его вліяніемъ выработался правильный методическій порядокъ дѣятельности.

Первымъ дѣломъ парламента было опрокинуть орудія возникающей абсолютной монархіи и отмѣнить всѣ дѣйствія эпохи управленія безъ парламента. Онъ уничтожилъ Звѣздную палату (судъ по дѣламъ измѣны королю) и Высокую комиссію, объявилъ незаконной корабельную подать и запретилъ какіе-либо сборы безъ согласія парламента, призналъ неправильнымъ рѣшеніе суда по дѣлу Гемпдена, освободилъ изъ тюрьмы Прайнна и другихъ мучениковъ пуританства. Общественное раздраженіе сосредоточилось на Страффордѣ, который казался настоящимъ олицетвореніемъ осужденной ненавистной системы. Нижняя палата обвинила его передъ Верхней въ государственной измѣнѣ; но какъ ни искусно велъ процессъ Пимъ, доказательствъ такого обвиненія не удалось установить, и парламентъ прибѣгъ къ исключительному закону, объявившему Страффорда внѣ защиты права. Король выдалъ своего министра, и онъ былъ казненъ. Нарушеніе традицій со стороны короля вызвало теперь нарушенія со стороны парламента: рѣшено было считать парламентъ независимымъ отъ королевскаго призыва или распущенія; собраніе можетъ закрыться только съ собственнаго согласія; въ случаѣ, если король не созываетъ палаты въ теченіе трехъ лѣтъ, избиратели приступаютъ сами къ выбору представителей, и парламентъ сходится самъ собою. Король все уступалъ, въ надеждѣ на постороннія силы, которыми онъ хотѣлъ сломить парламентъ: за шотландцами признали положенія ковенанта, ирландскимъ католикамъ дали обѣщанія. Въ Ирландіи поднялось возстаніе, въ которомъ погибли тысячи протестантовъ и англійскихъ поселенцевъ.

Digitized by Google

До этой минуты парламентъ дѣйствовалъ единодушно: у короля отняли возможность править произвольно, но на мѣсто прежняго управленія не установилось никакого новаго. Большинство, съ Пимомъ во главѣ, рѣшило наконецъ представить королю *Великую ремонстрацію* съ изложеніемъ основной политической реформы; они настаивали: 1) на передачѣ верховенства въ церковныхъ дѣлахъ парламенту вмѣсто короля, или, другими словами, на введеніи пресвитеріанскаго строя, 2) на установленіи *отвѣтственности министровъ* короля передъ парламентомъ. Ремонстрація была направлена къ тому, чтобы лишить короля самостоятельности и сдѣлать орудіемъ парламента. Она вызвала сильную борьбу: въ парламентѣ отдѣлилось довольно значительное число умѣренныхъ, которые были противниками односторонняго господства короля, но не хотѣли передачи управленія парламенту. Карлъ I отнесся однако къ этой партіи съ недовѣріемъ; у него сложился планъ насильственнаго переворота въ родѣ личнаго вмѣшательства французскихъ королей въ засѣданія штатовъ и парламента. Онъ появился съ большой свитой въ Нижней палатѣ и потребовалъ выдачи пятерыхъ депутатовъ, между ними Пима и Гемпдена, обвиняя ихъ въ измѣнѣ. Но ихъ не оказалось въ залѣ: они были предупреждены объ опасности. При выходѣ короля его осыпали криками „привилегія, привилегія!“ (такъ назывались издавна установленныя права парламентскихъ членовъ въ противоположность королевской прерогативѣ).

Заволновался огромный Лондонъ; старая торговая часть его, Сити, скрыла у себя пятерыхъ и объявила себя въ пользу парламента. Они съ торжествомъ вернулись въ палату, а король въ виду враждебнаго отношенія столицы покинулъ ее.

Гражданская война въ Англіи. Король и парламентъ были въ открытомъ разладѣ; обѣ стороны начали собирать войска. Населеніе Англіи раздѣлилось между ними приблизительно поровну. Аристократія и джентри большею частью стали на сторону короля, къ нему устремились провинціальные дворяне изъ своихъ замковъ. Нѣкоторая часть дворянства, горожане, торгово-промышленное населеніе, мелкіе землевладѣльцы (йомены) были за парламентъ. Очень ясно обнаружилось религіозное раздѣленіе; въ то время, какъ католики и англиканцы держались за короля, пресвитеріане и болѣе крайніе сектанты, выдвигавшіеся въ это время, были на сторонѣ парламента. Дѣленіе политическое и религіозное совпадало отчасти съ географическимъ: сѣверъ и западъ Англіи, а также Уэльсъ, мѣстности съ населеніемъ, сравнительно рѣдкимъ и менѣе развитымъ, были на сторонѣ короля, тогда какъ южная и восточная Англія, съ Лондономъ и другими значительными городами, области гуще населенныя, болѣе зажиточныя и просвѣщенныя, держались за парла-

Digitized by Google

ментъ. Враги дали другъ другу клички кавалеровъ (придворныхъ) и круглоголовыхъ (опрощенныхъ, такъ какъ пуритане возставали противъ модныхъ костюмовъ и ношенія локоновъ).

Война шла вначалѣ весьма вяло; впереди на королевской и на парламентской сторонѣ стояли люди, которые желали соглашенія. Король пользовался бо́льшимъ успѣхомъ: въ его войскѣ имѣлись офицеры и солдаты, побывавшіе въ школѣ тридцатилѣтней войны. Два обстоятельства измѣнили дѣло въ пользу парламента. Пимъ заключилъ союзъ съ шотландскими пресвитеріанами: въ Англіи парламентъ ввелъ то же самое устройство, какъ въ Шотландіи, и уничтожилъ епископатъ. Еще гораздо важнѣе было вступленіе въ парламентское войско индепендентовъ, т.-е. представителей различныхъ крайнихъ пуританскихъ сектъ. Въ ихъ средѣ сложилось понятіе „о новомъ образцѣ“ жизни, и они считали рѣшительную войну путемъ къ торжеству истиннаго порядка и чистаго богопознанія на землѣ. Небогатый помѣщикъ, родственникъ Гемпдена, Оливеръ Кромвель, самъ горячій индепендентъ, едва не уѣхавшій въ Америку во время безпарламентскаго правленія Карла, составилъ теперь отрядъ изъ сектантовъ своей округи, большею частью йоменовъ, фермеровъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, все людей, начитанныхъ въ Библіи, съ сознаніемъ своего достоинства и самостоятельнымъ взглядомъ на вещи. Когда этотъ отрядъ „желѣзнобокихъ“ помогъ одержать первую побѣду надъ королемъ, Кромвель предложилъ парламенту реформировать всю армію, допустивъ въ нее индепендентовъ и взявъ ее на жалованье. Новое войско наполнилось скоро самыми горячими представителями различныхъ сектъ; оно сознавало себя народомъ Божіимъ. Индепенденты нѣсколько разъ разбили королевскія войска, и Карлъ бѣжалъ къ шотландцамъ.

Англія въ началѣ революціи. 1—области, ставшія за парламентъ, 2—за короля.

Революція перешла въ новый фазисъ: сторонники ограниченія королевской власти парламентомъ и пресвитеріане должны были отступить передъ настоящими побѣдителями, индепендентами, которые склонялись къ республикѣ и свободѣ совѣсти. Между пресвитеріанами и индепен-

Digitized by Google

дентами открылась такая же вражда, какъ раньше между сторонника англиканства и пуританами. Пресвитеріане оказались столь же нетер мыми, какъ епископальная церковь. Прайннъ, пострадавшій когда-то о Лоуда, гремѣлъ теперь противъ республиканцевъ и защищалъ тотъ сам театръ, въ которомъ прежде видѣлъ оскорбленіе Божіе, потому что сценѣ стали ставить пьесы въ защиту короля. Пресвитеріанское бо. шинство парламента строгой цензурой преслѣдовало свободные взгля выражавшіеся въ литературѣ: прошелъ законъ, причислявшій секты проявленіямъ „кощунства“ и осуждавшій ихъ.

Противъ этого стѣсненія выступилъ молодой индепендентскій пуб. цистъ Мильтонъ. Въ своей „Ареопагитикѣ“ онъ писалъ: „кто убивае человѣка, убиваетъ разумное существо по подобію Божію; но тотъ, в уничтожаетъ хорошую книгу, умерщвляетъ самый разумъ“. Мильто возмущался, что для напечатанія книги требуется разрѣшеніе власт „Такое требованіе можно написать только по-латыни, потому что нашемъ англійскомъ языкѣ, языкѣ людей, которыхъ слава всегда состоя въ томъ, чтобы быть первыми борцами за свободу, не найдется звуко для выраженія этого деспотическаго закона“. Мильтонъ требовалъ так свободы критики и дебатовъ по вопросамъ вѣры: „Совершенство може быть достигнуто лишь при свободномъ выборѣ между добромъ и злом Тѣ, кто кричатъ противъ схизматиковъ и сектантовъ, въ своемъ не зуміи не понимаютъ, что при строеніи храма Божія много приходи ломать и рубить камня и дерева въ горахъ и лѣсахъ, пока не создас этотъ храмъ во всемъ величіи“.

Между тѣмъ король былъ выданъ шотландцами парламенту. Ко пресвитеріане, поддерживаемые населеніемъ Лондона, задумали от латься отъ индепендентской арміи и частью распустить ее, частью править подъ начальствомъ пресвитеріанскихъ генераловъ для подав нія возстанія въ Ирландію, вооруженные сектанты, считавшіе революі незаконченной, рѣшительно воспротивились. Въ средѣ солдатъ выра талась замѣчательная организація, независимая отъ военной дисципли они сходились на правильныя собранія, открывавшіяся молитвой, вы рали представителей, такъ наз. *агитаторовъ*, которые составляли ка бы солдатскій парламентъ и въ переговорахъ съ вождями или друг посторонними силами играли роль уполномоченныхъ. Солдаты распо дились отнять короля у парламента и взять подъ собственный аре армія предъявила королю свои требованія политической реформы п названіемъ „Основныхъ предложеній“: парламентъ, избирасмый на года, долженъ засѣдать непрерывно; всѣ должности замѣщаются по значенію парламента; объявляется вѣротерпимость для всѣхъ исповѣда за исключеніемъ католиковъ. Король, по обыкновенію, затягивалъ сог

Digitized by Google

шеніе неискренними обѣщаніями и даже пытался бѣжать. Всюду поднимались люди, недовольные господствомъ арміи и не желавшіе платить налоги для содержанія ея: шотландскіе пресвитеріане вступили въ Англію на защиту короля, къ нимъ присоединились англиканцы и пресвитеріане въ самой Англіи.

Въ этой второй междоусобной войнѣ, происходившей между пресвитеріанами и индепендентами, армія опять одолѣла. Вступивъ въ Лондонъ, солдаты потребовали отъ своихъ вождей самыхъ рѣшительныхъ мѣръ: въ засѣданіе парламента явился полковникъ съ отрядомъ и „очистилъ“ его отъ пресвитеріанъ; осталось только радикальное меньшинство, державшееся республиканскихъ взглядовъ и индепенденства. Войско поставило далѣе требованіе, чтобы короля судили за измѣну передъ народомъ. Лорды Верхней палаты высказались противъ суда, но палата Общинъ не обратила вниманія на протестъ; она заявила себя избранной народомъ, а „народъ послѣ Бога составляетъ первоначальный источникъ всякой истинной власти“. Назначенный Нижней палатой судъ, подъ предсѣдательствомъ юриста Брадшо, приговорилъ Карла I въ качествѣ „тирана, измѣнника, убійцы и врага государства“ къ смертной казни. Черезъ недѣлю послѣ его смерти была уничтожена монархія, отмѣнена Верхняя палата, какъ учрежденіе „ненужное и вредное“, и провозглашена республика (commonwealth, 1649 г.).

Республика. Парламентъ назначилъ изъ своей среды для управленія *государственный совѣтъ* изъ 40 лицъ; предсѣдательствовалъ въ немъ Брадшо, въ числѣ членовъ сидѣли Кромвель, Мильтонъ и Вэнъ. Такъ какъ въ очищенномъ парламентѣ оставалось немного депутатовъ, члены государственнаго совѣта легко достигали большинства голосовъ въ пользу своихъ рѣшеній. Въ событіяхъ 1649 г. ясно обнаружилась тѣсная связь монархіи съ аристократіей и офиціальной, такъ наз. „высокой“, церковью. Республика была выступленіемъ новыхъ классовъ; но такъ какъ новый строй въ свою очередь зависѣлъ отъ побѣды религіозныхъ партій, не имѣвшихъ большинства, онъ казался очень непрочнымъ. Противъ республики высказался торгово-промышленный Лондонъ, священники; половина судей вышла въ отставку. Казнь короля должна была, по мнѣнію противниковъ монархіи, послужить къ ея подрыву, а въ дѣйствительности вызвала сочувствіе къ казненному, котораго изображали мучеником. Всюду поднимались враги республики: шотландскіе пресвитеріане, которые приняли сына казненнаго короля, Карла II, и опять шли на помощь англійскимъ единовѣрцамъ, затѣмъ ирландскіе католики. Но индепендентская армія, предводимая Кромвелемъ, вездѣ одержала блестящія побѣды. Суровый сектантскій генералъ потопилъ ирландское возстаніе въ крови. Шотландія и Ирландія должны были войти вмѣстѣ съ

Digitized by Google

Англіей въ *Унію трехъ странъ*, образовать единый церковный и политическій союзъ (этотъ союзъ—настоящій предшественникъ современнаго Соединеннаго королевства). Республика заняла очень воинственное положеніе и на морѣ, въ торговой политикѣ.

Съ конца XVI в. въ торговлѣ на сѣверѣ господствующее положеніе пріобрѣли голландцы. Ихъ быстрые успѣхи производили сильное впечатлѣніе въ Англіи: морякъ и колонизаторъ эпохи Елизаветы, Ралей, совѣтовалъ учиться у голландцевъ. Стюарты старались дружить съ Голландіей и породнились со штатгальтерами Оранскаго дома. Но нетерпимость голландцевъ, особенно въ колоніяхъ, послѣдовательное устраненіе ими чужихъ торговцевъ стали вызывать сильное раздраженіе въ Англіи. Захвативъ транзитъ товаровъ (перевозъ ихъ изъ другихъ странъ) на всемъ сѣверѣ, голландцы опредѣляли цѣны и брали произвольныя выгоды. Въ 1650 г. умеръ штатгальтеръ, зять Карла I; должность эту отмѣнили въ Голландіи, и наступило безраздѣльное господство коммерческой аристократіи, владѣвшей огромными портами Амстердама и Ротердама.

Республиканскій парламентъ Англіи попытался сломить торговое преобладаніе Голландіи *актомъ мореплаванія* (1651 г.), въ силу котораго ввозъ товаровъ въ Англію допускался или на корабляхъ англійскихъ владѣльцевъ, или на корабляхъ тѣхъ странъ, гдѣ данные товары производились. Такъ какъ голландцы производили сами очень мало, то Актъ равнялся запрету ихъ транзитной и колоніальной торговли. Воинственный законъ вызвалъ настоящую морскую войну, въ которой англичане впервые завели сильный военный флотъ, а адмиралъ новой республики Блэкъ разбилъ замѣчательныхъ голландскихъ моряковъ.

Хотя образованіе республики и свободы исповѣданія было дѣломъ небольшой группы людей радикальнаго направленія, особенно сильной въ войскѣ „святыхъ“, но и въ этой группѣ происходило новое дробленіе, и вновь выдѣлились еще болѣе крайніе взгляды.

Крайніе сектанты. Въ политическихъ вопросахъ индепенденты раздѣлились на умѣренныхъ, или джентльменовъ, главными дѣятелями которыхъ были Мильтонъ и Вэнъ, и *левеллеровъ*, „уравнителей“, между которыми особенно выдѣлялся Лильборнъ, офицеръ арміи. Во время безпарламентскаго правленія Лильборнъ распространялъ листки Прайнна и былъ осужденъ Звѣздной палатой къ бичеванію, позорному столбу и пожизненному заключенію; привязанный спиной къ телѣгѣ, онъ распѣвалъ псалмы; столбъ пригнулъ его высокую фигуру, но онъ продолжалъ говорить народу о тираніи епископовъ, пока ему не заткнули рта, тогда изъ кармановъ онъ сталъ сыпать десятки листковъ; сходя съ эшафота, онъ сказалъ: „я побѣдилъ милостью Того, Кто меня первый возлюбилъ“. Просидѣвъ два года въ тюрьмѣ, скованный по рукамъ и но-

Digitized by Google

гамъ, часто въ опасности голодной смерти, Лильборнъ былъ выпущенъ Долгимъ парламентомъ; въ войнѣ онъ былъ захваченъ кавалерами и приговоренъ къ смерти, но бѣжалъ и выступилъ съ памфлетомъ противъ лордовъ. Верхняя палата, куда Лильборнъ явился въ шляпѣ, отвергая ея судъ, посадила агитатора снова въ тюрьму; выпущенный послѣ отмѣны монархіи, онъ тотчасъ повелъ пропаганду въ арміи, протестуя противъ новыхъ „цѣпей Англіи“, противъ тирана и лицемѣра Кромвеля.

Левеллеры предлагали чисто демократическое устройство: они хотѣли ввести всеобщее избирательное право, одну палату, ежегодно возобновляемый парламентъ и совершенно отдѣлить отъ государства церковныя дѣла съ предоставленіемъ личной свободы совѣсти и отмѣной какого-либо покровительства церкви (эта демократическая программа была возобновлена потомъ въ Англіи лишь два вѣка спустя движеніемъ чартистовъ). Левеллеры защищали интересы низшихъ классовъ: самые послѣдовательные изъ нихъ находили, что весь общественный порядокъ долженъ быть измѣненъ. „Въ началѣ временъ великій творецъ Разумъ создалъ землю и положилъ ей быть общимъ достояніемъ для всѣхъ“. Нынѣшнее распредѣленіе земли между немногими произошло, по мнѣнію коммунистовъ, отъ того, что ее захватили воины Вильгельма Завоевателя; но она должна принадлежать тѣмъ, кто на ней работаетъ. Недалеко отъ Лондона появились нѣсколько человѣкъ съ заступами, поселились въ шатрахъ и стали копать нераспаханные холмы, чтобы показать всѣмъ примѣръ истинной общности имуществъ и доказать этимъ „неоспоримую справедливость порядка, при которой рабочій людъ пашетъ, сѣетъ и живетъ на общественной землѣ“.

Въ религіозныхъ вопросахъ отъ умѣренныхъ индепендентовъ также отдѣлились люди крайнихъ направленій, которые видѣли въ революціи лишь начало великаго переворота на землѣ, приготовленіе ко второму пришествію и концу міра. По пророчеству Даніила міру наступитъ конецъ послѣ господства четырехъ великихъ монархій; возбужденные великимъ ожиданіемъ, сектанты говорили о приближеніи послѣдней божественной *пятой монархіи*, которая и будетъ тысячелѣтнимъ царствомъ Христа на землѣ. Изъ сѣверныхъ областей устремились черезъ Лондонъ богомольцы, отыскивая святой градъ, въ которомъ они узрятъ послѣднія событія міра. Другіе понимали пришествіе Христа, какъ духовное перерожденіе просвѣтленной личности вѣрующаго. Христосъ можетъ явиться каждую минуту и избрать любого человѣка своимъ воплощеніемъ. Одинъ изъ бывшихъ офицеровъ кромвелевской арміи, Нэйлеръ, сознавая себя такимъ воплощеніемъ, въѣхалъ въ Бристоль, какъ въ новый Іерусалимъ: его сторонники громко оповѣстили объ этомъ весь городъ, женщины разстилали одежды и опускались передъ нимъ на

Digitized by Google

колѣни, его привѣтствовали возгласами: „Осанна, сыну Давидову!“ Всѣ эти движенія крайнихъ сурово подавлялись Кромвелемъ, который раздѣлялъ взгляды умѣренныхъ, джентльментовъ.

Протекторатъ Кромвеля. Мѣжду тѣмъ остатокъ Долгаго парламента („Охвостье“, по прозванію противниковъ), ставшій верховной властью въ республикѣ, вызывалъ общее недовольство.

Съ 1647 г., когда солдаты захватили короля, индепендентское войско направляло всѣ реформы. Въ арміи говорили теперь, что мѣсто одного тирана занялъ другой, именно парламентъ, что давно надо произвести новые выборы, многихъ депутатовъ обвиняли въ незаконной наживѣ при продажѣ имуществъ, конфискованныхъ у короля и кавалеровъ. Депутатъ Генри Вэнъ предложилъ реформу выборовъ: уничтожить гнилыя мѣстечки, т.-е. лишить мелкія селенія права посылать представителей, и передать эти права крупнымъ городамъ. Реформа Вэна не прошла, и въ то же время депутаты „Охвостья“, опасаясь низверженія республики, рѣшили закрѣпить за собою мѣста въ слѣдующемъ собраніи парламента, а также устранить изъ него неугодныхъ имъ новыхъ сочленовъ. Это рѣшеніе повело къ насильственному перевороту: Кромвель ввелъ солдатъ въ парламентъ и государственный совѣтъ и, несмотря на протесты Вэна и Брадшо, разогналъ тотъ и другой. Подъ давленіемъ войска созвали на *конвентъ* (учредительное собраніе) представителей индепендентства. Противники назвали собраніе Бэрбонскимъ (Кащеевымъ) парламентомъ; „святые“, сидѣвшіе въ немъ, говорили ветхозавѣтнымъ языкомъ и много молились; но они намѣтили также рядъ важныхъ и рѣшительныхъ реформъ: объявили свободу совѣсти, ввели гражданскій бракъ, выборъ священниковъ міранами и отмѣну церковной десятины, наконецъ рѣшили замѣнить старый запутанный и дорогой англійскій судъ, съ его ссылками на законы разныхъ временъ—простымъ и дешевымъ производствомъ на основѣ единаго судебнаго устава.

Бэрбонскій парламентъ возстановилъ противъ себя цѣлые классы, особенно священниковъ и юристовъ. Онъ наглядно показывалъ, что индепенденты составляютъ незначительное меньшинство въ странѣ. Онъ не удовлетворялъ также и армію, и Кромвель распустилъ его. Съ согласія войска выработана была особая конституція („Договоръ о правленіи“ 1653), въ силу которой возстановили въ сущности монархію: верховная власть передавалась Кромвелю, съ титуломъ *протектора* (т.-е. регента); парламентъ изъ одной палаты, избираемый по реформѣ Вэна, получилъ законодательную власть, и протекторъ не могъ отмѣнять его рѣшенія. Но, съ другой стороны, парламентъ не былъ облеченъ настоящей силой контроля: назначеніе на должности было поставлено въ зависимость отъ протектора, и онъ получилъ право на взиманіе на-

Digitized by Google

логовъ, достаточныхъ для содержанія войска и флота. Въ своей исполнительной власти протекторъ былъ ограниченъ государственнымъ совѣтомъ съ пожизненными членами. Протекторъ былъ поставленъ болѣе независимо, чѣмъ король въ 1641 г., когда парламентъ началъ его ограничивать. Въ концѣ-концовъ, въ конституціи 1653 г. выразилось одинаково недовѣріе и къ монархіи, и къ преобладанію парламента; эти два учрежденія не были приведены въ согласіе.

Въ дѣйствительности Кромвель, опираясь на довѣріе большей части арміи, правилъ неограниченно въ теченіе 5 лѣтъ (1653—58). Одну долю требованій индепендентства онъ осуществилъ: свободу исповѣданія. Но отъ другой, установленія политической свободы, онъ былъ очень далекъ, хотя старался ввести правильныя формы. Когда созванный имъ по новой конституціи парламентъ заявилъ себя носителемъ верховной воли народа и захотѣлъ назначить членовъ государственнаго совѣта, Кромвель распустилъ его и снова далъ перевѣсъ военнымъ: Англія была раздѣлена на нѣсколько округовъ, поставленныхъ подъ управленіе генералъ-майоровъ; имъ было поручено подавить движенія монархистовъ и крайнихъ республиканцевъ и собрать для содержанія войска чрезвычайный налогъ, которымъ обложены были сторонники короля. Въ то же время Кромвель въ своей внѣшней политикѣ одерживалъ одинъ успѣхъ за другимъ. Правительство Мазарини во Франціи, сначала помогавшее пресвитеріанамъ и королю, искало теперь союза съ протекторомъ, и индепендентскіе солдаты, страшные „краснокафтанники“, перешли на материкъ, чтобы вмѣстѣ съ французами дѣйствовать противъ Испаніи: они отняли у испанцевъ опорный пунктъ въ Бельгіи противъ англійскаго берега, Дюнкеркъ; одновременно англійскій флотъ занялъ Ямайку среди вестъиндскихъ владѣній Испаніи; Блэкъ разбилъ испанцевъ въ океанѣ у Канарскихъ острововъ и впервые привелъ англійскіе корабли въ Средиземное море.

Но Англія подчинялась Кромвелю поневолѣ; огромное большинство населенія было противъ преобладанія пуританства и господства индепендентской арміи. Поэтому протекторъ сталъ искать примиренія съ оттѣсненными классами и возстановленія стараго устройства. Онъ попытался привлечь старое дворянство, отмѣнивъ безвозмездно феодальныя повинности и выкупы леновъ; старался опять устроить аристократическую Верхнюю палату; была даже рѣчь о возстановленіи монархіи съ передачей Кромвелю королевскаго титула.

Реставрація Стюартовъ и реакція. Среди этихъ затрудненій Кромвель умеръ, и протекторомъ сдѣлался его незначительный сынъ. Большинство арміи отступилось отъ него. Всюду замѣтно было движеніе недовольныхъ военщиной; выступали сторонники неограниченной или умѣренной монархіи, англиканцы и пресвитеріане, дворянство и лондонцы. Но все

Digitized by Google

еще боялись индепендентской арміи, хотя въ ея средѣ происходили большія разногласія. Рѣшеніе взялъ на себя одинъ изъ кромвелевскихъ генераловъ, Монкъ, занявшій внезапно со своимъ отрядомъ Лондонъ. Онъ предложилъ созвать „свободный“ парламентъ, т.-е. безъ давленія арміи. Этотъ парламентъ (тоже конвентъ, какъ и въ 1653 г.), составившійся наполовину изъ кавалеровъ, наполовину изъ пресвитеріанъ, рѣшилъ произвести *реставрацію*, т.-е. призвать Карла II, сына казненнаго короля. Въ свою очередь претендентъ, находившійся въ Голландіи, въ „декларации“ обѣщалъ *амнистію* (прощеніе) всѣмъ врагамъ монархіи, сохраненіе конфискованныхъ имуществъ за новыми владѣльцами и свободу совѣсти (1660).

Парламентъ привѣтствовалъ этотъ манифестъ и постановилъ, что, „на основаніи старинныхъ и основныхъ законовъ королевства, правительство состоитъ и должно состоять изъ короля, лордовъ и общинъ“. Пуританская революція окончилась. Армія индепендентовъ, вызвавшая столько недовольства въ странѣ, получила жалованье и отставку; сектанты мирно разошлись по домамъ.

Но реакція зашла гораздо дальше, чѣмъ ожидали сами возвратившіеся Стюарты. Революція была дѣломъ пуританъ и сектантовъ; она выдвинула средніе и низшіе классы и создала въ странѣ демократическое движеніе. Всѣ тѣ, кто былъ оттѣсненъ переворотомъ, сторонники епископальной церкви, аристократія и дворянство, вернулись теперь ко власти и повели борьбу противъ ненавистныхъ перемѣнъ. Раздраженіе выразилось въ самыхъ рѣзкихъ формахъ: возвратившіеся старые собственники выгоняли изъ владѣній новыхъ, несмотря на амнистію; отомстили „цареубійцамъ“, казнили Вэна, повѣсили тѣла Кромвеля и Брадшо и даже вырыли прахъ Пима и Блэка.

Въ церковныхъ дѣлахъ также началась сильная реакція. Опять заполнили всѣ епископскія мѣста, не замѣщенныя при Долгомъ парламентѣ и республикѣ. Въ первомъ парламентѣ, который собрался при Карлѣ II, партія кавалеровъ составляла огромное большинство (1661). Они выключили отъ всѣхъ должностей въ городахъ не только индепендентовъ, но и пресвитеріанъ; вступающій на службу долженъ былъ присягой *непротивленія* признать, что преступно поднимать оружіе противъ короля. Отъ священниковъ потребовали принятія англиканскаго молитвенника; въ годовщину Варѳоломеевской ночи 2000 пресвитеріанскихъ священниковъ отказались отъ своихъ мѣстъ, не желая насиловать совѣсть. Дворяне, какъ во Франціи, отступились по большей части отъ пресвитеріанства, и только торгово-промышленное населеніе городовъ осталось вѣрно ему. Пресвитеріане выключены были вмѣстѣ съ сектами отъ господствующей церкви и не могли свободно отправлять свое богослуженіе.

Digitized by Google

Но преслѣдованіе пуританъ приняло еще другое направленіе. Мрачныхъ воителей и вдохновенныхъ проповѣдниковъ-демократовъ эпохи революціи стали высмѣивать возвратившіеся изъ эмиграціи кавалеры, которые кружились около двора и новаго короля, расточительнаго и циничнаго. Бутлеръ въ „Гудибрасѣ“ изобразилъ карикатуру на революціоннаго героя-пуританина, этого послѣдняго рыцаря Англіи, отожествивъ его съ хвастовствомъ, лицемѣріемъ и скучнымъ провинціализмомъ. Открылись опять запрещенные при республикѣ и Кромвелѣ театры; въ пьесахъ, безсодержательныхъ и пустыхъ, было замѣчательно только одно— крайняя распущенность, какъ будто авторы намѣренно издѣвались надъ ненавистными пуританскими взглядами.

Внутренняя перемѣна въ сектантствѣ. Сектантство, заявившее себя смѣлой борьбой и идеями великихъ реформъ, разбитое неудачами, отступило въ глубину народной жизни. Наиболѣе непримиримые уходили массами съ родины и положили основаніе свободной Америкѣ. Туда какъ бы перешла часть демократической Англіи, сильной въ 40 и 50 годахъ, оттѣсненной реакціоннымъ движеніемъ аристократіи. Но, помимо того, въ самомъ сектантствѣ произошла внутренняя перемѣна, ослабившая его первоначальный бурный характеръ. То, что у людей, подобныхъ Лильборну и Нэйлеру, принимало форму драматическаго экстаза, воспламененнаго ожиданіемъ скораго конца міра, превратилось потомъ у многихъ въ болѣе спокойное и постоянное сознаніе въ себѣ Божьей правды, властвующей надъ всѣми поступками и мыслями человѣка. Лильборнъ самъ примкнулъ послѣ многихъ порывовъ, катастрофъ, заключеній и странствованій къ такой мирной сектѣ, „общества друзей“. Этотъ остатокъ крайняго индепендентства противники прозвали въ насмѣшку *квекерами*, т.-е. шарлатанами. Въ квекерствѣ господствуетъ понятіе о неограниченной свободѣ людей. Квекеры не допускаютъ, чтобы какая-либо внѣшняя сила могла одолѣть духовно независимаго человѣка или составить ему угрозу. Квекеръ отрицаетъ войну и ни за что не пойдетъ на службу; онъ видитъ во всякой присягѣ насиліе и признаетъ для себя возможнымъ произносить только простыя слова утвержденія; ни передъ какой властью онъ не сгибается и не снимаетъ шляпы. Но на принужденіе и насиліе онъ не станетъ отвѣчать внѣшнимъ отпоромъ; онъ будетъ терпѣть, не подниметъ оружія, но и не сдастся.

Абсолютная монархія въ европейскихъ государствахъ. Какъ ни рѣзка была реакція первыхъ годовъ возстановленія монархіи и епископата, но всеже дальше извѣстной черты она не пошла. Кавалерскій парламентъ 1661 г. совсѣмъ не хотѣлъ неограниченнаго правленія короля и его министровъ; онъ вернулся къ положенію 1641 г., когда Долгій парламентъ старался установить контроль надъ финансами и отвѣтственность

Digitized by Google

министровъ; первымъ совѣтникомъ Карла II сдѣлался Гайдъ, одинъ изъ тогдашнихъ умѣренныхъ, отдѣлившійся отъ Пима и Гэмпдена только во время Великой ремонстраціи.

Но Англія была единственной страной въ Европѣ, гдѣ удержалась ограниченная сословная монархія, сложившаяся въ XIV в. Если не считать Польшу, въ которой къ половинѣ XVII в. разстроилась и королевская власть и сословный сеймъ, то въ другихъ государствахъ, крупныхъ и мелкихъ, всюду монархія оттѣснила отъ управленія сословныя представительныя учрежденія. Въ Даніи, одновременно съ англійской реставраціей Стюартовъ (1660 г.), произошло нѣчто въ родѣ торжественнаго установленія абсолютной монархіи двумя сословіями, духовенствомъ и горожанами, противъ третьяго, дворянства.

Главное условіе этого разрушенія сословной монархіи и побѣды королевской власти надъ сословіями заключалось въ положеніи *государственныхъ финансовъ*. Со времени развитія широкой международной торговли и переворота въ цѣнахъ источники налоговъ сильно измѣнились: прежде главная подать шла съ земли, и землевладѣльческое дворянство (мѣстами съ духовенствомъ) было важнѣйшей силой, при посредствѣ которой правительство извлекало доходы изъ страны. Теперь доходность земель упала и поднялось значеніе промышленнаго производства и оборота, отъ котораго землевладѣльческій классъ стоялъ въ сторонѣ. Въ большей части европейскихъ государствъ короли съ бюрократіей успѣли захватить въ свое владѣніе новые предметы обложенія и новые источники государственныхъ налоговъ, при чемъ взяли частью на свое содержаніе своихъ старыхъ соправителей, дворянъ. Монархическимъ правительствамъ удалось сдѣлать это, пока еще не сплотились и не организовались самостоятельно новые классы, производившіе главныя богатства. Когда же случилось послѣднее, и выступила дѣятельная буржуазія (въ концѣ XVIII в.), должно было кончиться также исключительное преобладаніе монархіи.

Въ Англіи политическія событія получили иной ходъ, потому что иначе сложились отношенія экономическія и религіозныя. Землевладѣльцы остались важными производителями въ странѣ; они сохранили притомъ въ областяхъ свою старую организацію, удержали мѣстное самоуправленіе; но и другіе классы въ Англіи обнаружили большую самостоятельность и сплоченность, которая и выразилась ярко въ жизни религіозныхъ сектъ, особенно въ строѣ и идеяхъ индепендентства. Въ большомъ революціонномъ столкновеніи королю не на что было опереться, не на чемъ выиграть. Революція была главнымъ образомъ борьбой высшихъ и среднихъ классовъ между собою; высшіе классы послѣ своей побѣды вернули короля, но не въ видѣ господина надъ собою, а въ качествѣ защитника и символа своихъ привилегій.

Digitized by Google

VII.

Міровоззрѣніе XVI и первой половины XVII вѣка.

Демономанія и колдовскіе процессы. Въ умственной жизни богатаго событіями и характерами вѣка реформаціи замѣтны крупныя противорѣчія. Съ одной стороны, нѣкоторыя грубыя суевѣрія и злые предразсудки, вѣра въ волшебство, преслѣдованіе чужого мнѣнія и т. д. не только не ослабѣли въ XVI в., но даже усилились. Но въ то же время были сдѣланы поразительныя научныя открытія, которыя привели потомъ къ полному перевороту въ міровоззрѣніи и освободили человѣческое сознаніе отъ облекавшей его тьмы и страха.

Самымъ жестокимъ проявленіемъ предразсудка, вызваннаго безотчетной боязнью темнаго ума, были колдовскіе процессы. Преслѣдованіе колдуновъ и вѣдьмъ, въ число которыхъ, казалось, готовы были занести чуть не половину всѣхъ людей, основывалось на вѣрѣ въ повсемѣстную и непосредственную дѣятельность дьявола. Злая сила подстерегаетъ человѣка на каждомъ шагу своими соблазнами, пугаетъ ужасами, разстраиваетъ жизнь, внушаетъ преступныя побужденія. Дьяволъ посылаетъ бурю, градъ, чуму, всякаго рода болѣзни; отъ него—всѣ мученія человѣческаго тѣла, всѣ несчастія, и еще онъ ждетъ себѣ въ добычу человѣческую душу послѣ смерти, погубивъ ее при жизни своими кознями. Мыслью о чортѣ наполняется весь день: это онъ положилъ камень, о который споткнулся человѣкъ, онъ сглазилъ здороваго и заразилъ его, онъ воетъ ночью въ трубѣ, онъ качаетъ въ тактъ тѣла повѣшенныхъ, онъ бѣжитъ черной кошкой, онъ перебросился обломкомъ гвоздя, отлетѣвшимъ на крышу дома. Противъ этого животнаго страха передъ нечистымъ нельзя было подѣйствовать никакими доводами, и его раздѣляло огромное большинство людей. Но при этомъ думали еще, что дьяволъ избираетъ себѣ между людьми особыя орудія своей воли; онъ даетъ имъ силу соблазнять другихъ, творить злыя чудеса, смущать волшебствомъ воображеніе; его посредники, колдуны и вѣдьмы, въ которыхъ онъ вселяется, могутъ переноситься съ быстротой вихря за тысячи верстъ, оборачиваться въ звѣрей, особенно волковъ, покидать свое тѣло и принимать видъ другого лица и т. д. Чтобы оберечься отъ дьявола, надо уничтожать его орудія, жечь злыхъ волшебниковъ.

Ихъ открытіемъ и наказаніемъ непрерывно занимались особые суды; всюду десятки, сотни людей добровольно служили этимъ судамъ, выслѣживали, доносили о подозрительныхъ. Признаки виновности опредѣлялись подъ давленіемъ того же паническаго страха: во первыхъ, колдунами и вѣдьмами были всѣ сумасшедшіе и вообще психически ненор-

Digitized by Google

мальные и разстроенные люди, „одержимые бѣсомъ“, по старинному обозначенію; но обвиненіямъ подпадали также всѣ, по нашему опредѣленію, нѣсколько нервные люди, всѣ сколько-нибудь оригинальные, выдѣляющіеся какой-нибудь странностью, рѣдкимъ и особеннымъ качествомъ. Болѣе всего свирѣпствовало дикое подозрѣніе въ отношеніи женщинъ: тутъ сказывался и старый злой монашескій взглядъ, что „женщина— сосудъ дьявола“, и языческія повѣрія о вѣщихъ женщинахъ. Вѣдьмъ сжигали въ невѣроятномъ количествѣ; чуть не всякая старуха ходила подъ страхомъ прослыть вѣдьмой, попасть сначала подъ пытку, гдѣ у несчастныхъ добывали нерѣдко страшныя сумасшедшія признанія, а потомъ на костеръ. Часто замѣшивались корыстныя и преступныя побужденія: мужья обвиняли женъ въ вѣдовствѣ, когда хотѣли отдѣлаться отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что церковь не допускала развода; обвиняли изъ вражды, чтобы воспользоваться конфискованнымъ имуществомъ казненнаго. Но по большей части поддавались безотчетной дикой вѣрѣ.

Всего хуже было то, что наука поддерживала и укрѣпляла предразсудокъ. Въ эту эпоху написано огромное количество ученыхъ сочиненій, гдѣ подлинное вмѣшательство дьявола и злое волшебство его пособниковъ педантически доказывалось тысячью примѣровъ, массой ссылокъ на свидѣтельства святыхъ, гдѣ описывались подробно признаки вѣдуновъ, указывались средства борьбы съ ними. Одно изъ крупнѣйшихъ произведеній XVI в. въ пользу гоненія на колдуновъ принадлежитъ Бодэну. Католики и протестанты одинаково раздѣляли вѣру. Реформація не только не ослабила ее, но даже усилила; пуритане со всею строгостью нравственныхъ требованій были особенно безпощадны къ воображаемымъ орудіямъ дьявола, и въ Англіи никогда не было такого множества процессовъ и не было сожжено столько вѣдьмъ, какъ во время пуританской революціи.

Астрологія. Другой предразсудокъ, крайне развившійся въ теченіе той же эпохи и также поддержанный наукой, заключался въ такъ наз. астрологіи. Вѣра въ возможность читать на сверкающемъ небесномъ коврѣ земныя судьбы идетъ изъ древняго Вавилона и перешла къ новоевропейцамъ черезъ грековъ, римлянъ и еще позднѣе черезъ арабовъ. Въ XVI в. чтеніе таинственнаго небеснаго письма и гаданіе по его знакамъ получило систематическую форму въ рядѣ ученыхъ сочиненій; безпокойная мысль о предвѣщаніяхъ, начертанныхъ огненными знаками на міровомъ сводѣ, охватила всѣ умы. Короли и князья держали при своихъ дворахъ ученыхъ астрологовъ, которые обязаны были подробнымъ отчетомъ о наблюденіяхъ и постоянными предсказаніями будущаго, особенно же составленіемъ гороскоповъ для войнъ, для свадебъ, для нарождающихся принцевъ. Карлъ V и Францискъ нанимали астрологовъ, чтобы убѣдить

Digitized by Google

общественное мнѣніе, каждый въ правотѣ и успѣшности своего дѣла. Королева Екатерина Медичи необычайно довѣряла гадателю Нотредаму послѣ того, какъ онъ вѣрно предсказалъ въ своемъ календарѣ будущаго (подъ заглавіемъ „Столѣтія“) смерть ея мужа. Валленштейнъ съ начала карьеры руководился сильнѣйшей вѣрой въ свою звѣзду; астрологи были его главными совѣтниками. Всѣ, кто сколько-нибудь располагали средствами, добывали себѣ и своимъ близкимъ гороскопы у астрологовъ. Успѣхъ промышленныхъ предпріятій, особенно связанныхъ съ заморскими путешествіями, вычислялся по положенію свѣтилъ. Но астрологія проникала также въ широкія народныя массы, соединяясь съ ожиданіемъ страшнаго суда и свѣтопреставленія или послѣдней божественной монархіи на землѣ: возстанія XVI в., особенно великая крестьянская война въ Германіи 1525 г., поднимались при горячемъ убѣжденіи участниковъ, что наступили всѣ небесные признаки великой катастрофы міра; между агитаціонными листками, ходившими въ народѣ передъ революціей, видное мѣсто занимали астрологическія картинки, фигуры и предсказанія.

Въ основѣ астрологіи лежало общее понятіе о мірозданіи, которое достигало у ученыхъ ея представителей возвышеннаго характера. Міръ казался имъ великимъ гармоническимъ цѣлымъ, чуднымъ громаднымъ механизмомъ наподобіе большихъ часовъ съ искусно прилаженными колесами, которыя міроправитель приводитъ въ согласныя движенія, заставляя звучать въ тактъ все, начиная отъ великихъ сферъ и кончая человѣческой душой; свѣтила — это лучи истекающей изъ центра міровой энергіи; человѣческое существо состоитъ изъ тѣхъ же четырехъ основныхъ стихій, которыя образуютъ міровыя соединенія, отсюда—постоянное притяженіе человѣческой природы къ явленіямъ мірового цѣлаго, отсюда закономѣрность міровой жизни сверху донизу, отъ великаго до малаго. Эти идеи „натуръ-философіи“ занимали самые крупные умы XVI и XVII вв., направляя на таинственную науку неба Меланхтона, Тихо Браге, Кеплера, Бэкона. Свѣтлое ученіе о гармоническомъ дѣйствіи міровой энергіи служило нѣкоторымъ противовѣсомъ демономаніи, страху передъ вездѣсущей дьявольской силой.

Великія астрономическія открытія и переворотъ въ міровоззрѣніи. Интересъ къ движеніямъ небесныхъ тѣлъ вызывалъ потребность въ точныхъ наблюденіяхъ, описаніяхъ и таблицахъ. Во всѣхъ крупныхъ городахъ Германіи имѣлись обсерваторіи. Сама церковь испытывала крайнюю нужду въ астрономическихъ наблюденіяхъ; ея пасхалія (опредѣленіе Пасхи и другихъ праздниковъ) пришла въ разстройство вслѣдствіе ошибки юліанскаго календаря (составленнаго при Юліи Цезарѣ), отъ которой разница между дѣйствительнымъ весеннимъ равноденствіемъ и его ожи-

Digitized by Google

даемымъ днемъ къ XVI в. доходила до 10 дней. Надо было сдѣлать поправку на основаніи точныхъ данныхъ (это было достигнуто въ 1582 г. при папѣ Григоріи XIII, откуда произошелъ григоріанскій календарь, или такъ наз. новый стиль).

Наблюдатели пользовались старинными греческими Птолемеевыми таблицами. Наибольшую трудность въ нихъ представляли своеобразныя кажущіяся движенія планетъ, то уходившихъ впередъ, то отступавшихъ и скрывавшихся. При томъ предположеніи всей старинной науки о небѣ, что земля находится въ центрѣ міра и что планеты и солнце движутся кругомъ нея, эти странствованія планетъ были необъяснимы. Въ половинѣ XIII в. кастильскій король Альфонсъ, вскорѣ послѣ взятія у арабовъ Толедо, созвалъ въ этомъ городѣ большую ученую комиссію изъ арабскихъ, еврейскихъ и христіанскихъ астрологовъ для составленія точныхъ таблицъ планетныхъ движеній. Предпріятіе это стоило королю 400.000 золотыхъ; но помимо того онъ сдѣлалъ неосторожное замѣчаніе, стоившее ему престола: „если бы Господь взялъ меня въ совѣтники, я посовѣтовалъ бы проще устроить міръ“. Обвиненный въ кощунствѣ, король былъ смѣщенъ.

Тою же самою мыслью объ „упрощеніи“ міровой системы руководился великій польскій ученый Николай Коперникъ (род. въ Торнѣ 1473 г., † 1543 г.). Греческіе астрономы III в. до Р. Х. уже учили о положеніи солнца въ серединѣ міра и о вращеніи земли около солнца. Коперникъ пришелъ къ тому же самому забытому представленію; всѣ несообразности въ движеніяхъ планетъ превратились у него въ стройныя орбиты, очерченныя вокругъ солнца; сама земля оказывалась планетой, движущейся въ свитѣ громаднаго, во много разъ превосходящаго ее свѣтила. Коперникъ сознавалъ все значеніе своего открытія. „Не девять лѣтъ, а четырежды девять лѣтъ держалъ я свою рукопись, пока выдающіеся ученые настояли на томъ, чтобы я покинулъ страхъ и опубликовалъ ее“. Незадолго до смерти Коперникъ увидѣлъ вышедшій изъ печати первый листъ своего сочиненія „De revolutionibus orbium celestium“ и успѣлъ вѣ-время уйти отъ всякихъ преслѣдованій.

По выходѣ книги Лютеръ тотчасъ же произнесъ знаменательныя слова: „Глупецъ хочетъ повернуть все искусство астрономіи. Но Священное Писаніе говоритъ намъ, что Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, а не землю“. Католическая церковь отнеслась сначала спокойно къ открытію; наблюденія Коперника годились для исправленія календаря и пасхаліи. Со второй половины XVI в. она обрушилась однако всей силой гоненій на опасное ученіе, которое переставляло всѣ міровыя величины. Книга Коперника была занесена на страшный индексъ съ помѣткой: „запрещена впредь до исправленія ошибки“ (donec corrigatur). Въ

Digitized by Google

теченіе двухъ вѣковъ послѣ этого воспрещались „всѣ книги, которыя утверждали, что земля движется“, такъ какъ это положеніе признавалось „нелѣпымъ, философски невѣрнымъ и очевидной ересью“.

Особенно подозрительными стали церковныя власти и инквизиція послѣ того, какъ Джордано Бруно (1548—1600) сдѣлалъ философскіе выводы изъ астрономической теоріи Коперника. Бруно бѣжалъ молодымъ человѣкомъ изъ неаполитанскаго монастыря, въ который былъ отданъ 15 лѣтъ, побывалъ въ Римѣ, въ Женевѣ, откуда его изгнали нетерпимые кальвинисты, преподавалъ философію въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ пользовался покровительствомъ свободомыслящей королевы Елизаветы. Философія Бруно есть поэтическая фантазія съ поразительно широкимъ кругозоромъ, сложившимся подъ вліяніемъ великихъ астрономическихъ открытій. Солнечная система, описанная Коперникомъ, кажется ему однимъ изъ безконечнаго множества міровъ, заполняющихъ вселенную; нѣтъ небесной тверди; видимыя нами звѣзды—также солнца, центры другихъ безчисленныхъ системъ. Для объясненія жизни безгранично великаго міра Бруно выдвигаетъ *пантеизмъ*, т.-е. признаетъ міровую душу, біеніе которой чувствуется во всемъ живомъ. Римская инквизиція давно ждала Бруно; онъ неосторожно рѣшился пріѣхать на итальянскую территорію, былъ схваченъ въ Венеціи и переданъ въ Римъ. Восемь лѣтъ Бруно продержали въ тюрьмѣ, но не могли добиться отъ него отреченія; судьямъ, подписавшимъ смертный приговоръ, онъ сказалъ: „васъ самихъ гнететъ большій страхъ, чѣмъ вы можете вызвать во мнѣ своимъ рѣшеніемъ“. 17 февраля 1600 г. онъ взошелъ на костеръ; прахъ его бросили въ Тибръ, чтобы не осталось слѣда.

Помимо преслѣдованій новый взглядъ вообще распространялся очень медленно. Еще въ началѣ XVII в. такой крупный мыслитель, какъ Бэконъ, отрицалъ движеніе земли. Противъ ученія о солнечной системѣ были также астрологи; допустить его простые ясные законы значило отбросить безконечно пеструю игру комбинацій, изъ которыхъ состояла астрологическая наука. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе указывали на сомнительность гипотезы (догадки) Коперника въ виду того, что она не опирается на достаточное количество наблюденій. Примирить разнообразные и противорѣчивые взгляды взялся датчанинъ Тихо Браге (1546—1601). Его первою цѣлью была „астрономія безъ гипотезъ“, постановка обстоятельныхъ и точныхъ наблюденій. Покровитель Браге, датскій король, далъ ему богатыя средства для устройства сложной обсерваторіи на о. Венѣ въ Зундскомъ проливѣ; Браге располагалъ здѣсь цѣлымъ штатомъ ученыхъ помощниковъ, мастерскими для изготовленія снарядовъ, типографіей и приписанными къ владѣнію рабочими крестьянами; онъ велъ обширную переписку по всей Европѣ, усердно составлялъ горо-

Digitized by Google

скопы и писалъ теоретическія оправданія астрологіи. Стараясь спасти геоцентрическій взглядъ (помѣщающій землю въ центрѣ міра), Браге принялъ часть теоріи Коперника въ странной формѣ: всѣ планеты вращаются вокругъ солнца, но само солнце есть планета, вращающаяся вокругъ земли.

Однако уже Кеплеръ (1571—1630), начавшій работы подъ руководствомъ Тихо Браге (въ пражской обсерваторіи императора Рудольфа II), принялъ ученіе Коперника цѣликомъ и далъ ему прочное основаніе, установивъ законы вращенія земли и другихъ планетъ вокругъ солнца (Кеплеровы законы). Положеніе Кеплера, какъ ученаго, было однако очень тяжело: сначала реакція тридцатилѣтней войны въ австрійскихъ земляхъ лишила его профессуры въ Грацѣ, такъ какъ Кеплеръ не хотѣлъ отказаться отъ протестантизма. Кеплера спасли отъ нищеты ученые друзья его, іезуиты, высоко цѣнившіе изслѣдователя, несмотря на разницу исповѣданія; но они могли доставить ему только должность астролога при Валленштейнѣ. Кеплеръ вынужденъ былъ производить гаданія, въ которыя не вѣрилъ; напрасно старался онъ разувѣрить въ ихъ значеніи Валленштейна; генералиссимусъ замѣнилъ его другимъ болѣе податливымъ астрологомъ. Кеплеру пришлось также въ теченіе пятилѣтняго опаснаго тягостнаго процесса защищать свою старую мать отъ обвиненія въ колдовствѣ.

Одновременно съ Кеплеромъ справедливость теоріи Коперника призналъ Галилеи (1564—1642), профессоръ въ Падуѣ, многосторонній ученый и художникъ, богатствомъ дарованій и мысли напоминающій Леонардо да Винчи. Кеплеръ поддержалъ Галилеи, узнавши, что итальянскій ученый боится высказать свои мысли; онъ предлагалъ напечатать работы Галилеи въ Германіи, если въ Италіи окажутся препятствія. Въ 1608 г. въ Голландіи былъ изобрѣтенъ телескопъ; Галилеи, узнавши объ одной только идеѣ изобрѣтенія, самостоятельно воспроизвелъ такой же снарядъ. Наблюденія вооруженнымъ глазомъ дали поразительные результаты: въ телескопъ Галилеи открылъ спутниковъ Юпитера и опровергъ главное возраженіе противниковъ Коперника, утверждавшихъ, что движущееся тѣло не можетъ увлекать за собой другія, и что поэтому, обратно, земля, имѣющая несомнѣннымъ спутникомъ луну, не движется сама. Въ картинѣ неба оказалось множество невиданныхъ дотолѣ свѣтилъ, которыхъ не было въ „непогрѣшимомъ“ Птоломеѣ. Слышались голоса, что новый „дьявольскій“ инструментъ рисуетъ обманчивые призрачные образы, уродуетъ и скрываетъ отъ насъ истинное небо. Кеплеръ, сначала также усомнившійся въ правдивости наблюденій, долгое время лишенный телескопа, послѣ первыхъ же опытовъ съ трубой въ безкорыстномъ порывѣ писалъ своему итальянскому товарищу: „ты побѣдилъ,

Digitized by Google

Галилеи!“ Мирно проработавъ свою долгую жизнь, Галилеи подъ конецъ долженъ былъ отвѣчать однако передъ римской инквизиціей и отречься отъ теоріи движенія земли.

Паденіе схоластики и новые научные методы. Въ работѣ сторонниковъ и противниковъ Коперника сдѣлано было множество новыхъ наблюденій, которыя совершенно разстраивали неподвижный до тѣхъ поръ научный матеріалъ, заключавшійся въ сочиненіяхъ древнихъ, переданный арабами и сохраненный христіанской схоластикой; старинныя системы рушились благодаря массѣ новыхъ фактовъ; авторитетъ главнаго греческаго теоретика и философа, Аристотеля, почти равный библейскому, неизбѣжно долженъ былъ сильно пошатнуться. Вслѣдствіе наплыва новаго живого матеріала, опредѣленія и пріемы схоластики, опиравшіеся на положенія ея верховнаго учителя, стали казаться безплодными и безсодержательными.

Въ концѣ XVI в. всюду въ университетахъ и въ ученой литературѣ начинается борьба противъ Аристотеля. Въ Италіи самыми горячими противниками аристотелизма были Бруно и Галилеи. Принципы новой науки, готовой разстаться со схоластикой, съ особенной яркостью изложилъ Фрэнсисъ Бэконъ (1561—1626) въ своемъ Novum organum, составлявшемъ часть большой неоконченной системы наукъ, Instauratio magna. По взгляду Бэкона натуралистъ долженъ остерегаться метафизики; его пути—не отвлеченныя разсужденіи, а наблюденіе и опытъ. Силлогистика, выведеніе однихъ опредѣленій изъ другихъ, ведетъ къ спорамъ о понятіяхъ, а не къ открытію истины. Мы должны истолковать природу, а не предвосхитить образъ ея въ своей мысли. Чтобы видѣть ясно, намъ слѣдуетъ освободиться отъ предразсудковъ и предвзятостей (idola), создаваемыхъ природой нашего собственнаго существа, но не имѣющихъ основанія въ природѣ познаваемыхъ вещей. Наиболѣе важный научный пріемъ—индукція, восхожденіе отъ массы наблюденныхъ и провѣренныхъ опытомъ фактовъ къ общимъ заключеніямъ.

Иначе понималъ общія задачи науки французскій математикъ Декартъ (1596—1650). Враждебный схоластикѣ, какъ совокупности понятій, опирающихся на внѣшніе авторитеты, онъ искалъ прежде всего прочнаго обоснованія главныхъ руководящихъ идей. Такую основу Декартъ видѣлъ „во внутреннемъ опытѣ“ мыслящаго человѣка. Во всемъ можно сомнѣваться, даже въ существованіи внѣшняго міра, но только не въ фактѣ самого сомнѣнія нашего, иначе говоря, въ томъ, что мы мыслимъ или духовно существуемъ (cogito ergo sum). Мы находимъ затѣмъ въ нашемъ разумѣ рядъ очевидныхъ положеній, которыя даютъ намъ возможность строить новыя и провѣрять всѣ другія. Декартъ кладетъ такимъ образомъ начало *раціонализму*. Онъ сохранилъ два основ-

Digitized by Google

ныхъ религіозныхъ понятій, идею Бога и безсмертія души, считая ихъ выводимыми изъ разума. Несмотря на это, Декартъ долженъ былъ остерегаться преслѣдованій. Ученикъ іезуитской коллегіи, потомъ служившій офицеромъ въ тридцатилѣтней войнѣ, онъ уѣхалъ на 20 лѣтъ въ сравнительно безопасную Голландію для того, чтобы безпрепятственно работать, при чемъ много разъ мѣнялъ мѣсто жительства. И здѣсь, боясь церковнаго осужденія, онъ долго не печаталъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній; на лестные призывы со стороны Ришельё и Мазарини занять профессуру во Франціи Декартъ не пошелъ и отозвался лишь на приглашеніе ученой дочери Густава Адольфа, королевы шведской Христины, въ Стокгольмъ.

Гуманистическая гимназія. Лишь со времени Бэкона и Декарта наука начинаетъ освобождаться отъ пріемовъ и языка схоластики. Гуманизмъ не былъ по-настоящему борьбой противъ схоластическихъ воззрѣній. Гуманисты усиливали и расширяли знакомство съ древностью; нѣкоторые изъ нихъ только противопоставляли Платона Аристотелю. Великіе астрономы и натуралисты XVI в., Коперникъ, Парацельзъ и другіе, работали независимо отъ взглядовъ извѣстныхъ въ то время античныхъ писателей или въ открытой враждѣ съ ними. Гуманизмъ не произвелъ реформы университетовъ, такъ какъ онъ приносилъ съ собою не новое содержаніе, а новыя литературныя и художественныя формы. Гуманизмъ повелъ только къ измѣненію подготовительнаго курса университетскаго преподаванія, того что въ средніе вѣка называлось artes; этотъ курсъ былъ выдѣленъ теперь въ особую „латинскую школу“, или гимназію, и послужилъ началомъ нашего такъ наз. *средняго образованія*. Задачу средней школы видѣли въ упражненіи внѣшнихъ способностей ума и пріобрѣтеніи средствъ познанія. А такъ какъ гуманисты попрежнему считали главными источниками знанія греческихъ и римскихъ писателей, то средняя школа почти исключительно занималась изученіемъ древнихъ языковъ. Богатые города южной Германіи наперерывъ старались завести у себя латинскія школы.

Одною изъ самыхъ знаменитыхъ была основанная въ 30-хъ годахъ XVI в. страсбургская девятиклассная гимназія. Ея устроитель, гуманистическій педагогъ Іоганнъ Стурмъ, видѣлъ главную цѣль школы въ выработкѣ латинскаго краснорѣчія; родной языкъ долженъ былъ совершенно отступить въ преподаваніи. По мнѣнію Стурма, общество страдаетъ отъ того, что въ семьяхъ дѣтей не учатъ съ первыхъ лѣтъ лепетать полатыни; дѣло школы—исправить этотъ недостатокъ трудомъ. Съ момента вступленія мальчика въ гимназію ему строго воспрещались всякіе разговоры на родномъ языкѣ не только въ стѣнахъ заведенія, но и внѣ его. Ученики должны были запомнить масу словъ и выраженій; затѣмъ

Digitized by Google

путемъ заучиванія длинныхъ отрывковъ изъ авторовъ, декламаціи, сочиненія стиховъ, рѣчей и разсужденій они упражнялись въ подражаніи древнимъ. Стурмъ много разъ повторяетъ главное правило для вразумительности и по-гречески, и по-латыни: „надо быть подражателемъ, жаднымъ до воровства, надо воровать, быть въ подражаніи воромъ, но такъ, чтобы воровство не было замѣтно". Онъ ставитъ очень высокую задачу: „мы не только должны слѣдовать за нашими классическими образцами, но мы должны сравняться съ людьми лучшихъ временъ Аѳинъ и Рима". При самыхъ энергичныхъ усиліяхъ этого, конечно, нельзя было достигнуть. Вышедшій изъ школы Стурма молодой профессоръ писалъ потомъ бывшему наставнику о своихъ практическихъ занятіяхъ со студентами: „мы начинили нашу ораторскую рѣчь покражей и пестрыми вставками изъ авторовъ, совсѣмъ какъ Эзопова ворона, щеголявшая въ перьяхъ красивыхъ птицъ".

Между тѣмъ въ средней школѣ совсѣмъ не знакомили учениковъ съ явленіями природы. Какъ разъ въ то время, когда происходили крупнѣйшія открытія въ области астрономіи, возникала физика, анатомія и физіологія (Серветъ, а за нимъ англичанинъ Гарви въ началѣ XVII в. открыли кровообращеніе), въ общеобразовательныхъ учрежденіяхъ занимались попрежнему словесной выучкой, безпредметнымъ краснорѣчіемъ. Схоластика, мало-по-малу вытѣсняемая изъ высшей школы, прочно устроилась въ средней.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Послѣднее столѣтіе стараго порядка въ Европѣ.

I.

Реставрація и вторая революція въ Англіи.

Послѣ крушенія пуританской революціи въ Англіи началась новая эпоха ея общественнаго устройства: усилившаяся землевладѣльческая аристократія вмѣстѣ съ торговыми компаніями стала направлять всю политику страны. Положеніе короля послѣ реставраціи совсѣмъ измѣнилось. У первыхъ Стюартовъ еще имѣлись свои средства, хотя они сильно шли къ уменьшенію; у возвращенныхъ Стюартовъ не было болѣе коронныхъ имуществъ, такъ какъ ихъ распродали во время революціи, не было болѣе дохода съ феодальныхъ повинностей, потому что королю пришлось съ самаго начала подтвердить отмѣну ихъ, совершонную Кромвелемъ. Парламентъ выдавалъ теперь королю опредѣленную сумму содержанія и старался точно опредѣлить расходы на различныя нужды государства. Тѣ слои общества, которые правили черезъ парламентъ, были очень вѣрны королю, т.-е. видѣли въ немъ спасеніе отъ революціи, сектантства и ужасовъ военнаго положенія, а также хотѣли, чтобы онъ велъ иностранныя дѣла въ духѣ ихъ промышленныхъ интересовъ. Но эта вѣрность имѣла ясную границу: какъ только короли обнаружили охоту опереться на постороннія силы, на католичество, на Францію, большинство англійскихъ монархистовъ опять перешло къ революціи и изгнало неподатливую династію. Но эту вторую революцію (1688 г.) совершили не тѣ классы, которые были главными дѣятелями въ первой.

Усиленіе аристократіи и возрастаніе торговыхъ интересовъ Англіи. Карлъ II не распускалъ свой первый кавалерскій парламентъ въ теченіе 18 лѣтъ; это былъ другой Долгій парламентъ, только реакціонный,

Digitized by Google

въ противоположность первому. При немъ и при его содѣйствіи были возстановлены старыя аристократическія основы Англіи и закрѣпились преимущества ограниченныхъ высшихъ круговъ общества.

Лорды съ различными феодальными титулами, герцоговъ, виконтовъ, маркизовъ и баронетовъ, хлопочутъ о сохраненіи неприкосновенной цѣлости своихъ округленныхъ большихъ имѣній и устанавливаютъ въ своей средѣ обычай *первородства:* обыкновенно владѣлецъ въ молодыхъ годахъ уступаетъ свое право едва народившемуся, а иногда ожидаемому своему первенцу, обѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ выдавать часть доходовъ съ нераздѣльнаго имѣнія другимъ родственникамъ; послѣ этого онъ остается только какъ бы душеприказчикомъ собственнаго завѣщанія, не имѣющимъ права распоряжаться продажей или дробленіемъ собственности; его наслѣдникъ повторяетъ, также въ раннихъ годахъ, тотъ же уговоръ и т. д.

Аристократія обезпечила себѣ господство въ парламентѣ. Въ самомъ началѣ правленія Карла II опрокинули реформу, проведенную при Кромвелѣ, и отняли у новыхъ промышленныхъ городовъ, Манчестера, Лидса и др., право посылать депутатовъ, возвративъ его, напротивъ, ничтожнымъ по количеству населенія „гнилымъ мѣстечкамъ“; въ сущности это была передача избирательнаго права отъ горожанъ и людей средняго состоянія немногимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, собственникамъ „мѣстечекъ“, которые прямо назначали представителей въ парламентъ изъ числа своихъ подчиненныхъ. Къ ограниченію политическихъ правъ населенія вели также различныя присяги, которыя требовались при вступленіи въ должности, государственныя, земскія и городскія, и въ самую палату; въ присяги были включены такія выраженія о Причастіи, которыхъ не могли произнести *диссентеры*, или нонконформисты (т.-е. несогласные съ англиканской церковью и ея единообразіемъ), а это были главнымъ образомъ люди среднихъ классовъ, горожане и небогатые землевладѣльцы.

Аристократическій парламентъ издавалъ законы о ввозѣ и вывозѣ товаровъ для поддержанія извѣстныхъ отраслей производства, въ которыхъ были заинтересованы крупные землевладѣльцы. При Карлѣ II назначили очень высокую пошлину на привозный хлѣбъ и этимъ закрыли ввозъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ допущенъ былъ свободный вывозъ англійскаго хлѣба, что сильно подняло его цѣну въ самой странѣ. По этому поводу въ средѣ господствующаго класса землевладѣльцевъ можно было услышать любопытныя разсужденія. Дешевизна и изобиліе припасовъ, писалъ ихъ сторонникъ, вовсе не должны считаться благомъ; работа идетъ тѣмъ лучше, чѣмъ она труднѣе; изъ-за высокой цѣны на жизненные припасы ремесленникамъ придется напрягать больше энергіи, оттого увеличится

Digitized by Google

количество фабрикатовъ, увеличится число ихъ покупателей и дома, и за границей, а слѣдовательно умножится богатство во всей странѣ; таковы общія выгодныя послѣдствія отъ поощренія сельскихъ хозяевъ.

Аристократія понимала также выгоду отъ развитія національной торговли и поддерживала купцовъ и судовладѣльцевъ Лондона и Бристоля. Навигаціонный актъ 1651 г., изданный республикой, былъ нѣсколько разъ повторенъ при Карлѣ II. Лорды и коммерсанты лондонскаго Сити соединялись въ торговыя компаніи по образцу голландцевъ, для транспорта товаровъ. Рядомъ съ остиндской компаніей возникла африканская, главнымъ занятіемъ которой былъ вывозъ негровъ-невольниковъ и продажа ихъ на плантаціи Антильскихъ острововъ; изъ Гвинеи стали возить также золотой песокъ, откуда и названіе полновѣсной англійской монеты (гинеи).

Всѣ эти предпріятія должны были усилить и безъ того существовавшую вражду между англичанами и голландцами, которые старались захватить монополію всемірнаго транспорта. Соперники сталкивались всюду въ отдаленныхъ моряхъ, особенно у береговъ Америки, гдѣ у голландцевъ была колонія, Новый Амстердамъ (нынѣшній Нью-Іоркъ), и въ Остиндіи. Въ Европѣ между ними два раза при Карлѣ II начинались ожесточенныя войны; англійскій парламентъ, очень не желавшій послѣ опыта гражданской войны создавать сухопутное войско, не жалѣлъ, напротивъ, средствъ на усиленіе военнаго флота.

Новое столкновеніе Стюартовъ съ парламентомъ. Стюарты не умѣли ни приспособиться къ этому движенію аристократіи и торговаго класса, ни найти ему противовѣсъ въ другихъ, среднихъ или низшихъ классахъ. Они хотѣли устроить себѣ независимое положеніе при помощи чуждыхъ Англіи силъ, папскаго двора и іезуитовъ, католической и абсолютной монархіи Франціи. Парламентъ не ограничивался соизволеніемъ суммъ и назначеніемъ налога; онъ сталъ теперь точно опредѣлять *статьи расхода* на годовой срокъ и требовалъ отчета у королевскихъ совѣтниковъ въ употребленіи разрѣшенныхъ суммъ. Этотъ парламентскій контроль стѣснялъ Карла II, выросшаго при французскомъ дворѣ, фривольнаго и расточительнаго. Изъ ассигнованныхъ палатой суммъ на снаряженіе флота большія деньги уходили въ королевскую частную кассу на праздники, наряды, карточные долги фаворитокъ; въ это время голландскій флотъ опустошалъ берега Англіи, врывался въ Темзу и жегъ англійскіе корабли. Чтобы имѣть собственныя средства, Карлъ II продалъ Франціи Дюнкеркъ, завоеванный на материкѣ Кромвелемъ; потомъ онъ заключилъ даже тайный договоръ съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, въ силу котораго обязался перейти въ католичество, помогать Франціи въ ея завоеваніяхъ на материкѣ, а за это

Digitized by Google

сталъ получать французскую пенсію. Въ то же время король объявилъ внезапный банкротъ и отказалъ въ уплатѣ долга, сдѣланнаго у лондонскихъ ювелировъ. Это были главные кредиторы правительства, которые ссужали впередъ въ размѣрѣ суммъ, соизволенныхъ парламентомъ, но еще не собранныхъ со страны; ихъ денежные запасы составлялись въ свою очередь изъ вкладовъ на храненіе отъ множества людей. Правительство задѣло такимъ образомъ интересы массы сберегателей.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше вѣрный кавалерскій парламентъ начиналъ раздражаться противъ королевской политики. Карлъ II пытался подкупать депутатовъ и объявленіемъ вѣротерпимости думалъ привлечь на свою сторону католиковъ и диссентеровъ. Но диссентеры не хотѣли равняться со „слугами антихриста“ и не пользовались изъ королевской милости тѣмъ, въ чемъ имъ было отказано по закону. А парламентъ отвѣтилъ на королевскую декларацію вѣротерпимости новымъ стѣснительнымъ *закономъ о присягѣ*, который выключалъ католиковъ отъ участія въ парламентѣ и отъ должностей.

Виги и тори. Хуже, чѣмъ тайный договоръ съ Франціей, казался большинству англичанъ предстоящій переходъ престола къ брату бездѣтнаго короля, Якову, герцогу іоркскому, открытому и ревностному католику. Водвореніе католицизма въ Англіи вообще представлялось господствомъ иностранной силы въ странѣ, нарушеніемъ ея самостоятельности, всѣхъ ея обычаевъ. Но въ Англіи готовы были и преувеличить опасность отъ допущенія католичества: распространилось убѣжденіе, что при католическомъ королѣ невозможно будетъ поставить границы произволу; вѣрили всякому слуху о черныхъ заговорахъ папистовъ. Въ виду этого составилась партія, рѣшившая выключить Якова отъ престола. Но отвергнуть наслѣдника значило, несомнѣнно, оказать королю „противленіе“, вопреки присягѣ, значило отстранить божественное право короны и вернуться къ революціонному ученію о верховномъ правѣ народа. Такъ далеко въ свою очередь не рѣшались идти всѣ тѣ, кто помнилъ революцію и боялся новой гражданской войны; не согласны были сторонники англиканства, духовенство официальной церкви, большая часть джентри, сельскихъ сквайровъ (помѣщиковъ), видѣвшихъ въ королѣ священный знакъ охраны своего собственнаго владѣнія, затронутаго въ свое время революціей. Иначе думали тѣ аристократическія фамиліи, которыя добивались правленія черезъ парламентъ. За „противленіе“ было также торговое населеніе лондонскаго Сити, всѣ диссентеры. Во главѣ оппозиціи всталъ одинъ изъ бывшихъ министровъ Карла II, Шэфтсбёри, богатый аристократъ, пользовавшійся популярностью въ Лондонѣ, готовый въ случаѣ нужды поднять возстаніе.

Три раза въ теченіе короткаго срока созывалъ Карлъ II парламентъ.

Digitized by Google

Въ избирательной борьбѣ опять появились двѣ клички, какъ въ 1641 г., сначала обидныя, „заговорщики“ и „разбойники“, но потомъ совершенно утратившія первоначальный смыслъ и сохранившіяся болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ почти до нашихъ дней: *тори* — для безусловныхъ сторонниковъ короля и *виги* — для сопротивляющихся.

Виги имѣли сначала перевѣсъ. Въ парламентѣ 1679 г. поднялся протестъ противъ произвольныхъ арестовъ и задерживанія въ тюрьмѣ сторонниковъ оппозиціи. Для охраны гражданъ былъ изданъ знаменитый въ англійской исторіи законъ Habeas Corpus (по старинному выраженію о выдачѣ „тѣла“, т.-е. личности арестованнаго, суду). По закону арестуемому долженъ быть предъявленъ письменный приказъ отъ судьи (то, чего въ свое время добивался Эліотъ); иначе арестованный, по заявленію собственному или кого-либо изъ близкихъ, можетъ настоять, чтобы его представили въ теченіе сутокъ въ судъ или освободили. Какъ большая часть англійскихъ законовъ, Habeas Corpus act основывался на традиціи и служилъ повтореніемъ и развитіемъ статьи Великой Хартіи, гласившей, что никто не можетъ быть наказанъ помимо правильнаго надъ нимъ суда. Но старая статья была неполна, и власти могли ее обходить, держа людей подъ арестомъ неопредѣленное время до суда; Habeas Corpus имѣлъ цѣлью устранить это злоупотребленіе.

Виги предложили законъ о выключеніи Якова отъ престола; съ каждымъ новымъ созывомъ парламента росло ихъ число и ихъ настойчивость. Наконецъ, король собралъ парламентъ не въ Лондонѣ, а въ извѣстномъ своимъ консерватизмомъ Оксфордѣ; онъ окружилъ себя стражей, и въ свою очередь виги, отправляясь на собраніе, захватили оружіе (1681).

Реакція и сверженіе Стюартовъ. Опять показался призракъ гражданской войны. Это и рѣшило дѣло въ пользу короля: близкая смута представлялась многимъ страшнѣе, чѣмъ неясная перспектива допущенія католичества въ Англіи. Карлъ II получилъ отовсюду множество сочувственныхъ адресовъ; увѣренный въ своей силѣ, онъ началъ расправляться съ вигами: Шэфтсбёри бѣжалъ въ Голландію, другіе сторонники партіи были осуждены за составленіе заговора и казнены, между ними Сидни, вина котораго состояла въ томъ, что у него нашли рукопись неизданнаго сочиненія о правѣ подданныхъ низлагать короля. Осужденіе виговъ задерживалось только тѣмъ, что между присяжными судьями были ихъ сторонники, выносившіе оправдательные приговоры; особенно это наблюдалось въ Лондонѣ. Король потребовалъ пересмотра грамоты вольностей Сити; онъ отнялъ у города право выбирать лорда-майора (голову) и другихъ думскихъ сановниковъ, отъ которыхъ зависѣло составленіе списковъ присяжныхъ. Точно такъ же было отнято самоуправле-

Digitized by Google

ніе и у другихъ городовъ; королевскіе судьи пересматривали старинныя хартіи и составляли новыя городскія корпораціи (общества полноправныхъ гражданъ, участвующихъ въ управленіи и выборахъ) изъ немногихъ состоятельныхъ людей. Судья Джеффризъ, самый угодливый изъ королевскихъ прислужниковъ, похвалялся, что „всѣ хартіи, какъ стѣны іерихонскія, падутъ передъ нимъ“.

Карлъ II правилъ послѣдніе четыре года безъ парламента и умеръ среди полной реакціи. Его преемникъ, Яковъ II, располагалъ парламентомъ, въ который преобразованныя городскія корпораціи и вѣрное дворянство послали однихъ почти торіевъ. Этотъ парламентъ согласился на созывъ регулярной арміи, съ которою король подавилъ въ западной Англіи возстаніе крестьянъ и диссентеровъ, въ то время какъ джентри стали на его сторону. Яковъ II считалъ, что наступило удобное время для введенія католичества. Обходя акты о присягѣ, онъ сталъ путемъ королевскихъ *диспенсацій* (изъятій отъ закона) назначать католиковъ на должности; въ высшій тайный Совѣтъ онъ ввелъ приближеннаго къ нему патера-іезуита. Наконецъ, минуя парламентъ, онъ издалъ *декларацію свободы совѣсти*, отмѣнявшую стѣснительные законы противъ католиковъ и диссентеровъ. Большинство диссентеровъ, не желая союза съ католиками, отказались отъ милости, не утвержденной парламентскимъ закономъ. Но такъ какъ декларація грозила господству англиканской церкви, противъ нея возсталъ классъ людей, которыхъ можно назвать главными чиновниками англійскаго короля: духовенство отказалось читать королевскую декларацію въ церквахъ въ виду ея незаконности. Первый архіепископъ Англіи и 6 епископовъ подали королю петицію въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ главные провозвѣстники безусловнаго повиновенія королю сами выступили въ качествѣ представителей сопротивленія. Король сказалъ духовенству, что видитъ въ его петиціи „знамя возстанія“.

Епископовъ отдали подъ судъ за „оскорбительное“ заявленіе. Большинство присяжныхъ было за оправданіе; но такъ какъ въ англійскомъ судѣ требуется единогласіе, они просидѣли всю ночь, пока единственный несогласный, королевскій пивоваръ, не отступился отъ своего мнѣнія. Приговоръ былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ, особенно въ Лондонѣ. Политика короля явно задѣвала теперь консервативные интересы въ странѣ. Англиканство стояло въ тѣсной связи со всѣмъ бытомъ дворянства; на духовныя должности обыкновенно назначали младшихъ сыновей аристократическихъ семей. Въ противоположность 1681 г. теперь опасность отъ надвигающагося католичества казалась землевладѣльцамъ страшнѣе, чѣмъ возможная смута отъ смѣщенія короля. Поэтому большинство тори отказалось отъ Якова II и согласилось принять

Digitized by Google

претендента виговъ, зятя короля, голландскаго штатгальтера Вильгельма Оранскаго, который уже высадился въ Англіи; всѣми покинутый король бѣжалъ во Францію.

Революція 1688 года. Новый король Вильгельмъ III былъ принятъ на условіи особаго договора. Парламентъ-конвентъ предъявилъ ему *билль о правахъ* (1688), и король опубликовалъ его содержаніе въ *деклараціи правъ*. Выраженія въ этомъ актѣ были выбраны такимъ образомъ, чтобы удовлетворить обѣ партіи: во вниманіе къ тори было сказано, что тронъ освободился, такъ какъ прежній король покинулъ государство и отказался отъ власти; во вниманіе къ вигамъ говорилось, что тотъ же король, направляемый дурными совѣтниками, нарушилъ основные законы и этимъ разорвалъ договоръ, существующій между властителемъ и народомъ.

Затѣмъ были повторены и расширены главныя условія, которыми еще въ петиціи о правѣ 1628 года старались ограничить королевскую прерогативу. 1) Запрещались всякія диспенсаціи и пріостановки законовъ: въ Англіи этимъ окончательно установилось *господство права* (rule of law), т.-е. безусловная сила законовъ, выработанныхъ парламентомъ въ согласіи съ королемъ. 2) Королю было позволено держать постоянную армію лишь съ особаго на каждый годъ разрѣшенія парламента, который долженъ былъ установлять ея размѣръ и уполномочивалъ короля на команду и поддержку дисциплины. 3) Запрещено было взимать какія-либо подати безъ согласія парламента. Въ виду постояннаго нарушенія неприкосновенности депутатовъ за смѣлыя оппозиціонныя рѣчи была 4) объявлена свобода рѣчи и 5) свобода петицій. Наконецъ, особымъ актомъ была признана вѣротерпимость за диссентерами, т.-е. право ихъ совершать безпрепятственно богослуженіе и выбирать своихъ священниковъ и старѣйшинъ.

Англичане назвали переворотъ 1688 г. „славной революціей“: дѣйствительно, въ ней не было пролито крови, она послужила къ закрѣпленію старинныхъ правъ, такъ какъ Петиція о правѣ, Habeas Corpus и Билль о правахъ составляли лишь развитіе основныхъ положеній Великой Хартіи. Но нельзя забыть, что эта вторая мирная революція была гораздо одностороннѣе великой революціи 40-хъ годовъ XVII вѣка, въ которой выдвинулись средніе и низшіе классы и выставлены были требованія полной свободы совѣсти и демократіи. Въ переворотѣ 1688 г. торжествовала аристократія и англиканство; лишь косвенно получили извѣстныя выгоды другіе классы и другія исповѣданія.

Главное значеніе переворота 1688 г. состояло въ томъ, что верховная власть ясно перешла отъ короны къ аристократическому парламенту. Аристократія, устроивши свое господство въ періодѣ реставраціи, подъ

Digitized by Google

знакомъ возстановленія монархіи, подчинила себѣ теперь королевскую власть. Уже во время реставраціи землевладѣльцы добились выгоднаго для нихъ свободнаго вывоза хлѣба. Теперь при заключеніи договора съ новымъ королемъ они устроили себѣ еще большій выигрышъ. Въ то время какъ король предложилъ установить налогъ на земельныя владѣнія, парламентъ выговорилъ за это законъ о *преміи*, т.-е. приплатѣ отъ правительства за вывозъ англійскаго хлѣба. Во время дебатовъ одинъ депутатъ сказалъ откровенно: „мы вернемъ съ выгодой поземельный налогъ при продажѣ нашего хлѣба". Пользуясь своими политическими преимуществами, землевладѣльцы пріобрѣли въ слѣдующемъ XVIII вѣкѣ еще больше выгодъ и вытѣснили съ земли независимыхъ крестьянъ, превративъ сельское населеніе въ своихъ батраковъ. Образовался рабочій классъ на землѣ и въ фабрикахъ, который не имѣлъ никакого участія въ парламентѣ. Католики и диссентеры оставались выключенными отъ должностей и участія въ политикѣ въ теченіе почти полутора вѣка.

И все же пріобрѣтенія 1688 г. были важны. Отнынѣ въ странѣ не могло установиться произвольнаго господства чиновниковъ или солдатъ. Законъ вырабатывался публично, на глазахъ всего общества, и законодатели могли наблюдать за правильнымъ его исполненіемъ. Право парламента установилось крѣпко; въ дальнѣйшемъ дѣло шло уже не о защитѣ этого права, а о расширеніи состава парламента и введеніи въ него тѣхъ классовъ и исповѣданій, которые не были допущены къ выборамъ. Но теперь эти разряды гражданъ могли посредствомъ петицій или резолюцій, принятыхъ въ большихъ собраніяхъ, а также путемъ печати дѣйствовать со стороны на законодателей. Въ этомъ отношеніи очень важно было освобожденіе печати, которое закрѣпилось черезъ 7 лѣтъ послѣ революціи 1688 г. *отмѣной цензуры*. Съ этой поры въ Англіи нѣтъ правительственнаго надзора за литературой; чтобы запретить какое-либо произведеніе, въ качествѣ вреднаго для общества, надо доказать его вредность на судѣ. Судебное рѣшеніе по такимъ дѣламъ произносятъ не назначенные короной судьи, а присяжные, люди изъ среды самого общества; само общество призывается всякій разъ судить, въ какой мѣрѣ допускаетъ оно въ своей средѣ свободное выраженіе мнѣній.

Политическія ученія реставраціи и революціи. Нигдѣ такъ широко, какъ въ Англіи, не развилась въ XVII в. публицистика. Событія 40-хъ и 80-хъ годовъ заставляли думать надъ самыми крупными и глубокими общественными вопросами. Послѣ великихъ политическихъ писателей революціи, Мильтона, Вена, Лильборна, защищавшихъ народовластіе, свободу личности и право сопротивленія, выступили съ 50-хъ годовъ реакціонеры, сторонники неограниченной власти короля, въ которомъ видѣли начало охраны всѣхъ крупныхъ владѣльческихъ интересовъ.

Digitized by Google

Многіе доказывали еще по старому *божественное* происхожденіе королевской власти, ссылаясь на тексты Библіи: король владѣетъ народомъ, располагаетъ тѣломъ и душою своихъ подданныхъ, какъ патріархъ, какъ отецъ, въ силу передачи ему божественнаго авторитета. Но это разсужденіе не удовлетворяло уже иныхъ сторонниковъ королевской власти: между ними были люди невѣрующіе или равнодушные къ религіи: они искали другихъ, *свѣтскихъ* доводовъ. Въ ихъ духѣ написаны сочиненія Гоббса (Hobbes), матеріалиста, отрицавшаго безсмертіе души. Гоббсъ примыкалъ къ кавалерамъ, въ 1641 г. покинулъ Англію и написалъ свое главное сочиненіе „Левіаѳанъ или матерія, форма и власть государства“ въ Голландіи. Гоббсъ принимаетъ ученіе о договорѣ между государемъ и народомъ, которое выставили пуритане и республиканцы, но даетъ ему особое толкованіе. Въ началѣ временъ люди находились, по его мнѣнію, въ состояніи непрерывной и повсемѣстной вражды между собой; была „война всѣхъ противъ всѣхъ“. Чтобы выйти изъ этого состоянія, люди согласились лишиться своей свободы и подчиниться власти, которая будетъ поддерживать порядокъ и прекратитъ взаимную войну; они сдѣлали это, заключивъ особый договоръ съ властителемъ; содержаніе этого договора — полное подчиненіе подданныхъ государю, единому носителю власти. Даже въ религіозныхъ дѣлахъ нельзя предоставлять свободы отдѣльнымъ членамъ общества. Сама церковь должна подчиняться цѣликомъ государственной власти. Государство поглощаетъ личность, оно и есть разумѣемый Библіей звѣрь Левіаѳанъ. Гоббсъ осуждаетъ ограниченіе монархіи, ему не нравятся смѣшанныя формы въ родѣ сословной монархіи; раздѣленіе власти, по его понятію, ведетъ только къ анархіи.

Лишь часть торіевъ могла принять ученіе Гоббса. Стюарты съ ихъ покровительствомъ католичеству и строгіе англиканцы не принимали его доказательствъ. Виги съ большей пользой для себя истолковали то же самое ученіе о договорѣ. Ихъ взгляды лучше всего выражены въ сочиненіи Локка „О правленіи“. Локкъ былъ врачомъ Шэфтсбёри, долженъ былъ уѣхать въ Голландію послѣ бѣгства своего покровителя и вернулся лишь послѣ революціи 1688 г.

Такъ же, какъ Гоббсъ, Локкъ считаетъ, что въ первобытномъ состояніи люди не знали государства. Но они вовсе не находились въ вѣчной войнѣ, а, напротивъ, отношенія были весьма мирны: однако между самостоятельными личностями возникали споры, для разрѣшенія которыхъ необходимо было установить посредниковъ, судей. Съ этою цѣлью люди и составили между собою государственный союзъ; но *общественный договоръ*, который былъ при этомъ заключенъ, не привелъ къ уничтоженію свободы отдѣльныхъ лицъ; они лишь согласились общими силами

Digitized by Google

охранять свои имущества. Поэтому государство можетъ издавать законы, налагать наказанія и требовать поддержки всѣхъ своихъ сочленовъ при защитѣ отъ враговъ; но высшая власть не можетъ распоряжаться жизнью и имуществомъ подданныхъ безгранично, не можетъ отнимать у нихъ больше, чѣмъ требуетъ общее благо; или иначе говоря, общее благо не можетъ подавить интересовъ и правъ отдѣльныхъ личностей. Поэтому государство не можетъ безъ ограниченія требовать податей, такъ какъ оно иначе разрушитъ все имущественное положеніе гражданъ. Изъ этихъ общихъ соображеній вытекаетъ взглядъ на лучшую форму правленія. Всего опаснѣе поручать высшую законодательную власть одному лицу; лучше всего, если она принадлежитъ собранію, мѣняющемуся въ своемъ составѣ (т.-е. парламенту). Исполненіе закона, напротивъ, удобнѣе передать одному высшему лицу (т.-е. королю); но если онъ начнетъ нарушать законъ и наступитъ безпорядокъ, тогда граждане въ правѣ поднять сопротивленіе; власть переходитъ въ руки всего народа, и народъ можетъ измѣнить первоначальный договоръ, принять новую форму правленія или передать власть въ другія руки.

Локкъ беретъ свои примѣры изъ событій 1688 г. Но его сочиненіе не есть только оправданіе поведенія виговъ, призвавшихъ Вильгельма Оранскаго. Какъ билль о правахъ 1688 г. составляетъ основу *конституціоннаго порядка* въ Англіи, такъ книга Локка—начало *конституціоннаго ученія*. Это ученіе ставитъ на первое мѣсто свободу личности, господство закона, участіе народа въ выработкѣ закона и контроль народа за его примѣненіемъ. Лучшимъ средствомъ для обезпеченія этихъ условій оно считаетъ *раздѣленіе власти* между государемъ и собраніемъ представителей отъ народа. Оправданія для такого раздѣленія оно ищетъ въ первоначальномъ договорѣ. Знакомъ этого договора въ современности оно признаетъ основные законы или *конституцію государства*.

Внѣшняя политика Англіи подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ. Послѣдніе два Стюарта искали опоры за границей, особенно во Франціи. Это дѣлало ихъ глухими къ торговымъ интересамъ своей страны. Французскій министръ финансовъ Кольберъ запретилъ ввозъ англійскихъ товаровъ во Францію и наводнилъ Англію французскими фабрикатами и предметами роскоши. Въ Англіи указывали на то, что ежегодно вслѣдствіе невыгоднаго *баланса* (перевѣса выдачи денегъ изъ страны надъ полученіемъ) уходитъ на нѣсколько милліоновъ золота и серебра; англійскій коммерческій міръ требовалъ въ видѣ отплаты, чтобы запрещенъ былъ ввозъ продуктовъ французской промышленности. Послѣ долгихъ колебаній Карлъ II удовлетворилъ желанію торговаго класса, но Яковъ II опять отмѣнилъ запретъ французскихъ товаровъ.

Въ лицѣ Вильгельма III Англія получила непримиримаго врага

Digitized by Google

Франціи. Начиная съ 1672 г., когда ему пришлось защищать Голландію противъ Людовика XIV, Вильгельмъ Оранскій неустанно устраивалъ въ Европѣ воинственные союзы противъ Франціи и самъ руководилъ походами, какъ его предки въ борьбѣ съ Испаніей. Вильгельмъ втянулъ въ континентальную войну и Англію. Такъ начался цѣлый періодъ ожесточенныхъ столкновеній Англіи съ Франціей (1689—1815) какъ бы новой Столѣтней войны. Смыслъ этой войны тотъ же, какой имѣло, начиная съ королевы Елизаветы, соперничество Англіи съ Испаніей, а въ серединѣ XVII в. съ Голландіей, т.-е. вытѣсненіе торговаго соперника, захватъ монополіи перевоза товаровъ, господство на моряхъ. При воцареніи Вильгельмъ возстановилъ запрещеніе ввоза французскихъ товаровъ; торговый споръ рѣшали сначала на водахъ, раздѣляющихъ Францію и Англію; но его перекинули также въ американскія колоніи. Въ концѣ XVII в. первое мѣсто въ колонизаціи Америки какъ будто стала занимать Франція: для англичанъ возникалъ вопросъ, удастся ли сохранить свои колоніи и удержать торговое положеніе, которое они успѣли занять въ Вестъ-Индіи. Тамъ они видѣли свой главный интересъ: континентальныя войны противъ Франціи обратились для нихъ лишь въ подспорье.

Лондонскій банкъ и начало національнаго долга. Призванный землевладѣльческой аристократіей, сдѣлавъ ей важныя уступки, Вильгельмъ III увлекъ въ кругъ своей политики торговый міръ Англіи. Благодаря этому, совершенно по новому разрѣшился финансовый вопросъ, съ которымъ не могли совладать ни Стюарты, ни республика. Въ XVII в., за неимѣніемъ наличныхъ суммъ, правительство впредь до полученія податей заключало заемъ у отдѣльныхъ банкировъ и ссудчиковъ, особенно у ювелировъ, жившихъ по-старому на Ломбардъ-стритѣ (т.-е. на улицѣ средневѣковыхъ итальянскихъ ссудо-сберегательныхъ кассъ). Займы были краткосрочные, и надо было, кромѣ процентовъ, уплачивать капиталъ, что часто вело къ банкротству правительства и слѣдовательно разоренію множества людей; помѣщать капиталъ такимъ способомъ было рискованно, и многіе удерживали свои сбереженія отъ оборота. При Вильгельмѣ, по мысли одного депутата, шотландца Патерсона, и наподобіе амстердамскаго банка, возникло большое учрежденіе для обмѣна денегъ, покупки векселей, пріема сбереженій и выдачи ссудъ — *лондонскій банкъ* (1694). Правительство заключило въ новомъ банкѣ заемъ на большую сумму, при чемъ парламентъ гарантировалъ (обезпечилъ) правильную уплату процентовъ. Разъ парламентъ обладалъ верховной властью и стоялъ за избираемыхъ или утверждаемыхъ имъ королей, это обезпеченіе давало полную увѣренность капиталистамъ и сберегателямъ, что они не потеряютъ ссужаемой черезъ банкъ суммы. Заемъ вслѣд-

Digitized by Google

ствіе этого утратилъ свой краткосрочный характеръ; владѣльцы бумагъ, покупаемыхъ у банка подъ залогъ ссуды правительству, уже не имѣли въ виду обратнаго полученія своихъ капиталовъ; они выручали теперь правильный ежегодный доходъ въ видѣ 8%, платимыхъ банку правительствомъ. Ссуда обратилась въ постоянный *національный долгъ*. Въ сохраненіи и даже нарастаніи этого долга были теперь заинтересованы всѣ денежные люди страны. Въ свою очередь правительство удачнымъ веденіемъ внѣшней политики, пріобрѣтеніемъ колоній, торговыхъ выгодъ и т. д. могло увеличивать полученія казны и слѣдовательно увеличивать займы. Получился постоянный крупный *бюджетъ* (государственный приходо-расходъ); въ его образованіи лондонскій банкъ служилъ посредникомъ между государствомъ и обществомъ.

Старинные средневѣковые финансы правительства опирались на доходы съ земли; король, считавшійся верховнымъ обладателемъ земельныхъ угодій, раздавалъ ихъ и цѣною уступки доходовъ, получаемыхъ съ земли, пріобрѣталъ услуги одаряемыхъ ленами военныхъ людей. Земля теперь, за небольшимъ вычетомъ, совсѣмъ ушла изъ рукъ короля; но правительство — король съ парламентомъ — сохранило въ извѣстномъ смыслѣ возможность одарять подданныхъ ленами, чтобы пользоваться обратно ихъ услугами. Эти новые лены (ленъ, вѣдь, значитъ заемъ, ссуда) были бумаги, векселя національнаго долга; финансы, вмѣсто доходовъ съ земли, стали основываться на *кредитѣ*. Государство новое, опирающееся на кредитъ широкихъ слоевъ общества, способно на предпріятія несравненно болѣе крупныя, чѣмъ средневѣковое, которое пользовалось медлительными рессурсами натуральнаго хозяйства.

II.

Преобладаніе Франціи.

Меркантилизмъ. Всемірная торговля съ конца XVI в. произвела въ Европѣ переворотъ въ хозяйствѣ отдѣльныхъ странъ и поставила ему новыя задачи. До этого времени были лишь немногія мѣстности, работавшія на сбытъ, Фландрія, сѣверная Италія. Хозяева старались обезпечить себѣ предметы первой необходимости, по возможности, на мѣстѣ. Заботой о снабженіи занято было вообще не правительство страны, а мѣстныя власти, больше всего городскія управленія. Въ городѣ XII или XIII вв. имѣли въ виду прежде всего интересы *потребителя*: старались дать возможность каждому домохозяину запастись въ достаточномъ числѣ хлѣбомъ, живностью, накупить для своихъ нуждъ полотна,

Digitized by Google

сукна, металлическихъ орудій и т. д. Вслѣдствіе этого городскія власти задерживали привозимые товары въ своихъ стѣнахъ, позволяли купцамъ только тогда покупать товаръ для дальнѣйшей перепродажи, когда снабжены были имъ всѣ дома въ городѣ; въ свою очередь цехи ремесленниковъ, работая для небольшого круга производства, старались соблюсти въ своей средѣ равенство сочленовъ и, при помощи стѣснительныхъ правилъ, не давали отдѣльнымъ производителямъ сильно выдвигаться сравнительно съ другими.

Иначе стало дѣло съ XVI в., когда развился широкій обмѣнъ между европейскими странами, когда возникла особая торговая нація голландцевъ. Явилась возможность сбывать въ большомъ количествѣ на отдаленные рынки не только фабрикаты, но и сырые продукты, предметы питанія: польскій хлѣбъ везли въ Испанію, венеціанскія кружева и зеркала—въ Англію и т. д. Мелкія городскія власти не могли услѣдить за такимъ движеніемъ товаровъ; своей политикой обезпеченія мѣстнаго потребленія они только мѣшали ходу товара, стѣсняли производителя; мѣшали ему также цеховыя правила, не позволявшія расширять мастерство увеличеніемъ числа орудій и рабочихъ.

Иначе относилась къ торговому движенію сложившаяся къ началу Новаго времени государственная власть. Съ расширеніемъ производства и торговли въ странѣ она могла увеличить свой доходъ; для нея сила страны заключалась въ сбытѣ товаровъ и ввозѣ денегъ. Правительство само стало крупнѣйшимъ предпринимателемъ въ странѣ, нуждавшимся въ капиталѣ для своихъ большихъ оборотовъ, т.-е. походовъ, найма войска, постройки крѣпостей, содержанія подчиненныхъ чиновниковъ и т. д. Оно налегло въ своихъ требованіяхъ на тѣ классы, которые больше всего могли привлечь денегъ въ страну, т.-е. на промышленниковъ и купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для него стало всего выгоднѣе поддерживать и обогащать эти полезнѣйшіе для казны классы; *экономическая политика* обратилась на защиту интересовъ *производителя*.

Въ такой странѣ, какъ Голландія, гдѣ правительство составлялось изъ уполномоченныхъ мелкихъ областей и самостоятельныхъ городовъ, оно ограничивалось только тѣмъ, что оказывало нѣкоторое покровительство частнымъ компаніямъ, предоставляя имъ исключительныя права, монополіи, и поощряя ихъ къ захвату колоній. Болѣе настойчиво вмѣшивалось въ хозяйственныя дѣла правительство въ Англіи. Со времени республики оно издавало законы для развитія національной торговли. Кромвель запретилъ вывозъ сырой шерсти и допустилъ безпошлинный ввозъ чужой шерсти, чтобы удержать низкія цѣны на продуктъ и этимъ доставить выгоды мануфактуристамъ; при Карлѣ II прошелъ законъ, который предписывалъ даже, ради поощренія національной мануфакту-

Digitized by Google

ры, хоронить умершихъ въ шерстяныхъ костюмахъ и класть ихъ въ шерстью обитые гробы. Послѣ второй революціи сами главные производители, сельскіе хозяева, стали заправлять дѣлами и опредѣлять экономическую политику государства.

Во Франціи производители могли только косвенно и стороной предлагать свои мнѣнія, какъ это сдѣлалъ, напр., Лаффема при Генрихѣ IV. Разница съ Англіей состояла въ томъ, что, при отсутствіи правильнаго участія представителей общества, промышленность должна была ожидать начинаній отъ короля и его совѣтниковъ. Вслѣдствіе этого у правительства французскаго былъ другой взглядъ на свою роль: оно считало себя способнымъ наилучше разсудить, какъ должна быть устроена вся хозяйственная жизнь въ странѣ и при посредствѣ своихъ чиновниковъ слѣдить за работой населенія, направлять и усиливать ее. Въ XVII в. въ парламенты и въ королевскіе совѣты европейскихъ державъ поступаетъ множество проектовъ о способахъ развитія промышленности. Возникаетъ цѣлая литература о „привлеченіи изобилія въ страну", увеличеніи населенія и умноженіи богатства.

Во всѣхъ этихъ запискахъ и трактатахъ повторяются одинаковыя мысли: хозяйство страны или народа надо разсматривать, какъ хозяйство одной семьи; чѣмъ больше производитель получаетъ чистой выгоды отъ продажи своихъ произведеній, тѣмъ богаче онъ, тѣмъ больше можетъ покупать. Государство должно главнымъ образомъ наблюдать *балансъ* („равновѣсіе"): выгодно, чтобы высоко стояла его способность покупать товары и снабжать себя всѣмъ необходимымъ; цѣль эта наилучше можетъ быть достигнута при наибольшемъ вывозѣ своихъ обработанныхъ произведеній и наименьшемъ ввозѣ чужихъ. Этой системы понятій держались въ Европѣ приблизительно около двухъ вѣковъ. Она получила потомъ названіе *меркантилизма* (торговой системы). Самымъ яркимъ выразителемъ меркантилизма въ XVII в. былъ Кольберъ, главный министръ Людовика XIV, вступившій въ управленіе дѣлами послѣ смерти Мазарини (1661 г.).

Индустріальная политика Кольбера. Съ середины XVII в. Франція была самымъ сильнымъ государствомъ въ Европѣ. Она превосходила въ это время плотностью населенія другія страны. Истощеніе Испаніи и разореніе Германіи послѣ тридцатилѣтней войны еще увеличивали ея перевѣсъ. Въ это время стала подниматься французская индустрія, особенно на югѣ среди просвѣщеннаго и предпріимчиваго гугенотскаго населенія. Отстраненнымъ отъ службы и землевладѣнія гугенотамъ, какъ евреямъ въ Польшѣ и Россіи, оставалось примѣнять свою энергію въ промышленной дѣятельности. Кольберъ, занявши должность генеральнаго контролера (что приблизительно значило во Франціи — министръ финан-

Digitized by Google

совъ, торговли, мануфактуръ и внутреннихъ дѣлъ), направилъ главное вниманіе на поддержку крупной обрабатывающей промышленности. Онъ сталъ „повѣреннымъ и главноуправляющимъ французской индустріи". Цѣлымъ рядомъ распоряженій онъ оградилъ ее отъ иноземной конкурренціи: особенно важенъ былъ составленный имъ въ 1667 г. *тарифъ*, т.-е. списокъ пошлинъ на ввозные фабрикаты; эти пошлины были такъ высоки, что ввозить большую часть товаровъ стало невыгодно и невозможно; въ свою очередь французскіе производители могли поднимать цѣны на свои произведенія безъ опасенія, что ихъ выбьютъ съ рынка иностранцы.

Внутри страны также все должно было служить крупной индустріи. Въ городахъ цехи не позволяли держать отдѣльнымъ предпринимателямъ большое число рабочихъ; фабриканты должны были устраиваться въ деревняхъ. Кольберъ оказывалъ этимъ новымъ предпринимателямъ всяческую поддержку: предоставлялъ большимъ заведеніямъ особыя преимущества въ торговлѣ, освобождалъ отъ стѣснительныхъ взносовъ, отъ контроля цеховыхъ надзирателей, выдавалъ денежные авансы и т. д. Фабрикантъ, пріобрѣтавшій право помѣстить на заведеніи королевскій гербъ и названіе „королевская мануфактура", подчинялся только правительственнымъ инспекторамъ. Правительство доставляло ему нерѣдко рабочихъ: напр., передавая одному купцу привилегію на исключительную выдѣлку вязанныхъ чулокъ, Кольберъ обязалъ городскихъ головъ и деревенскихъ старостъ округи доставить ему подходящія помѣщенія для мастерскихъ и пригнать на дѣло безработныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ 10 лѣтъ. Между тѣмъ какъ Сюлли для поднятія земледѣлія открылъ свободный вывозъ хлѣба за границу, Кольберъ нерѣдко воспрещалъ вывозъ, чтобы понизить цѣну на хлѣбъ и заставить везти его изъ приморскихъ и пограничныхъ областей въ середину страны, гдѣ были заведены большія мануфактуры: министръ старался удешевить главный предметъ питанія для того, чтобы предприниматели могли за недорогую заработную плату получить множество рабочихъ. Для пониженія провозной стоимости товаровъ Кольберъ устроилъ также крупные шоссейные пути и провелъ большой Лангедокскій каналъ, соединившій бассейны Средиземнаго моря и Бискайскаго залива.

Особенно поддерживалъ Кольберъ мануфактуры предметовъ роскоши, потребителями которыхъ были высшіе классы, огромное, все возраставшее населеніе столицы Парижа, и невѣроятно многочисленный дворъ Людовика XIV въ его резиденціи, Версали. Такъ создалась большая шелковая мануфактура Ліона, занимавшая къ концу управленія Кольбера 13.000 станковъ. Въ отелѣ гобеленовъ (т.-е. мануфактурѣ вышитыхъ ковровъ и обоевъ) онъ соединилъ живописцевъ, скульпторовъ и ювели-

Digitized by Google

ровъ, токарей и искуснѣйшихъ мастеровъ разныхъ ремеслъ, подъ руководствомъ выдающагося художника Лебрена, для приготовленія meubles, т.-е. всѣхъ предметовъ, служившихъ меблировкѣ и декораціи дворцовъ. Выпиской мастеровъ изъ-за границы Кольберъ старался привить во Франціи производство зеркалъ и кружевъ по венеціанскому образцу, чулокъ по англійскому, суконъ по голландскому, жестяныхъ и мѣдныхъ вещей по германскому.

Оказывая всяческую поддержку новымъ отраслямъ индустріи, правительство съ крайней мелочностью и деспотизмомъ вмѣшивалось въ ходъ фабричнаго дѣла: особыми ордонансами было предписано, какой длины должна быть матерія, какой тонкости — нить, какой окраски — ткань и т. д. За нарушеніе регламентовъ грозили тяжкія наказанія вплоть до смертной казни. Кольберъ былъ убѣжденъ, что безъ этихъ „костылей“ промышленники не научатся сами ходить. „Мнѣ всегда казалось, что мануфактуристы упрямо держатся своихъ ошибокъ и злоупотребленій; лишь государственные дѣятели понимаютъ общій интересъ“. Поэтому онъ рекомендовалъ интендантамъ „строго слѣдить за купцами, которые никогда не хлопочутъ о благѣ общемъ, только бы имъ добиться небольшой частной выгоды“.

Новые классы предпринимателей и рабочихъ. Кольберовская политика содѣйствовала образованію двухъ новыхъ классовъ, крупныхъ предпринимателей и рабочихъ, стоявшихъ внѣ старыхъ корпорацій и цеховъ; собственники фабрикъ, директора заведеній, крупные сбытчики не записывались въ цехи, оставаясь привилегированными „королевскими“ мануфактуристами. Они располагали большею частью также и рабочими, которые не были приняты въ корпораціи и жили въ предмѣстьяхъ и деревняхъ: для того, чтобы быть принятымъ въ новое дѣло, не требовалось прохожденія ученичества и полученія диплома, между тѣмъ какъ эти условія были обязательны для цеховыхъ рабочихъ. Во многихъ отрасляхъ стала измѣняться сама обстановка жизни рабочихъ. Они уже не могли оставаться въ избахъ, гдѣ работали раньше со своими семьями, а переселялись въ большія казармообразныя зданія. Напр., въ сѣверной Франціи подъ покровительствомъ Кольбера одинъ выходецъ изъ Голландіи образовалъ огромную мануфактуру тонкихъ суконъ на 6500 рабочихъ.

Но порядокъ подчиненія рабочихъ и надзора за ними въ заведеніи остался тотъ же, что прежде, или даже сталъ строже въ королевской мануфактурѣ. Малѣйшая попытка со стороны рабочаго уклониться отъ разъ принятыхъ условій преслѣдовалась полиціей со всею строгостью. Всякое нарушеніе фабричной дисциплины разсматривалось, какъ преступленіе противъ общественной безопасности, и вызывало строжайшія наказанія со стороны полицейскихъ судей, которымъ были подчинены

Digitized by Google

рабочіе мануфактуръ. На большой фабрикѣ золототканныхъ матерій въ Сен-Морѣ подъ Парижемъ ткачи работали непрерывно, не выходя изъ своего помѣщенія; все, что имъ нужно было, приносили ихъ помощники, которые чистили и топили помѣщеніе на общій счетъ всѣхъ работающихъ; даже ходить по своей камерѣ было запрещено, также развлекать другъ друга какими-либо разговорами и разсказами; малѣйшая потеря матеріала или орудія строго наказывалась, какъ воровство. Каждую субботу рабочій долженъ былъ платить за харчи своему содержателю, иначе тотъ могъ захватить его мебель и платье. Рабочій принималъ присягу, что вѣрно сохранитъ всякую фабричную тайну, о какой узнаетъ, будетъ хорошо вести себя внутри и внѣ мануфактуры, по праздникамъ будетъ ходить къ обѣднѣ, искать только пристойныхъ развлеченій — строжайше воспрещались пирушки компаньонствъ, т.-е. рабочихъ товариществъ — и въ 10 часовъ всегда являться домой.

Обезпечивая предпринимателямъ послушныхъ рабочихъ, правительство вообще считало низшіе классы обязанными къ различнымъ принудительнымъ работамъ. Когда король отправлялся къ границѣ, напр., во время войны, по обыкновенію съ огромной свитой, по неожиданному маршруту, Кольберъ приказывалъ сгонять тысячи крестьянъ, чтобы для новой королевской дороги ровнять овраги, перебрасывать мосты, ломать изгороди и т. д. Если нужны были въ большомъ количествѣ гребцы для королевскаго флота, выходило повелѣніе, чтобы суды наказывали всѣ проступки каторгой на галерахъ, гдѣ осужденные должны были проводить нѣсколько лѣтъ или даже всю жизнь, прикованные желѣзными цѣпями къ скамьямъ, въ тяжелой, часто ночной работѣ подъ нагайкой надсмотрщика, полуголые, на плохой пищѣ и безъ отдыха.

Система полицейскаго государства. Согласно общей цѣли развивать производительность и поднимать доходъ страны, Кольберъ старался усилить французскую морскую торговлю. Огромныя деньги были истрачены на постройку и улучшеніе гаваней. Для того, чтобы отнять у голландцевъ ввозъ товаровъ изъ Франціи, Кольберъ положилъ особую премію за постройку и выведеніе въ море французскихъ кораблей, въ то время какъ иностранныя суда платили за всякій въѣздъ во французскую гавань и выѣздъ изъ нея. Тѣ же пріемы опеки, покровительства, принужденія примѣнялись и въ отдаленной торговлѣ съ колоніями. Кольберъ основалъ нѣсколько большихъ компаній, вестиндскую, остиндскую, восточную, сѣверную, которымъ переданы были монополіи на большіе районы. Остиндской компаніи правительство дало безпроцентную ссуду въ 3 милліона и настойчиво рекомендовало, т.-е. заставило богатыхъ парламентскихъ совѣтниковъ и городскія управленія, принять въ ней участіе. Въ связи съ этимъ были задуманы обширные колонизаціонные планы

Digitized by Google

въ Сѣверной Америкѣ, на вестиндскихъ островахъ, на Мадагаскарѣ. Еще до Кольбера французы основали нѣсколько поселеній въ Канадѣ на сѣверъ отъ страны великихъ озеръ и по рѣкѣ св. Лаврентія. Кольберъ возымѣлъ планъ утвердиться на устьяхъ Миссисипи у Мексиканскаго залива, чтобы забрать въ руки французовъ торговлю въ Новой Испаніи, т.-е. Мексикѣ; французскіе офицеры и изслѣдователи поднимались по Миссисипи до его истоковъ и, обратно, спускались отъ великихъ озеръ къ устью громадной рѣки, которое назвали Луизіаной по имени короля; рѣшено было также занять всю длинную линію рѣчного пути между сѣверными и новыми южными владѣніями въ Америкѣ.

Большая часть заморскихъ предпріятій Кольбера рушилась: они были очень крупны по своимъ географическимъ размѣрамъ, тогда какъ колонистовъ, отправлявшихся въ Новый Свѣтъ, было мало; притомъ это были не земледѣльцы и не промышленники, а главнымъ образомъ авантюристы, искатели золота и т. п. Но то, что было сдѣлано Кольберомъ въ самой Франціи, оказалось гораздо прочнѣе, такъ какъ правительство встрѣчалось съ сильнымъ самостоятельнымъ движеніемъ въ странѣ. Расцвѣтающая индустрія Франціи дала казнѣ большіе доходы. Вмѣсто дефицитовъ король сталъ получать большой для того времени перевѣсъ полученій надъ обычными расходами (110 милліоновъ ливровъ, по современной цѣнѣ денегъ впятеро болѣе). Это богатство позволило Людовику XIV держать лучшее въ Европѣ войско, вести шумную наступательную политику и тратить громадныя деньги на свой дворянскій дворъ.

Промышленная политика Кольбера тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ общими пріемами управленія. Правительство поощряло „умноженіе народа“, подгоняло населеніе къ усиленной работѣ и усиленной уплатѣ налоговъ. Главными посредниками въ исполненіи промышленныхъ предписаній и регламентовъ генеральнаго контролера служили возстановленные послѣ Фронды интенданты, которые представляли своему начальнику обстоятельные доклады, руководили общественными работами, доставляли рабочихъ на королевскую барщину. Интенданты назначались верховною властью на неопредѣленный срокъ, могли быть всегда удалены ею при неисполнительности и потому крайне усердствовали въ ея интересахъ; несмѣняемые и наслѣдственные судьи парламентовъ постоянно должны были уступать этимъ чиновникамъ, которые ловили настроеніе, господствовавшее наверху.

Король объявилъ парламентамъ, что право издавать законы принадлежитъ ему одному. Онъ отнялъ у парламента въ Парижѣ надзоръ за порядкомъ въ столицѣ. Большой безпокойный городъ очень не нравился королю; резиденція была устроена внѣ Парижа, а самъ Парижъ былъ

Digitized by Google

подчиненъ полицейскому генералъ-намѣстнику, непосредственно зависѣвшему отъ государя. Ношеніе огнестрѣльнаго оружія было запрещено. Гораздо болѣе, чѣмъ безопасности обывателей, служила полиція политическимъ цѣлямъ, преслѣдованію дѣйствительныхъ и мнимыхъ враговъ неограниченнаго правительства. Для этого разряда дѣлъ суда не существовало. Достаточно было тайнаго распоряженія (lettre de cachet) короля или его министра, чтобы посадить извѣстное лицо въ тюрьму на неопредѣленное время; заключеннаго могли и забыть, по ошибкѣ или намѣренно, на всю жизнь въ такомъ заключеніи. Политическихъ тюремъ было чрезвычайно много; Бастилія въ Парижѣ была лишь самой знаменитой.

Правительство не допускало независимой печати; между 44 узниками Бастиліи въ 1661 году было 12 газетныхъ писателей, скоро къ нимъ присоединили еще двухъ виновныхъ не въ оскорбленіи властей, а лишь въ томъ, что они распространяли свѣдѣнія, полученныя частнымъ путемъ, не имѣя на то особаго дозволенія властей. За сатирическія нападки въ листкахъ полицейскій судъ приговаривалъ къ галерамъ и висѣлицѣ. Во всѣ мелочи входили власти: онѣ опредѣляли, кому позволительно носить костюмы съ шитьемъ и галунами, какъ слѣдуетъ украшать экипажи, какой длины должны быть парики, кто имѣетъ право покупать сырую или жареную дичь и т. п. Старинное свободолюбіе и остроуміе французовъ мстило за эту всепроникающую тиранію множествомъ карикатуръ и памфлетовъ, которые печатались за границей, особенно въ Голландіи, и наводняли потомъ Францію.

Французскій король и его дворъ. Нигдѣ въ Европѣ обиліе доходовъ, въ связи съ многочисленнымъ штатомъ чиновниковъ, бывшихъ въ распоряженіи правительства, не создавало такого преувеличеннаго понятія о власти, какъ это было во Франціи у Людовика XIV. Король, въ ранней молодости пережившій смуты Фронды и современной ей англійской революціи, писалъ потомъ въ „Наставленіи своимъ наслѣдникамъ“: „Когда государь вынужденъ принимать законъ отъ своихъ подданныхъ—это худшее несчастіе, въ какое только можетъ впасть лицо нашего королевскаго сана... Голова одна разсуждаетъ и рѣшаетъ, отправленія другихъ членовъ состоятъ въ исполненіи приказовъ, которые имъ даны... Божья воля требуетъ, чтобы всякій, кто родился подданнымъ, повиновался безъ разсужденія... Тотъ, кто далъ людямъ государей, хочетъ, чтобы ихъ чтили, какъ Его намѣстниковъ, и сохраняетъ лишь за собою право судить ихъ поведеніе... Государи имѣютъ полное распоряженіе надъ всѣми имуществами въ странѣ, какъ свѣтскими, такъ и духовными“.

Тѣ же понятія развивалъ архіепископъ Боссюэтъ, придворный проповѣдникъ, въ своемъ „Государственномъ ученіи, извлеченномъ изъ св.

Digitized by Google

Писанія": „Государь заключаетъ въ себѣ все государство; въ его волѣ вся воля народа. Онъ—образъ Бога, возсѣдающаго на престолѣ надъ небесами и направляющаго весь міръ".

Людовикъ XIV любилъ, чтобы въ стихахъ и привѣтствіяхъ его называли „королемъ-солнцемъ". Послѣдовательно во всемъ проводилась та мысль, что король далеко возвышается надъ обыкновенными смертными: цѣлый городъ, Версаль, исключительно королевскій, долженъ былъ возникнуть по капризу Людовика XIV въ мѣстности, до тѣхъ поръ совершенно безлюдной, на почвѣ расчищеннаго лѣса. Огромный версальскій дворецъ, стоившій 150 милліоновъ (750 милл. на современныя деньги), со своими мраморными лѣстницами и монументальными залами, былъ приспособленъ къ ослѣпительному параду, къ безконечнымъ пріемамъ. На широчайшихъ улицахъ, служившихъ для выходовъ, процессій, катаній короля со свитой, стояли большіе отели знатнѣйшихъ королевскихъ слугъ, сеньеровъ, обратившихся въ „тѣни государя", которыя всюду за нимъ слѣдовали.

Всѣ мелкіе акты интимной и ежедневной жизни короля были обращены въ торжественный публичный церемоніалъ. При его вставаніи отъ сна и укладываніи въ постель, при его завтракѣ и обѣдѣ присутствовали большія группы придворныхъ, всякій разъ по особому выбору государя, въ особыхъ ливреяхъ, держали свѣчу, подавали рубашку, приносили стаканъ свѣжей воды и т. д. Король требовалъ, чтобы вся аристократія была при немъ: ни одинъ дворянинъ, желавшій служить, не могъ уклониться отъ участія въ придворной жизни. Въ ежедневно развертывавшихся рядахъ титулованныхъ слугъ и статистовъ король зорко замѣчалъ усердныхъ; и обратно, если у него просили милости или занятія для человѣка, пренебрегавшаго дворомъ, онъ отрѣзывалъ разговоръ замѣчаніемъ: „я его не вижу и не знаю!" Земной богъ проявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ полное невниманіе къ тому, что въ жизни обыкновенныхъ людей направляется моралью и сдерживается обычаемъ или чувствомъ приличія. Въ походъ, напр., онъ везетъ съ собой, въ одной колескѣ съ королевой, двухъ фаворитокъ, такъ что сбѣгающійся народъ думаетъ, что видитъ передъ собою трехъ королевъ. Къ обѣднѣ король требовалъ прибытія всего двора, но придворные должны были повернуться спиной къ алтарю, чтобы стоять лицомъ къ колѣнопреклоненному въ срединѣ церкви государю.

Государственная власть во Франціи имѣла своеобразный обликъ. Кольберъ, сынъ портного, бывшій дворецкій въ домѣ Мазарини, работавшій по 15 часовъ въ сутки, каждый день отправлялся пѣшкомъ, съ портфелемъ подъ мышкой, на докладъ къ государю. Людовикъ XIV входилъ во всѣ мелочи большого хозяйства во Франціи, управлявшагося бур-

Digitized by Google

жуазно-интендантскими пріемами, но пользовался доходами этого хозяйства, какъ расточительный магнатъ, и притомъ совмѣстно съ другими сеньёрами. Король сводилъ дворянъ на декорацію при себѣ; но въ качествѣ „перваго дворянина въ государствѣ“ онъ хотѣлъ жить среди этого непроизводительнаго класса на счетъ работы всей страны.

Войны Людовика XIV. Тѣ же двѣ разныя стороны, матеріальный расчетъ и капризныя растраты сеньёра, выступаютъ и въ войнахъ Людовика XIV.

Торговая система Кольбера была уже сама по себѣ вызывомъ сосѣдямъ и войной съ ними: его пошлины слишкомъ сильно вредили торговлѣ другихъ странъ, и другимъ державамъ оставалось только мстить такими же стѣснительными пошлинами въ отношеніи къ французскимъ товарамъ. Положеніе рынковъ становилось невыносимо, и торговые противники прибѣгали къ оружію, чтобы силою заставить принять свои условія и принизить враждебную торговлю. Меркантилизмъ съ неизбѣжностью велъ къ войнамъ и насильственному захвату торговыхъ преимуществъ.

Кольберъ своимъ тарифомъ болѣе всего хотѣлъ ослабить голландскую торговлю, выбить голландцевъ съ французскаго и другихъ европейскихъ рынковъ. Въ отвѣтъ на это Голландія, не располагавшая большими военными силами, во всѣхъ европейскихъ осложненіяхъ старалась поднять враговъ противъ Франціи. Изъ этого получилась наконецъ война, въ которой французскій король рѣшилъ совершенно уничтожить богатую торговую республику (1672). Другимъ промышленнымъ соперникомъ французовъ были англичане: они уже начали встрѣчаться въ своихъ колоніальныхъ предпріятіяхъ, въ Америкѣ и въ Индіи: чтобы нанести вредъ Англіи, французскій король поддерживалъ недовольныхъ ирландцевъ, принялъ у себя изгнаннаго Якова II Стюарта и грозилъ его преемнику Вильгельму, пока, наконецъ, не открылась ожесточенная война съ Англіей на материкѣ и на морѣ.

Но въ войнахъ Людовика XIV отражалась также своевольная фантазія короля-солнца. Онъ рѣшилъ покончить съ Голландіей, потому что не могъ выносить критики и насмѣшекъ вольнаго народа лавочниковъ и моряковъ. Слабые сосѣди, Испанія и раздробленная Германія, должны были расплачиваться своими землями за непрерывныя стремленія Людовика XIV расширять французскую территорію. У короля недаромъ былъ девизъ: Deo minor, sed orbe major (меньше, чѣмъ Богъ, но больше, чѣмъ земной шаръ). Онъ держалъ всю Европу въ постоянномъ напряженіи. Изъ 54 лѣтъ его самостоятельнаго правленія (1661—1715) тридцать три прошли въ войнахъ.

Людовикъ XIV велъ войну въ большомъ размѣрѣ, съ крупнымъ подвозомъ припасовъ, большими инженерными работами по осадѣ крѣ-

Digitized by Google

постей, проведенію военныхъ дорогъ и мостовъ и т. д. То, что на хлопотливомъ хозяйствѣ сберегалъ Кольберъ, тратилъ военный министръ Лувуа, такой же беззастѣнчивый, какъ король. На враждебной территоріи война велась опустошительная: „съѣсть страну"—таковъ былъ откровенный приказъ короля. Солдаты, и еще болѣе предводители, забирали все, что имъ нравилось. Лувуа писалъ одному изъ даровитѣйшихъ генераловъ Людовика XIV, Люксанбуру, выдававшемуся также своей жадностью и жестокостью: „хотя король убѣжденъ, что вы порядочно обворовали его въ той странѣ, откуда вы возвращаетесь, но его Величество все же очень довольны тѣмъ, что вы ему оставили".

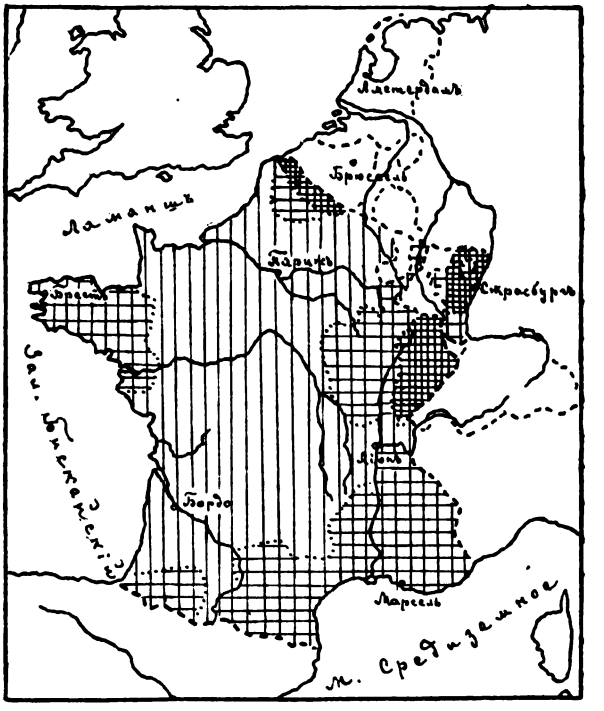
Въ первыхъ двухъ войнахъ (60 и 70-хъ гг.) Людовикъ при помощи выдающихся генераловъ и инженеровъ, Тюренна, Конде, Вобана, одержалъ большіе успѣхи. Въ походѣ 1672 г. онъ взялъ неприступныя крѣпости, возведенныя голландцами противъ испанцевъ, и захватилъ почти всю страну. Въ Амстердамѣ охваченная паникой масса народа подняла мятежъ противъ господствующей купеческой аристократіи и убила пенсіонарія республики де-Витта, руководившаго дѣлами Голландіи болѣе 20 лѣтъ. Снова выступили Оранскіе во главѣ военной защиты. Снова, какъ противъ испанцевъ и Альбы, голландцы освободились, прорвавши плотины и наводнивши страну. Молодой Вильгельмъ Оранскій, искусный дипломатъ, составилъ въ Европѣ коалицію (союзъ) противъ Людовика XIV изъ Испаніи, Австріи и Бранденбурга (крупнѣйшаго въ то время курфиршества въ Германіи) и отвлекъ этимъ вниманіе французскаго короля отъ Голландіи. Людовикъ, вынужденный отступить, вознаградилъ себя на счетъ Испаніи: по миру въ Нимвегенѣ онъ получилъ Франшъ Конте на восточной границѣ и нѣсколько крупныхъ промышленныхъ городовъ Бельгіи на сѣверѣ.

Нимвегенскій миръ представляетъ вершину силы Людовика XIV. Въ знакъ преобладанія Франціи трактатъ написанъ впервые по-французски (тогда какъ раньше языкомъ дипломатіи была латынь). Обычаи французскаго двора вмѣстѣ съ его единственнымъ, какъ казалось, по гибкости свѣтскимъ языкомъ стали распространяться по всей Европѣ; всякій нѣмецкій князь старался подражать французскому королю, заводилъ тѣ же увеселительные дворцы, праздники, церемоніалъ и т. д. Въ сознаніи своей силы Людовикъ XIV позволялъ себѣ совершать захваты во время мира; такъ, онъ занялъ внезапно Страсбургъ, важнѣйшую опору Германской Имперіи.

Французская литература „вѣка Людовика XIV". Король считалъ себя большимъ цѣнителемъ науки, литературы и искусства, и среди придворныхъ выдачъ есть ассигновки на академическую библіотеку, обсерваторію, ученые институты, коллекціи, на пенсіи и подарки литерато-

Digitized by Google

рамъ. Кольберъ однако выразилъ очень ясно главное побужденіе королевскихъ щедротъ: „наши великіе люди (представители науки и искусства) будутъ въ восторгѣ отъ того, что они состоятъ подъ столь высокимъ покровительствомъ; они готовы создавать исторію нашего государя на всѣ лады, именно излагать судьбы государства по-латыни и по-французски, восхвалять въ поэзіи, воспѣвать въ панегирикахъ и другихъ видахъ краснорѣчія, а также изображать въ моделяхъ; далѣе они могутъ различными способами представлять событія его (короля) частной жизни, въ которыхъ выступаютъ всѣ столь логичныя движенія его духа, все, что онъ сказалъ и сдѣлалъ, и въ чемъ обнаруживается его изумительный умъ". Кольберъ даже образовалъ для выполненія этого плана небольшой комитетъ ученыхъ и поэтовъ, составившихъ потомъ „академію медалей, надписей и изящной литературы". Людовикъ XIV поддерживалъ и за границей — въ Германіи, Италіи, Нидерландахъ — литераторовъ, большею частью очень посредственныхъ, которые брали на себя задачу быть „трубами, возвѣщающими добродѣтели короля".



Франція при Людовикѣ XIV. Мелкими клѣтками показаны пріобрѣтенія Людовика XIV (Артуа на с., Эльзасъ и Франшконте на в.); крупными—pays d'états, области, гдѣ сохранились мѣстные штаты.

Преуспѣвающая, богатая, многолюдная Франція выставила около половины XVII вѣка цѣлую группу выдающихся писателей: Мольера (1622—75), Расина (1639—90), Лафонтена, Буало. Ихъ лучшая пора — 50-ые, 60-ые годы столѣтія. Они или старше Людовика XIV (1638—1715), или ровесники его. Они придали блескъ его вѣку, но они ничѣмъ ему не обязаны, напротивъ, они въ извѣстной степени испытали тягости покровительства и стѣсненія, исходившаго отъ монархіи; за ними въ той

Digitized by Google

же обстановкѣ выросло поколѣніе посредственностей; система короля принижала умы.

Болѣе всего отразилъ въ своихъ трагедіяхъ салонный бытъ Версаля Расинъ. Его предшественникъ Корнель, современникъ Ришельё и Мазарини, аристократическимъ заговорамъ и Фрондѣ, еще проникнутъ суровыми мотивами испанской поэзіи, въ немъ еще не погасло нѣсколько шероховатое и рѣзкое рыцарство. У Расина все сглажено во имя требованій тонкой общественности. Расиновы греки, римляне, древніе іудеи, неизбѣжные по требованіямъ классической поэзіи, тѣмъ не менѣе — настоящіе придворные французы его времени; на сценѣ они появлялись въ модныхъ завитыхъ парикахъ, треуголкахъ и при парадныхъ шпагахъ, герои и героини говорили другъ другу „Monsieur", „Madame", въ изящной благозвучной, вкрадчивой рѣчи излагали свои чувства, безъ крайностей, съ преобладаніемъ діалектики и резонерства надъ дѣйствіемъ. Блистательные цари Расина, Александръ, Агамемнонъ, Титъ, были идеализированными портретами Людовика XIV. Поэтъ чувствовалъ влеченіе къ нему и придавалъ огромное значеніе его милостямъ; охлажденіе Людовика XIV, можетъ быть, ускорило смерть Расина.

Законодателемъ литературныхъ вкусовъ придворно-дворянской среды выступаетъ Буало въ „Искусствѣ поэзіи". Правила его сводятъ сущность поэзіи къ совершенству формы, легкому полированному языку, непринужденности риомъ: надъ фантазіей долженъ господствовать „здравый смыслъ", т.-е. уравновѣшенность человѣка, воспитаннаго въ салонѣ, гдѣ убѣжденія, оригинальность, энтузіазмъ неудобны, гдѣ надо играть вѣчную роль благообразной, находчивой и представительной маски. Гораздо болѣе непосредственности, народной мудрости и юмора у баснописца Лафонтена, но и онъ вынужденъ былъ грѣться въ лучахъ двора, искать покровительства у блистательныхъ сеньеровъ.

У всѣхъ этихъ писателей есть еще одна общая черта. Корнель, Расинъ, Лафонтенъ—ученики духовныхъ школъ, между прочимъ іезуитскихъ. Въ зрѣлыхъ годахъ или подъ конецъ жизни у нихъ, какъ потомъ и у самаго Людовика XIV, является тяготѣніе къ церкви, къ строгому догматичному католичеству.

Совершенно отдѣльно отъ нихъ стоитъ величайшій комикъ всѣхъ временъ, Мольеръ. Самъ родомъ изъ ремесленной среды (сынъ королевскаго драпировщика), актеръ странствующей труппы, Мольеръ отражаетъ взгляды буржуазіи, составлявшей настоящую дѣятельную Францію того времени, позади показного разволоченнаго барства Версаля. У Мольера нѣтъ соблюденія „правилъ" классицизма, нѣтъ знаменитыхъ трехъ „единствъ" мѣста, времени и дѣйствія, встрѣчаются чисто народныя сцены, крестьянскій жаргонъ. Мольеръ осмѣялъ претензіи высо-

Digitized by Google

аристократическихъ салоновъ; сеньеръ въ его изображеніи („Донъ-Жуанъ") надѣленъ умомъ и другими дарами природы, но остается прожигателемъ жизни и бездушнымъ лицемѣромъ; осмѣянъ и честолюбивый буржуа, лѣзущій въ дворянство. Но у Мольера есть мотивы гораздо болѣе глубокіе, сатира, болѣе безпощадная: въ „Тартюфѣ" (1664), имя котораго стало нарицательнымъ, онъ впервые разоблачаетъ іезуита, показываетъ всю низость человѣческой натуры, всѣ дурныя страсти, которыя могутъ крыться подъ рясой благочестивца и неслышно развращать общество въ эпохи религіозной реакціи. „Мизантропъ" представляетъ въ формѣ комедіи тяжелую драму благороднаго и искренняго человѣка, вынужденнаго вращаться въ средѣ, гдѣ безправіе и безгласность воспитали только пустоту, фальшивыя чувства и рѣчи; это—вызовъ, брошенный во имя правды и человѣчности всему господствующему обществу.

Людовикъ XIV сначала покровительствовалъ Мольеру, далъ мѣсто его труппѣ въ Луврскомъ дворцѣ въ Парижѣ и бралъ его подъ защиту противъ нападокъ аристократіи и духовенства; королю казалось, что умѣренная сатира, очищающая нравы, можетъ только украсить его вѣкъ. Но постепенно онъ охладѣлъ къ Мольеру. Послѣ перваго представленія Тартюфа, гдѣ авторъ игралъ главную роль, королева, клиръ, сановники, высшая администрація яростно требовали запрещенія пьесы; одинъ священникъ говорилъ, что Мольера надо сжечь. Мольеръ долженъ былъ передѣлать комедію, одѣть Тартюфа въ свѣтское платье, но и въ этомъ урѣзанномъ видѣ пьеса была запрещена. Когда Мольеръ, пораженный внезапнымъ ударомъ на сценѣ, лежалъ при смерти, къ нему не согласился идти ни одинъ патеръ; архіепископъ отказалъ ему въ погребеніи, и хотя долженъ былъ уступить королевскому приказу, но Мольера все же похоронили внѣ кладбища.

Вторая половина царствованія Людвика XIV. Церковная политика. Съ середины 80-хъ годовъ, послѣ смерти Кольбера († 1683), въ положеніи Франціи замѣчается поворотъ къ худшему. Король переоцѣнилъ свои силы и сталъ жертвовать прямыми интересами страны ради своего односторонняго деспотизма. Одною изъ самыхъ поразительныхъ по своей несправедливости и вреду для Франціи мѣръ была отмѣна Нантскаго эдикта въ 1685 г.

Послѣ взятія въ 1629 г. Ларошели гугеноты составляли вполнѣ мирное населеніе. Дворянство почти цѣликомъ вышло изъ ихъ состава, такъ какъ протестантамъ не давали мѣста на службѣ. Лучшіе генералы Людовика XIV, Тюреннъ и Конде, по рожденію протестанты, перешли въ вѣроисповѣданіе двора и хорошаго тона. Оттѣсненные отъ политики, отъ администраціи и двора, гугеноты ушли въ индустрію, морское дѣло,

Digitized by Google

торговлю. Главные кліенты Кольбера были гугеноты, и онъ старался охранять ихъ отъ разныхъ попытокъ стѣсненія. Между тѣмъ, по понятіямъ Людовика XIV, религія, исповѣдуемая государемъ, составляетъ долю его верховенства, и слѣдовательно отступленіе подданныхъ отъ раздѣляемой имъ вѣры есть актъ неповиновеніе государю. Этимъ взглядомъ старалось воспользоваться католическое духовенство и іезуиты, чтобы добиться искорененія ереси.

Сначала протестантамъ запретили собираться на синоды, закрыли и разрушили церкви въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не были оговорены въ Нантскомъ эдиктѣ. Затѣмъ пустили въ ходъ пропаганду миссіонеровъ; правительство въ своихъ распоряженіяхъ говорило о правѣ обращенія въ католичество добровольно сознавшихъ свои заблужденія протестантовъ; а въ дѣйствительности духовенство получило разрѣшеніе отнимать дѣтей у родителей и обучать ихъ въ католичествѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ закрѣплять разрывъ и устраивать новообращенныхъ въ какой-нибудь выгодной должности. Наконецъ объявили право преслѣдованія еретиковъ и стали напоминать королю великій примѣръ римскихъ императоровъ, искоренявшихъ вредныя ученія по указанію учителей церкви. Усердные интенданты старались ускорить ходъ обращенія при помощи „миссіонеровъ въ сапогахъ“. Они помѣщали на постой къ протестантамъ драгуновъ: солдаты буйствовали, какъ въ разгарѣ войны въ завоеванной странѣ, а королю доносились о торжественныхъ отреченіяхъ протестантовъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ 1685 г., когда, по официальнымъ докладамъ, осталось немного протестантовъ, былъ отмѣненъ Нантскій эдиктъ.

Уже первыя стѣсненія вызвали выселеніе гугенотовъ изъ Франціи; послѣ отмѣны эдикта эмиграція дошла до сотенъ тысячъ протестантовъ. Всѣ отрасли труда пострадали отъ этого: ушли крупные промышленники, искусные мастера и рабочіе, моряки и военные, унесены были значительные капиталы, лежавшіе въ индустріи и торговлѣ. Все это обогатило сосѣдей и противниковъ Франціи: въ Англіи, Голландіи, Бранденбургѣ гугеноты нашли убѣжище, открыли свои промышленныя предпріятія и привили свое мастерство. Вильгельмъ Оранскій набралъ изъ нихъ нѣсколько полковъ, которые бились потомъ противъ армій Людовика XIV. Велика была и нравственная потеря: Франція лишилась массы людей, которые ставили дѣло совѣсти выше внѣшняго покоя и матеріальныхъ благъ, „уносили сокровища героизма, безкорыстія и постоянства, которыхъ ничѣмъ нельзя замѣнить“.

Протестантскіе ученые и публицисты, ожесточенные преслѣдованіемъ, собравшись за границей, образовали рѣзкую оппозицію всему направленію французской монархіи. Черезъ четыре года послѣ отмѣны Нантскаго эдикта и на другой годъ послѣ билля о правахъ, въ Голландіи появи-

Digitized by Google

лась французская книга: „Стоны порабощенной Франціи, жаждущей свободы". Авторъ ея, протестантскій священникъ Жюрьё, ссылался на счастливую Англію, которая только что сбросила съ себя оковы; этотъ переворотъ долженъ возродить во французахъ жажду къ возвращенію свободы. Немыслимо сознавать себя рабомъ среди свободныхъ. „Одна только Франція, прекраснѣйшая изъ всѣхъ земель Европы, самая благородная страна въ свѣтѣ, подчинена жестокому тираническому произволу власти, которая не знаетъ границъ... Люди потеряли даже право говорить и жаловаться... Но я желаю своей родинѣ новаго торжества разума: она должна будетъ понять, что права народа неотчуждаемы и не погибнутъ отъ неисправедливыхъ захватовъ государей; одинъ или два вѣка тиранiи не отнимутъ у него права вернуться къ свободѣ".

Другой протестантъ, свободомыслящій между своими, Пьеръ Бэйль (1647—1706), выступилъ въ защиту вѣротерпимости, но съ инымъ оружіемъ. Преслѣдованіе за вѣру есть не только жестокость, но и дикое невѣжество, результатъ узости понятій, выражающейся въ нелѣпомъ убѣжденіи человѣка, будто онъ обладаетъ всей истиной. Скептицизмъ, сомнѣніе въ непреложности человѣческихъ взглядовъ,—вотъ что учитъ насъ быть снисходительными и широкотерпимыми. Въ „Разсужденіи о кометѣ" Бэйль начинаетъ съ насмѣшки надъ извѣстнымъ суевѣріемъ о вліяніи кометъ на земныя событія и изображаетъ все зло, какое причинили люди другъ другу изъ-за предразсудковъ, если къ нимъ примѣшивалась религія, т.-е. притязаніе на исключительную правоту своихъ убѣжденій. Онъ приходитъ къ заключенію, что гораздо разумнѣе устроили бы государство *атеисты*, т.-е. люди безразличные къ вѣрѣ, потому что у нихъ не было бы главнаго основанія ссориться и насиловать другъ друга.

Людовикъ XIV тѣснилъ протестантовъ не только изъ сочувствія къ католичеству, но и ради торжества своей исключительной власти. То же самовластіе онъ проявилъ въ отношеніи къ католической церкви. Въ началѣ XVI в. Францискъ I отступился отъ галликанства, т.-е. желанія образовать особую національную церковь во Франціи. Людовикъ XIV вернулся къ галликанству, понимая его по-своему, какъ независимость французскаго духовенства отъ папы, но съ подчиненіемъ ему, королю. Онъ объявилъ себя въ правѣ распоряжаться всѣми вакантными архіепископствами и епископствами. Папа протестовалъ, но король въ отвѣтъ созвалъ національный французскій синодъ; Боссюэтъ предложилъ здѣсь (1682) *галликанскую декларацію;* она повторяла старыя положенія XV в., что соборы выше папы, что папа не непогрѣшимъ, но заключала вмѣстѣ съ тѣмъ преклоненіе передъ свѣтскою властью: въ одной изъ ея статей говорилось, что церковь не имѣетъ власти надъ государствомъ и не можетъ освобождать подданныхъ отъ присяги.

Digitized by Google

Въ кругу самого католичества король благоволилъ іезуитамъ и подвергалъ гоненію ихъ противниковъ, *янсенистовъ*. Такъ называлась (по имени голландскаго католическаго богослова Янсенія) группа католиковъ, принимавшихъ протестантское ученіе о спасеніи вѣрою и о предопредѣленіи. Янсенисты не имѣли никакого вліянія въ широкихъ народныхъ слояхъ: это былъ чисто интеллигентный кружокъ, общество писателей, ученыхъ и людей созерцательной жизни, примкнувшій къ женскому монастырю Порройль (Port Royal) въ Парижѣ, усвоившій ученіе Декарта. Съ 50-хъ годовъ XVII вѣка янсенисты начали литературную борьбу противъ іезуитовъ; особенно горячо были написаны „Провинціальныя письма“ молодого ученаго Паскаля, съ рѣзкимъ изобличеніемъ лицемѣрія и безнравственности іезуитской системы воспитанія. Королю не нравился янсенизмъ еще и потому, что идеи этого направленія захватили оппозиціонную аристократію парламентовъ. Въ XVIII в. архіепископъ парижскій объявилъ осужденіе секты, полиція выгнала монахинь Порройля, монастырь былъ разрушенъ до основанія и даже сломаны его надгробные памятники.

Паденіе внѣшняго могущества Франціи. Съ отмѣны Нантскаго эдикта все рѣзче выступаютъ недостатки системы Людовика XIV. Многіе изъ талантливыхъ дѣятелей первыхъ двухъ десятилѣтій его правленія (Кольберъ, Тюреннъ, Конде) сошли въ могилу, другіе, какъ Вобанъ, подверглись немилости, половина интеллигентной Франціи, въ лицѣ протестантовъ, была выброшена за границу. Между тѣмъ, какъ Людовикъ XIV все дальше развивалъ свои планы господства въ Европѣ, королемъ въ Англіи сталъ его энергичный противникъ Вильгельмъ Оранскій; коалиціи противъ Франціи сдѣлались гораздо внушительнѣе. Въ 1689 г., когда Людовикъ захватилъ прирейнскія земли Германіи, противъ него соединились Австрія, Испанія и Швеція, Голландія и Савойя и, что особенно важно, Англія. Для Англіи, въ которой верхъ взяли въ 1688 г. виги, сторонники расширенія морского могущества страны, война съ Франціей имѣла особенное значеніе. Англичане не имѣли нужды защищать свою страну отъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV; они ставили задачей сломить силу французскаго флота, созданнаго Кольберомъ, лишить Францію торговаго преобладанія и выбить ее изъ колоніальныхъ владѣній въ Америкѣ и въ Индіи.

Въ то время, какъ Людовикъ XIV продолжалъ одерживать побѣды на сушѣ, по Рейну и въ Бельгіи, англичане ужо успѣли нанести ему нѣсколько чувствительныхъ ударовъ на морѣ. Послѣ десяти лѣтъ войны французскій король не получилъ ни клочка земли. Но у него сложился новый планъ—захвата всей испанской монархіи съ ея посторонними владѣніями въ Нидерландахъ и Италіи и со всѣми колоніями. Для этого нужно было склонить бездѣтнаго испанскаго короля, послѣдняго изъ

Digitized by Google

Габсбурговъ, составить завѣщаніе въ пользу внука Людовика XIV, и французскій король, превративъ испанскихъ грандовъ въ своихъ пенсіонеровъ, успѣлъ въ этомъ.

Но когда въ 1700 году послѣдній испанскій Габсбургъ, Карлъ II, умеръ и Людовикъ отправилъ за Пиренеи своего внука, Вильгельмъ Оранскій и другіе его противники выставили кандидатомъ на испанскій престолъ австрійскаго Габсбурга, сына императора; Англія и Нидерланды должны были получить вестиндскія колоніи Испаніи. Началась одна изъ самыхъ продолжительныхъ и ожесточенныхъ войнъ Европы, война за *испанское наслѣдство* (1701—1714). Въ самомъ началѣ ея умеръ Вильгельмъ III, но его преемница, дочь Якова II, Анна, приняла военную программу виговъ. Противъ Франціи соединились Англія, Голландія, большая часть князей германской имперіи, между ними Бранденбургъ, Австрія, Савойя и Португалія. Битвы происходили чуть не во всѣхъ странахъ Европы: въ Испаніи, гдѣ сражались оба претендента, въ Бельгіи, на Рейнѣ и въ южной Германіи, въ Италіи и въ самой Франціи. Съ этою войной соединилась другая, занимавшая восточную Европу, такъ наз. *Великая сѣверная:* союзный съ Франціей шведскій король Карлъ XII воевалъ противъ трехъ державъ: Россіи, Польши и Даніи, а мѣстомъ дѣйствій были берега Балтійскаго моря, Нѣманъ и Висла, Силезія и Саксонія и, наконецъ, Малороссія.

На сторонѣ противниковъ Людовика XIV былъ перевѣсъ силъ и выдающіеся вожди (принцъ Евгеній Савойскій, не принятый на службу Людовикомъ XIV и перешедшій къ Австріи, и Мальборо, представитель крупной вигской фамиліи въ Англіи); но интересы союзниковъ расходились весьма сильно: императоръ добивался всего испанскаго наслѣдства, тогда какъ морскія державы, Англія и Голландія, не хотѣли ни французскаго, ни австрійскаго господства, стояли за раздѣленіе испанскихъ владѣній и добивались для себя морскихъ станцій, колоніальныхъ пріобрѣтеній и преимуществъ въ морской торговлѣ. Союзники всюду одерживали побѣды надъ арміями и флотомъ Людовика; но всякій разъ почти послѣ тяжелаго удара на полѣ сраженія слѣдовала задержка, вызванная разногласіемъ союзниковъ, и французскій король снова получалъ возможность собраться съ силами.

Однако къ концу средства Франціи стали совершенно истощаться. Флотъ, созданный Кольберомъ, былъ уничтоженъ, войско, когда-то крупнѣйшее въ Европѣ, сократилось, финансы были въ полномъ разстройствѣ, торговля остановилась. Правительство вынуждено было прибѣгать къ отчаяннымъ средствамъ, которыя указывали сами по себѣ на крайность положенія: портить монету, продавать всякаго рода сочиненныя должности и титулы, насильно занимать у капиталистовъ и т. д. Нако-

Digitized by Google

нецъ Людовикъ XIV самъ обратился къ противникамъ съ мирными предложеніями, соглашаясь на полный отказъ отъ Испаніи. Дѣло повернулось въ его пользу, когда въ Англіи свергнуто было господство виговъ, Мальборо лишился вліянія и королева призвала министровъ изъ партіи торіевъ, съ лордомъ Болингброкомъ во главѣ. Болингброкъ не хотѣлъ окончательно принижать Францію, но въ мирѣ (*Утрехтскомъ* 1713 г.), который былъ заключенъ при его главномъ участіи, въ пользу Англіи были выговорены важныя условія: она пріобрѣтала крѣпость Гибралтаръ у единственнаго пролива, соединяющаго Средиземное море съ океаномъ, и еще недалеко отъ выхода изъ него островъ Менорку (изъ числа Балеарскихъ), затѣмъ владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, по обѣ стороны занятой французами Канады (у Гудзонова залива и около устья св. Лаврентія). Англія положила этимъ начало своему преобладанію въ Средиземномъ морѣ и своему перевѣсу въ Сѣверной Америкѣ. Кромѣ того, она выговорила себѣ *асіенто,* т.-е. исключительное право на торговлю неграми, перевозимыми изъ Африки въ испанскія и португальскія колоніи. За эти уступки внукъ Людовика XIV былъ допущенъ въ Испанію, но съ условіемъ отказа отъ наслѣдства французской короны, чтобы Франція и Испанія не соединялись въ однѣхъ рукахъ; скоро потомъ къ нему перешелъ и Неаполь. Между тѣмъ, какъ колоніи остались за Испаніей, Бельгія и Миланское герцогство были отданы австрійскимъ Габсбургамъ. Европейскія державы какъ бы пересмотрѣли Вестфальскіе договоры 1648 г. и исправили положеніе ради политическаго равновѣсія.

Но теперь было ясно, что главную выгоду извлекаетъ не Франція, а Англія. Утрехтскій миръ открылъ просторъ ея океанической торговлѣ и колоніальному господству. Наоборотъ, для Франціи онъ отмѣчаетъ паденіе. Долгое правленіе Людовика XIV (самостоятельное 54 года, всего отъ смерти отца 72 г.) окончилось тяжелымъ кризисомъ. Рѣзко обнаружились недостатки строя, который установился со смерти Ришельё и передавалъ неограниченный авторитетъ королю и назначаемому имъ чиновничеству, а общество лишалъ всякой самостоятельности, пріучая его вмѣстѣ съ тѣмъ къ опекѣ, поощреніямъ и мелочному надзору. Въ своихъ усиліяхъ выбиться изъ тяжелаго положенія, созданнаго войной за испанское наслѣдство, Людовикъ XIV не встрѣчалъ патріотическаго сочувствія и поддержки въ странѣ. Напротивъ, во французскомъ обществѣ сложилась сильная оппозиція, которая не могла однако вполнѣ открыто высказываться.

Консервативная оппозиція. Недовольство было при самомъ дворѣ, въ средѣ ближайшихъ къ правительству людей. У епископа Фенелона, воспитателя наслѣднаго принца, и у герцога Сенъ-Симона, служившаго при королѣ въ послѣднюю четверть вѣка его правленія и изображавшаго

Digitized by Google

дворъ въ своихъ „Мемуарахъ“, оппозиція носитъ консервативный характеръ. Пріемы политики Людовика XIV кажутся имъ обоимъ опасной новизной, опрокидывающей общественный порядокъ. Они оба возмущены королевскимъ деспотизмомъ, принизившимъ въ странѣ все, что было въ ней гордаго и самостоятельнаго, стершимъ всѣ старинныя права. Въ романѣ „Путешествіе Телемаха“ Фенелонъ изображаетъ молодого будущаго государя, руководимаго мудрымъ гуманнымъ совѣтникомъ. Первою задачею правителя долженъ быть отказъ отъ произвольныхъ захватовъ и завоеваній и установленіе мира; государь долженъ стремиться пріобрѣсти любовь подданныхъ, а не внушать имъ страхъ, не обременять ихъ налогами, онъ долженъ жить исключительно заботой о нихъ и подавлять свои личныя желанія. У Фенелона звучитъ также осужденіе Кольберовской индустріальной и торговой политики, создавшей, по его мнѣнію, искусственную роскошь, лихорадочную наживу, переполненіе городовъ и опустѣлыя деревни. Мудрый Менторъ спрашиваетъ своего воспитанника: „что лучше, великолѣпный городъ изъ мрамора и золота и заброшенная деревня или воздѣланная земля и незамѣтный городъ?“ Надо сократить потребности, а не отравлять людей, прививая имъ новые вкусы; надо упростить жизнь, устранить блескъ, вносимый искусствомъ, мануфактурой. Пусть государство не разсчитываетъ на выигрышъ отъ торговли; не зачѣмъ готовить вещи на сбытъ, слѣдуетъ отдавать за границу только излишекъ. Идеальный государь дастъ каждой рабочей семьѣ неподвижный надѣлъ, съ котораго она получитъ все необходимое, но не больше, а золото пусть идетъ на плуги. Фенелонъ хотѣлъ бы вмѣсто развитія производительныхъ силъ возврата къ натуральному хозяйству. Онъ выражаетъ недовольство сельскихъ хозяевъ.

Сенъ-Симонъ, мрачно-настроенный аристократъ,— не только врагъ королевскаго абсолютизма, но также главнаго пособника этой власти, буржуазіи, дающей королю составъ чиновниковъ. Вся бѣда, по его мнѣнію, идетъ отъ Мазарини, который ввелъ въ администрацію безродныхъ мѣщанъ, людей безъ прошлаго, служакъ безъ чувства чести, поднятыхъ изъ пыли; всѣхъ ихъ надо выбросить изъ управленія и прежде всего уничтожить интендантовъ и главу ихъ, генеральнаго контролера. Высшіе посты, королевскій совѣтъ, мѣстное управленіе должны быть замѣщены людьми привилегированнаго класса. Въ проектѣ, который С.-Симонъ подавалъ герцогу Филиппу Орлеанскому, ставшему потомъ регентомъ послѣ смерти Людовика XIV, рекомендуется между прочимъ созвать давно забытые генеральные штаты, въ увѣренности, конечно, что на собраніи перевѣсъ будетъ принадлежать дворянству. С.-Симонъ предлагаетъ государю воспользоваться штатами для того, чтобы объявить государственный банкротъ, сложивши на нихъ всю отвѣтственность;

Digitized by Google

депутаты, выбранные провинціями, будутъ рады подорвать парижанъ-кредиторовъ казны, и пускай разорится ненавистная денежная аристократія.

Недостатки администраціи. Другой характеръ носила оппозиція, выходившая изъ среды просвѣщенныхъ чиновниковъ. Два выдающіеся дѣятеля, служившіе при Людовикѣ XIV, Буагильберъ, бывшій военный губернаторъ Нормандіи, и знаменитый инженеръ Вобанъ, подали королю обстоятельныя записки, въ которыхъ они указывали на жестокое разореніе страны. По вычисленію Вобана, одна десятая всего населенія осуждена на нищенство, изъ остальныхъ девяти десятыхъ пять не могутъ подать милостыни этой первой, три стѣснены долгами и денежными процессами и лишь одна десятая пользуется достаткомъ: это — аристократія, какъ военная, такъ и судебная, высшее духовенство, чиновники и крупное купечество, занимающее должности мэровъ и держащее на откупу налоги. Главная причина бѣдствій большинства народа, это—неравномѣрность налога, который падаетъ какъ разъ на бѣдныхъ и обходитъ богатыхъ. Первое средство излѣченія зла — уничтожить податныя привилегіи двухъ высшихъ классовъ, раздѣляемыя и чиновничествомъ: надо распространить прямой налогъ на всѣ разряды нынѣ освобожденныхъ отъ него, на блаженствующую десятую часть общества, облегчивъ остальныхъ, и тогда общій доходъ казны увеличится. Именемъ этого новаго, справедливаго налога „королевская десятина“ (dîme royale) Вобанъ и назвалъ свой докладъ.

Его другъ Буагильберъ обратилъ главное вниманіе на зло, которое получалось отъ самаго порядка сбора налоговъ.

Въ каждой области распредѣленіе подати по отдѣльнымъ общинамъ и приходамъ подлежало интендантамъ. Обыкновенно крупные люди въ провинціи ухаживали за интендантами, чтобы добиться облегченій для себя, своихъ близкихъ или для своихъ приходовъ; отсюда получалось отягощеніе тѣхъ приходовъ или общинъ, за которые некому было походатайствовать. Затѣмъ назначались по приходамъ сборщики, и они повторяли тѣ же расчеты уже въ предѣлахъ каждой общины: освобождали и облегчали своихъ родственниковъ и знакомыхъ, щадили вліятельныхъ людей, мщенія которыхъ опасались, притѣсняли бо́льшимъ размѣромъ подати своихъ враговъ, особенно бывшихъ сборщиковъ, отъ которыхъ пострадали въ свое время, и обрушивались на массу беззащитнаго мелкаго люда, крестьянъ, ремесленниковъ, лавочниковъ, батраковъ. Послѣ этого начиналось выколачиваніе податей, своего рода двойная барщина, повинность плательщика и повинность сборщика (collecteur), который отвѣчалъ передъ пріемщикомъ (receveur) и въ случаѣ недобора подлежалъ уголовному наказанію. Когда сборщики отрядомъ вступали въ селеніе

Digitized by Google

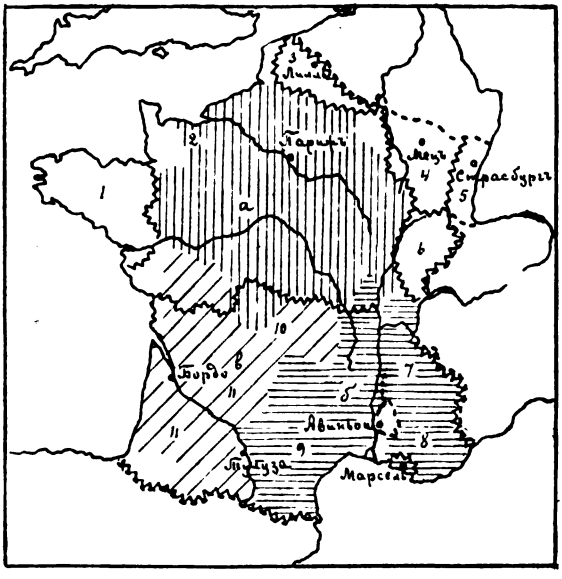
было похоже на разбойничье нападеніе, отъ котораго старались упрятать все, что только можно было. Торговались за каждую копейку: всѣ понимали, что если заплатить добровольно, то на другой годъ задавятъ податью. Цѣлый годъ ходили сборщики по домамъ, и такъ какъ почти никогда не удавалось собрать всей положенной суммы, то на другой годъ старые сборщики встрѣчались съ новыми, и разбой поднимался съ двухъ концовъ селенія. Время отъ времени являлись полицейскіе, насылаемые пріемщиками, и тогда надъ общиной разражалась катастрофа: опечатывалось имущество неаккуратныхъ плательщиковъ, производили аукціонъ, угоняли скотъ изъ деревни. Въ концѣ-концовъ оборъ налога приносилъ выгоду главнымъ чиновникамъ по взиманію, такъ наз. пріемщикамъ: они платили впередъ въ казну всю сумму взноса и обезпечивали себѣ этимъ безконтрольность своего дѣла, а также продолженіе службы. Они какъ нельзя болѣе крѣпко держались за сохраненіе существующаго порядка.

Очень тяжело также отзывалось на французскомъ населеніи управленіе косвенныхъ налоговъ, съ продажи напитковъ (aides, traites) и съ продажи соли (gabelles). Правительство сдавало эти налоги съ торговъ крупнымъ откупщикамъ (fermiers généraux), которые нанимали на свой счетъ цѣлые отряды мелкихъ служащихъ, писцовъ, счетчиковъ, контролеровъ, сборщиковъ и т. д. Во Франціи относительно этого выработалась такая техника, такой искусный персоналъ служащихъ, что ей подражали другія государства. Тягость косвенныхъ сборовъ правительство увеличивало тѣмъ, что старалось заранѣе обезпечить себѣ извѣстную сумму и для этого точно опредѣляло, сколько должны покупать извѣстнаго товара люди тѣхъ или другихъ областей и классовъ, при чемъ наказывало нарушителей большими штрафами. Въ областяхъ, гдѣ не было соляныхъ варницъ, населеніе было обязано покупать ежегодно по 7 фунтовъ соли на человѣка за очень высокую плату; но этотъ запасъ позволялось употреблять лишь на ежедневную варку кушанья; для засола надо было покупать особую соль, иначе, напр., соленое мясо конфисковалось и, кромѣ того, приходилось платить большой штрафъ. Ежедневно почти описывали имущество людей, которымъ не на что было купить хлѣба, за то, что они не покупали соли въ предписанномъ количествѣ. Напротивъ, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ были соляныя варницы и соль была дешева, въ земляхъ „малаго соляного налога“ власти ограничивали ея потребленіе и слѣдили, чтобы у населенія не оставалось излишка, и чтобы его не продавали контрабандой въ земли „большого соляного налога“. Въ Провансѣ, гдѣ соль была въ избыткѣ, ежегодно большіе запасы ея уничтожались. Для сложнаго управленія сборомъ пошлинъ и соляного налога, для контроля и производства экзекуцій нужно было держать огромный персоналъ въ

Digitized by Google

23.000 человѣкъ, и все-таки существовала очень распространенная контрабанда тайной продажи соли въ области „большого соляного палога“: ежегодно арестовывали не менѣе 11.000 человѣкъ за контрабанду и пособничество ей, изъ нихъ нѣсколько сотъ отправляли на галеры.

Изъ докладовъ Буагильбера и Вобана видно, что уже въ началѣ XVIII в. правительству указывали на два крупнѣйшихъ недостатка всего государственнаго строя: 1) великое соціальное неравенство, вслѣдствіе котораго высшіе болѣе состоятельные классы были освобождены отъ главныхъ повинностей и жили явно на счетъ низшихъ, при чемъ король со своимъ дворомъ стоялъ во главѣ этого несправедливаго общественнаго порядка, и 2) на безконтрольность, произволъ, дороговизну и подкупность администраціи, въ которой королевская власть видѣла свою главную опору. Или иначе говоря, Людовику XIV указывали на *дворянскій* и *бюрократическій* характеръ монархіи.



Франція Стараго порядка: а—области большого соляного налога, б—малаго налога, в—откупившіяся отъ налога. 1) Бретань, 2) Нормандія, 3) Артуа и Фландрія, 4) Лоррень (Лотарингія), 5) Эльзасъ, 6) Франшконте, 7) Дофинэ, 8) Провансъ, 9) Лангдокъ, 10) Овернь, 11) Гюэнь и Гасконь. Зигзаги показываютъ линіи главнѣйшихъ внутреннихъ таможенъ. 4) и 5)—области, открытыя для иностранной торговли, но загороженныя отъ остальной Франціи.

Совѣты Вобана и Буагильбера не были приняты. Книгу Вобана конфисковали тотчасъ по ея выходѣ; авторъ, 74-лѣтній старикъ, глубоко огорченный, не перенесъ этого удара и скончался. Буагильберъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы лично изложить свой проектъ реформы, но министръ на пріемѣ съ насмѣшкой повернулся къ нему спиной.

Какъ ни ясно выступали недостатки французскаго политическаго строя, какъ ни тяжко ложились они на населеніе, однако этотъ строй продержался еще около 75 лѣтъ до великой революціи. Онъ могъ существовать потому, что оставались нетронутыми основы стараго общественнаго порядка; когда сложилось новое общество, враждебное привиле-

Digitized by Google

гіямъ, опскѣ сверху, добивавшееся равенства, оно опрокинуло и весь порядокъ, выгодный для высшихъ классовъ и ихъ естественнаго вождя, короля. Впереди этого новаго общества стала просвѣщенная буржуазія, населеніе крупныхъ городовъ, особенно Парижа, люди торгово-промышленнаго дѣла и интеллектуальныхъ профессій. Въ началѣ XVIII в. этотъ слой не составлялъ еще сплоченнаго цѣлаго, не сознавалъ своихъ силъ и не выдвигалъ своей политической программы. Правительство видѣло недовольство, слышало жалобы и критику, но не встрѣчало давленія со стороны массы общества, которое бы заставило его пойти на другой путь. Оттого оно могло еще долго перебиваться старыми средствами.

Регентство и его финансовая катастрофа. Людовикъ XIV умеръ въ 1715 г. среди такого раздраженія, что его поспѣшили похоронить безъ особаго блеска, опасаясь враждебныхъ народныхъ манифестацій. Его послѣдняя воля, выраженная въ завѣщаніи, была тотчасъ же опрокинута. Такъ какъ наслѣдство переходило къ единственному, оставшемуся въ живыхъ потомку его, пятилѣтнему Людовику XV, то старый король объявилъ королевскими принцами своихъ незаконныхъ сыновей, одного изъ которыхъ сдѣлалъ опекуномъ малолѣтняго короля, отстраняя отъ престола настоящаго принца крови, своего племянника, герцога Филиппа Орлеанскаго. Между тѣмъ какъ за незаконныхъ дѣтей Людовика XIV были дворъ, іезуиты и генералы арміи, на сторону герцога стали янсенисты, парламентъ и высшій промышленный классъ. Парламентъ, которому обѣщано было возстановленіе его старинныхъ правъ, попиравшихся Людовикомъ XIV, уничтожилъ завѣщаніе, отстранилъ отъ престола незаконныхъ дѣтей и объявилъ регентомъ герцога Орлеанскаго. По этому поводу обѣ враждебныя стороны обмѣнялись взглядами, которые выражали понятія, ходившія въ обществѣ и весьма непохожія на теоріи умершаго Людовика XIV. Маленькому королю дали для подписи указъ, гдѣ говорилось, что король не можетъ неограниченно распоряжаться короной, что въ случаѣ прекращенія династіи право новаго выбора принадлежитъ всему народу. Это было ученіе парламента. Но и противники его приводили въ свою пользу не безусловность королевской воли; они говорили, что въ затруднительныхъ случаяхъ надо обращаться къ генеральнымъ штатамъ королевства.

Новый регентъ, правившій 8 лѣтъ, не измѣнилъ однако пріемовъ политики. Первымъ дѣломъ новаго правительства было найти выходъ изъ финансовыхъ затрудненій, такъ какъ казна была совершенно пуста, королевскія имѣнія, представлявшія въ свое время запасы, распроданы, и долги такъ велики, что невозможно было по нимъ даже уплачивать процентовъ.

Регенту представился азартный игрокъ по профессіи, шотландецъ

Digitized by Google

Джонъ Ло (Law), изучавшій банковое дѣло въ Англіи и Нидерландахъ и носившійся съ планами обширныхъ кредитныхъ операцій, которыя онъ пытался рекомендовать еще правительству Людовика XIV. Ло утверждалъ, что въ Англіи меньше богатства, чѣмъ во Франціи, а между тѣмъ она можетъ дольше и настойчивѣе вести войну, такъ какъ привлекаетъ средства частныхъ лицъ хорошимъ кредитнымъ учрежденіемъ, банкомъ. Ло исходилъ далѣе изъ той мысли, что во Франціи много наличныхъ денегъ и богатствъ, которыя лежатъ даромъ безъ обращенія и могутъ быть привлечены въ различныя предпріятія кредитомъ (расчетомъ на будущія выгоды). Кредитные знаки, выдаваемые банкомъ или торговой компаніей въ ожиданіи такихъ выгодъ, могутъ, по его мнѣнію, значительно, напр., въ 10 разъ, превышать цѣну металлическихъ денегъ, находящихся въ запасѣ учрежденія. Обмѣниваясь этими знаками, люди будутъ, правда, заранѣе проживать будущій доходъ, но въ то же время подъ вліяніемъ обмѣна будутъ двигаться впередъ сами предпріятія и разрастаться дальнѣйшіе доходы. Отъ такого выпуска кредитныхъ знаковъ выиграетъ и государственная казна, которая въ короткій срокъ можетъ заплатить ими всѣ свои долги.

Регентъ сначала позволилъ Ло основать частный банкъ для ссуды и перевода денегъ. Денежный фондъ банка составился изъ продажи *акцій*, т.-е. бумагъ, которыя составляли наи предпріятія и давали право на участіе въ его барышахъ. Банкъ выдавалъ въ свою очередь ссуды въ видѣ *билетовъ*, а казна принимала эти билеты наравнѣ съ деньгами. Дѣла банка пошли чрезвычайно хорошо, когда правительство разрѣшило Ло связать съ нимъ цѣлый рядъ выгодныхъ операцій: во-первыхъ, устроить также на акціяхъ вестиндскую компанію для торговли съ американскими колоніями, Канадой и Луизіаной, и пріобрѣсти всѣ владѣнія и преимущества прежней остиндской компаніи; новая компанія стала строить корабли и разсылать ихъ во всѣ части свѣта; затѣмъ Ло пріобрѣлъ право чекана правительственной монеты, монополію табачной торговли и, наконецъ, откупъ государственныхъ податей. За все это компанія, основанная Ло, платила правительству большія деньги, но траты ея быстро покрывались продажей вновь выпускаемыхъ акцій.

Вслѣдъ за первой серіей „миссисипскихъ“ акцій компанія выпустила ихъ „дочерей“, а потомъ и „внучекъ“. Расчетъ на выгоду затѣянныхъ предпріятій поднималъ цѣну акцій, первоначально стоившихъ 500 ливровъ, въ 2, 5, 10 разъ выше цѣны номинальной (написанной на бумагѣ). Ихъ курсъ (продажная цѣна) еще болѣе поднялся, когда компанія взяла на себя уплату государственнаго долга. Банкъ сдѣлалъ правительству ссуду въ видѣ билетовъ, которые и были вручены кредиторамъ государства; чтобы получать выгоду съ новыхъ бумагъ, имъ

Digitized by Google

оставалось только обмѣнивать билеты на компанейскія акціи. Число акцій превысило 600.000. Масса людей продавала земли и другія имущества и вкладывала капиталъ въ акціи и билеты банка; казалось, нельзя было придумать болѣе прочнаго и выгоднаго помѣщенія денегъ, особенно когда Ло былъ сдѣланъ генеральнымъ контролеромъ. Цѣна акціи поднялась до 20.000, т.-е. въ 40 разъ больше номинальной. Компанія всячески поддерживала надежды на быстрое обогащеніе: о миссисипскомъ краѣ говорили, что это новое Перу. Акціи жадно перекупались, и въ короткое время на совершенно произвольныхъ ожиданіяхъ выигрывались громадные барыши. На улицѣ, гдѣ помѣщался банкъ, кипѣли страсти; въ биржевой игрѣ принимали участіе люди всѣхъ состояній.

Цѣль Ло была очень опредѣленна. Онъ мечталъ привлечь въ банкъ и компанію всѣ наличныя средства страны. Лишь государь долженъ быть въ обладаніи золота и серебра; для частныхъ лицъ достаточно банковыхъ знаковъ; банкъ долженъ стать торговымъ сердцемъ государства, куда будутъ скопляться всѣ доходы и откуда будутъ почерпаться всѣ капиталы. Но Ло далеко переоцѣнилъ силу кредита. Онъ выпустилъ бумагъ на $2^1/_2$ милліарда (пассивъ банка), тогда какъ въ банкѣ было немного болѣе 200 милліоновъ (активъ банка). Довѣріе къ банку стало колебаться; нѣкоторые вкладчики начали обмѣнивать свои бумаги на деньги; сначала банкъ платилъ, но потомъ пересталъ, и даже Ло выхлопоталъ законъ, который запрещалъ частнымъ лицамъ держать въ наличности болѣе 500 ливровъ: всѣ должны были сносить деньги въ банкъ и получать за нихъ билеты. Дѣйствіе этихъ мѣръ было какъ разъ обратное: всѣ владѣльцы сразу обезцѣнившихся акцій и билетовъ бросились спасать обмѣномъ свои капиталы. Но банкъ оказался несостоятельнымъ. Ло едва ушелъ отъ ярости массы разоренныхъ людей и бѣжалъ изъ Франціи; имущество его было конфисковано; изъ всего, что оставалось налицо, изъ капитала банка и компаніи, нельзя было уплатить и 1% по всѣмъ обязательствамъ. Между тѣмъ правительство, обмѣнявшее во-время свои векселя на банковые билеты, которые оно вручило кредиторамъ, развязалось съ большею частью своего долга; это былъ все тотъ же старый неблаговидный способъ государственнаго банкрота (1720).

Въ Джонѣ Ло соединяется игрокъ, шарлатанъ и дѣловой изобрѣтатель, созданный вѣкомъ меркантилизма. Въ основѣ кредитныхъ учрежденій, возникавшихъ въ это время во Франціи и въ Англіи, лежала правильная мысль о сосредоточеніи большихъ національныхъ капиталовъ для производительныхъ затратъ въ обширныхъ предпріятіяхъ, но эта мысль пріобрѣтала уродливые и фантастическіе размѣры вслѣдствіе

Digitized by Google

преувеличенныхъ понятій о неограниченной производительности индустріи и торговли. При этомъ какъ будто утрачивалось представленіе о времени, о послѣдовательности: люди хотѣли завтра же, сегодня же воспользоваться результатами своихъ промышленныхъ затратъ, которые могли при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ наступить только въ отдаленномъ будущемъ. Промышленный капиталъ въ своихъ первыхъ шагахъ былъ дерзокъ и самонадѣянъ; въ цѣломъ рядѣ предпріятій трудно провести границу между дѣловымъ расчетомъ и недобросовѣстной игрой.

Въ Англіи торгово-промышленный классъ былъ предпріимчивѣе, и тамъ еще болѣе, чѣмъ во Франціи, было простора быстро возникавшимъ и лопавшимся предпріятіямъ, „мыльнымъ пузырямъ“ (bubbles), какъ ихъ называли въ обществѣ. Самой крупной была исторія „компаніи южнаго моря“ (South Sea bubble), одновременная съ банкомъ Ло. Эта компанія взяла на себя исполнить асіенто, т.-е. договоръ съ Испаніей и Португаліей относительно доставки черныхъ рабовъ въ американскія колоніи. Она задумала далѣе взять въ свои руки всю торговлю съ южноамериканскими колоніями, а также эксплоатировать ловлю китовъ въ южной части Атлантическаго океана. На помощь преувеличеннымъ обѣщаніямъ агентовъ компаніи приходило полное незнакомство европейскаго общества съ этими краями, фантастическія представленія о богатствахъ „южнаго“, или „австралійскаго“ материка (о настоящей Австраліи не имѣли понятія). Такъ же, какъ во Франціи, были взвинчены цѣны на акціи южно-морской компаніи, такъ же она хотѣла взять на себя уплату государственныхъ обязательствъ и такъ же сразу рушился ея кредитъ, исчезли биржевые игроки и разорилась масса людей разныхъ классовъ; правительство однако вмѣшалось гораздо энергичнѣе и удовлетворило частью владѣтелей бумагъ.

Старый порядокъ. Послѣ того, какъ въ общественной и государственной жизни всѣхъ почти европейскихъ странъ произошла революція въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX в., прежній строй стали называть *старымъ порядкомъ*. Характерная черта его заключается въ сохранившемся отъ среднихъ вѣковъ различіи между потомками прежняго военнаго и владѣльческаго класса съ одной стороны, а съ другой — класса трудового и производительнаго; должности, преимущества передавались по наслѣдству, такъ же какъ по наслѣдству передавались повинности и личная, мѣстами крѣпостная, зависимость; вслѣдствіе этого государство явно служило интересамъ имущихъ высшихъ классовъ. Старый порядокъ естественно былъ связанъ со множествомъ стѣсненій для отдѣльной личности, ея предпріимчивости и свободы ея умственныхъ влеченій: человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ своему сословному положенію и вѣроисповѣданію; государственная власть, охранявшая интересы немногихъ, боя-

Digitized by Google

лась свободной мысли и свободнаго слова и преслѣдовала ихъ. Однако порядокъ этотъ не былъ одинаковымъ для всей Европы; онъ значительно разнился по отдѣльнымъ странамъ: представляя въ Англіи наименѣе стѣсненій, онъ былъ тяжелѣе на материкѣ Европы и притомъ чѣмъ далѣе на востокъ и югъ, тѣмъ болѣе суровыя формы онъ принималъ, вплоть до крѣпостного права въ Пруссіи, Австріи, Польшѣ и Россіи и до полнаго стѣсненія умственной свободы въ Испаніи, Италіи и опять въ Австріи и Россіи. Оттого въ стремленіяхъ къ большей свободѣ Англія служила образцомъ для французовъ XVIII в., а французскія идеи этого времени служили поученіемъ для остальной Европы.

III.

Англія XVIII вѣка.

Образованіе кабинета. Революція 1688 г. была вызвана соединеніемъ различныхъ интересовъ: аристократіи, торговаго класса Лондона и другихъ городовъ, диссентеровъ. Они сходились на программѣ виговъ, которая требовала перевѣса парламента надъ королемъ, вѣротерпимости, расширенія морской завоевательной политики. Но настоящее преобладаніе въ странѣ имѣли тори, къ которымъ принадлежало большинство провинціальныхъ землевладѣльцевъ и англиканское духовенство. Часть торіевъ, такъ наз. якобиты, стояла крѣпко за изгнанную династію Стюартовъ и готова была содѣйствовать ея возвращенію. Выгода виговъ была въ томъ, что они въ рѣшительную минуту захватили власть. Но они должны были употреблять особыя усилія, чтобы у нея удержаться. Въ этой борьбѣ они выдвигали все больше и больше верховенство парламента; побѣда виговъ вмѣстѣ съ тѣмъ привела къ еще большему торжеству англійской аристократіи, стоявшей во главѣ партіи.

Вильгельмъ III, чужой человѣкъ въ Англіи, призванный вигами, нуждался въ нихъ также для своей континентальной политики. При немъ прошелъ важный законъ *о престолонаслѣдіи* (1701 г.), дополнившій постановленія билля о правахъ (1688 г.) относительно верховной власти парламента: послѣ смерти Вильгельма, выключая изгнаннаго короля и его мужскихъ потомковъ, корона должна перейти къ младшей дочери Якова II, Аннѣ, вѣрной протестантизму, а затѣмъ къ отдаленнымъ родственникамъ Стюартовъ, также протестантамъ, владѣтелямъ Ганновера (княжества по низовьямъ Эльбы и Везера); далѣе въ законѣ слѣдовали условія, которыя считались обязательными для всѣхъ послѣдующихъ королей: 1) подъ всякимъ актомъ королевскаго тайнаго совѣта, составляющаго исполни-

Digitized by Google

тельную власть, должна быть подпись отвѣчающаго за это рѣшеніе министра, и король не можетъ помиловать министра, который подлежитъ суду за нарушеніе законовъ; иначе говоря, министры, призываемые королемъ къ управленію, *отвѣтственны* передъ парламентомъ; 2) король не можетъ смѣнять судей; только осужденіе обѣихъ палатъ можетъ ихъ лишить мѣста, или, иначе, была объявлена *независимость судей* отъ короны.

Королева Анна, принявшая отъ Вильгельма войну за испанское наслѣдство, также должна была держаться виговъ. Только подъ конецъ, когда тори составили въ парламентѣ значительное большинство, она образовала торійское министерство, во главѣ котораго стоялъ Болингброкъ, устроитель мира въ Утрехтѣ. Однако это кратковременное возвращеніе торіевъ послужило къ ихъ полному паденію на долгое время. Война за испанское наслѣдство сдѣлала Англію первоклассной морской силой, такъ какъ Франція и Голландія потеряли въ борьбѣ свои флоты. Такимъ образомъ опять выигрывали виги, а для своей партіи, т.-е. для провинціальнаго землевладѣльческаго дворянства, торійскіе министры ничего не успѣли пріобрѣсти. Вожди торіевъ замышляли призвать по смерти королевы претендента (сына Якова II), и якобиты даже подняли въ пользу Стюартовъ возстаніе въ горной Шотландіи, гдѣ удержался старинный патріархальный, феодальный и воинственный народъ охотниковъ и скотоводовъ, готовый всегда предпринять набѣгъ на земледѣльческое и ремесленное населеніе шотландской равнины. Эта опасность заставила виговъ поспѣшить съ приглашеніемъ ганноверскихъ королей въ 1714 г. и въ свою очередь отдала новыхъ королей въ ихъ руки. Болингброкъ и другіе торійскіе вожди бѣжали во Францію и были объявлены въ опалѣ; партія ихъ совершенно разстроилась.

Виггскія аристократическія фамиліи захватили теперь надолго господство. Король Георгъ I не понималъ по-англійски и могъ объясняться со своими министрами только при посредствѣ переводчика. Его сынъ, Георгъ II, также чувствовалъ себя въ Англіи иностранцемъ. Эти, раньше мелкіе, владѣтели, случайностью судьбы призванные въ чужую могущественную и богатую страну, выдававшую имъ опредѣленный доходъ, были вынуждены предоставить полный просторъ вождямъ партіи, возведшей ихъ на престолъ. Особенное положеніе этихъ королей помогло установленію въ Англіи своеобразнаго учрежденія, *кабинета* министровъ.

Король издавна приглашалъ, по своему усмотрѣнію, въ свой тайный совѣтъ завѣдующихъ отдѣльными частями исполнительной власти. При Стюартахъ парламентъ относился крайне недовѣрчиво къ тѣмъ лицамъ изъ своей среды, которыя соглашались идти въ совѣтъ короля; когда немногіе изъ нихъ замыкались въ „кабинетъ“, ихъ готовы были подо-

Digitized by Google

зрѣвать въ измѣнѣ и однажды прозвали *кабалъ*, т.-е. шайкой измѣнниковъ. Въ парламентѣ находили, что нельзя правильно слѣдить за ихъ дѣйствіями; остается ждать или искать крупныхъ случаевъ, чтобы притянуть ихъ къ суду; но тогда опять трудно найти предметъ обвиненія, какъ показалъ примѣръ суда надъ Страффордомъ.

Вильгельмъ III, король, вступившій въ договоръ съ парламентомъ, старался брать совѣтниковъ изъ обѣихъ партій, виговъ и тори, чтобы избѣжать недовѣрія парламента. Это вело къ другимъ неудобствамъ: трудно было согласить партіи и нельзя было принимать какія-либо рѣшительныя мѣры. Каждая партія добивалась исключительнаго положенія въ королевскомъ совѣтѣ, т.-е. *однородности* его состава. При Аннѣ министры были то всѣ виги, то всѣ тори. Первый ганноверскій король вынужденъ былъ взять тѣхъ совѣтниковъ, которыхъ выдвинула побѣдившая партія виговъ. Не понимая языка, онъ пересталъ предсѣдательствовать въ совѣтѣ и даже бывать въ немъ. Съ этихъ поръ кабинетъ собирался безъ короля. Георгъ II говорилъ поэтому, что „въ Англіи править не король, а министры“. Король попрежнему приглашалъ въ свой совѣтъ тѣхъ или другихъ депутатовъ, но въ дѣйствительности его заставлялъ приглашать своихъ вождей парламентъ, или, вѣрнѣе, *партія, располагавшая въ немъ большинствомъ*. У парламента не было болѣе основанія не довѣрять своимъ сочленамъ, становившимся у власти: королевскій совѣтъ самъ обратился въ правящій комитетъ верховнаго парламента.

Вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ въ самомъ парламентѣ окончательно перешелъ къ нижней палатѣ. Въ палатѣ лордовъ съ ея наслѣдственными членами было трудно измѣнять установившіяся соотношенія партій; иначе въ палатѣ общинъ, гдѣ выборы могли измѣнить рѣзко ихъ положеніе; кабинету было важно удержать за собой большинство въ нижней палатѣ, и въ свою очередь измѣнившееся большинство могло заставить короля смѣнить министровъ. Верховенство парламента вело съ неизбѣжностью къ правленію смѣняющихся у власти партій. Партія, составлявшая большинство, становилась *министерской;* партія меньшинства была *оппозиціей,* въ надеждѣ взять верхъ на послѣдующихъ выборахъ и сдѣлаться тогда министерской.

Избирательная система въ Англіи XVIII в. Въ настоящее время смѣна партій въ Англіи происходитъ спокойно въ зависимости отъ исхода выборовъ, и одинъ кабинетъ безъ задержки уступаетъ мѣсто другому. Въ началѣ парламентскаго порядка управленія было много неправильностей и злоупотребленій со стороны партій, желавшихъ удержать или пріобрѣсти власть.

Вскорѣ послѣ воцаренія ганноверскаго короля, виги, желая сохра-

Digitized by Google

нить перевѣсъ въ парламентѣ, выбранномъ во время возстанія якобитовъ, отмѣнили изданный при Вильгельмѣ III законъ о трехлѣтнемъ срокѣ выбора депутатовъ въ палатѣ общинъ. Они замѣнили короткій срокъ длиннымъ, семилѣтнимъ, придали закону обратное дѣйствіе и продлили такимъ образомъ свои полномочія еще на 4 года, не обращаясь къ избирателямъ. Но сама избирательная система была въ ихъ пользу и помогла имъ надолго удержать власть и при дальнѣйшихъ выборахъ.

Эта система была какъ нельзя болѣе далека отъ общенародныхъ выборовъ и равномѣрности представительства. Господствующая партія извлекала главную выгоду изъ самой дурной стороны избирательнаго порядка, изъ существованія гнилыхъ мѣстечекъ. Самое знаменитое изъ нихъ, Ольдъ-Сарумъ, состояло изъ 5 домовъ съ 12 жителями; дома перешли въ собственность фамиліи Питтовъ, которая съ этого времени имѣла безспорно обезпеченное мѣсто въ нижней палатѣ. Въ извѣстный день въ мѣстечко являлся уполномоченный собственника, представляя собою избирательное право мѣстности, и назначалъ двухъ представителей въ парламентъ. Существовало даже гнилое мѣстечко, поглощенное моремъ и все-таки сохранившее право посылать представителей въ парламентъ: въ день выборовъ владѣтель сосѣдняго берега отправлялся съ тремя избирателями въ лодкѣ на мѣсто, гдѣ должны были находиться затопленные дома, и разыгрывалъ комедію выбора. Бургъ можно было купить за хорошія деньги; въ концѣ XVIII в. разбогатѣвшіе въ Индіи дѣльцы (набобы) покупали себѣ такіе избирательные участки. Былъ случай, что бургъ даже продавался съ аукціона. Въ то время, какъ Лондонъ съ полумилліономъ жителей посылалъ въ парламентъ только 4 депутатовъ (по 1 на 125.000 человѣкъ), 30 бурговъ съ населеніемъ въ общей сложности въ 375 человѣкъ посылали 60 депутатовъ (по одному на 6 человѣкъ избирателей). Изъ 568 членовъ нижней палаты 200 депутатовъ назначались семью тысячами избирателей. „Страна принадлежитъ герцогу Рутланду, лорду Лонсдалю, герцогу Ньюкестлю и двадцати другимъ сеньерамъ-владѣтелямъ бурговъ, которые надъ нами—господа и правители“. Аристократія противилась всякой попыткѣ измѣнить избирательный порядокъ; вигскіе сеньеры крѣпко стояли за свои бурги.

Но и въ тѣхъ округахъ, которые не принадлежали аристократическимъ фамиліямъ, выборы далеко не были свободны. Несмотря на всѣ запрещенія подкуповъ, они составляли обычное явленіе. Кандидаты получали голоса избирателей, напр., за обѣщаніе заплатить на свой счетъ долги общины, которую они должны были представлять въ парламентѣ. Или же они прямо раздавали деньги избирателямъ; знаменитый парламентскій ораторъ конца XVIII в., Фоксъ, заплатилъ за избраніе 18.000 ф. стерлинговъ. Говорили, что „цѣна голоса такъ же извѣстна, какъ цѣна

Digitized by Google

сажени земли"; другой ораторъ того же времени, Шериданъ, выдалъ каждому изъ 248 избирателей своего бурга опредѣленную сумму, 5 фун. 5 шиллинговъ. Такъ какъ въ графствахъ избиратели должны были всякій разъ собираться въ одномъ главномъ пунктѣ, то вошло въ обычай, чтобы кандидатъ везъ туда ихъ всѣхъ на свои средства, нанималъ помѣщенія, кормилъ и поилъ ихъ по трактирамъ. Только очень богатые люди могли позволить себѣ подобную роскошь; для независимаго человѣка средняго достатка депутатство было недостижимо. При такой системѣ выборовъ аристократія въ сущности была два раза представлена въ парламентѣ: въ верхней палатѣ, гдѣ сидѣли по наслѣдству титулованныя лица, и въ нижней, гдѣ по выбору являлись ихъ младшіе сыновья или зависимые отъ аристократіи люди. Парламентъ былъ соединеніемъ интерессовъ немногихъ лицъ.

На этомъ не останавливались недостатки его строя. Члены парламента, наполовину купленные крупными владѣтелями или купившіе свои мѣста, легко поддавались подкупу въ самомъ собраніи. За подкупомъ избирателей слѣдовалъ подкупъ избранныхъ. Этимъ способомъ и могли держаться у власти немногія вигскія фамиліи: онѣ проводили, сколько могли, своихъ сторонниковъ на выборахъ, а ихъ вожди, занимавшіе министерскіе посты, дополняли составъ своей партіи, пріобрѣтая голоса въ самомъ парламентѣ. Самый обычный способъ подкупа состоялъ въ томъ, что министры раздавали парламентскимъ членамъ должности. Правда, при Вильгельмѣ былъ изданъ законъ, который воспрещалъ чиновникамъ сидѣть въ парламентѣ: но его дополнили и въ сущности обошли другимъ закономъ, по которому депутатъ, получившій правительственную должность, выходилъ изъ парламента и подвергался переизбранію; конечно, онъ всегда опять попадалъ въ парламентъ. Затѣмъ министры предоставляли депутатамъ пенсіи и просто денежные подарки. При помощи такихъ раздачъ держался у власти въ теченіе 20 лѣтъ министръ двухъ первыхъ Георговъ, Вальполь (121—41).

Вальполь особенно боялся оппозиціи возвратившагося изъ Франціи даровитѣйшаго оратора торіевъ, Болингброка; особымъ рѣшеніемъ парламента его лишили права занять свое мѣсто въ палатѣ лордовъ. Но талантъ Болингброка пробилъ себѣ другой путь: безпокойный честолюбивый политикъ, устраненный съ арены публичныхъ дебатовъ, сталъ писать памфлеты и воззванія; онъ безпощадно нападалъ на парламентскую порчу, раскрывалъ господство мелкихъ и своекорыстныхъ интересовъ, называя Вальполя публичнымъ миссіонеромъ порока. Однако ни Болингброкъ, ни его немногочисленные сторонники въ парламентѣ, образовавшіе партію независимыхъ, не могли указать настоящихъ средствъ къ реформѣ парламентскихъ порядковъ: они боролись противъ одно-

Digitized by Google

сторонняго преобладанія ненавистной имъ фракціи (т.-е. небольшой группы заинтересованныхъ), но не предлагали взамѣнъ допущенія ко власти широкихъ круговъ обществъ.

Когда, наконецъ, Вальполя свергли, характеръ управленія не измѣнился: его преемники стали продолжать и даже усилили его систему: одинъ изъ нихъ обратилъ само казначейство въ какой-то рынокъ, гдѣ онъ торговался со множествомъ депутатовъ о цѣнѣ голосовъ; въ одно утро онъ истратилъ однажды 25.000 фунтовъ стерлинговъ. Олигархическій и продажный парламентъ, очень далекій отъ того, чтобы быть народнымъ представительствомъ, во многихъ отношеніяхъ держалъ себя какъ настоящій деспотъ: подвергалъ преслѣдованію тѣхъ, кто осмѣливался печатать безъ его согласія рѣчи, произнесенныя въ собраніи, или критиковать то, что происходило въ засѣданіяхъ.

Англійская печать и политическая сатира. Несмотря на все это, англійское устройство представляло несравненно больше свободы, чѣмъ строй какой-либо другой европейской страны. Парламентъ былъ все-таки мѣстомъ, гдѣ могло раздаваться независимое слово: соперничество партій постоянно вело къ критикѣ дѣйствій правительства, къ раскрытію злоупотребленій; общественное мнѣніе могло высказываться, и правящіе люди должны были къ нему прислушиваться. Оттого интересъ къ ораторамъ, тонкая оцѣнка краснорѣчія у англійскаго общества XVIII в. не были пустою прихотью: силою своей горячей и смѣлой рѣчи Уильямъ Питтъ могъ сдѣлаться вождемъ страны въ серединѣ столѣтія.

Ни въ чемъ такъ не видна богатая умственная жизнь Англіи, какъ въ ея политической литературѣ, въ развитіи журналистики, политической критики, сатиры. Господствующая сила не могла, какъ во Франціи, ограничиться молчаливыми распоряженіями или грознымъ оповѣщеніемъ своей воли, въ родѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Она должна была поручать искуснымъ ораторамъ и писателямъ защиту своихъ мнѣній; но она ничего не могла сдѣлать, чтобы подавить противоположные взгляды.

Эпоха революціи 1688 г. и слѣдующихъ за нею 30 лѣтъ выдвинула въ качествѣ политическаго писателя Даніэля Дефо, извѣстнаго болѣе всего по своему позднѣйшему роману „Робинзонъ Крузо“. Родившійся въ диссентерской семьѣ, принимавшій участіе въ возстаніи при Карлѣ II, Дефо горячо защищалъ при Яковѣ II права своихъ единовѣрцевъ и политическую свободу, которая, по его убѣжденію, одна только могла обезпечить имъ вѣротерпимость. При Вильгельмѣ, королѣ по народному избранію, онъ пишетъ „Опытъ проектовъ“, гдѣ предлагаетъ между прочимъ устроить обширную банковую систему, чтобы облегчить населенію возможность быстраго обмѣна; доказываетъ необходимость улучшенія дорогъ, рекомендуетъ сберегательныя кассы, устройство пріютовъ

Digitized by Google

для умалишенныхъ, составляющее долгъ всего человѣчества по отношенію къ несчастнымъ. При королевѣ Аннѣ снова поднялось гоненіе на диссентеровъ; Дефо пишетъ злую сатиру, въ которой предлагаетъ дѣйствовать на отщепенцевъ висѣлицей и каторгой. Сначала Дефо скрылся отъ угрожавшаго ему за эту нападку ареста. Но когда притянули къ отвѣту издателя, Дефо самъ явился на судъ. Его осудили на выставленіе къ позорному столбу. Дефо написалъ гимнъ къ столбу, въ которомъ вознесъ силу правды и славу страданія за неё. Гимнъ вышелъ въ день, когда его первый разъ должны были выставить; народъ былъ на его сторонѣ; его забросали цвѣтами и вѣнками и привѣтствовали горячимъ сочувствіемъ. Въ тюрьмѣ Дефо продолжалъ писать сатиры и памфлеты и выпускалъ 4 раза въ недѣлю народный листокъ. Но уже на слѣдующій годъ новый министръ освободилъ его изъ заключенія, чтобы воспользоваться его замѣчательными литературными дарованіями для поддержки своей политики. Дефо послали въ Шотландію, для того чтобы устроить унію этой страны съ Англіей (возсоединеніе въ одно королевство, съ однимъ парламентомъ, происшедшее въ 1707 г.).

Той же эпохѣ и тому же кругу событій принадлежитъ великій сатирикъ Свифтъ. Во время религіозныхъ столкновеній при королевѣ Аннѣ онъ выпустилъ такъ наз. „Сказку о бочкѣ". Отецъ бѣдной семьи оставилъ троимъ сыновьямъ по кафтану и въ завѣщаніи строго запретилъ имъ мѣнять или украшать чѣмъ-либо свой простой костюмъ. Но сыновья, желавшіе жить среди свѣта, стали придумывать всякіе обходы и хитрыя толкованія отцовскаго завѣщанія, пока не измѣнили ему окончательно, спрятавши его подъ запоръ. Старшій братъ, Петръ, вышелъ въ большіе люди, разбогатѣлъ, занялся спекуляціями и окружилъ себя роскошью, посадилъ себѣ на голову три шляпы, одну на другую, и требовалъ, чтобы у него цѣловали ногу. Его гордость стала невыносима младшимъ братьямъ, Мартину и Іоанну, и они рѣшили достать запрятанное завѣщаніе. Тутъ они увидали, какъ обманулъ ихъ Петръ. Рѣшено было вернуться къ старому простому платью. Но въ то время какъ Мартинъ былъ остороженъ и снялъ только верхнія украшенія, Іоаннъ разорвалъ отъ усердія весь костюмъ. Онъ сталъ носиться съ завѣщаніемъ и говорилъ только его выраженіями, онъ считалъ себя какъ бы подъ особой охраной покойнаго отца; когда онъ ударялся обо что головой или падалъ въ лужу, онъ считалъ это предопредѣленіемъ; искусство онъ такъ ненавидѣлъ, что набиралъ полный карманъ каменьевъ и бросалъ ихъ въ вывѣски. Уже въ именахъ проглядываетъ ясный намекъ на католичество, лютеранство и кальвинизмъ; сказка Свифта—сатира на церковные споры, нетерпимость изъ-за непонятныхъ догматовъ, лицемѣріе богословскихъ толкованій и ухищреній.

Digitized by Google

Свифтъ прошелъ богословскую карьеру и не принадлежалъ къ аристократическимъ кругамъ, которые вели политику; но его снѣдало мучительное желаніе играть выдающуюся роль въ государственной жизни. Раздражаемый этимъ противорѣчіемъ, болѣзненно мрачный и озлобленный на людей, съ какой-то наклонностью наслаждаться ихъ нравственнымъ истязаніемъ, Свифтъ нигдѣ не могъ ужиться и переходилъ отъ одной партіи къ другой. Его первыя произведенія выдвинули его сразу на мѣсто выдающагося писателя: главы вигской партіи, министры, журналисты, искали его дружбы. Неудовлетворенный вигами, онъ измѣнилъ имъ и перешелъ къ тори, побѣдившимъ въ концѣ царствованія Анны, и опять его газета „Критикъ“ была опасной и крупной силой, а Свифтъ держался гордо и независимо съ политиками и министрами торіевъ. При ганноверскомъ королѣ и новомъ управленіи виговъ, Свифтъ, въ качествѣ декана (соборнаго священника) въ Дублинѣ, внезапно поднялъ голосъ на защиту страны, со времени пуританской революціи подавленной пришлой англійской администраціей. „Въ письмахъ суконщика“ онъ перечисляетъ всѣ жалобы ирландцевъ и обращается къ народу: „средство освобожденія въ нашихъ рукахъ... я хочу поднять духъ вашъ, чтобы вы наконецъ увидѣли, что по закону Божьему, естественному, народному, и по праву вашей собственной страны вы такой же свободный народъ, какъ ваши братья въ Англіи, и такимъ же свободнымъ должны быть“. Около того же времени Свифтъ пишетъ „Путешествія Гулливера“, гдѣ человѣческій міръ, политика, общество, семья, церковь изображены въ двойной карикатурѣ, сначала мелкихъ, игрушечныхъ отношеній у едва видныхъ съ земли пигмеевъ, а потомъ въ чертахъ преувеличено грубыхъ и животныхъ у великановъ; конецъ сатиры—воображаемое царство благородныхъ и умныхъ коней, среди которыхъ паразитами живутъ низкія, хитрыя и ограниченныя обезьяны, удивительно похожія на людей.

Ни одна сторона человѣческой жизни не пощажена Свифтомъ; свободу его рѣчи можно оцѣнить только по сравненію съ современнымъ ему положеніемъ литературы на континентѣ Европы: французскій юмористъ Лабрюйеръ въ концѣ правленія Людовика XIV говорилъ, что писатель, если онъ французъ и христіанинъ, крайне ограниченъ и связанъ въ полетѣ своей сатиры.

Богатое борьбою политическихъ и религіозныхъ партій царствованіе Анны (1702—14) выдѣляется вообще своей литературной жизнью. Большія кофейни Лондона собираютъ множество разнообразной публики, ученыхъ политиковъ, художниковъ, писателей, офицеровъ, купцовъ и биржевыхъ людей, читающихъ жадно новости журналовъ, дебатирующихъ вопросы войны, политическихъ выборовъ, театра, религіи и т. д. Достоящимъ отраженіемъ этихъ ежедневныхъ встрѣчъ и кружковыхъ интересовъ были

Digitized by Google

періодическія изданія, особенно листки „Болтунъ“ и „Зритель“, выпускавшіеся Стилемъ и Аддисономъ въ 1709—1714 гг. Эти изданія, выходившія нѣсколько разъ въ недѣлю или каждый день и соединявшіяся потомъ въ тома по полугодіямъ, похожи на наши журнальныя обозрѣнія, но облечены въ форму повѣстей и литературныхъ характеристикъ. „Зритель“, напр., сообщаетъ новости, наблюденія, даетъ бытовыя сцены, обсуждаетъ вопросы театра и искусства подъ видомъ бесѣдъ въ небольшомъ дружескомъ кружкѣ, гдѣ у хозяина-лондонца собираются помѣщикъ, купецъ, студентъ-юристъ и капитанъ. Журналы получили огромное распространеніе: каждый образованный человѣкъ въ Лондонѣ привыкъ, чтобы утромъ къ чаю ему приносили номеръ „Зрителя“; въ деревню листки уходили въ почтовые дни и читались большею частью сразу за всю недѣлю по воскресеньямъ. Они расходились въ большомъ количествѣ на материкѣ и въ колоніяхъ. Ежедневно выходило до 14.000 экземпляровъ, цифра огромная для того времени, если принять во вниманіе, что одинъ подписчикъ приходился иногда на нѣсколько десятковъ читателей, такъ какъ выписывали газету обыкновенно цѣлымъ обществомъ.

Деизмъ. Постоянная, нестѣсненная борьба мнѣній въ Англіи создавала большую независимость мысли. Въ вопросахъ религіозныхъ на мѣсто слѣпого повторенія догматовъ выступаетъ самостоятельное размышленіе. Въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ шли англійскіе сектанты. Индепенденты постоянно выражали мысль, что нельзя замыкаться въ разъ усвоенномъ ученіи и слѣпо идти за руководителями и основателями церквей, какъ бы ни были велики Лютеръ, Кальвинъ и другіе. „Они не проникли во всю глубину мудрости Божіей“. „Господь дастъ еще больше раскрыться истинѣ въ Его святомъ словѣ“. Надо открывать свой разумъ новому озаренію. „Немыслимо, чтобы христіанскій міръ въ столь короткій срокъ могъ пробиться сквозь мракъ Антихриста, который такъ долго господствовалъ, и чтобы сразу могло вырасти во всемъ совершенствѣ христіанское познаніе“. Эта мысль о послѣдовательномъ возвышеніи и очищеніи религіи была у сектантовъ связана съ понятіемъ о внутреннемъ откровеніи, которое замѣняетъ писанное или даже выше его. Довѣряя болѣе всего его голосу, сектанты приближались къ раціонализму: внутреннее откровеніе — это вѣдь, другими словами, самостоятельное мышленіе, *разумъ* отдѣльнаго человѣка.

То же самое убѣжденіе пробивалось у людей, которыхъ такъ или иначе отталкивали непримиримые и злые догматическіе споры. Офицеръ и дипломатъ на службѣ Якова I, Чёрбери, въ книгѣ „Объ истинѣ, поскольку она разнится съ откровеніемъ“ (1624), старался выдвинуть основныя понятія, прирожденныя или общія всѣмъ людямъ, помимо от-

Digitized by Google

кровенія. Ихъ не много: въ мірѣ есть Высшее Существо; почитаніе Его со стороны человѣка должно выражаться въ добродѣтели: добро и зло возмѣщаются въ земной и загробной жизни. Вскорѣ послѣ него Чиллингворсъ въ книгѣ „Религія протестантовъ“ (1637) писалъ: „Я увѣренъ, что Богъ далъ намъ разумъ, чтобы различать истину отъ неправды, и кто имъ не пользуется, а вѣритъ въ разныя вещи, не вѣдая почему, тотъ лишь случайно вѣритъ въ правду, но не по выбору; и я боюсь, что Богъ не приметъ этой жертвы глупца“. Никто не обязанъ съ вѣрой принимать ученій церкви, какъ бы они ни были истинны, если они противорѣчатъ указаніямъ собственнаго разума.

Эти первые провозвѣстники „разумной“ и „естественной“ религіи вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко критиковали ученія, передававшіяся по традиціи. По ихъ мнѣнію, первоначальная вѣра людей, согласная ихъ природѣ и разсудку, была чиста и возвышенна, но ее затемнили потомъ своекорыстные или невѣжественные жрецы, старавшіеся пріобрѣсти власть надъ массой народа; религія закрылась множествомъ суевѣрій и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнилась разногласіями, которыя и привели къ существованію множества ожесточенно нападающихъ другъ на друга исповѣданій.

Воззрѣнія эти стали широко распространяться во второй половинѣ XVII в. Имъ много содѣйствовали открытія въ области физики, астрономіи и физіологіи человѣка, подъ впечатлѣніемъ которыхъ міровыя явленія стали казаться сцѣпленіемъ естественныхъ причинъ и слѣдствій, не дававшихъ мѣста волшебству и чудеснымъ перемѣнамъ. Между тѣмъ сторонники религіи разума особенно нападали на невозможность чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ книги Писанія: они, казалось, обѣщали такую вѣру, которая вполнѣ примирялась съ наукой и очевидностью.

Самымъ сильнымъ представителемъ критики богословскаго ученія былъ во второй половинѣ XVII в. Борухъ Спиноза (1632—77), по происхожденію изъ еврейской португальской семьи, бѣжавшей въ Голландію. Взгляды Спинозы сложились въ общеніи съ свободомыслящими кружками Амстердама, особенно въ домѣ фанъ Энде, іезуита, ставшаго пантеистомъ. Спиноза примыкаетъ частью къ системѣ Декарта, но также и къ раціоналистическому направленію въ іудейской философіи; однако онъ настолько удалился отъ стариннаго христіанскаго и іудейскаго ученія, что его преслѣдовали оба исповѣданія; отлученный іудейской общиной, онъ подвергся строгому приговору кальвинистскихъ синодовъ Голландіи, при чемъ его взялъ подъ защиту пенсіонарій де-Виттъ. Въ „Богословско-политическомъ трактатѣ“, необыкновенно богатомъ по содержанію, Спиноза указываетъ критическіе пріемы для изслѣдованія и оцѣнки Библіи, которые вошли въ силу лишь гораздо позднѣе, въ XIX в. Многія книги Библіи, по его мнѣнію, не принадлежатъ тѣмъ лицамъ, подъ

Digitized by Google

именами которыхъ онѣ переданы: Моисеевы книги собраны и записаны фарисеями второго возстановленнаго храма (VI в. до Р. Х.). Библія не продиктована Богомъ, но она Божья книга, потому что проповѣдуетъ истинную религію, которая можетъ быть понимаема лишь при полной свободѣ толкованія. Цѣнность ея разсказовъ различна; они вообще составляютъ иллюстраціи для простецовъ, но не доказательства. Для того, кто можетъ самостоятельно усвоить вѣчныя истины Писанія — а онѣ заключаются въ законѣ правды и добродѣтели, — вѣра въ разсказы о чудесахъ необязательна.

Въ другихъ сочиненіяхъ, особенно въ „Этикѣ“, Спиноза развиваетъ свой взглядъ на природу человѣка и связь его съ міровой жизнью. Сущность природы человѣка въ разумѣ, его разуму доступно неограниченное знаніе. Въ своихъ поступкахъ человѣкъ слѣдуетъ закону міровой жизни; его воля не произвольна, онъ столь же свободенъ, какъ свободенъ брошенный камень. Влеченіе человѣка къ добру зависитъ отъ его наклонности къ сохраненію своей жизни; добро—то, что благотворно, что увеличиваетъ нашу жизнеспособность, зло — то, что уменьшаетъ ее, что вредитъ ей.

Идеи Спинозы оказали сильное вліяніе на современниковъ. Въ Англіи, въ эпоху второй революціи 1688 г. и съ объявленіемъ вѣротерпимости и свободы печати, количество людей независимой религіи увеличилось. Имъ дали особое имя „свободныхъ мыслителей“, или „деистовъ“ (т.-е. сводящихъ религію къ чистому познанію Бога—Deus—безъ остальныхъ догматовъ). Деизмъ и сталъ господствующимъ воззрѣніемъ образованныхъ людей послѣдующаго XVIII в. не только въ Англіи, но потомъ, подъ вліяніемъ англійскихъ идей, и въ другихъ странахъ Европы.

Деизмъ отразился особенно ярко въ литературной дѣятельности Толенда. Ирландецъ и католикъ по рожденію, перешедшій 16 лѣтъ въ протестантизмъ, Толендъ былъ неутомимымъ борцомъ за новыя идеи. Онъ написалъ горячую біографію Мильтона и въ памфлетѣ „Свободная Англія“ защищалъ программу виговъ. Въ книгѣ „Христіанство безъ тайнъ“ (1696) онъ объясняетъ, что истинная религія должна быть удобопонятна разсудку. Если есть вещи, которыхъ мы не можемъ сразу понять, то нѣтъ основанія объявлять ихъ таинственными. Между тѣмъ къ простымъ положеніямъ Евангелія прибавили цѣлый рядъ магическихъ дѣйствій для того, чтобы расположить къ христіанству язычниковъ, признававшихъ волшебство и мистеріи: такъ случилось, что ежедневныя вещи, утоленіе голода и жажды хлѣбомъ и виномъ, окунаніе въ воду, были объявлены невыразимыми тайнами, а это—лишь простые символы, какъ картинки въ азбукѣ.

Толендъ не уставалъ распространять свои взгляды, гдѣ только на-

Digitized by Google

ходилъ слушателей, въ кофейняхъ, гостиницахъ и т. п. Со всѣхъ церковныхъ каѳедръ въ Дублинѣ гремѣли противъ него; одинъ крупный англійскій сановникъ заявилъ, что не хочетъ больше ходить въ церковь, такъ какъ священники гораздо больше проповѣдуютъ о какомъ-то Джонѣ Толендѣ, чѣмъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ. Ирландскій парламентъ опредѣлилъ сжечь книгу Толенда рукою палача и арестовать автора, но онъ бѣжалъ въ Англію и написалъ защиту своего сочиненія. Другую сторону разумной или естественной религіи выдвигалъ Шефтсбёри, современникъ Толенда, внукъ вигскаго политика временъ Карла II. Для Шефтсбёри нравственность вовсе не есть какое-либо внѣшнее предписаніе, которое нуждается въ поддержкѣ посредствомъ наградъ или каръ, возвѣщенныхъ религіей; она вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой души, она внушена благородствомъ человѣческой природы, врожденнымъ каждому чувствомъ внутренней красоты и достоинства личности.

Первая половина XVIII в. въ Англіи изобилуетъ сочиненіями, въ которыхъ такъ или иначе развивается мысль о *естественной религіи* и естественной морали. Авторы ихъ сходятся въ томъ, что есть присущія всѣмъ людямъ основныя идеи, которыя отвѣчаютъ требованіямъ разума; онѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ исконными понятіями человѣчества, и только суевѣріе, злостный обманъ, деспотизмъ повели къ ихъ затемненію. Представители деизма лишь расходились въ томъ, какъ понимать отношеніе разумной и естественной религіи къ христіанству. Одни искали примиренія между ними и желали сохранить изъ христіанства то, что отвѣчаетъ указаніямъ совѣсти и разума. Другіе покидали совсѣмъ христіанство и старались составить новую религію или обойтись безъ всякой религіи. Такимъ путемъ пошелъ въ позднѣйшіе годы своей жизни Толендъ, отринувшій вѣру въ личнаго Бога и въ личное безсмертіе; онъ принялъ ученіе Спинозы о томъ, что божественное начало есть жизнь природы, и дополнилъ его матеріалистическимъ понятіемъ, что душевная дѣятельность человѣка представляетъ только колебеніе частицъ мозга и прекращается съ его распаденіемъ. Въ своемъ „Пантеистиконѣ“ онъ предлагаетъ замѣнить богослуженіе дружескими бесѣдами о міровыхъ вопросахъ и дѣлами взаимной помощи.

Почти одновременно съ этой книгой Толенда въ Англіи возникъ просвѣтительно-благотворительный союзъ, широко распространившійся потомъ по всей Европѣ. Это было общество „свободныхъ каменьщиковъ“, франкмасоновъ, или *масоновъ*. Въ 1717 г. въ Лондонѣ основана была большая ложа, т.-е. вѣтвь общества. Масоны усвоили себѣ символы средневѣковыхъ ремесленныхъ союзовъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ религіозными братствами, дѣлились на разряды учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ, начинали и кончали свои собранія торжествен-

Digitized by Google

ными и мѣрными ударами молотка. Новые „каменьщики“ строили „по образцу Соломонова храма“—храмъ человѣчества. Они увѣряли и были убѣждены, что основныя начала ихъ общества идутъ изъ глубины вѣковъ и даже старше христіанства. Во взглядахъ масоновъ отражается деизмъ; онъ принимаетъ въ практикѣ „братьевъ“, сходящихся на бесѣды и собранія, характеръ взаимнаго воспитанія въ духѣ человѣчности, характеръ *филантропическій*; они хотятъ создать, внѣ стѣсненій церкви и государства, общечеловѣческое соединеніе на началахъ полной вѣротерпимости и дѣятельной любви къ ближнему.

Научное міровоззрѣніе. Одновременно въ Англіи распространяется новое научное міровоззрѣніе. Въ XVI в. главный интересъ направленъ на древнюю литературу и языки грековъ и римлянъ. Пуританство было враждебно этому „язычеству“ и нанесло первый сильный ударъ классицизму; съ половины XVII в. изученіе древности стало приходить въ упадокъ. Одинъ профессоръ, назначенный въ 1660 г. въ Кембриджъ по греческому языку, горько жаловался, что никто не хочетъ его слушать: „я сижу какъ аѳинская сова, изгнанная изъ общества другихъ птицъ“. Напротивъ, все болѣе развивается интересъ къ естественнымъ наукамъ, поддерживаемый крупными открытіями въ области астрономіи, физики, физіологіи. Въ 1645 г. среди гражданской войны Бойль и нѣсколько другихъ ученыхъ составили „невидимую коллегію“, т.-е. небольшое натуралистическое общество, сходившееся разъ въ недѣлю. Возвращеніе Стюартовъ не помѣшало этому интересу; напротивъ, Карлъ II самъ принималъ живое участіе въ успѣхахъ астрономіи и завелъ себѣ также химическую лабораторію. Король взялъ подъ свое покровительство натуралистическую коллегію и утвердилъ ее подъ названіемъ „Королевскаго лондонскаго общества для развитія естественныхъ наукъ“. При возникновеніи лондонскаго общества опыты были вещью весьма необычною; оно избрало „опытъ“ своимъ главнымъ знаменемъ. Вкусъ времени во второй половинѣ XVII в. совершенно измѣнился; какъ прежде въ салонахъ разсуждали о Цицеронѣ и Плутархѣ, такъ теперь джентльмены и леди считали хорошимъ тономъ говорить о воздушныхъ насосахъ и телескопахъ, о химіи и магнетизмѣ. На практикѣ этотъ интересъ отразился въ усовершенствованіяхъ въ области земледѣлія, мореплаванія, медицины.

Между натуралистическими обществами, или Академіями разныхъ странъ, лондонскимъ, парижскимъ, голландскимъ, образовался тѣсный и постоянный обмѣнъ свѣдѣній. У людей, разрабатывавшихъ естественныя науки, подъ впечатлѣніемъ этихъ совмѣстныхъ усилій и непрерывно идущихъ новыхъ и новыхъ опытовъ развивалось сознаніе, что скоро откроются передъ глазами всѣхъ послѣднія тайны міра.

Digitized by Google

Въ результатѣ этой громадной работы и появилось величайшее научное произведеніе послѣднихъ трехъ вѣковъ, „Математическіе принципы философіи природы“ Исаака Ньютона, члена лондонской королевской Академіи (1687 г.). Ньютонъ примыкаетъ къ открытію Коперника и Кеплера; онъ объясняетъ вращеніе земли и другихъ небесныхъ тѣлъ вокругъ солнца посредствомъ *закона тяготѣнія*, того же самаго, въ силу котораго брошенный камень падаетъ на землю, и всѣ предметы на земной поверхности притягиваются равномѣрно къ ея центру. Открытіе Ньютона установило незыблемо основы астрономіи и механики. Міръ пересталъ казаться соединеніемъ загадокъ и чудесъ; все въ немъ какъ бы получило разумный и естественный характеръ, все, крупное и малѣйшее, стройно подчинилось простымъ и неизмѣннымъ законамъ. Ньютонъ не имѣлъ средствъ для напечатанія своего великаго открытія и по крайней скромности и нерѣшительности самъ, вѣроятно, не отдалъ бы его въ печать; оно было издано по настоянію и на средства другого крупнаго ученаго, Галлея, безкорыстнаго и независтливаго его поклонника.

Ньютонъ, умершій въ 1727 г., стоитъ со своимъ открытіемъ впереди всего освободительнаго умственнаго движенія XVIII в. Но какъ его сочиненіе, такъ и вообще англійская литература конца XVII и первой половины XVIII в. не оказали прямого воздѣйствія на европейскія страны; оригинальныя идеи англійскаго просвѣщенія прошли черезъ истолкованіе французовъ, и они уже распространили эти идеи дальше по Европѣ, пользуясь общимъ преобладаніемъ своего языка и внѣшней культуры.

Развитіе колоніальнаго могущества Англіи. Со времени второй революціи 1688 г. въ Англіи торжествуетъ меркантилизмъ. Въ интересахъ торговли и промышленности запрещаютъ ввозъ произведеній иностранныхъ фабрикъ, особенно французскихъ, но поощряютъ ввозъ изъ-за границы сырыхъ продуктовъ, важныхъ для мѣстной обработки, или запрещаютъ вывозъ изъ страны сырья, напр., шерсти, если это полезно для англійскихъ фабрикантовъ. Всѣ эти мѣры соотвѣтствовали политикѣ виговъ. Но Англія была далеко отъ той однородности, которую усвоили Кольберъ и его преемники во Франціи, гдѣ сельскіе хозяева жаловались на пренебреженіе къ ихъ интересамъ. Виги, даже въ то время, когда пользовались полнымъ перевѣсомъ, вынуждены были принимать во вниманіе выгоды землевладѣльцевъ, составлявшихъ главную массу противоположной партіи, торіевъ. За ними остались преміи на вывозъ англійскаго хлѣба. Такимъ образомъ въ странѣ было только нѣкоторое соперничество интересовъ, но не было противоположности и вражды между главными группами производителей. Это обстоятельство придавало Англіи

Digitized by Google

большую сплоченность во внѣшнихъ дѣлахъ и перевѣсъ въ столкновеніяхъ съ Франціей. Въ 1713 г. Англія положила основаніе своего господства въ Америкѣ. Въ срединѣ XVIII в. начинается вторая крупная война, изъ которой Англія выходитъ главной колоніальной и торговой державой Европы, а колоніальное могущество Франціи, возникшее въ XVII в., напротивъ, разрушается. Борьба эта связана съ именемъ крупнаго политика и оратора, Уильяма Питта.

Питтъ выступилъ впервые въ оппозиціи противъ системы подкуповъ Вальполя. Самъ онъ былъ человѣкъ безусловно честный и безкорыстный, но система осталась въ силѣ и при его управленіи. Король Георгъ II не любилъ Питта, но вынужденъ былъ обращаться къ его таланту и принимать его въ свои министерства, когда этого требовала господствующая группа въ парламентѣ. Питтъ какъ нельзя болѣе отражаетъ энергическое движеніе англійскихъ моряковъ, торговцевъ и колонистовъ къ захвату новыхъ территорій, рѣзкому устраненію промышленныхъ соперниковъ. На этомъ основывается популярность его политики въ Англіи средины XVIII в. Онъ умѣлъ представить это въ сущности насильственное, чисто завоевательное движеніе въ видѣ патріотическаго подвига. Въ парламентѣ Питтъ былъ горячимъ проповѣдникомъ и энтузіастомъ англійскихъ захватовъ, которые представляютъ много общаго съ торгово-политическими походами и экспедиціями римлянъ. Въ самой натурѣ и манерѣ Питта были черты, напоминающія патриція-патріота римскаго сената: всегда театральный и исполненный пафоса, высокомѣрный и нетерпимый, этотъ „великій коммонеръ“ (трибунъ палаты общинъ) умѣлъ увлекать страну къ огромнымъ жертвамъ для самыхъ широкихъ предпріятій. Главною цѣлью Питта было отвоеваніе у французовъ Сѣверной Америки и Индостана. Но онъ вмѣшался и въ европейскія дѣла, чтобы ослабить здѣсь французовъ и отвлечь ихъ вниманіе и силы отъ заокеанскихъ владѣній.

Въ 1756 г. составилась большая коалиція изъ Австріи, Россіи, Франціи, Швеціи и Саксоніи противъ прусскаго короля Фридриха II, типичнаго представителя хищнической дипломатіи XVIII в., незадолго до того отнявшаго у Австріи Силезію. Началась такъ назыв. *семилѣтняя война* (1756—63). Въ слѣдующемъ году Питтъ вступилъ въ министерство и соединилъ въ своихъ рукахъ завѣдованіе военнымъ дѣломъ и флотомъ. Имѣя въ виду только одно, приниженіе Франціи, Питтъ рѣшилъ энергически поддержать Фридриха II, увлекъ парламентъ къ ассигнованію большихъ субсидій самому королю и къ поддержанію на счетъ Англіи нѣмецкаго войска въ Ганноверѣ для отраженія французовъ. Одновременно онъ старался блокировать французскіе берега, бомбардировалъ порты и разрушалъ ихъ доки. Но главная борьба ки-

Digitized by Google

пѣла въ колоніяхъ. Въ Америкѣ Англія имѣла передъ собой двухъ враговъ, кромѣ Франціи, еще Испанію. Питтъ умѣлъ выбрать выдающихся офицеровъ и моряковъ и поставить ихъ во главѣ дѣла. Но всего важнѣе была поддержка, оказанная правительству англійскими колонистами въ Америкѣ, которые числомъ значительно превосходили французскихъ. Питтъ предложилъ колоніямъ выставить солдатъ съ тѣмъ, чтобы метрополія взяла на себя доставку оружія и содержаніе ихъ, при обѣщаніи, что англійскій парламентъ вознаградитъ потомъ американцевъ за всѣ траты. Колонисты дали все нужное, людей и провіантъ, и ихъ силами главнымъ образомъ была завоевана вся страна, занятая до тѣхъ поръ французами, т.-е. Канада вдоль теченія св. Лаврентія и земли между этой рѣкой и Атлантическимъ океаномъ.

Побѣда англійскихъ колонистовъ надъ французами объясняется главнымъ образомъ различнымъ характеромъ тѣхъ и другихъ колоній. Англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ были свободно возникавшими поселеніями, при чемъ правительство не мѣшало эмигрировать сюда сектантамъ и людямъ, недовольнымъ политическими порядками родины; нестѣсняемые привилегіями и повинностями, при свободномъ пользованіи землею, при самоуправленіи, эмигранты обращались къ распашкѣ нови, къ промысламъ и торговлѣ. Французскія колоніи со времени Генриха IV и Ришельё были правительственными предпріятіями; колонистамъ и торговлѣ съ колоніями оказывали особое покровительство, но въ то же время между ними производили отборъ и какъ разъ не пускали выселяться людей неправовѣрныхъ и неблагонадежныхъ съ точки зрѣнія правительства; эмигрантовъ, напр., гугенотовъ, во французской Америкѣ не было.

Далѣе, французскія колоніи воспроизводили сословныя дѣленія и привилегіи метрополіи: особенно много туда отправлялось дворянъ, младшихъ сыновей аристократическихъ семей, или осужденныхъ за дуэли,— храбрый и безпокойный элементъ, авантюристы, охотники, солдаты и путешественники, не склонные къ мирнымъ занятіямъ; еще больше было духовенства; это, правда, были самые образованные люди, изъ ихъ среды набирались техники, инженеры, архитекторы, счетоводы и т. д., но ихъ было слишкомъ много сравнительно съ земледѣльцами, промышленниками, рабочими и т. д.; притомъ члены орденовъ, особенно іезуиты, вносили обычную нетерпимость; тамъ, гдѣ надо было поднимать землю, расчищать лѣсъ, возникалъ монастырь, госпиталь и т. п., который жилъ чужимъ трудомъ, только потреблялъ и ничего не производилъ. Перешли въ Америку также всѣ привилегіи духовенства, право мертвой руки (неотчуждаемость церковныхъ владѣній), десятина, которая представляла тяжелый налогъ на землю, отбивавшій охоту заниматься и безъ того трудной ея разработкой.

Digitized by Google

Феодальныя условія Франціи были полностью воспроизведены въ Канадѣ: крупнымъ титулованнымъ лицамъ выдавались сеньеріи, которыя они участками раздавали въ пользованье людямъ простого званія, сохраняя право на особый взносъ при переходѣ владѣнія въ другія руки, требуя выкупа за сеньеріальную мельницу, печь и т. д. Такъ какъ все это привлекало мало земледѣльцевъ, въ странѣ былъ постоянный почти недородъ; она очень мало вывозила и очень много ввозила. Колонистовъ не спрашивали вовсе по дѣламъ внутренняго устройства, правительство вмѣшивалось своими предписаніями, назначало и смѣняло чиновниковъ, гражданскій губернаторъ былъ постоянно во враждѣ съ командующимъ генераломъ, управленіе стоило дорого, и въ немъ было много злоупотребленій. Въ колоніи неохотно ѣхали, энергія поселенцевъ на мѣстѣ ослаблялась тѣмъ, что они встрѣчали тѣ же стѣснительные порядки родины, отъ которыхъ хотѣли уйти.

Очень важны были также успѣхи, одержанные англичанами въ Остиндіи. Обширная страна, населенная различными племенами, была въ значительной части объединена въ XVII в. мусульманскими султанами, такъ наз. великими Моголами. Въ 1700 г. это единство разстроилось, и Индостанъ открылся европейскимъ завоевателямъ, которые однако пользовались мѣстными военными силами и забирали то, что уже было стянуто управленіемъ Моголовъ. Въ 40-хъ годахъ XVIII в. французы имѣли перевѣсъ въ Индіи. Франція выставила рядъ даровитыхъ офицеровъ и администраторовъ. Но правительственная политика во Франціи была неблагопріятна для колоніальныхъ предпріятій. Одного изъ завоевателей, Лабурдоннэ, губернатора Маскаренскихъ острововъ, захватившаго Мадрасъ, посадили въ политическую тюрьму Бастилію. Энергичнаго Дюплэ, занявшаго южную оконечность полуострова (Деканъ), отозвали въ самый разгаръ его удачныхъ и обширныхъ предпріятій и отдали подъ судъ, его преемнику, Лалли, не дали нужной поддержки противъ англичанъ, несмотря на его настоятельныя депеши, а послѣ того, какъ онъ былъ побѣжденъ, его вызвали во Францію и отправили на эшафотъ. Напротивъ, англійскіе предводители, состоявшіе на службѣ Остиндской компаніи, пользовались большимъ просторомъ; особенно выдѣлился своими побѣдами Клейвъ, сначала простой приказчикъ компаніи, ставшій потомъ лордомъ. Англичане захватили важные пункты на обоихъ берегахъ, Бомбей и Мадрасъ, а также Калькутту въ устьяхъ Ганга. Компанія завладѣла послѣдовательно доходами тѣхъ владѣній, которыя прилегали къ завоеваннымъ крѣпостямъ, торговымъ и складочнымъ пунктамъ: мѣстные владѣтели, раджи и султаны, сохраняли свою власть, а компанія брала у нихъ на откупъ сборъ податей; выгоды отъ этого управленія вмѣстѣ съ барышами развивающейся торговли

Digitized by Google

составляли доходъ пайщиковъ Остиндской компаніи. Но чиновники компаніи и нанимаемые ею офицеры доставляли далеко не всѣ приходившіяся на ея долю суммы. Замѣчательные по своему мужеству, энергіи и предпріимчивости завоеватели Индіи, Клейвъ, Гастингсъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ корыстолюбивы и безсердечно жестоки по отношеніи къ туземному населенію.

Въ 1763 г. былъ заключенъ съ Франціей миръ (Парижскій), закрѣпившій всѣ пріобрѣтенія, которыя были сдѣланы за время воинственнаго управленія Питта, хотя онъ уже ушелъ въ это время въ отставку изъ-за несогласія съ новымъ королемъ Георгомъ III. Англія получила Канаду и всѣ земли на востокѣ отъ Миссисипи; Испанія уступила ей Флориду. Въ Индостанѣ французы удержали немногіе пункты (Пондишери и др.), сохранившіе лишь значеніе торговыхъ складовъ. Вся колоніальная держава ихъ, основанная Ришельё и Кольберомъ, рушилась. Новыя колоніальныя владѣнія Франціи, образовавшіяся въ XIX в., почти ничего не имѣютъ общаго со старыми: они главнымъ образомъ расположены въ Африкѣ и захватываютъ лишь одну крупную область Азіи, Индокитай.

IV.

Франція въ XVIII вѣкѣ.

Бюрократическія реформы и оппозиція парламентовъ. Все почти шестидесятилѣтнее царствованіе Людовика XV (1715—1774, первыя 8 лѣтъ заполнены регентствомъ Филиппа Орлеанскаго) прошло безъ измѣненій въ политическомъ строѣ Франціи. Это была прежняя система Людовика XIV, приходившая все болѣе и болѣе въ ветхость. Франція вела рядъ войнъ (1741—1762), вовсе не вызывавшихся ея прямыми интересами, „войнъ роскоши“, то принимая участіе въ дѣлежѣ австрійскаго наслѣдства и помогая Пруссіи, то, напротивъ, поддерживая Австрію противъ Пруссіи (въ семилѣтней войнѣ); а въ то же время Англія отнимала у нея колоніи одну за другой и уничтожала ея морскую торговлю. Внутри страны держались тѣхъ же пріемовъ администраціи и надзора за обществомъ, которые стѣсняли всякое самостоятельное проявленіе мысли: большая часть замѣчательныхъ произведеній политической и научной литературы XVIII в. могли появиться въ печати только за границей, въ Голландіи, Англіи, Швейцаріи. Позорная жизнь мелко порочнаго и лѣниваго короля составляла только лишнюю черту въ картинѣ общаго политическаго застоя.

Въ средѣ администраціи между ближайшими совѣтниками короля

Digitized by Google

время отъ времени появлялись люди, которые требовали, чтобы монархія шла дальше впередъ въ своей уравнительной работѣ, въ уничтоженіи привилегій. Маркизъ д'Аржансонъ, бывшій одно время министромъ иностранныхъ дѣлъ, оставилъ „Соображенія объ управленіи Франціи", гдѣ онъ исходитъ отъ той мысли, что вѣдь дѣло монархіи—дѣло всего народа. Онъ жалуется, что королевской власти не ставятъ въ счетъ то хорошее, что она дѣлаетъ для народа. Но власти слѣдуетъ иначе держать себя; не надо такъ много говорить о правахъ короля, надо привлечь широкіе круги общества и заинтересовать ихъ въ дѣлѣ управленія. Онъ предлагаетъ отмѣнить привилегію дворянства, освобождающую его отъ уплаты налога, уничтожить систему откуповъ, выгодную для капиталистовъ, и предоставить раскладку и сборъ податей самому населенію провинцій, въ которыхъ надо завести особыя выборныя земскія собранія, гдѣ будутъ представлены всѣ сословія. Д'Аржансонъ хочетъ обновить монархію *демократическими мѣстными учрежденіями*; но они не должны, по его мнѣнію, ограничивать монархію; они только освободятъ ее отъ болѣе мелкихъ заботъ и дадутъ ей тѣмъ болѣе силы и авторитета въ дѣлахъ важныхъ и общихъ. Высшее правительство попрежнему пусть властвуетъ неограниченно; рѣшительно не нужны генеральные штаты, такъ какъ опытъ всѣхъ временъ показалъ, что отъ нихъ нѣтъ ничего хорошаго; между государемъ и народомъ есть какъ бы тайный уговоръ никогда не возвращаться къ этимъ общимъ собраніямъ.

Другой министръ Людовика XV, Машо, рѣшился провести (1750) рядъ мѣръ противъ привилегированныхъ. Во-первыхъ, онъ ограничилъ владѣнія духовенства, запретивши церкви пріобрѣтать новыя земли. Во-вторыхъ, Машо ввелъ общій налогъ „двадцатой доли", т.-е. пятипроцентный сборъ со всѣхъ имуществъ, не исключая земель, принадлежавшихъ дворянству и духовенству. Эта мѣра вызвала крайнее раздраженіе, особенно среди духовенства, и налогъ скоро пришлось отмѣнить, а энергичный министръ получилъ отставку. И то, что предлагалъ д'Аржансонъ, и то, что проводилъ Машо, далеко не составляло полной реформы общественнаго строя Франціи; это было только требованіе болѣе равномѣрнаго распредѣленія повинностей. Притомъ они оба, согласно практикѣ, установившейся за полтора вѣка, думали провести свою ограниченную реформу бюрократически, безъ обращенія къ обществу, путемъ изданія указовъ.

Но и эта односторонняя реформа, выходившая изъ королевской канцеляріи, встрѣчала въ высшихъ классахъ общества противодѣйствіе: еще болѣе, чѣмъ духовенство, поднимались противъ всѣхъ королевскихъ реформъ парламенты, заключавшіе въ себѣ настоящую наслѣдственную

Digitized by Google

касту. Съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ Орлеанскій возстановилъ ихъ права, они не переставали возражать на всѣ начинанія королевскихъ министровъ. Постепенно палаты различныхъ областей Франціи пришли къ мысли, что онѣ составляютъ единую корпорацію, общефранцузскій парламентъ, „одушевленный единой силой, проникнутый одними принципами, занятый одною цѣлью“. Чтобы проводить свои указы въ жизнь, король переходилъ отъ одного насилія надъ парламентами къ другому; постоянно слѣдовали одинъ за другимъ lits de justice, засѣданія, въ которыхъ король объявлялъ свою волю, и законъ вносился въ регистры. Въ засѣданіи 1766 г. въ Парижѣ отъ имени короля была прочитана рѣчь, въ которой говорилось: „въ своемъ дерзкомъ безуміи парламенты выдаютъ себя за органы націи... между тѣмъ мнѣ одному принадлежитъ законодательная власть, независимая и нераздѣльная... хотятъ видѣть въ націи какое-то особое, самостоятельное, отдѣльное отъ монарха, общество, тогда какъ интересы и права націи всѣ здѣсь—въ моей рукѣ“. Но парламентъ отвѣчалъ на эти насилія своеобразнымъ и очень дѣйствительнымъ протестомъ. Всѣ члены палаты объявляли забастовку, и судебныя разбирательства прекращались: защитники и обвиняемые должны были терпѣливо дожидаться конца судебной стачки. Правительство принимало мѣры строгости, посылало судьямъ грозные приказы, отправляло ихъ въ ссылку. Но это не помогало, и послѣ нѣсколькихъ стычекъ такого рода король уступалъ.

Въ концѣ правленія Людовика XV была сдѣлана попытка сломить окончательно эту досадную оппозицію, при чемъ королевское правительство произвело по своему обыкновенію грубый насильственный переворотъ. Министръ Мопу издалъ указъ въ концѣ 1770 г., которымъ запрещалось говорить о „французскомъ парламентѣ“ и его обязанностяхъ передъ народомъ. Члены парламента въ Парижѣ отвѣтили, какъ это не разъ уже было, стачкой. Тогда Мопу послалъ ночью ко всѣмъ совѣтникамъ парламента солдатъ съ требованіемъ немедленно отвѣтить, готовы ли они вернуться къ своимъ обязанностямъ. Болѣе полутораста судей отвѣтили отрицательно и были отправлены въ ссылку. Министръ пошелъ еще дальше: должности парламентскихъ членовъ, составлявшія ихъ собственность, были конфискованы, и самые парламенты закрыты. Вмѣсто нихъ должны были вступить въ силу новые суды. Отмѣнялась наслѣдственность судейскаго званія и продажность должностей, судьи должны были назначаться правительствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было уничтожить старую язву суда, взносы тяжущихся въ пользу судей, сдѣлать судопроизводство вообще дешевымъ, простымъ и скорымъ.

Въ этихъ столкновеніяхъ королевская власть все болѣе расходилась съ высшими классами: отъ неограниченной монархіи они видѣли мало

Digitized by Google

пользы для себя. Но монархія не привлекала на свою сторону и другіе, средніе и низшіе, классы.

Положеніе низшихъ классовъ. Крестьянство во Франціи. Въ дневникѣ, который велъ для себя д'Аржансонъ, помѣчалось постоянно, что народъ переживаетъ нищету и голодъ, что тамъ и здѣсь поднимаются въ провинціи голодные бунты; въ Парижѣ нѣсколько тысячъ женщинъ бросились однажды къ наслѣднику престола и его женѣ, проѣзжавшимъ по мосту къ собору, съ отчаянными криками: „Дайте намъ хлѣба, или мы умремъ съ голоду!“ Одинъ епископъ изъ середины Франціи писалъ главному министру, кардиналу Флери: „Народъ въ деревняхъ нашихъ живетъ въ ужасной бѣдности, въ пустыхъ избахъ, безъ постелей и столовъ; у большинства въ теченіе полугода не хватаетъ даже ржаной муки и овса, составляющихъ ихъ единственную пищу: они вынуждены отказываться отъ нея и отнимать ее у своихъ дѣтей, чтобы заплатить налоги. Негры-рабы на нашихъ островахъ счастливѣе ихъ, потому что за свою работу они накормлены и одѣты со своими семьями, тогда какъ наши крестьяне, самые работящіе во всемъ государствѣ, при своемъ необычайно тяжеломъ трудѣ, не имѣютъ пропитанія, да и подати не могутъ отдать“. Несчастье крестьянъ заключалось не только въ тяжести налога, падавшаго неравномѣрно на сословія и взимаемаго при помощи разорительнаго и корыстолюбиваго управленія. На земледѣльцѣ лежала еще барщина (corvée): въ качествѣ „рабочаго человѣка вообще“ его отрывали отъ хозяйства для починки казенныхъ дорогъ и мостовъ, заставляли подвозить матеріалъ для построекъ и содержанія войска, причемъ услуги оставались безъ вознагражденія.

Судьбы крестьянства были очень не одинаковы въ различныхъ странахъ Европы. Въ средніе вѣка всюду рабочее населеніе было привязано къ землѣ. Когда оно начало высвобождаться, земля мѣстами оставалась въ его владѣніи, мѣстами совершенно ускользала изъ его рукъ. Въ Англіи вилланы обратились большею частью въ мелкихъ съемщиковъ, къ XVIII в. ихъ стали вытѣснять крупные арендаторы, а старое крестьянство ушло вовсе съ земли или обратилось въ батраковъ. Въ восточной Европѣ свободные или освободившіеся крестьяне съ XVI в. были опять закрѣпощены, помѣщикъ получилъ даровыхъ рабочихъ, но право крестьянъ на землю пошатнулось. На Рейнѣ и во Франціи условія были всего выгоднѣе для земледѣльцевъ.

Французскіе крестьяне въ огромномъ большинствѣ освободились еще къ XVI в. (въ XVIII в. крѣпостные, сервы, были почти только на церковной землѣ, гдѣ порядки оставались неподвижными). Вмѣстѣ съ тѣмъ очень многіе стали собственниками земли, на которой работали. Во Франціи XVIII в. мелкихъ хозяевъ на землѣ было болѣе, чѣмъ въ какой-либо

Digitized by Google

другой европейской странѣ. Но они не освободились вполнѣ отъ старыхъ *повинностей*, которыми вилланъ былъ въ свое время обязанъ сеньеру. Эти повинности выражались въ разнообразныхъ взносахъ. Крестьянинъ платилъ помѣщику особую пошлину, когда продавалъ свое владѣніе, въ память о томъ, что сеньеръ когда-то распоряжался отдачей участка, платилъ за судебную власть помѣщика, хотя по большей части тотъ самъ не судилъ крестьянъ, а только назначалъ судей и приставовъ; крестьянинъ обязанъ былъ везти зерно на господскую мельницу и печь хлѣбъ въ господской пекарнѣ, хотя это было дорого и неудобно, потому что изстари эти заведенія могли стоять только на господской землѣ; онъ платилъ за дороги и мосты, хотя сеньеръ и не думалъ ихъ исправлять, и т. д. Мѣстами крестьяне были обязаны пятью днями барщины.

Эти повинности казались тѣмъ болѣе несправедливыми, что сеньеры большею частью не жили въ помѣстьяхъ, нерѣдко не имѣли никакого хозяйства. Они брали себѣ только доходъ, по вѣковому обычаю, дошедшему изъ тѣхъ временъ, когда еще не было другого крупнаго получателя подати, государства. Часть этого дохода сеньеровъ поступала предметами, натурой, такъ же, какъ десятина въ пользу духовенства. Иногда эти взносы, вмѣстѣ взятые, были очень велики, напр., составляли $^2/_3$ всего полевого сбора крестьянина, а изъ остальной $^1/_3$ надо было заплатить еще государственныя подати. Никто не собирался отмѣнять эти странныя, досадныя и обременительныя уплаты въ пользу случайныхъ владѣтелей старыхъ замковъ и помѣщичьихъ усадебъ, случайныхъ тѣмъ болѣе, что королевская власть успѣла создать множество новыхъ дворянъ; напротивъ, нуждавшееся въ деньгахъ дворянство отыскивало въ старыхъ грамотахъ свои права, переписывало старые инвентари, гдѣ показаны были средневѣковыя повинности, и старалось перевести ихъ на монету. Особенно усилились эти старанія, когда Машо обложилъ податью земли привилегированныхъ: помѣщики хотѣли возмѣстить свою неожиданную потерю на увеличеніи крестьянскихъ взносовъ.

Но былъ еще другой разрядъ крестьянъ, малоземельныхъ или безземельныхъ, которые были вынуждены *арендовать* землю у сеньеровъ. Эта аренда по-старому была испольная: *половникъ* отдавалъ часть сбора съ полей собственнику земли. Помѣстье распадалось на множество мелкихъ фермъ, гдѣ работа малоимущихъ арендаторовъ шла первобытнымъ способомъ, безъ улучшенныхъ орудій, безъ усовершенствованныхъ посѣвовъ и т. д. Но чѣмъ больше силы забиралъ капиталъ, тѣмъ болѣе замѣтна была перемѣна къ худшему въ положеніи мелкаго съемщика: сеньеръ старался найти въ городѣ капиталиста, который способенъ былъ бы взять на откупъ все помѣстье, сдѣлать изъ него „генеральную ферму“.

Digitized by Google

Тогда у половниковъ отбирали ихъ участки, сносили ихъ избы и „очищали землю отъ ненужныхъ строеній“. Сами бывшіе арендаторы или уходили въ городъ искать занятій въ промыслахъ, или, оставаясь въ деревнѣ, обращались въ батраковъ, переходившихъ на господскій дворъ. Крупный фермеръ пріобрѣталъ лучшія орудія, вводилъ травосѣяніе и новые плодосмѣнные посѣвы и т. д. Въ литературѣ больше, чѣмъ когда-либо, говорили о пользѣ этихъ перемѣнъ, о выгодѣ раціональнаго хозяйства для благосостоянія всей страны. Нѣкоторые сеньеры обращались сами въ предпріимчивыхъ горячихъ хозяевъ. Новые хозяева и фермеры требовали бо́льшаго простора въ пользованіи землей; они находили для себя стѣснительнымъ старинный обычай оставлять извѣстныя угодья, лѣсъ и пастбища, въ *общинномъ* пользованіи; подъ разными предлогами помѣщики выгораживали себѣ участки изъ общинной земли или, доказывая свои старинныя права на общинную землю, отбирали ее въ полное владѣніе свое; это было новымъ стѣсненіемъ для крестьянъ, которые въ общинныхъ земляхъ видѣли важный для себя запасъ.

Салоны. Крестьянскій вопросъ былъ очень важенъ для Франціи, но имъ почти не занимались до средины XVIII в. Въ литературѣ рѣчь шла главнымъ образомъ о томъ, что̀ интересовало городское общество, въ особенности въ огромномъ Парижѣ. Это общество было настроено враждебно ко двору и состояло въ значительной степени изъ другихъ элементовъ. Аристократія составляла только часть его; попрежнему сеньеры и крупные сановники двора оказывали покровительство литераторамъ, какъ напр., д'Аржансонъ Вольтеру, но въ то же время въ городѣ образовались кружки изъ людей средняго званія, не дворянъ, промышленныхъ или интеллигентныхъ профессій, или „ротюры“ (мѣщанства), какъ еще иногда презрительно говорили представители высшихъ классовъ. Они отчасти переняли бесѣды и развлеченія двора, изысканную вѣжливость и находчивость, постоянную привычку быть на людяхъ, но внесли много своего, интересъ къ искусствамъ, споры на разнообразныя темы, бо́льшую простоту и непринужденность. „Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы какого-нибудь салоннаго таланта, какого-нибудь своего небольшого дарованія, чтобы занять свой умъ и свои руки, чтобы наполнить пустые часы; всѣ почти слагаютъ стихи или умѣютъ сыграть роль въ пьесѣ; многіе— музыканты или занимаются живописью, или знаютъ какое-нибудь легкое и изящное ремесло. Люди, разъ вкусившіе этой жизни, уже не могутъ уйти отъ нея“. „Ничто несравнимо,—говоритъ Вольтеръ,—съ тою пріятною жизнью, которую ведешь въ Парижѣ въ лонѣ искусствъ и спокойныхъ изящныхъ удовольствій; иностранцы, короли предпочитаютъ своему отечеству и трону этотъ покой, столь пріятно занятый и полный очарованія“. Парижъ становится школой общественности для всей Европы,

Digitized by Google

куда ѣдутъ молодые люди изъ Германіи, Россіи, Англіи, для того чтобы полироваться; англійскій лордъ настойчиво рекомендуетъ своему сыну посѣщеніе этихъ салоновъ, гдѣ съ него снимутъ „кембриджскую (студенческую) ржавчину".

Замѣчательныя произведенія французской литературы выходили изъ бесѣдъ въ этихъ кружкахъ, и писатели по большой части были свѣтилами салоновъ, интересными направителями разговоровъ и преній. Это обстоятельство придаетъ французской литературѣ XVIII в. другой характеръ сравнительно съ англійской. Тамъ въ болѣе свободной рѣчи авторъ обращался къ разнообразнымъ слоямъ общества; онъ являлся преемникомъ сектантскихъ проповѣдниковъ; онъ часто бывалъ рѣзокъ, безпощаденъ къ противникамъ, утомителенъ въ своихъ доказательствахъ. Французскій писатель имѣлъ въ виду прежде всего свое избранное общество, старался быть нескучнымъ, остроумнымъ и пріятнымъ. Это дѣлало французскую литературу необыкновенно гибкой и подходящей для дѣла *популяризаціи*, распространенія идей всюду, гдѣ говорили и читали по-французски, гдѣ прививались французскіе общественные нравы. Оригинальныя идеи XVIII в. всѣ принадлежатъ Англіи: деизмъ, свобода совѣсти и свобода изслѣдованія, сенсуализмъ и матеріализмъ, идея подчиненія міровыхъ явленій незыблемымъ физическимъ законамъ, понятіе о народовластіи и о раздѣленіи властей,—все это впервые было высказано англійскими публицистами, учеными, романистами и сатириками. Французскіе писатели усвоили эти идеи и стали проповѣдниками, „переводчиками" ихъ для остальной Европы.

Вліяніе Англіи. Со времени пораженій Людовика XIV въ борьбѣ съ Англіей эта страна привлекаетъ вниманіе и удивленіе всѣхъ мыслящихъ французовъ. Имъ кажется, что это—край наилучшихъ порядковъ, гдѣ наиболѣе можетъ раскрыться свободная природа человѣка. Въ этомъ убѣжденіи прежде всего поддерживали французское общество гугеноты-эмигранты, нашедшіе въ Англіи новое отечество. Сторонники виговъ, парламента и вѣротерпимости, они старались наставить своихъ единоплеменниковъ въ тѣхъ же началахъ, знакомили ихъ съ англійскими учрежденіями, распространяли во французскихъ переводахъ лучшія произведенія англійской литературы: Утопію Мора, Робинзона Дефо, сочиненія Бэкона и Локка. Войны съ Англіей нисколько не ослабляли тяготѣнія къ ней французскаго общества. Съ 20-хъ годовъ начинаются путешествія французовъ въ Англію: кто хочетъ образовать себя для жизни, непремѣнно считаетъ нужнымъ побывать въ Англіи. Англичане кажутся французамъ разумно-счастливымъ, уравновѣшеннымъ народомъ, къ которому надо ѣхать учиться. Аббатъ Прево, снявши рясу, бѣжитъ въ Англію, а по возвращеніи домой начинаетъ издавать журналъ, въ

Digitized by Google

которомъ ставитъ спеціальною цѣлью передавать свѣдѣнія, мелкія и крупныя, о томъ, что дѣлается въ Англіи, „объ интересныхъ частностяхъ, касающихся духа англичанъ, о жизни Лондона, о прогрессѣ наукъ, объ англійскомъ театрѣ". Подписчики и посторонніе заваливаютъ его письмами, вопросами и по ихъ настоятельнымъ требованіямъ онъ печатаетъ подробно въ переводѣ протоколъ засѣданія англійскаго парламента и старается удовлетворить жгучій интересъ къ естественно-научнымъ открытіямъ англичанъ.

Еще замѣчательнѣе поѣздка въ Англію Вольтера (1694—1778), послѣ того, какъ онъ два раза уже успѣлъ посидѣть въ Бастиліи за стихи на короля и за насмѣшку надъ сеньеромъ, герцогомъ Роганомъ. Въ Вольтерѣ, поэтѣ, драматургѣ и сатирикѣ, французскіе кружки уже признали достойнаго преемника Корнеля и Расина, но онъ самъ считалъ выше всего роль научнаго пропагандиста. Въ Англіи Вольтеръ посѣщаетъ засѣданія королевскаго общества, продѣлываетъ самъ черную работу натуралиста и потомъ въ своихъ „Философскихъ письмахъ объ Англіи" знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ „главнымъ явленіемъ новой умственной жизни въ Англіи, ньютоновской теоріей". Около того же времени побывалъ въ Англіи другой выдающійся писатель, Монтескьё, собиравшій наблюденія для своей большой работы „Духъ законовъ", гдѣ англійское политическое устройство представлено образцомъ наиболѣе разумнаго порядка.

Просвѣтители. Вольтеръ и Монтескьё. Читающая публика во Франціи добивалась не только вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о новой жизни, которая открылась передъ ея взорами; еще сильнѣе было желаніе понять связь изучаемыхъ явленій, выработать міровоззрѣніе, пріобрѣсти раціональный научный взглядъ на вещи, устранить изъ понятій о жизни природы и о человѣческомъ прошломъ все, что могло казаться произвольнымъ или сверхъестественнымъ. Такой взглядъ на вещи назывался *философскимъ* (у нѣмцевъ позднѣе *просвѣщеніемъ*, Aufklärung), а распространителей его звали *философами*.

Самымъ выдающимся изъ философовъ, т.-е. публицистовъ и научныхъ популяризаторовъ, былъ Вольтеръ, ученикъ іезуитовъ, возненавидѣвшій всю ихъ систему запретовъ и замыканія человѣческой мысли въ условныя рамки подчиненія авторитету. У него не было оригинальныхъ воззрѣній, большею частью онъ развивалъ идеи англійскаго деизма; но его главной задачей была не проповѣдь новой религіи, а борьба съ предразсудками и заблужденіями ума, съ нетерпимостью, узкими или лицемѣрными понятіями, которыя поддерживали старые руководители воспитанія и политики, особенно католическое духовенство, іезуиты, но также и ихъ противники, янсенисты. Вольтеръ хочетъ разрушить „старое,

Digitized by Google

основанное 17 вѣковъ назадъ строеніе обмана (онъ разумѣетъ католическую церковь), которое разорвало своими когтями Францію, раздробило людей своими зубами и загубило въ мукахъ 10 милліоновъ человѣкъ". Въ его глазахъ самое цѣнное въ человѣкѣ—критическая мысль, самое важное для общества — умственная свобода. Съ удивительной легкостью владѣя чуть не всѣми видами литературы, стихами, памфлетомъ, романомъ, фантастической сказкой, историческимъ разсужденіемъ, статьей для ученаго словаря, Вольтеръ бросалъ кругомъ научныя свѣдѣнія, развивалъ требованія гуманности, высмѣивалъ отсталыя воззрѣнія. Въ Генріадѣ онъ представляетъ идеалъ вѣротерпимаго государя (Генриха IV), въ драмѣ Магометъ—безсердечность духовенства. Въ романѣ Кандидъ — осмѣивается богословскій взглядъ, что „все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ всѣхъ міровъ". Въ „Философіи исторіи" сдѣлана первая попытка изобразить, вмѣсто обычной картины войнъ и судьбы королей, — движеніе культуры, науки и искусства въ прошлые вѣка. Вездѣ проходитъ тотъ взглядъ, что масса человѣчества была и будетъ долгое время погружена въ невѣжество, что опорой этой грубости служатъ суевѣрія, въ которыхъ держатъ народъ ради дурныхъ побужденій жрецы (т.-е. духовенство) и ихъ союзники, правители.

Истинное просвѣщеніе, по взгляду Вольтера и его современниковъ, можетъ быть удѣломъ лишь немногихъ, только избраннаго общества. Онъ жалѣетъ по временамъ о темномъ людѣ, осуждаетъ крѣпостное право и произволъ аристократовъ, особенно въ такой странѣ, какъ Польша, но боится толпы и презираетъ простой народъ: „это—волы, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ". „Когда чернь принимается разсуждать, все погибло". „На нашемъ несчастномъ земномъ шарѣ невозможно, чтобы люди, живущіе въ обществѣ, не были раздѣлены на два класса: классъ богатыхъ, которые повелѣваютъ, классъ бѣдныхъ, которые служатъ".

Установленія умственной свободы Вольтеръ ждетъ отъ просвѣщеннаго гуманнаго государя. Онъ—не врагъ неограниченной монархіи; онъ только хочетъ, чтобы она была въ хорошихъ рукахъ. Поэтому Вольтеръ привѣтствовалъ переворотъ, произведенный Мопу надъ парламентами, такъ какъ видѣлъ въ нихъ оплотъ устарѣлыхъ понятій. Вольтеръ вступилъ въ переписку съ молодымъ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ Фридрихомъ, и когда тотъ сдѣлался королемъ, поѣхалъ на его лестное приглашеніе въ Берлинъ. Ему и другимъ французскимъ просвѣтителямъ казалось, что въ этой странѣ, гдѣ не было старыхъ привилегій и не было сильнаго духовенства, просвѣщенный правитель можетъ провести въ жизнь начала разума.

Сильно расходился съ Вольтеромъ другой почитатель Англіи, его

Digitized by Google

современникъ Монтескьё (1689—1755). Во время регентства и финансовыхъ попытокъ Ло онъ выступилъ съ рѣзкой критикой всей системы правительства въ „Персидскихъ письмахъ", гдѣ въ формѣ замѣчаній перса, живущаго въ Парижѣ, осмѣивалъ произволъ и таинственность министерскихъ распоряженій. Монтескьё происходилъ изъ парламентской аристократіи, былъ долго членомъ суда (въ Бордо) и смотрѣлъ глазами парламентской консервативной оппозиціи. Въ „Разсужденіяхъ о причинахъ величія и паденія древняго Рима" отражаются его взгляды. Онъ высоко чтитъ древнихъ римлянъ, и особенно стойкіе республиканскіе характеры въ ихъ средѣ; его герой—Брутъ. Цезарь ему ненавистенъ. Французскіе парламенты въ своей борьбѣ съ монархіей, сознавая себя страдальцами во имя законности, думали, что они похожи на римскихъ сенаторовъ, рѣшавшихся возражать деспотическимъ императорамъ. По взгляду Монтескьё, Франція вслѣдствіе произвола своихъ королей близка къ тому, чтобы стать деспотіей, подобной восточнымъ государствамъ. Отъ деспотіи надо отличать монархію, гдѣ государь правитъ въ предѣлахъ законовъ, въ согласіи со старинными привилегіями, соблюдая закрѣпленныя права и преимущества высшихъ классовъ. „Гдѣ нѣтъ аристократіи, тамъ нѣтъ и монархіи". Такова была старинная Франція, и въ этомъ соединеніи правъ сословій и заключалась ея конституція.

Монтескьё, за исключеніемъ своего памфлета, написаннаго въ молодыхъ годахъ, не былъ литературнымъ бойцомъ. Онъ очень долго работалъ надъ своей главной книгой („О духѣ законовъ", вышедшей въ 1748 г.), „всю жизнь", какъ онъ говоритъ, собиралъ наблюденія, частью полученныя изъ путешествій по Европѣ. Онъ думалъ, что въ жизни отдѣльныхъ народовъ, въ строеніи государствъ сказывается дѣйствіе постоянныхъ силъ, прежде всего естественныхъ условій, климата и почвы, затѣмъ характера націи, который слагается въ неизмѣнную величину. Аѳины должны были стать демократіей, Спарта — аристократіей. Сѣверяне — бурны, свободолюбивы, несдержанны, южане — мягки, податливы, разсудительны. Желая быть объективнымъ, авторъ тѣмъ не менѣе не можетъ скрыть предпочтенія, которое онъ отдаетъ Англіи. Въ знаменитой главѣ 6 книги XI „Духа законовъ" онъ останавливается на характеристикѣ англійскаго устройства. Главной и самой счастливой особенностью этого устройства онъ считаетъ *раздѣленіе властей*, при которомъ только и можетъ быть обезпечена истинная свобода: законодательная власть должна быть въ рукахъ народныхъ представителей, исполнительная — въ рукахъ наслѣдственнаго монарха, судебная—выборныхъ судей. „Все было бы потеряно, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ, или одна и та же корпорація начальниковъ, или знати, или народа распоряжались всѣми тремя видами власти: властью создавать законъ, властью приводить въ

Digitized by Google

исполненіе общественныя рѣшенія и властью судить преступленія и разрѣшать тяжбы частныхъ лицъ". Нельзя, чтобы законодательная власть соединялась съ исполнительной, потому что одинъ и тотъ же монархъ или одинъ и тотъ же парламентъ будутъ создавать тираническій законъ и приводить его тираническимъ образомъ въ исполненіе. Не слѣдуетъ поэтому, чтобы король бралъ министровъ изъ палаты депутатовъ, потому что тогда получится такое смѣшеніе властей.

Монтескьё невѣрно описывалъ современный ему англійскій строй, такъ какъ въ Англіи не было раздѣленія властей, и верховенство сосредоточивалось въ рукахъ законодательнаго парламента, откуда выходила исполнительная власть въ лицѣ кабинета министровъ. Тѣмъ не менѣе и описаніе, которое онъ далъ, и его ученіе о необходимости раздѣленія властей имѣло большое вліяніе во Франціи и въ другихъ европейскихъ странахъ: оно было опорой для всѣхъ, кто сознавалъ необходимость ограничить абсолютную монархію. Согласно ученію Монтескьё, во всякой конституціи видѣли прежде всего раздѣленіе власти, и только посредствомъ раздѣленія считали возможнымъ обезпечить свободу.

Крайнее направленіе просвѣтителей. Энциклопедисты. Вольтеръ и Монтескьё принадлежали къ поколѣнію, которое помнило еще времена Людовика XIV. Ихъ младшіе продолжатели, родившіеся въ первыя десятилѣтія XVIII в., были свидѣтелями распаденія системы абсолютной монархіи. Во многихъ вопросахъ они были рѣзче своихъ учителей и предшественниковъ. Особенно это замѣтно въ вопросѣ религіозномъ. Вольтеръ остался при деизмѣ; Дидро (1713—84), д'Аламберъ, Гольбахъ, Гельвеціусъ отстраняютъ всякую мысль о Божествѣ, направляющемъ міръ, и держатся матеріалистическихъ понятій. Они хотѣли дать полное торжество научному міровоззрѣнію: съ этой задачей связано огромное предпріятіе, задуманное Дидро и начатое при содѣйствіи большинства выдающихся писателей Франціи въ 1746 г.: „Большая энциклопедія наукъ, искусствъ и ремеслъ". Энциклопедія заключаетъ въ себѣ не только сумму знаній XVIII в. по различнымъ отраслямъ науки и техники, но также выраженіе политическихъ и философскихъ воззрѣній передовой группы французскаго общества: поэтому имя „энциклопедистовъ" обозначаетъ опредѣленное направленіе.

Судьба Энциклопедіи очень характерна для Франціи того времени. Съ выхода первыхъ ея томовъ начались нападки іезуитовъ и янсенистовъ; аббаты, писавшіе въ Энциклопедіи, должны были или бѣжать изъ Франціи или попадали въ Бастилію. По требованію духовенства, королевскій совѣтъ постановилъ уничтожить первые два тома Энциклопедіи, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ ученія, противныя религіи и королевской власти. Черезъ 6 лѣтъ, когда вышла еще, кромѣ того, отдѣльно

Digitized by Google

книга „О духѣ“ сотрудника Энциклопедіи, Гельвеція, было поднято дѣло противъ всего изданія въ парламентѣ, а королевскій совѣтъ запретилъ продавать уже вышедшіе томы Энциклопедіи и печатать новые. Неутомимому Дидро совѣтовали перенести изданіе за границу, въ Швейцарію или къ государямъ-покровителямъ просвѣщенія, въ Берлинъ и Петербургъ; издатель тайно отъ него старался выкидывать опасныя мѣста. Несмотря на всѣ трудности, въ 1765 г. вышли заразъ послѣдніе томы огромнаго изданія; на заголовкѣ стояло вмѣсто „Парижъ“—„Нёшатель“; экземпляры пришлось раздавать тайно. Духовенство потребовало снова запрещенія изданія, но на этотъ разъ Энциклопедія была спасена ссорой парламента съ клиромъ.

Общая идея Энциклопедіи выражена во вступительной статьѣ д'Аламбера: ученый предостерегалъ отъ преклоненія передъ авторитетами и ставилъ на первое мѣсто самостоятельное изслѣдованіе и обстоятельную критику во всѣхъ вопросахъ знанія. Въ статьяхъ Дидро открывается еще другая сторона научнаго міровоззрѣнія, именно тотъ взглядъ, что знаніе составляетъ великую силу для матеріальнаго и нравственнаго улучшенія общества. Рѣзче, чѣмъ въ статьяхъ Энциклопедіи, выражены взгляды отдѣльныхъ сторонниковъ ея направленія въ особыхъ сочиненіяхъ. Кондильякъ въ книгахъ, которыя пришлось печатать въ Лондонѣ и Амстердамѣ, излагалъ, продолжая Локка, ту мысль, что единственнымъ источникомъ человѣческихъ знаній служитъ чувственное воспріятіе; прирожденныхъ понятій, о которыхъ училъ Декартъ, нѣтъ, духъ человѣка—бѣлый листъ, на которомъ внѣшнія впечатлѣнія образуютъ рисунокъ мысли. Этотъ *сенсуализмъ* (отъ sensus, чувство) въ соединеніи съ теоріей Ньютона приводилъ французскихъ просвѣтителей второго поколѣнія къ *матеріализму* и *атеизму*. Согласно теоріи всемірнаго тяготѣнія, они учили, что основное свойство матеріи—движеніе; въ то время, какъ Вольтеръ съ деистами считалъ необходимымъ первый толчокъ, исходящій извнѣ, предполагалъ у часового механизма міра строителя, который его заводитъ,—Дидро, Гельвецій и другіе отрицали такую постороннюю силу; разъ нѣтъ врожденныхъ идей вообще, понятіе о Богѣ также не есть врожденная идея; а въ такомъ случаѣ наличность этого понятія и не есть доказательство бытія Бога. Въ этомъ отношеніи французскіе просвѣтители пошли дальше своихъ учителей, англійскихъ деистовъ.

Особенно рѣшителенъ въ этомъ отношеніи былъ Гельвецій въ книгѣ De l'esprit, осужденной въ Парижѣ на сожженіе, выдержавшей въ короткое время 50 изданій и переведенной на многіе языки. Въ легкой, интересной формѣ здѣсь излагался взглядъ, что нравственность должна быть построена не на богословіи, а на опытѣ: основой человѣческихъ поступковъ является чувство самосохраненія, желаніе испытывать пріятное

Digitized by Google

и избѣгать непріятностей; характеры людей составляютъ результатъ внѣшняго воздѣйствія, воспитанія и общественнаго порядка. Надо устроить жизнь въ обществѣ и опредѣлить законы такимъ образомъ, чтобы достигалась общая польза, т.-е. польза самаго большаго числа людей; только хорошіе законы создаютъ добродѣтельныхъ людей. Развивая тѣ же мысли, Гольбахъ (офранцуженный нѣмецкій баронъ) въ „Системѣ природы“ рѣзко нападалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на современныхъ правителей, приписывая общественныя бѣдствія ихъ неспособности, равнодушію, жадности и несправедливости.

Писатели этого поколѣнія представляли собой въ то же время новый типъ общественныхъ дѣятелей, отражавшій характеръ поднимающейся буржуазіи. Они не стояли ни въ какой зависимости отъ двора и сеньеровъ. Гельвецій, богатый откупщикъ, и иностранецъ Гольбахъ, владѣтель библіотеки, картинной галлереи и натуралистическаго кабинета, собирали въ своихъ салонахъ интеллигентныхъ людей разныхъ слоевъ и профессій. Дидро и д'Аламберъ были самостоятельными литературными работниками, часто бѣдствовали, но никогда не соглашались, несмотря на лестныя приглашенія иностранныхъ дворовъ, отдать свое независимое положеніе.

Физіократы. Съ середины XVIII в. выступаетъ и новое направленіе экономистовъ, враждебныхъ меркантилизму, опекѣ и надзору, въ которыхъ правительство держало торговлю и промышленность. Сторонники новаго взгляда находили, что хозяйство народное зависитъ отъ дѣйствія естественныхъ законовъ. Вмѣшательство власти въ естественный ходъ вещей, запрещеніе вывозить или ввозить такіе-то товары, поощреніе той или другой отрасли производства, приноситъ только вредъ, въ лучшемъ случаѣ безсильно. Надо дать полный просторъ производительнымъ силамъ: laissez faire, laissez passer—по выраженію купца Гурнэ. Другіе, врачъ Людовика XV Кенэ (Quesnay) и ученый Тюрго, сначала интендантъ, потомъ министръ Людовика XVI, выдѣляли одно изъ производствъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующее „требованіямъ природы“, именно земледѣліе. Земля — единственный источникъ всѣхъ богатствъ; только трудъ на землѣ приноситъ „чистый доходъ“, и только земледѣльцы составляютъ производительный классъ; ни индустрія, ни торговля не прибавляютъ никакой новой цѣнности; за свои услуги промышленники и торговцы получаютъ плату изъ чистаго дохода, добываемаго земледѣльцами, поэтому они являются классами непроизводительными. Новое ученіе назвали физіократіей (ученіемъ о господствѣ природы). Физіократы старались привлечь вниманіе общества къ участи крестьянства и требовали отмѣны тѣхъ стѣснительныхъ повинностей, лежавшихъ на немъ, которыя остались отъ феодальныхъ временъ; но они настаивали

Digitized by Google

также на уничтоженіи всякихъ другихъ стѣсненій, которыя мѣшаютъ свободному обмѣну, требовали отмѣны цеховъ, монополій и т. д. Физіократы такъ же, какъ Вольтеръ и большая часть энциклопедистовъ, ожидали разумныхъ реформъ отъ *просвѣщенной монархіи*, вѣрили въ благотворность неограниченной королевской власти, предполагая лишь, что ей не достаетъ разумнаго направленія.

Народничество. До 70 и 80-хъ годовъ XVIII в. во французскомъ обществѣ были слабо распространены демократическія идеи. Исправленія недостатковъ въ общественномъ и государственномъ строѣ ждали сверху, отъ властнаго просвѣщеннаго реформатора, или же недовольные выступали противъ монархіи, какъ Монтескьё и парламенты, во имя старинныхъ привилегій, вмѣшательства высшихъ классовъ въ дѣла и преобладанія аристократическихъ корпорацій. Въ средѣ городского французскаго общества мало кому приходило въ голову заявлять о правахъ народа, о его прямомъ участіи въ рѣшеніи своей участи. Въ полной безвѣстности пропадалъ иногда голосъ людей, знакомыхъ съ бытомъ деревни и болѣвшихъ за нее. Въ 1760 г. Вольтеръ напечаталъ ходившее въ рукописи завѣщаніе никому неизвѣстнаго сельскаго священника Мелье, покончившаго самоубійствомъ за 30 лѣтъ до того. Мелье свела въ могилу неудачная защита мѣстныхъ крестьянъ отъ обидѣвшаго ихъ сеньера; 60-лѣтній священникъ уморилъ себя съ голоду, оставивъ свое имущество прихожанамъ. Въ его завѣщаніи просвѣтители, сражавшіеся съ фанатизмомъ и лицемѣріемъ клира, замѣтили рѣзкія выраженія отчаявшагося патера-самоубійцы противъ религіи, обманувшей его вѣру въ правду на землѣ. Но Вольтеръ пропустилъ въ завѣщаніи и не напечаталъ многаго другого: а Мелье горячо протестовалъ также противъ неравенства, противъ притѣсненія неимущихъ и обращался съ призывомъ къ простому народу. „Васъ пугаютъ дьяволомъ, но знайте, дорогіе друзья, что нѣтъ для васъ болѣе злыхъ и настоящихъ дьяволовъ, нѣтъ худшихъ враговъ, чѣмъ большіе, знатные и богатые господа на свѣтѣ, потому что они васъ попираютъ ногами, мучатъ и доводятъ до несчастья“; за ними стоятъ „люди неправды“ судьи, а дальше идутъ пристава, сборщики податей, нищенствующіе монахи и т. д. Мелье совѣтуетъ взяться за оружіе, изгнать „тирановъ и поповъ“, замѣнить ихъ хорошими правителями. Надо только сумѣть столковаться и объединиться; „распространяйте хорошія книги, сберегите для себя то, что вы производите, не отдавайте своихъ дѣтей на службу къ врагамъ своимъ“. Въ мірѣ было бы возможно счастье; земля достаточно производитъ, чтобы всѣхъ обезпечить; нужно только, чтобы люди держали ее въ общемъ владѣніи. Каждый приходъ долженъ составить какъ бы одну семью братьевъ, во всемъ совершенно равныхъ между собою.

Digitized by Google

Съ конца 40-хъ годовъ въ литературномъ мірѣ Парижа появился горячій проповѣдникъ демократіи, женевецъ Руссо (1712—78). Онъ происходилъ изъ круговъ мелкой буржуазіи, въ аристократической республикѣ Женевы писалъ въ защиту массы неполноправныхъ, нападая на нетерпимое правительство своего родного города. Но въ то же время онъ сохранилъ крѣпкую привязанность къ быту своей родины, горной Швейцаріи, съ простотой и независимостью ея крестьянъ. Руссо казалось, что этотъ тихій, удаленный отъ шума событій уголъ сохранилъ истинныя естественныя черты человѣчности, что вообще счастливѣе первобытный строй, люди наивныхъ понятій, что культура, успѣхи наукъ и искусствъ, жизнь въ большихъ городахъ создаютъ лишь новыя потребности, развращаютъ людей, увеличиваютъ между ними неравенство. Первоначальное состояніе, это — молодость народа, культура — старость его и близость къ смерти. Но люди могутъ вернуться къ здоровымъ первоначальнымъ началамъ. Въ романѣ „Эмиль“ изображено воспитаніе человѣка, поставленнаго въ непосредственное общеніе съ природой, далекаго отъ утонченной свѣтской жизни, развивающагося на началахъ самостоятельности. Къ простотѣ и правдивости здоровой жизни принадлежитъ также, по мнѣнію Руссо, религія, но такая религія далека и отъ церковнаго ученія, и отъ разсудочныхъ заключеній, это—*религія сердца и чувства*.

Руссо кажется, что естественный носитель всѣхъ этихъ душевныхъ благъ—простой народъ, тогда какъ высшіе классы испорчены ложными отношеніями и ложными вкусами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ, вышедшій изъ бѣдности, всю жизнь почти проведшій въ скитаніяхъ, всегда необезпеченный, сознавалъ себя прирожденнымъ защитникомъ угнетенной массы. Принятый въ парижскихъ салонахъ и въ литературныхъ кругахъ, Руссо чувствовалъ себя однако нескладнымъ, угловатымъ, но это еще болѣе развивало въ немъ особую плебейскую гордость. Болѣзненно самолюбивый, преслѣдуемый неудачами, послѣ того какъ его „Эмиль“ былъ сожженъ рукой палача во Франціи и въ Женевѣ, послѣ того какъ вышли приказы объ арестѣ и изгнаніи автора съ французской территоріи, изъ Женевы и Берна, онъ впалъ въ тяжелую меланхолію. Послѣдніе годы его жизни прошли въ Англіи, гдѣ Руссо разссорился со своимъ покровителемъ, философомъ Юмомъ, и опять во Франціи, но уже въ полной неизвѣстности и вдали отъ литературныхъ занятій.

Патріархальная демократія. Между ранними произведеніями Руссо есть „Разсужденіе о происхожденіи неравенства“ (1750). Онъ доказываетъ здѣсь, что источникомъ зла въ отношеніяхъ между людьми служитъ частная собственность; зависть и порабощеніе начались съ того момента, когда человѣкъ впервые оградилъ участокъ, на которомъ работалъ, и сказалъ: „это мое“. Впослѣдствіи Руссо старался изобразить идеальный строй

Digitized by Google

человѣческой жизни въ „Общественномъ договорѣ“ (1762). Онъ возвращается здѣсь къ мысли Гоббса и Локка о томъ, что люди рѣшили путемъ взаимнаго соглашенія выйти изъ первоначальнаго состоянія полной независимости и соперничества между собою. Но такъ какъ самое важное для Руссо—сохраненіе равенства между людьми, то онъ думаетъ, что каждый въ отдѣльности долженъ былъ при заключеніи договора, одинаково съ остальными, отказаться отъ своихъ правъ въ пользу всѣхъ; „Когда каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, онъ не отдаетъ себя никому“. Такимъ образомъ носителемъ верховной власти, государемъ становится *весь народъ*. Онъ имѣетъ безграничную силу надъ отдѣльными личностями: его власть неотчуждаема (т.-е. не можетъ быть передана одному или немногимъ лицамъ), недѣлима, непогрѣшима. Противъ этого государя нѣтъ нужды принимать мѣры въ защиту правъ отдѣльныхъ гражданъ, потому что „тѣло не можетъ вредить всѣмъ своимъ членамъ“. „Общая воля всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ“.

Руссо стоитъ очень далеко отъ ученія Монтескьё о раздѣленіи власти; онъ не думаетъ вовсе объ обезпеченіи свободы отдѣльныхъ гражданъ. Говоря о религіи въ государствѣ, онъ даже устанавливаетъ нѣкоторые основные догматы, между прочимъ вѣру въ загробное воздаяніе, и требуетъ изгнанія изъ государства несогласно мыслящихъ, какъ людей непригодныхъ къ общественной жизни. Его государство по своей нетерпимости и исключительности больше похоже на современную ему абсолютную монархію, но онъ думаетъ, что все будетъ поправлено, если власть будетъ находиться въ рукахъ всѣхъ. При этомъ Руссо не допускаетъ передачи гражданами своихъ полномочій, т.-е. не хочетъ парламента, а представляетъ себѣ *демократическую республику*, въ которой непосредственно правитъ весь народъ, сходящійся на собранія. Такой порядокъ въ прошломъ можно было указать только въ древнихъ городскихъ общинахъ Греціи, а въ современности въ мелкихъ кантонахъ Швейцаріи; но нельзя было представить себѣ его осуществленія въ большихъ европейскихъ государствахъ. Все построеніе Руссо и производитъ поэтому впечатлѣніе крайней отвлеченности. Оно однако дѣйствовало на читателя силою своихъ неумолимыхъ требованій и два-три десятилѣтія спустя, когда въ Америкѣ и во Франціи появились сторонники практическаго осуществленія демократіи, они возвращались постоянно къ идеальнымъ положеніямъ Руссо.

И призывъ къ естественности, и ученіе о договорѣ, и ученіе о нетерпимой демократіи, попирающей ради общаго блага права личности, и религія чувства, все это въ отдѣльности уже высказывалось или раньше Руссо, или его современниками. Но онъ придалъ этимъ взглядамъ ори-

Digitized by Google

гинальную форму. Въ его горячей, возбужденной рѣчи различныя идеи связываются вмѣстѣ въ видѣ неопредѣленныхъ ожиданій новыхъ слоевъ общества, которые готовились выступить впередъ.

При жизни Руссо, въ серединѣ XVIII в. наиболѣе сочувствія встрѣчали его мысли о возвратѣ человѣка къ простотѣ и естественности, о самовоспитаніи въ здоровыхъ чувствахъ, хотя Вольтеръ посмѣялся надъ ними, замѣтивши, что Руссо хочетъ „видѣть всѣхъ насъ на четверенькахъ“. Тѣ же мысли развивались въ обширной литературѣ географическихъ романовъ и описаній быта дикарей или людей, заброшенныхъ далеко отъ культурнаго міра. „Робинзонъ Крузо“ Дефо, исторія европейца, сызнова строящаго всю свою жизнь въ естественныхъ условіяхъ, вызвала во всѣхъ европейскихъ литературахъ множество подражаній и продолженій, такъ наз. Робинзонадъ.

Общественное значеніе литературы. Въ литературѣ XVIII в. было много споровъ и противорѣчій, но писатели и ученые, выступавшіе въ это время, тѣмъ не менѣе сознавали, что они составляютъ нѣкоторый кругъ общенія, „литературную республику“, какъ тогда выражались. Литература стала большой общественной силой. Вольтеръ въ началѣ 60-хъ годовъ заговорилъ о двухъ возмутительныхъ, но вполнѣ обычныхъ для того времени судебныхъ приговорахъ во Франціи. Въ обоихъ случаяхъ вполнѣ ложно обвинили протестантовъ въ совершеніи убійства, хотя единственнымъ основаніемъ для обвиненія была религіозная ненависть: одинъ изъ осужденныхъ (Каласъ) былъ казненъ, другой (Сирвенъ) успѣлъ бѣжать къ Вольтеру, жившему у французской границы на женевской территоріи. Вольтеръ написалъ по этому поводу сочиненіе о вѣротерпимости, заинтересовалъ въ дѣлѣ парижское общество, дружественныхъ съ нимъ государей Европы, между ними Екатерину II, добился пересмотра обоихъ процессовъ, возстановленія чести казненнаго Каласа и выдачи его семьѣ пенсіи.

Правители не только старались украшать свои дворы свѣтилами науки и поэзіи, какъ Фридрихъ II, вызвавшій Вольтера и дававшій пріютъ гонимымъ во Франціи просвѣтителямъ, или Екатерина II, которая приглашала Дидро въ Петербургъ и купила его библіотеку, чтобы оказать ему поддержку; они пытались сами занять извѣстное мѣсто въ этомъ мірѣ, выступая и въ качествѣ писателей, добиваясь одобренія законодателей литературныхъ вкусовъ. Фридрихъ II, въ качествѣ принца, заявилъ свои политическія мнѣнія въ сочиненіи, которое онъ озаглавилъ „Антимакіавель“. Впослѣдствіи просвѣтители звали его королемъ-философомъ. Офиціальные документы эпохи нерѣдко имѣли видъ литературныхъ разсужденій; таковъ Наказъ Екатерины II, составленный для руководства законодательной комиссіи и заключающій въ себѣ выдержки изъ Монтескьё и

Digitized by Google

итальянскаго юриста Беккаріа. Принято было также поддерживать съ литераторами переписку, просить у нихъ совѣта по различнымъ государственнымъ вопросамъ, составленія проектовъ. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ своей жизни Вольтеръ, живя въ Ферне, подлѣ Женевы, получалъ множество такихъ обращеній. Руссо прислали приглашеніе высказаться о наилучшемъ устройствѣ для Польши и освободившейся отъ генуэзцевъ Корсики. Отъ 50 до 80-хъ годовъ у европейскихъ государей при парижскомъ литературномъ мірѣ состоялъ особый корреспондентъ; это былъ одинъ изъ второстепенныхъ писателей, офранцуженный нѣмецъ Гриммъ, аккуратно сообщавшій о всѣхъ новинкахъ литературы и о содержаніи бесѣдъ, происходившихъ въ салонахъ. Интересъ государей къ явленіямъ литературнаго міра поддерживалъ среди дѣятелей послѣдняго мечту о просвѣщенномъ монархѣ, который призванъ ввести разумныя начала въ жизнь. Мечта эта была весьма далека отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что просвѣтители ожидали ея осуществленія какъ разъ въ странахъ средней и восточной Европы, гдѣ культура значительно отстала отъ Франціи и Англіи и гдѣ еще въ полной силѣ было крѣпостное право.

V.

Пруссія въ XVII и XVIII вв.

Военно-крѣпостная восточная Европа. Открытіе въ XVI в. океаническихъ путей и пріобрѣтеніе отдаленныхъ колоній выдвинули въ Европѣ на первое мѣсто страны западной ея окраины: Испанію, Францію, Голландію, Англію. Страны середины, лежавшія на старинномъ, теперь покинутомъ промышленномъ пути, Германія и Италія, пришли въ упадокъ, обѣднѣли; эти явленія были усилены еще тѣмъ, что области крайняго запада образовали сплоченныя государства, тогда какъ середина Европы осталась при своемъ прежнемъ раздробленіи. Но къ XVIII в. въ Европѣ получила значеніе еще третья группа земель, расположенная на ея востокѣ, за чертою, образуемой приблизительно Балтійскимъ моремъ, Эльбой и верхнимъ Дунаемъ. Это были: Австрія (съ Венгріей) по Дунаю, Пруссія по нижнему теченію рѣкъ, впадающихъ съ юга въ Балтійское море, Польша по Вислѣ, Нѣману и западнымъ притокамъ Днѣпра, и Московское государство по Волгѣ, Окѣ и Сѣверной Двинѣ. Къ нимъ надо отнести по тѣсной связи и столкновенію интересовъ два государства другого характера, Швецію и Турцію, на счетъ владѣній которыхъ увеличивались страны, выше названныя.

Области, занятыя всѣми этими государствами, по большей части были

Digitized by Google

колоніями, т.-е. первоначально пустырями или слабо населенными пространствами, которыя захватили пришлые поселенцы. Такъ, Московское государство, до 70-хъ годовъ XV в. не превышавшее размѣра нынѣшнихъ 6 среднихъ губерній вмѣстѣ взятыхъ, увеличилось въ слѣдующіе два вѣка втрое и вчетверо вслѣдствіе присоединенія Поволжья, Сѣвернаго края, Пріуралья, Заокской земли; въ эти области, слабо занятыя инородцами, частью кочевниками, устремилась военно-земледѣльческая колонизація. Такимъ же краемъ колонистовъ-выходцевъ изъ Москвы и Польши была обширная страна по рр. Днѣстру, среднему и нижнему Днѣпру и Дону, т.-е. Малороссія и то, что позднѣе получило названіе Новороссіи. Какъ въ XV—XVI вв. поляками и русскими, такъ раньше, въ XIII—XIV вв. нѣмцами были колонизованы земли по восточному и южному берегу Балтійскаго моря (нынѣшнія прибалтійскія губерніи и Пруссія), по Карпатамъ и Дунаю (части Австріи и Венгріи). Во всѣхъ этихъ странахъ города были слабо развиты, не было обширной индустріи на сбытъ, и торговля была большею частью пассивная, т.-е. иностранные купцы являлись за пріобрѣтеніемъ сырого матеріала и ввозили фабрикаты. Главный интересъ хозяйства состоялъ въ обработкѣ земли и притомъ, вслѣдствіе обширности пространства и слабой техники, обработкѣ экстенсивной, т.-е. въ широкомъ захватѣ земли и періодическомъ ея забрасываніи или оставленіи подъ паръ.

Этимъ характеромъ хозяйства объясняется строй и политика восточноевропейскихъ государствъ. Они постоянно чувствовали нужду въ землѣ для своего избыточнаго земледѣльческаго населенія, совершали захваты и вели войну за пріобрѣтеніе новыхъ территорій. Ростъ ихъ вслѣдствіе этого шелъ несравненно быстрѣе, чѣмъ государствъ западныхъ. Англія уже по своему островному положенію не могла увеличиваться на счетъ европейскихъ территорій: своихъ колонистовъ она сажала среди плотнаго и безъ того населенія въ Ирландіи, отнимая у него владѣнія и средства пропитанія. Франція послѣ ожесточенныхъ и удачныхъ войнъ въ теченіе цѣлаго XVII в. увеличилась на какую-нибудь $^1/_{15}$ своего размѣра и то пріобрѣла не новыя земли для поселенія, а новыхъ плательщиковъ, такъ какъ въ захваченныхъ территоріяхъ некуда было болѣе податься. Эти страны вынуждены были искать возмѣщенія въ Америкѣ и Азіи.

Иначе развивались восточно-европейскія государства. Австрія въ XVII—XVIII вв., съ присоединеніемъ Венгріи и польскихъ земель, и Пруссія отъ 1648 до 1795 гг. съ завоеваніями на сѣверѣ и востокѣ, Швеція отъ 1611 до 1648 гг. съ захватомъ Балтійскаго побережья, Московское государство въ XVI и XVII вв.—выросли вдвое и втрое на счетъ самой Европы. Постоянныя завоевательныя движенія выработали у нихъ другую военную систему. Франція и Голландія, напр., защищали

Digitized by Google

свои границы поясомъ крѣпостей, держали на жалованьи массу наемныхъ солдатъ, свое постоянное войско перевели на денежное вознагражденіе. Восточныя государства, Австрія, Польша, Москва, устраивали широкія полосы *военныхъ границъ*, т.-е. поселяли на вновь захваченной землѣ вооруженныхъ людей, чтобы наблюдать за дѣйствіями врага и быстро давать ему отпоръ. Часть колонистовъ составляла такимъ образомъ военную защиту государства. На западной и южной окраинѣ Московскаго государства, обращенныхъ къ Польшѣ, татарамъ и туркамъ, сидѣла главная масса его дворянства, составлявшаго конную силу государства. Земля вообще являлась главнымъ вознагражденіемъ за службу: военнаго не держали на жалованьи, не нанимали на срокъ; его испомѣщали, надѣляли участкомъ съ опредѣленнымъ доходомъ, по возможности недалеко отъ вѣроятнаго поля новой борьбы.

Рабочее устройство въ восточныхъ государствахъ также зависѣло отъ основного движенія колонизаціи. Сначала надо было позаботиться о привлеченіи земледѣльца на пустыри или въ отнятыя у врага, не вполнѣ замиренныя и неспокойныя области, поставивъ ему выгодныя условія, надѣлить его шире землей, помочь при первоначальномъ обзаведеніи. Но, съ другой стороны, государство хлопотало о томъ, чтобы снабдить своихъ военныхъ людей постояннымъ рабочимъ составомъ для обработки земли, служившей ихъ вознагражденіемъ: поэтому оно помогало хозяевамъ задерживать на своей землѣ перехожаго земледѣльца и закрѣплять за собой барщину сосѣднихъ крестьянъ, другими словами—помогало установленію крѣпостного права.

Выдача леновъ и помѣстій рыцарямъ и дворянамъ, военныя границы, крѣпостное крестьянство—это порядки, возникшіе на западѣ гораздо раньше, въ IX—XI вв., но большею частью уже исчезнувшіе тамъ, между тѣмъ какъ въ восточно-европейскихъ государствахъ они только что слагались въ XV—XVIII вв. Все направленіе внутренней политики этихъ государствъ получило вслѣдствіе этого другой характеръ. За отсутствіемъ значительной торговли и индустріи государство могло извлекать доходъ только отъ земледѣльческаго труда: земельный налогъ преобладалъ надъ всѣми другими. Но его платило все то же рабочее населеніе, которое своимъ трудомъ служило землевладѣльцамъ, и государство было заинтересовано въ томъ, чтобы крестьяне не разорились, не были совершенно подавлены двоякаго рода повинностями. Оттого для правительствъ восточной Европы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ долженъ былъ подняться *крестьянскій вопросъ*. Это была сложная и грозная задача, такъ какъ она затрогивала важнѣйшія права высшаго класса и вызывала другой вопросъ, объ отношеніи *дворянства къ верховной власти*. Освободить крестьянъ или даже облегчить ихъ участь

Digitized by Google

значило сильно задѣть интересы дворянъ, составлявшихъ не только военную силу, но и администрацію восточныхъ государствъ.

Эти два вопроса разрѣшались различно въ отдѣльныхъ странахъ и привели къ различнымъ государственнымъ порядкамъ: въ Польшѣ къ полному торжеству дворянства надъ монархіей, къ образованію шляхетской республики. Нѣчто подобное получилось и въ прибалтійскихъ областяхъ, Помераніи и Лифляндіи, надъ которыми ихъ шведскіе правители не имѣли почти никакой силы. Въ Россіи и земляхъ, принадлежавшихъ Австріи, интересы дворянства и монархіи въ XVIII в. были примирены, и установилась по виду неограниченная власть государей, которые однако правили по милости дворянства, выговорившаго себѣ важнѣйшія уступки въ распоряженіи землей и рабочими-крестьянами.

Восточно-европейскія государства во многихъ чертахъ внутренняго строенія были похожи другъ на друга, но далеко не соблюдали мирныхъ отношеній между собою. Тѣ изъ нихъ, которыя лежали на обѣихъ окраинахъ, восточной и западной, Россія—съ одной, Австрія и Пруссія,—съ другой стороны, напирали съ успѣхомъ на среднія: Швецію, Польшу и Турцію. Въ началѣ XVIII в. Московское государство отняло у Швеціи прибрежную полосу, отдѣлявшую его отъ доступа къ Балтійскому морю; въ то же время Пруссія завладѣла устьемъ Одера (западной Померапіей), отнявъ его также у Швеціи. На югѣ, частью въ совмѣстныхъ войнахъ, Россія и Австрія въ теченіе XVIII в. отнимали у Турціи земли по Дунаю, южно-русскимъ рѣкамъ и побережью Чернаго моря. Наконецъ всѣ три государства, Пруссія, Австрія и Россія, пользуясь смутами въ Польшѣ, въ рядѣ послѣдовательныхъ раздѣловъ (1772—1795) разобрали себѣ по частямъ всю большую территорію Рѣчи Посполитой.

Возникновеніе прусскаго государства. Самымъ новымъ изъ восточныхъ государствъ была Пруссія. Она образовалась въ XVII в. изъ соединенія Бранденбурга (по среднему Одеру) и собственно Пруссіи (между Нижней Вислой и устьемъ Нѣмана), когда-то земли Тевтонскаго ордена, съ принятіемъ протестантизма обратившейся въ свѣтское герцогство, зависимое отъ Польши. Въ началѣ XVII в. курфюрстъ бранденбургскій изъ дома Гогенцоллерновъ получилъ Пруссію по наслѣдству, такъ же какъ еще небольшое владѣніе по обѣ стороны нижняго Рейна (Клеве). Эти разрозненные три куска территоріи обозначаютъ всю линію позднѣйшаго государства, которое заполнило потомъ пробѣлы между ними.

Бранденбургъ принадлежалъ къ числу германскихъ областей, наиболѣе пострадавшихъ въ тридцатилѣтнюю войну. Нигдѣ не было такой массы заброшенныхъ мѣстностей, лишенныхъ населенія. Для хозяйствен-

Digitized by Google

наго подъема страны много сдѣлалъ Фридрихъ Вильгельмъ, такъ называемый „великій курфюрстъ“ (1640—1688), современникъ Людовика XIV и родственникъ Вильгельма Оранскаго. Этотъ настоящій создатель прусскаго государства въ своей политикѣ намѣтилъ пріемы, которыхъ держались потомъ его преемники, короли XVIII в. Въ немъ впервые однообразно жесткими и энергичными чертами обозначился самый типъ прусскаго правителя. Послѣ разоренія Бранденбургъ нуждался въ колонизаціи; поэтому его правители заняты были привлеченіемъ поселенцевъ, хотя бы изъ другихъ странъ. Они охотно принимали протестантовъ, гонимыхъ въ другихъ странахъ, Австріи и Франціи, но и вообще не разбирали вѣроисповѣданія, разъ дѣло шло о пріобрѣтеніи новыхъ производителей. Увлекаясь меркантилизмомъ, они старались во что бы то ни стало привить въ странѣ мануфактуру. Въ этомъ отношеніи курфюрсту оказала важную услугу отмѣна Нантскаго эдикта: масса гугенотскихъ эмигрантовъ, до 200.000, большею частью люди промышленныхъ профессій, были имъ приняты послѣ 1685 г. и составили значительную колонію въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ. Его правнукъ, Фридрихъ II, положилъ всѣ силы свои и почти 25 лѣтъ борьбы, чтобы пріобрѣсти и удержать въ своихъ рукахъ мануфактурный край, католическую Силезію, принадлежавшій раньше Австріи.

Промышленныя цѣли указали прусскимъ правителямъ характеръ и направленіе ихъ войнъ и захватовъ. Главныя рѣки средней Европы имѣютъ однообразное направленіе къ сѣверу, впадая въ Нѣмецкое и Балтійское море: прусское государство образовалось изъ клочковъ почти на всѣхъ этихъ рѣкахъ, Нѣманѣ, Вислѣ, Одерѣ, Эльбѣ, Везерѣ и Рейнѣ, но вездѣ почти прусская территорія лежала на срединѣ рѣки, между тѣмъ какъ устьями владѣли другіе, частью шведы, получавшіе доходъ съ вывозныхъ пошлинъ. Политика Пруссіи состояла въ томъ, чтобы овладѣть низовьями и выходами къ морю, ради сбыта своихъ продуктовъ и прямыхъ сношеній съ морскими государствами. Тамъ, гдѣ Пруссія не могла надѣяться на военные успѣхи, на далекомъ Рейнѣ, она искала дружбы и союза съ торговой Голландіей. Врываясь въ сложившіяся отношенія, Пруссія вела дипломатію и войны хищника безъ традицій, пользующагося союзниками, гдѣ только удобно.

Курфюрстъ помогалъ сначала шведамъ противъ Польши, потомъ полякамъ противъ Швеціи; этимъ способомъ онъ освободилъ свою восточную область отъ вассальной зависимости и развязалъ себѣ руки въ Кёнигсбергѣ. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ большихъ европейскихъ войнахъ, поднимавшихся изъ-за притязаній Людовика XIV, въ качествѣ союзника Голландіи и Австріи, но готовъ былъ безразлично получить вознагражденіе за помощь отъ голландцевъ или отступное отъ

Digitized by Google

французскаго короля. Опять онъ имѣлъ противъ себя шведовъ, угрожавшихъ съ померанскаго побережья. Только его внуку удалось отнять у шведовъ устье Одера.

Для всѣхъ этихъ предпріятій надо было завести и содержать большое войско. Курфюрсты раньше зависѣли въ отношеніи набора и содержанія арміи отъ *земскихъ чиновъ* отдѣльныхъ областей, т.-е. выборныхъ главнымъ образомъ отъ дворянства и отчасти отъ городовъ. Земское собраніе, ландтагъ, опредѣляло размѣръ ежегоднаго налога, который долженъ былъ идти на содержаніе войска и размѣръ отряда, полагавшагося на область; особые депутаты отъ ландтага являлись къ войску и слѣдили за всѣми дѣйствіями курфюрста, какъ начальника арміи. Особенно онъ былъ стѣсненъ въ Пруссіи, земскіе чины которой имѣли опору въ Польшѣ и въ случаѣ нарушенія своихъ правъ владѣтельнымъ княземъ могли на него жаловаться его сюзерену, польскому королю.

Сословная политика прусскихъ государей. Большая часть правленія „великаго курфюрста“ прошла въ борьбѣ съ земскими чинами и въ настойчивомъ стремленіи освободиться отъ ихъ вмѣшательства въ военномъ дѣлѣ и финансахъ. Когда ландтагъ въ Бранденбургѣ воспротивился увеличенію и безъ того тяжелаго налога, курфюрстъ пересталъ его созывать вовсе и началъ устанавливать размѣръ налога собственной волей. Труднѣе было дѣло въ Пруссіи. Здѣсь земскіе чины не хотѣли признать уничтоженія вассальной связи области съ Польшей, потому что они лишались защиты противъ своего короля. Въ свою очередь онъ не хотѣлъ признавать ихъ старинныхъ правъ и требовалъ безусловной присяги на вѣрность. Часть дворянъ вступила въ сношенія съ Варшавой, гдѣ аристократія въ свою очередь была безусловно на ихъ сторонѣ; въ главномъ городѣ княжества, Кёнигсбергѣ, стало готовиться возстаніе. Курфюрстъ внезапно явился съ гвардіей, арестовалъ главнаго руководителя горожанъ, Роде, и приговорилъ его самолично, безъ суда, къ казни, замѣнивъ ее пожизненнымъ заключеніемъ. Пришлось, правда, сдѣлать уступку земскимъ чинамъ: курфюрстъ обѣщалъ, что не будетъ начинать войны, вводить въ страну чужихъ солдатъ, установлять новые налоги иначе, какъ съ согласія ландтага, при чемъ собранія его должны происходить каждые два года и даже въ томъ случаѣ, если самъ курфюрстъ не будетъ его созывать. Однако курфюрстъ постоянно нарушалъ это обѣщаніе. Успѣхъ курфюрста и его преемниковъ въ борьбѣ съ дворянскими чинами объясняется въ значительной степени тѣмъ, что правитель былъ самъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ, что его вотчина (*домэнъ*) состояла изъ доходныхъ лѣсовъ, луговъ и пахотей, на которыхъ сидѣла масса крѣпостныхъ крестьянъ. Отстранивъ дворянъ отъ вмѣшательства въ свое управленіе, курфюрстъ сохранилъ за ними вполнѣ ихъ

Digitized by Google

землевладѣльческія права, потому что собственное его хозяйство, какъ владѣльца, опиралось на тѣ же интересы.

Въ восточно-нѣмецкихъ областяхъ, на колонизованной окраинѣ Германіи, рыцарь-помѣщикъ, „юнкеръ“, какъ онъ здѣсь назывался, былъ непохожъ на французскаго сеньёра. Владѣніе его было обыкновенно невелико, онъ сидѣлъ въ самой деревнѣ, владѣлъ землей черезполосно съ крестьянами и не имѣлъ другихъ доходовъ, кромѣ сельскаго хозяйства: по большей части онъ самъ энергически распоряжался работами и заправлялъ имѣніемъ. Еще до тридцатилѣтней войны здѣсь постарались прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Небольшая старинная барщина, 6—8 дней въ году, разрослась до нѣсколькихъ дней въ недѣлю. Были мѣстности, въ которыхъ крестьяне работали на собственной землѣ въ лунныя ночи: до такой степени ихъ дневной трудъ былъ забранъ помѣщикомъ. Въ деревню запрещено было принимать свободныхъ людей; крестьяне обязаны были отдавать младшихъ дѣтей въ дворовую службу, а сами, на своихъ лошадяхъ и телѣгахъ, справлять полевую работу и отвозить зерно въ господскіе амбары.

Но у юнкера была еще другая цѣль: пользуясь даровымъ рабочимъ, онъ старался увеличить свою собственную хозяйственную землю на счетъ сосѣдней крестьянской. Онъ могъ при этомъ воспользоваться тѣмъ, что многіе крестьяне были *ласситы*, т.-е. не имѣли наслѣдственнаго права на занимаемую землю, получали ее по усмотрѣнію помѣщика, большею частью въ пожизненное пользованіе. Ласситъ обыкновенно не строилъ себѣ двора, а поселялся въ избѣ, которую ему давалъ помѣщикъ. Со смертью лассита помѣщикъ часто оставлялъ участокъ незамѣщеннымъ и присоединялъ землицу къ своему имѣнію, снося при этомъ строенія крестьянскаго двора. Иногда онъ подъ предлогомъ хозяйственныхъ улучшеній переводилъ лассита на другое мѣсто, т.-е. сгонялъ его съ участка. Эти „приканчиванія крестьянъ“ (Bauernlegen) стали очень часты послѣ тридцатилѣтней войны. Отъ ужасовъ солдатскихъ грабежей и насилій крестьяне разбѣгались, и въ странѣ всюду оставались пустыри (wüste Stellen). Когда послѣ замиренія владѣльцы и рабочее населеніе опять возвращались на старыя мѣста, помѣщики большею частью присоединяли себѣ пустыри, не обращая вниманія на то, что на нихъ раньше были крестьянскіе дворы, или они отказывали разореннымъ крестьянамъ въ поддержкѣ и этимъ вынуждали ихъ либо уходить, либо поступать къ себѣ въ личное услуженіе; такимъ образомъ юнкеры извлекли еще новую выгоду изъ общаго разоренія страны. Забранные мелкіе участки они складывали въ большія отдѣленія своего помѣстья, *форверки*, которые отдавались въ аренду.

„Великій курфюрстъ“, сурово тѣснившій дворянъ въ земскихъ чи-

Digitized by Google

нахъ, по вопросамъ общей политики, вполнѣ поддерживалъ ихъ въ отношеніи крестьянъ. Въ своихъ указахъ онъ повторялъ старую дворянскую жалобу на своеволіе и безчинство барщинниковъ и оправдывалъ этимъ строгія мѣры противъ нихъ. Онъ позволялъ удерживать въ крѣпости семьи, которыя прожили три года на одномъ мѣстѣ; помѣщикъ могъ переводить младшихъ дѣтей крестьянъ на другіе дворы и т. д.

Прусская бюрократія. Преемники курфюрста Фридриха Вильгельма, *короли прусскіе* (этотъ титулъ былъ полученъ съ согласія императора въ 1700 г.), держались и во внѣшней, и во внутренней политикѣ указанныхъ имъ пріемовъ: лавировали между европейскими державами, соединялись съ Россіей противъ Швеціи, а потомъ противъ Польши, на законномъ основаніи поддерживали своего императора, т.-е. Австрію, противъ Франціи, а при случаѣ безъ всякаго закона и права опирались на Францію противъ Австріи, и въ моменты общихъ усложненій отрывали себѣ новый кусокъ территоріи. Для такихъ моментовъ имѣлось наготовѣ войско, непомѣрно большое сравнительно съ общимъ количествомъ населенія и доходами небогатой страны. Внукъ великаго курфюрста, король Фридрихъ Вильгельмъ I (1713—40), при общемъ составѣ населенія въ два милліона, держалъ подъ ружьемъ 80.000 солдатъ, изъ коихъ около 30.000 иностранцевъ. Управленіе въ этомъ государствѣ, гдѣ „война составляла національную индустрію“ и войско поглощало половину финансовъ, было крайне просто. Часть доходовъ получалась съ коронныхъ земель, т.-е. арендныхъ пахотей, лѣсовъ, рудниковъ, таможенъ; часть поступала военными налогами: это была контрибуція, собираемая съ деревень, и акцизъ (налогъ на покупки) съ городовъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ образовалъ одну „высшую финансовую, военную и домэнную Директорію“, которая должна была завѣдовать доходами и расходами государства. Король былъ строгъ и хотѣлъ справедливаго равенства для всѣхъ: „Мы сами и королевскій домъ будемъ платить акцизъ; всѣ повозки, начиная съ нашего экипажа и кончая телѣгой послѣдняго крестьянина, подлежатъ осмотру“.

Чиновники директоріи получили отъ короля инструкцію, очень характерную для всей прусской администраціи. Такъ какъ доходы съ бранденбургскихъ „песковъ“ скудны, и каждая выколоченная копейка должна стоять на счету, король самъ хочетъ быть первымъ примѣромъ умѣренности и бережливости и неумолимо требователенъ къ другимъ. Чиновникамъ положено небольшое жалованье, но они должны неотступно работать. Первая обязанность — это точность въ службѣ. Министръ или совѣтникъ, который, не имѣя особаго письменнаго дозволенія короля, опоздаетъ хоть на часъ, подлежитъ штрафу въ 100 дукатовъ, вычитаемыхъ изъ его жалованья; если пропуститъ день, у

Digitized by Google

него удерживаютъ жалованье за полгода; если проступокъ повторится то его съ позоромъ выгонятъ со службы, потому что, говорится въ инструкціи, „мы платимъ имъ только для того, чтобы они работали". Присутствіе въ директоріи начинается зимой въ 8 часовъ утра, лѣтомъ въ 7 часовъ. Ко времени обѣда уходитъ только половина совѣтниковъ, остальные продолжаютъ работать, пока не вернутся первые, потому что „служба наша должна исполняться ревностно и вѣрно". Общее правило—nicht räsonniren (не разсуждать). Поступленія должны идти быстро, безъ всякой задержки: „мы не допускаемъ никакихъ отговорокъ"; если гдѣ-нибудь деньги „зацѣпились", главный директоръ долженъ выяснить, въ чемъ дѣло, и принять немедленно мѣры, чтобы ихъ „отцѣпить".

Самъ король работалъ безъ устали и старался вездѣ поспѣть со своимъ неумолимымъ надзоромъ: каждый день онъ проводилъ 4—5 часовъ въ кабинетѣ за докладами и писаніемъ резолюцій, потомъ отправлялся ходить или ѣздить по улицамъ Берлина, при чемъ и тутъ спутники должны были говорить съ нимъ о дѣлахъ; между тѣмъ онъ зорко высматривалъ, какъ идутъ работы въ столицѣ, которую онъ хотѣлъ видѣть обстроенной большими домами, стоятъ ли на мѣстѣ часовые, нѣтъ ли на улицѣ праздныхъ фланеровъ, а если встрѣчалъ таковыхъ, то бивалъ немилосердно палкой. Время отъ времени король совершалъ внезапные наѣзды по провинціямъ, чтобы захватить врасплохъ какого-нибудь полковника, или судью, или вотчинную контору (управлявшую королевскими имѣніями). Нерѣдко при этомъ онъ вмѣшивался въ судопроизводство. Однажды судъ приговорилъ одного чиновника вотчинной конторы въ Пруссіи къ нѣсколькимъ годамъ заключенія въ крѣпости за то, что онъ удержалъ часть денегъ, положенныхъ на устройство быта колонистовъ. Король оставилъ приговоръ безъ утвержденія до своего ближайшаго пріѣзда въ Пруссію. По прибытіи въ Кёнигсбергъ онъ призываетъ обвиняемаго и объявляетъ его достойнымъ висѣлицы. Всѣ поражены этимъ осужденіемъ безъ суда; священникъ въ воскресной проповѣди напоминаетъ о милосердіи, и король плачетъ, но на другой день все-таки зоветъ членовъ вотчиннаго присутствія и на ихъ глазахъ передъ окнами конторы велитъ повѣсить ихъ товарища.

Политика Фридриха II. Та же система личнаго вмѣшательства короля во всѣ части управленія, неумолимой строгости къ подчиненнымъ продолжалась и при его сынѣ, знаменитомъ Фридрихѣ II (1740—86). Въ молодые годы онъ сильно повздорилъ съ отцомъ, хотѣлъ бѣжать, былъ посаженъ въ крѣпость, и страшный король чуть не казнилъ сына. Они разошлись изъ-за нѣсколько легкомысленной жизни молодого принца и его сочувствія къ французской литературѣ, которой не терпѣлъ отецъ.

Digitized by Google

Но они были родственными натурами: сынъ гораздо способнѣе, великій полководецъ, искусный дипломатъ; какъ современникъ французскихъ просвѣтителей, онъ замѣнилъ угловатость и старомодную ворчливость отца лоскомъ салонныхъ бесѣдъ, переписки съ Вольтеромъ и собственныхъ литературныхъ работъ. Старинную вѣротерпимость практичныхъ прусскихъ правителей онъ выразилъ по-новому: „въ моемъ государствѣ всякій можетъ спасаться на свой фасонъ“. Но эта современная внѣшность „короля-философа“ слабо прикрывала деспотическія привычки владѣтельнаго князя, выросшаго въ патріархально-чиновничьей обстановкѣ: придворные должны были слушать его игру на флейтѣ, Вольтеръ—забавлять короля остротами и поправлять его плохіе французскіе стихи, при чемъ Фридрихъ презиралъ нѣмецкую литературу и ея писателей.

Попрежнему ни тѣни самостоятельности въ людяхъ, которымъ поручены отдѣльныя стороны управленія. „Фридрихъ Великій,—писалъ потомъ человѣкъ, служившій подъ его началомъ,—одинъ управлялъ всѣми колесами государственнаго механизма. Министры письменно спрашивали его приказанія, и онъ однимъ почеркомъ пера рѣшалъ какъ самыя важныя дѣла, такъ и мельчайшія подробности. Презрѣніе къ людямъ сдѣлало его совершенно равнодушнымъ къ чужимъ сужденіямъ и никогда въ своихъ приказахъ, длиною въ двѣ строчки, онъ не приводилъ основаній. Двухъ-треҳъ секретарей, посредственныхъ и работавшихъ, какъ машины, было ему достаточно для такого труда“. Въ арміи онъ требовалъ безусловнаго повиновенія; самостоятельность у офицера ему казалась почти такимъ же преступленіемъ, какъ отсутствіе дисциплины у солдата. Въ войскѣ Фридриха II всѣ выучились слушаться, никто не научился командовать. У Фридриха не было министра, который бы вырабатывалъ для него бюджетъ. Онъ самъ былъ своимъ министромъ финансовъ и контрольной палатой. Страна давала немного дохода, не болѣе 17 милліоновъ; несмотря на нѣсколько войнъ, онъ сумѣлъ сберечь 60 милліоновъ и въ то же время содержать армію до 200.000, одну изъ самыхъ большихъ въ Европѣ.

Въ иностранной политикѣ Пруссія, государство безъ національности, выросшее благодаря оплошностямъ сосѣдей, при Фридрихѣ II живетъ беззастѣнчивымъ захватомъ. Въ первый же годъ своего правленія (1740) Фридрихъ II воспользовался затрудненіемъ Австріи, гдѣ по смерти императора Карла VI, послѣдняго мужского представителя Габсбурговъ, наступило, повидимому, полное распаденіе областей, лишь внѣшнимъ образомъ сшитыхъ между собою династіей: Венгрія не хотѣла признавать правъ его дочери, Маріи Терезіи, императорскую корону старался захватить курфюрстъ баварскій, его поддерживали французы, завладѣвшіе Нидерландами и Богеміей. Фридрихъ II занялъ въ этой обще-

Digitized by Google

европейской войнѣ за *австрійское наслѣдство*—Силезію (Schlesien) по верхнему Одеру и Судетамъ. Онъ и удержалъ эту область несмотря на то, что со всѣми остальными противниками Австрія заключила выгодный миръ, при чемъ возвратила себѣ другія владѣнія.

Послѣ этого австрійской дипломатіи удалось заключить союзъ со своимъ недавнимъ противникомъ, Франціей, привлечь Россію и выработать планъ уничтоженія небольшого разбойничьяго государства на сѣверѣ. Противъ Фридриха были также Швеція и саксонскій курфюрстъ (одновременно занимавшій польскій престолъ, при чемъ Польша не участвовала въ войнѣ). Онъ былъ такимъ образомъ окруженъ врагами и получалъ помощь только отъ Англіи, гдѣ Питтъ, изъ-за вражды съ Франціей, рѣшилъ посылать ему субсидію.

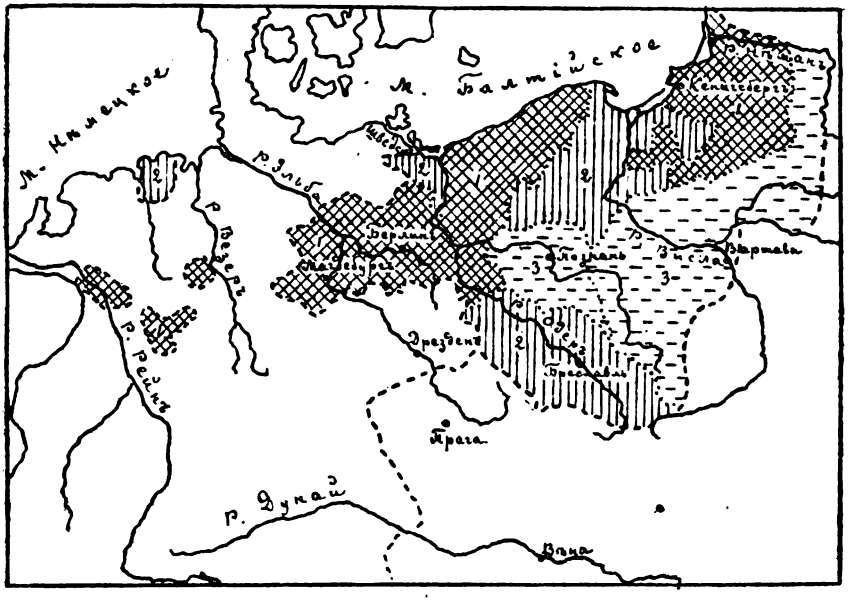
Въ *семилѣтней войнѣ* (1756—63) вполнѣ раскрылся военный геній Фридриха. Въ непрерывныхъ походахъ онъ поспѣвалъ поочередно ко всѣмъ границамъ, предупреждалъ враговъ быстрыми переходами, далъ имъ десять большихъ битвъ, изъ которыхъ три проигралъ. Многое въ этой войнѣ, послѣдней въ эпоху старой Европы, не похоже на войны XIX в. Фридрихъ въ началѣ борьбы окружаетъ австрійскій корпусъ и заставляетъ его сдаться: большая часть солдатъ переходитъ на его службу. Но и его собственное войско держалось только благодаря внѣшнимъ средствамъ: въ одномъ регламентѣ между прочимъ было указаніе не водить солдатъ къ вечеру около лѣса, чтобы они не разбѣжались. На четвертый годъ войны, вслѣдствіе огромнаго перевѣса силъ враговъ, положеніе Фридриха было критическое; русскіе заняли восточную Пруссію, австрійцы—Силезію, король былъ замкнутъ въ истощенномъ центральномъ краѣ. Его спасли два обстоятельства: смерть враждебной ему императрицы Елизаветы Петровны и воцареніе Петра III, большого поклонника прусскаго короля, а затѣмъ отступленіе отъ союза Франціи, которая заключила отдѣльный миръ съ Англіей. Фридрихъ, правда, потерялъ субсидіи, получавшіяся отъ Англіи, но зато остался лицомъ къ лицу съ единственнымъ врагомъ, Австріей. Въ 1763 г. они помирились, и Силезія окончательно была предоставлена Фридриху.

Менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ онъ уже сумѣлъ войти въ соглашеніе со своими недавними врагами, Австріей и Россіей, побудить ихъ къ (первому) раздѣлу Польши и взять себѣ въ этомъ большомъ восточноевропейскомъ расхищеніи важную долю; полученная имъ западная Пруссія по лѣвому берегу нижней Вислы соединяла восточную Пруссію съ Помераніей и Бранденбургомъ; главныя области королевства пріобрѣли наконецъ сплоченную форму. Къ 2 милліонамъ населенія, которые были при вступленіи Фридриха, прибавились еще 3 милліона новыхъ.

Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи XVIII в. Управленіе и послѣ этихъ

Digitized by Google

крупныхъ пріобрѣтеній оставалось то же самое. Строгая монархія остерегалась задѣвать сословный строй. О равенствѣ правъ и рѣчи не было въ государствѣ Фридриха II. Въ его войскѣ, державшемся на палочной дисциплинѣ, офицеры могли быть только изъ дворянъ. Поэтому король не затрогивалъ владѣльческихъ правъ дворянства и особенно рабочаго устройства, которымъ пользовались дворяне, т.-е. крѣпостного права. Но на коронной землѣ, гдѣ прусскіе короли были полными господами, они могли показать, каково ихъ отношеніе къ крѣпостнымъ. Еще дѣдъ



Возрастаніе Пруссіи въ XVIII в. 1—Бранденбургъ и восточная Пруссія при смерти великаго курфюрста (1688). 2—пріобрѣтенія Фридриха II (и его отца): часть шведской Померанія, Силезія и западная Пруссія. 3—пріобрѣтенія по второму и третьему раздѣлу Польши (Познань и Великая Польша).

Фридриха II въ началѣ XVIII в. полагалъ, что „крѣпостничеству въ сущности не должно быть и мѣста среди христіанъ“. Тогда уже у короля были совѣтники, которые указывали на то, что крѣпостной порядокъ не выгоденъ для владѣльца. Прусскія королевскія вотчины сдавались крупнымъ арендаторамъ; въ пользу этихъ посредниковъ, какъ будто на господъ, отбывали барщину прикрѣпленные къ землѣ вотчинные крестьяне. Королю предлагали устранить большихъ откупщиковъ, разбить вотчины на мелкіе крестьянскіе участки и раздать ихъ въ наслѣдственную аренду; обладатели этихъ участковъ, мелкіе хозяева, выкупая землю, будутъ платить казнѣ, въ цѣломъ, болѣе чѣмъ крупные

Digitized by Google

арендаторы; на собственной землѣ они будутъ лучше работать, чѣмъ насильно на чужой; но за прекращеніе ихъ барщины на господъ, т.-е. за ихъ освобожденіе отъ личныхъ повинностей, можно будетъ взять еще разъ, другой выкупъ.

Однако прусскіе короли ни тогда, въ началѣ XVIII в., ни позже въ теченіе 100 лѣтъ до общей европейской революціи, не рѣшались на такую реформу. Они боялись, что освобожденные крестьяне станутъ уходить съ земли въ города, въ промыслы, въ другія страны; но они боялись также всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій на своихъ земляхъ, чтобы не взволновать крестьянъ помѣщичьихъ и не вызвать этимъ недовольства опоры престола и войска, дворянъ. Только одно соображеніе перевѣшивало этотъ страхъ. Разоренныя деревни не могутъ кормить военной силы государства. Напротивъ, если крестьяне будутъ обезпечены въ своемъ владѣніи и зажиточны, они могутъ скорѣе и больше давать солдатъ въ армію, а ихъ дома—служить для расквартированія войска. Поэтому и отецъ Фридриха II, и самъ онъ хлопотали о томъ, чтобы не сгоняли *коронныхъ* крестьянъ съ занимаемыхъ ими участковъ. За ними установлено было наслѣдственное право на землю; но власти все-таки не давали крестьянину самому распоряжаться своимъ дворомъ и имуществомъ: изъ нѣсколькихъ сыновей они выбирали наслѣдникомъ того, который казался болѣе подходящимъ, а если не было у крестьянина дѣтей, опредѣляли, кому долженъ отойти дворъ.

Правительство хотѣло такимъ же образомъ охранить отъ разоренія и *помѣщичьихъ* крестьянъ. Еще отецъ Фридриха II, которому приходилось слышать, что кое-гдѣ продаютъ крестьянъ безъ земли, распорядился съ обычной шумливостью, чтобы немедленно и „безъ всякихъ разсужденій“ отмѣнили холопство. На это дворяне, сговорившись съ мѣстными чиновниками, людьми ихъ сословія, отвѣчали королю, что у нихъ, слава Богу, нѣтъ никакого холопства, а есть только „наслѣдственная подчиненность крестьянъ“. Попрежнему помѣщики сносили крестьянскіе дворы и округляли владѣнія, и опять послѣ разорительной Семилѣтней войны воспользовались опустѣніемъ деревень.

Противъ такого изведенія мелкихъ хозяевъ Фридрихъ II старался бороться „охраной крестьянъ“ (Bauernschutz). Онъ запретилъ, подъ какимъ бы то ни было видомъ, присоединять крестьянскіе участки къ господской землѣ или соединять вмѣстѣ нѣсколько мелкихъ дворовъ; даже покупать нельзя было съ этою цѣлью крестьянскаго двора, хотя бы и съ согласія крестьянина. Всюду, гдѣ находили у помѣщика форверкъ, получившійся изъ соединенія нѣсколькихъ крестьянскихъ участковъ, его тотчасъ же опять разбивали и требовали помѣщенія на мѣстѣ прежняго количества крестьянъ. Эта „охрана крестьянъ“ не принесла большой

Digitized by Google

пользы; король не далъ права крестьянамъ защищать свои владѣнія передъ судами и слѣдилъ за выполненіемъ указовъ полицейскимъ способомъ: чиновники спрашивали только о количествѣ крестьянскихъ участковъ въ имѣніи и требовали удержанія этого количества, не взирая на то, что̀ дѣлаетъ помѣщикъ съ имѣющимися крестьянами: а онъ нерѣдко перемѣщалъ ихъ съ хорошей земли на худшую, вынималъ этимъ способомъ черезполосные участки и все-таки округлялъ свое владѣніе. Никто не слѣдилъ также за тѣмъ, въ какое положеніе онъ ставитъ своихъ крестьянъ: а помѣщикъ пользовался несбезпеченностью ласситовъ и измѣнялъ ихъ пожизненныя условія со старинными небольшими повинностями на короткіе сроки съ высокой арендой. Перевѣсъ остался за землевладѣльцами, мѣры правительства прошли большею частью мимо нихъ, и юнкерство продолжало расширять свои владѣнія на счетъ крестьянства.

Конецъ Фридриха II и реакція въ Пруссіи. Старый король безсильно бился противъ злоупотребленій, но въ его системѣ было только одно средство поправить порядки: усиленіе надзора за чиновниками посредствомъ другихъ чиновниковъ. Онъ былъ убѣжденъ въ негодности и продажности большинства, безпощадно бранилъ ихъ, но вѣрилъ въ силу внезапныхъ расправъ и устрашеній. По поводу процесса мельника Арнольда, обиженнаго сосѣдомъ помѣщикомъ, который былъ также мѣстнымъ ландратомъ (исправникомъ), король вмѣшался лично, отдалъ приговоръ судебной палаты пересмотрѣть полковнику, посадилъ судей въ крѣпость, а министра юстиціи прямо съ аудіенціи отрывистымъ возгласомъ отправилъ въ отставку. Въ то время, какъ чиновничество и высшіе классы въ Берлинѣ спѣшили засвидѣтельствовать опальному министру свое соболѣзнованіе, простой народъ, особенно крестьяне, устремились толпами ко дворцу, привѣтствуя короля и осыпая его своими жалобами и прошеніями.

Но Фридрихъ II все-таки не былъ популярнымъ монархомъ. Убѣжденный меркантилистъ, онъ крайне напрягалъ платежныя силы населенія своей небогатой страны и послѣ войны обременилъ ее еще *регаліей* (Regie), т.-е. внутренними пошлинами и государственной продажей табаку, кофе и соли, при чемъ сдалъ управленіе этимъ дѣломъ цѣлой арміи чиновниковъ, выписанныхъ изъ Франціи, которая считалась образцомъ въ устройствѣ откупной системы. Мелочность, съ которой вмѣшивалась эта королевская монополія въ жизнь обывателей, видна особенно на дѣятельности „вынюхивателей кофе“, ходившихъ по улицамъ и забиравшихся для взиманія штрафа въ тѣ дома, гдѣ обыватели жарили кофе, вмѣсто того, чтобы покупать его въ готовомъ видѣ у администраціи.

Французскій публицистъ графъ Мирабо, посѣтившій Пруссію въ

Digitized by Google

концѣ правленія Фридриха II и издавшій потомъ большую книгу „О прусской монархіи“, настойчиво совѣтовалъ преемнику великаго короля (Фридриху Вильгельму II 1786—1897) облегчить весь суровый строй; уравнять сословія въ правахъ и особенно устранить привилегію дворянъ въ войскѣ, освободить крестьянъ, уничтожить всѣ стѣсненія торговли и промышленности, отмѣнить цензуру, а главное—поменьше вмѣшиваться въ частную жизнь, предоставить личности свободу, поменьше управлять и регламентировать.

Преемникъ Фридриха II уничтожилъ регалію и ослабилъ строгости въ отношеніи чиновниковъ, но оставилъ въ цѣлости весь сословный порядокъ: администраціи велѣно было положить предѣлъ „дерзкимъ жалобамъ крестьянъ“ и ограничить ихъ „мятежныя посягательства“, такъ какъ безконечные процессы „угомляютъ помѣщиковъ, а мужиковъ доводятъ до нищенской сумы“. Еще въ одномъ отношеніи пошли назадъ въ сравненіи съ Фридрихомъ II: новаго короля окружили ревнители вѣры, которые въ вѣротерпимости видѣли упадокъ религіи. Въ то время, какъ благочестивый король велъ очень скандальную жизнь, его довѣренный министръ Вёльнеръ, бывшій священникъ, насаждалъ въ странѣ нравственность, усиливая цензуру, удаляя гуманно мыслящихъ проповѣдниковъ, преслѣдуя просвѣтителей въ университетахъ и внушая строгое соблюденіе воскресныхъ службъ.

Отъ двухъ новыхъ раздѣловъ Польши (1792 и 1795) Пруссія увеличилась вдвое, но государство было слабо. Созданное непрерывными усиліями своихъ суровыхъ, исполнительныхъ правителей, чисто бюрократическое, безъ малѣйшаго участія общества въ управленіи, оно ничего не выиграло отъ того, что исчезъ страшный владыка чиновниковъ, и что въ администраціи началась распущенность. При встрѣчѣ съ внѣшнимъ врагомъ (въ 1806 г.) въ Пруссіи не оказалось патріотизма, такъ такъ общество было отчуждено отъ всякаго участія въ общихъ дѣлахъ.

VI.

Австрія въ XVII и XVIII вв. Католическая церковь.

Государство Габсбурговъ въ XVII и XVIII вв. Австрія была такъ же военно-земледѣльческимъ государствомъ, какъ и Пруссія, но представляла извѣстныя отличія отъ нея. Она была гораздо крупнѣе и населеннѣе, и ея составныя части были еще болѣе разбросаны. Главная масса лежала по среднему Дунаю и его притокамъ между восточными Альпами и Карпатами: собственно Австрійское герцогство, Тироль, Штирія,

Digitized by Google

Богемія, Венгрія, Трансильванія и Кроація. Но затѣмъ были отдѣленныя отъ этой группы владѣнія въ южной Германіи, тянувшіяся до самой границы съ Франціей; отрѣзаны были Бельгія, Миланъ. Съ 30-хъ годовъ XVIII в. австрійскій принцъ сидѣлъ въ Тосканѣ, области прежней флорентійской республики, обмѣненной на Лотарингію, которую уступили Франціи. Пруссія не составляла націи, а въ австрійскихъ земляхъ, напротивъ, было нѣсколько весьма чуждыхъ другъ другу націй: бельгійцы, итальянцы, нѣмцы, венгры, румыны, нѣсколько славянскихъ племенъ, между ними чехи, словаки и хорваты (кроаты), позднѣе поляки и русины. Въ каждой странѣ господствовалъ свой языкъ и особыя учрежденія. Управленіе было раздроблено; для каждой области имѣлся свой канцлеръ, или главный министръ, который вѣдалъ только ея интересы; насчитывалось 20 отдѣльныхъ государственныхъ кассъ. У цѣлаго государства даже не было имени: это были „наслѣдственныя владѣнія австрійскаго дома“ (мы называемъ ихъ теперь Австріей лишь заднимъ числомъ).

Между тѣмъ какъ Франція постоянно угрожала австрійскимъ Нидерландамъ, на другомъ, восточномъ, фронтѣ у Австріи былъ постоянный врагъ въ лицѣ турокъ, обычныхъ союзниковъ Франціи. До конца XVII в. турки имѣли перевѣсъ и владѣнія ихъ простирались до Будапешта и карпатскихъ отроговъ, занимая большую часть Венгріи. Они не разъ угрожали Вѣнѣ. Въ 80-хъ годахъ по соглашенію съ Людовикомъ XIV большое турецкое войско осадило столицу Габсбурговъ и отошло только потому, что на выручку Вѣнѣ явился польскій король Янъ Собѣскій. Но послѣ этого австрійцы успѣшно двинулись впередъ и въ теченіе 15 лѣтъ отвоевали Венгрію и Трансильванію. Въ XVIII в. эти войны съ турками, отчасти въ союзѣ съ Россіей, продолжались; онѣ имѣли ту же цѣль, какъ и русско-турецкія войны: пріобрѣсти новыя территоріи, для Австріи главнымъ образомъ по теченію Дуная, и придвинуться къ южнымъ морямъ, Адріатическому и Черному.

Австріи приходилось защищать или продвигать впередъ чрезвычайно длинную и извилистую военную границу. Она постоянно вооружала огромныя арміи, пользуясь главнымъ образомъ крестьянствомъ своихъ отсталыхъ восточныхъ областей. „Всѣ австрійскія провинціи кишатъ жителями,—писалъ одинъ наблюдатель въ XVII в.,—это—неистощимый разсадникъ рекрутъ“. Но, владѣя матеріаломъ въ видѣ военно-способныхъ людей, правительство въ Австріи до середины XVIII в. не имѣло военнаго бюджета. Чтобы собрать средства, надо было столковаться въ отдѣльности по областямъ съ земскими чинами, въ средѣ которыхъ преобладали крупные землевладѣльцы. Изъ этого же сильнаго по вліянію класса императоры набирали составъ служащихъ при дворѣ, въ войскѣ,

Digitized by Google

въ администраціи. Другой опорой австрійскихъ Габсбурговъ было католическое духовенство, располагавшее земельными владѣніями и массой монастырей. Въ интересахъ католичества Габсбурги истребили въ Австрійскомъ герцогствѣ и въ Богеміи протестантское ученіе; преслѣдованіе протестантовъ въ Богеміи пришлось также на пользу аристократіи новыхъ землевладѣльцевъ. Розыскъ и гоненіе на сектантство помогли помѣщикамъ установить строгій надзоръ за крестьянами и увеличить ихъ повинности; настоящее крѣпостное право установилось въ Богеміи, Моравіи и Силезіи какъ разъ благодаря тяжелой тридцатилѣтней войнѣ, послѣ которой помѣщикъ сталъ такъ же, какъ въ Пруссіи, забирать пустыри, пользуясь разореніемъ, и умножать свою господскую долю земли.

Затрудненные дробностью своихъ владѣній, находясь въ союзѣ съ косными силами аристократіи и католическаго духовенства, Габсбурги составляли одно время самое неподвижное и вялое правительство во всей Европѣ. Совѣтники императора выражались очень характернымъ языкомъ: между прочимъ Леопольду I было представлено, что „заботы о хозяйственныхъ дѣлахъ несовмѣстимы съ достоинствомъ и величіемъ государя и притомъ очень тяжелы и непріятны“. Сложился какой-то особый типъ государя и двора, чопорный и мрачный, застывшій въ скучныхъ церемоніяхъ, который болѣе всего выразился въ лицѣ того же Леопольда, царствовавшаго чрезвычайно долго (1657—1705).

Крѣпостное право въ австрійскихъ земляхъ. Но именно войны вызывали постоянно одинъ вопросъ, который выводилъ даже австрійское правительство изъ его апатіи. Въ половинѣ XVII в. было рѣшено ввести правильную подать, *контрибуцію*, для военныхъ нуждъ; она должна была падать на всѣ имущества, но, въ виду преобладанія деревень и хлѣбопашества, главнымъ образомъ на обрабатываемыя земли. Со всѣхъ этихъ угодій уже бралъ свою большую долю землевладѣлецъ, взимая съ крестьянъ оброки и еще пользуясь барщиннымъ трудомъ того же рабочаго люда, прикрѣпленнаго къ землѣ. Государство старалось выкроить теперь новую долю для себя изъ того же труда и дохода. Новый взиматель, правительство, хотя и поручилъ сборъ налога старымъ пользователямъ, помѣщикамъ, но не могъ при этомъ не обратить вниманія на то, что они уже сильно обременили крестьянъ. Государству, очевидно, былъ выгоденъ захватъ помѣщиками крестьянскихъ земель и чрезмѣрное увеличеніе барщины, потому что это грозило паденіемъ крестьянскихъ хозяйствъ. Когда получалась недоимка въ податяхъ, было ясно, что сельскіе рабочіе уже разорены и подавлены оброками и работой на помѣщиковъ. Но о томъ же самомъ болѣе наглядно напоминали частые мятежи крестьянъ, избіенія помѣщиковъ, многочисленные побѣги сель-

Digitized by Google

скаго населенія въ Польшу и Венгрію, образованіе изъ его среды разбойничьихъ шаекъ.

Въ 1680 г. Леопольдъ I пріѣхалъ со своимъ дворомъ въ Прагу. Давно уже волновавшіеся чешскіе крестьяне собирались въ это время на сходки, составили жалобу на дѣйствія помѣщиковъ и выбрали депутацію для подачи ея императору. Депутаты хотѣли представить государю, что помѣщики обращаются съ крестьянами хуже, чѣмъ турки со своими рабами, и отнимаютъ у нихъ все, кромѣ „голой жизни въ холодѣ и голодѣ“; императоръ долженъ охранить ихъ и помочь имъ. Но депутатовъ, тотчасъ по ихъ прибытіи въ Прагу, посадили въ тюрьму. Тогда крестьяне прекратили мирные переговоры; отъ одной общины къ другой потянулись ихъ вооруженные отряды, во главѣ ихъ становились старые солдаты и отставные офицеры, не получившіе вознагражденія. Крестьяне забирали съ собой насильно судей, въ увѣренности, что ихъ присутствіе дастъ законный характеръ всему дѣлу. Мѣстами жгли замки, разоряли фермы, вѣшали господскихъ управляющихъ и приказчиковъ.

Тогда противъ мятежниковъ были приняты крутыя мѣры; отправили войска, множество людей казнили и разсадили по тюрьмамъ, для устрашенія разставили по деревнямъ на постой буйныхъ солдатъ, наподобіе „драгонадъ“ Людовика XIV, приходящихся на тѣ же самые годы. За всякія жалобы грозили тяжелыми наказаніями; въ округахъ было велѣно забирать „возмутителей и составителей прошеній“. Однако правительство въ первый разъ подумало и объ ограниченіи землевладѣльцевъ. Оно издало первый *указъ о барщинѣ* („работѣ“, Robotpatent). Указомъ запрещалась работа по праздничнымъ днямъ, барщина допускалась три дня въ недѣлю; владѣлецъ не долженъ былъ возвышать оброковъ, не долженъ былъ платить за работу господскими продуктами, захватывать крестьянскія наслѣдства и налагать тяжелыя наказанія.

Указъ остался мертвой буквой; никто не слѣдилъ за его выполненіемъ; владѣльцевъ приглашали „по христіански кротко“ обращаться съ крѣпостными, за что имъ было обѣщано „благословеніе Божіе“. Указъ даже узаконилъ одно изъ главныхъ злоупотребленій помѣщиковъ: онъ позволилъ для снятія жатвы и въ „другихъ спѣшныхъ случаяхъ“ тянуть крестьянъ на барщину противъ обычая и на новые участки, прикупленные владѣльцемъ, т.-е. помѣщикъ могъ теперь и сносить крестьянскіе дворы и увеличивать трудъ крѣпостныхъ на законномъ основаніи. Съ уничтоженіемъ права жалобы крестьянъ крѣпостной порядокъ въ Австріи достигъ самой тяжкой степени, какъ сто лѣтъ спустя въ Россіи при Екатеринѣ II.

Какъ ни трудно было подвинуть къ дѣйствію австрійское правительство, но положеніе дѣла въ деревняхъ постоянно напоминало о себѣ.

Digitized by Google

То приходило извѣстіе объ убійствѣ помѣщика раздраженными крѣпостными; то сообщали о большой стачкѣ крестьянъ, отказавшихся идти на барщину; то, наконецъ, оказывалось, что только съ одной четверти плательщиковъ собрали полностью налогъ, остальныя три четверти, очевидно подавленныя повинностями, были въ недоимкѣ, что казна чувствовала какъ нельзя болѣе. Правительство принималось тогда за новое изслѣдованіе всѣхъ крестьянскихъ повинностей и новымъ указомъ о „работѣ“ старалось опредѣлить, до какой черты могутъ идти требованія помѣщиковъ.

Реформы второй половины XVIII в. Тяжелая нужда заставила австрійское правительство съ середины XVIII в. приняться за рѣшительныя реформы. Императрица Марія Терезія (1749—80 гг.) чуть не потеряла всѣхъ австрійскихъ земель. Она спасла свои западныя области (кромѣ Силезіи, отнятой Фридрихомъ II) только тѣмъ, что уступила возмутившимся венграмъ и вернула венгерскому дворянству его старыя вольности. Въ числѣ его привилегій было постановленіе сейма 1514 г., которое закрѣпило полную крѣпостную зависимость крестьянъ; въ венгерскихъ областяхъ крестьяне не имѣли собственности на землю, барщинная повинность ничѣмъ не была ограничена, помѣщикъ пользовался судебной и полицейской властью въ округѣ. Венгрію предоставили самой себѣ и пожертвовали ея крестьянами.

Зато въ западныхъ, собственно австрійскихъ, земляхъ были предприняты важныя измѣненія, чтобы сплотить ихъ въ настоящее государство. Учредили общеавстрійскій государственный совѣтъ, общую придворно-государственную канцелярію, общія министерства. Области были раздѣлены на округа, въ которыхъ появились правительственные чиновники для сбора податей вмѣсто прежнихъ выборныхъ комиссаровъ отъ землевладѣльческой аристократіи; чиновники были, правда, большею частью дворяне, но изъ не владѣвшихъ землею. Такимъ образомъ помѣщики, какъ посредники во взиманіи налога, притомъ пользовавшіеся извѣстной долей его, были устранены. Окружные начальники получили полномочія принимать отъ крестьянъ жалобы, разбирать ихъ столкновенія съ помѣщиками, уничтожать приговоры вотчиннаго (помѣщичьяго) суда, если онъ присуждалъ крестьянъ къ тѣлесному наказанію. Ничѣмъ не связанные съ мѣстными интересами, вознаграждаемые жалованьемъ, эти чиновники представляли взгляды и цѣли центральной власти. Между ними были люди „жадные до новшествъ“, какъ говорили тогда, сторонники уничтоженія привилегій, ученики французской просвѣтительной философіи.

Въ комиссіяхъ, которыя назначала Марія Терезія для разслѣдованія крестьянскаго вопроса, появились также люди, весьма далекіе отъ помѣ-

Digitized by Google

щичьихъ интересовъ, которые указывали на то, что крестьянство, какъ трудовой и платящій классъ, важнѣе для государства, чѣмъ сеньеры и дворянство. Сама императрица, очень осторожная, добрая католичка, придерживавшаяся старозавѣтныхъ понятій, заявила тѣмъ не менѣе, что „крестьянскій классъ, какъ самый многочисленный разрядъ гражданъ, составляетъ главную основу и главную силу государства; поэтому его слѣдуетъ поставить крѣпко на ноги, чтобы онъ могъ кормить свои семьи и нести общіе налоги въ военное и мирное время". Мысль объ увеличеніи платежной силы крестьянина привела правительство къ болѣе широкой цѣли — увеличить его благосостояніе.

Эта задача все болѣе и болѣе превращалась въ вопросъ объ *освобожденіи крестьянъ*. Практическія соображенія говорили противъ крѣпостной работы. При барщинѣ крестьяне упускали обработку своей земли, они должны были держать лишнихъ рабочихъ и лишній скотъ для чужихъ помѣщичьихъ имѣній; ихъ подневольный трудъ все равно былъ плохъ и непроизводителенъ; масса энергіи и тратъ уходила на одинъ надзоръ за барщинниками. У сторонниковъ реформы было однако также общее идеальное понятіе о справедливомъ общественномъ порядкѣ. Сынъ Маріи Терезіи, будущій императоръ Іосифъ II, ея соправитель въ послѣднія 15 лѣтъ, держался взгляда физіократовъ на пользу земледѣльческаго труда: во имя „естественнаго права" каждый трудящійся на землѣ долженъ имѣть необходимый уровень обезпеченности и благосостоянія. Если этому противорѣчатъ какіе-либо договоры рабочихъ крестьянъ съ частными лицами, т.-е. крѣпостные порядки, то они должны быть устранены, какъ вредные для деревень; въ глазахъ развитыхъ людей невыносимо „холопство, эти подлыя узы, связывающія человѣка".

За реформу были очень немногіе въ Австріи: нѣсколько профессоровъ вѣнскаго университета и болѣе просвѣщенные чиновники императорской канцеляріи. Даже въ средѣ совѣтниковъ императора большинство было противъ рѣшительныхъ перемѣнъ, не желая вредить интересамъ дворянства. Но Іосифъ II, убѣжденный и нетерпѣливый, заявлялъ свои принципы и требовалъ отъ министровъ лишь разработки подробностей. Послѣдніе указы Маріи Терезіи о „работѣ", распространенные на вновь пріобрѣтенную отъ Польши Галицію, вызвали сильное движеніе среди обоихъ классовъ, господъ и крестьянъ. Дворяне негодовали за ограниченіе барщины, а крестьяне ожидали полной ея отмѣны, и, увѣренные, что имъ присланъ подложный указъ, а настоящій скрытъ, подняли возстаніе въ Чехіи. Мятежъ былъ подавленъ оружіемъ, но положеніе оставалось грознымъ, и съ реформой надо было спѣшить.

Крестьянская реформа Іосифа II. Черезъ годъ послѣ воцаренія Іосифъ II

Digitized by Google

(1780—90) провелъ *личное освобожденіе крестьянъ* для Чехіи, Моравіи, Крайны и Галиціи. У помѣщиковъ отняли тѣ сборы и пошлины, которые взимались съ крестьянъ при ихъ вступленіи въ бракъ, при перемѣнѣ ими мѣста или выборѣ новаго занятія, напр., переходѣ къ ремеслу; крестьяне получили свободу передвиженія.

Но еще оставались барщина и повинности на помѣщиковъ. Считая крестьянъ самымъ производительнымъ классомъ, Іосифъ предполагалъ двѣ реформы: 1) подвести помѣщиковъ подъ одинаковыя съ крестьянами условія подати, ввести *равный для всѣхъ налогъ* безъ изъятій и 2) перевести работу и повинности крестьянъ на деньги, обратить ихъ въ извѣстный налогъ, платимый помѣщикамъ, иначе говоря, *выкупить повинности*, чтобы высвободить время, трудъ и средства крестьянъ на собственное хозяйство. Старый совѣтникъ Маріи Терезіи, канцлеръ чешско-австрійской придворной канцеляріи, графъ Хотекъ, былъ противъ такой „несправедливости“ въ отношеніи дворянъ и доказывалъ, что крестьянъ можно заставить платить и силой. „Но вѣдь перевѣсъ силы на сторонѣ крестьянъ“, сказалъ на это Іосифъ II, „повѣрьте мнѣ, что если мужикъ не захочетъ, намъ всѣмъ придется убраться прочь“. Хотекъ отказался подписать распоряженіе о податяхъ и ушелъ въ отставку. Но и придворная канцелярія, и государственный совѣтъ въ торжественной формѣ высказались противъ намѣренія императора ввести одинаковый для всѣхъ налогъ и совершить урѣзку господскихъ правъ. Тогда Іосифъ объявилъ, что оба высшія учрежденія неспособны „видѣть свѣтъ истиннаго блага государства сквозь темные предразсудки и эгоистическія понятія“. Почти одинокій, проводилъ императоръ свою реформу. Сначала вышелъ указъ объ уравненіи податей для всѣхъ классовъ, а потомъ о выкупѣ барщины и натуральныхъ оброковъ, или о такъ наз. *регулированіи рабочихъ отношеній*. По расчету было положено, что крестьянину слѣдуетъ удержать 70% своего дохода; изъ остальныхъ 30% нѣсколько болѣе половины долженъ получить помѣщикъ, остальное—государство. Но не всѣ крестьяне получили право на выкупъ, а лишь тѣ, у которыхъ были достаточные надѣлы, свои избы и рабочій скотъ.

Отъ этихъ мѣръ хозяйство помѣщиковъ должно было совершенно разстроиться: денежный взносъ освобожденныхъ крестьянъ совсѣмъ не возмѣщалъ имъ потерянной работы; орудій и скота въ большихъ хозяйствахъ не было, наемные рабочіе были дороги, и у собственниковъ не было увѣренности, что они найдутся. Поэтому указы Іосифа II вызвали страшное раздраженіе землевладѣльцевъ.

Общая политика Іосифа II и реакція. Но еще и другія его мѣры создали сильное недовольство въ высшихъ классахъ общества. Вовсе не будучи католикомъ, подобно своимъ предшественникамъ, проникнутый

Digitized by Google

идеями французской просвѣтительной литературы, Іосифъ II хотѣлъ установить свободу совѣсти въ Австріи. По его словамъ, „вѣротерпимость рождена благороднымъ просвѣщеніемъ, которое озарило Европу. Она ясно доказываетъ, что умъ человѣческій идетъ впередъ, пролагая себѣ смѣло путь черезъ царство суевѣрія. Къ счастью для человѣчества на этотъ путь вступили и государи". Въ самомъ началѣ правленія своего онъ отмѣнилъ стѣсненія для протестантовъ, православныхъ и евреевъ. Іосифъ II былъ также прямымъ врагомъ вліянія католическаго духовенства. Начала монашества Іосифъ II признавалъ „противными человѣческому разуму", а монаховъ, „факировъ", какъ ихъ принято было называть у французскихъ просвѣтителей, считалъ самыми опасными и безполезными членами общества. Когда папа, встревоженный реформами Іосифа II, пріѣхалъ въ Вѣну, его встрѣтили съ большимъ почетомъ, но не сдѣлали ему ни малѣйшихъ уступокъ.

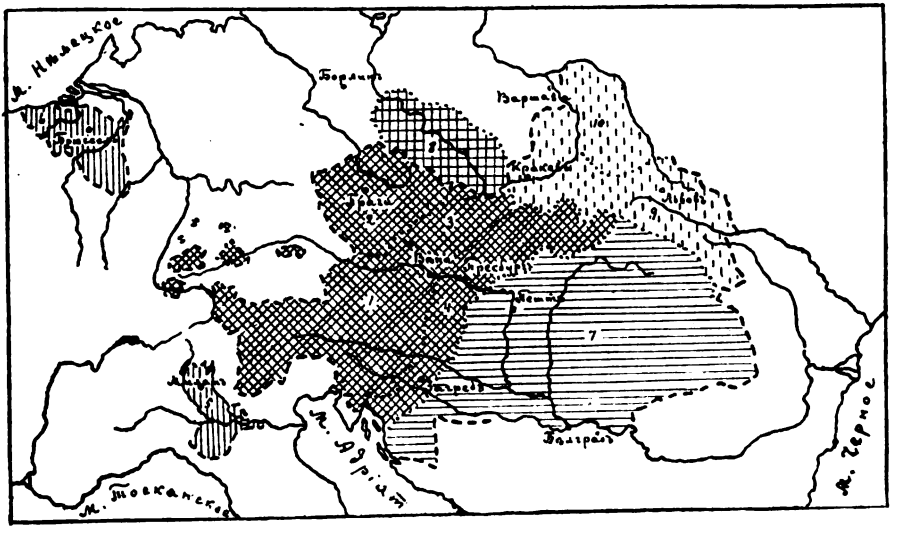
Іосифъ II закрылъ изъ 2000 монастырей до 1300 и обратилъ ихъ доходы на пользу благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, уменьшилъ содержаніе епископовъ, отнялъ у іезуитовъ школы. Онъ запретилъ отсылать изъ страны деньги въ видѣ уплаты за папскія диспенсаціи (разныя освобожденія отъ церковныхъ правилъ) и объявилъ себя управителемъ всѣхъ свѣтскихъ дѣлъ церкви. Въ Бельгіи, чтобы противодѣйствовать вліятельному духовенству, онъ завелъ семинаріи со свѣтскимъ направленіемъ.

Въ реформахъ Іосифа II, задуманныхъ во имя началъ равенства, справедливости и человѣчности, былъ одинъ большой недостатокъ. Императоръ хотѣлъ просвѣтить массу и улучшить матеріальный бытъ ея, но онъ былъ увѣренъ, что самъ знаетъ лучше всего, какъ это сдѣлать; свои распоряженія онъ проводилъ черезъ посредство чиновниковъ, при нарушеніи обычая, безъ вниманія къ стариннымъ областнымъ собраніямъ. По его мысли, земли австрійской короны, несмотря на все различіе національностей и старинныхъ учрежденій, должны были составить одно неразрывное цѣлое, управляемое однообразными способами. Безъ вниманія къ старымъ границамъ областей государство было раздѣлено на 15 округовъ. Управленіе поручалось комиссарамъ, назначеннымъ отъ правительства съ отмѣной областныхъ конституцій и сеймовъ. Ради однообразія въ государственныхъ дѣлахъ Іосифъ вводилъ всюду, въ качествѣ дѣлового языка, нѣмецкую рѣчь, чѣмъ крайне возстановилъ противъ себя венгровъ. Въ вопросахъ вѣры онъ не ограничился объявленіемъ свободы и устраненіемъ гнета католичества надъ другими исповѣданіями; онъ еще старался упростить обряды и ученіе католичества и вмѣшивался во внутренніе распорядки церкви. Всюду онъ давалъ своимъ противникамъ, напр., въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія или въ дѣлѣ про-

Digitized by Google

ведения вѣротерпимости, возможность прикрываться тѣмъ, будто они защищаютъ самостоятельность или старинныя права—противъ произвола государя и его орудій, нетерпимыхъ и прямолинейныхъ чиновниковъ.

Затрудненія, въ которыхъ находился Іосифъ II, еще увеличивались тѣмъ, что онъ повелъ широкую завоевательную внѣшнюю политику. Въ иностранныхъ дѣлахъ онъ также не стѣснялся обычаемъ, стариной, интересами народностей; эта была та же политика захвата, что у Фридриха II; но австрійскому государю съ его разноплеменными владѣніями



Возрастаніе Австріи въ XVIII в. 1, 2, 3, 4 (собственно австрійскія земли, Богемія, Моравія, западная Венгрія)—владѣнія Габсбурговъ въ концѣ XVII вѣка. 5 и 6 (Миланъ и Бельгія)—пріобрѣтенія въ войнѣ за испанское наслѣдство. 7—восточная Венгрія и Трансильванія, отнятыя у Турціи. 8—Силезія, потерянная Австріей въ войнѣ съ Пруссіей. 9 и 10—Галиція и Малая Польша, полученныя по первому и третьему раздѣлу Польскаго государства.

было не подъ силу то, что удавалось маленькому воинственному государству, не имѣвшему національности. Іосифъ II выработалъ вмѣстѣ съ Екатериной II такъ наз. греческій проектъ, т.-е. планъ раздѣленія Турціи, съ передачей Россіи всего черноморскаго берега и водвореніемъ въ Константинополѣ русскаго великаго князя, между тѣмъ какъ Австрія должна была получить другую часть Балканскаго полуострова, прилегающую къ Адріатическому морю; но тутъ же заодно съ разрушеніемъ мусульманской державы Іосифъ II предполагалъ захватить земли католической венеціанской республики. Выполненіе этихъ плановъ требовало большого военнаго напряженія: турки сами вторглись въ Венгрію; лишь послѣ большихъ усилій ихъ оттѣснили и взяли у нихъ Бѣлградъ.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ начались внутреннія неудачи. Венгерское дворянство, недовольное затяжкой трудной турецкой войны, послало въ Берлинъ депутацію съ просьбой, чтобы прусскій король вступился за венгерскую конституцію. Іосифу II оставалось только отмѣнить всѣ реформы, проведенныя въ Венгріи, и возстановить старый порядокъ. Еще хуже было положеніе въ отдаленной Бельгіи. Пользуясь отозваніемъ большей части войскъ для борьбы съ Турціей, патріотическія партіи, защитники старой конституціи, католическое духовенство и демократы, начали возстаніе: на голландской границѣ собрался отрядъ эмигрантовъ. Іосифъ II двинулъ австрійскую армію въ Бельгію и предписалъ ея начальнику неумолимую строгость. Всѣ жители должны быть обезоружены; у эмигрантовъ отбираются владѣнія; поддержка возстанія наказывается смертью; доносчики получаютъ полное прощеніе и большую награду.

Однако же австрійскія войска были разбиты возставшими, и въ Брюсселѣ провозгласили независимую республику. Іосифъ II, давно уже прихварывавшій, потрясенный этими событіями, умеръ. Его преемникъ, Леопольдъ II, чтобы спасти цѣлость государства, пошелъ на уступки: главнымъ образомъ онъ оставилъ безъ примѣненія указъ о регулированіи крестьянскихъ отношеній въ сѣверной части Австріи (Богеміи, Моравіи и Галиціи), т.-е. повернулъ назадъ все дѣло освобожденія крестьянъ. Оно остановилось болѣе, чѣмъ на полвѣка.

Паденіе католической церкви и закрытіе ордена іезуитовъ. Въ концѣ XVIII в. старая Европа съ ея сложившимся порядкомъ, привилегіями и произволомъ высшихъ классовъ, между ними и государей, которые вышли изъ среды этихъ классовъ, съ различными стѣсненіями, тяготѣвшими надъ обществомъ и отдѣльными личностями, была наканунѣ крупнѣйшаго переворота, общей революціи. Въ числѣ распатанныхъ старыхъ силъ была католическая церковь, когда-то самая крупная держава въ Европѣ, урѣзанная реформаціей наполовину своей территоріи, а въ другой половинѣ, состоявшей главнымъ образомъ изъ романскихъ странъ, потерявшая большую долю своихъ доходовъ и своего вліянія. Въ этихъ странахъ высшее духовенство, прелаты и монастыри, осталось въ качествѣ владѣльческаго класса; его составъ пополнялся большею частью изъ представителей мѣстнаго слоя сеньеровъ и дворянъ, и его интересы, какъ обладателя большихъ земель и крѣпостной работы, сливались съ интересами высшаго свѣтскаго сословія. Духовенство было поставлено независимѣе дворянства: оно сохранило свои синоды и конвокаціи и платило подать государству въ видѣ „добровольнаго дара“ въ силу рѣшенія своихъ собраній. Такъ какъ духовенство было большой владѣльческой консервативной силой, готовой поддерживать существующій порядокъ, монархическія правительства дорожили его помощью и сохранили добрыя

Digitized by Google

отношенія съ папою, т.-е. иностраннымъ независимымъ главою всего европейскаго духовенства, предоставляя папѣ назначеніе или утвержденіе прелатовъ, право давать имъ приказы, получать извѣстные доходы въ видѣ диспенсаціи и т. п.

Такое положеніе вещей, сложившееся съ середины XVI в., сильно измѣнилось къ XVIII в. Въ европейскихъ государствахъ образовались бюджеты: основой политики каждаго изъ нихъ сталъ меркантилизмъ, забота о наибольшей доходности имуществъ и капиталовъ страны съ тѣмъ, чтобы собрать съ нихъ наибольшій налогъ. А между тѣмъ доходы церкви, владѣтеля *космополитическаго*, т.-е. не связаннаго ни съ какой національностью и государствомъ, ускользали отъ обложенія. У іезуитовъ, имѣвшихъ въ Америкѣ не только миссіонеровъ, но и богатыя плантаціи, были въ распоряженіи крупные капиталы, частью вложенные въ торговлю, были свои банкирскіе дома. Ихъ обороты не приносили никакой выгоды государству. Точно такъ же безплодными для государства казались владѣнія „мертвой руки“, т.-е. церковныя земли, которыя могли пріумножаться отъ дареній, но по церковнымъ правиламъ не могли продаваться и, значитъ, лежали безъ движенія. Все болѣе распространялась та мысль, что лучше было бы отобрать эти земли, распродать и раздать ихъ свѣтскимъ владѣльцамъ, которые увеличили бы собою число плательщиковъ налога.

Въ то же время значительно ослабѣла и энергія руководителей церкви. Въ XVII в. іезуиты работаютъ еще во всѣхъ областяхъ науки, поспѣваютъ за умственнымъ движеніемъ, стараются примирить требованія знанія и изслѣдованія съ интересами церкви. Въ XVIII в. они уже далеко отстали отъ хода просвѣщенія: новые наставники общества, „философы“, частью ихъ бывшіе ученики, какъ Вольтеръ, превосходятъ ихъ безъ сравненія блескомъ языка, тонкостью мысли, свободой критики; деизмъ и другія идеи просвѣщенія XVIII в. такъ рѣзко расходятся съ ученіемъ церкви, что уже нѣтъ возможности перекинуть между ними мостъ.

Ученые богословы должны затаить безсильную злобу; они не могутъ совладать съ новымъ оружіемъ ума и знанія; изъ ихъ среды за весь XVIII в. не вышло ни одного талантливаго сочиненія въ отвѣтъ на критику просвѣтительной философіи. Въ придворно-аристократическомъ обществѣ эпохи Людовика XIV католическіе взгляды, посѣщеніе обѣдни принадлежали къ благовоспитанному тону. Иначе въ полубуржуазныхъ салонахъ XVIII в.: здѣсь клирикъ въ своемъ костюмѣ, со старинной манерой рѣчи и доказательства произвелъ бы смѣшное впечатлѣніе. Въ средѣ самого духовенства, особенно столичнаго, появился теперь новый типъ „свѣтскаго аббата“, равнодушнаго къ дѣламъ и понятіямъ церкви, проживавшаго только ренту съ церковныхъ земель, изящнаго и веселаго

Digitized by Google

собесѣдника, у котораго лишь черный цвѣтъ недлиннаго кафтана—вмѣсто рясы—напоминалъ слабо о его званіи. Эти люди вовсе не хотѣли, чтобы въ нихъ видѣли „лукавыхъ жрецовъ, поддерживающихъ суевѣрія толпы“. Нѣкоторые изъ нихъ (напр., Рейналь, написавшій горячую защиту „цвѣтныхъ“ въ колоніяхъ) были настоящими „философами“ и оставили весьма крайнія по направленію политическія и экономическія сочиненія. Низшее, особенно сельское, духовенство, близкое къ народу, было сильно проникнуто демократическими идеями.

По отношенію къ этой церкви, ослабѣвшей, частью растворившейся въ новомъ обществѣ, государственная власть стала гораздо рѣшительнѣе. Людовикъ XIV не могъ потерпѣть, чтобы авторитетъ папы считался выше власти его, государя. Но на той же точкѣ зрѣнія стояли и другіе короли въ XVIII в., особенно Іосифъ II. Болѣе всего раздражалъ свѣтскія правительства орденъ іезуитовъ. Надъ епископами еще можно было устроить какой-нибудь надзоръ, приказы папы, приходившіе къ нимъ, были публичны, но іезуиты подчинялись только своему тайному закону и слушались неуловимаго, какъ бы невидимаго главы, своего генсрала въ Римѣ. Въ серединѣ XVIII в. во Франціи, Испаніи и Неаполѣ сидѣли представители бурбонской династіи, державшіеся извѣстнаго соглашенія между собою. Они потребовали пересмотра правилъ іезуитскаго ордена и измѣненія тѣхъ изъ нихъ, которыя расходились съ интересами государства. Генералъ ордена Риччи оказался непримиримымъ и отвѣтилъ: „пусть они останутся такими, какъ есть, или пусть ихъ вовсе не будетъ“.

Тогда бурбонскія правительства начали закрывать дома іезуитовъ, отбирать ихъ торговыя заведенія и изгонять членовъ ордена изъ предѣловъ государства. Всего рѣзче поступалъ въ Португаліи министръ Помбаль, притянувшій всесильныхъ при дворѣ и въ странѣ іезуитовъ по обвиненію въ заговорѣ на жизнь короля и примѣнившій къ нимъ всѣ ужасы инквизиціонныхъ допросовъ, пытокъ и наказаній. Наконецъ, романскія правительства настоятельно потребовали у папы отмѣны и распущенія ордена. Въ 1769 г. папою былъ избранъ францисканецъ, кардиналъ Ганганелли, враждебный іезуитамъ, подъ именемъ Климента XIV. Черезъ четыре года (1773) папа произнесъ свое рѣшеніе: „направляемые Духомъ Божьимъ, изъ желанія вернуть церкви согласіе, убѣжденные, что общество Іисуса не можетъ болѣе принести той пользы, ради которой оно было учреждено, и по другимъ соображеніямъ разума и государственной мудрости, которыя мы сохранимъ въ душѣ нашей, мы отмѣняемъ и уничтожаемъ это общество, его должности, дома и учрежденія“.

Это былъ шагъ очень важный для католичества. Папство отказыва-

Digitized by Google

лось отъ своей главной опоры, отъ воинственнаго общества, главною цѣлью котораго была борьба съ ересью и возстановленіе авторитета папы во всемъ мірѣ. Папство само признавало свой упадокъ. Всюду въ католическихъ странахъ закрытіе общества сопровождалось реформами, при помощи которыхъ государственная власть старалась взять верхъ надъ церковью. Всѣ учрежденія, въ которыхъ духовенство считало себя полнымъ хозяиномъ, отбирались у него или подвергались уничтоженію. Помбаль сократилъ права инквизиціи, отмѣнилъ аутодафе и подчинилъ приговоры духовныхъ судовъ свѣтскимъ. Духовную цензуру замѣнили свѣтской. Но особенно важны были попытки преобразованія школы, до тѣхъ поръ находившейся въ исключительномъ распоряженіи монаховъ. Помбаль, большой поклонникъ новаго просвѣщенія, настойчиво хлопоталъ о приглашеніи новыхъ свѣтскихъ учителей, взамѣнъ воспитанниковъ іезуитскихъ коллегій, о введеніи новыхъ учебниковъ и новыхъ способовъ преподаванія. То же самое повторилъ нѣсколько позднѣе Іосифъ II.

Просвѣщенный абсолютизмъ. Къ іезуитамъ, къ нетерпимому католическому духовенству правительства примѣняли отчасти такое же насиліе, при помощи котораго эти церковныя силы раньше господствовали надъ обществомъ, хотя реформы совершались во имя „разума и просвѣщенія“. Новые просвѣтители, государи и ихъ министры, невысоко цѣнили самобытность подданныхъ и имѣли преувеличенное понятіе о своей воспитательной роли. Это убѣжденіе постоянно и высказывалось въ манифестахъ и офиціальныхъ бумагахъ. Одинъ нѣмецкій владѣтельный князь находилъ, что его придворная палата—„единственный опекунъ“ подданныхъ. „Ея долгъ—выводить ихъ изъ заблужденій и направлять на вѣрный путь, наставлять ихъ, хотя бы и противъ ихъ воли, какъ должно устраивать домохозяйство, какъ работать на землѣ, какъ, увеличивая свой доходъ, облегчить себѣ уплату податей“. Другое правительство полагало, что, напр., промышленники знаютъ только свое дѣло и не заботятся объ общихъ интересахъ отечества; поэтому мануфактуру можетъ поднять только государственная власть своею разсудительностью, вдумчивостью, поощреніями и наградами. О простомъ народѣ и толковать нечего. „Плебеи до тѣхъ поръ не отстанутъ отъ старыхъ скучныхъ своихъ привычекъ, пока ихъ не притащишь за руки и за носъ къ новой выгодѣ“.

Неограниченная монархія провела немногія реформы въ судопроизводствѣ, въ церковномъ строѣ, въ школьномъ дѣлѣ; изъ всѣхъ правителей только одинъ Іосифъ II затронулъ крестьянскія отношенія. Но и этотъ самый рѣшительный реформаторъ не предполагалъ предоставить освобожденному классу общества самоуправленіе. Основныя черты всѣхъ дѣйствій просвѣщенныхъ правительствъ XVIII в.—самовластіе, канцелярская тайна, исполненіе черезъ чиновниковъ, исключительно зависящихъ

Digitized by Google

отъ назначенія и контроля верховной власти. Въ XIX вѣкѣ эту форму самодержавія стали называть просвѣщеннымъ абсолютизмомъ.

Въ серединѣ XVIII вѣка общественные дѣятели стараго поколѣнія, напр. Вольтеръ, еще привѣтствовали начинанія государей и министровъ, „друзей просвѣщенія". Но правительства встрѣчали мало сочувствія въ средѣ новаго общества, которое слагалось въ Западной Европѣ во второй половинѣ XVIII в. Это общество, очень живое и дѣятельное, принесло съ собою *демократическія* идеи и осуществило *революцію*, начавшуюся въ Америкѣ въ 70-хъ годахъ XVIII в. и прошедшую въ теченіе 60—70 лѣтъ черезъ всѣ страны Европы, кромѣ Россіи и Турціи.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Вѣкъ развитія демократіи.

I.

Сѣверо-Американская революція.

Новое демократическое общество сложилось впервые не на почвѣ старой Европы, гдѣ трудно было пробить вѣками укрѣпившіяся сословныя различія и подчиненность рабочихъ классовъ, а въ Америкѣ, странѣ, которая не имѣла исторіи, гдѣ люди начинали строить свою жизнь заново. Наилучшія условія для развитія демократіи и свободы личности представляла англійская Америка. Ея примѣръ оказалъ сильное дѣйствіе и на Европу.

Сѣверная Америка въ XVII и первой половинѣ XVIII в. Англичане позже другихъ націй Европы обратились къ колонизаціи Новаго Свѣта, но далеко превзошли въ ней всѣхъ остальныхъ европейцевъ. Они не искали въ колонизуемыхъ странахъ, какъ испанцы, золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ или, какъ португальцы и голландцы, рынковъ для покупки и перевоза въ Европу рѣдкихъ и цѣнныхъ товаровъ; изъ Англіи отправлялись не завоеватели и не коммерческіе предприниматели. Англійскіе колонисты добивались болѣе всего свободныхъ земель для обработки.

Страна, въ которую они двинулись, удивительно отвѣчала ихъ потребностямъ и цѣлямъ. Сѣверная Америка гораздо доступнѣе для европейцевъ, чѣмъ центральная и южная области, куда направились испанцы, и гдѣ они могли занять лишь ограниченные и разобщенные между собою районы; у нея тотъ же умѣренный климатъ, что въ Европѣ, обиліе лѣсовъ и травянистыхъ степей, большія прѣсноводныя озера и рѣки. Середина Сѣверной Америки расположена противъ Англіи, и переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ составляетъ здѣсь кратчайшій путь изъ Европы въ Новый Свѣтъ (около 1600 г. переѣздъ занималъ 7 недѣль). Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ближайшій къ Европѣ американскій

Digitized by Google

берегъ открываетъ множество безопасныхъ бухтъ и гаваней: во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего равнаго извилистой линіи между устьемъ св. Лаврентія и р. Потомакомъ.

Къ ней прилегаетъ обширная страна, въ глубь которой движеніе можетъ идти легко и безпрепятственно: двѣ огромныя водныя системы, Миссисипи и св. Лаврентія, сплетаясь вмѣстѣ, образуютъ изъ восточнаго угла ея какъ бы большой островъ, отовсюду доступный и прорѣзанный судоходными рѣками во всѣхъ направленіяхъ; большія суда могли, напр., доходить по Миссисипи и Огайо до города Питтсбурга, расположеннаго въ 800 миляхъ отъ моря, крайняго на западной границѣ колоній, гдѣ и была устроена ввозная таможня, точно въ приморскомъ городѣ. Въ то время, какъ югъ Америки богатъ драгоцѣнными металлами, сѣверъ изобилуетъ желѣзомъ, каменнымъ углемъ, строительнымъ матеріаломъ, т.-е. важными средствами для развитія индустріи. Наконецъ, была еще разница между территоріями старыхъ испанскихъ и новыхъ англійскихъ колоній. Въ Южной и Центральной Америкѣ испанцы встрѣтились съ густымъ осѣдлымъ туземнымъ населеніемъ и основали свое господство на захватѣ чужого богатства и чужой культуры; они проявили большую энергію при завоеваніи, но потомъ опустились въ апатію. Колонисты Сѣверной Америки нашли рѣдкое полукочевое населеніе охотничьихъ племенъ, у которыхъ нечего было взять; они впервые своей работой и искусствомъ поднимали естественныя богатства страны и заново создавали культуру.

Къ выгодѣ сѣверо-американскихъ колоній была и политика метрополіи, отличавшаяся отъ системы испанскаго и французскаго правительства. Англійскимъ колонистамъ съ самаго начала былъ предоставленъ значительный просторъ. Первыя поселенія, основанныя въ концѣ правленія Елизаветы моряками и пиратами, которые боролись съ Испаніей, не имѣли успѣха. Прочныя колоніи начинаются съ Якова I, въ двухъ мѣстахъ, южнѣе у глубокой Чизапикской бухты въ Виргиніи, и сѣвернѣе подъ 42° на берегу нынѣшняго штата Массачусетсъ, въ мѣстности, получившей названіе Новой Англіи. Къ нимъ присоединились въ теченіе XVII в. другія колоніи, расположенныя между этими двумя пунктами и южнѣе Виргиніи, до испанской Флориды, всего на протяженіи отъ 45 до 31° сѣверной широты. Всѣ эти колоніи, позднѣйшіе штаты великой сѣверо-американской республики, возникли независимо другъ отъ друга, каждая со своимъ самостоятельнымъ выходомъ къ морю. Сначала право основывать колоніи передавалось торговымъ компаніямъ, которыя брались перевозить колонистовъ и устраивать ихъ на новомъ мѣстѣ, и крупнымъ собственникамъ, покупавшимъ у короля за деньги или получавшимъ въ видѣ подарка право на обширную территорію. Компанія или владѣтель, въ силу грамоты, получали право назначать губернатора, взимать

Digitized by Google

налоги, издавать распоряженія съ тѣмъ только условіемъ, чтобы поселенцы сохраняли права англійскихъ гражданъ.

Но колонисты сразу вступали въ условія гораздо большей свободы, чѣмъ въ самой Англіи: здѣсь не было права первородства, земля могла свободно переходить изъ рукъ въ руки, пользователи платили лишь небольшую аренду; они легко могли сниматься съ мѣста и проникать въ глубь страны отъ первоначальныхъ береговыхъ мѣстъ поселенія. Въ дикой странѣ, гдѣ всякому приходилось упорно работать, не было мѣста для особыхъ отличій и привилегій: раздача аристократическихъ титуловъ, придуманная однимъ изъ лордовъ-собственниковъ (въ Каролинѣ), показалась только смѣшною и не привилась. Колонисты съ самаго начала или очень скоро становились въ положеніе, независимое отъ владѣльческихъ компаній и лордовъ-собственниковъ: сходились на собранія или всѣ непосредственно, или посылая представителей, обсуждали распоряженія собственниковъ или поставленныхъ ими губернаторовъ; всюду принялся обычай признавать лишь тѣ мѣры, которыя одобрены мѣстнымъ народнымъ собраніемъ, соизволять налоги и ограничивать губернаторовъ опредѣленнымъ жалованьемъ.

Позднѣе короли династіи Стюартовъ старались обратить колоніи, особенно компанейскія, въ коронныя. Но это вносило мало измѣненія во внутреннее устройство колоній. Нетерпимые и склонные къ деспотизму дома, короли, уже вслѣдствіе дальности разстоянія и невозможности отправлять большія военныя силы въ колоніи, должны были предоставлять имъ просторъ. Въ 1620 г. при Яковѣ I, когда тѣснили пуританъ, англійскіе сектанты, бѣжавшіе въ Голландію, получили позволеніе устроиться на компанейской землѣ въ Америкѣ. Эти „отцы-пилигримы“ и были основателями Новой Англіи, принимавшей потомъ долгое время однихъ пуританъ.

Во время религіозныхъ и политическихъ столкновеній XVII в., происходившихъ въ Англіи, американскіе колонисты въ своей средѣ воспроизводили всѣ партіи родины: виргинскіе табачные плантаторы были преимущественно кавалерами и англиканцами, въ Новой Англіи были сторонники парламента и республики, строгіе пуритане и болѣе свободные индепенденты.

Въ отдѣльныхъ колоніяхъ установились весьма различные общественные порядки и обычаи. Въ Виргиніи и другихъ южныхъ областяхъ (сѣв. и южн. Каролинѣ и позднѣе основанной Георгіи) съ самаго начала стали примѣняться въ тяжелой работѣ на плантаціяхъ невольники-негры, ввозимые изъ Африки. Въ пуританскихъ колоніяхъ существовалъ только свободный трудъ, но кальвинисты Массачусетса воспроизвели у себя всю ветхозавѣтную суровость: безпощадно истребляли краснокожихъ

Digitized by Google

туземцевъ, преслѣдовали всякія развлеченія и игры, чтили строго субботній день и массами казнили мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ. Отъ нихъ ушли и образовали самостоятельную колонію въ Родъ-Эйлендѣ люди болѣе свободнаго направленія: въ новой колоніи *церковь была отдѣлена отъ государства*, т.-е. проповѣдникамъ было предоставлено только обученіе и увѣщаніе и проведена свобода совѣсти. Основатель Пенсильваніи, богатый банкиръ-квекеръ Пеннъ, установилъ въ странѣ начала своей секты: присяга была замѣнена честнымъ словомъ, церковный бракъ — чисто гражданскимъ утвержденіемъ, въ школахъ должны были изучаться законы страны. Людямъ всѣхъ націй были предоставлены одинаковыя права. Въ отношеніяхъ къ туземнымъ индійцамъ Пеннъ совѣтовалъ довѣріе и мягкость; впервые въ этой области высказались также опредѣленно противъ рабства чернокожихъ.

Но рѣзко расходясь, нерѣдко враждуя между собою, американскіе колонисты проникнуты были одинаковымъ чувствомъ независимости по отношенію къ родинѣ, и притомъ безразлично, какое бы ни было въ ней правительство — неограниченная монархія, парламентское правленіе или республика. Когда во время первой революціи Долгій парламентъ, расположенный къ пуританамъ, пытался опредѣлить строй колонистовъ Новой Англіи, законодательное собраніе Массачусетса, собравшись въ Бостонѣ, протестовало: „Приказъ, присланный изъ Англіи, противорѣчитъ нашимъ правамъ, обезпеченнымъ хартіей, такъ же, какъ и нашему благосостоянію въ этомъ отдаленномъ краю свѣта... Англія предоставила нашимъ отцамъ свободу, которою они пользовались, несмотря на вражду прелатовъ и другихъ могущественныхъ противниковъ, и теперь намъ терять ее, когда сама Англія отвоевала себѣ вольности! Мы вынесли всѣ опасности на морѣ, и теперь намъ погибать въ гавани?.. Ваши рѣшенія, какъ бы вы ни превосходили мудростью насъ, бѣдныхъ, выросшихъ въ дикости мужиковъ, не примѣнимы и не пригодны здѣсь“. Представитель колоніи, пріѣхавшій въ Лондонъ, высказалъ опредѣленный принципъ, котораго въ Англіи не могли отвергнуть: колонисты будутъ оскорблены въ своихъ гражданскихъ правахъ, если парламентъ, въ которомъ они не представлены, вздумаетъ давать имъ законы. Во всѣхъ заявленіяхъ колонистовъ говорилось, что ихъ нерушимое право состоитъ въ управленіи при посредствѣ людей, избранныхъ самимъ населеніемъ, и на основѣ самостоятельно выработанныхъ законовъ.

Совершенно безуспѣшны были попытки послѣднихъ Стюартовъ раздавать въ колоніяхъ богатства своимъ фаворитамъ, преслѣдовать пуританъ и вводить военные порядки: въ колоніяхъ смѣщали присылаемыхъ губернаторовъ, милиціи (ополченія) сходились самостоятельно и дѣйствовали противъ краснокожихъ туземцевъ на свой страхъ. Когда рево-

Digitized by Google

люція 1688 г. обезпечила Англіи конституціонное правленіе, за колоніями была признана самостоятельность. Вмѣсто немногихъ сотенъ, поселившихся въ началѣ XVII в., въ Америкѣ было уже 200.000 человѣкъ. Всюду установился порядокъ, похожій на Англію того времени: губернаторъ колоніи, ограниченный подобно королю, при немъ совѣтъ и законодательная палата народныхъ представителей. Особенно замѣтно было развитіе въ Америкѣ независимой, ничѣмъ не стѣсняемой прессы.

Почти не вмѣшиваясь въ управленіе колоній, метрополія старалась извлечь изъ нихъ для себя всѣ торговыя и промышленныя выгоды. При этомъ руководствовались правилами меркантилизма, получившаго полное торжество послѣ 1688 г. Въ силу навигаціоннаго акта воспрещалось вывозить продукты колоній (табакъ, рисъ, мѣха и др.) куда-либо, кромѣ Англіи; точно такъ же всѣ необходимые колоніямъ продукты онѣ должны были получать на англійскихъ корабляхъ изъ метрополіи или при ея посредствѣ. Въ Англіи особенно хлопотали о томъ, чтобы въ колоніяхъ не развилась собственная мануфактура. Колонистамъ запретили между прочимъ выдѣлку желѣза и обработку мѣховъ.

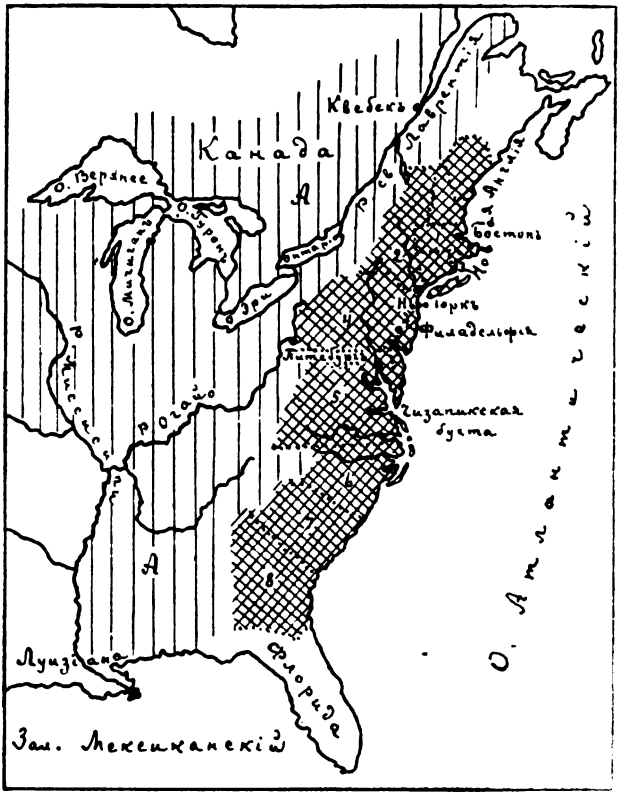
Вполнѣ расчетливо въ Англіи не хотѣли раздражать колонистовъ назначеніемъ прямой подати. Такъ поступалъ Вальполь, мастеръ меркантильной политики, державшійся убѣжденія, что весь недоборъ англійской казны съ избыткомъ вернется благодаря успѣху англійской индустріи. Дѣйствительно, Англія получала огромную выгоду отъ дешевой покупки сырья у колоній и отъ сбыта въ Америку своихъ фабрикатовъ по цѣнамъ, которыя назначались произвольно высоко, за неимѣніемъ конкурентовъ. Такимъ образомъ, Америка, въ качествѣ поставщика матеріала и вынужденнаго покупателя, была главнымъ двигателемъ возраставшей англійской индустріи.

Но чѣмъ богаче и многолюднѣе становились колоніи, тѣмъ труднѣе было удержать ихъ въ этой промышленной зависимости. Главнымъ толчкомъ къ разрыву послужила воинственная политика Питта, направленная къ еще большему расширенію торговой силы Англіи. Только помощь американскихъ колонистовъ дала возможность выбить французовъ изъ Америки и завоевать Канаду. Послѣ этого Англія была не только обязана колоніямъ большой услугой; въ лицѣ французовъ и поддерживаемыхъ ими краснокожихъ метрополія потеряла противовѣсъ колонистамъ: у нихъ болѣе не было опаснаго врага въ Америкѣ и не было нужды искать опоры въ метрополіи. Для многихъ было ясно, что настало время полнаго освобожденія колоній; французы, въ своемъ пораженіи, утѣшали себя этой близкой неизбѣжной потерей противника.

Колоніи въ дѣйствительности были уже почти независимы. Обходя навигаціонные законы, они провозили большую часть товаровъ контра-

Digitized by Google

бандой, противъ которой правительство англійское было безсильно: $^{9}/_{10}$ чая, потреблявшагося въ Америкѣ въ большомъ количествѣ, покупали незаконно изъ другихъ странъ. Во время войны американцы почти открыто снабжали французовъ припасами. За 80 лѣтъ послѣ революціи 1688 г. населеніе въ Америкѣ съ 200.000 выросло до 1.760.000. Разсчитали, что черезъ каждыя 20 лѣтъ оно удваивается. Бѣдность и нищенство были почти неизвѣстны въ странѣ. Заработная плата была несравненно выше, чѣмъ въ Европѣ.



Англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ. А—земли, уступленныя Франціей по Парижскому миру 1763 года. Колоніи, образовавшія позднѣе Соединенные штаты: 1—Массачусетсъ, 2—Нью-Іоркъ, 3—Родъ-Эйлендъ, 4—Пенсильванія, 5—Виргинія, 6—Сѣверная 7—Южная Каролина, 8—Георгія.

Американская революція и отпаденіе колоній. Между тѣмъ въ Англіи съ воцареніемъ Георга III (1760) и паденіемъ Питта политика относительно колоній измѣнилась. Новые министры рѣшили перенести долю огромнаго долга, созданнаго войной, на Америку и съ этою цѣлью строже слѣдить за выполненіемъ навигаціонныхъ законовъ, ввести въ колоніяхъ постоянное войско и заставить колонистовъ содержать его, оплачивая также всю администрацію края. Въ парламентѣ эти планы встрѣчали большею частью поддержку; лишь немногіе его члены, въ томъ числѣ лордъ Чатамъ (Питтъ, перешедшій въ Верхнюю палату), были противъ стѣсненія колоній и въ особенности противъ обложенія ихъ. Въ самихъ колоніяхъ населеніе рѣшительно противилось введенію однообразныхъ податей и войска; налоги, назначаемые посторонней силой, англійскимъ парламентомъ, казались явною несправед-

Digitized by Google

ливостью, разъ американцы не были въ немъ представлены. Американцамъ пришлось бороться за тѣ самыя права, которыя защищали англичане противъ короля въ первой революціи; англійская аристократія, державшая въ своихъ рукахъ парламентъ, была по отношенію къ нимъ той же деспотической силой, какъ раньше абсолютная монархія.

На первый разъ англійское правительство рѣшило ввести небольшой гербовой сборъ главнымъ образомъ ради того, чтобы установить прецедентъ для дальнѣйшаго обложенія. Законъ этотъ былъ встрѣченъ всюду въ Америкѣ полнымъ негодованіемъ. Податныхъ чиновниковъ прогоняли, народъ разрушалъ ихъ дома, присланную изъ Англіи бумагу не дали выгрузить, всѣ дѣла пріостановились, торговцы запирали магазины, милиція отказалась дѣйствовать противъ мятежной толпы.

Въ Англіи уступили сначала, но потомъ, вмѣсто отмѣненнаго сбора, ввели пошлины на нѣкоторые ввозные товары. Американцы отвѣтили на это отказомъ покупать товары, привозимые изъ метрополіи; народъ не давалъ арестовать контрабандистовъ и вступалъ въ стычки съ солдатами. Кораблямъ съ чаемъ не позволяли выгружаться, а въ Бостонѣ выбросили въ море цѣлый грузъ остиндскаго чая. Въ Англіи не хотѣли понять движенія, и рѣшили увеличить власть губернаторовъ: они получили право назначать всѣхъ чиновниковъ, судей и присяжныхъ, а крупныя уголовныя дѣла должны были разбираться въ Англіи. Новый губернаторъ Бостона, желая сломить упорство пуританскаго Массачусетса, перенесъ его парламентъ въ другой пунктъ. Но бостонскій парламентъ успѣлъ выбрать делегатовъ, которые сошлись вмѣстѣ съ представителями другихъ колоній на первый *конгрессъ* въ Филадельфіи (1774).

Здѣсь было рѣшено протестовать противъ присылки войска и ограниченія суда присяжныхъ; чтобы оказать давленіе на метрополію, запретили во всей Америкѣ покупку товаровъ у Англіи, рабовъ и чая у остиндской компаніи. Расчетъ казался вѣрнымъ: изъ 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ общаго англійскаго вывоза на 6 милліоновъ вывозили въ одну Америку; не могла же метрополія допустить такой потери! Между тѣмъ англійское правительство объявило колоніи на военномъ положеніи; по мнѣнію губернаторовъ и чиновниковъ, служившихъ въ Америкѣ, колонисты не могли бы выдержать столкновенія съ англійскими войсками.

Въ Массачусетсѣ стали однако собираться для вооруженнаго возстанія. Лѣтомъ 1775 г. инсургенты осадили въ Бостонѣ губернатора съ его войскомъ, а въ Филадельфіи сошелся второй конгрессъ делегатовъ, который рѣшилъ прекратить всякія сношенія съ Англіей, выпустить 3 милліона бумажныхъ денегъ и вызвать ополченія; во главѣ американскаго войска былъ поставленъ виргинецъ Джорджъ Вашингтонъ. Англійскіе демократы сочувствовали американцамъ. Квекеръ Томасъ Пэнъ

Digitized by Google

отправился въ Америку, на огромномъ собраніи совѣтовалъ американцамъ совершенно отдѣлиться отъ Англіи и защищалъ энергически свою мысль въ брошюрѣ „Здравый смыслъ“. Когда въ Америку пришло извѣстіе, что англійское правительство вербуетъ наемниковъ для подавленія мятежа (у мелкихъ князей Германіи было куплено 18.000 человѣкъ въ солдаты), сторонники полнаго отдѣленія отъ Англіи взяли верхъ и провозгласили лѣтомъ 1776 г. независимость.

Въ „Декларації независимости“, составленной Джефферсономъ, говорилось: „Мы считаемъ очевидной истиной, что всѣ люди родились равными и получили отъ Творца извѣстныя неотчуждаемыя права, въ ихъ числѣ право на жизнь, свободу и стремленіе къ счастью; правительства установлены для того, чтобы обезпечить людямъ эти права, и власть ихъ можетъ быть признана справедливой лишь при одобреніи управляемыхъ; всякій разъ, если какая-либо форма правленія начинаетъ разрушать эти права, народъ въ правѣ измѣнить или отмѣнить ее и установить новое правленіе, основавши его на общихъ началахъ и устроивъ органы власти въ той формѣ, которая ему покажется наиболѣе способной обезпечить его безопасность и счастье... Когда долгій рядъ злоупотребленій ясно показываетъ намѣреніе подчинить народъ неограниченному деспотизму, онъ въ правѣ—и даже это его долгъ—свергнуть иго подобнаго правленія“.

Декларація примѣняла отвлеченныя выраженія о естественныхъ правахъ человѣка, которыя были въ ходу у просвѣтителей XVIII в., но она вмѣстѣ съ тѣмъ опиралась на практическія начала, осуществленныя англичанами въ двухъ революціяхъ XVII в. и уже давно лежавшія въ основѣ колоніальнаго самоуправленія.

Война за независимость шла долго неудачно для американцевъ. Они не могли противопоставить англичанамъ обученнаго и организованнаго войска. Ополченцы, являвшіеся къ Вашингтону, большею частью согласны были служить лишь короткій срокъ; среди похода многіе убѣгали, уходили даже цѣлые полки; ихъ плохо кормили и одѣвали. Это неопредѣленное, то нараставшее, то таявшее, войско выбирало вначалѣ само своихъ офицеровъ, не слушалось общаго правительства, которое представлялъ конгрессъ. Нужно было необыкновенное терпѣніе и тактъ Вашингтона, чтобы орудовать съ этой милиціей; несмотря на непрерывныя неудачи, онъ умѣлъ всякій разъ вновь собирать силы. Съ другой стороны, англичане могли держаться лишь на береговой полосѣ, получая припасы, орудія и свѣжія силы съ моря; какъ только англійскіе отряды рѣшались углубиться въ страну, ихъ отрѣзывали и они должны были сдаваться.

Исходъ войны опредѣлился тѣмъ, что американцы нашли союзниковъ,

Digitized by Google

угрожавшихъ морскимъ сношеніямъ англичанъ. Господство англичанъ на моряхъ вызвало во всей Европѣ раздраженіе, въ особенности во Франціи, потерявшей большія свои колоніи, затѣмъ въ Испаніи и въ Голландіи; эти государства ждали случая, чтобы воспользоваться затрудненіями Англіи. Но въ то же время дѣло американцевъ вызывало горячія симпатіи въ европейскомъ обществѣ; имъ навстрѣчу шли возникшія въ самой Европѣ свободомыслящія и демократическія стремленія. Особенно сильно было увлеченіе Америкой среди французскаго общества. Личность Франклина изъ квекерской Пенсильваніи, посланнаго конгрессомъ для переговоровъ въ Парижъ, производила обаяніе: въ величавой простотѣ старика, одѣтаго въ буржуазный черный костюмъ, въ его спокойно-шутливой манерѣ французское общество видѣло типъ истиннаго философа-демократа. Въ Америку отправлялись отовсюду сторонники новыхъ идей: 20-лѣтній маркизъ Лафайетъ, будущій дѣятель французской революціи, Сенъ-Симонъ, впослѣдствіи соціалистическій писатель. Много было также добровольцевъ изъ Германіи и возрождавшейся въ это время Польши (между ними позднѣйшій диктаторъ польской республики, Косціушко).

Франція отправила въ Америку войско, но главнымъ образомъ она нанесла англичанамъ посылкой флота, угрожавшаго вестиндскимъ владѣніямъ Англіи; въ это время испанцы осадили Гибралтаръ. Враждебное положеніе заняли и другія державы: Екатерина II предложила невоюющимъ заключеніе „вооруженнаго нейтралитета“ съ тѣмъ, чтобы препятствовать англичанамъ производить осмотръ чужихъ кораблей и задерживать ихъ подъ предлогомъ военной контрабанды. Безсильная противъ возставшихъ колоній, Англія показала большую энергію въ борьбѣ съ остальными противниками. Въ Версальскомъ мирѣ (1783) она признала независимость американскихъ колоній, или штатовъ, какъ они теперь стали называться, но удержала всѣ другія свои владѣнія.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ. Война за независимость Америки повела къ образованію большого своеобразно устроеннаго союзнаго государства изъ отдѣлившихся отъ Англіи американскихъ колоній. До филадельфійскаго конгресса онѣ были разрознены и не имѣли никакой опредѣленной связи. Конгрессъ впервые соединилъ ихъ для борьбы. Конгрессъ предложилъ также отдѣльнымъ штатамъ опредѣлить свои конституціи и выработалъ къ концу войны устройство *конфедераціи* штатовъ. Согласно этому устройству, дѣйствовавшему въ теченіе 9 лѣтъ, конгрессъ, въ которомъ штаты были представлены одинаковымъ числомъ голосовъ, и былъ единственнымъ общимъ учрежденіемъ. Но онъ не имѣлъ авторитета: онъ не могъ установить общаго налога, для этого требовалось согласіе каждаго отдѣльнаго штата. Конгрессъ не имѣлъ средствъ расплатиться съ войскомъ; небольшой отрядъ мятежныхъ солдатъ заставилъ однажды депу-

Digitized by Google

татовъ бѣжать изъ Филадельфіи. Финансовое положеніе вообще было плохо: общегосударственныхъ доходовъ не было, и нечѣмъ было платить по національному долгу, возросшему до 40 милліоновъ долларовъ. Монеты было мало, въ обращеніи ходили выпущенныя штатами ассигнаціи, до 170 милліоновъ, крайне упавшія въ цѣнѣ.

Между отдѣльными штатами происходили рѣзкія столкновенія. Споръ шелъ о правѣ штатовъ пользоваться новыми западными территоріями, отнятыми у Англіи, но главнымъ образомъ объ устройствѣ торговыхъ отношеній къ Европѣ. Сѣверные штаты, колоніи Новой Англіи, главная сила которыхъ была въ торговлѣ, хотѣли воспроизвести навигаціонные акты Англіи и этимъ способомъ выбить конкуренцію только что побѣжденнаго на войнѣ противника; южные, плантаціонные штаты, напротивъ, были за свободное допущеніе чужихъ торговцевъ, потому что болѣе, чѣмъ иностранцевъ, они боялись монополіи сѣверянъ и установленія съ ихъ стороны произвольныхъ цѣнъ за вывозъ американскихъ продуктовъ. Каждый штатъ распоряжался въ денежныхъ и торговыхъ дѣлахъ по своему усмотрѣнію: Нью-Іоркъ окружилъ свою область высокими пошлинами къ крайней невыгодѣ сосѣдей. Нельзя было предпринять ни одной крупной общеполезной работы, напр. замышлявшагося Вашингтономъ канала между Чизапикской бухтой и р. Огайо, такъ какъ для этого требовалось соглашеніе между штатами.

Слагая должность главнокомандующаго, Вашингтонъ обратился къ законодательнымъ собраніямъ штатовъ съ посланіемъ, въ которомъ называлъ существующее положеніе вещей анархіей и настаивалъ на томъ, что вся будущность страны зависитъ отъ созданія крѣпкихъ союзныхъ учрежденій. Подъ вліяніемъ этой мысли въ 1787 г., черезъ 4 года послѣ окончанія войны, сошелся *конвентъ* делегатовъ отъ 12 штатовъ и занялся подъ предсѣдательствомъ Вашингтона выработкой *федеральной конституціи Соединенныхъ Штатовъ*. Задача была трудная: надо было сохранить независимость штатовъ съ ихъ особыми учрежденіями и обезпечить въ то же время совмѣстную защиту интересовъ большинства населенія. Образовались двѣ партіи: *федералистовъ*, т.-е. сторонниковъ сильныхъ центральныхъ учрежденій, съ Гамильтономъ (изъ Нью-Іорка) во главѣ, и защитниковъ *автономіи штатовъ*, между которыми наиболѣе выдающимся былъ Джефферсонъ. Первые были сильнѣе на сѣверѣ, послѣдніе — на югѣ. Взгляды противниковъ были до извѣстной степени примирены въ устройствѣ законодательной власти, которую передали двумъ учрежденіямъ, составившимъ вмѣстѣ *конгрессъ* штатовъ.

Изъ нихъ 1) *сенатъ* представляетъ равенство штатовъ въ союзѣ: независимо отъ своей величины и количества населенія каждый штатъ избираетъ въ сенатъ двухъ представителей на 6 лѣтъ; 2) *палата депута-*

Digitized by Google

товъ выражаетъ общіе интересы всей націи въ цѣломъ; поэтому штаты участвуютъ въ ней въ количествѣ представителей (избираемыхъ на 2 года), пропорціональномъ ихъ населенію: отъ маленькаго Родъ Эйленда было положено избирать одного депутата, отъ Пенсильваніи и Массачусетса по 8, отъ Виргиніи 10 (въ настоящее время вслѣдствіе неодинаковаго роста населенія отношеніе еще болѣе измѣнилось, и, напр., Ньюіоркъ посылаетъ 34 депутата, Пенсильванія 28, тогда какъ мелкіе штаты остаются при одномъ депутатѣ). Тѣ и другіе выборы должны производиться всеобщей и прямой подачей голосовъ. Черные рабы были лишены права голоса, но, при распредѣленіи голосовъ, въ рабовладѣльческихъ штатахъ они присчитывались въ размѣрѣ $^3/_5$ своего числа. Въ то время, какъ отдѣльнымъ штатамъ предоставлено вѣдать мѣстные интересы и постановлять по нимъ законы, конгрессъ опредѣляетъ все, что касается арміи и флота, торговли, пошлинъ, денежнаго обращенія, почты и дорогъ.

Отдѣлившись отъ Англіи, штаты сохранили у себя, подъ названіемъ президентовъ, должность бывшихъ королевскихъ намѣстниковъ, обративши ее въ выборную. Въ общемъ федеральномъ управленіи американцы также воспроизвели королевскую власть въ лицѣ *президента республики*, избираемаго на 4 года всеобщей, но двойной, или косвенной подачей голосовъ: сначала населеніе по штатамъ обозначаетъ выборщиковъ, которые затѣмъ, собравшись вмѣстѣ, избираютъ большинствомъ одного изъ кандидатовъ; но уже при первыхъ выборахъ въ сущности подаютъ голоса за опредѣленныхъ кандидатовъ. Президентъ можетъ, какъ король, положить veto (запретъ) на постановленіе конгресса; но, въ случаѣ повторенія того же рѣшенія двумя третями палатъ, veto его теряетъ силу, и рѣшеніе конгресса становится закономъ. Американскій президентъ, могущій быть переизбраннымъ на слѣдующее четырехлѣтіе, получилъ большую власть, чѣмъ англійскій король XVIII в.: онъ не зависитъ отъ палатъ въ назначеніи министровъ; американскій порядокъ отвѣчалъ точно ученію о раздѣленіи властей.

Конституція, выработанная общимъ конвентомъ въ 1787 году, была предложена на разсмотрѣніе конвентовъ отдѣльныхъ 12 штатовъ и не сразу принята ими. Трудность согласовать различные интересы отразилась въ самомъ характерѣ конституціи, придавши ей малоподвижность, или *негибкость*. Основные законы, изъ которыхъ она состоитъ, не могутъ быть отмѣняемы или измѣняемы рѣшеніемъ простого большинства парламента, какъ въ Англіи; для измѣненія конституціи нужно особое голосованіе, при которомъ опредѣленное требованіе высказывается большинствомъ двухъ третей всѣхъ членовъ въ обѣихъ палатахъ и большинствомъ трехъ четвертей всѣхъ штатовъ. Установлена еще охрана

Digitized by Google

конституціи посредствомъ федеральнаго суда; этотъ судъ призванъ заключать, соотвѣтствуютъ ли новые законы основнымъ, и вслѣдствіе этого судъ можетъ толковать конституцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ жалобы и разбираетъ столкновенія въ случаяхъ, если администрація нарушила основныя гражданскія права, обезпеченныя за всѣми американцами. Въ этомъ учрежденіи опять выступаетъ идея раздѣленія властей.

Начало республиканской Америки. Конституція Соединенныхъ штатовъ вошла въ силу въ 1789 г. съ избраніемъ первымъ президентомъ Вашингтона. Президентъ временно жилъ въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи, но ему рѣшено было отвести мѣсто въ особомъ округѣ Колумбіи, внѣ территоріи штатовъ (резиденцію потомъ назвали Вашингтономъ въ честь перваго президента). Вашингтонъ, избранный президентомъ дважды (1789—1797), принадлежалъ къ федералистамъ и министромъ финансовъ назначилъ Гамильтона, главнаго сторонника тѣсной уніи, но ради примиренія партій онъ ввелъ въ министерство и Джефферсона. Гамильтонъ провелъ важную мѣру для скрѣпленія штатовъ въ союзъ: различныя обязательства, принятыя конгрессомъ, особенно для веденія войны, были консолидированы (соединены) въ національный долгъ Соединенныхъ штатовъ; къ нему были присоединены долги отдѣльныхъ штатовъ. Это было выгодно для торговыхъ сѣверныхъ штатовъ и невыгодно для плантаторскихъ южныхъ, такъ какъ ихъ долги были сравнительно невелики и при соединеніи на нихъ должна была пасть новая тяжесть. Отсюда недовольство противниковъ федерализма, обвинявшихъ Вашингтона и Гамильтона въ симпатіи къ монархическимъ и аристократическимъ началамъ. Но когда въ 1801 г. третьимъ президентомъ сталъ Джефферсонъ, противоположность партій сильно сгладилась. Послѣ нѣсколько чопорнаго и склоннаго къ европейской придворной торжественности Вашингтона Джефферсонъ представлялъ настоящій типъ новой республиканской простоты.

Американская конституція осуществила политическое равенство и народное верховенство и обезпечила личную свободу гражданъ. Она была какъ бы практическимъ примѣненіемъ двухъ отвлеченныхъ теорій, распространенныхъ на материкѣ Европы: ученія Монтескье о раздѣленіи властей и гарантіи свободы и ученія Руссо о народномъ верховенствѣ. Въ ней получили окончательное торжество начала, провозглашенныя въ первой англійской революціи, но задержанныя въ своемъ развитіи на англійской почвѣ. Этими обстоятельствами объясняется увлеченіе американской конституціей, распространившееся во всей Европѣ. Нарождавшаяся европейская демократія привѣтствовала освобожденіе Америки.

Ея политическій строй — нѣчто совершенно небывалое до тѣхъ поръ—

Digitized by Google

оставлялъ въ тѣни большое несовершенство общественнаго порядка новой республики: южные штаты удержали у себя рабство черныхъ. Въ 1790 г. въ первомъ конгрессѣ Соединенныхъ штатовъ происходили дебаты по этому вопросу, и Франклинъ говорилъ о милосердіи и справедливости въ отношеніи къ неграмъ. Но во вниманіе къ силѣ южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ конгрессъ не принялъ никакого рѣшенія. Черезъ нѣсколько лѣтъ изобрѣтеніе очистки хлопка вызвало сильное развитіе хлопчатыхъ плантацій и еще увеличило размѣры рабскаго труда; вмѣстѣ съ тѣмъ невольничество приняло такія жестокія формы, какія оно имѣло только въ Римской имперіи. Негры составляли около $^1/_3$ населенія въ Виргиніи и Мериландѣ, гдѣ была распространена культура табаку, около $^1/_2$ въ Каролинѣ, гдѣ преобладали рисовыя плантаціи. Въ послѣднемъ штатѣ законъ опредѣлялъ, „что всѣ черные, которые уже живутъ или будутъ жить въ области (кромѣ освобожденныхъ) со всѣмъ своимъ нынѣшнимъ и будущимъ потомствомъ, признаются рабами и останутся таковыми навѣки; они будутъ подлежать захвату, передачѣ и присужденію въ качествѣ движимаго имущества, по самой природѣ своей". Господинъ не можетъ освобождать рабовъ. Рабъ-негръ не можетъ заниматься, брать въ аренду плантацію, держать скотъ или торговать за свой счетъ. Онъ не подлежитъ обученію грамотѣ; онъ долженъ носить лишь грубое платье. Въ Виргиніи господинъ могъ освободить раба лишь за исключительныя услуги, съ согласія губернатора и совѣта. Если рабъ умретъ отъ жестокихъ ударовъ или во время самаго наказанія, смерть его не считается убійствомъ, разъ только не найдется свидѣтелей того, что рабъ убитъ сознательно и злонамѣренно. Въ виду естественной общности интересовъ между плантаторами, такого свидѣтеля нельзя было найти. Жестокость въ обращеніи съ рабами умѣрялась только тѣмъ, что они были дороги, и жизнь ихъ надо было беречь въ интересахъ хозяина. Освобожденные негры оставались въ особомъ худшемъ положеніи и вызывали враждебное къ себѣ отношеніе, какъ низшая раса. Смѣшанные браки между бѣлыми и черными воспрещались и разсматривались какъ нѣчто постыдное. Въ колоніяхъ было много дѣтей бѣлыхъ отъ рабынь, но законъ требовалъ, чтобы они „слѣдовали званію матери".

Digitized by Google

II.

Промышленный переворотъ въ Англіи.

Общественные порядки, образовавшіеся въ Америкѣ съ самаго начала, въ старой Европѣ могли пробиться только послѣ упорной борьбы. Сильнымъ толчкомъ къ ихъ развитію послужилъ промышленный переворотъ, который унесъ старые способы работы и создалъ новые классы. Рѣзче и раньше всего этотъ переворотъ произошелъ въ Англіи.

Аграрный переворотъ въ юго-восточной Англіи. Въ первой половинѣ XVIII в. большая часть населенія Англіи сидѣла въ южныхъ земледѣльческихъ ея областяхъ; деревенскій составъ значительно перевѣшивалъ количество горожанъ. Всюду преобладала старая трехпольная система обработки; сельскіе продукты въ большомъ количествѣ потреблялись въ самихъ хозяйствахъ, въ имѣніяхъ, фермахъ и крестьянскихъ дворахъ, или на мѣстныхъ рынкахъ; сравнительно мало везли ихъ въ столицу и изъ внутреннихъ мѣстностей за границу; дороги были очень плохи, и перевозочныя средства недостаточны. На землѣ сидѣло много мелкихъ хозяевъ, которыхъ мы теперь затруднились бы опредѣленно назвать помѣщиками или крестьянами. Большія помѣстья раздѣлялись на участки, отдававшіеся преимущественно некрупнымъ арендаторамъ. Для мелкихъ сквайровъ (помѣщиковъ), йоменовъ (крестьянъ), также и для сельскихъ батраковъ (коттеровъ), которые жили въ собственныхъ избахъ, большимъ подспорьемъ были общинныя земли, т.-е. пустоши, принадлежавшія всѣмъ сосѣднимъ владѣльцамъ сообща, гдѣ можно было брать дрова, пасти скотъ, распахивать полоски.

Въ деревнѣ же большею частью помѣщалось и ремесло; мануфактура исполнялась кустарями, которые работали въ своихъ домахъ, всей семьей, своими инструментами. Ремесло служило дополнительнымъ зимнимъ заработкомъ при земледѣліи и скотоводствѣ, и, обратно, ремесленникъ находилъ себѣ подмогу въ своемъ огородѣ, пастбищѣ или пахотномъ участкѣ. Во времена Дефо цѣлый край сукнодѣловъ (около Галифакса) дѣлился на небольшіе огороженные участки отъ 2—7 акровъ (1—3 десятины); дома стояли другъ отъ друга на разстояніи человѣческаго голоса; всякій порядочный домъ былъ небольшой суконной мануфактурой. У каждаго суконщика была лошадь для отвоза товара на рынокъ и у каждаго въ городѣ свой балаганъ; всякій держалъ одну или нѣсколько коровъ; хлѣба сѣяли только для корма домашней птицы; взрослые мужчины, женщины и дѣти всѣ заняты были чесаніемъ, пряжей, тканьемъ и окраской, не было „ни нищихъ, ни праздношатающихся“. Деревенскіе ремесленники большею частью закупали сами сырой продуктъ, который

Digitized by Google

былъ имъ нуженъ для обработки; только для сбыта готоваго фабриката, сукна, желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей, имъ нужны были купцы, которые и пріѣзжали къ самимъ производителямъ; расплатившись наличными деньгами, эти скупщики на сотняхъ ломовыхъ лошадей караванами съѣзжались на крупныя августовскія ярмарки или отвозили товаръ въ Лондонъ.

Этотъ старинный строй жизни былъ уничтоженъ тѣми самыми классами, которые пріобрѣли силу съ 1688 г. Лорды, заинтересованные въ пріобрѣтеніи парламентскихъ мѣстъ и въ увеличеніи сбыта хлѣба и шерсти за границу, стали усиленно скупать землю, расширять свои пастбища и улучшать свое хозяйство; многіе дѣлали это ради своеобразнаго честолюбія; за ними въ жаждѣ пріобрѣтенія земли тянулись, добиваясь почета и вліянія, крупные промышленники, разбогатѣвшіе въ заморской торговлѣ. Нерѣдко большое имѣніе составлялось изъ множества мелкихъ участковъ, скупленныхъ въ округѣ, одинъ за другимъ. Ихъ бывшіе владѣльцы уходили въ города, выселялись въ Америку, поступали на службу въ Остиндію.

Но еще больше уходило мелкихъ помѣщиковъ и крестьянъ вслѣдствіе огораживаній и раздѣла общинныхъ земель. Крупные владѣльцы, опираясь на мнѣніе ученыхъ сторонниковъ раціональнаго хозяйства, были увѣрены, что никакія улучшенія невозможны при старой системѣ обработки, которая связываетъ всѣхъ сосѣдей черезполосицей и допускаетъ потерю массы земли въ видѣ общинныхъ угодій. Они старались обмѣнять свои черезполосные участки на другіе, прилегающіе къ главной массѣ имѣнія, а главное—склонить всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ округи къ окончательному *раздѣлу общинныхъ земель* съ тѣмъ, чтобы потомъ огородить свои округленныя владѣнія и ни отъ кого не зависѣть въ веденіи своего хозяйства. Но для всякаго раздѣла земли нужно было особое постановленіе парламента. Заинтересованные въ раздѣлѣ богатые землевладѣльцы хлопотали въ своей округѣ о составленіи петиціи въ парламентъ, употребляли все свое вліяніе, склоняли угощеніями, грозили, добивались правдами и неправдами; но разъ петиція предъявлялась въ парламентъ, дѣло было обезпечено, такъ какъ палата состояла изъ самихъ крупныхъ собственниковъ или ихъ сторонниковъ. Раздѣлъ общинныхъ земель и огораживанія были очень невыгодны для мелкихъ владѣльцевъ, которые получали при этомъ сравнительно немного, зато теряли запасную землю и отодвигались въ неудобные углы или на худшую почву; имъ оставалось опять-таки уходить со своихъ земель, продавать ихъ.

Такимъ образомъ, парламентъ въ Англіи помогъ *исчезновенію крестьянъ*. Произошло нѣчто похожее на снесеніе дворовъ, совершавшееся въ Пруссіи и Австріи, но въ Англіи совсѣмъ уже не было никакого противодѣйствія крупнымъ землевладѣльцамъ, никакой „охраны мужика".

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ крестьянина-собственника въ Англіи также сталъ гибнуть и пропадать мелкій фермеръ, *копгольдеръ*. Если крупный владѣлецъ не обращался самъ къ доходному раціональному хозяйству, то старался получше пустить землю въ оборотъ, взять болѣе высокую арендную плату, но старинный фермеръ не могъ измѣнить своего хозяйства, чтобы поднять доходъ, потому что для этого нужно было вложить большой капиталъ, пріобрѣсти машины, ввести новые посѣвы, выстроить хозяйственныя помѣщенія. Владѣлецъ удалялъ въ виду этого неповоротливыхъ мелкихъ фермеровъ и замѣнялъ ихъ на своей латифундіи (большомъ имѣніи) однимъ или немногими крупными, которые приносили съ собой капиталъ, производили улучшенія и выплачивали ему значительную ренту.

Наконецъ, перемѣнилось положеніе *рабочихъ* въ деревнѣ. При раздѣлѣ общинныхъ земель у нихъ просто отнимали участки, такъ какъ они не считались владѣльцами, ихъ избы сносили и ихъ самихъ выселяли. Лорду новаго типа и его крупному фермеру не годились рабочіе прежняго положенія, какъ люди слишкомъ самостоятельные; имъ нужны были наемники, которые бы не занимали мѣста въ имѣніи, а являлись только на горячее рабочее время лѣтомъ въ нужномъ количествѣ. Мѣстами собственники старались „очистить“ весь приходъ отъ неосѣдлаго люда, выдворяли его и запрещали строить во всемъ околоткѣ избы; такіе приходы считались замкнутыми, рядомъ съ ними были другіе, открытые, гдѣ хотя и деревенскими поселками, но въ наемныхъ домахъ жили безземельные рабочіе; съ наступленіемъ весны они отправлялись „въ кругъ“, переходя отрядами изъ одного имѣнія въ другое.

Картина сельской Англіи съ середины XVIII в. стала рѣзко измѣняться. Сельское общество раздѣлилось теперь на совершенно другіе классы: крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ фермеровъ и безземельныхъ, полукочевыхъ рабочихъ. Вмѣсто разбросанныхъ хуторовъ выдѣлялись мѣстами скученные поселки, мѣстами большіе пустыри съ уединенными, среди парковъ, пастбищъ и огороженныхъ полей, виллами и усадьбами. Нѣкоторыя мѣстности сильно обезлюдѣли; имѣніе графини Сутерландской составляло большой пустырь, на мѣстѣ котораго раньше сидѣли 15.000 человѣкъ.

Индустріальный переворотъ въ сѣверо-западной Англіи. Только часть прежнихъ крестьянъ-владѣльцевъ обратилась въ сельскихъ рабочихъ. Другая часть ушла въ городскіе промыслы, мануфактуру. Населеніе стало передвигаться съ юга на сѣверъ Англіи, гдѣ быстро возникли или расширились новые города. Развитіе мануфактуры и городовъ тѣсно связано съ паденіемъ деревни. Кустари, тѣ же крестьяне, утрачивая

Digitized by Google

землю и свой дополнительный земледѣльческій заработокъ, вообще становились въ болѣе трудное положеніе. Отношеніе между ними и купцами, которые являлись къ нимъ за покупкой готовыхъ товаровъ, стало мѣняться. Большею частью мелкіе мастера уже не могли самостоятельно пріобрѣтать сырье и вынуждены были забирать его въ кредитъ у сбытчиковъ, которые такимъ образомъ становились заказчиками множества хозяевъ или даже цѣлой округи. Въ то же время англійская мануфактура шла за границу, и для увеличенія количества продуктовъ надо было примѣнять усовершенствованія въ работѣ, а это было опять не по средствамъ мелкимъ предпринимателямъ.

Какая-то горячка машинныхъ изобрѣтеній охватываетъ промышленные круги Англіи. Быстро слѣдуютъ другъ за другомъ: прядильная машина, ткацкій станокъ и ткацкая машина, приспособленная для водяныхъ двигателей, паровая машина (Уатта). Выступаютъ техники-самоучки, въ родѣ Аркрайта, который былъ въ молодости парикмахеромъ, къ ужасу родныхъ отрывался отъ своего нехитраго и покойнаго ремесла для изготовленія какихъ-то моделей, фантастическихъ сооруженій, а умеръ милліонеромъ, основателемъ множества предпріятій.

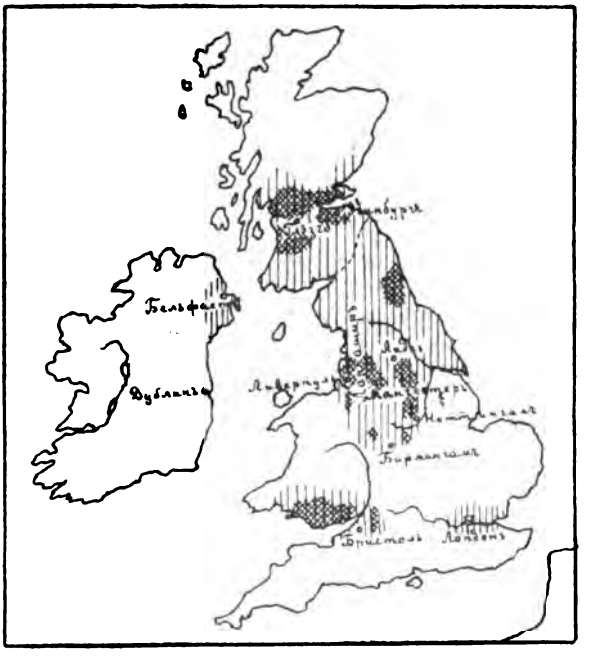
Машины ускоряли въ невѣроятной степени изготовленіе продуктовъ. Кустари не могли соперничать съ предпринимателями, которые запасались такими орудіями. Машиной завладѣвали люди, располагавшіе большимъ капиталомъ, по большей части сбытчики, купцы, и брали на себя новую организацію дѣла, соединяя вмѣстѣ множество зависимыхъ отъ нихъ мелкихъ ремесленниковъ для пользованія большой машинной силой; *мастера* превращались этимъ окончательно въ *наемныхъ рабочихъ*. Въ свою очередь машина требовала крупнаго помѣщенія и большого числа рабочихъ; такимъ образомъ тѣсная домашняя мастерская замѣнялась казарменной *фабрикой*.

Одновременно быстро улучшались и средства сообщенія, столь важныя для перевоза товаровъ. При многоводности англійскихъ, хотя и небольшихъ, рѣкъ большое значеніе должны были получить каналы. О сооруженіи ихъ особенно хлопотали торговые круги Ливерпуля, а крупнѣйшимъ устроителемъ ихъ былъ Бриндли, по словамъ котораго „рѣки на свѣтѣ для того, чтобы питать каналы“,—крестьянскій сынъ, безъ правильнаго образованія, учившійся только ставить мельницы и до конца своихъ дней производившій технические расчеты при помощи какихъ-то своеобразныхъ пріемовъ самоучки. Важнѣйшіе выходы Англіи, расположенные у разныхъ морей, Гулль, Ливерпуль, Бристоль, соединились между собою каналами; отъ Лондона большой каналъ шелъ къ серединѣ Англіи. Такимъ образомъ страна прорѣзалась дорогами въ главныхъ направленіяхъ, и крупное товарное движеніе вмѣсто того, чтобы со-

Digitized by Google

средоточиваться на небольшомъ срокѣ и прерываться на остальное время года, стало непрерывнымъ.

Новая промышленность помѣстилась большею частью въ сѣверной полосѣ Англіи, до тѣхъ поръ заселенной гораздо слабѣе. Сначала, во время преобладанія водяныхъ двигателей, поднялись фабричныя мѣста по теченію рѣкъ; потомъ съ развитіемъ паровыхъ машинъ заводы начали возникать въ области добыванія главнаго топлива, каменнаго угля. Эту страну стали называть потомъ „черной Индіей“ по обилію ея подземнаго продукта и по ея промышленному значенію для Англіи. Болѣе всего фабричныхъ городовъ (Манчестеръ, Больтонъ и др.) образовалось въ области Ланкашира въ сѣверо-западной Англіи. Населеніе Ланкашира въ теченіе 80 лѣтъ возросло въ 10 разъ. Быстро развился здѣсь и новый центръ сбыта, второй городъ Англіи послѣ Лондона, Ливерпуль, который сталъ служить притягателемъ для дешевыхъ рабочихъ близкой Ирландіи. Точно такъ же фабричнымъ краемъ сдѣлалась южная низменная Шотландія, съ Глэзго въ центрѣ, и южный Уэльсъ, богатый каменнымъ углемъ.



Промышленный переворотъ въ Англіи. Полосками отмѣчена область развитія индустріи. Среди нея выдѣляются мѣстности, добывающія каменный уголь.

Населеніе Англіи передвинулось по области жительства и измѣнилось по характеру жизни: до середины XVIII в. преобладало сельское населеніе, послѣ промышленнаго переворота въ XIX вѣкѣ стало перевѣшивать городское. Въ его средѣ также произошло болѣе рѣзкое дѣленіе на классы вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда и капитала. Обширная масса мастеровъ, среднихъ и мелкихъ, раздѣлилась на два слоя: одни обратились въ крупныхъ предпринимателей, другіе сошли на степень зависимыхъ рабочихъ и слились съ людьми наемнаго труда.

Digitized by Google

Идеи свободнаго обмѣна и соперничества. Переворотъ совершался чрезвычайно быстро; на глазахъ у всѣхъ возрастало богатство страны, увеличивался ея вывозъ. Отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній въ 70-хъ г. XVIII в. не принесло Англіи вреда; ея торговля съ Новымъ Свѣтомъ продолжалась и по мѣрѣ того, какъ возрастало населеніе Америки, еще увеличивалась. Переворотъ былъ отчасти дѣломъ англійской аристократіи: она начала „очищать“ деревню и дала первый толчокъ образованію наемнаго рабочаго класса; своей завоевательной морской и колоніальной политикой она содѣйствовала возникновенію фабричныхъ центровъ. Но получившіеся результаты во многомъ не соотвѣтствовали ея желаніямъ и взглядамъ.

Новые классы, появившіеся вслѣдствіе переворота, выступили съ другими понятіями и интересами. За сто лѣтъ передъ тѣмъ землевладѣльцы требовали отъ правительства помощи ихъ хозяйству въ видѣ поощрительныхъ пошлинъ и премій. Новые промышленники склонны были иначе смотрѣть на государственную власть: въ возникновеніи фабрикъ, съ машиннымъ производствомъ, въ проведеніи каналовъ и дорогъ, въ разработкѣ каменнаго угля и желѣза государство было ни при чемъ: все это было дѣломъ предпріимчивости, искусства и сметки, риска и жертвъ со стороны частныхъ лицъ и частныхъ компаній. Отсюда естественно было сдѣлать тотъ выводъ, что люди, предоставленные самимъ себѣ, не стѣсняемые опекой, запретами и наградами, найдутъ наилучшіе пути въ производствѣ и увеличеніи богатства, своего собственнаго и своей страны. Созданіе богатствъ, основанное на сложномъ распредѣленіи труда въ странѣ, не поддается руководству правительства; оно составляетъ какъ будто бы *дѣло самой природы*, работающей въ тысячахъ и милліонахъ человѣческихъ существъ; этой работѣ надо дать наибольшій просторъ; лучшій побудитель ея — свободное соревнованіе и соперничество людей.

Эти мысли положены въ основу книги шотландца Адама Смита „О богатствѣ народовъ“, вышедшей въ началѣ переворота и въ годъ декларацiи независимости Америки (1776). Смитъ (1723—90) былъ профессоръ университета въ Глэзго, одномъ изъ новыхъ промышленныхъ центровъ. Весь земной шаръ представлялся Смиту великой мастерской со сложнымъ распредѣленіемъ труда и всюду проникающимъ обмѣномъ. На землѣ наступаетъ полная противоположность натуральному хозяйству, при которомъ все необходимое для жизни людей готовилось на мѣстѣ. Напротивъ, „въ настоящее время для того, чтобы самый мелкій частный человѣкъ могъ одѣться и обзавестись, нуженъ трудъ многихъ тысячъ работниковъ“. Устройство труда, обмѣнъ, возрастаніе и распредѣленіе богатствъ подлежатъ особымъ законамъ, которые подобны законамъ

Digitized by Google

природы. Изучая ихъ, Адамъ Смитъ кладетъ основы новой науки, *политической экономіи*.

Одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ состоитъ въ томъ, что цѣна всякаго предмета, а также всякой работы опредѣляется *спросомъ* и *предложеніемъ*, т.-е. зависитъ отъ степени нужды въ вещи или въ услугѣ лица, и отъ количества предлагаемыхъ товаровъ или предлагающихъ свою работу лицъ. Противъ этого „явленія природы“ напрасно бороться какими-нибудь мѣрами; лучше предоставить людямъ полную свободу искать приложенія своихъ дарованій и силъ тамъ, гдѣ они, по условіямъ продажи и купли, найдутъ свою наибольшую выгоду. Все, что мѣшаетъ этой свободной дѣятельности людей и ихъ свободному соперничеству, заслуживаетъ полнаго осужденія: всякіе остатки средневѣковыхъ стѣсненій и привилегій, барщины, право первородства на землю, цеховые порядки, которые опредѣляютъ количество занятыхъ въ мастерствѣ лицъ, и т. п.,— все это должно исчезнуть. Земля должна свободно переходить изъ рукъ въ руки, чтобы достаться тому человѣку, который сумѣетъ наилучше ее использовать; въ ремесленномъ или фабричномъ предпріятіи искусному организатору надо дать возможность неограниченно расширять свое дѣло и увеличивать число рабочихъ, а рабочему надо дать полную свободу передвиженія и выбора занятія, гдѣ онъ могъ бы оказаться всего полезнѣе.

Мысли такого рода, впервые въ отчетливой формѣ высказанныя у Смита, получили впослѣдствіи въ Англіи общее обозначеніе *фритреда* (free trade=свободный обмѣнъ). Онѣ были отрицаніемъ протекціонизма (покровительства), т.-е. системы опеки, полицейскаго вмѣшательства и регулированія промышленности, утвердившихся въ эпоху меркантилизма.

Утилитаризмъ. Возникновеніе радикальной партіи. Одинаковая для всѣхъ свобода, чтобы дать возможность каждому преслѣдовать свою выгоду, вотъ главное требованіе въ области промышленной жизни. Съ нимъ согласовались новыя понятія о нравственности и о наилучшемъ государственномъ строѣ. Церковь говорила о долгѣ любви къ ближнему, о духовномъ равенствѣ и братствѣ всѣхъ людей, но никто почти не руководился въ жизни этими понятіями, и на землѣ оставалось великое неравенство, которое отчасти было освящено самой церковью, заключавшей въ себѣ высшій богатый классъ. Завѣтъ былъ высокъ, но не имѣлъ силы воздѣйствія на людей. Въ XVIII в. стали искать „естественной“ основы для нравственности, наблюдать природу человѣка, чтобы открыть въ ней самой условія для наиболѣе разумной и честной жизни отдѣльныхъ людей и для наилучшаго, справедливѣйшаго устройства ихъ совмѣстной жизни.

Digitized by Google

У французовъ особенно Гельвецій, у англичанъ химикъ Пристли и Бентамъ (1748—1832) указывали на то, что всѣмъ людямъ одинаково присуще тяготѣніе къ пріятнымъ ощущеніямъ и отвращеніе отъ непріятныхъ, что разумно направленный личный интересъ ведетъ къ наибольшему личному счастью. Но нельзя строить своего счастья на несчастьи другихъ; тяжелое сознаніе нанесеннаго другому вреда не соотвѣтствуетъ дѣйствительной пользѣ человѣка. Мѣриломъ нравственности и должна служить истинная полезность для человѣка тѣхъ или другихъ его поступковъ. Среди пріятныхъ для человѣка чувствъ есть симпатія къ другимъ себѣ подобнымъ; надо воспользоваться этимъ чувствомъ и построить на немъ общественную дѣятельность. Мѣриломъ добра въ общественной жизни будетъ польза, приносимая членомъ общества. Цѣль государства поэтому, какъ говоритъ Гельвецій, Пристли, а за ними Бентамъ, — доставить „наивозможно большую сумму счастья наивозможно большему числу людей". Это ученіе о нравственности получило впослѣдствіи названіе *утилитаризма* (такъ какъ оно исходитъ отъ понятія о полезности).

Оно тѣсно связано съ требованіемъ *демократическаго* устройства, потому что только при равенствѣ членовъ общества возможно осуществить идеалъ пользы и счастья для всѣхъ: утилитаристы настаиваютъ на предоставленіи всѣмъ одинаковыхъ правъ въ государствѣ, одинаковаго голоса въ собраніяхъ для того, чтобы не было искусственной поддержки интересовъ однихъ людей противъ другихъ. Англійскій государственный и общественный порядокъ XVIII в. былъ полной противоположностью этому ученію. Бентамъ осмѣялъ Блэкстона, восхвалявшаго въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка „счастливую" конституцію Англіи. Получивши юридическое образованіе, Бентамъ не могъ стать адвокатомъ, потому что возненавидѣлъ англійское право съ его запутанными положеніями, частью устарѣлыми и освящающими несправедливыя привилегіи, тогда какъ, по его мнѣнію, слѣдовало въ выработкѣ законовъ и разборѣ столкновеній исходить изъ ясныхъ указаній здраваго смысла и общей пользы. Томасъ Пэнъ ссылался на устройство Америки, гдѣ „растетъ общественное благосостояніе при республиканскомъ правленіи, основанномъ на справедливомъ представительствѣ".

Въ политической жизни эти идеи положили начало образованію *радикальной* партіи, одинаково далекой отъ виговъ и тори и возобновившей идеи индепендентовъ XVIII в. Первые шаги демократіи можно наблюдать въ строптивомъ Лондонѣ и его предмѣстьяхъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка произошло рѣзкое столкновеніе между аристократическимъ парламентомъ и Уилксомъ, лондонскимъ депутатомъ. Уилксъ напечаталъ статью, въ которой нападалъ на королевскую рѣчь, про-

Digitized by Google

изнесенную при закрытіи парламента. Оскорбленная этимъ палата исключила его изъ своей среды и приговорила къ тюрьмѣ. Уилькъсъ бѣжалъ во Францію; когда онъ получилъ возможность вернуться, его избиратели въ Лондонѣ снова послали его депутатомъ. Палата опять исключила его, но когда Уилькса избрали въ третій разъ, объявила его лишеннымъ права сидѣть въ парламентѣ и самовольно стала считать депутатомъ его противника, получившаго незначительное число голосовъ.

Противъ тиранiи парламента поднялось сильное общественное движеніе. Лондонскій народъ пытался освободить Уилькса, когда его опять отводили въ тюрьму за повтореніе статьи. Уилькъсъ еще отбывалъ заключеніе въ то время, какъ Лондонъ выбралъ его своимъ ольдерменомъ (членомъ городского совѣта). Граждане Лондона передали королю вскорѣ послѣ исключенія Уилькса изъ парламента адресъ, въ которомъ рѣзко и торжественно заявлялось, что англійская конституція подорвана отсутствіемъ законно избраннаго парламента; право издавать законы принадлежитъ исключительно народнымъ представителямъ, но Нижняя палата въ своемъ нынѣшнемъ видѣ не есть народное представительство. Дѣло Уилькса подало поводъ къ большимъ народнымъ собранiямъ, *митингамъ*, на которыхъ принимались резолюціи съ выраженіемъ общественнаго протеста. Въ печати въ первый разъ стали появляться подробные отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ.

Парламентъ сначала повелъ себя, какъ государь съ абсолютной властью, и рѣшилъ посадить смѣлыхъ журналистовъ, раскрывшихъ тайну его дебатовъ, въ тюрьму. Но лордъ-майоръ Лондона и Уилькъсъ, въ качествѣ члена городской думы, выпустили арестованныхъ на свободу, объявивъ, что ихъ заключеніе противно лондонскимъ привилегіямъ. Скоро однако наступили новые выборы, и въ слѣдующемъ парламентѣ не рѣшились возобновлять вопросъ. Такъ была завоевана публичность парламентскихъ преній и рѣчей. Дѣло Уилькса подняло крайне существенный вопросъ: кто же важнѣе, кто обладаетъ настоящимъ авторитетомъ—представители страны или избиратели, т.-е. сама страна? Въ связи съ этимъ заговорили опять, какъ въ первую революцію, о необходимости преобразовать избирательную систему прежде всего уничтоженіемъ гнилыхъ мѣстечекъ. За это былъ теперь Чатамъ (Питтъ Старшій, умершій 1778 г.) и молодой вигскій ораторъ Фоксъ; другой вигъ, Боркъ, требовалъ очищенія парламента отъ пенсіонеровъ.

Но эти планы реформъ съ конца 70-хъ годовъ были отодвинуты отпаденіемъ американскихъ колоній и войной съ ними, которая перешла въ войну съ половиной Европы. Вскорѣ послѣ этого началось демократическое движеніе и во Франціи. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій въ господствующихъ кругахъ Англіи возникъ страхъ революціи. Въ друзьяхъ

Digitized by Google

демократіи стали видѣть враговъ установившагося порядка и закрѣпленныхъ интересовъ. Боркъ и молодой Питтъ, сынъ Чатама, сначала виги, перешли въ консервативный лагерь, образовавшійся изъ массы торіевъ, которые получили теперь огромное большинство. Старая аристократическая англійская конституція закрѣпилась еще на 50 лѣтъ. Во время французской революціи положеніе демократовъ стало очень тяжелымъ. Когда Пристли, горячій сторонникъ освободительныхъ идей, со своими друзьями задумалъ отпраздновать разрушеніе парижанами Бастиліи, въ его домъ ворвалась дикая толпа, разбившая его лабораторію и уничтожившая его литературныя работы; Пристли былъ вынужденъ переселиться въ Америку. Пэнъ, привѣтствовавшій французскую революцію, какъ зарю свободы всего человѣчества, уѣхалъ во Францію; его заочно судили за брошюру „Права человѣка“, гдѣ онъ нападалъ на подкупность англійскаго парламента.

Реакція и парламентарный порядокъ въ Англіи. Въ Англіи взяла на время верхъ реакція противъ демократіи, но страна осталась при основахъ строя, установившагося въ 1688 г. Въ Англіи не было ничего подобнаго попыткамъ нѣкоторыхъ материковыхъ государей опереться на средніе и низшіе классы. Правда, король Георгъ III (съ 1760 г.) чувствовалъ себя сильнѣе своихъ предшественниковъ, тѣмъ болѣе, что вымерла враждебная династія Стюартовъ; онъ пытался сломить господство партіи виговъ, державшей въ своихъ рукахъ парламентъ почти 50 лѣтъ (съ 1714 г.), и хотѣлъ составлять министерства по своему выбору, не только „царствовать“, но и „править“. Но у короля не было опредѣленной цѣли, программы реформъ. Онъ составлялъ преданную себѣ группу въ парламентѣ тѣми же способами, какими въ свое время дѣйствовалъ Вальполь, т.-е. раздачей синекуръ и пенсій. Не трудно было разстроить партію виговъ, державшуюся на соединеніи интересовъ немногихъ фамилій, частью перессорившихся между собою. Корона пыталась сблизиться со старой монархической партіей торіевъ, которые были долгое время отодвинуты отъ власти вслѣдствіе привязанности къ прежней династіи, но теперь вполнѣ примирились съ новой.

Однако всѣ попытки Георга III составлять министерства „королевскихъ друзей“ кончались неудачей. Одно изъ этихъ министерствъ нажило войну съ колоніями и было виною отпаденія Америки. Въ 1783 г. король долженъ былъ отдать управленіе въ руки 24-лѣтняго Уильяма Питта (Младшаго), распустившаго парламентъ, въ которомъ онъ не имѣлъ большинства, и обратившагося къ странѣ. Новые выборы дали Питту огромное большинство; съ этого времени онъ оставался у власти непрерывно 17 лѣтъ, опираясь на довѣріе господствующихъ классовъ. Въ Англіи уже не поднималось болѣе вопроса о королевскомъ, будто бы

Digitized by Google

внѣпартійномъ, управленіи. *Конституціонная монархія* окончательно обратилась къ *парламентарной* формѣ, т.-е. такой, гдѣ исполнительная власть, министры, зависитъ отъ преобладающей партіи въ парламентѣ.

Но утвержденіе господства партій въ Англіи пришлось на время торжества консерваторовъ. Питтовское большинство состояло изъ торіевъ. Въ войнѣ съ революціонной Франціей, на которую Питтъ, великій поклонникъ Адама Смита, шелъ неохотно, это консервативное большинство стало еще упорнѣе и нетерпимѣе. Питтъ не только покинулъ свои планы реформы избирательной системы и расширенія политическихъ правъ на большія массы: при немъ останавливали дѣйствіе Habeas corpus, т.-е. отмѣняли личную неприкосновенность, преслѣдовали митинги въ качествѣ мятежныхъ сборищъ, стѣсняли выраженіе свободныхъ мнѣній въ печати. Между тѣмъ промышленный переворотъ, начавшійся съ половины XVIII в., развивался все дальше, индустрія и торговля возрастали, и этимъ готовилась крупная перемѣна въ политическомъ строѣ Англіи, разбившая исключительное господство землевладѣльцевъ.

III.

Великая французская революція.

Промышленный переворотъ происходилъ и во Франціи, но гораздо слабѣе и медленнѣе, чѣмъ въ Англіи. Однако во Франціи не было такой сильной и дѣятельной аристократіи, которая бы, какъ въ Англіи, могла надолго помѣшать выступленію новаго демократическаго общества.

Французская буржуазія передъ революціей. Увлеченіе Америкой, охватившее французское общество въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII в., показывало, что въ немъ самомъ совершается великая перемѣна: оно само прониклось демократическими идеями. Новый классъ, богатый, интеллигентный, энергичный, выдвинулся на первое мѣсто и потребовалъ себѣ участія въ политической жизни. Это была буржуазія, т.-е., вообще говоря, городское населеніе, точнѣе—крупные и мелкіе мастера и предприниматели въ торговлѣ и индустріи, а также люди „свободныхъ“ профессій, ученые, техники, врачи, адвокаты, частью связанные интересами своихъ занятій съ группой промышленной, частью близко къ ней стоявшіе по характеру жизни. Вся эта масса людей капитала и труда привыкла противополагать себя привилегированнымъ, которые по преимуществу владѣли землей, и считала ихъ „праздными и безплодными“ классами. Правда, королевское правительство притягивало буржуазію къ дѣламъ: сборъ налоговъ находился въ рукахъ откупщиковъ изъ ея

Digitized by Google

среды, и это были богатѣйшіе люди въ странѣ; интендантовъ назначали преимущественно изъ числа непривилегированныхъ. Правительство не могло шагу ступить безъ матеріальной поддержки буржуазіи. Его финансы давно уже держались не на поступленіи податей, а на непрерывно возраставшей ссудѣ, которую оно добывало продажей процентныхъ бумагъ: бумаги, „рента“ покупались преимущественно буржуазіей и особенно парижской; это былъ способъ помѣщенія сбереженій. Къ 80-мъ годамъ долгъ доросъ до $4^1/_2$ милліардовъ.

Но буржуазія была недовольна хозяйничаньемъ правительства. Въ финансахъ не было порядка: масса денегъ тратилась на блескъ двора, на безчисленные подарки и пенсіи дворянству, составлявшему свиту короля и заполнявшему безполезныя должности; на отдѣльныя отрасли управленія не ассигновывалось опредѣленныхъ суммъ; постоянно оказывались недочеты, пріостанавливались большія сооруженія, и казалось, что новые займы идутъ на непроизводительныя выдачи, противъ которыхъ и бережливые министры ничего не могли подѣлать. Наконецъ эти неумѣренные займы приводили въ смущеніе самихъ кредиторовъ: откуда возьметъ дворъ средства платить по нимъ? Не прибѣгнетъ ли онъ къ банкротству, которое разоритъ сотни тысячъ зажиточныхъ людей?

Между тѣмъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ французская буржуазія чрезвычайно разбогатѣла и усилилась. Это было особенно замѣтно на крупныхъ приморскихъ городахъ, Марсели, Бордо, Нантѣ, большихъ фабричныхъ пунктахъ, какъ Ліонъ, и на самой столицѣ, Парижѣ, представлявшей громадный центръ потребленія. Несмотря на большія военныя неудачи Франціи въ XVIII в., на потерю колоній въ Америкѣ и въ Остиндіи, ея иностранная заморская торговля необыкновенно разрослась. Марсель велъ оживленныя сношенія по всему Средиземному морю и особенно съ Востокомъ, Константинополемъ, Малой Азіей, Сиріей, Египтомъ. Еще значительнѣе былъ обмѣнъ западныхъ портовъ Франціи, Нанта и Бордо. Они вывозили французскіе фабрикаты, мануфактуры и вина на вестиндскіе острова и привозили колоніальные продукты, рисъ, сахаръ, табакъ, красильныя вещества; много выгоды получалось отъ позорной торговли неграми, массы которыхъ доставлялись въ главную французскую колонію С.-Доминго (о. Гаити). Освобожденіе американскихъ штатовъ отъ Англіи обѣщало необыкновенное усиленіе французской торговли, получившей новый рынокъ въ Соединенныхъ штатахъ. Въ Бордо имѣлся большой торговый флотъ; каждый годъ десятками строились новые корабли.

Все это было дѣломъ исключительно частной предпріимчивости, энергіи, изобрѣтательности и изворотливости французскихъ промышленниковъ. Они выказывали также вкусъ къ искусствамъ и интересъ къ

Digitized by Google

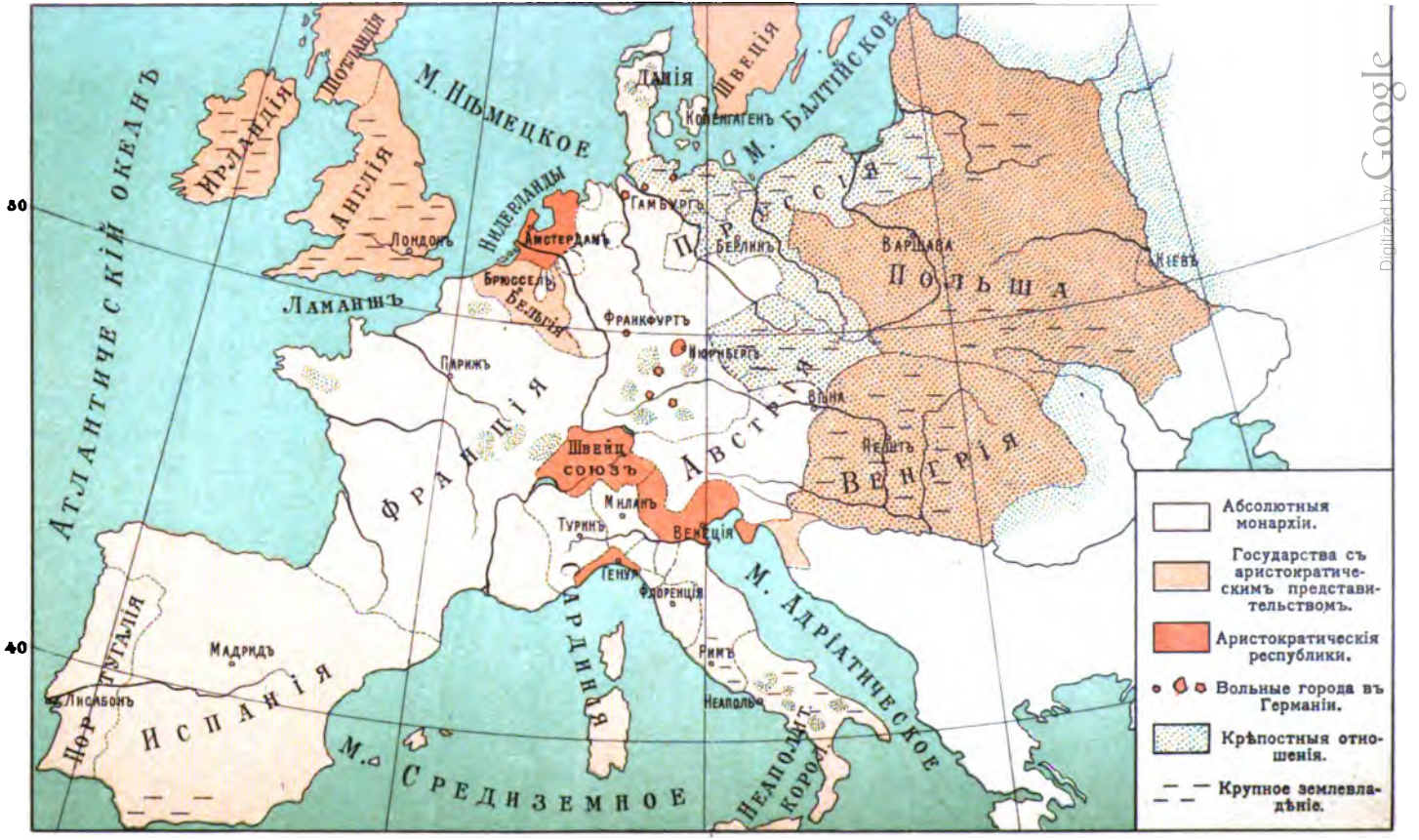
наукѣ. Въ Бордо привлекали вниманіе красивые отели (крупные дома) на широкихъ оживленныхъ улицахъ. Университеты были заполнены молодежью изъ среды буржуазіи. Въ Парижѣ, доросшемъ до 700.000 населенія, строили безпрерывно, срывали цѣлые кварталы старинныхъ тѣсныхъ построекъ съ узкими, извилистыми уличками, замѣняя ихъ прямыми и широкими проспектами съ крупными зданіями; дома почти всѣ принадлежали буржуазіи; дворяне въ столицѣ большею частью нанимали у нихъ квартиры.

Трудолюбивый, экономный и оборотливый средній классъ съ раздраженіемъ смотрѣлъ на расхищеніе народнаго богатства. Въ его глазахъ выходъ изъ постоянныхъ финансовыхъ затрудненій правительства былъ очень простъ: отмѣнить привилегіи въ отношеніи подати и продать тѣ огромныя угодья, которыя ускользали отъ повинностей, между ними особенно церковныя земли: этимъ способомъ можно будетъ погасить государственный долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передать землю въ руки болѣе производительныхъ силъ. Привилегіи, отсутствіе равенства правъ—вотъ главная преграда, которая мѣшаетъ людямъ проявить свободно свое умѣнье, приложить свой капиталъ и свой талантъ. Власть, напротивъ, пользуются неумѣлые, праздные люди, получая доходы, достигаемые безъ усилія.

Дѣятелямъ буржуазіи казалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что ихъ требованія отвѣчаютъ интересамъ всего народа, что за ними стоитъ вся трудовая масса. Публицисты изъ ихъ среды поднимаютъ вопросъ о тягостяхъ „феодализма“, т.-е. о тѣхъ повинностяхъ, которыя лежали на крестьянахъ, и требуютъ ихъ отмѣны, полнаго освобожденія земли и личности земледѣльца. Они увѣрены также, что заодно съ буржуазіей пойдетъ весь рабочій людъ большихъ городовъ. Съ улучшеніемъ государственнаго хозяйства должны еще расшириться торговля и сбытъ, а слѣдовательно поднимется фабричная дѣятельность и заработки тѣхъ, кто въ ней занятъ. Поэтому было принято говорить по-старому объ интересахъ и понятіяхъ всего „третьяго сословія“ (tiers état), разумѣя подъ этимъ словомъ всѣхъ непривилегированныхъ, какъ одно цѣлое, хотя въ дѣйствительности третье сословіе распадалось на два слоя, очень отличныхъ между собою по имущественному положенію и образованію. Но рабочіе нигдѣ еще не выступали отдѣльно; когда поднялась революція противъ „стараго порядка“, рабочіе всюду поддержали движеніе буржуазіи, обнаруживая ту же ненависть къ высшимъ классамъ.

Демократическія идеи. Настроеніе большей части буржуазіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ было *радикальное* и народническое. Въ ходу были листки, изображавшіе трудового человѣка несущимъ всю тяжесть королевства, на которую еще воинъ надавилъ рукой сверху, или поверже-

Digitized by Google



Западная Европа передъ революціей 1789 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

наго наземь закованнаго tiers état, который пробуждается, сбрасываетъ цѣпи и берется за оружіе въ то время, какъ дворянинъ и аббатъ отскакиваютъ въ ужасѣ.

Никому въ такой мѣрѣ не удалось схватить настроенія буржуазіи этого времени, какъ Бомарше въ его комедіи „Свадьба Фигаро“ (1784). Дѣйствіе будто бы происходитъ въ Испаніи. Фигаро, бывшій цырюльникъ, теперь лакей и фактотумъ сеньера, которому онъ схлопоталъ и бракъ, и богатство, хочетъ наконецъ устроить собственное счастье, но встрѣчаетъ сотню препятствій: вѣдь онъ безправный мѣщанинъ, да еще въ частности оказываются права и притязанія на него и на его невѣсту со стороны самого сеньера, которому онъ служитъ; но Фигаро безконечно изворотливъ и въ концѣ-концовъ торжествуетъ надъ тупостью сеньера, безпомощнаго и невѣжественнаго во всѣхъ дѣлахъ, какъ и подобаетъ лицу благороднаго сословія. Вся пьеса построена на грубыхъ преувеличеніяхъ, но ее очень хорошо поняли, какъ аллегорію, и подъ этой маскировкой прошло множество ядовитыхъ замѣчаній. Между прочимъ Фигаро замѣчаетъ по поводу порядковъ въ „Мадридѣ“ (т.-е. во Франціи): „Говорятъ, въ мое отсутствіе установилась свобода печати подъ условіемъ, чтобы я не касался ни властей, ни церкви, ни политики, ни чиновныхъ лицъ, ни религіи, ни нравственности, ни оперы или другихъ театровъ, ни кого бы то ни было, кто съ кѣмъ-нибудь имѣетъ связи; я могу все печатать свободно подъ наблюденіемъ двухъ или трехъ цензоровъ“.

Еще до своего появленія на сценѣ пьеса вызвала разные толки, и ее сначала запретили ставить. Король Людовикъ XVI даже отозвался на случайный доносъ и посадилъ Бомарше въ тюрьму, при чемъ за скоростью, чтобы не отрываться отъ карточнаго стола, написалъ приказъ на пиковой семеркѣ. Бомарше пришлось самому проявить всю изворотливость Фигаро, чтобы добиться у двора разрѣшенія; онъ достигъ еще большаго: его ходатаями стали королева Марія Антуанета и братъ короля; придворные сыграли пьесу, и версальское барство смѣялось такимъ образомъ надъ самимъ собою.

Въ 50 и 60-хъ годахъ XVIII в. Руссо стоялъ довольно одиноко со своимъ ученіемъ о народномъ верховенствѣ; притомъ онъ предлагалъ такую форму демократической республики, которая была пригодна только для маленькихъ швейцарскихъ кантоновъ. Гораздо болѣе распространены демократическія идеи во Франціи въ 70 и 80-хъ годахъ; Мабли, характерный ихъ выразитель, предлагаетъ передать высшую законодательную власть собранію народныхъ представителей, что было уже вполнѣ осуществимо въ большой странѣ. При такомъ устройствѣ главная роль въ государствѣ должна была достаться многочисленному и зажи-

Digitized by Google

точному среднему классу, т.-е. буржуазіи. Мабли соединяетъ съ этимъ устройствомъ главное правило, предложенное Монтескьё, раздѣленіе властей: король и его совѣтники, образуя исполнительную власть, не должны имѣть никакого участія въ законодательномъ дѣлѣ народныхъ представителей. Мабли выражаетъ собою всю гордость вновь поднимающагося средняго класса; легкомысленнымъ, праздным и развращеннымъ высшимъ сословіямъ онъ хочетъ противопоставить идеалъ суровой добродѣтели; все счастье народа, по его мнѣнію, зависитъ отъ чистоты нравовъ. Самъ Мабли уклонился отъ предложеннаго ему обученія дофина и не захотѣлъ вступать въ Академію, чтобы не быть вынужденнымъ произносить восхваленіе ея основателя Ришельё, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ создателемъ абсолютизма.

Это убѣжденіе, что буржуазія проникнута высшими нравственными началами и борется противъ эгоизма и произвола устарѣлой тиранiи, сильно звучитъ у молодого поколѣнія. Когда передъ революціей буржуазія въ Бретани потребовала себѣ участія въ мѣстныхъ штатахъ, и бретонское дворянство, одно изъ самыхъ отсталыхъ во Франціи отказалось удовлетворить требованіе, въ главномъ городѣ провинціи, Реннѣ, произошли уличныя столкновенія, среди которыхъ были убиты дворянами два студента. Реннскіе студенты отправили делегата въ многолюдный промышленный Нантъ, чтобы вызвать на помощь буржуазію этого города. Делегатъ въ горячей рѣчи приглашалъ „сплотиться противъ сословія, которое держитъ народъ въ рабствѣ, и безумный эгоизмъ котораго видитъ въ бѣдствіи и слезахъ несчастныхъ лишь ужасную повинность и хотѣлъ бы продолжить ее на будущія поколѣнія". „Возстаніе во имя свободы и равенства должно занимать всякаго истиннаго гражданина третьяго сословія... но особенно молодыхъ людей, это счастливое поколѣніе, которому небо дало родиться достаточно поздно, чтобы насладиться плодами философіи XVIII в.".

Настроеніе буржуазіи принимало тѣмъ болѣе угрожающій характеръ противъ монархіи, чѣмъ менѣе сама монархія склонна была къ реформамъ и чѣмъ упорнѣе держалась союза съ привилегированными; но и среди послѣднихъ были люди, вполнѣ признававшіе силу поднявшагося класса и раздѣлявшіе его взгляды и требованія. Таковъ былъ маркизъ Лафайетъ, участвовавшій въ американской войнѣ, и графъ Мирабо, порвавшій прямо со своимъ сословіемъ. На собраніи штатовъ въ Провансѣ, южной провинціи, выдвинувшейся своей торговлей, Мирабо отъ имени третьяго сословія бросилъ вызовъ „непроизводительному" классу: „Берегитесь и не пренебрегите этой массой народа, которая все производитъ,— народа, который можетъ показать всю страшную силу свою, переставши работать".

Digitized by Google

Неудача умѣренной реформы. Среди возраставшаго недовольства буржуазіи прошли первыя 15 лѣтъ правленія Людовика XVI (съ 1774). Этотъ добрый и вялый человѣкъ, которому досталось опасное наслѣдіе абсолютной монархіи, не былъ противникомъ реформъ; но всѣ хорошія начинанія разбивались о противодѣйствіе двора, королевы и братьевъ короля, которые оказывали на него вредное вліяніе. При своемъ вступленіи Людовикъ XVI возстановилъ отмѣненные его предшественникомъ парламенты и вернулъ сосланныхъ судей. Генеральнымъ контролеромъ (министромъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ) онъ назначилъ Тюрго, ученаго и писателя-физіократа, показавшаго въ качествѣ интенданта области Лимузенъ (въ центрѣ Франціи) гуманность и энергическую заботу о нуждахъ населенія.

Тюрго задумалъ широкія реформы, безъ измѣненія однако общаго политическаго устройства. Власть короля должна была остаться неограниченной. Тюрго думалъ даже, что „если бы ему дали деспотическую власть на 5 лѣтъ, онъ сдѣлалъ бы Францію счастливой". Измѣненія должны были касаться общественнаго устройства, т.-е. правъ и положенія классовъ и управленія. Тюрго отмѣнилъ цехи, стѣснявшіе свободу дѣйствій мелкихъ промышленниковъ, уничтожилъ таможни, разгораживавшія отдѣльныя французскія области, точно враждебныя государства, и объявилъ свободную торговлю хлѣбомъ во всей странѣ, тогда какъ она раньше подлежала различнымъ стѣснительнымъ правиламъ. Онъ отмѣнилъ также государственную барщину крестьянъ по проведенію и починкѣ дорогъ.

Королевскіе указы, составленные Тюрго по этимъ поводамъ, отличались необычнымъ до тѣхъ поръ языкомъ. „Богъ, вложивъ въ человѣка потребности, сдѣлавъ для него необходимой работу, создалъ изъ права на трудъ собственность каждаго человѣка; изъ всѣхъ другихъ эта собственность — первая, самая священная и непреложная. Мы считаемъ первымъ долгомъ справедливости и однимъ изъ дѣйствій, наиболѣе достойныхъ нашего благорасположенія, — освободить нашихъ подданныхъ отъ всѣхъ покушеній на это неотчуждаемое право человѣчества". Такъ говорилось въ законѣ, отмѣнявшемъ цехи. Въ эдиктѣ, уничтожавшемъ барщину, законодатель говорилъ подробно о томъ, какъ несправедливъ даровой трудъ бѣдныхъ, тогда какъ средствами сообщенія пользуются главнымъ образомъ богатые и привилегированные землевладѣльцы; необходимо привлечь всѣхъ къ несенію общей повинности, переложивъ ее на деньги, вносимыя владѣльческимъ классомъ и платимыя рабочему. По мнѣнію престарѣлаго Вольтера († 1778), эти поученія народу и разсужденія съ нимъ очень отличались отъ старой приписки короля: „такъ намъ благоугодно".

Digitized by Google

У Тюрго былъ обширный планъ преобразованія всего управленія. Въ проектѣ онъ объяснялъ королю: причина всего зла во Франціи въ томъ, что нація не имѣетъ „устройства“. Высшая власть дѣлаетъ все и во все вмѣшивается; общество распадается на разрозненныя части и всякій преслѣдуетъ только свои частичные интересы, не заботясь о выполненіи общихъ обязанностей. Чтобы поднять самодѣятельность общества, Тюрго предлагалъ устроить совѣщательныя собранія (*муниципалитеты*) изъ земле- и домовладѣльцевъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ, приходскихъ совѣтовъ, восходя къ городскимъ, окружнымъ и провинціальнымъ: надъ всѣми ими должно было стать *національное совѣщательное собраніе*, или великій муниципалитетъ; мѣстныя собранія будутъ завѣдовать распредѣленіемъ налоговъ, общественными работами, попеченіемъ о бѣдныхъ; общее собраніе вмѣстѣ съ министрами будетъ распредѣлять налоги между провинціями и разрѣшать главные расходы внутри страны. Всѣ собранія должны имѣть право восходить съ ходатайствами къ королю. Тюрго вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ нужнымъ ввести всеобщее свѣтское обученіе для того, чтобы воспитать въ людяхъ общественныя чувства и гражданскія понятія. „Существуютъ методы и учрежденія, чтобы образовать геометровъ, физиковъ и живописцевъ, но нѣтъ еще ничего для образованія гражданъ“. Въ каждомъ приходѣ долженъ быть учитель, который бы „училъ дѣтей читать, писать, считать, измѣрять и объяснилъ бы имъ принципы механики“. Наконецъ Тюрго имѣлъ въ виду произвести выкупъ повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ и устранить неравенство между сословіями.

Проекты Тюрго не были выполнены. Противъ него интриговали придворные, такъ какъ онъ требовалъ сокращенія безполезныхъ тратъ. Тюрго послѣ неполныхъ двухъ лѣтъ управленія получилъ отставку (1776), и даже мѣры, которыя онъ успѣлъ провести, были отмѣнены. Въ свое время реформы Тюрго могли бы удовлетворить большую часть буржуазіи и примирить ее съ властью. Задержка всякой реформы раздражала все болѣе и болѣе третье сословіе. Хуже того, дворъ усилилъ реакцію: всѣмъ недворянамъ закрыли доступъ къ офицерскимъ чинамъ въ арміи, къ крупнымъ церковнымъ должностямъ и въ парламенты. Но и съ привилегированными правительство не умѣло поладить: возстановленные парламенты сопротивлялись всякому измѣненію въ положеніи крестьянъ и въ распредѣленіи налоговъ; они были опять разогнаны, какъ при Людовикѣ XV. Но теперь уже вся масса общества была на сторонѣ гонимыхъ, невзирая на то, что они сами стояли за отсталые порядки. Оппозиція передовая соединилась съ оппозиціей реакціонеровъ противъ верховной власти, не умѣвшей выбрать опредѣленнаго пути.

Созваніе генеральныхъ штатовъ. Между тѣмъ положеніе правитель-

Digitized by Google

ства ухудшилось и въ другомъ еще отношеніи. Къ старому долгу прибавились огромныя затраты, сдѣланныя въ американской войнѣ. Преемникъ Тюрго въ управленіи финансами, бывшій женевскій банкиръ Неккеръ, искалъ популярности у буржуазіи и чтобы освѣдомить ее о положеніи государственнаго хозяйства, впервые во Франціи опубликовалъ бюджетъ. Для всѣхъ открылось то, что до тѣхъ поръ только предполагали,—огромный *дефицитъ*, который немыслимо было поправить при существующемъ порядкѣ. Король далъ Неккеру отставку за несвоевременное открытіе тайны, но и его преемники должны были искать средствъ противъ угрожающаго финансоваго кризиса въ поддержкѣ самого общества.

Сначала попробовали обратиться къ самой незамѣтной, какъ казалось правительству, формѣ опроса страны, пригласили *нотаблей*, не призывавшихся съ временъ Ришелье. Нотабли, т.-е. сословные представители, назначенные по королевскому усмотрѣнію, тѣмъ не менѣе подвергли управленіе рѣзкой критикѣ. На этомъ собраніи впервые Лафайетомъ было выражено требованіе созвать генеральные штаты, совершенно забытые абсолютной монархіей съ 1614 г. Скоро это требованіе созвать штаты стало всеобщимъ. Его заявилъ и парижскій парламентъ передъ своимъ распущеніемъ и особенно настойчиво мѣстные штаты провинціи Дофинэ, собравшіеся самовольно безъ разрѣшенія короля, также послѣ полуторавѣковаго молчанія.

Въ Дофинэ, области, гдѣ было много мануфактурныхъ фабрикъ и металлическихъ заводовъ, а буржуазія отличалась особенной энергіей, гдѣ къ тому же не была окончательно истреблена старинная оппозиція протестантовъ, прошло еще одно важное измѣненіе. Третье сословіе потребовало себѣ въ штатахъ двойного количества голосовъ, которое равняло бы его дворянству и духовенству, вмѣстѣ взятымъ; голоса подавались затѣмъ не по сословіямъ, какъ было въ обычаѣ, а поголовно, что выдвигало третье сословіе на первое мѣсто. Буржуазія Дофинэ рѣшила такимъ образомъ заранѣе важнѣйшій вопросъ, который всталъ потомъ передъ общимъ собраніемъ штатовъ всей Франціи.

Когда генеральныхъ штатовъ потребовало и духовенство въ своемъ собраніи, Людовикъ XVI обѣщалъ созвать ихъ черезъ пять лѣтъ; но срокъ пришлось сократить, и снова приглашенный министромъ Неккеръ назначилъ созывъ ихъ на весну 1789 г. Мирабо, выступившій въ это время съ цѣлымъ рядомъ небольшихъ политическихъ брошюръ, писалъ по этому поводу: „нація въ однѣ сутки сдѣлала шагъ, равный цѣлому столѣтію“. По его мнѣнію, теперь нужно было бы королевской власти соединиться съ народомъ противъ привилегированныхъ; наступило время образованія демократической монархіи.

У правительства не было однако никакихъ опредѣленныхъ плановъ.

Digitized by Google

Въ королевскомъ указѣ о созывѣ штатовъ говорилось, правда, о томъ, что собраніе должно установить „постоянный и неизмѣнный порядокъ во всѣхъ частяхъ управленія, касающихся счастья подданныхъ и благосостоянія королевства... и уничтожить всѣ злоупотребленія". Правда также, что предоставлена была свобода выборовъ, къ которымъ допустили всѣхъ французовъ, достигшихъ 25 лѣтъ и платившихъ налогъ. Выборы происходили по сословіямъ, но третьему сословію было предоставлено двойное число голосовъ (600, остальнымъ двумъ по 300), такъ какъ „его дѣло,—говорилось въ указѣ,—связано съ благородными стремленіями и будетъ имѣть за себя общественное мнѣніе". Однако вопросъ о томъ, будутъ ли подавать голоса въ собраніи поголовно или посословно (что уничтожило бы всякій смыслъ удвоенія голосовъ), остался нерѣшеннымъ. Совершенно неясно было также, что будетъ предоставлено рѣшать собранію, только ли вопросъ объ изысканіи финансовъ, безпокоившій правительство, или и другіе вопросы.

Въ обществѣ, напротивъ, мнѣнія были очень опредѣленны. На выборахъ въ Провансѣ Мирабо, отвергнутый дворянами, выступилъ въ качествѣ „народнаго трибуна" и кандидата отъ третьяго сословія. Онъ говорилъ, что между королемъ и реакціонерами есть еще „маленькая" партія, называемая народомъ, и къ ней должны принадлежать всѣ порядочные люди. Газеты были тогда мало распространены, и ихъ роль замѣняли брошюры, въ которыхъ авторы излагали программы и объясняли необходимыя требованія. Особенную извѣстность пріобрѣла брошюра демократическаго аббата Сіэса, сущность которой выражена въ трехъ вопросахъ и трехъ отвѣтахъ: „Что такое третье сословіе?—Все. Чѣмъ оно было до сихъ поръ?—Ничѣмъ. Чѣмъ оно хочетъ быть?—Чѣмъ-нибудь". Послѣдній отвѣтъ былъ преувеличенно скроменъ; въ той же брошюрѣ указывалось, что третье сословіе — весь народъ, 96 процентовъ всей націи; его интересы должны покрыть все остальное. Книжка Сіэса разошлась въ нѣсколько дней въ количествѣ 40.000 экземпляровъ.

Въ нѣкоторыхъ брошюрахъ рѣчь шла главнымъ образомъ объ интересахъ простого народа, крестьянъ и городскихъ рабочихъ, и эта масса называлась впервые *четвертымъ сословіемъ*. Сами крестьяне, такъ же какъ и городскіе рабочіе, не прошли въ депутаты, во-первыхъ, потому, что не допускались къ участію люди, не платившіе налоговъ, т.-е. болѣе бѣдные, во-вторыхъ, потому, что выборы были двухстепенные (т.-е. въ первоначальныхъ собраніяхъ избирали выборщиковъ, которые уже опредѣляли депутатовъ); въ депутаты проходили большею частью ораторы, совѣтчики и составители проектовъ, люди интеллигентнаго, зажиточнаго слоя. Интересы низшихъ классовъ въ собраніи защищали

Digitized by Google

частью простые священники, разошедшіеся рѣзко съ богатымъ высшимъ клиромъ, частью адвокаты, вообще многочисленные въ штатахъ, главные противники феодальныхъ остатковъ въ деревнѣ, знакомые съ ними по многочисленнымъ процессамъ. Тѣ же лица, вмѣстѣ съ мелкими чиновниками, большею частью составляли и наказы отъ имени крестьянъ.

По старому обычаю генеральныхъ штатовъ выборщики снабдили своихъ избранниковъ *наказами*, или „тетрадями жалобъ“ (cahiers des doléances). Если собрать вмѣстѣ выраженныя въ нихъ желанія, то получится подробное изображеніе старой Франціи передъ революціей, ея порядковъ и ея настроенія. Сословія сходятся въ томъ, что Франція должна возродиться, снова найти свои „естественныя права“ и получить „свою конституцію“; но они очень различно смотрятъ на содержаніе этой конституціи.

Дворяне и высшее духовенство считаютъ, что короли захватили неправильно неограниченную власть, но думаютъ ограничить ихъ возстановленіемъ своихъ старинныхъ вольностей и преимуществъ. Третье сословіе понимаетъ ограниченіе въ томъ смыслѣ, что верховная власть должна перейти къ народу; нѣкоторые называютъ собраніе представителей *національнымъ собраніемъ*. Еще больше было различій по вопросу о правахъ сословій. Дворянство и высшій клиръ большею частью напоминали о „священныхъ правахъ собственности“ и заранѣе выражались противъ отмѣны феодальныхъ правъ, десятины и т. д. Буржуазія, напротивъ, настойчиво требовала уничтоженія всѣхъ привилегій, одинаковаго доступа людей всякаго званія ко всѣмъ должностямъ, равномѣрнаго обложенія, отмѣны всѣхъ особыхъ правъ провинцій и всѣхъ преградъ въ сношеніяхъ между ними. Одинаковое управленіе, одинакіе гражданскіе законы, единство вѣса и мѣры должны распространяться по всей Франціи, которая тогда образуетъ однородную націю равноправныхъ и свободныхъ личностей. Всѣ сословія высказывались также противъ системы королевскаго управленія въ областяхъ, противъ произвола интендантовъ и требовали большей самостоятельности: высшіе классы въ видѣ возстановленія старыхъ штатовъ, третье—въ видѣ провинціальныхъ собраній, наподобіе тѣхъ, которыя хотѣлъ ввести Тюрго. Требовали также измѣненія въ судебномъ устройствѣ, введенія гласности суда, присяжныхъ засѣдателей, защитниковъ для подсудимыхъ. Въ отношеніи церковнаго устройства возвращались къ требованіямъ эпохи реформаціи: свобода исповѣданія, отобраніе у духовенства имуществъ, выборы духовныхъ мірянами.

Въ генеральныхъ штатахъ 1789 г. сошлось все, что было самаго даровитаго и энергичнаго во Франціи, большинство съ горячимъ желаніемъ обновить родину на основѣ тѣхъ здравыхъ началъ, которыя об-

Digitized by Google

щество усвоило въ просвѣщеніи XVIII в. Казалось, что всѣ вопросы можно разрѣшить разумно, путемъ убѣжденія подѣйствовать на несогласныхъ; всѣ реформы, казалось, вытекаютъ изъ немногихъ основныхъ положеній, какъ бы догматовъ, которые можно выразить въ видѣ естественныхъ и неотъемлемыхъ „правъ человѣка и гражданина“. Настроеніе, выраженное въ наказахъ, было принесено депутатами въ собраніе 1789 г.; оно было поэтому похоже на большой духовный соборъ, рѣшавшій непререкаемо высшіе вопросы человѣческаго существованія.

Національное собраніе. Революція въ Парижѣ и деревняхъ. 5 мая 1789 г. среди величайшаго напряженія всей Франціи, сошлись въ Версали депутаты и выслушали неясныя рѣчи короля и его министровъ. Собраніе было предоставлено самому себѣ. По-старому сословія разошлись по отдѣльнымъ заламъ для разрозненныхъ совѣщаній. Но третье сословіе, считая себя истиннымъ представителемъ всей націи, пригласило два другія присоединиться къ нему. Нѣсколько недѣль прошли въ пререканіяхъ по этому поводу, пока, наконецъ, Сіэсъ предложилъ „обрѣзать канатъ“ и дать послѣдній срокъ остальнымъ двумъ чинамъ. Большинство дворянъ и духовенства рѣшило перейти въ засѣданія третьяго сословія, и соединенное собраніе провозгласило себя *національнымъ* (Assemblée Nationale).

Дворъ принялъ это неожиданное для него рѣшеніе за открытое неповиновеніе и попробовалъ старыя средства, примѣнявшіяся противъ непослушныхъ генеральныхъ штатовъ и парламентовъ; залу засѣданія заперли на замокъ, но собравшіеся въ паркѣ Версаля депутаты вошли въ случайно открытый гимнастическій павильонъ (jeu des paumes) и здѣсь, стоя, такъ какъ сидѣній не было, приняли торжественную клятву собираться непрерывно, гдѣ бы то ни было, и не расходиться до тѣхъ поръ, пока не выработаютъ для Франціи конституцію. Немного позже собраніе рѣшило принять въ виду этого и другое имя—*учредительнаго* (Constituante). Людовикъ XVI между тѣмъ назначилъ „королевское засѣданіе“, чтобы личнымъ появленіемъ и присутствіемъ подѣйствовать на непослушныхъ. Но и это не помогло: депутаты третьяго сословія остались молча на мѣстахъ, а когда церемоніймейстеръ, съ уходомъ короля, повторилъ требованіе разойтись, Мирабо отвѣтилъ, что собраніе сошлось по волѣ народа и можетъ быть разогнано только военной силой.

На это послѣднее средство и рѣшились при дворѣ. Король далъ отставку Неккеру и приказалъ стянуть къ Парижу войска, большею частью состоявшія изъ иностранныхъ наемниковъ. Тогда на защиту Національнаго собранія поднялось народное возстаніе въ Парижѣ. Въ огромномъ городѣ было множество безработныхъ, послѣ жестокой зимы грозилъ голодъ и наступала дороговизна; имущіе, особенно владѣтели

Digitized by Google

государственныхъ обязательствъ, были встревожены тѣмъ, что съ распущеніемъ національнаго собранія правительство замышляетъ банкротъ. Массы народа собирались въ саду Пале-Рояля, дворца популярныхъ Орлеанскихъ принцевъ, и здѣсь выступали передъ огромными сходками импровизированные ораторы. Господствующая мысль была отвратить грозящую реакцію захватомъ оружія. Подъ ея вліяніемъ въ старомъ зданіи думы (Hôtel de ville) собралось нѣсколько сотъ горожанъ, которые выбрали новое управленіе, принявшее старинное гордое названіе *Коммуны*. Новая дума рѣшила образовать милицію изъ гражданъ для защиты города отъ королевскихъ войскъ. Черезъ два дня, 14 іюля, огромная толпа захватила арсеналъ, вооружилась ружьями и пушками и взяла приступомъ укрѣпленную Бастилію, въ которой видѣли символъ всей прошлой эпохи произвола; Лафайетъ послалъ въ подарокъ Вашингтону ключи отъ взятой крѣпости. На другой день утромъ Людовику XVI сообщили о случившемся; на его замѣчаніе: „вѣдь это бунтъ!“ придворный отвѣтилъ: „нѣтъ, государь, это—революція!“

Король подчинился событіямъ, тѣмъ болѣе, что и войска мѣстами отказывали въ повиновеніи. Онъ окончательно призналъ Національное собраніе и даже пріѣхалъ въ Парижъ; здѣсь онъ утвердилъ городскимъ головой (мэромъ) популярнаго депутата Бальи, а начальникомъ *національной гвардіи* (милиціи изъ горожанъ) Лафайета и въ знакъ единенія съ народомъ принялъ новую трехцвѣтную кокарду (красный и синій— цвѣта Парижа, бѣлый — королевской династіи). Но большинство королевскихъ принцевъ и часть дворянъ, составлявшихъ придворную партію, не хотѣли примириться съ новымъ порядкомъ и выѣхали за границу Франціи.

Между тѣмъ 14-ое іюля отозвалось во всей Франціи; въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Бордо, народъ также взялъ королевскія крѣпости, но, главнымъ образомъ, поднялись крестьяне: они отказывались отдавать положенную по обычаю часть жатвы и десятину, врывались въ усадьбы сеньеровъ, отыскивали и уничтожали грамоты съ обозначеніемъ феодальныхъ повинностей, жгли замки и мѣстами совершали насилія надъ сеньерами. Толпы голодныхъ останавливали и грабили хлѣбные обозы.

Это было напоминаніемъ и для Національнаго собранія, состоявшаго изъ высшихъ классовъ и горожанъ, но имѣвшаго въ своихъ наказахъ настоятельныя требованія крестьянской реформы. Одинъ изъ сеньеровъ, проникнутыхъ новыми идеями, де Ноайль, въ ночномъ засѣданіи 4 августа сказалъ: „деревни просили не конституціи, а облегченія или измѣненія феодальныхъ повинностей“. Самъ ораторъ, а за нимъ и другіе наперерывъ стали предлагать уничтоженіе крѣпостничества, суда сеньеровъ, ихъ права охоты, ихъ свободы отъ налога и въ то же время

Digitized by Google

выкупъ феодальныхъ повинностей; въ результатѣ этого засѣданія установилось *равенство всѣхъ гражданъ* передъ закономъ и въ налогахъ, и одинаковый доступъ для всѣхъ къ должностямъ; особая комиссія должна была разработать подробно условія крестьянской реформы.

Народное движеніе не остановилось на этомъ. Осенью голодъ и безработица дали себя еще сильнѣе почувствовать въ Парижѣ. Все еще боялись вліянія придворныхъ на короля; народъ за время абсолютной монархіи привыкъ къ мысли, что король, распоряжаясь хлѣбной торговлей, можетъ привлечь изобиліе и дешевизну припасовъ. 5 октября стотысячная масса, въ которой было много женщинъ, двинулась изъ столицы въ Версаль, чтобы взять съ собой и увезти „хлѣбопека“, какъ называли короля. Лафайетъ съ національной гвардіей, составленной изъ зажиточной буржуазіи, двинулся за толпой, но и онъ могъ только посовѣтовать королю подчиниться и переѣхать въ Парижъ, переведя туда и Національное собраніе. Съ этого времени рѣшающее вліяніе на дальнѣйшія событія революціи пріобрѣтаетъ столица съ ея подвижнымъ, легко возбуждающимся населеніемъ.

Печать, клубы и партіи. Два новыхъ явленія общественной жизни придали Парижу особенную чуткость и отзывчивость: во-первыхъ, появленіе газетъ: „Революціи Парижа“, „Революціи Франціи и Брабанта“ (одновременно поднималась революція въ Бельгіи противъ австрійскаго правительства Іосифа II), „Друга Народа“ и многихъ другихъ. Первая изъ нихъ расходилась въ количествѣ 200.000 экземпляровъ; онѣ не только освѣдомляли населеніе о ходѣ засѣданій Національнаго собранія, о движеніи въ провинціяхъ, но также горячо обсуждали стоявшіе на очереди вопросы. Во-вторыхъ, образовались политическія общества для объединенія людей одинаковыхъ взглядовъ, для распространенія въ публикѣ политическихъ понятій и подготовки тѣхъ вопросовъ, которые стояли на очереди въ собраніи: основателями и главными дѣятелями этихъ „клубовъ“ были депутаты, встрѣчавшіеся здѣсь съ тѣми своими единомышленниками, которые не входили въ составъ собранія. Наибольшее значеніе пріобрѣлъ клубъ „Друзей конституціи“ въ домѣ упраздненнаго якобинскаго монастыря, которыхъ короче называли *якобинцами*. Парижскій клубъ якобинцевъ образовалъ нѣсколько сотъ отдѣленій въ провинціяхъ, съ которыми велись оживленныя сношенія. Въ клубѣ происходили собранія, ставившія на очередь тотъ или другой вопросъ; выслушивали ораторовъ, происходили пренія и затѣмъ постановлялась резолюція, которая нерѣдко, въ видѣ афишъ, расклеивалась во всеобщее свѣдѣніе.

Французское общество при старомъ порядкѣ, отстраненное отъ дѣлъ, естественно не знало партій и заключало въ себѣ только взгляды, чув-

Digitized by Google

ства и симпатій. Въ Учредительномъ собраніи, работавшемъ среди общественнаго возбужденія надъ важнѣйшими практическими вопросами, образовались очень скоро партіи. Сравнительно невелика была партія противниковъ конституціи, защищавшихъ вмѣстѣ съ неограниченной властью короля старыя сословныя привилегіи. Сторонники сословныхъ преимуществъ, между ними многіе дворяне, шумѣвшіе передъ революціей противъ произвола монархіи, теперь, когда явно начиналось торжество третьяго сословія, бросились въ реакцію и стали защищать королевскую власть, какъ оплотъ своихъ привилегій; они составляли въ собраніи „правую“ сторону. Другую крайность на „лѣвой“ представляли демократы, раздѣлявшіе теоріи Руссо о народовластіи, между ними впервые выдвигавшійся адвокатъ Робеспьеръ.

Главную массу образовали *конституціоналисты*, дѣлившіеся въ свою очередь на умѣренныхъ и болѣе рѣшительныхъ. Вторые, съ Барнавомъ во главѣ, добивались болѣе всего ограниченія королевской власти, считая ее важнѣйшей преградой свободѣ. Между умѣренными выдвигался Мирабо. На выборахъ и въ первые мѣсяцы работы генеральныхъ штатовъ онъ стоялъ за демократическія начала, выступалъ съ рѣзкой критикой одинаково противъ высшихъ сословій и двора. Но когда разрушенъ былъ старый общественный порядокъ, Мирабо измѣнилъ свое поведеніе и сталъ указывать на опасность народныхъ движеній; онъ хотѣлъ укрѣпить монархію на новыхъ началахъ равенства и національнаго представительства: король долженъ править въ согласіи съ большинствомъ народныхъ представителей, но онъ долженъ имѣть въ то же время сильный авторитетъ и возможность самостоятельнаго участія въ законодательствѣ. Мирабо думалъ при этомъ о парламентскомъ министерствѣ, наподобіе Англіи. Увѣренный въ правотѣ своей программы дѣйствій, онъ самъ хотѣлъ быть министромъ возрожденной демократической монархіи. Это привело его къ тайнымъ сношеніямъ съ дворомъ. Безпорядочный въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, онъ сталъ брать субсидію отъ двора, за что обязался давать королю совѣты. Но въ результатѣ получилось только невыгодное и недостойное для него положеніе. При дворѣ не довѣряли новообращенному трибуну и пренебрегали его совѣтами, а въ обществѣ и въ Національномъ собраніи создалось представленіе объ измѣнѣ самаго крупнаго и талантливаго дѣятеля революціи. Поведеніе Мирабо содѣйствовало еще большему разобщенію Учредительнаго собранія съ королемъ, тѣмъ болѣе, что Людовикъ XVI крайне тяготился новымъ положеніемъ государя, ограниченнаго въ своихъ правахъ, велъ таинственныя сношенія съ иностранными дворами и, повидимому, сочувствовалъ принцамъ и дворянамъ-эмигрантамъ.

Конституція 1791 года. Выработанная собраніемъ конституція начи-

Digitized by Google

налась „декларацiей правъ человѣка и гражданина"; предложенная Лафайетомъ, она составляла повтореніе извѣстнаго акта американцевъ. Декларацiя отражала представленія большинства собранія о справедливомъ общественномъ порядкѣ; современные французы называютъ ихъ „принципами 1789 года". Они главнымъ образомъ состояли въ требованіи равноправности и свободы личности. Въ первомъ пунктѣ декларацiи говорилось: „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ".

Исходя отсюда, просвѣщенная буржуазія, захватившая власть, уничтожила всѣ сословныя преграды и преимущества, титулы и привилегіи рожденія, изъятіе дворянъ и духовенства отъ налога и т. д. Въ качествѣ основныхъ правъ была признана свобода совѣсти и отмѣнены всѣ стѣсненія, тяготѣвшія надъ протестантами и евреями. Вводилась свобода печати и уничтожалась цензура. Судъ былъ преобразованъ на началахъ равенства: онъ сталъ общедоступнымъ и безплатнымъ, судопроизводство объявлено гласнымъ, и рѣшеніе по уголовнымъ дѣламъ предоставлено присяжнымъ засѣдателямъ, избираемымъ изъ среды гражданъ.

Декларацiя принимала ученіе о народовластіи, выдвинутое англійской и американской революціями: „основа верховной власти заключена въ націи"; „законъ есть выраженіе общей воли". Въ то же время было прибавлено, согласно теоріи Монтескьё, что ради обезпеченія свободы и правъ личности необходимо раздѣленіе властей; „общество, въ которомъ нѣтъ раздѣленія властей, не имѣетъ и конституціи". Въ то время, какъ королю и его министрамъ оставили только исполнительную власть, законодательную рѣшили передать единственной палатѣ народныхъ представителей (*законодательному* собранію). Участіе короля въ законодательствѣ лишь отрицательное; онъ можетъ налагать veto на постановленія собранія; но если дважды смѣнившіяся собранія настаиваютъ на томъ же рѣшеніи, veto теряетъ силу, и постановленіе становится закономъ безъ королевскаго согласія. Раздѣленіе доведено было однако до *разобщенія:* изъ боязни, какъ бы старая власть не стала оказывать давленіе на депутатовъ, подъ впечатлѣніемъ политики Мирабо и несмотря на его протестъ, было рѣшено, чтобы министры ни въ какомъ случаѣ не принадлежали къ палатѣ и не присутствовали въ ея засѣданіяхъ.

Король и министры были ограничены еще въ другомъ отношеніи: они не имѣли въ своемъ распоряженіи подчиненныхъ чиновниковъ. Старое дѣленіе Франціи на провинціи было уничтожено вмѣстѣ съ отмѣной ихъ особенныхъ правъ и устройства. Всѣ преграды внутренней торговли, таможни, соляной налогъ и т. д. пали. Королевство было объявлено „единымъ и нераздѣльнымъ". Для удобства управленія Францію разрѣзали

Digitized by Google

на равные приблизительно по размѣру и количеству населенія 83 департамента съ названіями, взятыми большею частью отъ рѣкъ, горныхъ цѣпей и террасъ, мысовъ и т. п. Старыя имена и дѣленія должны были исчезнуть, такъ какъ съ ними связывались историческія представленія о феодализмѣ, неравенствѣ и привилегіяхъ. Изъ ненависти къ прежней бюрократіи было введено полное *самоуправленіе*. Въ департаментахъ, въ ихъ подраздѣленіяхъ, округахъ и общинахъ всѣ власти, судьи, головы, старосты, сборщики налога и т. д. должны были избираться самимъ населеніемъ; высшая власть не могла ни утверждать, ни смѣщать ихъ. Вмѣстѣ съ косвенными налогами на продажу предметовъ потребленія отмѣнялась откупная система по сбору ихъ. Вводился одинъ *прямой налогъ* на земли, дома, торговыя и промышленныя заведенія.

До революціи могло казаться, что третье сословіе объединено въ своихъ интересахъ, что буржуазія лишь идетъ вождемъ всего народа въ стремленіи къ общему равенству. Но событія 1789 г., грозное выступленіе массъ произвели впечатлѣніе не только на правительство, но также на собраніе, въ которомъ преобладала зажиточная буржуазія. Ея страхъ передъ массами, ея желаніе отстранить демократію выразились въ различныхъ мѣрахъ, стоявшихъ въ противорѣчіи съ декларацією правъ.

Въ декларацiи было сказано: „всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ“. Въ дѣйствительности Учредительное собраніе провело въ средѣ гражданъ важное раздѣленіе по имущественному цензу на *активныхъ* и *пассивныхъ*. Къ первымъ были отнесены тѣ, кто уплачивалъ прямой налогъ не менѣе какъ въ размѣрѣ трехдневной рабочей платы, и только они пользовались политическими правами, т.-е. участіемъ въ выборахъ; для того, чтобы быть избраннымъ, надо было показать еще большій достатокъ въ размѣрѣ налога. Масса бѣдныхъ, въ ихъ числѣ большинство рабочихъ, была подъ названіемъ *пассивныхъ* выключена отъ всякаго участія въ политической жизни и въ мѣстномъ управленіи.

Церковная и крестьянская реформы. Интересы и понятія зажиточной буржуазіи отразились на другихъ реформахъ Учредительнаго собранія, церковной и крестьянской.

Церковь, владѣя $^1/_6$ всей территоріи и пользуясь со всего населенія десятиной, была привилегированнымъ собственникомъ, положеніе котораго совершенно противорѣчило понятію равенства. Господствующій взглядъ во французскомъ обществѣ, учившемся у просвѣтителей XVIII в., былъ тотъ, что не дѣло „наставниковъ морали“, какъ назвалъ Мирабо духовенство, завѣдовать огромнымъ богатствомъ, когда въ немъ нуждается государство. Достаточно обезпечить священниковъ жалованьемъ и отобрать всю церковную собственность на общую пользу. Согласно этому,

Digitized by Google

Учредительное собраніе объявило владѣнія церкви *національными имуществами* и назначило ихъ въ продажу на сумму 400 милліоновъ. Выручка должна была пойти на уплату государственнаго долга, и подъ обезпеченіе ея были выпущены *ассигнаціи*, т.-е. кредитныя бумаги. Низшее духовенство, которое имѣло мало участія въ пользованіи богатствами церкви, голосовало вмѣстѣ съ буржуазіей за эту реформу.

Но собраніе пошло еще дальше и оттолкнуло отъ себя большую часть духовенства. Оно издало „гражданское положеніе о клирѣ", которымъ отмѣняло архіепископства и сокращало число епископовъ; отнынѣ само населеніе должно было выбирать епископовъ и священниковъ, такъ же, какъ и другихъ должностныхъ лицъ. Избранный епископъ не подлежалъ утвержденію папы, а лишь извѣщалъ его, „какъ видимаго главу церкви"; присяга въ повиновеніи папѣ отмѣнялась, но зато духовные въ качествѣ „общественныхъ чиновниковъ" должны были присягать на вѣрность конституціи и обѣщать полное повиновеніе націи, закону и королю, иначе имъ грозила отставка и потеря правъ гражданства. Это былъ въ сущности разрывъ съ Римомъ и отмѣна католичества во Франціи. Отчасти Учредительное собраніе продолжало галликанскую политику Людовика XIV, отчасти совершило то, что уже давно было въ протестантскихъ странахъ.

Но, вмѣшавшись въ устройство церковныхъ дѣлъ, оно нарушало провозглашенный имъ же принципъ свободы совѣсти, предоставленія каждому вѣрить и молиться, какъ кто считаетъ правильнымъ. Папа отказался признать новое положеніе и вновь выбранныхъ епископовъ. Въ средѣ духовенства, даже и низшаго, до тѣхъ поръ преданнаго дѣлу революціи, произошелъ расколъ; оно было поставлено въ тяжелое положеніе между подчиненіемъ родной странѣ и своему духовному главѣ, представителю идеальной вселенской общины: одни согласились принять присягу, другіе отказались и этимъ были поставлены внѣ закона.

Національныя имущества пошли въ продажу и были раскуплены частью буржуазіей, частью крестьянами. Въ обществѣ поднимались голоса, настаивавшіе на томъ, что должно воспользоваться внезапнымъ пріобрѣтеніемъ государства для раздачи участковъ бѣднымъ и устройства мелкаго крестьянскаго владѣнія. Говорили, что „забота о поддержаніи бѣднаго—не менѣе важное обстоятельство для строя государства, чѣмъ сохраненіе собственности богатаго".

Но собраніе не было расположено оказывать особую поддержку мелкимъ хозяевамъ. Это видно на крестьянской реформѣ. Повинности крестьянъ на сеньеровъ рѣшено было отмѣнить, но лишь немногія изъ нихъ—безвозмездно; отъ большинства ихъ крестьяне могли освобождаться лишь путемъ выкупа, притомъ на условіяхъ весьма тяжелыхъ: кто хотѣлъ

Digitized by Google

выкупать, долженъ былъ откупиться отъ всѣхъ повинностей разомъ, а это было дорого: чтобы выкупить одни только ежегодные взносы, платимые сеньерамъ, нужно было заплатить сумму капитала въ 20—25 разъ большую; но помимо того надо было выкупать еще разныя „случайныя" повинности, какъ, напр., взносъ въ случаѣ продажи крестьяниномъ своего участка. Все это приходилось оплатить капиталомъ, какъ бы отдавая заразъ долгъ, съ котораго процентами считались прежнія повинности. Государство не дало отъ себя никакихъ средствъ крестьянамъ для облегченія выкупа. Классъ, достигшій господства, считалъ дѣло власти покончennымъ, разъ предоставлена была помѣщикамъ и крестьянамъ свобода размежеваться между собою. При этихъ условіяхъ крестьяне большею частью отказывались отъ выкупа, но они не хотѣли также платить и повинностей. *Аграрные безпорядки*, т.-е. разореніе помѣщичьихъ экономій, насильственный захватъ жатвы, продолжались и на другой годъ послѣ 1789 г., въ то время, когда Учредительное собраніе занималось выработкой общихъ законовъ.

Собраніе отнеслось также невнимательно или враждебно къ городскимъ и индустріальнымъ рабочимъ. Имѣя въ виду полное освобожденіе личности, оно запретило *всякія соединенія гражданъ* одного и того же состоянія и занятія, такъ какъ подобныя общества заключаютъ въ себѣ „покушеніе на свободу и декларацію правъ человѣка". „Никому не дозволяется внушать гражданамъ какой-либо промежуточный интересъ, отдѣлять ихъ отъ общаго дѣла духомъ корпораціи"; всякая корпорація противорѣчитъ „свободному соглашенію лица съ лицомъ". Такимъ путемъ уничтожались старые цехи, союзы мастеровъ, которые мѣшали подчиненнымъ рабочимъ пробиваться въ хозяева; но тѣ же распоряженія собранія воспрещали рабочимъ составлять союзы между собою для защиты своихъ интересовъ противъ предпринимателей.

Какъ въ вопросѣ объ избирательныхъ правахъ, въ крестьянскомъ вопросѣ, такъ и здѣсь Собраніе оказалось на сторонѣ богатаго и зажиточнаго класса. Въ средѣ „третьяго сословія", столь единодушнаго въ 1789 г., обнаружилась глубокая рознь двухъ разрядовъ, буржуазіи и остальной массы. Дѣйствовавшее въ духѣ буржуазіи собраніе было черезъ два года, въ 1791 г., далеко не такъ популярно, какъ вначалѣ.

Возникновеніе республиканской партіи. Но и то, что оно успѣло сдѣлать, подвергалось большой опасности. Король соглашался на всѣ реформы съ явной неохотой; онъ не былъ искренснъ въ своихъ рѣшеніяхъ, считалъ ихъ вынужденными и втайнѣ дожидался случая, чтобы выйти изъ своего плѣна, сбросить опеку и опрокинуть конституціонное устройство, которому присягнулъ. Еще болѣе поддерживала его въ томъ королева Марія Антуанета, его родство и остатки придворной партіи, разсчи-

Digitized by Google

тывая на вмѣшательство иностранныхъ дворовъ (Марія Антуанета была сестрой Іосифа II). Объ этомъ вмѣшательствѣ явно хлопотали принцы и сеньеры-эмигранты, представляя въ особенности австрійскому и прусскому двору, какъ опасна для всѣхъ монархическихъ правительствъ Европы революція, происходящая во Франціи.

Государи прусскій и австрійскій (Леопольдъ II) съѣхались для переговоровъ въ Пильницѣ, въ Богеміи. Незадолго до того умеръ Мирабо, который, правда, желалъ освободить короля изъ Парижа, но рѣшительно отсовѣтовалъ ему искать помощи за границей противъ своей націи. Людовикъ XVI возымѣлъ несчастливую мысль бѣжать изъ Франціи, чтобы присоединиться къ эмигрантамъ. Но его узнали недалеко отъ границы Бельгіи и вернули въ Парижъ (лѣтомъ 1791 г.). Попытка бѣгства вызвала въ народѣ сильное раздраженіе; теперь открыто стали высказываться въ клубахъ, въ печати, на сходкахъ противники монархіи, которые требовали продолженія революціи въ смыслѣ установленія республиканскаго строя. Собраніе, правда, взяло короля подъ стражу и временно отрѣшило его отъ исполнительной власти, но выступило въ то же время рѣзко и сурово противъ республиканцевъ. Барнавъ, до тѣхъ поръ горячій сторонникъ ограниченія монархіи, заявилъ: „революція должна остановиться; еще шагъ на пути свободы, и мы уничтожимъ королевскую власть; еще шагъ на пути равенства, и мы увидимъ уничтоженіе собственности".

Черезъ мѣсяцъ послѣ бѣгства короля долженъ былъ происходить праздникъ *федераціи*, т.-е. общаго объединенія всѣхъ французовъ. Противники монархіи составили петицію о низложеніи Людовика XVI и предложили желающимъ подписать ее на „алтарѣ отечества", воздвигнутомъ на Марсовомъ полѣ, гдѣ народъ долженъ былъ собраться на праздникъ. По распоряженію собранія на полѣ явились однако городской голова Бальи и Лафайетъ съ войсками и національной гвардіей. Толпа стала бросать въ солдатъ каменья, а тѣ дали залпъ въ массу, скученную на ступеняхъ, убили и ранили нѣсколько человѣкъ. Произошло первое кровавое столкновеніе между двумя большими группами стараго третьяго сословія.

Наиболѣе дѣятельный изъ политическихъ клубовъ также раздѣлился. Барнавъ и другіе сторонники конституціонной монархіи вышли изъ состава якобинцевъ и образовался особый клубъ (фельяновъ). Съ ихъ уходомъ якобинскій клубъ сдѣлался главнымъ средоточіемъ республиканскихъ идей. Соединяя въ себѣ преимущественно людей съ образованіемъ, адвокатовъ, литераторовъ, врачей, учителей, техниковъ, клубъ сталъ вести горячую агитацію особенно среди низшихъ классовъ городского населенія. Опираясь на свои провинціальныя отдѣленія, дѣйствуя на публику посредствомъ агентовъ, которые появлялись на площадяхъ,

Digitized by Google

въ общественныхъ садахъ, галлереяхъ, собраніяхъ и т. д., якобинцы выступали сплоченной силой на выборахъ въ городскія и департаментскія должности и въ законодательное собраніе; между тѣмъ масса населенія относилась къ политическимъ выборамъ равнодушно или недовѣрчиво: иногда къ нимъ не являлись $^3/_4$, $^9/_{10}$ даже того ограниченнаго состава активныхъ гражданъ, которые были надѣлены правами. При этихъ условіяхъ якобинцы, несмотря на то, что были въ меньшинствѣ, проводили своихъ кандидатовъ и завладѣвали городскими совѣтами. Тѣ же самыя обстоятельства, вмѣстѣ со страхомъ передъ иноземнымъ нашествіемъ и грозящей отъ него реакціей, дали имъ власть и надъ всей Франціей.

Въ сентябрѣ 1791 г. Учредительное собраніе закончило свою работу и уступило свое мѣсто новому Законодательному собранію, выбранному согласно конституціи. Чтобы избѣгнуть упрека, что они работали въ свою пользу, депутаты Учредительнаго собранія рѣшили единодушно отказаться отъ участія въ слѣдующей за ними палатѣ, и Законодательное собраніе составилось изъ людей вполнѣ новыхъ, большею частью молодыхъ, другого поколѣнія, настроеннаго гораздо болѣе рѣшительно въ пользу демократіи. Въ новой палатѣ сторонники конституціонной монархіи уже составляли консервативную правую сторону. Лѣвую образовали демократы, склонявшіеся къ республикѣ; они въ свою очередь распадались на двѣ группы: такъ наз. жирондистовъ (названіе отъ департамента Жиронды, съ гор. Бордо, откуда были самые талантливые дѣятели партіи) и настоящихъ якобинцевъ, впослѣдствіи прозванныхъ монтаньярами (партіей „горы“, т.-е. высоко расположенныхъ мѣстъ въ собраніи).

Жирондисты представляли себѣ республику въ видѣ идеальной формы, гдѣ найдутъ осуществленіе начала общей свободы и равенства; установленіе ея совершится въ силу торжества разума и общаго порыва народнаго увлеченія. Идеалистическіе взгляды жирондистовъ болѣе всего отразились у Кондорсе (1743—94), который принадлежалъ, впрочемъ, къ болѣе раннему поколѣнію, былъ близокъ къ старику Вольтеру и участвовалъ въ министерствѣ Тюрго. Кондорсе, выдающійся ученый, математикъ и естественникъ, сотрудникъ Энциклопедіи и толкователь Монтескьё, былъ увлеченъ общественнымъ движеніемъ революціи. Горячо убѣжденный и мягко сдержанный, „вулканъ подъ снѣгомъ“, Кондорсе защищалъ самоуправленіе, свободу печати, права женщинъ, освобожденіе цвѣтныхъ невольниковъ. Кондорсе первый послѣ бѣгства короля сталъ издавать республиканскую газету. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ Законодательномъ собраніи и въ Коммунѣ. Его главной задачей была постановка широкаго народнаго образованія; по его мысли государство должно давать средства на школы, и обученіе должно быть

Digitized by Google

даровымъ; Кондорсе стоялъ за равное образованіе и совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ. Вѣра въ силу науки, какъ главнаго двигателя общественнаго совершенствованія, выражена особенно въ послѣднемъ сочиненіи Кондорсе, написанномъ въ то время, когда онъ скрывался отъ смертнаго приговора, въ „Очеркѣ успѣховъ человѣческаго ума".

Кондорсе думаетъ, что исторія культуры есть исторія великихъ завоеваній ума, ростъ точныхъ знаній. Религія не занимала мѣста въ успѣхахъ человѣчества; мистика всегда была только помраченіемъ. Въ средніе вѣка господствующія силы, папы, монахи, поддерживали невѣжество и воспламеняли жестокія чувства; они пользовались во зло неполной скрытой наукой. Свободная ясная наука новаго времени становится общимъ достояніемъ и главнымъ орудіемъ освобожденія общества. Революція была разрушеніемъ послѣдней преграды, мѣшавшей человѣчеству идти по пути безконечнаго прогресса. „Отнынѣ совершенствованіе человѣка не зависитъ болѣе отъ силъ, которыя бы могли его остановить, и ему нѣтъ иныхъ предѣловъ, кромѣ существованія нашего земного шара". Въ будущемъ Кондорсе представляетъ себѣ колонизацію дикихъ и пустынныхъ материковъ, грандіозное развитіе путей сообщенія, всестороннее практическое примѣненіе научныхъ началъ для улучшенія жизненныхъ условій массъ. Вмѣсто правительства съ его чиновниками, хитрой дипломатіей и политикой захватовъ, во главѣ общества должна стать большая организація для научныхъ опытовъ и открытій, для сосредоточенія лучшихъ умовъ и передовыхъ идей.

Законодательное собраніе нашло работу Учредительнаго неоконченной и недостаточной. Оно совершенно иначе отнеслось къ крестьянскому вопросу и провело рѣшительную реформу въ этомъ дѣлѣ. Учредительное собраніе въ дѣлѣ уничтоженія феодализма и размежеванія правъ между помѣщиками и крестьянами стояло скорѣе на сторонѣ первыхъ; оно признало право давности за большей частью повинностей и считало, что крестьянинъ не обязанъ выкупаться только въ томъ случаѣ, если можетъ предъявить документъ въ доказательство своей давнишней свободы отъ взносовъ; иначе ему предстояло платить капитальную сумму за освобожденіе отъ всѣхъ повинностей заразъ. Законодательное собраніе, напротивъ, потребовало, чтобы помѣщики предъявляли документы въ доказательство своихъ правъ, иначе повинности уничтожались безъ вознагражденія. Такъ какъ подобныхъ документовъ по большей части нельзя было добыть, то этимъ самымъ повинности отмѣнялись безвозмездно; крестьяне сразу и *безъ выкупа* стали свободными собственниками тѣхъ земель, на которыхъ они сидѣли.

Это было вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы объявленіемъ войны старымъ привилегированнымъ собственникамъ. Часть ихъ находилась въ это время

Digitized by Google

за границей и грозила революціонной Франціи военной расправой. Весьма понятно, что на это сторонники преобразованія отвѣчали имъ въ свою очередь суровой мѣрой. Законодательное собраніе объявило конфискацію имуществъ и смертную казнь эмигрантамъ, которые не вернутся на родину послѣ извѣстнаго срока. Но въ своемъ революціонномъ рвеніи Законодательное собраніе присоединило къ врагамъ новаго строя и неприсягнувшихъ священниковъ, объявивъ имъ отставку и двухлѣтнее заключеніе въ случаѣ упорства.

Король положилъ veto на декреты собранія противъ эмигрантовъ и духовныхъ. Это только усилило раздраженіе противъ него въ собраніи и въ народѣ. Стали говорить о его тайныхъ сношеніяхъ съ иностранными дворами, которые готовились вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи. Жирондисты считали нужнымъ предупредить враговъ и отвѣтить имъ народной войной, которая превратилась бы въ общее возстаніе народовъ противъ королей. Людовику XVI казалось со своей стороны, что война поможетъ ему выйти изъ затрудненія; онъ составилъ министерство изъ жирондистовъ и объявилъ войну Австріи; въ армію начали записываться массами добровольцы изъ молодежи. Сложились революціонно-патріотическія пѣсни, между ними знаменитая марсельёза Руже де Лиля, обошедшая потомъ всю Европу. На защиту Парижа двинулись изъ провинцій отряды „федератовъ“, т.-е. отряды добровольной милиціи.

Паденіе монархіи. Но движеніе повернулось прежде всего противъ монархіи. Людовикъ XVI отказался утвердить рѣшеніе собранія объ устройствѣ лагеря для 20.000 федератовъ въ Парижѣ; тогда министерство жирондистовъ вышло въ отставку. Жирондисты думали подѣйствовать на короля большими народными демонстраціями. Но отряды рабочихъ въ предмѣстьяхъ Парижа привыкли слушаться не ихъ, а болѣе крайнихъ якобинцевъ. Движеніе ко дворцу 20 іюня 1792 года превратилось въ нападеніе. Толпа ворвалась въ Тюильри, король долженъ былъ надѣть революціонный красный колпакъ и пить изъ бутылки за здоровье народа; но утвержденія отвергнутыхъ имъ постановленій не добились. Между тѣмъ приходили вѣсти о вторженіи врага, пруссаковъ, въ предѣлы Франціи; посланныя имъ навстрѣчу войска были плохо подготовлены и разбѣгались въ паникѣ. Къ тому же безтактно велъ себя и начальникъ арміи на границѣ, Лафайетъ. Его больше занимали внутреннія дѣла: онъ обвинялъ въ безпорядкахъ якобинскую „шайку“, говорилъ вызывающимъ тономъ съ собраніемъ и обѣщалъ королю поддержку войска. До послѣдней крайности довелъ встревоженныхъ парижанъ манифестъ, изданный главнокомандующимъ прусскою арміей, герцогомъ Брауншвейгскимъ, и составленный вѣроятно кѣмъ-либо изъ

Digitized by Google

эмигрантовъ: въ немъ содержались угрозы произвести казни, сжечь дома, разрушить Парижъ.

По предложенію жирондиста Верньо, Законодательное собраніе объявило „отечество въ опасности“ и взяло на себя верховное руководство управленіемъ; но Парижъ былъ во власти якобинцевъ, которые захватили зданіе Думы, образовали новое управленіе въ Коммунѣ и во второй разъ напали на королевскій дворецъ (10 августа). Людовикъ XVI бѣжалъ съ семьей въ Законодательное собраніе: здѣсь въ его присутствіи королевская власть была „пріостановлена“, самъ онъ отведенъ въ тюрьму. Лафайета, пытавшагося увлечь войско къ походу на Парижъ, встрѣтили негодованіемъ, и онъ бѣжалъ за границу. Снова было образовано министерство жирондистовъ, но они должны были принять въ свою среду одного изъ организаторовъ возстанія, Дантона, сдѣлавшагося министромъ юстиціи. Дантонъ первый примѣнилъ *терроръ* къ внутреннимъ врагамъ революціи; въ это время всѣ говорили о происках и заговорахъ монархистовъ и „аристократовъ“, вошедшихъ въ соглашеніе съ эмигрантами; по предложенію Дантона собраніе назначило чрезвычайный судъ для наказанія сторонниковъ двора; онъ велѣлъ также произвести обыски по всему Парижу, чтобы обнаружить спрятанное оружіе и арестовать подозрительныхъ. Тюрьмы наполнились массой людей, захваченныхъ комиссарами частью по личнымъ побужденіямъ. Черезъ нѣсколько дней по мѣстамъ заключенія прошли разъяренные отряды, перебившіе плѣнниковъ, которые дожидались суда.

Конституція 1791 года съ паденіемъ монархіи рушилась. Законодательное собраніе рѣшило разойтись, чтобы дать мѣсто *національному конвенту* (въ сентябрѣ 1792 г.), который долженъ былъ опредѣлить форму правленія. Первымъ дѣломъ Конвента было провозглашеніе республики. Основаніе республики во Франціи было рѣшено признать началомъ новой эры и слѣдующій годъ считать первымъ годомъ революціоннаго календаря. Наканунѣ открытія Конвента новый главнокомандующій, Дюмурье, отбилъ нападеніе пруссаковъ при Вальми и скоро потомъ перешелъ въ наступленіе. Французы заняли Бельгію, лѣвый берегъ Рейна и отняли на югѣ у сардинскаго короля Савойю и Ниццу.

Въ Конвентѣ центръ тяжести передвинулся еще болѣе влѣво сравнительно съ Законодательнымъ собраніемъ, и партія „горы“ стала сильнѣе; жирондисты занимали въ Конвентѣ уже правую сторону. Но масса депутатовъ состояла изъ людей безразличныхъ („болото“), которые голосовали большею частью подъ страхомъ давленія якобинскихъ вождей, публики, приводимой ими въ галлереи Конвента, и вооруженныхъ группъ парижскихъ ремесленниковъ и рабочихъ, вторгавшихся по временамъ въ собраніе. Этимъ объясняются большія колебанія въ поведеніи Кон-

Digitized by Google

вента за три года его существованія (1792—1795) и его поворотъ въ сторону реакціи послѣ гибели сначала жирондистовъ, потомъ и монтаньяровъ.

Якобинская республика. Самымъ горячимъ временемъ дѣятельности Конвента, гдѣ опять сидѣли наиболѣе талантливые люди Франціи, былъ 1793 годъ. Поэтому принято противополагать умѣреннымъ, конституціоннымъ „принципамъ 1789 г." демократическіе, непримиримые „принципы 1793 года". Конвентъ принялъ новую конституцію, которую однако было рѣшено не вводить въ дѣйствіе до окончанія войны и внутренней смуты. Въ конституціи 1793 г. провозглашалось *политическое равенство* всѣхъ французовъ съ допущеніемъ всего мужского населенія старше 21 года къ выборамъ. Затѣмъ Конвентъ призналъ необходимымъ обязательное для всѣхъ и даровое обученіе; депутатъ Лаканаль, получившій завѣдованіе народнымъ просвѣщеніемъ, положилъ въ основу своей работы ту мысль, что „невѣжественный народъ не можетъ быть свободнымъ".

Въ республиканскихъ кругахъ сложился особый идеалъ гражданской „добродѣтели", составленный изъ спартанской суровости и американско-квекерской простоты: мужчины и женщины стали носить темные костюмы, лишенные всякихъ украшеній, въ противоположность яркой пестротѣ и позолотѣ предшествующей эпохи, говорили другъ другу „ты", „гражданинъ", „гражданка". Къ протесту буржуазіи противъ салонныхъ нравовъ дворянства здѣсь примѣшивалось нѣкоторое народничество, преклоненіе передъ трудовымъ классомъ и его привычками.

Конвенту не пришлось спокойно работать. Въ началѣ 1793 г. послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, одержанныхъ республиканскими войсками, послѣдовали неудачи: Дюмурье, разбитый австрійцами, повторилъ бѣгство Лафайста. Республика нажила себѣ новыхъ враговъ: объявили войну Англіи, Голландіи и Испаніи, папѣ и Германской имперіи. Франція была теперь въ борьбѣ почти со всей Европой. Внутри также поднималось возстаніе противъ революціи: въ Вандеѣ, т.-е. мѣстности около устьевъ Луары, и въ Бретани, въ самыхъ отсталыхъ областяхъ Франціи, дворяне и сторонники неприсягнувшихъ священниковъ отказались повиноваться Конвенту и вооружились на защиту монархіи. Революціонное правительство Конвента получило по наслѣдству отъ монархіи банкротство финансовъ. Продажа національныхъ имуществъ далеко не могла покрыть долга: выпущенные подъ ихъ обезпеченіе ассигнаціи крайне упали въ цѣнѣ, и ихъ никто не бралъ. Разореніе продолжалось, кредита не было, и масса людей находилась въ отчаяніи. Надо было спасать цѣлость отечества и преобразованія революціи.

Въ это тревожное время политическіе дѣятели рѣзко разошлись по вопросу о средствахъ борьбы и спасенія Франціи. Жирондисты не могли

Digitized by Google

удержаться со своей программой „чистой“ республики. Гораздо энергичнѣе ихъ оказалась „гора“ — якобинцы, которые требовали суровыхъ и безпощадныхъ мѣръ противъ враговъ республики и ради спасенія дѣла революціи готовы были временно подавить начало свободы, примѣнивъ къ врагамъ тотъ же деспотизмъ, которымъ отличалось старое правительство. Они стояли за продолженіе террора, начавшагося въ сентябрѣ 1792 г.

Первою мѣрою устрашенія они считали судъ надъ королемъ. Какъ индепендентская армія въ Англіи, такъ теперь якобинцы хотѣли казнью короля совершить непоправимый разрывъ съ прошлымъ. Робеспьеръ, самый вліятельный ораторъ якобинскаго клуба, требовалъ „смерти Людовика XVI, чтобы жила республика“. Жирондисты не хотѣли этой смерти, но согласились на судъ, въ надеждѣ, что дѣло будетъ отдано на окончательное рѣшеніе всего народа и что народъ отвергнетъ казнь. Парижъ рѣшилъ въ этомъ духѣ за Францію. Подъ давленіемъ Коммуны, якобинскаго клуба и вооруженныхъ группъ парижскихъ рабочихъ большинство членовъ Конвента голосовало противъ апелляціи къ народу и за казнь, которая и была исполнена въ началѣ 1793 г. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ паденія жирондистовъ.

Затѣмъ по предложенію Дантона Конвентъ установилъ чрезвычайные революціонные суды для наказанія измѣнниковъ, бунтовщиковъ, недобросовѣстныхъ поставщиковъ въ армію, поддѣлывателей бумажныхъ денегъ и т. д. Въ отвѣтъ на вандейское возстаніе Конвентъ объявилъ смерть всѣмъ эмигрантамъ и неприсяжнымъ священникамъ, которые будутъ найдены во Франціи; во всѣхъ общинахъ должны были образоваться революціонные комитеты для наблюденія за „подозрительными“. Члены мѣстныхъ якобинскихъ обществъ и агенты клуба всюду выступали главными дѣятелями и пособниками этихъ комитетовъ. Наконецъ былъ учрежденъ высшій надзоръ *комитета общественнаго спасенія*, которому Конвентъ передалъ чрезвычайную исполнительную власть. Отъ комитета зависѣли *комиссары*, посылаемые Конвентомъ въ провинціи, которые вмѣшивались въ общинное и городское управленіе и повторяли такимъ образомъ произволъ прежнихъ интендантовъ абсолютной монархіи. Комитетъ общественнаго спасенія былъ настоящимъ деспотомъ надъ всей Франціей во имя революціи. Мѣры Конвента и Комитета, распоряженія комиссаровъ и доносы со стороны якобинскихъ обществъ въ Парижѣ и провинціяхъ довели борьбу между враждебными другъ другу группами населенія до послѣдней крайности.

Крупнѣйшей жертвой взаимнаго подозрѣнія были жирондисты. Противясь революціонной диктатурѣ Парижа надъ провинціями, они потребовали преданія суду Дантона, демократическаго журналиста Марата

Digitized by Google

и другихъ. Въ свою очередь они сами подверглись обвиненію въ федерализмѣ, т.-е. желаніи раздробить Францію: патріоты-якобинцы видѣли въ ихъ враждѣ къ Парижу измѣну „республикѣ единой и нераздѣльной“. Коммуна подняла мелкихъ мастеровъ и рабочихъ парижскихъ предмѣстій, два раза врывавшихся въ засѣданіе Конвента и потребовавшихъ исключенія изъ него Верньо, Кондорсе и другихъ выдающихся жирондистскихъ дѣятелей (въ началѣ іюня 1793 г.). Они были отправлены въ тюрьму и черезъ нѣсколько времени казнены въ числѣ массы осужденныхъ революціоннымъ трибуналомъ (судомъ). Нѣкоторые успѣли бѣжать: между ними Кондорсе, скрывавшійся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, снова захваченный и покончившій самоубійствомъ; другіе подняли возстаніе въ провинціяхъ, принявшее особенно опасные размѣры въ Ліонѣ: всюду во Франціи было недовольство противъ деспотизма Парижа. Побѣдившіе въ столицѣ якобинцы отвѣтили новыми суровостями; Ліонъ рѣшено было разрушить до основанія, въ Нантѣ комиссаръ Конвента разстрѣливалъ и топилъ тысячи людей, противъ вандейцевъ были отправлены такъ называемыя „адскія“ колонны. Въ числѣ казненныхъ былъ первый мэръ Парижа Бальи, Барнавъ, знаменитый химикъ Лавуазье, поэтъ Шенье.

Но въ средѣ побѣдителей произошелъ расколъ: между тѣмъ какъ Дантонъ находилъ, что пора прекратить терроръ, Робеспьеръ, подчинившій себѣ Комитетъ общественнаго спасенія, требовалъ новыхъ жертвъ. Будучи сторонникомъ религіи въ духѣ Руссо, Робеспьеръ возставалъ также противъ тѣхъ раціоналистовъ, которые хотѣли отмѣнить христіанское богослуженіе и замѣнить его культомъ Разума. Въ Конвентѣ послѣ казни и бѣгства жирондистовъ, послѣ отправки многихъ его членовъ комиссарами въ провинцію оставалось немного членовъ; они сначала, въ страхѣ, чтобы не попасть въ число подозрительныхъ, давали согласіе на предложенія Робеспьера. И Дантонъ съ друзьями, и „атеисты“ были арестованы и казнены гильотиной.

Робеспьеръ на короткій срокъ достигъ неограниченнаго господства. Онъ воспользовался своимъ положеніемъ для того, чтобы ввести въ Парижѣ поклоненіе Высшему Существу. Въ театрально-драматическомъ шествіи по улицамъ и въ богослуженіи, напоминавшемъ во многомъ католическій культъ, Робеспьеръ былъ впереди, точно первосвященникъ новой религіи. Его подозрительность стала наконецъ страшна ближайшимъ его товарищамъ во всесильномъ Комитетѣ общественнаго спасенія. Когда Робеспьеръ опять заговорилъ въ Конвентѣ о необходимости новыхъ казней, о неблагонадежности многихъ членовъ Конвента, послышалось общее негодованіе, ему не дали договорить; отданъ былъ приказъ объ арестѣ самого Робеспьера, и хотя его на другой день освободила

Digitized by Google

революціонная Коммуна, онъ подвергся новому заключенію и казни съ сотнею приблизительно сторонниковъ, среди которыхъ было большинство членовъ Коммуны и ея мэръ (27 іюля 1794 г.).

Хотя побѣдившая Робеспьера партія состояла изъ террористовъ, но они не могли удержаться у власти и съ его паденіемъ началась реакція якобинству. Конвентъ уничтожилъ Коммуну и разбилъ столицу на 12 самостоятельныхъ мелкихъ муниципалитетовъ. Далѣе Конвентъ вернулъ оставшихся въ живыхъ жирондистовъ и закрылъ якобинскій клубъ послѣ того, какъ его разгромили поднявшіе голову городскіе франты (мюскадены) изъ зажиточной буржуазіи. Когда остатки якобинцевъ вооружили рабочихъ противъ Конвента съ требованіемъ „хлѣба и конституціи 1793 года“, нападеніе было отбито вооруженной силой.

Начало реакціи. Республика, основанная въ 1792 г. подъ впечатлѣніемъ главнымъ образомъ страха иноземнаго нашествія, черезъ два года существованія оказалась очень непрочной; у нея мало было сторонниковъ. Противъ нея, помимо дворянъ, вооружилось теперь все почти духовенство; она ничѣмъ не расположила въ свою пользу крестьянъ; зажиточная буржуазія была напугана произволомъ конвентскихъ комиссаровъ. Оставалось одно ремесленное и рабочее населеніе Парижа, которое своими возстаніями (14 іюля и 5 окт. 1789 г., 10 августа 1792 г.) и давало главную силу дѣлу революціи. Въ Конвентѣ много говорили о правѣ людей на необходимое матеріальное обезпеченіе, о поддержкѣ бѣдныхъ. Въ тяжелое время Конвентъ старался помочь установленіемъ низкихъ цѣнъ на жизненные припасы и особенно на хлѣбъ, при чемъ преслѣдовалъ продавцовъ, нарушавшихъ эти постановленія, суровыми мѣрами. Но ничего существеннаго для рѣшенія *соціальнаго* вопроса не было сдѣлано. Рабочее населеніе постепенно охладѣло къ революціи.

Напротивъ, роялисты (сторонники монархіи) стали поднимать голову, и притомъ даже въ самомъ Парижѣ. Осенью 1795 г., черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ послѣдняго якобинскаго возстанія, на Тюильрійскій дворецъ, гдѣ сидѣло собраніе, напали въ числѣ 30.000 роялисты, и опять Конвентъ былъ спасенъ войсками, подъ командой молодого Бонапарта. Между тѣмъ Конвентъ приготовилъ новую конституцію, менѣе демократическую, чѣмъ якобинская конституція 1793 г. Законодательная власть должна была перейти къ двумъ палатамъ: Старѣйшинъ и Пятисотъ.

Опасенія, что республика будетъ опрокинута, были такъ велики, что Конвентъ рѣшилъ заранѣе замѣстить $^2/_3$ мѣстъ въ новыхъ палатахъ членами своего собственнаго состава и только для $^1/_3$ допустить выборы. Еще другимъ опасеніемъ руководился Конвентъ — чтобы не было тираническаго сосредоточенія власти въ рукахъ одного какого-либо учрежденія. Раздѣленіе властей провели до послѣдней степени, еще болѣе, чѣмъ

Digitized by Google

въ 1791 г. Само законодательство раздѣлялось такъ, что одна палата предлагала, другая утверждала законы. Исполнительная власть была передана не одному президенту, какъ въ Америкѣ, а коллегіи пяти директоровъ; Директорія назначала министровъ, но они не должны были принадлежать къ палатамъ.

Директорія въ сущности тоже держалась войскомъ, къ вождямъ котораго скоро и перешла настоящая власть. Это былъ тотъ же порядокъ вещей, какъ и въ Англіи въ половинѣ XVII в., когда революціонное движеніе перешло въ воинственное направленіе, поддержанное крупными успѣхами надъ внѣшними врагами революціи. Въ 1793 г. преобразованная въ духѣ демократіи Франція была въ большой опасности; въ ряды войскъ стали уходить люди, одушевленные новыми идеями или недовольные внутренними смутами и желавшіе отвлечься отъ нихъ въ энергичной общей борьбѣ; уходили бѣдные отъ плохихъ заработковъ и нищеты. Въ числѣ членовъ Комитета общественнаго спасенія оказался энергичный организаторъ Карно, отправившій въ короткое время нѣсколько армій ко всѣмъ границамъ Франціи. Общему энтузіазму отвѣчало преобразованіе арміи въ демократическомъ духѣ: тогда какъ раньше офицерство составляло аристократическую касту, теперь всѣ должности были открыты для людей любого званія: знаменитые генералы республики и имперіи всѣ почти вышли изъ мелкихъ буржуазныхъ круговъ, а самъ основатель имперіи, Бонапартъ, былъ иноплеменникомъ, уроженцемъ завоеванной въ его дѣтство области (Корсики); всѣ эти люди выдвинулись благодаря демократическому строю очень быстро, въ возрастѣ 24—30 лѣтъ.

Къ концу 1793 г. внѣшнее положеніе Франціи стало мѣняться: враги были оттѣснены съ французской территоріи, начались почти непрерывныя побѣды французскаго оружія. Цѣлью дальнѣйшей войны ставилось распространеніе по всей Европѣ демократическихъ началъ, „освобожденіе народовъ“. Всюду, въ Голландіи, Швейцаріи, Германіи, Италіи, средніе и низшіе классы встрѣчали французовъ, какъ освободителей. Это отношеніе объясняется общественнымъ движеніемъ, происходившимъ въ европейскихъ странахъ одновременно съ французскимъ просвѣщеніемъ XVIII в. и подъ его вліяніемъ.

Digitized by Google

IV.

Польша, Италія и Германія передъ революціей.

Раздѣлъ Польши. Толчокъ, данный всей Европѣ сначала вліяніемъ французскихъ идей, потомъ французской революціей, привелъ къ крупнѣйшимъ измѣненіямъ и въ политической картѣ материка, и во внутреннемъ строѣ европейскихъ народовъ.

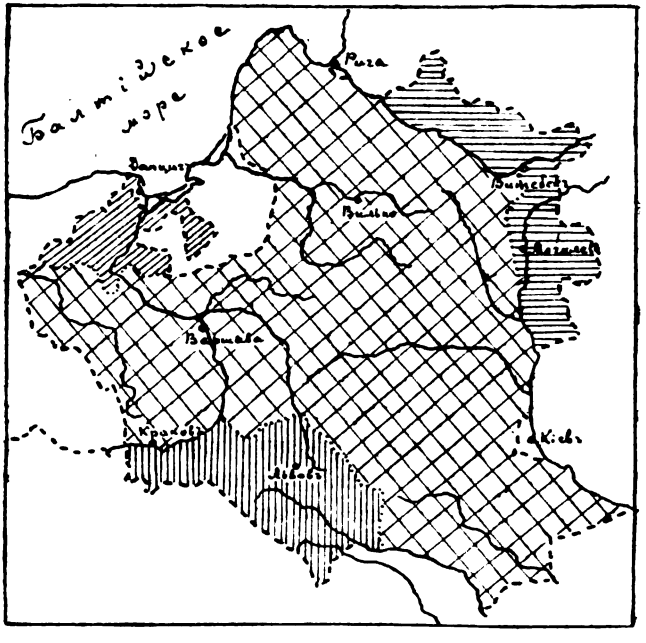
Одновременно съ французской революціей совершалось общественное возрожденіе и политическая гибель одной изъ восточныхъ странъ, бывшихъ обыкновенно опорою французской политики, именно Польши. Дюмурье, въ молодые годы состоявшій въ Польшѣ военнымъ агентомъ Франціи при одной изъ патріотическихъ конфедерацій, даетъ такое описаніе порядковъ въ странѣ: „Польская конституція — это чистая аристократія, въ которой дворянамъ не приходится однако управлять народомъ, такъ какъ нельзя этимъ именемъ назвать 8 или 10 милліоновъ рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, не имѣющихъ гражданскаго существованія, рабовъ продаваемыхъ, покупаемыхъ, вымѣниваемыхъ, завѣщаемыхъ и слѣдующихъ всѣмъ превратностямъ вещественнаго имущества, какъ домашнія животныя. Польское общество — уродливое тѣло, состоящее изъ головъ и желудковъ, безъ рукъ и ногъ". Польская аристократія совершенно не боялась соперничества средняго класса, который успѣлъ подняться въ Англіи, а во Франціи опрокинулъ дворянство. Въ Польшѣ не было самостоятельной буржуазіи; города были заселены частью иноплеменниками, нѣмцами и евреями, къ ихъ населенію шляхта относилась презрительно и не допускала его къ участію въ сеймахъ. Аристократія вела жизнь шумную и безпокойную, проводила время въ кутежахъ, охотахъ и враждебныхъ наѣздахъ другъ къ другу; ея представители любили блеснуть оружіемъ и конями, но военная защита страны никуда не годилась: военнаго бюджета не было, добровольцы, сходившіеся въ ополченіе, были храбры, но не подчинялись дисциплинѣ; растянутая на огромное пространство граница не защищалась крѣпостями.

По выраженію венеціанскаго дожа, „плохо управляемое государство само зоветъ чужестранцевъ заняться его устройствомъ". Польскія партіи во взаимной борьбѣ приглашали иностранную помощь. Сосѣди Польши вмѣшивались въ ея дѣла, конечно, не безкорыстно: у ея бывшаго вассала, прусскаго короля, давно было опредѣленное намѣреніе отнять западную Пруссію (нижнее теченіе Вислы), чтобы соединить свои нѣманскія владѣнія съ Бранденбургомъ и Померапіей. Но ему никогда не дали бы односторонне усилиться другіе сосѣди, Россія и Австрія;

Digitized by Google

отсюда въ прусской политикѣ мысль о соотвѣтственномъ удовлетвореніи соперниковъ, а это вело къ послѣдовательнымъ раздѣламъ Польши, которымъ сама она была не въ силахъ помѣшать.

Въ концѣ самостоятельнаго существованія Польши въ ней поднялась патріотическая партія, желавшая реформы, и на этомъ движеніи болѣе всего отражается вліяніе французскаго просвѣщенія. Съ середины XVIII в. польская молодежь ѣздитъ учиться во Францію; литература просвѣщенія проникаетъ въ Польшу, образуются салоны, въ которыхъ спорятъ о



Польша послѣ перваго раздѣла. Полосками показаны области, уступленныя Россіи, Пруссіи и Австріи.

вопросахъ религіи и политики; къ французскимъ законодателямъ идей, Руссо и Мабли, изъ Польши обращаются съ просьбами о составленіи наилучшей конституціи. Въ 1763 г. по смерти короля саксонской династіи, при содѣйствіи Екатерины II, приславшей войска для устроенія выборовъ, былъ избранъ на польскій престолъ Станиславъ Понятовскій, расположенный вмѣстѣ со своей родней, князьями Чарторыскими, къ реформамъ. Но сторонники преобразованій скоро разошлись съ Россіей, такъ какъ не хотѣли ея опеки. Тогда Екатерина II стала поддерживать диссидентовъ (некатоликовъ) и побудила православныхъ составить конфедерацію, между тѣмъ какъ Фридрихъ II поддержалъ конфедерацію протестантовъ. Партія независимыхъ составила третью конфедерацію

Digitized by Google

(въ г. Барѣ); Франція прислала ей нѣсколько офицеровъ; но военное устройство барскихъ конфедератовъ было плохо, и русскія войска стѣснили ихъ. Фридрихъ II поспѣшилъ предложить свой планъ раздѣла пограничныхъ польскихъ владѣній, при которомъ Россія получила области по Западной Двинѣ и среднему Днѣпру, Австрія—Галицію (1772).

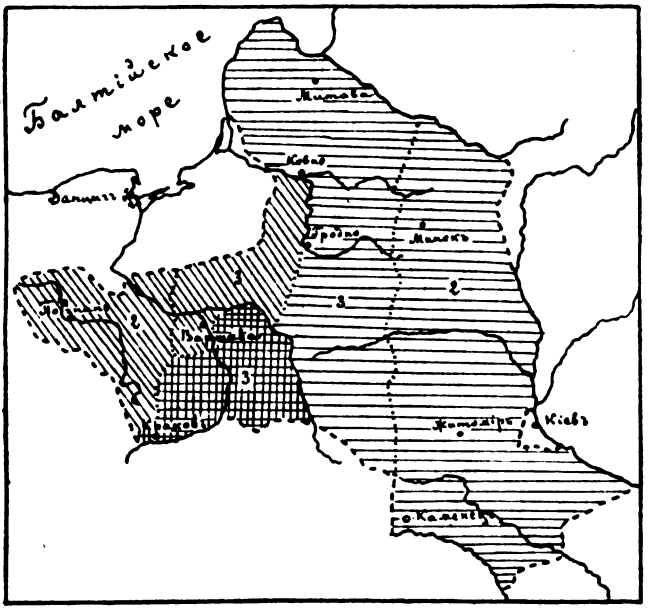
Майская конституція и конецъ польскаго государства. Польскіе патріоты, въ виду начинающагося раздробленія государства, стали дѣйствовать энергичнѣе; среди нихъ выдвинулась демократическая партія, которая видѣла спасеніе страны въ уничтоженіи шляхетскихъ привилегій, поднятіи средняго класса (мѣщанства), освобожденіи крестьянъ и распространеніи общаго просвѣщенія. Въ концѣ 80-хъ годовъ, одновременно съ французской революціей, началась крупная преобразовательная работа такъ наз. *четырехлѣтняго сейма* (1788—91). Такъ какъ старое анархическое устройство поддерживалось Россіей, не желавшей усиленія возрожденной Польши, то все преобразовательное движеніе направилось вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Россіи; оно получило, съ другой стороны, революціонный характеръ, такъ какъ дѣйствующая конституція именно и была препятствіемъ ко всякому преобразованію.

Реформаторы, не добившись цѣли путемъ переговоровъ съ депутатами другихъ направленій, рѣшили пренебречь мнѣніемъ меньшинства своихъ противниковъ и провозгласили 3 мая 1791 года новую конституцію. Она устанавливала наслѣдственное королевское достоинство для того, чтобы укрѣпить почти безсильную до того времени исполнительную власть; сеймъ съ уничтоженіемъ liberum veto получилъ также настоящую силу законодательнаго учрежденія; въ его составъ были допущены депутаты отъ мѣщанъ, и онъ утратилъ свой исключительно аристократическій характеръ. Диссиденты были уравнены въ правахъ съ католиками. Въ Варшавѣ горячо чествовали патріотовъ, какъ возродителей польскаго государства.

Реформа польскаго устройства пришла слишкомъ поздно, чтобы спасти самостоятельность народа. Враги преобразованій, консервативная часть шляхты и духовенство, не желавшее уравненія правъ для диссидентовъ, сплотились по-старому въ конфедерацію (тарговицкую) и обратились за помощью къ Россіи; король имѣлъ слабость присоединиться къ конфедераціи. Къ несчастью Польши, ея обычный союзникъ, Франція, переживавшая революцію, не могла ей помочь, такъ какъ сама была стѣснена въ это время консервативными державами, Пруссіей и Австріей. Но зато, обратно, неудачи Польши помогли успѣху революціи во Франціи: и Австрія, и Пруссія были обезпокоены тѣмъ, что дѣлалось у нихъ въ тылу на востокѣ; Пруссія отозвала даже въ 1792 г., послѣ перваго большого столкновенія съ французами (при Вальми), свои войска; скоро

Digitized by Google

она согласилась на уступки своихъ лѣворейнскихъ владѣній Франціи, и первая помирилась съ республикой (въ 1795 г.), чтобы имѣть свободу дѣйствій на востокѣ. Такимъ образомъ она бросила защиту общеевропейскаго „дѣла королей“ для того, чтобы не утерять своей доли при расхищеніи слабаго сосѣда. На этотъ разъ лишь двѣ державы, Россія и Пруссія, совершили второй раздѣлъ Польши; первой достались области съ преобладающимъ православнымъ бѣлорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ, второй, кромѣ большого старогансейскаго города Данцига, чисто польская католическая Познань. Поддержанная союзниками реакціонная



Второй (2) и третій (3) раздѣлы Польши.

конфедерація уничтожила конституцію 3 мая и отмѣнила всѣ реформы четырехлѣтняго сейма (1793).

Самостоятельная Польша составляла теперь лишь $^1/_4$ своей прежней величины: это было нынѣшнее Царство польское съ литовскими губерніями. Патріоты сдѣлали еще попытку спасти страну: провозгласили республику и избрали диктаторомъ Костюшко, участника сѣверо-американской войны; Костюшко объявилъ уничтоженіе крѣпостного состоянія крестьянъ. Но этотъ актъ не имѣлъ успѣха: подавленные долгимъ рабствомъ, крестьяне не поднялись на защиту страны; значительная часть шляхты не хотѣла даже признавать этого преобразованія. Армія Костюшко была стѣснена русскими войсками и сдалась. Сосѣднія державы, на этотъ

Digitized by Google

разъ снять съ участіемъ Австріи, приступили къ окончательному раздѣлу Польши: Россія получили литовскія губерніи и Курляндію, бывшую въ зависимости отъ Польши, Пруссія—сѣверную часть нынѣшняго царства польскаго (Великую Польшу) съ Варшавой, Австрія — его южную часть (Малую Польшу). Лишь 12 лѣтъ спустя Франція могла вмѣшаться въ польскія дѣла.

Совершенно иначе отразилась французская революція на судьбахъ Италіи и Германіи.

Итальянскія государства въ XVI в. Въ Италіи XVIII в. было десять совершенно независимыхъ другъ отъ друга владѣній съ различнымъ устройствомъ, двѣ аристократическія республики, одно духовное княжество, одно владѣніе посторонняго правителя (Миланъ), остальныя шесть—герцогства и королевства разной величины, и изъ нихъ только одно, сардинское королевство, состоящее изъ Савойи, Пьемонта и о. Сардиніи, подъ управленіемъ мѣстной итальянской династіи, остальныя въ распоряженіи большею частью чужихъ правителей австрійскаго или бурбонскаго дома, нерѣдко смѣнявшихся. Эти перестановки правителей (въ Сициліи 4 раза въ теченіе 21 года) примѣнялись при всякомъ общемъ замиреніи Европы; части итальянской территоріи служили вознагражденіемъ и дополнительнымъ надѣломъ для младшихъ членовъ договаривавшихся между собою домовъ. Управленіе всюду, кромѣ Пьемонта, было плохо.

Въ Пьемонтѣ, странѣ наполовину горной, небогатой, напоминающей по естественнымъ условіямъ Швейцарію, населеніе, скорѣе похожее на французовъ, чѣмъ на итальянцевъ, выдѣлялось способностью къ упорной работѣ; дворянство не имѣло крупныхъ владѣній и значительной силы. Короли, по характеру и политикѣ близкіе къ типу прусскихъ Гогенцоллерновъ, въ 60—70 годахъ провели освобожденіе крестьянъ сначала на своей землѣ, потомъ на землѣ сеньеровъ. Занимая важное положеніе „альпійскихъ привратниковъ“ у горныхъ проходовъ, они выступали въ большей части европейскихъ столкновеній и выгадывали всегда что-нибудь. Они старались увеличить свою военную силу и не упускали изъ виду одной задачи: двигаться впередъ по Ломбардской долинѣ р. По. Это дѣлало ихъ постоянными врагами австрійцевъ, сидѣвшихъ въ Миланѣ, и такимъ образомъ противниками иноземнаго владычества въ Италіи.

Въ остальныхъ ея областяхъ народъ былъ равнодушенъ къ своимъ правительствамъ; управленіе шло вяло, дороги были въ жалкомъ состояніи, народное просвѣщеніе отсутствовало, въ деревняхъ было бѣдно, городскіе промыслы и торговля слабо развиты. Главная часть папской области, Кампанья около Рима (старый Лаціумъ) превратилась изъ сада Италіи въ пустыню, по которой передвигались огромныя стада; земля

Digitized by Google

принадлежала немногимъ сеньорамъ, сдавшимъ свои владѣнія крупнымъ арендаторамъ, которые въ свою очередь нанимали пришлыхъ съ юга рабочихъ и пастуховъ. Особенно жалко было положеніе народа на югѣ въ благословенныхъ странахъ неаполитанскаго королевства: самая энергичная часть населенія уходила въ разбойничьи отряды: администрація была слишкомъ бездѣятельна и слаба, чтобы сдѣлать съ ними что-нибудь; въ концѣ-концовъ она должна была не только мириться съ существованіемъ независимой силы, своего рода правительства въ горахъ, собиравшаго свои правильные взносы съ населенія, но даже вступала съ нимъ въ договоры.

Начало національнаго возрожденія въ Италіи. Для европейскихъ политиковъ Италія была географическимъ понятіемъ и мѣстомъ призрѣнія лишнихъ принцевъ, но въ глубоко-приниженной и раздробленной странѣ поднимается въ XVIII в. сознаніе своего духовнаго единства и національности. Послѣ 150 лѣтъ упадка, созданнаго католической реакціей, опять возродилась итальянская литература. Въ первой половинѣ XVIII в. выдается неаполитанскій философъ и историкъ Джанбатиста Вико (1668—1744).

Въ своей „Новой наукѣ“ онъ предлагаетъ изучать историческое прошлое по великимъ созданіямъ народнаго генія: религіи, обычаямъ, символамъ искусства, составляющимъ знаки работы цѣлыхъ поколѣній. Общества человѣческія всѣхъ временъ живутъ одинаковою жизнью, подчиняются однимъ неизмѣннымъ законамъ и слѣдуютъ одинаковому пути. Этотъ путь виденъ въ исторіи древняго Рима и Греціи: сначала первобытный вѣкъ полуживотнаго существованія, потомъ героическая эпоха воинственной аристократіи, наконецъ вѣкъ плебейства, промышленной и мирной демократіи, устанавливающей равную для всѣхъ культуру; этотъ вѣкъ приноситъ ослабленіе, распаденіе и измельчаніе общества, готоваго подчиниться неограниченной власти, какова была римская имперія и еще разъ тиранія XVI вѣка; наступаетъ своего рода одичаніе культурныхъ людей, приходятъ новые варвары и приносятъ новыя, свѣжія начала жизни. Тогда происходитъ обновленіе, возрожденіе общества. Вико развиваетъ такимъ образомъ теорію *круговорота*. Въ ней заключалась извѣстная надежда на предстоящее возрожденіе Италіи, какъ бы переживающей во второй разъ варварство упадка; эта надежда опиралась на великое прошлое страны, которая была ареной богатой людьми, идеями и событіями римской исторіи.

Во второй половинѣ XVIII в. на драмахъ и поэмахъ, прославляющихъ древній римскій героизмъ, старался поднять общеитальянскія чувства Альфіери (1749—1803). Онъ былъ увѣренъ, что „настанетъ день, когда итальянцы возродятся и мужественно воспрянутъ на полѣ битвы“.

Digitized by Google

Альфіери глубоко чувствовалъ униженіе своей родины. „Мы рабы, но рабы, постоянно жаждущіе сбросить съ себя иго". Онъ говорилъ, что пишетъ „въ припадкѣ лихорадочной и фанатической жажды свободы". Театръ въ его представленіи долженъ былъ стать общеобразовательнымъ учрежденіемъ и „сдѣлать народъ свободнымъ, сильнымъ и благороднымъ". Понятіе о единой Италіи, о самостоятельномъ итальянскомъ народѣ было, конечно, очень неясно, но оно все болѣе завоевывало общественное настроеніе. Въ 60-хъ годахъ XVIII в. братья Верри составили въ Миланѣ кружокъ „Кофейни" и издавали сборникъ на подобіе англійскаго „Зрителя". Изданіе выходило за границей, въ Брешіи, изъ страха австрійской цензуры.

Въ одной изъ ея статей разсказывается, какъ въ миланскомъ обществѣ появился новый членъ, который къ общему удивленію назвался не миланцемъ и не иностранцемъ, а *итальянцемъ*. Незнакомецъ оказался горячимъ ораторомъ. По его мнѣнію, раздробленіе страны убиваетъ умственную жизнь великаго народа. Итальянцы существуютъ не только въ качествѣ людей одного физическаго типа и происхожденія; у нихъ одинаковый общій характеръ, общая исторія; у нихъ было одно устройство, одни законы въ эпоху Рима и въ вѣкъ Карла Великаго; во времена Возрожденія объ этомъ вспомнили въ итальянскихъ республикахъ. Ораторъ приглашаетъ всѣхъ итальянцевъ къ духовному объединенію. „Хотя мы разсѣяны и подчинены различнымъ государямъ, но образуемъ, во имя успѣховъ знанія и искусства, одно общество. Патріотизмъ, т.-е. любовь къ общему благу нашего народа, будетъ солнцемъ, насъ освѣщающимъ! Станемъ вновь итальянцами, если не хотимъ перестать быть людьми".

Къ миланскому кружку Верри принадлежалъ молодой профессоръ-юристъ Беккаріа (1735—94). Послѣ защиты Вольтеромъ Каласа, французскіе энциклопедисты задумали общій штурмъ въ литературѣ противъ религіозной нетерпимости и жестокихъ уголовныхъ законовъ. Миланскій кружокъ получилъ приглашеніе участвовать, и Беккаріи досталось написать „О преступленіяхъ и наказаніяхъ" (1764). Книжка Беккаріи, напечатанная опять-таки за границей миланской области, въ Тосканѣ, имѣла необыкновенный успѣхъ и въ самый короткій срокъ была переведена на языки французскій, нѣмецкій, англійскій и голландскій; на нее стали скоро ссылаться въ судахъ Австріи, Германіи, Франціи, какъ на новый гуманный законъ. Беккаріа вооружался во имя правъ и достоинства человѣка противъ пытокъ и суровыхъ наказаній, которыя только ожесточаютъ нравы и увеличиваютъ преступленія; но особенно горячо онъ возставалъ *противъ смертной казни*. По мнѣнію Беккаріа, вниманіе законодателя должно быть направлено на улучшеніе условій.

Digitized by Google

жизни, чтобы сдѣлать преступленія невозможными: главное средство— широкое развитіе просвѣщенія въ народѣ; но необходимо также устранить неравенство правъ и поднять благосостояніе людей.

Сочиненіе Беккаріа стоитъ на ряду съ лучшими произведеніями англійскихъ и французскихъ просвѣтителей; но въ Италіи кругъ читателей былъ очень ограниченъ. По увѣренію самого Беккаріа, въ Миланѣ при 120.000 жителей не найдешь и 20 человѣкъ, которые бы цѣнили просвѣщеніе.

Культура Германіи въ концѣ XIII в. Еще бо́льшимъ раздробленіемъ, чѣмъ Италія, отличалась Германія. Въ ней можно было насчитать до 360 самостоятельныхъ тѣлъ, включая сюда владѣнія независимыхъ имперскихъ рыцарей. Разнообразіе было также велико: имѣлись два крупныхъ государства, Австрія и Пруссія, со значительными частями, лежавшими внѣ предѣловъ имперіи, нѣсколько княжествъ средней величины (Баварія, Саксонія, Ганноверъ), духовныя владѣнія съ пожизненными государями (архіепископами, епископами и аббатами), небольшія городскія республики съ аристократическимъ строемъ.

Германія еще больше, чѣмъ Италія, была большой военной ареной, на которой рѣшались европейскіе споры; она, кромѣ того, составляла постоянный запасный лагерь, гдѣ набирались солдаты для всей Европы, продаваемые особенно мелкими владѣтельными князьями. Области Германіи постоянно втягивались въ политическія комбинаціи и служили для уравновѣшенія противниковъ: особенно привыкла вербовать въ ней союзниковъ Франція; въ свою очередь князья привыкли отъ Франціи ждать субсидій и разсчитывать на ея поддержку при захватѣ владѣній своихъ болѣе мелкихъ сосѣдей. Интересы не только крупныхъ правителей, австрійскаго и прусскаго, но и другихъ, среднихъ, отвлекались за предѣлы имперіи: ганноверскій курфюрстъ былъ англійскимъ королемъ, а саксонскій—королемъ польскимъ; они жили, одинъ въ Лондонѣ, другой въ Варшавѣ, а послѣдній даже, ради своихъ новыхъ подданныхъ, принялъ католицизмъ. Наконецъ, частями имперіи владѣли иноземныя государства, Швеція и Данія. Разъединенная какъ нація, Германія не имѣла и въ отдѣльныхъ частяхъ свободнаго устройства: князья были мелкими деспотами, подражали версальскому двору.

Но въ умственномъ отношеніи Германія далеко не была той отсталой страной, какъ Италія; раздробленіе какъ будто даже помогло ей увеличить энергію въ просвѣтительной работѣ. Каждый владѣтельный князь средняго размѣра старался имѣть на своей территоріи университетъ; благодаря этому, образовалось множество соперничающихъ между собою умственныхъ центровъ. Въ концѣ XVIII в. при одномъ изъ маленькихъ дворовъ, Саксенъ-Веймарскомъ, стараніями герцога возникъ

Digitized by Google

литературно-научный кружокъ, въ которомъ соединялись крупнѣйшіе писатели Германіи (Гердеръ, Гёте и Шиллеръ).

Нѣмецкая наука отличалась по содержанію и характернымъ пріемамъ отъ англійско-французской: на первомъ мѣстѣ были не столько занятія по естественнымъ наукамъ, сколько по древней литературѣ, исторіи Рима, Греціи и ранняго христіанства. Нѣмецкіе ученые—преимущественно филологи, археологи, богословы-критики. Съ середины XVIII в. Германія переживаетъ въ наукѣ и школьной жизни „второе возрожденіе". Винкельманъ открылъ эту эпоху путешествіемъ въ Италію и описаніемъ художественныхъ ея богатствъ, относящихся къ античному міру. Углубляясь особенно въ греческую старину, изучая Гомера, аѳинскихъ трагиковъ и ораторовъ, германскіе ученые, преподаватели и поэты хотятъ въ стилѣ древнихъ, въ ихъ пониманіи природы и человѣка найти „классическій" идеалъ гармонически развитой личности. Предметы занятій имѣли мало отношенія къ современности; дѣйствительность не давала никакого приложенія гражданской энергіи. Поэтому наука нѣмецкая отличалась отвлеченностью. Ея выводы были иногда очень смѣлы, но оставались на недоступной выси умозрѣнія.

Такова дѣятельность великаго кёнигсбергскаго философа Канта. Характерна сама жизнь этого всесторонняго ученаго и мыслителя, затерянаго въ одиночествѣ далекаго восточно-прусскаго городка: за весь ея продолжительный срокъ (1724—1804) Кантъ не выѣзжалъ далѣе 7 миль отъ мѣста рожденія; вся жизнь его прошла въ педантическомъ однообразіи; это — полная противоположность многосторонней наблюдательности и жизненнымъ испытаніямъ Монтескьё, Болингброка, Вольтера. Въ „Критикѣ чистаго разума" Кантъ находитъ, что истинность основныхъ понятій нашихъ о внѣшнемъ мірѣ, о Богѣ, вселенной, личномъ безсмертіи не можетъ быть доказана. Все, что мы узнаемъ о мірѣ, получено изъ опыта; но опытъ самъ зависитъ отъ свойствъ нашего разума. Только міръ явленій открывается нашему разуму; сущность вещей остается недоступной.

Это была цѣлая революція, которая разрушала всю старую метафизику, считавшую понятія о внѣшнемъ мірѣ отраженіями самой дѣйствительности. При свободомыслящемъ Фридрихѣ II Кантъ могъ развивать свои теоріи безпрепятственно; но при его благочестивомъ преемникѣ изъ Берлина пришелъ кабинетный приказъ, осуждавшій философа за то, что онъ „искажаетъ и унижаетъ христіанство". Кантъ долженъ былъ оправдываться и отказаться отъ всякихъ публичныхъ чтеній и печатанія книгъ по религіознымъ вопросамъ. Впрочемъ, и независимо отъ посторонняго давленія, Кантъ еще раньше въ „Критикѣ практическаго разума" возстановилъ все, что разрушилъ въ первомъ сочиненіи.

Digitized by Google

Помимо изслѣдующаго начала въ человѣкѣ, онъ признавалъ другое, дѣятельное (практическій разумъ, т.-е. волю); въ этой области нѣтъ разсужденій; есть безусловное требованіе: „ты долженъ". Разъ человѣкъ обязанъ слѣдовать нравственнымъ началамъ — есть правда въ мірѣ, есть безсмертіе души, есть Богъ, выражающій высшее нравственное начало.

Отчетливый и ясный раціонализмъ англичанъ и французовъ проникъ однако и въ нѣмецкое общество. Онъ выразился въ требованіи вѣротерпимости, свободы изслѣдованія и въ борьбѣ съ предразсудками. Но съ середины XVIII в. это движеніе приняло въ Германіи новый характеръ— *возрожденія національной самобытности*. Впереди всей работы стоитъ Лессингъ (1729—81), крайне разнообразный писатель, философъ, критикъ и драматургъ. Одна изъ главныхъ задачъ Лессинга — борьба съ французскимъ ложнымъ классицизмомъ, заполонившимъ нѣмецкую литературу. Въ своей театральной критикѣ онъ призываетъ къ естественности, къ изображенію характеровъ и столкновеній дѣйствительности; вмѣсто сухой діалектики французскихъ трагедій, онъ даетъ самъ образцы реальной драмы съ содержаніемъ, взятымъ не изъ классической жизни, а изъ современности (его „Минна фонъ-Барнгельмъ" изображаетъ эпизодъ и типы изъ семилѣтней войны). Лессингъ призываетъ къ умственной свободѣ. Въ философской драмѣ „Натанъ Мудрый" проводится идея, что истина не въ догматахъ вѣры, а въ гуманности; ея главнымъ героемъ намѣренно избранъ представитель гонимой религіи и народности, еврей; но въ то же время Натанъ—настоящій просвѣщенный вѣротерпимый философъ XVIII в., лишь одѣтый въ костюмъ современника крестовыхъ походовъ, Саладина и тампліеровъ. Въ небольшой статьѣ „Воспитаніе рода человѣческаго" Лессингъ отдѣлился отъ французскихъ просвѣтителей во взглядѣ на религію. Въ его глазахъ религія не представляетъ совокупности народныхъ заблужденій и жреческихъ обмановъ. Религія была орудіемъ воспитанія человѣчества: сначала въ грубыхъ символахъ, потомъ въ болѣе возвышенныхъ понятіяхъ она давала людямъ основное направленіе жизни. Она совершенствовалась и вмѣстѣ съ ней совершенствовалось человѣчество. Это движеніе непрерывно и безконечно. Лессингъ развиваетъ ученіе о *прогрессѣ* на иной основѣ, чѣмъ Вольтеръ, энциклопедисты и Кондорсе.

Мысль о прогрессивномъ развитіи человѣчества составляетъ главное содержаніе литературной дѣятельности философа и историка Гердера. Въ „Идеяхъ къ философіи исторіи человѣчества" (1784) Гердеръ говоритъ: „Ничто въ природѣ не стоитъ въ покоѣ; все стремится и подвигается дальше". Начиная отъ первоначальныхъ элементовъ, отъ неорганическаго міра, системы солнцъ и планетъ и кончая послѣднимъ, са-

Digitized by Google

мымъ тонкимъ и сложнымъ созданіемъ природы, человѣкомъ, во всемъ строеніи вселенной проходитъ одинъ матеріалъ и дѣйствуютъ одинаковыя силы. Но продукты ихъ отличаются возрастающей сложностью и образуютъ цѣпь, каждое звено которой совершеннѣе предшествующаго. Въ этомъ смыслѣ исторія человѣка на землѣ есть продолженіе жизни остальной органической природы, въ которой виды становятся все сложнѣе. Прогрессивное движеніе человѣчества надо изучать не въ жизни и понятіяхъ *личностей*, а въ творчествѣ большихъ группъ, *народовъ*. Надо собирать миѳы, повѣрья, пѣсни, обычаи, эти „голоса народовъ“, чтобы открыть ступени умственнаго развитія. Въ этомъ отношеніи Гердеръ встрѣчается съ мыслями Вико. Исканіе народной мудрости, интересъ къ народной поэзіи отвѣчали возвышенію новыхъ слоевъ общества, новымъ проблескамъ демократіи. Нѣмецкіе образованные круги преимущественно составлялись изъ бюргерства, средняго класса городского населенія, похожаго на французскую буржуазію. Оно стало сознавать себя настоящимъ народомъ, выраженіемъ его исконныхъ свойствъ.

Другія направленія бюргерскихъ круговъ выступили въ литературной дѣятельности болѣе молодого поколѣнія, людей, которымъ было 20—30 лѣтъ въ 70—80 годахъ XVIII в., передъ французской революціей. По заглавію одной драмы этого періода, Sturm und Drang (бурныя влеченія), такъ зовется все направленіе. Его представители, враги условнаго и напускного, горячо протестуютъ, вмѣстѣ съ Руссо, во имя свободы и святости непосредственнаго чувства, хотятъ вызвать къ жизни сильные и оригинальные характеры. Сюда относятся раннія произведенія Гёте (1749—1832). Герой его романа „Страданія молодого Вертера“ такъ сильно и глубоко чувствуетъ, что несчастная страсть съ неизбѣжностью приводитъ его къ трагической катастрофѣ. Въ драмахъ Гёте (Эгмонтъ) сильные характеры образуютъ какъ бы особую породу людей, возвышающихся надъ толпою.

Наиболѣе горячо сумѣлъ выразить настроеніе своего поколѣнія Шиллеръ (1759—1805). Въ его первой драмѣ „Разбойники“ группа студентовъ, возмущенные неправдой и апатіей остального общества, обуреваемые жаждой великаго дѣла, уходятъ въ лѣса и образуютъ общину идеальныхъ разбойниковъ, которые не признаютъ собственности, жгутъ и тѣснятъ злодѣевъ и богачей и помогаютъ бѣдняку. Они сокрушаютъ установленный порядокъ, потому что высшее начало и право заключены въ ихъ свободномъ влеченіи. Вождь и философъ лѣсныхъ героевъ говоритъ: „Законъ извратилъ людей, рожденныхъ къ орлиному полету, въ ползающихъ улитокъ; законъ еще не создалъ ни одного великаго человѣка; свобода родитъ исполиновъ“. Въ „Коварствѣ и любви“ Шиллеръ представилъ порчу высшаго придворнаго общества, топчущаго все истинно

Digitized by Google

человѣческое, и взялъ героиню, представляющую свободное чистое чувство, изъ мелкаго мѣщанства.

Весь этотъ бурный протестъ однако отличается очень неопредѣленнымъ содержаніемъ. Въ одной изъ послѣдующихъ драмъ (Донъ Карлосъ) Шиллеръ удовлетворился идеаломъ неограниченнаго правителя-философа и филантропа. Гёте и Шиллеръ, оба въ своей совмѣстной дѣятельности при веймарскомъ дворѣ искали проявленія свободы главнымъ образомъ въ началахъ искусства и науки, въ нестѣсненномъ изслѣдованіи и творчествѣ. Гёте въ Фаустѣ старался представить весь свой вѣкъ въ двухъ символическихъ фигурахъ: ученаго Фауста, ищущаго источника жизни и ключа къ счастью, и бѣса Мефистофеля, духа отрицанія и сомнѣнія. Фаустъ не останавливается на разрушающемъ разборѣ, которому Мефистофель подвергаетъ всѣ стремленія человѣка; онъ находитъ удовлетвореніе въ широкой дѣятельности на благо массъ.

Но все это далеко отъ политики, отъ практическаго приложенія. И національное чувство, и исканіе свободы остаются неясными. Устраненные отъ всякой публичной дѣятельности, люди находили возмѣщеніе въ собраніяхъ тайныхъ обществъ и союзовъ, ставившихъ себѣ цѣли просвѣщенія и взаимной поддержки. Эти союзы примыкали къ масонскимъ ложамъ или устраивались по ихъ примѣру. Союзы пользовались церковными символами, устраивали въ своей средѣ іерархію посвященныхъ, которые поднимались надъ вновь вступившими братьями. Одинъ изъ такихъ орденовъ, основанный ученикомъ іезуитовъ, баварскимъ профессоромъ Вейсгауптомъ, усвоилъ много внѣшности отъ іезуитскаго: строгое подчиненіе младшихъ старшимъ, взаимный надзоръ, правильные отчеты, замѣнявшіе тайную исповѣдь, испытанія новыхъ членовъ; но онъ ставилъ себѣ другія, противоположныя цѣли—„борьбу съ мракомъ за торжество свѣта“, и іезуитскій орденъ былъ его злѣйшимъ врагомъ. Члены называли себя *иллюминатами* (просвѣтленными); имѣлось въ виду привлечь въ союзъ людей съ вѣсомъ и вліяніемъ, провести своихъ членовъ въ правительственныя должности, чтобы захватить въ свои руки государственное управленіе и совершить въ немъ реформы.

Ни въ одной странѣ Европы не было такого множества образованныхъ читающихъ людей, какъ въ Германіи; но нигдѣ просвѣщенное общество не было такъ разъединено, какъ въ Германіи.

Digitized by Google

V.

Революціонныя войны, имперія во Франціи и начало реформъ въ Германіи.

Французская революція и Европа. При взрывѣ французской революціи во всѣхъ странахъ Европы образовались круги и союзы преимущественно въ среднемъ классѣ, сочувствовавшіе демократіи и политической свободѣ, по всюду почти разрозненные, изъ людей, лишенныхъ опыта и практики. Они привѣтствовали великое событіе, совершившееся во Франціи, какъ начало освобожденія всего человѣчества. Вездѣ, въ Лондонѣ, Женевѣ, Амстердамѣ, Майнцѣ, въ Петербургѣ даже, первые мѣсяцы революціи были встрѣчены радостью, какимъ-то „опьянѣніемъ въ надеждахъ". Англійскій посланникъ пишетъ своему правительству: „такъ совершилась величайшая революція, о которой только сохранила память исторія... Отнынѣ Франція—свободная страна, король ограниченъ въ своей власти, дворянство сведено къ уровню всей націи". Одинъ датчанинъ собираетъ своихъ сыновей-юношей и говоритъ имъ: „насколько вы достойны зависти; какіе счастливые и блестящіе дни поднимаются надъ вами. Если вы теперь не создадите себѣ независимаго положенія, вина будетъ на васъ самихъ. Всѣ преграды, создаваемыя рожденьемъ и бѣдностью, должны будутъ пасть; отнынѣ послѣдній между вами сможетъ бороться съ самымъ могущественнымъ, примѣняя одно и то же оружіе и стоя на той же самой почвѣ"; онъ началъ рыдать отъ сильнаго волненія и разсказалъ дѣтямъ, какъ была взята Бастилія и освобождены жертвы деспотизма. Въ Германіи Кантъ радуется торжеству разума, поэтъ Клопштокъ хотѣлъ бы обладать „голосомъ, во сто разъ сильнѣйшимъ, чтобы прославить французскую свободу", въ Берлинѣ дамы носятъ трехцвѣтную кокарду; есть друзья революціи, которые ѣдутъ во Францію, чтобы „подышать свободой и присутствовать при похоронахъ деспотизма".

Въ свою очередь обновленная Франція сознаетъ, что у нея много друзей въ Европѣ. Собраніе постановляетъ принять въ число своихъ почетныхъ гражданъ Шиллера, Бентама. Пэнъ допускается въ составъ Конвента. Правда, событія 1792 и 93 годовъ, низверженіе монархіи, терроръ, отпугнули въ Европѣ многихъ, кто первоначально, въ 1789 году, стоялъ за провозглашеніе свободы. Но остались другіе сторонники, рѣзче настроенные, дожидавшіеся появленія французскаго оружія, чтобы произвести революцію дома. Всюду вдоль границы Франціи настроеніе было въ пользу революціи; населеніе лѣваго берега Рейна находилось въ особенно тѣсныхъ и живыхъ отношеніяхъ съ Франціей. Въ Страсбургѣ, германскомъ городѣ на французской территоріи, собрались нѣмцы-

Digitized by Google

эмигранты, друзья свободы и республики, и старались просвѣтить своихъ соотечественниковъ брошюрами и журналами, отправляемыми въ имперію; юристъ Котта изъ Штутгарта издавалъ газету „За свѣтъ и свободу". Небольшое французское войско легко завладѣло городами вдоль берега Рейна; французы вошли въ крѣпость Майнцъ, ключъ имперіи; всюду они водружали „деревья свободы", объявляли отмѣну привилегій и феодальныхъ повинностей и перелагали подати на высшіе классы.

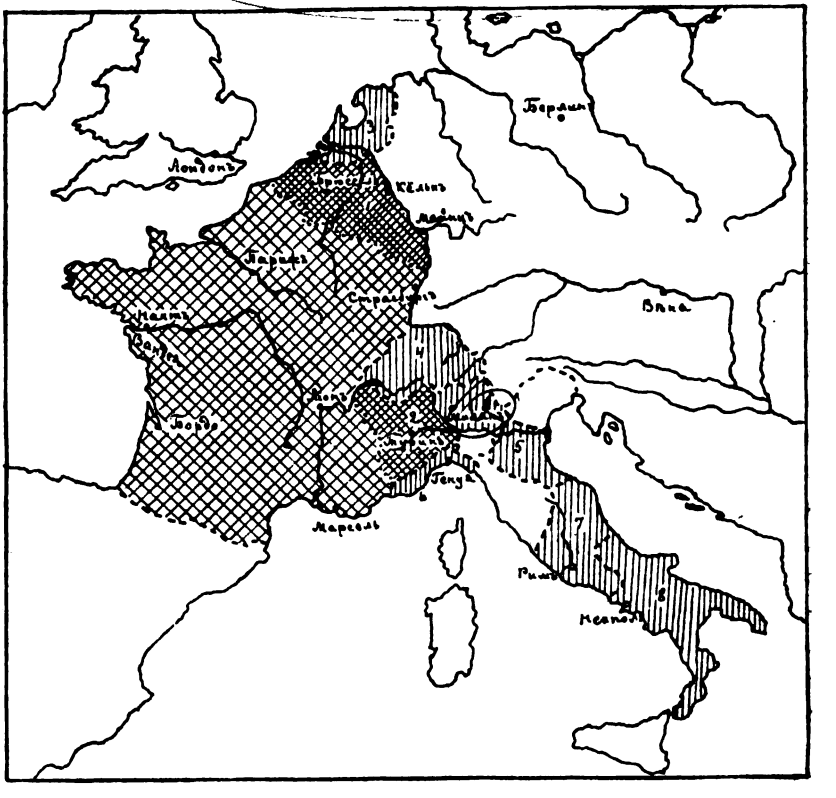
Войны французской республики. Еще успѣшнѣе пошла война съ 1794 г., когда послѣ временныхъ неудачъ французы отбили арміи европейской коалиціи. Съ занятіемъ Бельгіи, духовныхъ курфиршествъ и рейнскихъ владѣній Пруссіи границы французской республики продвинулись до Рейна; завоеванныя германскія и нидерландскія области были, подобно Франціи, раздѣлены на департаменты; принципы 1789 г., т.-е. отмѣна крѣпостныхъ отношеній, гражданское равенство, всюду вступали въ силу. Пруссія, удовлетворенная своими восточными пріобрѣтеніями на счетъ Польши, отстала отъ коалиціи и заключила первая миръ съ новой республикой, признавши ее такимъ образомъ за державу. Въ 1795—96 гг. французы всюду идутъ побѣдоносно впередъ, встрѣчаемые демократическими партіями. Генералъ Пишегрю завоевалъ Голландію, генералъ Бонапартъ, раньше выдѣлившійся взятіемъ у англичанъ Тулона и защитой Конвента отъ роялистовъ, занялъ сѣверную Италію, отнялъ у сардинскаго короля Савойю, Ниццу и Пьемонтъ, вытѣснилъ изъ Ломбардіи австрійцевъ и прошелъ до Рима. При своемъ назначеніи главнокомандующимъ альпійской арміей Бонапартъ нашелъ ее въ жалкомъ состояніи; финансы республики были такъ же плохи, какъ въ послѣднее время монархіи; войско пришлось предоставить собственной участи. Успѣхи Бонапарта въ Италіи сопровождались захватомъ большихъ контрибуцій съ итальянскихъ государствъ, между ними Генуи, Венеціи и папской области, что дало возможность не только вознаградить солдатъ, но составило большой запасъ суммъ для республиканскаго правительства во Франціи.

При занятіи Рима обнаружилась вся вражда революціонной Франціи къ католицизму. Папа Пій VI, 80-лѣтній старикъ, отказался признать „гражданское положеніе о духовенствѣ", принятое Учредительнымъ собраніемъ, и продолжалъ даже среди войны издавать осудительные указы противъ янсенистовъ. Республиканское правительство нашло господство духовенства въ Италіи несовмѣстимымъ съ своимъ авторитетомъ. Его войска заняли Римъ и папскій дворецъ Ватиканъ; безъ малѣйшаго почтенія къ сану папы, изъ его комнатъ унесли всѣ предметы, сняли съ его руки кольцо; самого папу, вопреки его просьбѣ, увезли во Францію, гдѣ онъ и умеръ.

Только одинъ противникъ Франціи сохранилъ перевѣсъ, Англія.

Digitized by Google

Директорія рѣшила поддержать возстаніе въ Ирландіи противъ англичанъ и послать туда генерала Гоша. По предложенію Бонапарта, онъ самъ былъ отправленъ съ большой экспедиціей въ Египетъ (1798); тамъ предполагалось нанести Англіи рѣшительный ударъ; Бонапартъ представлялъ себѣ дальнѣйшія побѣды на востокѣ, непрерывное движеніе въ Индію, наподобіе второго Александра Македонскаго.



Французская республика, ея завоеванія и республики союзныя, образованныя при содѣйствіи Франціи. 1 и 2—пріобрѣтенія Франціи (Бельгія, рейнскія земли Германіи, Пьемонтъ), 3, 4, 5, 6, 7, 8—республики батавская, гельветская, цизальпинская, лигурійская, римская, пареенопейская.

Въ завоеванныхъ странахъ французы помогали демократамъ производить революціи и устанавливать новое правленіе на началахъ гражданскаго равенства; всюду возникали республики, похожія на Францію и союзныя съ нею. Первою была основана въ Голландіи (Батавская) республика „единая и нераздѣльная“ вмѣсто стараго федеративнаго и аристократическаго правленія самостоятельныхъ штатовъ. Въ Швейцаріи также, вмѣсто союза самостоятельныхъ кантоновъ съ аристократическими

Digitized by Google

совѣтами, была провозглашена единая демократическая (Гельветская республика. Во время войны въ Италіи тамъ образовалось нѣсколько республикъ. Изъ отнятой у австрійцевъ Ломбардіи вмѣстѣ съ половиной бывшихъ папскихъ владѣній образовали Цизальпинскую республику, изъ остальной части церковной области съ Римомъ—Римскую. Въ Генуѣ и Венеціи произошли демократическіе перевороты. Наконецъ изъ неаполитанскаго королевства съ изгнаніемъ оттуда Бурбоновъ была сдѣлана также республика. Эти новыя республики образовали (1795—99) цѣлую цѣпь на восточной окраинѣ расширенной Франціи, точно передовые посты ея демократической пропаганды. Ихъ названія указываютъ на увлеченіе классицизмомъ: въ древнихъ грекахъ и римлянахъ видѣли образцы республиканскихъ добродѣтелей.

Но дѣйствительность была далека отъ идеальной помощи освобождающимся народамъ. Въ началѣ войны съ Европой Конвентъ заявлялъ, что завоеваній не будетъ, что свободная Франція лишь протягиваетъ братскую руку другимъ народамъ, не допуститъ вмѣшательства въ свои дѣла, но и сама не будетъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь другихъ. Казалось, открывается какой-то новый крестовый походъ съ освободительной цѣлью. По мѣрѣ успѣховъ во Франціи забывали обѣщанія; войска хотѣли славы и вознагражденія на счетъ покоренныхъ, генералы требовали тяжелыхъ контрибуцій, какъ въ старинныхъ войнахъ, ведомыхъ абсолютными монархами. Больше того: республиканская Франція возобновила притязанія Людовика XIV на „естественныя границы“, которыми считались Рейнъ и Альпы, и присоединила большія территоріи, не справляясь особенно съ согласіемъ на то населенія. Освободительное увлеченіе смѣнилось воинственнымъ. Подъ вліяніемъ классическихъ идей и примѣровъ возникало сравненіе французской республики съ завоевательной римской имперіей. Французскіе генералы сознавали себя какъ бы римскими консулами или императорами. Внутри Франціи для нихъ открывалась возможность переворота въ свою пользу наподобіе тѣхъ перемѣнъ, которыя осуществили Цезарь и Августъ.

Внутренняя реакція и переворотъ 18 брюмера. Въ управленіе Директоріи все сильнѣе развивалась реакція противъ революціи. Вернулись многіе эмигранты, подняли голову роялисты и неприсяжные священники: сторонники возвращенія стараго порядка основали въ Парижѣ свой клубъ; группы „золотой молодежи“ издѣвались открыто надъ суровой простотой якобинцевъ, преслѣдовали ихъ на улицахъ, устраивали въ своихъ баллахъ пародіи на терроръ. Отъ идеала равенства, который такъ выдвигали якобинцы 1793 г., общество ушло какъ нельзя болѣе далеко. Создавалась явно новая аристократія богатыхъ; капиталъ входилъ при воинственной республикѣ еще въ большую силу, чѣмъ раньше.

Digitized by Google

Когда Конвентъ, нуждаясь въ наличныхъ средствахъ, спѣшно продавалъ національныя имущества и конфискованныя владѣнія эмигрантовъ, появлялись спекулянты, которые выгадывали на дешевой покупкѣ и перепродажѣ земель. Война открывала новыя промышленныя выгоды; можно было выиграть на поставкахъ въ армію; добыча, контрибуціи, собираемыя съ покоренныхъ странъ, вступали во Францію новымъ капиталомъ и вызывали новыя предпріятія.

Въ средѣ зажиточной буржуазіи обнаруживалось явное нерасположеніе къ якобинской республикѣ: на другой годъ послѣ закрытія Конвента узнали о „заговорѣ равныхъ“ Гракха Бабёфа, который собирался возстановить якобинское господство и произвести раздачу имущества и земли бѣднымъ; этотъ планъ, подавленный казнью Бабёфа и его сторонниковъ, вызвалъ новый страхъ передъ демократіей. Сильный поворотъ былъ замѣтенъ и въ религіозныхъ чувствахъ. Атеизмъ республиканцевъ Конвента и равнодушіе къ религіи замѣнились ревностнымъ посѣщеніемъ обрядовъ, совершаемыхъ католическими священниками, особенно неприсяжными, т.-е. вѣрными старой церкви. Послѣ революціонной бури, трепета за жизнь и имущество, хотѣли опять укрыться подъ защитой высшей силы; отсюда возвращеніе къ мысли, что религія— необходимая опора общества.

Однако ошибались и тѣ противники революціи, которые распространяли „манифесты Людовика XVIII“ (это имя принялъ старшій братъ казненнаго Людовика XVI, считая Людовикомъ XVII умершаго малолѣтняго дофина). Противъ возвращенія стараго порядка было большинство буржуазіи: его боялись владѣльцы имуществъ, отобранныхъ у церкви и эмигрантовъ, боялись всѣ тѣ, кому равенство правъ открыло службу, должности и почести; почти всѣ генералы республики при старомъ порядкѣ оставались бы въ низшихъ чинахъ. Въ свое время многіе готовы были вѣрить, что терроръ спасетъ отъ реакціи; но потомъ средство стали считать хуже самой опасности. Большинство соглашалось теперь помириться съ такою властью, которая дала бы спокойное обладаніе новыми правами и владѣніями, хотя бы при этомъ была утрачена политическая свобода. Французская буржуазія еще мало привыкла къ самоуправленію; теперь замѣтно было все болѣе возраставшее равнодушіе къ политикѣ. Кромѣ небольшой группы людей, державшихъ власть и враждовавшихъ между собою, не было сторонниковъ существующаго устройства; Франція была республикой безъ республиканцевъ.

Уже въ правленіе Директоріи политической свободы во Франціи не было. Въ палатахъ сидѣли на $^2/_3$ люди, не избранные населеніемъ, а назначенные предшествующимъ собраніемъ. Свобода печати, объявленная конституціей, отсутствовала. Сначала былъ изданъ законъ, кото-

Digitized by Google

рый грозилъ смертною казнью или ссылкой, одинаково за предложеніе ли возстановить королевскую власть, или вернуться къ якобинской конституціи 1793 г. Но такъ какъ присяжные оправдывали журналистовъ, которые обвинялись по этому закону, то правительство вступило на путь запрещеній и полицейскихъ мѣръ: изъ 70 парижскихъ газетъ 54 были запрещены за неподходящее направленіе, ихъ издатели и редакторы сосланы, вся пресса была отдана подъ полицейскій надзоръ. Палаты поддерживали такое положеніе вещей: чтобы держать печать въ зависимости, было издано распоряженіе о взиманіи съ каждаго номера газеты штемпельнаго сбора; на улицахъ полиція палками разгоняла разносчиковъ тѣхъ газетъ, направленіе которыхъ не удовлетворяло правительство.

Республика держалась только содѣйствіемъ военной силы. Въ 1797 г. въ палатахъ большинство было изъ роялистовъ; на ихъ сторонѣ были двое директоровъ. Когда обнаружилось, что роялисты готовы на реставрацію монархіи, остальные директора сообщили объ опасности командирамъ побѣдоносныхъ армій. Бонапартъ изъ Италіи прислалъ подчиненнаго генерала, который арестовалъ роялистическихъ депутатовъ; республиканскіе директора, опираясь на меньшинство въ палатахъ, рѣшили сослать двухъ монархически настроенныхъ товарищей и часть депутатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили выборы въ большинствѣ департаментовъ и возобновили строгіе законы противъ эмигрантовъ и священниковъ.

Само республиканское правительство готовило передачу власти въ руки военнаго диктатора. Вопросъ былъ только въ томъ, кто изъ генераловъ республики скорѣе воспользуется положеніемъ. Въ 1799 г., между тѣмъ какъ Моро, начальникъ рейнской арміи, медлилъ, Бонапартъ внезапно покинулъ Египетъ и вернулся во Францію. За него были два директора, между ними популярный среди зажиточной буржуазіи Сіэсъ. Бонапартъ былъ назначенъ комендантомъ Парижа, а палаты подъ предлогомъ избавленія отъ якобинскаго заговора, переведены въ городокъ Сенъ-Клу, подъ Парижемъ. Девятаго ноября 1799 г. (по республиканскому календарю 18 брюмера VIII года) директора-сторонники Бонапарта добровольно отказались отъ должностей, остальныхъ вынудили къ отставкѣ и двоихъ взяли подъ арестъ. На другой день совѣтъ Пятисотъ среди возгласовъ: „долой диктатора и тирана!“ объявилъ Бонапарта „внѣ закона“, но генералъ ввелъ солдатъ въ залу засѣданій совѣта и изгналъ народныхъ представителей.

Строй консульства и имперіи. По плану Сіэса, считавшагося особымъ мастеромъ въ составленіи конституцій, былъ выработанъ новый строй (четвертый, за 10 лѣтъ со времени начала революціи). Эта конституція VIII г. была полной противоположностью самоуправленію, устано-

Digitized by Google

вленному конституцiей 1791 г., и верховенству Конвента 1793 г. Она сохраняла имя республики и для утвержденiя ея былъ произведенъ *плебисцитъ*, т.-е. всенародное голосованiе. Но это была только демократическая декорацiя; сущность ея слѣдуетъ назвать бюрократической монархiей. Законодательную власть крайне ослабили. Народъ не выбиралъ ни депутатовъ, ни должностныхъ лицъ; его дѣло было намѣтить въ четырехстепенныхъ выборахъ (5 милiоновъ выбирали 500.000, эти полмилiона—50.000, эти 50.000—5.000 и наконецъ эти 5.000—500) кандидатовъ, изъ которыхъ правительство назначало чиновниковъ и депутатовъ. Настоящаго парламента не было, а было нѣсколько странно раздѣленныхъ законодательныхъ учрежденiй: *государственный совѣтъ* только предлагалъ проекты, первая палата (*трибунатъ*) только обсуждала эти предложенiя, вторая (*законодательный корпусъ*) только голосовала, т.-е. произносила „да“ или „нѣтъ“ и вотировала налоги; наконецъ, высшiй органъ (*сенатъ*) утверждалъ или отмѣнялъ законъ, судя по тому, былъ ли онъ согласенъ съ конституцiей или нѣтъ. Сенатъ, съ Сiэсомъ во главѣ, былъ назначенъ по усмотрѣнiю Бонапарта и въ свою очередь назначилъ депутатовъ двухъ палатъ. Отобранные правительствомъ и разъединенные законодатели не могли имѣть вліянiя на ходъ политическихъ дѣлъ. Въ дѣйствительности все рѣшалось волею главы государства, „гражданина Бонапарта“, который былъ только по имени членомъ коллегiи 3 консуловъ, а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ *перваго консула*, избраннаго на 10 лѣтъ, состоялъ единственнымъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ и всей администрацiи, съ правомъ полнаго распоряженiя въ дѣлахъ войны и мира; назначая министровъ, пословъ, членовъ государственнаго совѣта, судей, онъ могъ издавать указы, равные законамъ.

При помощи нѣсколькихъ измѣненiй Бонапартъ еще болѣе усилилъ свою власть: черезъ два года сенатъ объявилъ его власть пожизненной а еще черезъ два (1804) превратилъ ее въ *императорскую:* въ качествѣ „императора французовъ“ правитель назвался по личному имени Наполеономъ I. Нѣкоторое стѣсненiе неограниченному господству Наполеона представлялъ трибунатъ, единственная палата, въ которой возможны были рѣчи и раздавалась иногда критика политическихъ мѣропрiятiй. Поэтому первая палата была закрыта вовсе. Вторая палата должна была по конституцiи сходиться ежегодно, но Наполеонъ не стѣснялся этимъ, и она была настолько незначительна, что никто почти не замѣчалъ, если правительство не находило нужнымъ созывать ее.

Вмѣстѣ съ неограниченной властью ожили и многiя учрежденiя старой монархiи: въ департаментахъ, въ первый же годъ консульства, появились послушные верховной власти *префекты*, преемники интенданъ-

Digitized by Google

товъ и конвентскихъ комиссаровъ; въ каждой общинѣ, городѣ и деревнѣ правительство назначало *мэра*, голову. Въ столицѣ была устроена многочисленная, очень бдительная и придирчивая полиція. Политическое дѣло революціи внутри Франціи было совершенно уничтожено Наполеономъ. Молодымъ офицеромъ онъ держался демократическихъ идей, былъ одно время членомъ якобинскаго клуба; благодаря монтаньярамъ, онъ получилъ командованіе итальянской арміей, которое выдвинуло его на первое мѣсто между генералами республики. Но со времени переворота Наполеонъ выражалъ нескрываемое презрѣніе къ „идеологамъ", т.-е. людямъ республиканскихъ и конституціонныхъ принциповъ.

Общественныя перемѣны, произведенныя революціей, напротивъ, большею частью удержались въ силѣ. Въ обращеніи къ народу первый консулъ говорилъ: „Революція вернулась къ исходному началу своему. Она окончилась!.. Я открываю широкую улицу, на которой всѣмъ будетъ мѣсто". Хотя многіе эмигранты могли теперь вернуться, однако національныя имущества и конфискованныя владѣнія остались въ рукахъ новыхъ собственниковъ, которые купили ихъ во время революціи. Сохранилось также проведенное въ реформахъ Учредительнаго собранія гражданское равенство. Его положенія были соединены въ большой сводъ комиссіей юристовъ, въ работахъ которой принималъ участіе первый консулъ; подъ названіемъ *кодекса Наполеона* сводъ вошелъ въ силу для всѣхъ земель на западъ отъ Рейна и Альпъ. Кодексъ отступалъ отъ рѣшительныхъ демократическихъ реформъ Конвента, который добивался уравненія правъ мужчинъ и женщинъ и ограниченія правъ наслѣдства, ведущихъ къ накопленію непомѣрно большихъ имуществъ въ рукахъ немногихъ. Кодексъ, напротивъ, утверждалъ старинный строй семьи съ сильной отцовской властью и подчиненіемъ жены мужу; онъ допустилъ также свободную передачу имущества путемъ даренія и завѣщанія. Эти уступки, во имя правъ личности и противъ идеи равенства, отвѣчали понятіямъ зажиточной буржуазіи.

Осталась въ силѣ также свобода исповѣданія. Но въ положеніи церкви все же произошла перемѣна. Государство въ началѣ революціи легко отняло у обезсиленной церкви ея привилегіи и владѣнія; но оно само потерпѣло неудачу, когда стало проводить реформы въ церковномъ устройствѣ и ученіи: оказалось очень много вѣрующихъ, которые вышли изъ спокойствія, когда затронуты были религіозные обычаи; неприсяжные священники, державшіеся союза съ Римомъ, тѣмъ болѣе вызывали сочувствіе, что имъ пришлось не мало пострадать во время революціи. Чтобы не враждовать съ большею частью духовенства, было выгоднѣе заключить соглашеніе, *конкордатъ*. Первый консулъ и его совѣтники въ церковныхъ вопросахъ, совершенно равнодушные къ ре-

Digitized by Google

лигіи, дѣйствовали по чисто политическимъ соображеніямъ. Въ свою очередь папа Пій VII, съ которымъ они имѣли дѣло, держался примирительнаго направленія. Еще будучи епископомъ, во время завоеваній французовъ въ Италіи, онъ говорилъ въ своей проповѣди: „Республика, основанная на благочестіи, не противорѣчитъ вѣрѣ; Христосъ былъ демократическимъ другомъ народа. Будьте хорошими христіанами и вы будете хорошими демократами".

Послѣ десяти лѣтъ революціи однако возстановленіе публичныхъ церковныхъ обрядовъ представляло нѣчто необычное: папскаго посла, пріѣхавшаго въ Парижъ, пришлось везти въ закрытой каретѣ, чтобы избавить отъ возможныхъ насмѣшекъ и безцеремоннаго отношенія толпы; на первой придворной церемоніи генералы Бонапарта едва удерживались отъ смѣха. Соглашеніе было вполнѣ къ выгодѣ государственной власти. Католицизмъ былъ признанъ лишь религіей „большинства французскихъ гражданъ" (но не господствующей церковью), свобода богослуженія и публичныхъ обрядовъ—ограничена полицейскими распоряженіями, какія найдетъ нужнымъ ввести правительство. Епископы должны были получать сначала назначеніе отъ главы государства, потомъ уже утвержденіе отъ папы; священниковъ епископы назначаютъ съ утвержденія правительства. Духовенство, лишенное самостоятельныхъ доходовъ, было переведено на опредѣленное жалованье; оно обратилось въ чиновниковъ правительства: отъ своего духовнаго главы, папы, оно не могло принимать предписаній, не провѣренныхъ государственной властью.

Самъ Наполеонъ и люди, окружавшіе его, подчинившіеся ему прежніе коллеги-генералы, гражданскіе чиновники, частью бывшіе дѣятели Конвента, принадлежали къ среднимъ и низшимъ классамъ общества. Но они тянулись составить новую аристократію, такъ же, какъ ихъ глава не хотѣлъ оставаться президентомъ республики, а желалъ войти въ кругъ европейскихъ сеньеровъ-государей. Наполеонъ завелъ поэтому настоящій дворъ съ пышными пріемами и праздниками, нарядилъ недавнихъ демократовъ и якобинцевъ въ яркіе шитые золотомъ кафтаны и страусовыя перья, сталъ раздавать титулы бароновъ, графовъ, герцоговъ. Вопреки отмѣнѣ всѣхъ отличій, произведенной еще Учредительнымъ собраніемъ, онъ установилъ орденъ Почетнаго легіона. Все, что напоминало его прошлое, какъ республиканскаго генерала, должно было исчезнуть: онъ былъ государь, Августъ, въ атрибутахъ котораго и приказывалъ изображать себя; старые его товарищи должны были разсматривать свои отличія, какъ знаки его милости. Всюду въ Европѣ онъ старался посадить правителями и сблизить съ европейскими дворами свою родню, Наполеонидовъ. Эта династическая политика превратила

Digitized by Google

войны, начатыя революціей, въ чистый захватъ, не оправдываемый уже никакими принципами.

Внѣшняя политика Наполеона. Во время переворота 18 брюмера Франція была въ войнѣ съ коалиціей. Вслѣдъ за экспедиціей Бонапарта къ Египту пустился по Средиземному морю англійскій адмиралъ Нельсонъ и сжегъ французскій флотъ около устьевъ Нила. Русскіе въ союзѣ съ австрійцами подъ начальствомъ Суворова вытѣснили французовъ изъ Италіи; въ Неаполѣ и другихъ частяхъ полуострова были возстановлены прежнія правительства (1799). При консульствѣ Франція вернула свой перевѣсъ. Россія отозвала свои войска и отступилась отъ коалиціи. Первый консулъ снова завоевалъ сѣверную Италію, а другая французская армія вступила въ Германію и открыла дорогу къ Вѣнѣ. Оставшіеся союзники, Австрія и Англія, заключили миръ съ Франціей (1801—2). Наполеонъ придалъ теперь Италіи болѣе упрощенный видъ и объявилъ себя президентомъ итальянской республики. Но особенно важныя перемѣны были произведены въ Германіи. Подъ предлогомъ вознагражденія тѣхъ германскихъ князей, которые потеряли владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, Франція пріобрѣла себѣ союзниковъ, особенно въ южной Германіи. На основаніи особыхъ договоровъ матеріаломъ для вознагражденія должны были послужить владѣнія духовныхъ курфюрстовъ, вольные имперскіе города и земли, принадлежавшія имперскимъ рыцарямъ: эти *секуляризаціи* и *медіатизаціи* помогли Бадену, Вюртембергу и Баваріи значительно увеличить и округлить свои владѣнія. Обязанныя Франціи своимъ новымъ положеніемъ, владѣтельные князья стали ея вассалами: баварскій и вюртембергскій приняли отъ Наполеона даже королевскіе титулы. Но и Пруссія воспользовалась въ сильной степени милостями Франціи и выгодами раздѣла Германіи: за потери на лѣвомъ берегу она получила почти вчетверо на правомъ, забравши земли епископовъ, аббатовъ и вольныхъ городовъ. Карта Германіи очень упростилась, а французское вліяніе продвинулось далеко впередъ до середины Европы.

Наполеонъ не хотѣлъ остановиться на этомъ крайне выгодномъ для Франціи положеніи. Съ принятіемъ титула императора онъ связывалъ представленіе о господствѣ надъ всей Европой на подобіе римской имперіи. Но у Франціи оставался одинъ непобѣжденный соперникъ на морѣ и въ колоніяхъ, Англія. На вестиндскихъ островахъ со времени революціи было сильное движеніе черныхъ рабовъ, которыхъ Конвентъ объявилъ свободными; пользуясь этимъ движеніемъ, англичане отняли у Франціи большой и важный островъ С.-Доминго (Гаити). Наполеонъ сталъ готовить высадку противъ Англіи въ Булони; съ французскимъ флотомъ совмѣстно долженъ былъ дѣйствовать испанскій. Питтъ сумѣлъ отвлечь опасность, грозившую Англіи. Онъ устроилъ въ Европѣ новую

Digitized by Google

коалицію, привлекши противъ Наполеона Австрію и Россію (имп. Александра I). При поддержкѣ южнонѣмецкихъ князей Наполеонъ быстро надвинулся и разбилъ главныя силы австрійцевъ вмѣстѣ съ русскими въ большомъ сраженіи при Аустерлицѣ въ Моравіи (1805). Австрія должна была отказаться отъ всѣхъ владѣній въ Италіи и въ Германіи. Но въ то же время флотъ Наполеона вмѣстѣ съ испанскимъ былъ уничтоженъ его старымъ противникомъ Нельсономъ у береговъ Испаніи (при Трафальгарѣ), и Англія была спасена отъ высадки.

На сушѣ въ слѣдующемъ году (1806) Наполеонъ одержалъ новые успѣхи, и въ политической картѣ Европы произошли новыя перестановки. Пруссія до сихъ поръ мирилась со всѣми французскими завоеваніями и даже извлекала изъ нихъ выгоду. Но когда Наполеонъ сталъ безцеремонно распоряжаться территоріями, раньше ей обѣщанными, Пруссія объявила ему войну. Ее ждала полная и скорая катастрофа. Наполеонъ, по обыкновенію, прошелъ очень быстро черезъ южную Германію и разбилъ на голову двѣ прусскія арміи (главную изъ нихъ при Іенѣ). Послѣ этого позорно сдались одна за другой крѣпости на пути къ столицѣ, и черезъ двѣ недѣли Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ. Прославленная военная сила Пруссіи оказалась обманчивымъ призракомъ, не было и тѣни той энергіи, дисциплины и выучки, которыя считались неотъемлемымъ достояніемъ государства Фридриха II. Преслѣдуя бѣгущую королевскую семью, Наполеонъ вступилъ въ области, присоединенныя по раздѣламъ Польши за 10—13 лѣтъ до того; онъ объявилъ независимость Польши и возвѣстилъ здѣсь освобожденіе крестьянъ; массы поляковъ стали переходить къ нему на службу. Обезпокоенный за свои польскія владѣнія, Александръ I двинулся на защиту Пруссіи и во второй разъ вступилъ въ борьбу съ Наполеономъ, но и въ этой восточно-прусской кампаніи русскіе не имѣли успѣха. Наполеонъ не хотѣлъ однако доводить дѣла до крайности и предложилъ Александру I свиданіе въ Тильзитѣ, гдѣ между ними устроился миръ (1807).

Главное условіе состояло въ дѣлежѣ круга дѣйствій въ Европѣ: Россія выговорила себѣ свободу относительно Швеціи и Турціи, Наполеонъ—въ остальной части материка. Пруссія должна была принять тѣ условія, которыя выработали оба императора въ Тильзитѣ. Она потеряла большую часть территоріи: всѣ земли на западъ отъ Эльбы, и области, полученныя по двумъ послѣднимъ раздѣламъ Польши, изъ которыхъ Наполеонъ составилъ герцогство Варшавское съ передачей его саксонскому курфюрсту, надѣленному королевскимъ титуломъ. Пруссія обязалась выдать большую контрибуцію, сдѣлать огромныя поставки и сократить свою армію до 40.000; она обратилась въ державу третьяго разряда, въ родѣ Баваріи или Саксоніи.

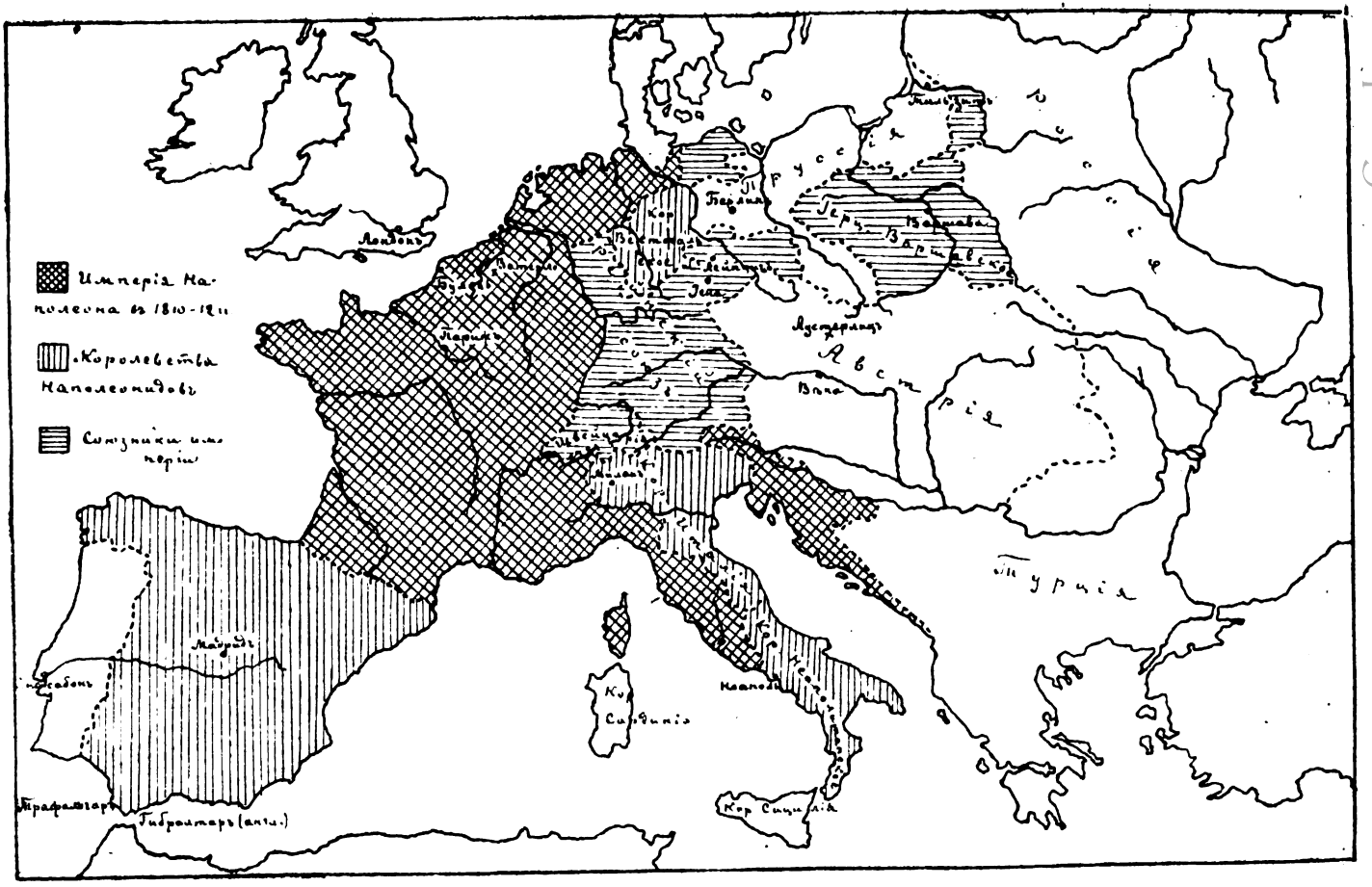
Digitized by Google

Нѣсколько раньше и позже Наполеонъ распорядился еще цѣлымъ рядомъ территорій. Республики, образованныя Директоріей, были превращены въ королевства и розданы Наполеонидамъ: батавская стала королевствомъ Голландіей; въ сѣверной Италіи вице-королемъ былъ посаженъ пасынокъ Наполеона. Изъ прежнихъ прирейнскихъ земель Пруссіи выкроили королевство Вестфальское для брата императора; Наполеонъ поставилъ его во главѣ остальныхъ германскихъ князей, образовавшихъ *Рейнскій союзъ*. Бурбоновъ изъ Неаполя Наполеонъ удалилъ, объявивъ, что „они перестали царствовать", и посадивши тамъ своего зятя Мюрата, сына трактирщика. Такимъ же заявленіемъ онъ лишилъ папу свѣтской власти и смѣстилъ династію въ Португаліи. Наконецъ онъ заставилъ отречься отъ престола своего вѣрнаго союзника, короля испанскаго, и замѣнилъ его своимъ братомъ.

Въ кругу этихъ захваченныхъ владѣній происходили постоянныя перемѣщенія. Такъ, Наполеонъ взялъ въ свое личное управленіе Голландію и присоединилъ къ Франціи сѣверную Германію до западнаго угла Балтійскаго моря, а также сѣверо-западную Италію. Франція далеко вышла за свои естественныя границы, вытянувшись двумя полосами вдоль обоихъ морей, омывающихъ среднюю Европу. Но и королевства Наполеонидовъ, и владѣнія нѣмецкихъ князей надо также считать за вассаловъ и почти за провинціи Франціи. Ея господство доходило до Эльбы и Дуная, куда были оттѣснены ослабленныя и уменьшенныя Австрія и Пруссія; кромѣ того еще, позади нихъ и въ видѣ передового поста Наполеона, стояло на Вислѣ герцогство Варшавское. Съ Россіей Наполеонъ со времени Тильзита держался дружбы, еще болѣе скрѣпленной на свиданіи въ Эрфуртѣ, куда съѣхались для униженныхъ привѣтствій всѣ вассалы Наполеона. Попрежнему невозможно было сладить только съ Англіей. Безсильный противъ нея на морѣ, Наполеонъ рѣшилъ убить ея торговлю на материкѣ и съ этой цѣлью провелъ во Франціи и заставилъ всѣхъ вассаловъ принять *континентальную систему*, т.-е. запрещеніе покупать какіе-либо товары, привозимые на англійскихъ кораблях.

Переходъ демократическихъ началъ въ европейскія страны. Необычайные успѣхи Наполеона объясняются и состояніемъ Франціи того времени, и условіями жизни остальныхъ европейскихъ народовъ и государствъ. Во время революціи Франціи пришлось впервые въ Европѣ поднять народную войну: противъ наемныхъ войскъ коалиціи въ 1793 г. сражались французскіе добровольцы и ополченіе, призванное изъ всѣхъ классовъ населенія на защиту отечества. Въ послѣдующихъ войнахъ республики дѣло шло, правда, уже о завоеваніяхъ, но солдатъ продолжали призывать массами изъ всѣхъ классовъ и выработали систему *общей воинской повинности*.

Digitized by Google



Западная Европа въ эпоху господства Наполеона.

Digitized by Google

Она называлась конскрипціей: все годное къ несенію оружія населеніе въ возрастѣ отъ 21 до 25 лѣтъ раздѣлялось по годамъ на разряды; государство было въ правѣ забирать въ службу цѣлые разряды. При такой системѣ Франція могла выставить сравнительно съ другими странами, сохранявшими прежній военный порядокъ, огромныя количества войска. Наполеонъ вполнѣ воспользовался этой системой и въ устройствѣ своей Великой арміи, служившей въ непрерывныхъ походахъ для расширенія имперіи, довелъ ее до крайности, забирая подростающія поколѣнія, юношей и почти дѣтей; онъ требовалъ также большихъ вспомогательныхъ отрядовъ изъ подчиненныхъ странъ и отъ вассаловъ, голландцевъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, поляковъ.

Наполеонъ воспользовался еще одной чертой, оставшейся въ арміи наслѣдіемъ отъ революціи: въ ней не было классовыхъ различій, не было палочной дисциплины, она была демократизована, люди высшихъ классовъ начинали службу съ низшихъ чиновъ, простые солдаты могли надѣяться на повышеніе всякаго рода. Значеніе этой перемѣны хорошо понимали враги французовъ. У одного прусскаго офицера, убитаго при Іенѣ, нашли письмо, гдѣ говорилось: „французы мелки и слабы: одинъ нѣмецъ сладитъ съ четырьмя; но въ огнѣ они становятся сверхъестественными существами: ихъ увлекаетъ невѣроятная горячность, которой и слѣда нѣтъ въ нашихъ солдатахъ. Да и чего бы вы захотѣли отъ крестьянъ, предводительствуемыхъ дворянами, при чемъ первые раздѣляютъ со вторыми всѣ опасности, но не имѣютъ участія ни въ ихъ увлеченіяхъ, ни въ ихъ наградахъ“. Республиканскій духъ мало-по-малу уступилъ въ этой арміи мѣсто понятію о воинской чести, сознанію славы непобѣдимаго народа. Наполеонъ искусно подхватилъ увлеченіе, окрестилъ Францію именемъ „великой націи“, всячески поддерживалъ честолюбіе своихъ солдатъ и офицеровъ, щедро раздавалъ военныя пенсіи, подарки, аренды, отличія; его маршалы получили милліонные доходы, иные дошли до „королевскаго чина“.

На сторонѣ его европейскихъ противниковъ не только не было такихъ многочисленныхъ, подвижныхъ, демократическихъ армій: они не могли также противопоставить французскому оружію ополченій, подобныхъ революціонному войску 1793 г.; противъ Наполеона сражались не народы, а дворы, опиравшіеся на старую систему управленія, на привилегированные классы, на арміи, наполовину составленныя изъ крѣпостныхъ. Въ то время, какъ французская буржуазія составляла съ 1789 г. главную дѣятельную силу націи, стремившейся впередъ, бюргерство въ Пруссіи встрѣчало завоевателя равнодушно, а крестьяне можетъ быть, даже съ тайной радостью, особенно когда въ отнятыхъ у Пруссіи польскихъ областяхъ Варшавскаго герцогства Наполеонъ объ-

Digitized by Google

явилъ освобожденіе крестьянъ. Когда въ Пруссіи и Австріи военные сдавали крѣпости и города, среди гражданскаго населенія не проявилось и малѣйшаго протеста, никакой попытки самостоятельно организовать защиту; не было вовсе привычки управлять дѣлами собственной общины; государство, правившее при посредствѣ чиновниковъ, напротивъ пріучило къ мысли, что политика не дѣло обывателей: они и оставались равнодушны къ политикѣ во время тяжелаго потрясенія всей страны.

Эта великая разница въ пользу Франціи однако должна была исчезнуть подъ вліяніемъ самого толчка, созданнаго ея завоеваніями. Война ускорила въ европейскихъ странахъ наступленіе революціи, похожей на революцію французскаго общества, и тогда преобразованныя переворотомъ европейскія общества дали отпоръ непомѣрно усилившейся Франціи.

Освободительныя реформы въ Пруссіи. Всего раньше и рѣзче произошла перемѣна въ Пруссіи. Въ то время, какъ близилась катастрофа государства, въ средѣ самихъ чиновниковъ появилась группа сторонниковъ реформы: большинство ихъ училось въ Кёнигсбергѣ, гдѣ профессоръ Краусъ, одинъ изъ учениковъ Канта, распространялъ взгляды Адама Смита. Люди этого направленія, Гарденбергъ, Шёнъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, привѣтствовали французскую революцію, въ которой видѣли „освобожденіе личности“; основное убѣжденіе ихъ состояло въ томъ, что „каждый гражданинъ легче самъ откроетъ свой истинный интересъ, чѣмъ это можетъ быть ему предписано правительствомъ“. Отсюда получили выводъ, что нужно покинуть систему опеки, вмѣшательства правительства во всѣ стороны жизни; должны быть разбиты рамки между классами, уничтожены привилегіи, отмѣнено „позорное пятно“ крѣпостничества, и обществу слѣдуетъ предоставить самодѣятельность. Недалекій, вѣчно колеблющійся, медлительный король Фридрихъ Вильгельмъ III (1797—1840), доведенный до крайности паденіемъ Пруссіи, поневолѣ замѣнилъ своихъ старыхъ совѣтниковъ людьми болѣе рѣшительными, которые настаивали на коренныхъ реформахъ, чтобы „возродить общественный духъ“.

Во время разоренія страны въ 1807 г. Гарденбергъ подалъ записку, въ которой совѣтовалъ мирнымъ путемъ произвести въ странѣ то, что „средь бурь и кровавыхъ происшествій“ совершила французская революція. По его мнѣнію, переворотъ, по виду страшный, благотворенъ въ дѣйствительности, потому что пробудилъ „дремавшія силы, вызвалъ необычайный подъемъ“. „Сила принциповъ революціи такъ велика, они получили такое всеобщее признаніе и распространеніе, что государство, которое откажется принять ихъ, осуждено или подчиниться имъ, или погибнуть. Чтобы сообразоваться съ духомъ времени, мы должны принять демократическіе принципы при монархическомъ управленіи“.

Digitized by Google

Но во главѣ дѣлъ былъ поставленъ сначала врагъ революціи, Штейнъ. По своему происхожденію изъ имперскихъ рыцарей Штейнъ былъ далекъ отъ сторонниковъ равенства во французскомъ духѣ и держался старозавѣтныхъ взглядовъ: онъ цѣнилъ старинные земскіе чины, потому что въ нихъ проявлялась самостоятельность общества, былъ врагомъ чиновничества и монархическаго произвола, хотя бы они руководились полезными цѣлями. Французская революція была ему ненавистна, какъ переворотъ, который разрушилъ всѣ старыя корпораціи, свелъ всѣхъ людей на одинаковый уровень и этимъ обезцвѣтилъ ихъ, разровнялъ почву для деспотизма. Наполеонъ казался Штейну довершителемъ революціи въ этомъ смыслѣ и величайшимъ врагомъ здороваго самобытнаго общества. Но, поднимая борьбу противъ новаго Цезаря, Штейнъ не могъ не признать великой освободительной силы въ самой революціи. Онъ думалъ воспользоваться именно ея средствами для подъема народа и отвоеванія независимости. Это приблизило его къ сторонникамъ реформы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ министерство, Штейнъ подписалъ уже готовый проектъ *демократической реформы общества* (эдиктъ 9 октября 1807 г.). Этотъ законъ по своему практическому значенію равнялся „декларації правъ человѣка и гражданина“. Онъ уничтожалъ сословныя преимущества, устанавливалъ свободный переходъ земли и позволялъ бюргерамъ и крестьянамъ покупать дворянскія имѣнія; затѣмъ онъ отмѣнялъ *личную* зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, т.-е. давалъ имъ право уходить съ земли и выбирать занятіе. Далѣе Штейнъ предложилъ реформу управленія городовъ и областей. Въ отдѣльныхъ общинахъ и цѣлыхъ провинціяхъ предполагалось ввести выборные совѣты и предоставить вмѣсто чиновниковъ выборнымъ должностнымъ лицамъ раскладку налога и заботу о мѣстномъ благоустройствѣ. По мнѣнію Штейна, эти учрежденія необходимо было увѣнчать общегосударственнымъ собраніемъ народныхъ представителей, которые имѣли бы однако лишь совѣщательный голосъ при государѣ и его министрахъ.

Проектъ Штейна напоминалъ реформу Тюрго. Но до созванія общаго собранія не дошло, и Штейнъ успѣлъ только издать законъ о городскомъ самоуправленіи. Наполеонъ скоро замѣтилъ, какого опаснаго противника онъ имѣетъ въ лицѣ прусскаго министра, и потребовалъ его отставки. Королю прусскому также не нравился властный характеръ Штейна, и онъ согласился. Черезъ годъ преемникомъ Штейна сталъ Гарденбергъ. Реформы продолжались, но въ иномъ направленіи. Гарденбергъ отмѣнилъ цехи, стѣснявшіе свободную дѣятельность промышленниковъ, ввелъ налоги, одинаковые для всѣхъ сословій, но не исполнилъ мысли Штейна объ устройствѣ самоуправленія. Два раза приглашали при немъ

Digitized by Google

представителей націи, но министръ не вступалъ съ ними въ соглашеніе, почти не обращалъ на нихъ вниманія. *Крестьянскую реформу*, едва начатую при Штейнѣ, Гарденбергъ повелъ дальше, но закончилъ весьма неудачно.

Очень сильное въ Пруссіи дворянство боялось потерять выгоды при освобожденіи крестьянъ. Если бы ушли даровые рабочіе, которые обязаны были являться на работы со своей упряжью, помѣщикамъ пришлось бы перейти къ совершенно новому виду хозяйства, нанимать рабочихъ за деньги, заводить инвентарь, скотъ, строенія, тогда какъ до сихъ поръ все это лежало на крестьянинѣ; коротко говоря, пришлось бы замѣнить натуральное хозяйство денежнымъ. Помѣщики согласны были на этотъ переходъ лишь подъ условіемъ значительнаго вознагражденія; притомъ они хотѣли обезпечить себѣ рабочаго при будущемъ свободно-наемномъ трудѣ; многимъ казалось, что легче всего достигнуть этой цѣли, забравши у крестьянъ полевую землю, которой они до тѣхъ поръ пользовались для себя, и сохранивъ за ними лишь небольшія усадьбы: крестьяне превратятся тогда въ сельскихъ пролетаріевъ и вынуждены будутъ искать у помѣщиковъ работы. Въ этомъ смыслѣ дворяне и подавали правительству проекты; но имъ мѣшала старинная правительственная политика „охраны мужика“, не позволявшая забирать крестьянскую землю.

На бѣду для крестьянства со стремленіями дворянъ совпадали взгляды сторонниковъ реформы: они видѣли въ „охранѣ мужика“ произволъ власти; ихъ понятіе о свободѣ обмѣна и свободѣ договора, заимствованное изъ англійской жизни и ученія Адама Смита, приводило къ тому выводу, что не зачѣмъ охранять слабаго и мѣшать сильному; кто не можетъ въ хозяйствѣ стоять на собственныхъ ногахъ, того не слѣдуетъ и поддерживать. А въ это время какъ разъ множество крестьянскихъ дворовъ были разорены и брошены вслѣдствіе иноземнаго нашествія. По старому правилу помѣщики должны были вновь допустить на эти дворы крестьянъ и помочь ихъ обзаведенію. Сторонники реформы не хотѣли этого и готовы были предоставить помѣщикамъ забрать опустошенныя крестьянскія земли. Самый передовой въ политическихъ вопросахъ дѣятель, Шёнъ, „содрогавшійся во всемъ своемъ существѣ при воспоминаніи о крѣпостничествѣ“, предлагалъ отдать всю крестьянскую землю помѣщикамъ, сложить мелкіе участки въ большія экономіи и предоставить ихъ крупнымъ арендаторамъ, какъ въ Англіи, а прежнихъ крестьянъ перевести на положеніе вольнонаемныхъ рабочихъ.

Подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ правительство отказалось отъ охраны крестьянской земли: вездѣ, гдѣ помѣщикъ ссылался на невозможность поправить крестьянское хозяйство, онъ и получалъ право забирать землю; только немногіе крестьяне, которые могли доказать свое старинное

Digitized by Google

право на землю, оставались неприкосновенными; даже новопоселенцевъ, которыхъ водворялъ Фридрихъ II послѣ семилѣтней войны, позволили сгонять. Государственная власть, ограничившись провозглашеніемъ общаго принципа свободы, упускала дѣло реформы изъ своихъ рукъ; землевладѣльцы, какъ это уже было дважды, послѣ тридцатилѣтней и семилѣтней войны, выигрывали опять на счетъ опустошенія, произведеннаго нашествіемъ.

Но оставался еще вопросъ о барщинѣ и повинностяхъ крестьянъ. Помѣщики соглашались отдать свое право на крестьянскую работу лишь за выкупъ. Въ своемъ затрудненіи правительство впервые созвало національныхъ представителей, но исключительно изъ владѣльческаго класса и только съ совѣщательнымъ голосомъ. Законъ 1811 г. *о регулированіи*, т.-е. *выкупѣ повинностей*, былъ изданъ въ согласіи съ интересами большинства помѣщиковъ. Выкупъ допускался лишь при обоюдномъ желаніи помѣщика и крестьянина, но не былъ обязателенъ. Крестьянинъ въ видѣ выкупа барщины долженъ былъ отдавать треть своей земли и за это становился полнымъ собственникомъ остальныхъ двухъ третей. Выкупомъ могли воспользоваться однако лишь тѣ крестьяне, которые имѣли упряжку или вообще рабочій скотъ; остальные крестьяне, безлошадные, остались при старыхъ повинностяхъ.

Крестьянская реформа прошла въ Пруссіи гораздо хуже, чѣмъ во Франціи. Даже абсолютные монархи XVIII в. больше берегли интересы крестьянъ, чѣмъ сторонники освободительныхъ реформъ начала XIX в. Въ Пруссіи сохранилось преобладаніе „юнкерства“. Но реформы Штейна и Гарденберга подняли въ странѣ значеніе средняго класса, бюргерства. Изъ его среды и вышли главные дѣятели эпохи.

Національныя движенія въ Европѣ. Для подъема страны большое значеніе имѣла реформа образованія. Въ Берлинѣ былъ основанъ университетъ, скоро занявшій первое мѣсто въ Германіи и по числу слушателей, и по талантамъ преподавателей. При закладкѣ его королю внушили сказать знаменательныя слова: „То, что страна потеряла физически, она выиграетъ морально“. Берлинскій университетъ сталъ главнымъ центромъ патріотическаго настроенія: философъ Фихте, въ свое время космополитъ (гражданинъ міра) и почитатель французской революціи, приглашенный на каѳедру въ Берлинѣ, произнесъ и напечаталъ здѣсь свои „Рѣчи къ германскому народу“, проникнутыя фанатичной враждой къ чужеземцамъ и ихъ культурѣ. Фихте съ негодованіемъ обрушивается на философію XVIII в. за то, что она поставила въ основу человѣческаго общежитія эгоистическія чувства. Въ этомъ „искусствѣ создавать общественныя машины“ отражается „бездушное, мертвящее“ просвѣщеніе французовъ и другихъ романскихъ народовъ. Общество рас-

Digitized by Google

падается и гибнетъ отъ нравственой порчи. Спасеніе міру принесетъ народъ нетронутый, германцы, „народъ“ по преимуществу, носитель великой нравственной идеи. Лишь германцы обладаютъ языкомъ истинно живымъ, проникающимъ до глубины души. Если бы этотъ народъ погибъ, съ нимъ вмѣстѣ погибла бы и духовная жизнь человѣчества. Германцы должны излѣчиться, какъ отъ язвы, отъ иностраннаго вліянія и найти свою собственную внутреннюю мощь. У Фихте высказаны идеи, которыя отражаются потомъ въ національныхъ увлеченіяхъ всѣхъ странъ и между прочимъ въ русскомъ славянофильствѣ.

Освобожденіе представляли себѣ въ видѣ большого народнаго возстанія противъ французовъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ первымъ проявленіемъ національной самобытности. Но отдѣльныя попытки возстанія были разрознены и быстро подавлялись. Наполеонъ преслѣдовалъ всякое выраженіе нѣмецкаго патріотизма.

Въ виду этого очень важна была военная реформа, искусно проведенная въ Пруссіи генераломъ Шарнгорстомъ. Чтобы не нарушать условія Тильзитскаго мира, по которому Пруссія могла держать подъ ружьемъ только 42.000, Шарнгорстъ придумалъ систему послѣдовательнаго обученія въ короткіе сроки отдѣльныхъ группъ молодого поколѣнія, которыя проходили черезъ ряды дѣйствующей арміи; разъ прошедшіе службу, зачислялись въ ополченіе (*ландверъ*), и въ случаѣ опасности въ войско могло быть привлечено все населеніе, способное носить оружіе; это была та же система всеобщей воинской повинности, которая создала огромную силу французской республики и имперіи.

Народныя силы поднимались въ это время и на другомъ концѣ Наполеоновской имперіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ Португаліи и Испаніи никогда не было полнаго повиновенія Наполеону: въ горныхъ мѣстностяхъ собирались партизаны и вели гверилью, мелкую войну, противъ отдѣльныхъ отрядовъ французской арміи. Это народное возстаніе стали поддерживать англичане, и въ годъ похода Наполеона въ Россію (1812 г.) англійскій главнокомандующій, Веллингтонъ, одержалъ нѣсколько важныхъ успѣховъ и сталъ вытѣснять французовъ съ полуострова. Въ это время въ Кадиксѣ, на юго-западной оконечности Испаніи собрались въ кортесъ народные представители и выработали конституцію, которую предполагалось ввести послѣ изгнанія французовъ.

Паденіе имперіи Наполеона I. Одновременно съ этимъ имперія начинаетъ колебаться внутри Франціи. Высшіе и средніе классы, привѣтствовавшіе Бонапарта въ 1799 г., какъ установителя порядка и спокойствія, проникаются враждой къ имперіи изъ-за ея непрерывной воинственной политики. Въ народѣ еще не слышно прямого протеста, но всѣ растетъ недовольство безпощадной рекрутчиной, которой требу-

Digitized by Google

ють войны; отъ конскрипціи массы людей убѣгаютъ въ горы, въ лѣса; правительству приходится разсылать облавы, отправлять за ними цѣлые отряды жандармовъ и устраивать военныя экспедиціи внутри страны для захвата солдатъ. Въ походахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, прежней дисциплины нѣтъ и слѣда; отъ арміи отстаютъ массы солдатъ, занимающихся грабежомъ; въ большомъ походѣ 1812 г. въ Россіи по обѣ стороны большой арміи съ самаго начала тучами тянулись мародеры.

Съ 1812 г. начинается окончательное военное крушеніе имперіи. Союзъ, заключенный въ Тильзитѣ, оказался непрочнымъ. Наполеонъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Александръ плохо соблюдаетъ континентальную систему противъ Англіи; русскій императоръ, обратно, былъ недоволенъ существованіемъ герцогства Варшавскаго, грозившаго возстановленіемъ прежней Польши. Наполеонъ задумалъ смирить послѣднюю державу на материкѣ, которая еще не подчинялась ему; за походомъ на Москву онъ представлялъ себѣ дальнѣйшее движеніе на востокъ для отвоеванія у англичанъ азіатскихъ колоній. Были сдѣланы большія приготовленія, со всѣхъ подвластныхъ странъ собрали армію свыше полумилліона солдатъ. Намѣренія Наполеона оставались втайнѣ: солдаты не имѣли понятія, зачѣмъ ихъ ведутъ въ Россію; были слухи, что послѣ ихъ двинутъ въ „Великую Индію“, или въ Египетъ. Русская армія, значительно меньшая числомъ, отступала вглубь; прежде чѣмъ отдать Москву, она выдержала огромную битву подъ Бородинымъ, въ сущности нерѣшительную, но затѣмъ опять отступила. Наполеонъ встрѣтилъ всюду, а особенно въ Москвѣ, разореніе; армія его, и безъ того организованная хуже прежнихъ, нуждалась въ припасахъ и стала распадаться. Французы уже не могли подѣйствовать тѣми освободительными началами, которыя они приносили съ собою въ среднюю Европу: движенія крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ были слабы и нерѣшительны. Они скоро уступили мѣсто раздраженію противъ грабительства иноземныхъ солдатъ, выбившихся изъ дисциплины. Приближеніе зимы заставило Наполеона двинуться изъ Москвы на югъ; но русская армія оттѣснила его на старую разоренную дорогу, и отступленіе французовъ превратилось скоро въ безпорядочное бѣгство, при чемъ отстававшихъ добивали или брали въ плѣнъ партизанскіе отряды. Близъ польской границы Наполеонъ бросилъ остатки „Великой арміи“ и поспѣшилъ во Францію, чтобы набрать и организовать новое войско для отпора грозившей ему теперь коалиціи.

Европейская война послѣдующихъ двухъ лѣтъ 1813—14 не похожа на предшествующія войны съ республикой и имперіей. Государи должны были обращаться къ той самой народной силѣ, которую они старались побороть во французской революціи. Соединяясь съ Александромъ I,

Digitized by Google

Фридрихъ Вильгельмъ III издалъ „Призывъ къ народу“, въ которомъ говорилъ, что народы имѣютъ право на опредѣленіе своей судьбы. Это было понято не только какъ приглашеніе къ борьбѣ противъ иноземнаго господства, но и какъ обѣщаніе народу свободныхъ представительныхъ учрежденій. Германскіе патріоты стали объединяться около Пруссіи, но большинство князей оставалось на сторонѣ Наполеона, который успѣлъ собрать новую армію и самъ напалъ на союзниковъ. Положеніе его стало затруднительно, когда къ коалиціи присоединилась Австрія. Въ трехдневной битвѣ подъ Лейпцигомъ (въ октябрѣ 1813 г.) Наполеонъ былъ разбитъ и отступилъ за Рейнъ. Германскіе князья отстали отъ него, но присоединились къ коалиціи только подъ условіемъ, что за ними будутъ признаны всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя ими при помощи Наполеона.

Въ слѣдующемъ 1814 г. русскіе, пруссаки и австрійцы вступили съ востока во Францію, въ то время какъ изъ-за Пиреней надвигался Веллингтонъ. Франція была слишкомъ истощена, чтобы защищаться, какъ въ 1793 г. Наполеонъ могъ набрать въ армію лишь совсѣмъ молодыхъ людей. Союзники открыли себѣ путь къ столицѣ и взяли Парижъ, между тѣмъ какъ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе. Союзники рѣшили сдѣлать его владѣтельнымъ княземъ небольшого итальянскаго острова (Эльбы), а во Франціи, которая должна была сократиться до предѣловъ 1792 г., возстановить династію Бурбоновъ (Людовика XVIII) съ тѣмъ, чтобы она дала странѣ конституцію. Для рѣшенія другихъ вопросовъ, касавшихся распредѣленія европейскихъ территорій, возвращенія изгнанныхъ правителей и внутренняго устройства странъ, захваченныхъ революціей и войной, государи-союзники созвали Вѣнскій конгрессъ.

Еще прежде, чѣмъ конгрессъ успѣлъ принять рѣшенія, во Франціи произошло возстановленіе Наполеоновской имперіи. Это было собственно возстаніе арміи противъ порядка, принесеннаго Бурбонами и вернувшимися съ ними эмигрантами. Наполеонъ воспользовался военной революціей и высадился на югѣ Франціи (весной 1815 г.). Ней, его прежній маршалъ, посланный схватить мятежника, при встрѣчѣ передался ему. Бурбоны бѣжали, Наполеонъ опять вернулся въ Парижъ, на этотъ разъ уже вынужденный сблизиться со сторонниками политической свободы и обѣщать конституцію, значительно ограничивавшую его власть. Враждебная имперіи Европа очень быстро однако покончила съ ней. Въ Бельгіи собрались англійскія и русскія войска (Веллингтонъ и Блюхеръ). Наполеонъ двинулся противъ нихъ, не смогъ ихъ разъединить и былъ разбитъ ихъ соединенными силами при Ватерлоо. Послѣ этихъ „Ста дней“ онъ пытался бѣжать въ Америку, но былъ захваченъ англичанами и съ согласія союзниковъ отправленъ на островъ св. Елены въ южной части

Digitized by Google

Атлантическаго океана, гдѣ и оставался въ англійскомъ плѣну 6 лѣтъ до своей смерти.

Во Франціи снова произошла реставрація Бурбоновъ. Союзники опять вошли въ Парижъ. На этотъ разъ рѣшено было поступить суровѣе со страной, которая такъ безпокоила остальную Европу: Франція должна была выплатить контрибуцію, а для обезпеченія ея въ теченіе 5 лѣтъ содержать на своей территоріи 150.000 войска союзниковъ.

Вѣнскій конгрессъ продолжалъ свою работу. Въ его рѣшеніяхъ такъ же, какъ въ событіяхъ послѣдующихъ 10—15 лѣтъ, отразились настроенія, вызванныя самой революціей и борьбой съ нею. Тѣ интересы различныхъ владѣтелей, которые были опрокинуты или задѣты революціей, соединились въ *реакцію*, т.-е. въ требованія вернуть старину и расправиться съ мятежной демократіей, поднявшейся вверхъ. Напротивъ, масса людей, желавшихъ сохранить и развить дальше пріобрѣтенія революціи, равенство правъ, свободу личности, политическую свободу (т.-е. представительное правленіе), сгруппировались въ партію *либеральную* (обозначеніе либераловъ впервые появилось въ Испаніи при возстаніи 1812 г.).

VI.

Общеевропейская реакція и революціонныя движенія на южныхъ полуостровахъ.

Европейская реакція. До революціи 1789 г. нигдѣ въ литературѣ нельзя было найти прямыхъ возраженій религіознымъ и политическимъ идеямъ просвѣщенія. И высшіе классы, и отчасти государи относились къ нимъ равнодушно или даже сочувственно, считая ихъ очень отвлеченными и далекими отъ осуществленія. Совершенно иначе стали къ нимъ относиться, когда во Франціи произошла революція и проповѣдь освобожденія стала распространяться въ другихъ странахъ Европы. Всѣ, чьи интересы затрогивались переворотомъ, стали говорить о разрушительномъ, ядовитомъ дѣйствіи тѣхъ самыхъ принциповъ, которые раньше безпрепятственно высказывались въ салонахъ и въ литературѣ. Къ этимъ прямымъ врагамъ революціи, каковы были французскіе эмигранты, медіатизованные владѣтели Германіи, лишенное владѣній и вліянія высшее католическое духовенство и т. п., стали присоединяться другія общественныя группы, напр., значительная часть буржуазіи, задѣтая слишкомъ бурнымъ характеромъ революціи или опасавшаяся ея крайнихъ результатовъ; этихъ людей можно было бы назвать разочаровавшимися въ просвѣтительныхъ идеяхъ.

Digitized by Google

Въ понятіяхъ всѣхъ этихъ раздраженныхъ, сбитыхъ съ мѣста и положенія, испуганныхъ или потрясенныхъ людей происходитъ перестановка. Они начинаютъ восхвалять исчезнувшее время, проклинать „холодный“ разумъ, внушившій перемѣны, и противопоставлять ему непосредственное чувство, вѣру.

Однимъ изъ первыхъ противниковъ революціи выступилъ замѣчательный англійскій парламентскій ораторъ, бывшій вигъ, Эдмундъ Боркъ. Въ своихъ „Разсужденіяхъ о революціи“, изданныхъ черезъ годъ послѣ начала переворота во Франціи (1790), когда еще не было ни террора, ни войнъ, онъ уже приходилъ въ ужасъ отъ того, что люди новаго направленія подвергаютъ все на свѣтѣ обсужденію, анализу и критикѣ, что ко всему прилагается одна мѣрка: польза и разумѣніе личности. Эта гордость человѣческаго разума кажется Борку разлагающей болѣзнью вѣка. Нельзя безъ остановки давать просторъ волѣ отдѣльныхъ людей, и нельзя безъ ограниченія освобождать личность, потому что иначе „общество, спустя немного поколѣній, разрушится; оно разсыплется въ песокъ и пыль индивидуальностей, и вѣтры развѣютъ его во всѣ стороны“. Боркъ возстаетъ противъ *индивидуализма* во имя авторитета большихъ, издавна сплоченныхъ группъ, корпорацій, сословій, народностей, церкви, государства; личность слаба и ограничена въ умѣ своемъ; она должна служить большому цѣлому и исполнять завѣщанное опытомъ вѣковъ дѣло. Боркъ такъ боится духа изслѣдованія, что защищаетъ даже предразсудокъ: лучше слѣпо вѣрить и принимать дѣдовскія причуды и ошибки, чѣмъ вскрывать тайны міра и общественнаго порядка.

Немного позднѣе появились реакціонные французскіе писатели, частью эмигранты. Изъ нихъ выдѣляется по своему остроумному таланту Жозефъ де Местръ, „Вольтеръ реакціи“, собственно пьемонтецъ, довольно долго жившій въ Петербургѣ. Въ „Мысляхъ о французской революціи“ де Местръ осмѣиваетъ „сочиненныя“ конституціи французовъ. Только та конституція крѣпка, которая выросла, какъ дерево, которая составляетъ дѣло самой природы: а между тѣмъ естественный порядокъ заключаетъ въ себѣ неравенство, господство однихъ и подчиненіе другихъ; безполезно объявлять освобожденіе человѣка, разъ онъ родился и призванъ быть рабомъ. Де Местръ видитъ въ революціи страшный судъ Божій, совершившійся на землѣ. Якобинцы—новые гонители христіанства, казненный король и жертвы террора—новые его мученики. Однако потрясеніе общества приведетъ къ его очищенію. Гонители религіи сами не замѣчаютъ, что они только пробуждаютъ заснувшій духъ ея. Религія нужна, какъ основа незыблемаго строя общества. Но религія—не дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка, это—грозный общій законъ.

Digitized by Google

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій „О папѣ“ де Местръ доказываетъ, что на землѣ долженъ быть высшій безапелляціонный авторитетъ, должна быть центральная власть, которая бы говорила людямъ: „вы заблуждаетесь“. Онъ восторгается средними вѣками, когда папа повелѣвалъ надъ государями, и требуетъ признанія папской непогрѣшимости. Людямъ нужна не свобода, а суровыя жестокія сдержки, оковы, наказанія. Оттого де Местръ прославляетъ инквизицію и даже восхваляетъ палача, „существо необычайное, сотворенное въ видѣ ужаснаго, но соединяющаго общество символа“.

Галлеръ, изгнанный швейцарскими демократами патриціи старинной бернской семьи, собралъ реакціонныя идеи въ обширную систему. Его книга называется „Реставрація (возстановленіе) государственной науки“. Галлеръ возстаетъ противъ идей равенства и свободы личности, потому что это — ухищренія, придуманныя просвѣтителями XVIII в., а онъ хочетъ возстановить „честь Бога и природы“. На землѣ существуетъ только право сильнаго, а изъ него вытекаетъ право частной собственности. Государь владѣетъ государствомъ, какъ помѣщикъ усадьбой; онъ свободенъ отъ всякихъ обязанностей. Кто недоволенъ строемъ жизни въ государствѣ, чувствуетъ себя необезпеченнымъ, можетъ уѣхать за границу, но можетъ также прибѣгнуть къ самозащитѣ. Верховенство народа не имѣетъ смысла, потому что народъ, какъ цѣлое, существуетъ только тогда, когда его призовутъ выслушать приказъ.

Отыскивая охрану для старинныхъ правъ, подорванныхъ революціей, реакціонеры вспомнили о религіи и церкви, которая сама была такъ долго великой владѣльческой силой. Французскій писатель, Шатобріанъ, въ своемъ „Духѣ христіанства“ старался показать, что атеизмъ сухъ и скученъ, что въ католическомъ культѣ, напротивъ, много красоты. По разнымъ побужденіямъ начинаютъ опять тянуться люди къ той религіи, которая была въ пренебреженіи въ вѣкъ просвѣщенія и во время революціи. Въ Германіи нѣсколько выдающихся дѣятелей науки и литературы открыто переходятъ изъ протестантизма въ католичество.

Послѣ замиранія въ XVIII в. католичество снова, какъ за $2^1/_2$ вѣка до того, возрождается: папа возстановилъ (1814) отмѣненный за 40 лѣтъ до того орденъ іезуитовъ, и они начали опять свою дѣятельность обращеній, пропаганды и обученія въ школахъ. Въ средѣ католиковъ появились талантливые дѣятели, которые обратили на пользу церкви огромную силу новаго времени, печать, стали издавать журналы и газеты для самаго широкаго распространенія, усвоили новый бойкій языкъ, вошедшій въ обычай въ демократическихъ собраніяхъ.

Сторонники реакціи согласны были видѣть въ революціи гибель стараго міра, но они ожидали теперь возрожденія прежнихъ началъ. Ихъ

Digitized by Google

идеаломъ были средніе вѣка, по ихъ опредѣленію, эпоха вѣры, воинственнаго рыцарства, подчиненія рабочаго класса, крѣпкаго патріархальнаго строя. Міръ не можетъ долго оставаться въ анархіи; онъ опять вернется къ строю, въ которомъ каждый займетъ свое естественное мѣсто. Конечно, очень трудно было установить, какое же мѣсто суждено всякому. Реакціонеры любили противъ требованій разума выставлять *историческія права*, т.-е. то, что освящено давностью: таковы права династій на наслѣдственную и неограниченную власть, права собственниковъ на доходъ съ земли и на работу подчиненнаго населенія, преимущества сословій, исключительныя права старинныхъ корпорацій. Во Франціи реакціонеры производили дворянство отъ франковъ-завоевателей, а остальной народъ—отъ подчинившихся имъ галловъ и римлянъ, и на этомъ фактѣ V в. старались основать вѣчность неравенства.

Либерализмъ. Противники реакціи защищали свободу личности и права народа. Въ разсужденіяхъ либераловъ были теперь черты новыя сравнительно съ XVIII в. Сторонники просвѣщенія XVIII столѣтія говорили о правахъ человѣка и человѣчества, были космополитами. Въ революціонной Франціи и въ борьбѣ европейскихъ обществъ противъ Наполеоновскаго господства ярко выступили силы отдѣльныхъ націй; въ народностяхъ открылись также какъ бы новыя личности, требовавшія самостоятельности. Становилось ясно, что отдѣльная личность можетъ достигнуть свободы только при совмѣстныхъ усиліяхъ тѣхъ, кто раздѣляетъ съ ней одинаковыя чувства и понятія, говоритъ съ ней однимъ языкомъ. Такъ возникала чуждая XVIII вѣку или слишкомъ слабая въ то время *національная* идея. Либералы и демократы естественно становятся націоналистами. Болѣе всего это должно было чувствоваться въ раздробленныхъ странахъ, какъ Германія и Италія: кто хотѣлъ политической свободы для своей родины, долженъ былъ прежде всего желать ея національнаго объединенія; только при этомъ условіи можно было скинуть господство иноземныхъ силъ, которыя вмѣшивались во внутреннія дѣла; только собравши вмѣстѣ всѣ народныя силы, можно было одолѣть мелкихъ деспотовъ, раздѣлявшихъ между собою страну.

Просвѣтители XVIII в. не любили ссылокъ на исторію; имъ видѣлась въ старинѣ тьма предразсудковъ и несправедливости. Иначе стали относиться къ историческому прошлому либералы начала XIX в. Они старались найти черты народной самобытности въ глубинѣ вѣковъ, чему, впрочемъ, положили начало Гердеръ и другіе искатели первобытной поэзіи и мудрости. Либералы были увѣрены, что и начала свободы можно найти въ народной жизни старинныхъ временъ. Истинную свободу знали германцы въ лѣсахъ, описанные Тацитомъ. Изъ-за свободы бились несокрушимые горожане средневѣковыхъ коммунъ. Обѣ стороны идеализиро-

Digitized by Google

вали старину, отдавались *романтикѣ*, но каждая по-своему: была романтика реакціонная и романтика либеральная.

Рѣшеніе Вѣнскаго конгресса и возстановленіе абсолютизма. Въ борьбѣ Европы противъ Наполеона участвовали очень различныя силы: эмигранты 1789 г., медіатизованные владѣтели, изгнанныя династіи толкали европейскихъ государей на войну, слѣдовали за арміями и появились потомъ на большомъ европейскомъ конгрессѣ, чтобы напомнить о своихъ правахъ. Но въ то же время массы населенія поднялись въ Германіи, Италіи и Испаніи въ ожиданіи политическаго освобожденія, и въ своихъ манифестахъ государи отвѣчали на эти надежды. Старые руководители европейской политики, монархи, были теперь въ затрудненіи, когда возникъ вопросъ о возстановленіи порядка послѣ великаго разрушителя. Они должны были исполнить свои обѣщанія, данныя націямъ, но боялись вновь пробужденной силы народовъ, которая грозила ограничить ихъ власть; они хотѣли возстановленія законныхъ старинныхъ правъ, стояли за *легитимизмъ*, но они также участвовали большею частью въ дѣлежахъ, производившихся во время войны, и пріобрѣли земли старыхъ согнанныхъ владѣтелей.

Въ работѣ Вѣнскаго конгресса, на которомъ участвовали большая часть европейскихъ государей и дипломаты всѣхъ странъ, и выразилась эта двойственность. Александръ I, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ, въ молодости поклонникъ французской революціи, правда, видѣлъ теперь въ себѣ избранное орудіе Провидѣнія противъ злого генія Наполеона, но еще сохранилъ нѣкоторыя черты прежняго своего либерализма: онъ настоялъ на томъ, чтобы возстановленные во Франціи Бурбоны дали странѣ конституцію (по Хартіи 1814 г.), и самъ въ отданномъ ему Варшавскомъ герцогствѣ, которое получило названіе Царства польскаго, обѣщалъ ввести конституцію. Мелкіе правители юга Германіи (короли баварскій и вюртембергскій, великій герцогъ баденскій) сохранили свои увеличенныя владѣнія также подъ условіемъ, что созовутъ представителей страны и введутъ у себя конституцію.

Но эти измѣненія распространились на меньшую часть Европы, и притомъ совершенно не принято было во вниманіе другое сильное направленіе въ европейскихъ обществахъ—желаніе націй объединиться. При дѣлежѣ добычи каждый изъ союзниковъ хлопоталъ о томъ, чтобы не дать другимъ чрезмѣрно усилиться, а сильныя державы, Россія, Австрія, Пруссія, Англія, а также Франція, которую союзники приняли въ свою среду, стали поэтому наблюдать *политическое равновѣсіе*. При этомъ большею частью избирали путь, прямо противоположный національнымъ интересамъ. Польшу оставили разрѣзанной между тремя государствами при нѣкоторыхъ лишь перестановкахъ сравнительно съ

Digitized by Google

прежними раздѣлами. Бельгію насильственно соединили съ Голландіей въ Нидерландское государство съ передачей власти въ руки Оранскаго дома. Въ Италіи возстановили династіи, но оставили уничтоженными старыя республики; сѣверо-восточную ея часть (Ломбардо-венеціанское королевство) отдали Австріи, которая получила такимъ образомъ преобладающее положеніе на полуостровѣ.

Въ Германіи признали всѣхъ правителей Рейнскаго союза съ ихъ пріобрѣтеніями на счетъ медіатизованныхъ князей, духовныхъ владѣтелей и вольныхъ городовъ (38 владѣній вмѣсто прежнихъ 360 территорій) и сохранили такимъ образомъ ея раздробленіе. По типу Рейнскаго союза теперь былъ образованъ *союзъ Германскій;* кромѣ мелкихъ владѣній, въ него включены были Пруссія и Австрія западными половинами своихъ владѣній: на союзный сеймъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ должны были являться не депутаты отъ населенія, а чиновники, уполномоченные всѣхъ германскихъ правительствъ при преобладаніи голосовъ Австріи и Пруссіи. Какъ въ старомъ рейхстагѣ, для общихъ рѣшеній требовалось единогласіе. Въ сущности и здѣсь Австрія получила перевѣсъ. Сама составленная изъ различныхъ народностей, опасаясь проявленной ими самобытности, она стала въ средней Европѣ охранительницей неподвижнаго порядка, главнымъ образомъ всякихъ національныхъ движеній. Ея первый министръ, князъ Меттернихъ, управлявшій иностранными дѣлами до 1848 г., основой своей политики ставилъ противодѣйствіе всякимъ нововведеніямъ. Всѣ противники неподвижности были въ его глазахъ революціонерами. Онъ говорилъ о нихъ: „цѣль возмутителей одна: ниспроверженіе всего существующаго... Этому разрушенію монархи должны противопоставить принципъ сохраненія всего законно существующаго“.

Такой мысли вполнѣ соотвѣтствовалъ задуманный Александромъ I *Священный союзъ.* Русскій императоръ все болѣе склонялся къ реакціонной религіозности. Подъ вліяніемъ окружавшихъ его мистиковъ, онъ предполагалъ найти въ христіанствѣ основу для поддержанія порядка въ Европѣ и для остановки международныхъ войнъ. Онъ самъ сочинилъ актъ Священнаго союза, въ которомъ ставилось въ долгъ государямъ, въ качествѣ уполномоченныхъ Провидѣнія, братски помогать другъ другу и отечески управлять своими подданными.

Послѣ этого въ теченіе около 30 лѣтъ, правда, не было войнъ между европейскими государствами, но зато государи взаимно помогали другъ другъ подавлять вооруженной силой движенія народовъ, добивавшихся свободы. Священный союзъ, въ который вступили всѣ государства, кромѣ папы, нехристіанской Турціи и конституціонной Англіи, сдѣлался настоящимъ орудіемъ реакціи. Меттернихъ, чуждый вообще всякихъ принциповъ, посмѣялся сначала надъ союзомъ („трескучій пустякъ“) и

Digitized by Google

выразилъ опасенія по поводу горячихъ и неопредѣленныхъ заявленій акта, придуманнаго Александромъ; однако онъ отлично потомъ воспользовался союзомъ для подавленія всякихъ либеральныхъ и національныхъ движеній въ Европѣ.

Въ первыя десять лѣтъ послѣ Вѣнскаго конгресса государямъ-охранителямъ покоя и равновѣсія пришлось имѣть дѣло съ движеніями въ Германіи и на трехъ южныхъ полуостровахъ.

Радикальныя движенія и реакція въ Германіи. Въ Германіи устройство союза не могло удовлетворить патріотовъ, желавшихъ объединенія націи. Старый Штейнъ былъ недоволенъ тѣмъ, что сохранили династіи, продолжавшія раздроблять страну, и не ввели общаго парламента. Еще болѣе были недовольны представители либеральной буржуазіи, проникнутые сочувствіемъ къ французской революціи и признававшіе верховенство народа. Они могли открыто высказываться только въ конституціонныхъ государствахъ юга Германіи, гдѣ допущена была свобода печати; между тѣмъ эти мелкія государства не могли ничего сдѣлать для объединенія Германіи. Либералы южной Германіи не хотѣли обращаться къ сильнымъ двумъ державамъ, Пруссіи и Австріи, изъ-за абсолютизма, который тамъ господствовалъ; чтобы спасти конституціонныя учрежденія дома, имъ поневолѣ приходилось стоять за особность мелкихъ государствъ, за *партикуляризмъ*. Въ Германіи мало было образованныхъ и независимыхъ людей среди землевладѣльцевъ и промышленниковъ. Палаты составлялись большею частью изъ правительственныхъ чиновниковъ; среди нихъ были люди либеральныхъ взглядовъ, но съ большинствомъ ихъ правительство справлялось угрозами и принужденіями, напр., не давая чиновникамъ-депутатамъ отпуска во время засѣданій палатъ.

Направленія болѣе радикальныя встрѣчались главнымъ образомъ среди учащейся молодежи, но они отличались неопредѣленнымъ характеромъ. Борьба противъ иноплеменной силы, французовъ, вмѣстѣ съ религіознымъ настроеніемъ, создала особый идеалъ германско-христіанскаго быта: его послѣдователи мечтали о какомъ-то возстановленіи старинной германской жизни, несокрушимыхъ характеровъ, физической силы и ловкости въ соединеніи съ благочестіемъ: въ дѣйствительности они занимались гимнастикой, носили длинные неостригавшіеся волосы и костюмъ изъ грубой матеріи съ открытымъ воротомъ. Понятіе о чисто-германскомъ молодечествѣ выразилось въ образованіи среди студентовъ, рядомъ со старыми землячествами, общегерманской *студенческой дружины* (Burschenschaft). Она должна была служить главнымъ образомъ развитію національнаго чувства. Ея центромъ былъ университетъ въ г. Іенѣ, находившійся въ небольшомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ, гдѣ просвѣщенный владѣтельный князь, покровитель Гердера, Гёте и Шиллера,

Digitized by Google

ввелъ первый въ Германіи конституцію и свободу печати. Бурши соединялись по временамъ на большіе шумные праздники, гдѣ пѣлись популярные гимны и пѣсни и совершались нѣкоторыя весьма невинныя символическія демонстраціи.

Въ день трехсотлѣтія начала реформаціи (1517—1817), когда рѣшено было вмѣстѣ съ тѣмъ праздновать Лейпцигскую побѣду надъ Наполеономъ, въ замокъ Вартбургъ, гдѣ когда-то жилъ спасенный изъ Вормса Лютеръ, собрались либеральные профессора и журналисты вмѣстѣ съ делегатами отъ студентовъ разныхъ университетовъ. Послѣ патріотическихъ рѣчей, вечеромъ, были сожжены нѣкоторыя ненавистныя книги, между прочимъ „Реставрація“ Галлера и прусскій жандармскій уставъ, затѣмъ австрійская капральская палка.

Очень незначительны количествомъ были среди молодежи настоящіе политическіе кружки, такъ наз. „сѣрые“ и болѣе радикальные „черные“. Они предполагали составить заговоръ, истребить враговъ единства и свободы Германіи и выработали проектъ конституціи въ республиканскомъ духѣ. Но у этой группы не было ни опредѣленнаго плана дѣйствій, ни средствъ для того, чтобы даже начать какое-нибудь движеніе. Убійство мелкаго нѣмецкаго писателя, бывшаго совѣтникомъ Александра I, и вартбургскія демонстраціи послужили для Меттерниха придиркой, чтобы принять стѣснительныя мѣры. Германскіе правители согласились ввести выработанныя имъ въ Карлсбадѣ постановленія: предлагалось распустить союзы буршей и учредить въ каждомъ университетѣ кураторовъ (попечителей) для надзора за студентами и профессорами; затѣмъ установить предварительную цензуру для просмотра каждой выходящей газеты или брошюры. Особая комиссія Германскаго союза должна была заняться изслѣдованіемъ вопроса „объ источникѣ и развѣтвленіяхъ революціонныхъ происковъ и демагогическихъ обществъ“. Меттерниху очень хотѣлось отмѣнить южно-нѣмецкія конституціи. Хотя комиссія не нашла никакихъ слѣдовъ революціоннаго заговора, однако правительства приняли мѣры противъ молодыхъ патріотовъ: особенно ревностно дѣйствовало прусское, которое посадило въ крѣпость нѣсколько студентовъ за ношеніе черно-красно-желтыхъ значковъ (цвѣта старой имперіи) и даже гимназиста за рисунокъ, изображавшій, какъ дьяволъ поѣдаетъ короля.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III, обѣщавшій передъ битвой при Ватерлоо „даровать прусской націи конституцію посредствомъ писаннаго акта“, и не думалъ созывать парламентъ. Правительство въ теченіе 8 лѣтъ смѣнило нѣсколько комиссій, которыя работали въ секретѣ надъ устройствомъ народнаго представительства. Въ концѣ-концовъ пришли къ весьма жалкому результату. Учредили только провинціальные ландтаги, т.-е. разрозненныя собранія въ 8 областяхъ королевства; они

Digitized by Google

должны были составляться изъ депутатовъ отъ трехъ сословій, дворянства, бюргеровъ и крестьянства; крупные землевладѣльцы являлись лично, остальные были представлены выборными; неимущіе были вовсе исключены; засѣданія были закрытыя. Ландтаги завѣдовали дорожнымъ дѣломъ и общественнымъ призрѣніемъ; они могли высказываться о законахъ, но каждый только въ отношеніи своей области. Свои ходатайства они посылали особой комиссіи, сидѣвшей въ Берлинѣ, но король отвѣчалъ на нихъ только въ томъ случаѣ, если получалъ заявленія отъ всѣхъ 8 областей. Все управленіе по-прежнему было въ рукахъ чиновниковъ. Правительство считало эти уступки достаточными; одинъ изъ министровъ выразилъ мнѣніе, что вырабатывать общегосударственныя мѣры „недоступно ограниченнымъ взглядамъ подданныхъ". Въ лицѣ Гегеля (Hegel) берлинское правительство обладало профессоромъ философіи, который давалъ полное оправданіе существующему порядку.

Гегель (1770—1831), какъ и его другъ философъ-поэтъ Шеллингъ, были уроженцами южной Германіи (швабами) и въ 90-хъ годахъ XVIII в. переживали увлеченіе французской революціей. Шеллингъ перевелъ на нѣмецкій языкъ марсельезу. Гегель сажалъ древо свободы въ Тюбингенѣ и говорилъ якобинскія рѣчи. Его отношеніе къ религіи было такъ же радикально, какъ у французскихъ матеріалистовъ: онъ осуждалъ замѣну античной мужественной республиканской доблести безсильной моралью христіанскаго послушанія. Черезъ 12 лѣтъ Гегель, будучи профессоромъ въ Іенѣ, подъ стѣнами которой пруссаки были разбиты Наполеономъ, совершенно равнодушный къ нѣмецкому отечеству, привѣтствовалъ восторженно въ императорѣ „міровую душу", правящую вселенной.

Оба философа послѣ великой европейской войны отдаются реакціи. Шеллингъ видитъ во всей матеріальной чувственной жизни отпаденіе отъ Бога и ставитъ человѣку цѣлью очищеніе отъ грѣха и зла. Гегель въ своей „Философіи права", составленной изъ лекцій въ берлинскомъ университетѣ, возводитъ государство на степень божества. Оно—подобіе міра, управляемаго божественной волей. Государство—какъ бы малое Провидѣніе. Гегель вооружается противъ революціонеровъ, разрушившихъ государство и вмѣсто него поставившихъ произвольный союзъ отдѣльныхъ лицъ. Государству надо поклоняться, какъ земному богу; отдѣльная личность получаетъ всю свою цѣну, все свое духовное существованіе отъ государства. Прусскіе бюрократы, міръ министровъ и тайныхъ совѣтниковъ, высоко цѣнили авторитетъ Гегеля, находя у него одобреніе неподвижности. Въ предисловіи къ „Философіи права" стояла знаменитая фраза: „все, что дѣйствительно, разумно".

Ученіе Гегеля имѣло однако еще другую сторону, въ которой онъ остался продолжателемъ просвѣщенія XVIII в.: Гегель высоко ставилъ

Digitized by Google

человѣческій разумъ. Вся исторія культуры есть работа непрерывно проясняющейся мысли. Неподвижныхъ догматовъ не можетъ быть; анализъ и критика идутъ неотступно, находя силу въ самомъ существѣ человѣческаго духа. Всемірная исторія составляетъ развитіе идеи свободы. Къ этимъ мыслямъ уже послѣ смерти Гегеля примкнуло радикальное и демократическое направленіе въ Германіи.

Революція въ Испаніи. Болѣе бурный характеръ носили движенія на югѣ Европы. Испанія дожила до XIX в. съ учрежденіями, которыя установились благодаря католической реакціи XVI в. Въ ней было всесильное духовенство, располагавшее огромными имѣніями, массой монастырей, свободное отъ налоговъ, державшее въ своихъ рукахъ инквизицію, цензуру всѣхъ изданій; представители сословій не собирались, и страна управлялась *камарильей*, т.-е. королевой, духовникомъ короля и какимъ-либо королевскимъ фаворитомъ. Вторженіе французовъ впервые вызвало Испанію изъ этого онѣмѣнія. Съ господствомъ наполеоновскаго намѣстника явилось свѣтское управленіе, хотя и чиновничье, но гораздо менѣе стѣснявшее умственную жизнь; проникли французскія идеи: въ Испаніи уничтожили инквизицію, установили равенство передъ закономъ, одинаковое подчиненіе налогамъ всѣхъ классовъ. Патріоты, не желавшіе господства иностранцевъ, въ свою очередь должны были проявить самодѣятельность при устройствѣ возстанія: это было началомъ самоуправленія: въ провинціяхъ, особенно южныхъ и приморскихъ, гдѣ населеніе было болѣе подвижно, образовались *хунты*, т.-е. временные комитеты управленія; въ вооружаемыхъ противъ французовъ ополченіяхъ офицеры привыкли самостоятельно распоряжаться.

Эти внезапно призванныя къ политической жизни силы испанскаго общества сыграли главную роль при составленіи конституціи 1812 г. Собраніе кортесъ въ Кадиксѣ было похоже на національное собраніе во Франціи 1789 г.: оно отличилось тѣмъ же энтузіазмомъ, увлекалось тѣми же ученіями, его засѣданія происходили при шумномъ сочувствіи публики на галлереяхъ; преобладавшіе въ собраніи либералы провозгласили верховную власть народа. Конституція 1812 г. близко напоминала французскую конституцію 1791 г.: законодательная власть передавалась одной палатѣ, король имѣлъ лишь отлагательное veto; депутаты не могли быть переизбираемы въ слѣдующее собраніе, министры не должны были принадлежать къ собранію. Въ одной особенности сказалась старая исключительность Испаніи; вмѣсто провозглашенія вѣротерпимости въ конституціи было сказано: „Религія испанскаго народа есть и всегда будетъ римско-католическая, апостольская, единая, истинная; нація запрещаетъ исповѣданіе другихъ религій“.

Когда англичане послѣ побѣды надъ французскими войсками вернули

Digitized by Google

въ Испанію изгнаннаго бурбонскаго короля (Фердинанда VII), къ нему устремились сторонники неограниченной власти и господства духовенства, такъ наз. „рабски преданные“. Король объявилъ конституцію недѣйствительной, велѣлъ арестовать вождей либераловъ, и самъ, не читая судебнаго разслѣдованія, осудилъ ихъ на каторгу и заключеніе по монастырямъ. Онъ возстановилъ затѣмъ камарилью, инквизицію, монастыри и привилегіи; по вечерамъ духовники короля собирались и составляли вмѣстѣ съ нимъ указы и распоряженія объ арестахъ. Но правительство вовсе не было сильно: послѣ тяжелой войны и благодаря возстановленію привилегій у него не было финансовыхъ средствъ; затѣмъ оно было безсильно, чтобы предпринять что-либо противъ возставшихъ и отдѣлившихся колоній южной и средней Америки.

Либералы начали дѣйствовать теперь тѣми же средствами, къ какимъ ихъ пріучило національное возстаніе противъ французовъ. На защиту конституціи 1812 г. выступили кружки офицеровъ, которые, кромѣ того, объединялись въ масонскихъ ложахъ, распространившихся въ Испаніи съ приходомъ французовъ и англичанъ. Правительство держало очень плохо армію, и въ ея средѣ было недовольство. Въ 1820 г. Ріего, начальникъ небольшого отряда изъ войскъ, стоявшихъ близъ Кадикса и ожидавшихъ отплытія въ Америку, провозгласилъ конституцію 1812 г. На это военное *пронунсіаменто* отозвалась хунта въ Коруньѣ, портѣ сѣверо-западной Испаніи. Никто не хотѣлъ сражаться противъ возставшихъ; испуганный король согласился на все, присягнулъ конституціи и призвалъ къ власти либераловъ. Въ провинціальныхъ городахъ управленіе перешло изъ рукъ чиновниковъ къ временно образовавшимся хунтамъ. При возстановленіи конституціи опять сказалась испанская религіозность: текстъ конституціи носили въ процессіяхъ наравнѣ со св. дарами; священники должны были разъяснять конституцію съ церковныхъ каѳедръ.

Новое управленіе не отличалось прочностью. Либералы, достигши господства, раздѣлились на умѣренныхъ и крайнихъ (такъ наз. „возбужденныхъ“), которые начали враждовать между собою; духовенство было недовольно отобраніемъ церковныхъ имуществъ, король неискренне подчинялся своимъ министрамъ; въ сѣверо-восточныхъ горахъ Испаніи образовалась „апостолическая армія“, которая объявила себя противъ революціи 1820 г. и рѣшила освободить короля, находившагося, по ея мнѣнію, въ плѣну у мятежниковъ.

Между тѣмъ испанская революція вызвала политическія движенія въ Португаліи, Неаполѣ и Пьемонтѣ; вездѣ провозглашали все ту же крайне популярную на югѣ Европы конституцію 1812 г.

Итальянскія революціи и освобожденіе грековъ. Государи Священнаго

Digitized by Google

союза не захотѣли устраивать въ Италіи даже того подобія связи владѣній, какое было установлено въ Германіи. Австрія потребовала вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы возстановленныя династіи не вводили у себя учрежденій, непохожихъ на австрійскія, т.-е. свободы личной и политической. Но старыя итальянскія правительства и безъ того были одержимы ненавистью къ порядкамъ, которые принесла революція и господство французовъ. Сардинскій король отмѣнилъ вѣротерпимость, поручилъ цензуру книгъ духовенству, вернулъ церкви отобранныя имущества, положилъ смертную казнь за святотатство; изъ университетской библіотеки были унесены Монтескьё и другія опасныя книги; французовъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ изгнали, и заведенный ими ботаническій садъ въ Туринѣ разрушили. Папа устранилъ свѣтскихъ чиновниковъ и раздѣлилъ страну для управленія между кардиналами; духовная администрація отмѣнила оспопрививаніе и освѣщеніе римскихъ улицъ, потому что это были французскія нововведенія. Сильныя въ преслѣдованіи разрозненныхъ либераловъ и націоналистовъ, правительства итальянскія были безпомощны, когда дѣло шло о поддержаніи порядка: разбойники грабили въ папской области окрестности Рима, а въ Неаполѣ король нанялъ на службу одну шайку для преслѣдованія другихъ. Особенно тяжело было положеніе въ сѣверо-восточной австрійской Италіи (Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ): здѣсь итальянцевъ отстранили отъ управленія, уничтожили судъ присяжныхъ; дѣйствовала суровая цензура, и тайная полиція выслѣживала убѣжденія и вскрывала письма. У итальянскихъ патріотовъ была ясная программа: независимость націи, конституціонный порядокъ, изгнаніе чужеземцевъ (австрійцевъ).

Въ итальянскомъ движеніи 1820—21 гг. отразилась дѣятельность тайныхъ обществъ. Самое главное изъ нихъ образовалось въ южной Италіи еще во время французскаго господства. Оно имѣло въ своей средѣ нѣсколько угольщиковъ и назвалось ихъ народнымъ именемъ.

Эти *карбонары* усвоили таинственныя формы старинныхъ заговорщиковъ: сходились по ночамъ, окружали себя символами смерти, принимали новыхъ членовъ при особыхъ церемоніяхъ освященія, давали своимъ вождямъ особыя клятвы безусловнаго повиновенія. Въ разныхъ мѣстахъ находились отдѣленія союза, подобныя масонскимъ ложамъ, *венты;* центральное ихъ управленіе называлось верховной вентой. Карбонары готовили возстаніе; болѣе умѣренный характеръ носили распространявшіеся въ Италіи масоны, главной цѣлью которыхъ было установленіе вѣротерпимости.

Въ Италіи, такъ же какъ въ Испаніи, революція была начата военными. Въ Неаполѣ карбонары устроили венты во всѣхъ полкахъ, нѣсколько офицеровъ провозгласили въ 1820 г. конституцію, вполнѣ повто-

Digitized by Google

рявшую испанскую 1812 г., и король согласился ее принять. Въ Сардинскомъ королевствѣ произошло то же самое, но, кромѣ того, возставшіе подняли національное, зелено-бѣло-красное знамя и объявили возстановленіе итальянскаго королевства въ предѣлахъ, занимаемыхъ итальянскимъ народомъ.

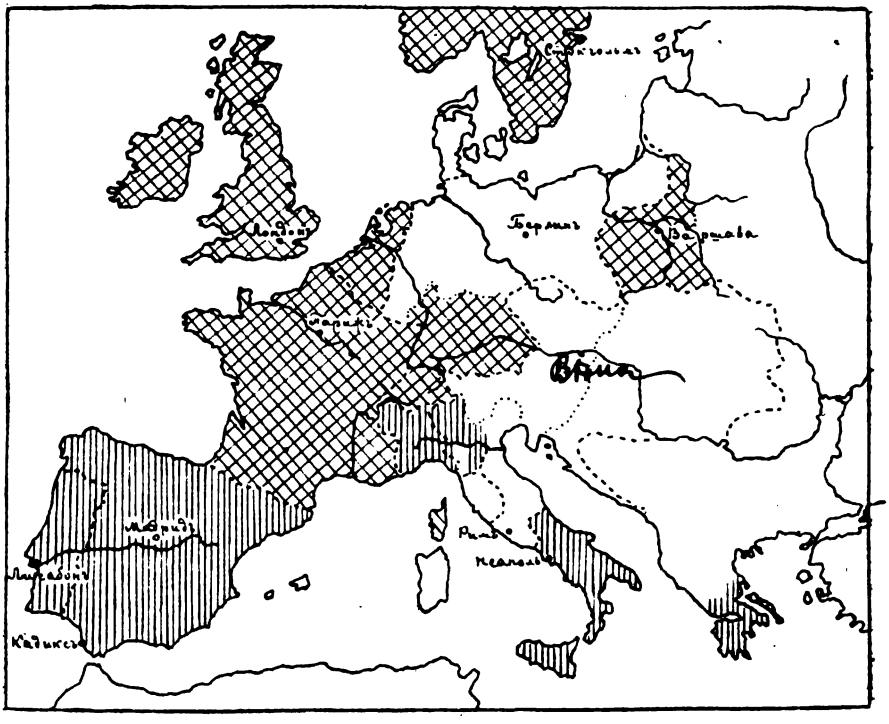
Всѣ эти движенія крайне обезпокоили реакціонныя правительства Европы. Меттернихъ созывалъ, одинъ за другимъ, три конгресса на австрійской территоріи. Затронутые въ Италіи непосредственно, австрійцы хотѣли добиться вооруженнаго подавленія революцій. Англія объявила, что она стоитъ только за неприкосновенность территорій въ Европѣ, но не хочетъ никакого вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ странъ. Александръ I былъ сначала за то, чтобы попытаться мирнымъ путемъ склонить правительства и народы къ взаимнымъ уступкамъ. Но Меттернихъ указалъ ему на повсемѣстную опасность революцій: онъ ссылался на оппозицію въ Варшавскомъ сеймѣ и на политическіе замыслы въ средѣ императорской гвардіи въ Петербургѣ. Ему удалось убѣдить Александра I въ пользу вмѣшательства: союзники рѣшили, что они составляютъ верховный политическій судъ въ Европѣ, и взяли въ свои руки международную полицію для обузданія революціонныхъ мятежей. Въ одномъ изъ составленныхъ ими актовъ говорилось объ „обширномъ заговорѣ“ въ Европѣ, о „нечестивой лигѣ, устроенной съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка“, и о той „преградѣ, которую воздвигли государи для того, чтобы удержать этотъ потокъ“.

Въ результатѣ рѣшенія союзниковъ въ Неаполь была послана австрійская армія; она быстро разсѣяла неорганизованное войско конституціоналистовъ, водворила короля, отдавшагося Австріи, и возстановила его неограниченную власть; также скоро австрійцы совладали и съ сардинскимъ движеніемъ: король, согласившійся присягнуть конституціи, отрекся въ пользу своего брата, и тотъ возстановилъ абсолютизмъ; такъ какъ въ борьбѣ противъ австрійцевъ участвовали студенты, король закрылъ оба сардинскіе университета. Черезъ годъ конгрессъ поручилъ французамъ произвести такую же экзекуцію надъ Испаніей: и здѣсь французская армія, перешедшая Пиренеи, не встрѣтила военнаго сопротивленія; пройдя по всей странѣ до Кадикса, она помогла королю возстановить абсолютизмъ.

Во второй половинѣ 20-хъ годовъ согласіе реакціонныхъ правительствъ нарушилось. Англія, и безъ того нерасположенная къ вмѣшательству, сдѣлала еще шагъ: министерство Каннинга согласилось вступить въ сношенія съ южно-американскими республиками и этимъ признало ихъ независимость отъ Испаніи. На Балканскомъ полуостровѣ европейскія державы сами помогли возстанію противъ правительства.

Digitized by Google

Въ XVIII в. Оттоманская имперія, основанная турками, вслѣдствіе войнъ съ Россіей и Австріей, начинаетъ разрушаться. Среди подчиненныхъ ей славянъ и грековъ пробуждаются стремленія къ независимости. Населеніе горныхъ областей юга (Морея и средней Греціи), бѣдное и воинственное, затѣмъ полуразбойники съ острововъ Эгейскаго моря, принимавшіеся на турецкую службу для охраны морской торговли, стали нападать на землевладѣльцевъ и чиновниковъ-мусульманъ. Около 1820 г.



Время Вѣнскаго конгресса и реакціи. Клѣтками показаны государства съ конституціями, старыми или введенными около 1815 года; полосками — страны, въ которыхъ произошли революціи въ 20-хъ годахъ XIX вѣка.

началась истребительная жестокая рѣзня между двумя разновѣрными и разноплеменными группами населенія.

Въ Европѣ, среди либеральныхъ круговъ, увлекались возрожденіемъ славной древней націи; почитаніе античной культуры грековъ совпадало съ сочувствіемъ къ ихъ потомкамъ, ищущимъ освобожденія, и создавало *филэллинизмъ*, своего рода идеально-республиканское настроеніе.

Грекамъ отправляли пособія, къ нимъ ѣхали волонтеры, между прочимъ англійскій поэтъ Байронъ. Меттернихъ боялся, что возстаніе грековъ вызоветъ общій революціонный пожаръ въ Европѣ, и убѣдилъ

Digitized by Google

Александра I не принимать греческихъ делегатовъ, обратившихся за помощью къ христіанскимъ державамъ. Турки, располагая регулярнымъ войскомъ и флотомъ, стали одолѣвать возстаніе. Между тѣмъ Англія рѣшила вмѣшаться съ цѣлью заставить турокъ дать грекамъ особую администрацію. Тогда преемникъ Александра, Николай I, не желая предоставлять Англіи первую роль на Балканскомъ полуостровѣ, вступился самъ, а съ нимъ и Франція: соединенный флотъ трехъ державъ при Наваринѣ (древній Пилосъ на юг.-з. Греціи) уничтожилъ флотъ турокъ и заставилъ ихъ согласиться на признаніе независимости южныхъ грековъ.

Общій характеръ европейскихъ движеній въ первой половинѣ XIX в. Вмѣшательство трехъ державъ въ пользу возставшихъ грековъ было разрывомъ Священнаго союза. Но другія движенія 20-хъ годовъ пріостановились: реакція осталась всюду въ полной силѣ. Въ итальянскихъ государствахъ, въ Испаніи и Португаліи, за политическую свободу поднимались круги общества немногочисленные и слабо организованные: широкія народныя массы, мало образованныя, раздробленныя благодаря условіямъ сельскаго быта, оставались чужды движенію.

Иное дѣло въ двухъ большихъ странахъ запада, Англіи и Франціи. Въ нихъ движеніе къ демократіи и расширенію политической свободы исходило не только отъ болѣе развитой, дѣятельной и многочисленной буржуазіи,—оно поддерживалось также рабочими массами, точнѣе говоря, индустріальными рабочими, которые, какъ классъ, сложились впервые въ Англіи со времени промышленной революціи, а во Франціи—въ началѣ XIX в. Въ тѣхъ же самыхъ передовыхъ странахъ Европы впервые возникъ рядомъ съ требованіемъ политической свободы *рабочій вопросъ*, т.-е. вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи, охранѣ интересовъ и умственномъ подъемѣ многочисленнаго вновь сложившагося класса, поставленнаго исключительно на личный трудъ, въ то время какъ другія условія помогли сложиться классу предпринимателей, располагавшему капиталомъ. Эти двѣ большія группы, выдѣлившіяся изъ стараго третьяго сословія, въ политической борьбѣ еще продолжали дѣйствовать вмѣстѣ противъ остатка старинныхъ привилегированныхъ сословій и противъ правительствъ, враждебныхъ свободѣ; но между политическими союзниками уже чувствовалась сильная *соціальная рознь*, различіе и вражда интересовъ, которая и перешла скоро въ *соціальную борьбу*.

Digitized by Google

VII.

Англія въ первой половинѣ XIX вѣка.

Реакція въ Англіи и положеніе рабочаго класса. Въ Англіи политическая и религіозная свобода была достигнута задолго до того, какъ начались революціи на материкѣ. Въ Англіи раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, начался промышленный переворотъ, который выдвинулъ новые трудящіеся классы и настоятельно требовалъ свободы обмѣна. Но когда французская революція выставила идеи народнаго верховенства и гражданскаго равенства, высшіе правящіе классы въ Англіи отнеслись враждебно къ движенію. Въ центральномъ и мѣстномъ управленіи, въ церковномъ устройствѣ, всюду въ Англіи господствовала аристократія, и ея преимущества были теперь задѣты демократическимъ направленіемъ, которое шло изъ Франціи. Аристократія, и безъ того не расположенная къ реформамъ, вступила на путь реакціи. Устарѣлый англійскій строй удержался въ неподвижности еще долгіе годы, до парламентской реформы 1832 года.

Эта задержка совпала съ самымъ сильнымъ развитіемъ промышленнаго переворота и наиболѣе тяжелымъ положеніемъ рабочаго класса въ Англіи. Рабочіе были оторваны отъ земли и поставлены въ исключительную зависимость отъ найма и заработка въ большихъ предпріятіяхъ. Между тѣмъ самыя предпріятія руководились спросомъ на большихъ, нерѣдко отдаленныхъ рынкахъ. Спросъ этотъ подлежалъ очень сильнымъ колебаніямъ, особенно вслѣдствіе войнъ, которыя закрывали крупный сбытъ въ ту или другую страну: происходили *промышленные кризисы*, т.-е. фабрики и заводы должны были сокращать свое производство или вовсе закрываться и распускать массы рабочихъ, впадавшихъ въ полную нищету; съ другой стороны были предпріятія, которыя, напротивъ, быстро расширялись подъ вліяніемъ возрастающаго спроса: тогда они требовали увеличенія числа рабочихъ, къ нимъ направлялся сильный наплывъ трудового люда, и въ то же время заработная плата отъ такого крупнаго предложенія труда понижалась.

Но главная бѣда состояла въ томъ, что новый многочисленный рабочій классъ долженъ былъ подчиняться устарѣлымъ и суровымъ законамъ о трудѣ, временъ королевы Елизаветы. Заработную плату устанавливали въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ мировые судьи, которые принадлежали къ составу крупныхъ земельныхъ собственниковъ и промышленниковъ: обыкновенно они ставили довольно низкій уровень платы, но фабриканты и землевладѣльцы, искавшіе батраковъ, могли обойти и эту плату, заявивъ, что они хотятъ имѣть рабочихъ изъ числа призрѣвае-

Digitized by Google

мыхъ въ приходѣ бѣдняковъ. По закону о призрѣніи, состоятельные люди прихода платили взносы въ кассу для бѣдныхъ: изъ этой кассы и выдавали рабочимъ, признаннымъ за бѣдныхъ, „дополнительное“ нищенское содержаніе, сообразованное съ цѣной на хлѣбъ и числомъ членовъ рабочей семьи: такъ какъ плательщиками въ кассу были, главнымъ образомъ, фабриканты и землевладѣльцы, то и выходило, что они, подъ видомъ призрѣнія, сводятъ своихъ рабочихъ на самое низкое содержаніе, какое только возможно.

И фабричная и земледѣльческая система все болѣе принимала видъ новой тяжелой зависимости, „рабства бѣлыхъ“. Во многихъ отрасляхъ производства, гдѣ не требовалось примѣненія большой силы, охотнѣе брали женщинъ и дѣтей; отецъ рабочей семьи въ свою очередь надѣялся выиграть на удвоенной или утроенной работѣ всѣхъ членовъ. Но работа женщинъ и дѣтей, которымъ платили несравненно меньше, вела къ общему пониженію заработной платы. И въ этомъ отношеніи предприниматели извлекали выгоду изъ практики призрѣнія бѣдныхъ. Приходскіе попечители о бѣдныхъ дѣтяхъ сбывали имъ какъ бы „на выучку“ своихъ маленькихъ кліентовъ; эти даровые работники, предоставленные вполнѣ произволу предпринимателей, жили внѣ всякой охраны, въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ и массами вымирали. Число такъ наз. призрѣваемыхъ, т.-е. сведенныхъ на нищенское содержаніе рабочихъ людей, дошло до огромной цифры: въ 1811 г. отъ приходовъ содержали 1.340.000 человѣкъ, а черезъ 10 лѣтъ ихъ было $2^1/_2$ милліона.

Въ странѣ образовались, какъ выразился одинъ парламентскій ораторъ, „двѣ націи, между которыми не было сношеній и симпатій, которыя въ своихъ чувствахъ и мысляхъ не понимали другъ друга, какъ жители разныхъ поясовъ или планетъ, различно воспитанные, кормящіеся различной пищей и подчиненные разнымъ законамъ“. Сложилась какъ бы особая бѣдная церковь низшихъ классовъ, *методизмъ* („правильный путь“): проповѣдники и проповѣдницы, непризнанные господствующей церковью, нерѣдко странствующіе, иногда изъ простонародья, собирали массы въ открытыхъ мѣстахъ и возбуждали народъ своими рѣчами о покаяніи и духовномъ перерожденіи.

Никогда рабочіе не были такъ стѣснены въ борьбѣ за улучшеніе своей участи, какъ именно въ эту пору реакціи. Въ средніе вѣка существовали союзы мелкихъ мастеровъ и подмастерьевъ, которые оказывали извѣстную поддержку своимъ сочленамъ, и остатки этихъ союзовъ пытались иногда бороться съ крупными предпринимателями. Но въ 1800 г. прошелъ *законъ о союзахъ* (Combination act), который воспрещалъ не только стачки, но и всякаго рода соединенія рабочихъ съ цѣлью добиваться повышенія заработной платы, или уменьшенія рабочаго

Digitized by Google

дня, или даже взаимопомощи и поддержки безработныхъ, больныхъ и осиротѣлыхъ. На основаніи этого закона нѣсколько прядильщиковъ были осуждены за то, что собирали взносы для погребенія умершихъ сотоварищей; судьи объяснили въ приговорѣ, что „всѣ такія общества, благотворительныя или иныя — ничто другое, какъ прикрышка для народа, чтобы составлять заговоры противъ государства". Законъ 1800 г. какъ будто бы отвѣчалъ требованію промышленной свободы; его составители ссылались на то, что личность слѣдуетъ оградить отъ произвола и насилія союзовъ. Но это было очень одностороннее примѣненіе начала свободы. Рабочій не пользовался правомъ столковываться со своими сотоварищами, тогда какъ и безъ того болѣе сильные предприниматели, въ качествѣ членовъ мѣстнаго управленія, на законномъ основаніи могли совмѣстнымъ соглашеніемъ устанавливать выгодную для нихъ плату, условія труда и т. д.

Высшіе классы старались всюду оградить свои интересы. Нищета вела къ крайнему развитію бродяжничества и воровства; парламентъ выступалъ противъ преступленій съ системой безчеловѣчныхъ наказаній; за 200 слишкомъ различныхъ дѣяній положена была смертная казнь, напр., за кражу вещи съ окна магазина.

Въ высшихъ слояхъ общества господствовалъ тотъ взглядъ, что явленія эти неизбѣжно связаны съ развитіемъ промышленности. Въ концѣ XVIII в. вышло сочиненіе Мальтуса „О народонаселеніи", въ которомъ доказывалось, что количество населенія растетъ быстрѣе, чѣмъ средства питанія (первое въ геометрической прогрессіи, второе въ ариѳметической), слѣдовательно по прошествіи извѣстнаго промежутка времени получается излишекъ людей, который долженъ вымирать въ силу естественнаго хода вещей; Мальтусъ считалъ призрѣніе бѣдныхъ безполезной тратой средствъ; онъ думалъ, что роль благотворныхъ уравнителей играютъ истребительныя войны, голодъ и т. п., а также рекомендовалъ воздержаніе отъ браковъ, чтобы остановить приростъ населенія.

Ирландія. Особое мѣсто въ бѣдствіяхъ Англіи того времени занималъ ирландскій вопросъ. Въ то время какъ сама Англія превращалась въ страну крупныхъ индустріально-торговыхъ и сельскохозяйственныхъ предпріятій, Ирландія оставалась землей мелкаго земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства. Но Ирландія была областью завоеванной, и потому надъ ея крестьянскимъ населеніемъ помѣстился слой посторонникъ господъ. Собственно, Ирландія была присоединена съ XII в., но настоящее ея подчиненіе относится къ XVII в., столѣтію англійской революціи. Ирландія осталась вѣрной католичеству, и вся воинственная сила англійскаго пуританства обратилась противъ нея; герои англійской революціи, Кромвель и Вильгельмъ III, были главными порабо-

Digitized by Google

тителями Ирландіи. Кромвель подавилъ съ крайней жестокостью возстанія ирландскихъ католиковъ, отобралъ часть земель у туземнаго населенія и заселилъ ихъ пуританскими колонистами, преимущественно шотландцами. Между этой протестантской, англосаксонской четвертью Ирландіи (область Ольстеръ) и остальными ея тремя четвертями, сохранившими кельтическое населеніе и католичество, образовалась рѣзкая противоположность.

Позднѣе, во время торжества англійской аристократіи и особенно при Вильгельмѣ III, земли въ остальной Ирландіи стали переходить въ руки крупныхъ англійскихъ владѣльцевъ (лэндлордовъ), а туземное крестьянское населеніе сошло на положеніе зависимыхъ арендаторовъ. Сроки аренды въ Ирландіи не опредѣлялись, землевладѣлецъ, по усмотрѣнію, могъ оставить участокъ за тѣмъ же пользователемъ или передать его другому и выгнать прежняго безъ всякаго вознагражденія. Хозяйство было иначе устроено, чѣмъ въ Англіи; лэндлордъ большею частью отсутствовалъ, и его участіе ограничивалось полученіемъ ренты; онъ не сдавалъ большихъ имѣній крупнымъ фермерамъ-капиталистамъ, а оставлялъ участки мелкимъ пользователямъ; продолжалось прежнее раздробленное хозяйство, но, такъ какъ крестьянинъ былъ подавленъ взносами и не имѣлъ обезпеченнаго положенія, онъ не могъ предпринять никакихъ улучшеній. Въ Ирландіи распространилась самая дешевая и неприхотливая культура картофеля; скученное населеніе жило крайне бѣдно и грязно. Тяжесть положенія обострялась еще тѣмъ, что религія большинства считалась воспрещенной закономъ: католики должны были содержать чуждыхъ имъ англиканскихъ священниковъ и епископовъ, которые не имѣли прихожанъ и жили въ качествѣ богатыхъ помѣщиковъ, тогда какъ католическое духовенство не имѣло никакихъ доходовъ и существовало на пожертвованія народа. Всѣ должности по управленію, а также судебныя мѣста были закрыты для католиковъ: мировые судьи, присяжные и члены городскихъ думъ были протестанты, т.-е. иностранцы.

До 1800 г. Ирландія имѣла собственный парламентъ, подчиненный англійскому. Правда, что въ ирландскомъ парламентѣ могли засѣдать только протестантскіе депутаты, но ихъ могли выбирать католики и притомъ большая часть населенія: въ парламентъ могли проникнуть люди, преданные интересамъ родной страны. Въ послѣднія 20 лѣтъ XVIII в. во время войнъ Англіи съ Франціей, когда обладаніе Ирландіей стало сомнительно для англичанъ, ирландскій парламентъ проявилъ независимость и расширилъ права католиковъ, допустивъ ихъ къ избранію. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднялась патріотическая партія, которая пыталась съ помощью французовъ начать возстаніе. Но французская экспедиція

Digitized by Google

1797 г. не удалась, и Питтъ поспѣшилъ уничтожить ирландскую автономію, т.-е. отмѣнить отдѣльный парламентъ и перевести ирландскихъ депутатовъ въ общій англійскій парламентъ (Ирландская Унія 1800 г.). Ирландскіе патріоты противъ воли подчинились этому одностороннему рѣшенію Англіи. Питтъ хотѣлъ обезпечить католическому населенію Ирландіи избирательныя права, но король Георгъ III рѣшительно воспротивился; такимъ образомъ для большинства ирландцевъ доступъ въ парламентъ былъ опять закрытъ.

Хлѣбный законъ и оппозиція промышленнаго класса. Всѣ эти тяжелые вопросы, оставшіеся отъ XVIII в., были обострены продолжительной войной съ Франціей. Война велась въ интересахъ англійской промышленности; Англія пріобрѣла себѣ рядъ важныхъ колоній, между прочимъ отняла у голландцевъ край южной Африки (Капскую землю). Но въ то же время расходы на войну были крайне велики: государственный долгъ за 25 лѣтъ увеличился почти вчетверо и доросъ до 860 милл. фунтовъ стерлинговъ; потребовались чрезвычайные налоги, чтобы покрыть одни проценты съ него; во время войны и благодаря континентальной системѣ, запиравшей доступъ англійскимъ фабрикатамъ на материкъ, поднялась цѣна на хлѣбъ и уменьшилась заработная плата.

Очень характерно было при этомъ поведеніе землевладѣльческой аристократіи, державшей въ рукахъ власть. Она постаралась перенести тяжесть послѣдствій войны на другіе классы и даже обезпечить себѣ новую выгоду. Парламентъ отмѣнилъ непріятный для помѣщиковъ подоходный налогъ, который былъ введенъ Питтомъ для покрытія военныхъ издержекъ, и торжественно обѣщалъ не допускать его болѣе никогда. Онъ ввелъ вмѣсто того косвенные налоги на предметы первой необходимости, т.-е обложилъ болѣе многочисленные бѣдные классы; особенно важенъ былъ изданный тотчасъ же послѣ окончанія войны такъ наз. *хлѣбный законъ*.

Со времени второй революціи землевладѣльцы англійскіе получали выгоду отъ премій за вывозъ хлѣба; но они перестали вывозить хлѣбъ съ тѣхъ поръ, какъ его стало мало для возросшаго фабричнаго населенія, и въ самой Англіи можно было продавать его за дорогія цѣны: пришлось даже допустить ввозъ иностраннаго зерна. Теперь лэндлорды боялись, что большой ввозъ хлѣба (особенно изъ Россіи) понизитъ имъ цѣны; иностранное зерно рѣшили допускать вообще къ продажѣ лишь въ томъ случаѣ, если англійскій хлѣбъ поднимется до высокой цѣны 4 фунтовъ (около 40 рублей) за четверть пшеницы, и брать съ ввознаго хлѣба пошлину, которая поднимала его цѣну еще дороже. При помощи этого закона 1815 г. землевладѣльцы обезпечили себѣ при всякомъ урожаѣ и при всякомъ спросѣ на хлѣбъ твердую его цѣну; но

Digitized by Google

выходило вмѣстѣ съ тѣмъ, что премію имъ должны платить теперь всѣ остальные классы и притомъ въ самые тяжелые для себя годы.

Фабриканты и торговцы были недовольны хлѣбнымъ закономъ, такъ какъ онъ заставлялъ ихъ повышать заработную плату и затруднялъ иностранную торговлю; рабочіе были имъ недовольны, такъ какъ онъ создавалъ дороговизну. Миръ вообще не принесъ того оживленія торговли, котораго ожидали; материковыя страны, даже и съ отмѣной континентальной системы, старались все-таки закрыть доступъ англійскимъ товарамъ; фабриканты не знали, куда сбыть накопившіеся продукты, и распускали излишнихъ рабочихъ. Среди рабочихъ, лишенныхъ труда, недовольство выражалось иногда крайне бурно: они жгли амбары, разбивали фабрики и лавки, ломали машины, которымъ приписывали свое нищенское положеніе; 1816 годъ отличался особенно тяжелымъ кризисомъ. Оба промышленные класса, трудовой и капиталистическій, были лишены представительства въ парламентѣ и стали соединяться въ протестѣ противъ узкой и эгоистической аристократіи.

Интересы класса крупныхъ промышленниковъ всего ярче выразились въ сочиненіяхъ лондонскаго банкира-милліонера Давида Рикардо. Убѣжденный въ благотворномъ конечномъ результатѣ промышленнаго переворота, Рикардо находилъ, что осталось еще слишкомъ много препятствій, мѣшающихъ свободному обмѣну, личной предпріимчивости и соперничеству; въ числѣ этихъ препятствій первое мѣсто занимаетъ хлѣбный законъ. Рикардо опровергалъ распространенное заблужденіе, будто бы богатство всей страны выигрываетъ отъ низкой заработной платы, т.-е. отъ дешеваго вознагражденія главной массы производителей: все, что отнимается отъ заработной платы, идетъ въ прибыль капиталистовъ; напротивъ, только отъ уменьшенія прибыли можетъ увеличиться плата рабочихъ. Но Рикардо былъ также увѣренъ, что рабочіе не должны ожидать особыхъ благъ отъ повышенія заработковъ. Существуетъ роковой уровень платы: это — ея *минимумъ*, нужный для содержанія семьи. Какъ только заработная плата поднимается выше уровня, рабочее населеніе начинаетъ сильнѣе размножаться, увеличиваются его браки и рождаемость. Но тогда увеличивается и соперничество рабочихъ, или предложеніе труда; и заработная плата опять падаетъ, пока не дойдетъ до минимума. Рабочіе осуждены такимъ образомъ на безнадежное пребываніе въ тѣсныхъ предѣлахъ, отклоняясь немного отъ края нужды, чтобы снова къ нему вернуться. Это положеніе Рикардо считалъ естественнымъ закономъ (его назвали потомъ „желѣзнымъ закономъ“).

Послѣдователи Рикардо должны были признать, что ради справедливости надо однако дать свободу и рабочимъ организоваться для улучшенія своей участи. Но прежде всего необходимо дать промышленнымъ

Digitized by Google

классамъ участіе въ политической жизни. Въ парламентѣ эти взгляды раздѣляли немногочисленные виги, во главѣ которыхъ попрежнему были старыя аристократическія фамиліи. Еще меньше въ немъ было *радикаловъ*, послѣдователей Бентама, которые требовали общаго избирательнаго права, тайныхъ выборовъ и ежегодно смѣняемыхъ парламентовъ. Эти оппозиціонныя партіи имѣли въ виду помочь общественной бѣдѣ политическими средствами, допущеніемъ широкихъ массъ къ законодательной работѣ, отмѣной суровыхъ карательныхъ законовъ и т. д.

Начало соціализма. Но уже теперь высказывался, хотя и немногими, взглядъ, что причина бѣдствій—въ устройствѣ общества, въ неправильномъ распредѣленіи капитала и труда; основная реформа должна состоять въ измѣненіи условій производства; оно должно изъ *индивидуальнаго*, направляемаго капиталистомъ-предпринимателемъ, обратиться въ *общественное* съ равномѣрнымъ участіемъ всѣхъ трудящихся въ управленіи предпріятіемъ и въ его выгодахъ. Это *соціалистическое*, или, какъ его чаще называли въ первое время, *коммунистическое*, ученіе было въ Англіи впервые опредѣленно выставлено Робертомъ Оуэномъ (1771—1858).

Владѣлецъ большой фабрики хлопковой мануфактуры въ Нью Ланаркѣ (около Глэзго), Оуэнъ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка привлекъ общее вниманіе образцовымъ устройствомъ жилищъ своихъ рабочихъ и заботой о ихъ просвѣщеніи; онъ дѣйствовалъ, какъ благожелательный патронъ, и хотѣлъ повліять своимъ примѣромъ на другихъ предпринимателей, доказать наглядно, что благосостояніе людей труда—въ интересахъ имущихъ классовъ. Послѣ окончанія войны, во время тяжелыхъ бѣдствій рабочаго класса, Оуэнъ выступилъ съ рѣзкой критикой всей дѣйствующей промышленной системы и господствующихъ экономическихъ взглядовъ. Промышленный переворотъ, по его мнѣнію, принесъ только несчастія. Отъ чрезмѣрнаго раздѣленія труда мельчаетъ, принижается отдѣльный работникъ, ухудшается человѣческая порода. Всеобщее соперничество нисколько не благотворно, потому что вызываетъ ненужную и вредную трату силъ во взаимномъ истребленіи. Нынѣшнее производство гоняется за случайными повышеніями спроса на товары дома и въ другихъ странахъ, но, такъ какъ всѣ производимые товары не могутъ быть куплены, сбытъ постоянно обрывается, и массы людей лишаются заработка. Спасеніе въ томъ, чтобы сами рабочіе, воспользовшись новой техникой, безгранично увеличивающей производительныя силы, соединились въ *коопераціи*, въ товарищества, которыя бы работали на свой капиталъ и съ приложеніемъ собственнаго труда для удовлетворенія собственныхъ потребностей; то, чего имъ не хватаетъ, они могли бы обмѣнивать между собою, не прибѣгая къ посредничеству и, слѣдовательно, устранивши несправедливую торговую прибыль.

Digitized by Google

Оуэнъ много писалъ и предлагалъ различные проекты; его стали скоро считать опаснымъ мечтателемъ, и онъ самъ нашелъ лучшимъ уѣхать въ Америку. Здѣсь онъ купилъ землю и устроилъ первый опытъ большого кооперативнаго общества; но товарищество составилось изъ случайныхъ и частью неподходящихъ людей, и Оуэнъ погубилъ въ дѣлѣ все свое состояніе. Позднѣе онъ вернулся въ Англію, выступилъ опять съ опытомъ торговаго банка, гдѣ производители могли бы обмѣниваться товарами по оцѣнкѣ приложеннаго къ дѣлу труда, но снова потерпѣлъ неудачу. Оуэнъ обладалъ неистощимой энергіей въ соціальныхъ изобрѣтеніяхъ. Его мысли о предпріятіяхъ на товарищескомъ началѣ осуществили потомъ въ Англіи кооперативныя общества рабочихъ, основавшія нѣсколько фабрикъ. Его значеніе однако гораздо шире: онъ былъ первымъ безпощаднымъ критикомъ новой промышленной системы; онъ видѣлъ въ ней не дѣло самой природы, а рядъ человѣческихъ злоупотребленій, несовершенствъ и ошибокъ.

Радикальная оппозиція и исключительные законы. Тяжелый 1816 годъ вызвалъ особенно острое политическое движеніе. Богатые промышленники Сити, т.-е. центральнаго Лондона, съ лордомъ-майоромъ во главѣ, подали регенту (сыну сошедшаго съ ума короля Георга III) адресъ, въ которомъ указывали, что страна не можетъ болѣе выносить лежащихъ на ней тягостей и что существуетъ лишь одинъ выходъ — уничтожить злоупотребленія въ избирательной системѣ; нація пойдетъ къ гибели, „если народу не будетъ предоставлено подобающаго и сообразнаго конституціи права при избраніи членовъ парламента“. Радикальная партія усилила свою агитацію среди рабочихъ, созывая огромные митинги подъ открытымъ небомъ съ рѣчами и резолюціями и стараясь подѣйствовать на общество массовыми процессіями, въ которыхъ несли знамена съ надписями, заключавшими главныя требованія. Помимо мирныхъ демонстрацій, были попытки дѣйствовать путемъ заговоровъ, какъ карбонары и другія тайныя общества на материкѣ; союзы рабочихъ, строго преслѣдуемые закономъ, поневолѣ должны были собираться ночью, прятать въ лѣсу свои документы: они брали со своихъ сочленовъ страшныя клятвы и обязательства молчать и грозили наказаніями за измѣну. Члены небольшого революціоннаго общества попытались пробраться изъ лондонскаго предмѣстья въ центральную часть города, но были разсѣяны отрядомъ войска. Этого было достаточно, чтобы правительство отвергло адресъ Сити, какъ „попытку къ соблазну подданныхъ“; регентъ объявилъ въ парламентѣ, что „существующее устройство—самое совершенное изъ всѣхъ когда-либо выпадавшихъ на долю народа“; при возвращеніи его домой, въ карету бросали каменьями.

Консервативный парламентъ рѣшилъ принять насильственныя мѣры

Digitized by Google

для подавленія революціоннаго духа. Когда министры доложили въ палатѣ о заговорахъ, союзахъ и собраніяхъ, служащихъ къ „ниспроверженію учрежденій королевства и подрыванію начала собственности“, парламентъ объявилъ пріостановку Habeas corpus и далъ правительству полномочіе сажать въ тюрьму всякое лицо, заподозрѣнное на основаніи доноса въ опасныхъ для государства дѣйствіяхъ. Далѣе парламентъ предоставилъ администраціи право закрывать всякое собраніе, въ которомъ она найдетъ попытку предать ненависти и презрѣнію существующее устройство; за отказъ въ требованіи разойтись, обращенный къ членамъ такого собранія, была положена смертная казнь. Чтобы избавиться отъ критики демократической печати, „самаго опаснаго врага конституціи“, какъ выразился одинъ министръ, мировымъ судьямъ было предоставлено, безъ предъявленія суду, заключать въ тюрьму авторовъ и продавцовъ „возмутительныхъ и мятежныхъ сочиненій“.

Такъ какъ въ новомъ парламентѣ, созванномъ въ 1819 г., большинство осталось за тори, враждебными всякимъ измѣненіямъ, радикалы снова устроили громадный митингъ въ Манчестерѣ съ тѣмъ, чтобы голосовать петицію о реформѣ. Собралось до 60.000 человѣкъ; среди толпы развѣвались знамена съ надписями: „права человѣка“, „всеобщая подача голосовъ“, „долой хлѣбные законы!“, „свобода или смерть!“ Но только что началъ рѣчь популярный оратеръ, какъ полиція потребовала его выдачи; толпа стала его защищать, тогда на нее направили мѣстную милицію и гусаровъ. Манифестантовъ разсѣяли, но на мѣстѣ осталось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, между ними женщины и дѣти. Регентъ выразилъ министрамъ свое одобреніе, но въ странѣ были другого мнѣнія по поводу Манчестерской рѣзни. Купцы Сити протестовали возимя „твердо установленнаго права англичанъ собираться для обсужденія общественныхъ неустройствъ“.

Напуганный движеніемъ, находясь подъ впечатлѣніемъ революціонныхъ движеній на материкѣ, парламентъ принялъ 6 пунктовъ, прозванные „законами для зажиманія ртовъ“. Въ силу ихъ мировые судьи получили право домашнихъ ночныхъ обысковъ при подозрѣніи, что гдѣ-либо скрывается оружіе. Газеты и брошюры были обложены гербовымъ сборомъ, а издатели ихъ должны были предъявлять залогъ. „Мятежныя и богохульныя“ книжки подлежали конфискаціи, а при вторичномъ проступкѣ издателю и составителю грозилъ штрафъ, тюрьма и ссылка. Населеніе городовъ, не имѣвшихъ самоуправленія, т.-е. какъ разъ крупныхъ фабричныхъ центровъ, было лишено права собраній; было запрещено вообще собираться „для изслѣдованія причинъ недовольства государственными и церковными порядками и для приготовленія петицій“, запрещено приходить на собранія съ оружіемъ, знаменами и значками;

Digitized by Google

мѣстнымъ властямъ было поручено не допускать или разыскивать опасныя, по ихъ мнѣнію, сходки.

Реакціонныя мѣры, принятыя англійскимъ парламентомъ противъ массы населенія, стѣсненіе правъ личности, свободы печати и свободы собраній, были похожи на то, что предпринимали монархическія правительства этого времени на материкѣ. Но въ Англіи на этотъ разъ, какъ и вообще въ теченіе XIX вѣка, напряженіе общества не дошло до революціи. Буржуазія не хотѣла дѣйствовать путемъ возстаній; рабочіе были еще мало подготовлены, въ ихъ средѣ были очень слабы союзы. Но и реакція имѣла недолгій успѣхъ. Исключительные законы въ такой мѣрѣ противорѣчили общимъ началамъ англійской конституціи и практикѣ долгихъ вѣковъ, что ихъ невозможно было примѣнять со всей силой. Притомъ въ средѣ самого правящаго класса въ Англіи выступили политики, которые не упорствовали въ преслѣдованіи противника, а сумѣли сдѣлать своевременныя уступки.

Реформы 20-хъ годовъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ произошла перемѣна во внѣшней и внутренней политикѣ Англіи. Послѣ побѣды надъ Наполеономъ министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кэстльри дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ государями Священнаго союза, хотя оппозиція въ парламентѣ и напоминала, что въ старину англичане „заключали союзы съ иностранными державами не для того, чтобы поддерживать притязанія деспотовъ, а чтобы обезпечивать права націй". Непримиримыхъ торіевъ въ министерствѣ смѣнили постепенно политики болѣе умѣренные, между ними Пилъ и Каннингъ, который послѣ смерти Кэстльри замѣнилъ его въ руководствѣ иностранными дѣлами. Каннингъ согласился признать независимость южно-американскихъ колоній, отдѣлившихся отъ Испаніи. Благодаря этому открылись оживленныя сношенія съ Южной Америкой, и Англія извлекла изъ нихъ большую выгоду. На вновь открывшіеся рынки направились англійскіе фабрикаты; англійскіе капиталисты составили компаніи для разработки рудниковъ и другихъ естественныхъ богатствъ Южной Америки. Торговля крайне оживилась, и во многихъ промыслахъ поднялись заработки.

Одновременно начались внутреннія реформы. Пилъ провелъ отмѣну суровыхъ уголовныхъ законовъ, грозившихъ смертью за мелкіе проступки. Всего важнѣе была отмѣна въ 1824 г. закона, запрещавшаго союзы рабочихъ. Это дѣло устроилось главнымъ образомъ усиліями посторонняго парламенту дѣятеля, разбогатѣвшаго портного Плэса, самоучки и послѣдователя идей Бентама, собиравшаго у себя на дому представителей лондонской радикальной рабочей партіи. Плэсъ былъ убѣжденъ, что запрещеніе союзовъ не достигаетъ цѣли, такъ какъ союзы принимаютъ тайный характеръ заговоровъ, и тогда только обостряется вражда между

Digitized by Google

предпринимателями и рабочими, а сами рабочіе подчиняются тиранiи союза; если разрѣшить публичныя собранія рабочихъ и открыть возможность группамъ рабочихъ договариваться съ предпринимателями объ улучшеніи своей участи, то союзы съ ихъ застращиваніемъ исчезнутъ. Плэсъ привлекъ въ свою пользу немногихъ депутатовъ, признававшихъ, согласно Рикардо, необходимость свободы промышленныхъ отношеній; со своей стороны онъ энергично собиралъ свѣдѣнія, опрашивалъ рабочихъ, составлялъ доклады о ихъ положеніи для ознакомленія парламента. Дѣло повели такъ, что палата безъ преній отмѣнила стѣснительный законъ, изданный въ 1800 г. Но когда начались стачки и рабочіе стали соединяться, добиваясь повышенія платы и сокращенія рабочаго дня, отъ фабрикантовъ и судохозяевъ посыпались въ парламентъ жалобы и петиціи съ требованіемъ возвратиться къ старому закону. Тогда парламентъ ограничилъ только что допущенную свободу союзовъ: рабочіе сохранили право вступать въ соединенія и вырабатывать программы требованій, но всякая попытка принуждать товарищей къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ и запугивать отстающихъ была объявлена преступной и подлежащей наказанію каторжной работой. Судьи примѣняли новый законъ иногда очень строго, приговаривая рабочихъ за то только, что они „упрекали“ несочувствующихъ стачкѣ товарищей. Подъ этимъ закономъ рабочіе союзы въ Англіи прожили около 50 лѣтъ.

Эмансипація католиковъ. Всѣ проведенныя измѣненія не затрогивали конституціи, какъ она сложилась съ конца XVII в. со всѣми ея устарѣлыми и случайными чертами. Между тѣмъ она оставляла внѣ политической жизни самые дѣятельные общественные элементы новой Англіи, весь промышленный ея сѣверъ съ большими фабричными городами, а также Лондонъ, который при своемъ огромномъ населеніи былъ представленъ слишкомъ слабо. Помимо крайне уродливаго распредѣленія избирательныхъ правъ съ особымъ положеніемъ гнилыхъ мѣстечекъ и т. п., были еще другіе односторонніе законы, выключавшіе массу населенія за ея религію: актъ о присягѣ и корпораціонный актъ допускали въ парламентъ только англиканцевъ и выключали католиковъ и диссентеровъ.

Движеніе къ общему избирательному праву поднялось съ новой силой къ концу 20-хъ годовъ. Сначала, благодаря чрезвычайной силѣ агитаціи въ Ирландіи, главное вниманіе было направлено на эмансипацію католиковъ, т.-е. дарованіе имъ политическихъ правъ.

Въ Ирландіи волненія не прекращались со времени Уніи 1800 г. Ея особенностью стали „аграрныя преступленія“, т.-е. поджоги или нападенія на землевладѣльцевъ со стороны согнанныхъ или недовольныхъ фермеровъ. Какъ во всѣхъ почти странахъ Европы въ это время, въ Ирландіи образовались тайныя общества: организовались одинаково ка-

Digitized by Google

толики и протестанты: противъ „бѣлыхъ парней", наводившихъ страхъ своими ночными нападеніями, дѣйствовали „оранжисты", собственники протестантскаго Ольстера, составлявшіе своего рода масонскую организацію. Исключительныя мѣры, которыя примѣнялъ намѣстникъ, временная отмѣна Habeas corpus, усиленіе полиціи и т. д. заставили ирландскую партію независимости стать на другой путь. Она сложилась въ огромную „католическую ассоціацію" открытаго характера. Это было дѣломъ Даніэля о'Коннеля, популярнаго въ Ирландіи адвоката, богатаго потомка стараго клана (кельтскаго рода): своимъ бурнымъ театральнымъ краснорѣчіемъ онъ производилъ необычайно сильное впечатлѣніе на соотечественниковъ. О'Коннель былъ также искуснымъ организаторомъ: подъ его вліяніемъ ассоціація, со своими массовыми митингами и внушительными резолюціями, заступила мѣсто дѣятельности тѣсныхъ клубовъ и замкнутыхъ союзовъ. Католическое духовенство, вначалѣ державшееся въ сторонѣ отъ ассоціаціи, примкнуло къ ней. Общество пріобрѣло въ Ирландіи всемогущій авторитетъ. Черезъ два года правительство запретило ассоціацію, но она тотчасъ же возродилась подъ другимъ именемъ и въ другой формѣ.

Въ англійскомъ парламентѣ давно уже значительная группа стояла за допущеніе католиковъ къ политической жизни. Но всѣ билли, которые клонили къ этому, отвергались Верхней палатой; ихъ ждало еще безусловное несогласіе королей: Георга III, а потомъ Георга IV (1820—30).

Въ 1828 г. отмѣнили тѣ условія акта о присягѣ, которыя мѣшали диссентерамъ занимать должности и вступать въ парламентъ; но еще оставался запретъ для католиковъ. Рѣшительнымъ ударомъ послужило избраніе въ Ирландіи депутатомъ отъ одного изъ графствъ о'Коннеля, при чемъ католическіе священники усердно рекомендовали его избирателямъ. Это незаконное избраніе католика указывало на приближеніе революціи въ странѣ. Глава консервативнаго министерства герцогъ Веллингтонъ долженъ былъ признать, что единственное средство избѣжать гражданской войны состоитъ въ эмансипаціи католиковъ. Билль о политической равноправности католиковъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ, а упорство короля Веллингтонъ побѣдилъ угрозой выйти въ отставку.

Сама реформа (1829) была собственно мало удовлетворительна: вмѣстѣ съ передачей католикамъ политическихъ правъ въ Ирландіи повысили избирательный цензъ съ тѣмъ, чтобы устранить отъ участія въ выборахъ бѣднѣйшій разрядъ крестьянъ, которые, предполагалось, подпадутъ подъ вліяніе католическаго духовенства и національной партіи. Число новыхъ католическихъ депутатовъ и лордовъ въ обѣихъ палатахъ было очень невелико. Для Ирландіи мѣра запоздала: она не могла примирить боль-

Digitized by Google

шую часть туземнаго населенія съ Англіей, и національное движеніе возродилось скоро въ видѣ требованія объ отмѣнѣ Уніи (Repeal).

Когда проводили билль объ эмансипаціи католиковъ, одинъ изъ торійскихъ лордовъ замѣтилъ, что не сталъ бы такъ сильно возражать противъ него, если бы не былъ увѣренъ, что за нимъ послѣдуетъ билль о реформѣ парламента. Дѣйствительно, допущеніе католиковъ послужило брешью въ старой конституціи, и общая избирательная реформа надвигалась неудержимо.

Парламентская реформа. Торійское большинство въ парламентѣ падало все ниже и ниже: отъ непримиримыхъ консерваторовъ, въ родѣ Веллингтона, отдѣлились умѣренные, Пилъ и другіе такъ наз. каннингиты. Во Франціи произошла (іюльская) революція 1830 г., составлявшая побѣду буржуазіи: она подняла надежды промышленныхъ классовъ Англіи: въ Бирмингамѣ образовался большой политическій союзъ наподобіе католической ассоціаціи, чтобы агитировать въ пользу избирательной реформы. Хотя Веллингтонъ и заявилъ въ Верхней палатѣ, что англійская избирательная система представляетъ совершенство, но въ виду растущаго возбужденія долженъ былъ выйти въ отставку.

Новый король Вильгельмъ IV, (1830—37) поручилъ составить министерство лорду Грею, старому вигу, за 40 лѣтъ передъ тѣмъ, во время первой французской революціи, выступившему съ проектомъ парламентской реформы (т.-е. преобразованія выборной системы). Новое министерство соединило въ своей средѣ виговъ и каннингитовъ. Въ началѣ слѣдующаго года Россель выступилъ съ проектомъ реформы; въ то время, какъ онъ произносилъ рѣчь среди напряженнаго молчанія палаты, на улицѣ тревожно ожидала исхода огромная толпа. Проектъ виговъ былъ совсѣмъ непохожъ на радикальныя предложенія десятыхъ годовъ XIX в. о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ. Это былъ *компромиссъ;* имѣлась въ виду лишь извѣстная перестановка парламентскихъ мѣстъ; у однихъ мѣстечекъ предлагали отнять вовсе избирательныя права, у другихъ отнять одного изъ двухъ депутатовъ, посылавшихся ими до тѣхъ поръ, и передать эти освободившіяся полномочія наиболѣе населеннымъ графствамъ и тѣмъ крупнымъ городамъ, которые вовсе не имѣли представителей. Но тори, сидѣвшіе теперь въ оппозиціи, встрѣтили даже этотъ умѣренный проектъ ироническимъ смѣхомъ и объявили его революціоннымъ. При второмъ чтеніи (билль читается три раза) министерство получило большинство лишь одного голоса и въ виду нерѣшительности этого голосованія распустило парламентъ.

На выборахъ виги выставили лозунгъ: „билль, весь билль и ничего, кромѣ билля!“ Въ новомъ парламентѣ виги были въ перевѣсѣ, и билль прошелъ во второй разъ, но лорды отвергли его. Страна отвѣтила на

Digitized by Google

это рѣзкимъ протестомъ. Газеты вышли въ траурной рамкѣ. На огромномъ митингѣ бирмингамскаго союза рѣшено было отказать въ уплатѣ податей, если лорды будутъ продолжать упорство.

Но въ сущности билль былъ вынесенъ на плечахъ рабочихъ, которые теперь частью организовались и вступили въ союзъ съ буржуазіей. Послѣ разрѣшенія въ 1824 г. соединеній между рабочими, въ ихъ средѣ стали возникать ремесленные, или профессіональные, союзы, тредъ (trades). Рабочіе рѣшили поддержать средній классъ въ его борьбѣ за умѣренную реформу съ тѣмъ, чтобы потомъ добиться болѣе радикальной. Они только и доставили возможность вождямъ буржуазіи устраивать огромные митинги, на которыхъ принимались рѣшительныя резолюціи. Возбужденіе въ ихъ средѣ приняло крайне опасный характеръ, когда лорды еще разъ отказались принять билль въ его цѣломъ. Въ Бристолѣ произошло возстаніе, войска стрѣляли въ теченіе нѣсколькихъ дней на улицахъ въ толпу и сожгли много домовъ. Въ другихъ мѣстахъ рабочіе держали наготовѣ оружіе, чтобы итти на Лондонъ, въ случаѣ крушенія билля. Вигскіе министры предложили королю оказать давленіе на палату лордовъ назначеніемъ въ нее новыхъ членовъ, которые бы дали желаемое большинство. Но до этого не дошло: лорды уступили, и билль прошелъ.

Реформа 1832 г., проведенная съ такимъ трудомъ, была очень не полна. Она уничтожила избирательныя права болѣе полусотни мѣстечекъ съ населеніемъ меньше 2000 человѣкъ, лишила 30 другихъ мѣстечекъ, съ населеніемъ меньше 4000, права посылать одного изъ двухъ депутатовъ. Эти мѣста были отданы 42 крупнымъ городамъ, большею частью въ сѣверо-западной Англіи, которые до тѣхъ поръ вовсе не имѣли представителей (между ними Манчестеру, Бирмингаму, Лидсу). Но столько же мѣстъ было отдано графствамъ (сельскимъ округамъ) для того, чтобы получить противовѣсъ городамъ и не дать усилиться демократіи. Страна не пріобрѣла равномѣрнаго представительства. Избирательныя права остались за владѣтелями недвижимости: въ графствахъ это были собственники съ доходомъ не ниже 10 фунтовъ и арендаторы не ниже 50, въ городахъ владѣльцы или нанимателя дома съ доходомъ выше 10 ф. Собственно только въ лицѣ послѣднихъ и вступилъ въ парламентъ средній классъ, промышленные предприниматели, и то не въ большомъ количествѣ; рабочіе оставались совершенно выключенными отъ представительства. Общее число избирателей даже не удвоилось: оно съ 450.000 приблизительно поднялось до 650.000, составивъ лишь $^1/_{22}$ часть населенія. Наконецъ остались старые недостатки выборовъ, особенно открытая подача голосовъ, которая въ сельскихъ округахъ давала полную возможность лэндлордамъ оказывать давленіе на арендаторовъ.

Digitized by Google

Но реформа тѣмъ не мѣнѣе имѣла огромное значеніе и прежде всего въ принципѣ: она порывала съ понятіемъ о неподвижности конституціи, ломала историческія права и замѣняла ихъ порядкомъ, основаннымъ на практическихъ соображеніяхъ, и открывала путь къ дальнѣйшему расширенію правъ; англійскій парламентъ пересталъ быть привилегированной корпораціей и сталъ похожъ на конституціонныя собранія материковой Европы. Во-вторыхъ, важно было то, что реформа уничтожала исключительное господство землевладѣльческаго класса и открывала политическое вліяніе коммерческой и индустріальной Англіи. Рабочіе, которымъ она была обязана этой побѣдой, прямо ничего не получили, но они могли выиграть косвенно: въ парламентѣ съ 1832 г. стояли лицомъ къ лицу два соперника, землевладѣльческій и торгово-промышленный классы: они должны были искать неизбѣжной опоры въ низшихъ слояхъ; каждая изъ борющихся сторонъ старалась ослабить противную, одна—поддержкой городскихъ, другая—сельскихъ рабочихъ.

Возвышеніе торгово-промышленнаго класса. Съ 1832 г. аристократическая Англія, сложившаяся въ XVII в., начинаетъ уступать первое мѣсто Англіи буржуазной, образовавшейся вслѣдствіе промышленнаго переворота XVIII в. Въ управленіи, въ общественной жизни замѣтно выдвигаются другія понятія, другіе пріемы.

Развитіе индустріи вызывало все новыя техническія изобрѣтенія. Съ десятыхъ годовъ XIX в. въ Англіи появились пароходы, сначала рѣчные, потомъ морскіе, съ конца 20-хъ годовъ паровозы. Первая желѣзная дорога была выстроена въ промышленномъ краѣ между Манчестеромъ и Ливерпулемъ (1829); премію за лучшій локомотивъ получилъ Джорджъ Стефенсонъ, самоучка-рабочій угольныхъ копей, много лѣтъ трудившійся надъ усовершенствованіемъ паровой двигательной машины. Постройка желѣзныхъ дорогъ отдѣльными предпринимателями и частными компаніями пошла очень быстро. 1836 г. былъ временемъ настоящей „желѣзнодорожной маніи“: появилось заразъ 29 новыхъ линій. Государственная власть сначала вовсе не вмѣшивалась въ управленіе дорогами и, продавши частнымъ лицамъ право на постройку, предоставляла имъ безграничную эксплоатацію пути, какъ своей собственности. Желѣзнодорожныя компаніи назначала непомѣрно высокіе тарифы за перевозъ людей и товаровъ, безцеремонно возили третій классъ въ некрытыхъ вагонахъ, заставляли пассажировъ дожидаться цѣлый день на промежуточныхъ станціяхъ.

Такая свобода въ распоряженіи предпріятіемъ отвѣчала общимъ понятіямъ возвысившагося дѣлового класса. Въ его средѣ наибольшую популярность пріобрѣли ученія новой „политической экономіи“ Смита и Рикардо: представители его требовали фритрэда, разумѣя невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія, отсутствіе стѣсненій и

Digitized by Google

поощреній для торговли, просторъ для приложенія частнаго капитала и свободу найма; они цѣнили практическую подготовку, знаніе „фактовъ“, т.-е. полезныхъ техническихъ свѣдѣній, они привыкли высоко ставить самодѣятельность, „самопомощь“. Эти взгляды очень сходились съ политическимъ ученіемъ либерализма, который во имя интересовъ личностей также хотѣлъ ограничить государственную власть. Подъ вліяніемъ вновь вступившаго въ парламентъ класса старая партія виговъ приняла названіе либеральной, тогда какъ торійскіе землевладѣльцы обратились въ консервативную партію.

Либеральныя реформы и начало охраны труда. Либералы послѣ избирательной реформы большею частью имѣли перевѣсъ въ парламентѣ. (Съ 1837 г. начинается долгое царствованіе королевы Викторіи—до 1901 г.) Они провели еще рядъ измѣненій въ строѣ англійскаго управленія, разрушившихъ вліяніе аристократіи въ мѣстныхъ дѣлахъ. Въ городахъ прежнія замкнутыя корпораціи, установившіяся при послѣднихъ Стюартахъ, потеряли привилегію завѣдованія мѣстными дѣлами; всюду были введены однообразно устроенные городскіе совѣты, избиравшіеся не одними только домовладѣльцами, но всѣми плательщиками налоговъ. Затѣмъ либеральная партія измѣнила законодательство о бѣдныхъ. Существующій порядокъ приводилъ къ тому, что большая часть рабочаго населенія была на нищенскомъ положеніи и находилась на содержаніи приходовъ, которые въ то же время были совершенно обременены этими тратами. Назначено было разслѣдованіе, которое обнаружило невѣроятныя злоупотребленія приходскихъ надсмотрщиковъ за бѣдными, устроившихъ своего рода продажу рабовъ. Сторонники реформъ руководились различными побужденіями: одни—филантропическимъ чувствомъ къ бѣднымъ, отданнымъ произволу, другіе—практическими соображеніями, желая высвободить бюджетъ мѣстнаго управленія и употребить его на дороги, санитарныя улучшенія, обученіе и т. д.; и наконецъ дѣйствовала основная мысль тогдашней политической экономіи: отказаться отъ подачи всякой общественной помощи, предоставивъ свободу естественному теченію вещей.

Реформу провели весьма суровую для бѣднаго класса: приходы освободились отъ обязанности выдавать пособія бѣднымъ на дому, за исключеніемъ стариковъ и неспособныхъ къ труду; здоровые рабочіе, обращающіеся къ общественной помощи, должны помѣщаться въ работномъ домѣ, гдѣ имъ даютъ прокормъ и держатъ въ строгой дисциплинѣ. Въ эти новыя „бастиліи для бѣдныхъ“ рабочіе не соглашались идти, но и предприниматели лишились возможности сводить своихъ наемниковъ на нищенское содержаніе отъ прихода, вслѣдствіе чего должны были повышать заработную плату.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось управленіе сельскихъ округовъ. Прежніе попечители приходовъ, такъ же какъ мировые судьи и начальники милиціи, были мѣстные крупные землевладѣльцы, служившіе безвозмездно: они вознаграждали себя косвенно, дешевизной рабочихъ рукъ, безконтрольнымъ распоряженіемъ кассами и были мелкими деспотами въ округѣ. Теперь приходы получили возможность составлять союзы для веденія общихъ дѣлъ по сбору и расходованію благотворительныхъ суммъ, по устройству санитарной части, по веденію общественныхъ работъ; эти союзы, похожіе на наши земства, имѣли особыхъ выборныхъ исполнителей и служащихъ на жалованьи. Старыя выборныя аристократическія должности утратили долю своего вліянія. Но, принимая болѣе демократическій видъ, привлекая новые классы къ управленію, Англія не переходила къ бюрократіи: въ ней сохранилось выборное начало для общественной службы.

При либеральномъ министерствѣ прошло освобожденіе негровъ въ вестиндскихъ колоніяхъ. Первый толчокъ дала французская революція, провозгласившая свободу черныхъ. Англійскому правительству еще въ 1808 г. пришлось запретить торговлю неграми. Но въ обращеніи плантаторовъ съ рабами, особенно на о. Ямайкѣ, сохранялись всѣ черты жесточайшаго произвола. Въ 1833 г. во имя идеи свободы личности англійскій парламентъ объявилъ волю цвѣтнымъ рабамъ и уравнялъ ихъ въ правахъ съ бѣлыми.

Немыслимо было послѣ этого оставлять безъ вниманія бытъ рабочихъ классовъ у себя дома. Въ то время, какъ землевладѣльцы старались открыть недостатки въ положеніи фабричныхъ рабочихъ, промышленные предприниматели находили темныя стороны въ жизни сельскихъ батраковъ. Среди торіевъ образовалось особое народническое романтическое направленіе, сторонники котораго вооружались противъ просвѣтительства XVIII в. и привѣтствовали возрожденіе религіи. Иные англиканцы становились папистами или принимали воззрѣнія, сходныя съ католическими. Нѣсколько лицъ, близкихъ къ консервативному Окфордскому университету, старались вызвать въ народѣ преклоненіе передъ церковью торжественными процессіями, яркой символикой и личнымъ примѣромъ полумонашеской жизни; они начали „миссіи“ въ самыхъ глухихъ углахъ Лондона среди самаго жалкаго населенія, думая проповѣдью поднять упавшій духъ его и въ то же время привлечь къ нему вниманіе высшихъ классовъ.

Сюда примыкаетъ направленіе, которое можно назвать *консервативнымъ соціализмомъ*. Его наиболѣе сильный выразитель, Карлейль, нападалъ на утилитарное ученіе за то, что оно видитъ единственную цѣль человѣка въ личномъ счастьѣ и строитъ весь общественный поря-

Digitized by Google

докъ на безграничной свободѣ личностей. Политическая экономія, по мнѣнію Карлейля, „злая наука“, если она объявляетъ закономъ соперничество и борьбу людей, въ то время какъ въ обществѣ одни сильны, другіе слабы; кромѣ безсердечнаго рабства, ничего не можетъ получиться изъ этой анархіи человѣческихъ интересовъ и страстей. Лучше уже былъ старинный феодальный строй, въ которомъ вожди, сеньеры-рыцари, проявляли деспотизмъ, но въ то же время защищали младшихъ и слабыхъ. На вождяхъ современной жизни, богатыхъ предпринимателяхъ, лежитъ тотъ же долгъ; они призваны быть патронами, руководителями народа и служить интересамъ массъ.

Близко къ Карлейлю стояли *христіанскіе соціалисты*, частью англиканскіе священники. Ихъ основная мысль выражалась въ словахъ: „священники до сихъ поръ ѣли за однимъ столомъ съ богачами и проповѣдовали бѣднымъ воздержаніе; они должны ѣсть вмѣстѣ съ бѣдняками и проповѣдовать богатымъ милосердіе“.

На практикѣ эти консервативно-религіозныя направленія сдѣлали немного: нѣкоторые дѣятели вскрыли и описали крайне тяжелыя условія лондонскихъ мелкихъ мастеровъ, напр., портныхъ, работавшихъ на большіе магазины; другіе объѣзжали фабричные и рудниковые районы сѣверо-западной Англіи и требовали въ парламентѣ энергичныхъ мѣръ, чтобы остановить эксплоатацію труда слабѣйшихъ рабочихъ, особенно женщинъ и дѣтей. Благодаря отчасти ихъ усиліямъ возникло *фабричное законодательство*. Первая мѣра ограничивала дѣтскій трудъ на фабрикахъ 8 часами и запрещала примѣнять дѣтей и подростковъ въ ночной работѣ. Позднѣе, послѣ доклада въ парламентѣ, который обнаружилъ, что въ угольныхъ копяхъ работаютъ 5-лѣтнія дѣти, что женщины ползкомъ тащатъ телѣжки съ углемъ и т. п., были запрещены подземныя работы для женщинъ и дѣтей; за исполненіемъ новыхъ правилъ на фабрикахъ и въ копяхъ должны были наблюдать впервые учрежденные фабричные инспектора.

Народная Хартія. Сами рабочіе послѣ того, какъ избирательная реформа 1832 г. совсѣмъ обманула ихъ ожиданія, старались идти другими путями. Снова выступилъ Оуэнъ, уже съ планомъ устроить общій союзъ трэдовъ и добиться восьмичасового рабочаго дня: предполагалось объявить общую стачку, чтобы вынудить у парламента законъ о восьми часахъ. Но фабриканты отвѣтили на это союзомъ въ своей средѣ и рѣшили не принимать на работу членовъ какихъ-либо трэдовъ. Либеральный министръ объявилъ, что трэды—„противозаконные заговоры“; судъ приговорилъ нѣсколькихъ поденщиковъ на 7 лѣтъ каторги за то только, что они принимали присягу при вступленіи въ одинъ изъ трэдовъ. Большой союзъ трэдовъ рѣшилъ устроить огромную сходку для подачи

Digitized by Google

министру петиціи въ пользу осужденныхъ: рабочіе собрались около Лондона, раздѣлились на отряды по профессіямъ и прошли большой процессіей по городу; каменьщики и плотники прекратили работы.

Но у рабочихъ было слишкомъ мало средствъ, чтобы долго выдерживать остановку работы. Оттого большой союзъ трэдовъ скоро распался. Большинство рабочаго класса снова устремило все вниманіе на общую демократическую реформу въ надеждѣ, что она приведетъ къ улучшенію участи трудящихся. Въ парламентѣ послѣ реформы 1832 г. сидѣла болѣе значительная, чѣмъ раньше, группа радикаловъ, набиравшаяся изъ промышленнаго класса, главнымъ образомъ изъ диссентеровъ. Когда они выступили съ предложеніемъ общей избирательной реформы, либеральный министръ Россель заявилъ, что дѣло закончено „навсегда“, и его поддержало 500 голосовъ противъ 72. Тогда радикаловъ пригласили въ основанное въ Лондонѣ „рабочее общество“, гдѣ совмѣстно съ ними были выработаны шесть пунктовъ, составившихъ *Народную Хартію*. Все движеніе послѣдующихъ десяти лѣтъ (1838—48) получило отсюда названіе *чартизма* (по англійскому произношенію отъ charter).

Чартисты требовали: 1) всеобщаго избирательнаго права (сначала для всѣхъ взрослыхъ, т.-е. также и для женщинъ, но потомъ ограничили для однихъ мужчинъ); 2) ежегодно возобновляемыхъ парламентовъ; 3) тайнаго голосованія; 4) уничтоженія ценза для избранія въ депутаты; 5) вознагражденія парламентскихъ депутатовъ; 6) раздѣленія страны на равные избирательные округа. Предполагалось подать въ парламентъ массовую петицію о реформѣ. Представители господствующихъ классовъ нашли эту программу „нелѣпой и опасной“; одинъ изъ либеральныхъ депутатовъ назвалъ ее произведеніемъ „дикаго, трусливаго, злого демагога“ (однако въ настоящее время она почти вся осуществлена).

Лондонское общество распространило хартію по всей странѣ среди примыкавшихъ къ нему союзовъ. Рабочіе видѣли въ политической реформѣ только средство для полнаго общественнаго переворота. Въ обращеніи лондонскаго общества говорилось: „мы боремся за равенство политическихъ правъ не для того, чтобы сбросить какой-либо несправедливый налогъ или содѣйствовать переходу богатства, власти и вліянія въ руки извѣстной партіи,—мы хотимъ добиться уничтоженія причины нашего соціальнаго бѣдствія“. Въ другомъ обращеніи къ материковымъ рабочимъ было сказано: „высшіе классы создали себѣ учрежденія, чтобы заковать насъ и держать въ подчиненіи... Но препятствія, поставленныя тиранами міра потоку просвѣщенія, сорваны, и мы познали несправедливость, которую намъ оказываютъ... Мы должны понять наше дѣйствительное положеніе въ обществѣ и почувствовать, что, будучи производителями богатствъ, мы имѣемъ преимущественное право на поль-

Digitized by Google

зованіе ими". На чартистскихъ митингахъ ораторы обыкновенно развивали положеніе: „законъ попираетъ бѣднаго и создается богатымъ". Среди чартистовъ говорили объ отобраніи крупной земельной собственности и распредѣленіи земли сообразно общей пользѣ.

Радикалы, т.-е. представители буржуазіи, скоро отдѣлились отъ чартизма рабочихъ. Напротивъ, къ чартистамъ часто примыкали люди, не желавшіе политической реформы, но сочувствовавшіе матеріальному улучшенію трудящихся: торійскій филантропъ Остлеръ отрицалъ народное верховенство, но считалъ корону и парламентъ обязанными поддерживать народъ; методистскій проповѣдникъ, Стифенсъ, объяснялъ рабочимъ, что чартизмъ—не политическій вопросъ, а вопросъ „ножа и вилки; хартія означаетъ хорошее жилище, ѣду и питье, достаточное содержаніе и сокращеніе рабочаго времени; человѣкъ, не имѣющій собственнаго жилища, все равно, что ограбленъ".

Движеніе чартистовъ усиливалось нѣсколько разъ во время промышленныхъ кризисовъ и безработицы и всякій разъ выражалось въ массовыхъ митингахъ и подачѣ въ парламентъ петиціи, подписанной болѣе милліона именъ. Въ 1839 г. въ Лондонѣ сошелся подъ названіемъ Національнаго конвента парламентъ рабочихъ, открывшій засѣданія рядомъ съ государственнымъ парламентомъ, гдѣ рабочіе не были представлены. Когда петиція была отвергнута, въ рабочемъ парламентѣ произошелъ расколъ. Часть его хотѣла продолжать мирную агитацію; сюда принадлежали болѣе самостоятельные, лучше организованные рабочіе; другая, получившая названіе „партіи физической силы" и состоявшая изъ болѣе бѣдныхъ группъ, ткачей, прядильщиковъ, думала дѣйствовать насиліемъ и начать съ проведенія „священнаго мѣсяца", т.-е. общей стачки. Въ обычай вошли ночные митинги при свѣтѣ факеловъ съ разными мрачными символами, заканчивавшіеся ружейными залпами въ знакъ готовности къ дѣйствію.

Консерваторы требовали отъ правительства исключительныхъ мѣръ, но Россель отвергъ ихъ, указавши на право собраній и свободы рѣчи, которое низшіе классы имѣютъ наравнѣ съ остальными. Хотя въ средѣ чартистовъ много говорилось о возстаніи, но не было ни плана, ни средствъ для его устройства; произошло только нѣсколько столкновеній съ войсками и полиціей, и большая часть вождей партіи „физической силы" была арестована; Конвентъ разошелся, и чартистская агитація стала замирать.

Отмѣна хлѣбнаго закона и торжество свободнаго обмѣна. Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ движеніе чартистовъ было оттѣснено другимъ, которое шло главнымъ образомъ изъ буржуазныхъ торгово-промышленныхъ круговъ. Англійское фабричное производство своей массой пода-

Digitized by Google

вляло то, что могъ въ это время производить материкъ, и служило огромному сбыту благодаря развитію колоній. Но его представители находили, что обмѣну не дано полнаго простора; еще остается въ силѣ старая система запрета и покровительства; въ ней первое мѣсто занимаетъ хлѣбный законъ. Высокая цѣна на хлѣбъ была невыгодна фабрикантамъ, такъ какъ заставляла ихъ держать безъ выигрыша для себя высокую заработную плату. Но между ними были убѣжденные сторонники фритрэда, считавшіе, что полное его торжество приведетъ къ улучшенію участи всѣхъ классовъ. Во главѣ этихъ „манчестерцевъ" стояли Кобденъ и Брайтъ.

Кобденъ, сынъ фермера, сначала комивояжеръ, потомъ самостоятельный владѣтель фабрики, былъ увлеченъ промышленной свободой Америки. По его мнѣнію, покровительственная система неизбѣжно ведетъ къ вмѣшательству въ чужія дѣла и къ войнамъ; свободная торговля была бы выгодна для Англіи, такъ какъ открыла бы просторъ сбыту ея растущаго производства, но она будетъ также выгодна для другихъ странъ, продающихъ Англіи сырье для обработки или предметы питанія, особенно хлѣбъ: поэтому всеобщее установленіе свободной торговли само собою приведетъ къ всеобщему миру. Интересы мануфактуристовъ и торговцевъ совпадаютъ съ интересами страны, такъ какъ главный источникъ ея богатства—производство на иностранный сбытъ; интересы же землевладѣльцевъ, которые держатся за свои особыя привилегіи въ видѣ хлѣбнаго закона, враждебны пользѣ всей страны. Кобденъ считалъ фритрэдъ благотворнымъ и для рабочаго класса: государство не должно вмѣшиваться въ положеніе рабочихъ, а предоставитъ просторъ свободному соперничеству или соглашенію. Кобденъ былъ противъ фабричнаго законодательства: слѣдуетъ охранять только участь дѣтей; устройство же интересовъ взрослыхъ рабочихъ не дѣло парламента, а дѣло частнаго уговора патроновъ и рабочихъ; рабочіе, у которыхъ есть сбереженія, могутъ эмигрировать въ Америку; разъ они въ состояніи грозить отказомъ работы, они независимы отъ хозяевъ и, слѣдовательно, могутъ добиться улучшенія своей участи, напр., сокращенія рабочаго дня.

Эти взгляды манчестерцевъ, составлявшіе развитіе ученій Ад. Смита и Рикардо, широко распространились въ среднихъ классахъ Англіи и болѣе всего раздѣлялись радикалами. Они перешли на материкъ и господствовали вообще отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ среди либеральныхъ и радикальныхъ партій Европы.

Манчестерцы выступили въ концѣ 30-хъ годовъ послѣ одного изъ кризисовъ въ фабричномъ районѣ, когда множество рабочихъ осталось безъ занятій и рѣзко чувствовался недостатокъ дешеваго хлѣба. Кобденъ основалъ *лигу противъ хлѣбнаго закона*. Лига повела пропаганду сво-

Digitized by Google

ихъ идей въ неслыханныхъ дотолѣ размѣрахъ, пользуясь разрастающимися желѣзными дорогами и удешевленіемъ почты. Лига собирала взносы со своихъ многочисленныхъ членовъ и на эти средства издавала журналы, брошюры и статьи, устраивала непрерывно крупныя собранія и кружковыя бесѣды съ лекціями и преніями, старалась доставить каждому сочлену экономическую библіотеку. Кобденъ разъѣзжалъ по всей Англіи и на собраніяхъ выступалъ противъ всякаго желающаго ему возражать. Большіе театры въ Лондонѣ были обращены въ политическія арены. Въ трехъ столицахъ, Лондонѣ, Эдинбургѣ, Дублинѣ, и крупныхъ мануфактурныхъ центрахъ лига скоро добилась большихъ успѣховъ, но она встрѣчала сильное недовѣріе въ земледѣльческой Англіи, и потому фритредеры старались перенести свою агитацію въ среду фермеровъ. Богатая касса лиги давала возможность держать всюду агентовъ, которые распространяли въ населеніи свѣдѣнія о дѣйствіи хлѣбнаго закона, побуждали представлять въ парламентъ петиціи, а также старались увеличивать число избирателей, ссужая рабочихъ на пріобрѣтеніе земельной собственности. Чартисты были враждебны движенію. „Людямъ средняго класса,—говорилъ одинъ изъ вождей рабочихъ,—нужны только ваши голоса. Потомъ они скажутъ: ступайте на всѣ четыре стороны! Они кричатъ объ удешевленіи хлѣба, а разумѣютъ подъ этимъ низкую заработную плату“.

Въ парламентѣ было мало сторонниковъ свободной торговли. Но она достигла успѣха вслѣдствіе соперничества двухъ главныхъ партій, землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ; ихъ силы были приблизительно равны, и партія свободной торговли могла давать перевѣсъ той или другой сторонѣ; такимъ образомъ вопросъ этотъ выдвигался на первое мѣсто.

Въ 1841 г. либералы потеряли власть, и во главѣ консервативнаго министерства сталъ Пилъ. Этотъ политикъ не отличался упорствомъ въ разъ усвоенныхъ воззрѣніяхъ: послѣ реформы 1832 г. онъ призналъ разумность и неоспоримость новаго порядка. Теперь, убѣжденный въ пользѣ свободной торговли для Англіи, онъ сталъ расходиться съ большинствомъ своей партіи, крѣпко защищавшей интересы землевладѣльцевъ. Пилъ провелъ важную реформу англійскаго бюджета: главная тяжесть государственныхъ доходовъ до тѣхъ поръ лежала на косвенныхъ налогахъ, получавшихся въ видѣ пошлинъ на ввозимые товары: Пилъ отмѣнилъ вовсе или сильно понизилъ пошлины на сырые продукты, необходимые для англійскихъ фабрикъ. Въ видѣ возмѣщенія онъ снялъ ввелъ налогъ на доходы. Его бюджетъ былъ согласенъ съ идеями свободной торговли, тѣмъ рѣзче противорѣчилъ ей хлѣбный законъ, который еще оставался въ силѣ.

Digitized by Google

Рѣшительнымъ толчкомъ къ его отмѣнѣ послужилъ ирландскій голодъ 1845 г., который получился отъ болѣзни картофеля, единственной пищи бѣднаго населенія страны. Лига потребовала немедленнаго открытія гаваней для свободнаго ввоза иностраннаго хлѣба. Либералы въ парламентѣ заявили себя въ пользу свободной торговли. Тогда Пилъ предложилъ отмѣнить хлѣбный законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространить свободную торговлю на всѣ мануфактуры. Половина кабинета рѣзко разошлась съ нимъ, и онъ вышелъ въ отставку. Но такъ какъ у либераловъ не было большинства, Пилъ вернулся въ министерство. Дебаты по его предложенію шли въ теченіе 12 ночныхъ засѣданій, и было произнесено 103 рѣчи. Министерство получило большинство, при чемъ за его предложеніе голосовали либералы, а большинство консерваторовъ высказалось противъ своего вождя (1846). Вскорѣ былъ отмѣненъ навигаціонный законъ, составлявшій послѣдній остатокъ меркантилизма.

Конецъ радикальнаго движенія рабочихъ. Съ устраненіемъ хлѣбнаго закона торгово-промышленный классъ, вступившій во власть въ 1832 г., достигъ полнаго торжества. Къ этому же времени особенно рѣзко дала себя почувствовать противоположность интересовъ между нимъ и рабочими. Въ 1848 г., одновременно съ революціями на материкѣ, вспыхнуло въ Англіи въ послѣдній разъ движеніе чартистовъ. Подъ впечатлѣніемъ февральской революціи въ Парижѣ вожди чартистовъ потребовали отставки министерства, распущенія парламента, принятія хартіи. Снова въ Лондонѣ собрался Національный конвентъ, который вступилъ въ переговоры съ временнымъ правительствомъ только что провозглашенной французской республики. Рѣшено было снова подать петицію въ парламентъ и организовать для поддержанія ея огромную демонстрацію наподобіе митинговъ О'Коннеля: „англійскій народъ долженъ получить хартію или республику!" Предполагалось собраться на окраинѣ Лондона, чтобы потомъ въ военномъ порядкѣ идти къ парламенту; группа революціонная была готова къ бою на улицахъ.

Правительство объявило, что допуститъ митингъ только при условіи, если народныя массы откажутся отъ шествія къ парламенту. По этому поводу въ средѣ чартистовъ произошелъ расколъ. Болѣе радикальные отказались участвовать въ одной лишь мирной демонстраціи. Собралось немного народу, и одинъ изъ вождей отвезъ петицію въ видѣ громаднаго свертка въ парламентъ. Между тѣмъ старый герцогъ Веллингтонъ, которому было поручено начальство надъ военными силами Лондона, принялъ усиленныя мѣры охраны, увеличилъ войско, укрѣпилъ общественныя зданія, особенно англійскій банкъ, устранилъ повозки и все, что могло служить для возведенія баррикадъ; на его приглашеніе записались въ констэбли (полицейскую охрану) до 150.000 лицъ среднихъ классовъ

Digitized by Google

въ защиту существующаго порядка. Но до столкновеній дѣло не дошло. Конвентъ, разъединенный враждой партій, не принялъ рѣшенія. Въ парламентѣ комиссія обнаружила вмѣсто 5 милліоновъ возвѣщенныхъ подписей менѣе 2 милліоновъ, и палата опять отвергла хартію безъ преній.

Послѣ столькихъ неудачъ радикальное движеніе среди рабочихъ стало ослабѣвать. Оно поддерживалось главнымъ образомъ безработными, въ моментъ кризисовъ; при всей рѣзкости и рѣшительности настроенія, они однако очень недолго могли выдерживать стачки. Съ другой стороны, буржуазія оказывалась въ критическіе моменты сплоченной; предприниматели и средніе классы могли выдержать кризисъ, въ то время какъ рабочіе вынуждены были возвращаться къ работѣ.

Общественное движеніе въ Англіи и на этотъ разъ, какъ раньше около 1820 г., и около 1830 г., не перешло въ революцію. Масса бѣдствующихъ ирландцевъ, составлявшихъ наиболѣе безпокойную группу, а также много англійскихъ рабочихъ выселились послѣ 1847—48 гг. въ Америку. Съ другой стороны, наступили годы новыхъ промышленныхъ успѣховъ Англіи, которые внесли больше спокойствія въ ея общественную жизнь и въ отношенія между классами.

XIII.

Франція въ первой половинѣ XIX вѣка.

Франція въ 1814 году. Французское общество со времени революціи 1789 года совершенно перестроилось. Въ немъ исчезли всякія привилегіи и перегородки между сословіями, составлявшія отличительную черту стараго порядка; въ сознаніи людей прочно утвердилось понятіе равенства правъ. Огромные слои народа вышли изъ темноты и безправности положенія.

Это были, во-первыхъ, многочисленные крестьяне, наполовину мелкіе собственники, частью увеличившіе свои владѣнія изъ національныхъ имуществъ. Ни въ чемъ такъ не отличалась Франція отъ Англіи, какъ въ распредѣленіи земли: въ то время, какъ промышленный переворотъ въ Англіи уничтожилъ мелкое землевладѣніе и свелъ число земельныхъ собственниковъ на 300—200 тысячъ, во Франціи революція, напротивъ, увеличила ихъ число до $2—2^1/_2$ милліоновъ; между тѣмъ какъ землевладѣлецъ въ Англіи къ концу XVIII вѣка былъ согнанъ съ земли и обратился въ номада, въ кочующаго рабочаго, во Франціи онъ еще прочнѣе связалъ свои интересы съ земельнымъ владѣніемъ. Во-вторыхъ, къ

Digitized by Google

новому демократическому обществу во Франціи принадлежала теперь средняя и мелкая буржуазія, частью занятая въ промышленности, частью заполнившая многочисленный составъ новаго чиновничества, которое образовалось особенно при Наполеонѣ. Наконецъ, въ-третьихъ, къ нему примкнула группа индустріальныхъ рабочихъ, также увеличившаяся за первыя 10—15 лѣтъ XIX вѣка, когда поднялись обширныя фабрики въ Парижѣ, на сѣверѣ и востокѣ Франціи (особенно въ Нормандіи, французской Фландріи и Эльзасѣ).

За 25 лѣтъ отъ начала революціи до паденія Наполеона (1789—1814) Франція пережила много катастрофъ, была конституціонной монархіей, республикой со всеобщимъ и съ ограниченнымъ избирательнымъ правомъ, военно-чиновничьей имперіей. Среди всѣхъ этихъ рѣзкихъ смѣнъ, одно изъ пріобрѣтеній революціи, гражданское равенство, стояло внѣ сомнѣнія; въ этомъ отношеніи нельзя было вернуться къ старинѣ. Другое пріобрѣтеніе, политическая свобода, совсѣмъ еще не было обезпечено. Но даже европейскіе союзники, враги Наполеона, водворившіе во Франціи Бурбоновъ, понимали, что возстановить абсолютную монархію въ странѣ невозможно.

Людовикъ XVIII также понималъ, что необходимо помириться со многими перемѣнами, происшедшими за тѣ 22 года, когда Бурбоны, въ качествѣ изгнанниковъ, были основательно забыты въ странѣ: онъ гарантировалъ новымъ собственникамъ владѣніе національными и конфискованными имуществами, принялъ наполеоновскій кодексъ и оставилъ на мѣстахъ наполеоновскую администрацію. Изданная имъ хартія 1814 года заключала въ себѣ *октроированную* (соизволенную королемъ, но не учрежденную народомъ) конституцію. Людовикъ XVIII опубликовалъ ее въ старинныхъ выраженіяхъ „даруемъ и жалуемъ“ и назвался „королемъ Божіею милостью“. Но въ то же время онъ обязался присягнуть на вѣрность конституціи и обезпечилъ въ ней основныя права: свободу личности, печати, совѣсти, представительный образъ правленія въ видѣ двухъ палатъ, голосующихъ налоги и законы по предложеніямъ правительства, отвѣтственность министровъ и несмѣняемость судей.

Однако эти обѣщанія носили общій характеръ: все зависѣло отъ способа ихъ исполненія. Свобода печати не была обезпечена опредѣленнымъ закономъ: очень скоро установили цензуру. Отвѣтственность министровъ не имѣла практическаго значенія, разъ король въ ихъ назначеніи не считался съ мнѣніемъ большинства палаты. Но главное—Франція не получила политическаго порядка, который бы соотвѣтствовалъ ея общественному строю. Было объявлено равенство передъ закономъ и одинаковый для всѣхъ доступъ къ должностямъ, а между тѣмъ избирательное право распространили лишь на ничтожное меньшинство населенія.

Digitized by Google

Избирателями считались только плательщики налога въ размѣрѣ выше 300 франковъ, имѣющіе болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Ихъ число было менѣе 100.000 при 25 милліонахъ населенія. Для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, требовался еще болѣе высокій цензъ, уплата налога выше 1000 франковъ и 40-лѣтній возрастъ; такихъ лицъ было всего 15.000 во Франціи. Противорѣчіемъ равенству была и верхняя палата изъ наслѣдственныхъ пэровъ, назначаемыхъ королемъ.

Отъ политической жизни устранялись такимъ образомъ крестьяне, масса буржуазіи, средней и мелкой, промышленной, служащей и интеллигентной, а также индустріальные рабочіе. Политическими правами могли воспользоваться только два немногочисленныхъ богатыхъ слоя общества: крупные землевладѣльцы, отчасти старые дворяне, особенно на югѣ и западѣ Франціи, и крупные предприниматели, владѣтели желѣзныхъ заводовъ и мануфактуръ сѣвера и востока Франціи. За время войны съ Англіей и господства континентальной системы тѣ и другіе привыкли пользоваться хорошимъ сбытомъ своихъ произведеній, первые—хлѣба, вторые—фабрикатовъ, безъ конкуренціи иностраннаго подвоза. Чтобы сохранить за землевладѣльцами ихъ преимущества, ввели пошлину на ввозное зерно, которая становилась тѣмъ выше, чѣмъ ниже падала цѣна на хлѣбъ внутри, т.-е. правило, похожее на англійскій хлѣбный законъ. Съ другой стороны, въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ сохранили высокія пошлины на желѣзо и матеріи, благодаря которымъ иностранные металлическіе и мануфактурные продукты были вовсе выключены съ французскаго рынка.

Но между двумя аристократіями, старой дворянской и новой буржуазной, къ которой присоединились сановники имперіи и крупные владѣтели національныхъ имуществъ, существовала все же вражда. Дорогой хлѣбъ былъ невыгоденъ для фабрикантовъ, такъ какъ заставлялъ ихъ поднимать заработную плату, отсюда—ихъ раздраженіе противъ землевладѣльцевъ; люди, пожалованные при имперіи, выдвинувшіеся въ арміи или гражданской администраціи, а также владѣтели національныхъ имуществъ боялись, что вернувшіеся съ Бурбонами эмигранты отнимутъ у нихъ земли и положеніе. Въ свою очередь эмигранты, которые „ничего не забыли и ничему не научились“, присоединились къ старому землевладѣльческому дворянству, шумно настаивали на необходимости отплаты и мщенія сторонникамъ революціи и требовали возврата отобранныхъ имуществъ. Они находили поддержку въ наслѣдникѣ престола, братѣ бездѣтнаго короля, графѣ д'Артуа. Во время изгнанія этотъ принцъ оставался непримиримымъ сторонникомъ отжившаго порядка и въ этомъ смыслѣ давалъ обѣщанія окружающимъ. Къ нему тяготѣли также тайно возвратившіеся во Францію іезуиты и вообще противники

Digitized by Google

новаго церковнаго порядка, благодаря которому духовенство подчинилось гражданской власти и утратило вліяніе на школы.

Эмигрантская реакція и буржуазный либерализмъ. Франція какъ бы раздѣлилась на два враждебные лагера при *реставраціи* Бурбоновъ (это названіе „возвращенія“ распространили потомъ на всю эпоху 1814—1830 гг. до сверженія Бурбоновъ). Возвращеніе Наполеона въ 1815 году еще болѣе усилило эту вражду. Императоръ нашелъ поддержку не только среди демократически настроеннаго войска, но и въ либеральной буржуазіи, которой онъ обѣщалъ конституцію. За него стали и республиканцы. Всѣ, кто присоединился къ Наполеону, должны были опасаться мщенія со стороны Бурбоновъ и эмигрантовъ, снова вступавшихъ подъ прикрытіемъ военной силы союзниковъ. Раздраженіе побѣжденныхъ было тѣмъ сильнѣе, что Франція въ 1815 году подчинилась болѣе тяжелымъ условіямъ: у нея отняли часть территоріи, требовали большой контрибуціи, и въ странѣ оставлялись побѣдившія ее войска. Патріоты негодовали на Бурбоновъ за то, что они „вернулись съ обозомъ непріятельской арміи“, и обвиняли ихъ въ принадлежности къ Священному союзу, „губителю народовъ“. Вся эпоха Наполеона и его личность пріобрѣли теперь какъ бы новую окраску вслѣдствіе послѣднихъ событій: стали забывать о деспотизмѣ и огромныхъ жертвахъ имперіи и, напротивъ, начали связывать въ представленіи о ней славу, могущество и богатство Франціи съ демократическимъ строемъ; такъ возникла легенда о Наполеонѣ-республиканскомъ героѣ, о другѣ народа маленькомъ капралѣ. Легенду раздѣляли прежніе офицеры и солдаты имперіи, большею частью обиженные новымъ правительствомъ, но она увлекала также многихъ республиканцевъ.

Съ другой стороны, реакціонеры горѣли желаніемъ немедленной расправы съ революціонерами и мятежниками. Образовалась партія крайнихъ (ultras), оказавшихся „болѣе роялистами, чѣмъ король“. Они составили подавляющее большинство въ новой палатѣ, выбранной въ 1815 году вслѣдъ за второй реставраціей. Самъ король назвалъ палату безподобной (introuvable). Она приняла исключительный законъ, отмѣнявшій личную свободу; администрацію уполномочили безъ суда арестовывать и держать въ заключеніи всякое лицо, заподозрѣнное въ нападкахъ на короля и королевскую семью и въ покушеніи на существующій порядокъ: новый законъ возстановлялъ въ сущности lettres de cachet стараго порядка. Другой законъ устанавливалъ чрезвычайные суды по департаментамъ для наказанія за „мятежные возгласы“: подъ предсѣдательствомъ офицеровъ, безъ участія присяжныхъ судьи могли присуждать къ ссылкѣ и казни и приводить приговоры въ исполненіе въ 24 часа. Закону дали обратное дѣйствіе, чтобы притянуть всѣхъ участниковъ Ста дней. Мѣ-

Digitized by Google

стами, напр., въ Ліонѣ, рабочее населеніе бѣжало массами отъ этихъ судовъ, и цѣлыя области пустѣли. Людовикъ XVIII при второмъ возвращеніи обѣщалъ амнистію, но палата выключила изъ нея массу лицъ и осудила на изгнаніе сановниковъ Ста дней и „убійцъ короля“, т.-е. оставшихся въ живыхъ членовъ Конвента. Помимо этихъ неистовствъ по закону, въ разныхъ мѣстахъ, особенно на югѣ Франціи, совершались кровавыя расправы и погромы частными лицами: сторонники *бѣлаго террора* (они дѣйствовали подъ бѣлымъ знаменемъ Бурбоновъ) перебили арестованныхъ генераловъ и офицеровъ, убивали и грабили владѣтелей національныхъ имуществъ, либераловъ и протестантовъ.

Безподобная палата хотѣла „возстановить все, что низвергло Учредительное собраніе 1789 года“, отмѣнила разводъ, допущенный революціей и Кодексомъ Наполеона, собиралась уничтожить вѣдомство народнаго просвѣщенія и потребовала возвращенія національныхъ имуществъ. Но этому воспротивились пэры, большею частью прежніе высшіе сановники имперіи. Верхняя палата сыграла въ это время во Франціи роль, противоположную англійскимъ лордамъ: она стала на защиту пріобрѣтеній революціи.

Самъ король, больше всего желавшій покоя, не согласенъ былъ идти такъ далеко. Получилось своеобразное положеніе: крайніе роялисты были сначала противниками конституціи, но, разъ овладѣвъ выборами и войдя въ палату, они почувствовали, какое важное средство для ихъ господства составляетъ парламентарный порядокъ. Заявляя себя выразителями народной воли, они стали требовать у короля примѣненія англійскаго обычая, въ силу котораго онъ долженъ брать министровъ изъ господствующей въ палатѣ партіи. Король вынужденъ былъ искать опоры въ партіи умѣренныхъ либераловъ, сторонниковъ хартіи 1814 года; изъ ихъ среды выдѣлились люди *доктрины* (между ними молодой профессоръ исторіи Гизо), которые доказывали, что палата призвана только подавать совѣты, и король свободенъ въ выборѣ министровъ. Внезапно, вопреки ожиданіямъ эмигрантовъ и не извѣстивши своего брата, Людовикъ XVIII распустилъ безподобную палату.

Въ новой палатѣ, выбранной подъ давленіемъ префектовъ, которымъ поручено было отстранять крайнихъ, большинство состояло изъ сторонниковъ хартіи и министерства Ришельё, эмигранта (бывшаго правителя Новороссіи при Александрѣ I), но человѣка умѣренныхъ взглядовъ. Въ теченіе 4 лѣтъ король управлялъ, опираясь на умѣренныхъ: французы уплатили контрибуцію союзникамъ, и ихъ войска были выведены съ ея территоріи.

Управленіе реакціонеровъ. Въ 1820 г. былъ зарѣзанъ однимъ парижскимъ ремесленникомъ сынъ графа д'Артуа, будущій наслѣдникъ пре-

Digitized by Google

стола. Крайніе роялисты воспользовались этимъ, чтобы свергнуть ненавистное имъ министерство, слабости котораго они ставили въ вину это убійство. Одряхлѣвшій и уставшій отъ политики Людовикъ XVIII поставилъ во главѣ управленія вождя крайнихъ, Виллеля. Въ палатѣ приняли законъ о порядкѣ выборовъ, создавшій двойную привилегію богатыхъ избирателей: люди съ цензомъ въ 1000 франковъ налога и свыше получили право выбирать еще особый составъ депутатовъ сверхъ прежняго общаго числа, и эти депутаты составили около двухъ пятыхъ палаты. При помощи такихъ средствъ крайніе опять получили огромное большинство.

Они провели затѣмъ строгіе законы о печати. Проступки, совершонные „путемъ печати“, призывъ къ мятежу, возбужденіе недовольства въ населеніи, отнимались у суда присяжныхъ и передавались суду полицейскому; установлялась предварительная цензура: для изданія газеты нужно получить общее разрѣшеніе правительства и, кромѣ того, разрѣшеніе цензора на выпускъ каждаго номера; правительство можетъ вовсе остановить изданіе за „направленіе“, т.-е. не за опредѣленныя выраженія, а за неуловимый общій духъ. Епископамъ поручили надзоръ за школами, либеральнымъ профессорамъ, между ними Гизо, запретили читать лекціи въ Сорбоннѣ. Наконецъ крайніе потребовали участія Франціи въ европейской реакціи и настояли на отправкѣ французскаго войска для подавленія испанской революціи, согласно постановленію одного изъ общеевропейскихъ конгрессовъ. Нетерпимость крайнихъ была такъ велика, что когда Манюэль, одинъ изъ старыхъ дѣятелей Конвента, попытался говорить противъ помощи испанскому королю и напомнилъ о печальной судьбѣ Людовика XVI, палата выключила его изъ своего состава; всѣ „независимые“ либералы послѣ этого перестали вовсе участвовать въ засѣданіяхъ.

Въ странѣ возникло нѣсколько заговоровъ и попытокъ поднять солдатъ, чтобы свергнуть династію Бурбоновъ. Среди заговорщиковъ, составлявшихъ тайныя общества по образцу масоновъ и карбонаровъ, было много наполеоновскихъ офицеровъ, и не разъ упоминалось имя Лафайета, одного изъ выдающихся дѣятелей первой революціи, теперь стараго генерала, соединявшаго около себя республиканцевъ изъ различныхъ странъ Европы.

Обѣ оппозиціи правительству, крайняя правая и крайняя лѣвая, стояли рѣзко другъ противъ друга: въ ихъ враждѣ отражалась все та же борьба между аристократіей и буржуазіей, которая шла въ XVIII вѣкѣ. Представители того и другого класса обращали свой взглядъ назадъ, къ исторіи Франціи, и имъ казалось, что борьба—это исконный фактъ французской жизни: она началась съ завоеванія Галліи франками,

Digitized by Google

отъ которыхъ произошло дворянство, между тѣмъ какъ потомки покоренныхъ составили народную массу, третье сословіе; этотъ классъ, сначала придавленный, крѣпостной, но сильный трудомъ и энергіей, возмутился и сбросилъ впервые оковы въ XII вѣкѣ, когда образовались свободные города; во второй разъ онъ поднялся въ концѣ XVIII в. и достигъ полной свободы: онъ одолѣлъ своихъ прежнихъ поработителей. Въ то время, какъ реакціонеры поэтизировали безпокойное и отчаянное средневѣковое воинство, молодой либеральный историкъ Огюстенъ Тьерри съ гордостью указывалъ на великое прошлое буржуазіи: „Наши герои носятъ темныя имена. Мы люди городовъ, люди коммунъ, люди земли, сыны тѣхъ крестьянъ, которыхъ изрубили рыцари въ XIV вѣкѣ, сыны тѣхъ буржуа, передъ которыми дрожалъ король, сыны возмутившихся жаковъ!“

Но либералы эпохи реставраціи не были демократами и не раздѣляли ученія о верховенствѣ народа. Выдающійся ораторъ палаты и публицистъ Бенжаменъ Констанъ (особенно въ „Курсѣ конституціонной политики“) ставилъ на первое мѣсто обезпеченіе свободы личности. „Личная свобода составляетъ цѣль всякаго соединенія людей: на ней покоится общественная и частная нравственность, на ней основываются промышленные расчеты. Безъ нея для людей нѣтъ ни мира, ни достоинства, ни счастья“. Но Констанъ (1767—830) былъ противникомъ ученія Руссо о верховной волѣ народа: „масса вѣдь можетъ также стать деспотомъ“. Согласно съ понятіемъ о промышленной свободѣ, Констанъ былъ противъ того, чтобы государство вмѣшивалось въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Онъ думалъ, что политическія права слѣдуетъ предоставить богатымъ людямъ, у которыхъ есть досугъ, образованіе, независимость. Напротивъ, онъ не скрывалъ страха передъ низшими классами; у бѣдности есть свои предразсудки; бѣдные, будучи допущены къ политическимъ правамъ, могутъ воспользоваться ими для захвата собственности у имущихъ.

Реакція пошла еще сильнѣе, когда со смертью Людовика XVIII въ лицѣ графа д'Артуа воцарился „король эмигрантовъ“ (1824). Новый король Карлъ X короновался по старому средневѣковому обычаю изъ осколка разбитой во время революціи чаши св. Людовика и въ этотъ день исцѣлялъ наложеніемъ руки золотушныхъ. Въ палатѣ приняли законъ о смертной казни за святотатство, который, впрочемъ, ни разу не примѣнялся. Все это было не особенно существенно, но показывало, въ какой мѣрѣ король далекъ отъ пониманія своего времени.

Эмигранты ждали отъ него давно обѣщаннаго вознагражденія. Виллель нашелъ способъ удовлетворить ихъ требованіе, не затронувъ обладателей національныхъ имуществъ. Правительство выплатило эмигран-

Digitized by Google

тамъ милліонъ, добывши сумму путемъ займа и *конверсіи*, т.-е. пониженія процента по государственнымъ бумагамъ съ 5 до 3. Такимъ образомъ владѣтели рентъ, масса французскаго населенія, были обременены уплатой контрибуціи въ пользу стараго дворянства, выкинутаго революціей и вернувшагося съ завоевателями Франціи.

Торжество крайнихъ вызвало недовольство различныхъ слоевъ общества. Вмѣшательство духовенства въ школьное дѣло, таинственная дѣятельность іезуитовъ и образованной ими *конгрегаціи*, вызывающія рѣчи ультрамонтанъ о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской,— все это раздражало множество людей, вовсе не враждебныхъ религіи, но не желавшихъ также, чтобы церковь выходила изъ подчиненія, въ которое ее поставили революція и наполеоновскій конкордатъ. Они присоединились къ оппозиціи такъ же, какъ владѣльцы государственныхъ бумагъ, потерявшіе на конверсіи въ пользу эмигрантовъ. Когда король производилъ смотръ національной гвардіи, состоявшей изъ зажиточныхъ буржуа, ему кричали изъ строя: „Да здравствуетъ хартія! долой Виллеля!“ Раздраженный король распустилъ гвардію. На выборахъ 1827 года всѣ противники реакціоннаго министерства составили союзъ противъ него.

Виллель послѣ 7-милѣтняго управленія долженъ былъ выйти въ отставку, король составилъ министерство изъ умѣренныхъ, и оно предложило облегчить печать уничтоженіемъ предварительной цензуры, обезпечить свободное избраніе депутатовъ въ палату безъ вмѣшательства префектовъ, отнять у духовныхъ орденовъ право завѣдованія школами. Королю не нравились однако эти уступки, и его стѣсняло то, что онъ вынужденъ опираться на общественное мнѣніе; онъ говорилъ: „Лучше пилить дрова, чѣмъ владѣть короной на манеръ англійскаго короля!“

Либеральная оппозиція въ концѣ 20-хъ годовъ и возникновеніе соціализма. Между тѣмъ въ странѣ все шире распространялись оппозиціонныя направленія. Въ первые годы реставраціи идеи свободы защищались главнымъ образомъ людьми стараго поколѣнія, отчасти дѣятелями Конвента и наполеоновскаго времени. Въ концѣ 20-хъ годовъ у нихъ было много молодыхъ послѣдователей среди журналистовъ, литераторовъ, адвокатовъ, студентовъ Сорбонны и Политехнической школы. Новое поколѣніе знало великую революцію уже по преданію: оно было склонно идеализировать просвѣщеніе XVIII вѣка и думало о возрожденіи освободительныхъ идей революціонной эпохи. Это настроеніе отразилось въ большой Исторіи революціоннаго и наполеоновскаго времени, написанной Тьеромъ. Въ журналахъ, возникшихъ около той же поры, натуралисты возобновили борьбу во имя научныхъ идей, противъ ученій возстановляющагося католичества. Еще одно направленіе участвовало въ общемъ

Digitized by Google

натискѣ на господство эмигрантовъ и духовныхъ орденовъ: это—литературный романтизмъ, объявившій войну всякой условности и лицемѣрію. Главный представитель романтической школы, Викторъ Гюго, сначала воспѣвавшій монархію, объявилъ въ предисловіи къ драмѣ „Кромвель“, что „романтизмъ есть либерализмъ въ искусствѣ“; его задача—изображеніе характернаго, сильнаго, оригинальнаго, передача неприкрашенной истины. Въ своихъ драмахъ Гюго, въ противоположность классикамъ, намѣренно выводитъ героями разбойниковъ, лакеевъ и т. п.; они своимъ возвышеннымъ образомъ дѣйствій пристыжаютъ офиціальныхъ великихъ людей исторіи, императоровъ, королей и сеньеровъ.

Отдѣльно стояли образовавшіеся въ это время небольшіе, но дѣятельные кружки *соціальныхъ реформаторовъ*. Одинъ изъ этихъ кружковъ соединился около имени умершаго въ 1825 году графа Сенъ-Симона (род. 1760), котораго знали лично очень немногіе его послѣдователи. Сенъ-Симонъ увлекался въ молодости Америкой, ѣздилъ сражаться за ея „промышленную свободу“ и предлагалъ Вашингтону проектъ прорытія Панамскаго канала. Разбогатѣвши спекуляціями на національныхъ имуществахъ, Сенъ-Симонъ во время революціи держалъ большой домъ, былъ близокъ со многими учеными, особенно вновь учрежденной Политехнической школы, но скоро разорился. Потомъ, при Наполеонѣ и реставраціи, совершенно нищій, онъ тревожилъ правительство и ученыя общества своими обращеніями, планами, брошюрами и сборниками, въ которыхъ, при крайней безпорядочности изложенія, странныя фантазіи соединялись съ глубоко оригинальными мыслями.

Сначала Сенъ-Симонъ отдался мысли о великой организующей силѣ науки. Физическіе законы даютъ не только цѣльное міровоззрѣніе, замѣняя человѣку религію, но они могутъ также указать начала и средства для устройства и управленія общества: современный порядокъ съ его взаимной борьбой людей, войнами, несправедливымъ распредѣленіемъ благъ жизни ненаученъ и неразуменъ. Богатство должно соединиться со знаніемъ, и во главѣ общества должны стать не завоеватели и дипломаты, а ученые и техники. Сама наука должна организоваться въ великую стройную общую систему.

Эту сторону взглядовъ Сенъ-Симона, примыкающую къ Кондорсе, больше всего усвоилъ Огюстъ Контъ (1798—1857), который еще при жизни Сенъ-Симона отдѣлился отъ учителя и другихъ его послѣдователей. Впослѣдствіи въ „Лекціяхъ положительной философіи“ (читанныхъ и изданныхъ въ 30-хъ годахъ) Контъ устанавливаетъ три періода въ развитіи человѣческаго міровоззрѣнія: богословскій, когда для объясненія міровыхъ явленій человѣкъ привлекаетъ понятіе личнаго Творца, метафизическій, когда онъ начинаетъ толковать явленія изъ сущности вещей, и

Digitized by Google

новый *положительный* (позитивный), собственно научный, когда человѣкъ привыкаетъ не ставить непосильныхъ вопросовъ, не спрашивать о первой причинѣ, а ограничивается наблюденіемъ реальной стороны явленій и установленіемъ точной связи между ними. Контъ старался дать распредѣленіе наукъ и порядокъ ихъ изученія по возрастающей ихъ сложности: въ концѣ или на вершинѣ онъ ставилъ *соціологію*, науку о строеніи и жизни общества.

Въ послѣдніе годы своей жизни Сенъ-Симонъ и другіе его ученики заняты были иными вопросами. Сенъ-Симонъ спрашиваетъ въ одной изъ своихъ брошюръ, какъ отразилась бы на Франціи внезапная гибель 3.000 ея лучшихъ ученыхъ, техниковъ, художниковъ, промышленныхъ предпринимателей и работниковъ, и что значила бы гибель 30.000 принцевъ крови, придворныхъ, сановниковъ, духовныхъ лицъ, чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ? Въ послѣднемъ случаѣ потеря была бы невелика, въ первомъ—незамѣнима, и Франція должна была бы разрушиться. Тѣ люди, которыми держится все общество, люди труда, производители, „индустріалы", и должны получить господство. Сенъ-Симону кажется при этомъ, что интересы предпринимателей и рабочихъ не расходятся между собою; напротивъ, банкиры, фабриканты, купцы, ставши во главѣ всего трудящагося народа, сумѣютъ улучшить его участь. Главная задача состоитъ не во введеніи лучшей политической конституціи, а въ рѣшеніи *соціальнаго вопроса*, т.-е. въ устроеніи наилучшаго общественнаго порядка. Надо докончить революцію, остановившуюся на полдорогѣ: переворотъ 1789 года провозгласилъ равенство, но не далъ его; онъ освободилъ личность, но не далъ трудящемуся матеріальнаго обезпеченія. Положеніе самаго многочисленнаго и бѣднаго класса должно быть улучшено; обязанность заботиться объ этомъ лежитъ на всѣхъ людяхъ и должна составить новую религію человѣчества; Сенъ-Симонъ назвалъ ее „Новымъ христіанствомъ".

Согласно этимъ завѣтамъ, послѣдователи его образовали секту, объявивъ самого Сенъ-Симона новымъ Сократомъ, Моисеемъ и подобіемъ Христа; они поставили во главѣ общины двухъ „верховныхъ отцовъ", Базара и Анфантена, и предвѣщали „наступленіе царства Божія на землѣ и исполненіе всѣхъ пророчествъ". Подъ восторженной формой крылись идеи общественнаго переустройства. Анфантенъ придавалъ главное значеніе устраненію неравенства и эгоизма, гнѣздящагося въ семьѣ; основное требованіе примкнувшихъ къ нему сенсимонистовъ состояло въ *эмансипаціи женщины*, уравненіи ея съ мужчиной въ правахъ, развитіи и общественномъ положеніи. Базаръ, бывшій карбонаръ начала 20-хъ годовъ, въ публичныхъ лекціяхъ изображалъ экономическое устройство будущаго общества.

Digitized by Google

До сихъ поръ—такъ учили сенсимонисты—преобладали начала *индивидуализма*, разрозненной защиты каждымъ человѣкомъ своихъ личныхъ интересовъ; это приводило къ подчиненію слабаго сильному; ничѣмъ не ограниченная конкуренція, борьба группъ и классовъ лишь задерживала ходъ культуры. До сихъ поръ человѣкъ эксплоатировалъ человѣка: отсюда получились разныя формы зависимости—рабство, крѣпостничество, наемный трудъ. Отнынѣ человѣкъ будетъ эксплоатировать только природу. Для этой цѣли общество должно устранить изъ своей среды „праздныхъ“ и переустроиться на началахъ союза, *ассоціаціи*. Совмѣстная работа должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы каждый могъ приложить свои способности, и чтобы каждая способность получала вознагражденіе сообразно своей услугѣ. Человѣчество можетъ безконечно совершенствоваться и придетъ постепенно къ такому разумному объединенію. Для того, чтобы облегчить переходъ къ этому состоянію и создать большой общій капиталъ, должно отмѣнить право наслѣдства и завѣщанія; по смерти трудового человѣка его имущество поступаетъ въ пользованіе всей остальной массы работниковъ.

Другую соціалистическую теорію развивалъ около того же времени Фурье (1772—1837), купеческій приказчикъ и конторщикъ по профессіи. Въ средѣ, близко ему знакомой, Фурье былъ пораженъ несправедливостью торговой прибыли, обманомъ и спекуляціей, а также огромной потерей силъ вслѣдствіе службы массы посредниковъ, безъ которыхъ можно было бы обойтись при другомъ устройствѣ обмѣна. И спекуляція, и монополія, и раздробленіе силъ происходятъ, по его мнѣнію, отъ свободнаго соперничества. Слѣдуетъ изъять обмѣнъ товаровъ изъ рукъ частныхъ лицъ и обратить торговлю въ дѣло государства и общинъ; въ каждой общинѣ пусть будетъ большой общій складъ продуктовъ, въ ней производимыхъ; а обмѣнъ будетъ происходить не на деньги, а на условные знаки. Точно такъ же огромная энергія, которая тратится теперь даромъ во множествѣ мелкихъ хозяйствъ, сбережется при устройствѣ общихъ производительныхъ учрежденій—помимо фабрикъ, еще общественныхъ кухонь, булочныхъ, прачечныхъ и т. д. Но тогда вообще потеряетъ смыслъ частное хозяйство и частное жилище. Раздѣленныя на рабочія фаланги, массы людей всего практичнѣе и удобнѣе устроятся въ огромныхъ фаланстерахъ съ залами для собраній, библіотеками, читальнями, театрами, школьными помѣщеніями и т. п. Фурье старается найти замѣну нынѣшнимъ мотивамъ человѣческаго труда, нуждѣ и принужденію: онъ вѣритъ, что всѣ затрудненія разрѣшатся благодаря закону „общаго притяженія“: всякій будетъ увлекаться работой, отвѣчающей его вкусамъ: это дастъ возможность людямъ вернуться къ первоначальному райскому состоянію полноты жизненныхъ отношеній.

Digitized by Google

Идеи сенсимонистовъ и Фурье распространялись вначалѣ только среди буржуазіи, хотя сторонники ихъ имѣли въ виду главнымъ образомъ улучшеніе жизни рабочихъ классовъ. Сами рабочіе во Франціи еще чужды были опредѣленныхъ ученій о новомъ общественномъ порядкѣ. Но тамъ, гдѣ они составляли внушительныя массы, какъ, напр., въ Парижѣ и въ Ліонѣ, они выступали съ требованіями улучшенія своей участи. Въ переворотѣ 1830 года, свергнувшемъ Бурбоновъ, они играли выдающуюся роль.

Іюльская революція. Разладъ между династіей и обществомъ становился все сильнѣе. Карлъ X очень охотно далъ отставку умѣреннымъ министрамъ и поручилъ управленіе князю Полиньяку, человѣку узкихъ взглядовъ, члену католической конгрегаціи, вполнѣ готовому совершить государственный переворотъ въ интересахъ монархіи.

Журналы либеральной партіи, особенно National Тьера, заговорили, что настало время мирной революціи наподобіе англійской 1688 года; надо смѣнить династію, сдѣлавшую себя невозможной во Франціи; какъ средство поставить правительство въ безвыходное положеніе, они рекомендовали отказъ въ уплатѣ налоговъ. Люди капитала, финансисты и банкиры, намѣтили себѣ кандидата въ лицѣ принца Орлеанскаго, Луи Филиппа, во время первой революціи принадлежавшаго къ якобинскому клубу. Изъ среды студентовъ и парижскихъ рабочихъ составилась республиканская партія, готовая на вооруженное возстаніе; она группировалась около стараго энтузіаста Лафайета.

Весною 1830 года выборы въ палату дали огромный перевѣсъ либераламъ. Тогда Карлъ X рѣшился на переворотъ. Въ хартіи была статья, которая позволяла королю издавать распоряженія, нужныя для „выполненія законовъ и для безопасности государства“. Король и министры вывели изъ нея свое право толковать и мѣнять конституцію. Рядомъ указовъ правительство распустило только что избранную палату, измѣнило избирательный законъ съ передачей преобладанія землевладѣльцамъ и устраненіемъ промышленниковъ и уничтожило свободу печати.

Въ тотъ же день (26 іюля) журналисты 10 большихъ газетъ, которыя подверглись запрещенію, подписали и разослали по провинціямъ протестъ, составленный Тьеромъ. Въ немъ говорилось: „Правительство сошло съ почвы закона... и представители печати, обязанные повиновеніемъ болѣе всѣхъ другихъ, должны теперь дать гражданамъ примѣръ сопротивленія“. Призывая къ сопротивленію, печать, а съ нею депутаты и вожди буржуазіи не имѣли однако никакихъ средствъ для дѣйствія. На улицы вышли наборщики, лишившіеся заработка вслѣдствіе закрытія газетъ, и фабричные рабочіе, которыхъ хозяева отпустили съ обѣщаніемъ заплатить за потерянные дни, если они вступятъ въ бой. Въ то время,

Digitized by Google

какъ буржуазные депутаты и журналисты совѣщались у либеральнаго банкира Лафитта, настроеніемъ рабочихъ воспользовалась небольшая отлично организованная и вооруженная республиканская партія. Узкія извилистыя улицы рабочихъ кварталовъ Парижа были загорожены баррикадами, и возставшіе повели изъ-за нихъ нападеніе на немногочисленныя королевскія войска. Самъ король находился внѣ Парижа и не принималъ никакихъ мѣръ. Часть солдатъ не хотѣла вовсе сражаться и братался съ народомъ. На третій день боя былъ взятъ королевскій дворецъ Тюильри, и этимъ все кончилось.

Буржуазія воспользовалась побѣдой, добытой парижскими студентами и рабочими. Образовалось временное правительство „для охраны безопасности лицъ и собственности“, которое водворилось въ Думѣ и поручило военную команду Лафайету. Карлъ X думалъ вступить съ этимъ комитетомъ въ переговоры, но было поздно: о Бурбонахъ не хотѣли слышать. Большинство депутатовъ высказалось за Луи Филиппа, который былъ провозглашенъ сначала намѣстникомъ королевства. Въ манифестѣ онъ обѣщалъ „сдѣлать хартію правдой“. Онъ отправился въ Думу, на глазахъ народа обнялъ Лафайета и поднялъ трехцвѣтное знамя. Карлъ X отрекся въ пользу своего внука. Но палата вовсе отстранила бурбонскую династію и провозгласила королемъ Луи Филиппа. Благодушный Лафайетъ объявилъ, что Луи Филиппъ — „лучшая изъ республикъ“, а борцы іюльскихъ дней, молодые героическіе республиканцы, хотя и несогласные съ такимъ оборотомъ, вынуждены были допустить вновь вкравшуюся монархію, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ опять вооружилась распущенная при Карлѣ X національная гвардія изъ зажиточныхъ буржуа.

Палата измѣнила хартію 1814 г. въ смыслѣ большей вѣрности конституціоннымъ принципамъ: къ титулу короля присоединили слова „волею народа“; королю опредѣленно было запрещено, при изданіи распоряженій, отмѣнять основные законы или освобождать отъ ихъ исполненія; цензура была уничтожена „навѣки“, проступки печати такъ же, какъ политическія дѣла, были подчинены суду присяжныхъ. Но въ самомъ существенномъ пунктѣ политическаго устройства измѣненіе было незначительно; избирательное право, т.-е. участіе въ политической жизни, осталось очень ограниченнымъ: избирательный цензъ съ 300 франковъ былъ пониженъ до 200, что увеличило число избирателей на 100.000 приблизительно. Но огромное большинство населенія оставалось выключеннымъ отъ участія въ политической жизни.

Іюльская революція 1830 г. очень характерна для французской политической жизни, и порядокъ ея событій повторился не разъ. Въ Парижѣ произошелъ переворотъ, немногочисленная революціонная партія сбросила правительство; этимъ воспользовались вліятельные люди умѣ-

Digitized by Google

ренной партіи и поставили новое правительство. Провинціи, лишенныя самостоятельности и самоуправленія, подчинились перевороту; городское населеніе привѣтствовало его, землевладѣльцы не рѣшились сопротивляться, крестьяне остались равнодушны. Но для того, чтобы располагать вполнѣ надежнымъ персоналомъ чиновниковъ, правительство произвело большое „очищеніе“ ихъ состава и особенно въ средѣ важныхъ по своему положенію префектовъ: изъ 78 начальниковъ провинцій, большею частью принадлежавшихъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, были смѣнены 76.

Переворотъ 1830 г. далъ полное торжество крупной буржуазіи, которая въ свое время, при реставраціи 1814 года, должна была уступить первое мѣсто землевладѣльцамъ и эмигрантамъ. Главныя правительственныя должности заняли обладатели капитала (банкиръ Лафиттъ, послѣ него представитель большой купеческой фирмы Казиміръ Перье) или умственныя силы средняго класса, которыя сочувствовали интересамъ крупной промышленности (Гизо и Тьеръ). Самъ король новой династіи (по имени революціи его правленіе, 1830 — 1848 гг., назвали *іюльской монархіей*) примыкалъ по своимъ вкусамъ и понятіямъ къ тому же общественному слою. Онъ воспитывалъ своихъ дѣтей въ свѣтской гимназіи; отличаясь разсчетливостью коммерсанта, онъ въ день коронованія перевелъ все свое имущество на сыновей и въ теченіе своего правленія старался всячески пріумножить ихъ достояніе, выпрашивая у палаты пенсіи и подарки.

Во время реставраціи Франція, несмотря на конституціонную хартію, держала руку реакціонныхъ правительствъ Европы. Революція 1830 г., осуществленная во имя правъ народа, измѣнила и внѣшнюю политику Франціи, и отношеніе къ ней Европы. Подъ впечатлѣніемъ этого переворота поднялись народныя движенія въ Бельгіи, Польшѣ, Германіи и Италіи. Бельгія отказалась подчиняться нидерландскому королю и объявила себя независимой; въ Царствѣ Польскомъ произошло возстаніе сторонниковъ отдѣленія отъ Россіи. Во Франціи многіе требовали поддержки европейскихъ революціонныхъ движеній и завоевательной войны съ цѣлью пропаганды, какъ въ 1793 г.

Въ свою очередь Николай I, Меттернихъ и Пруссія отнеслись очень недовѣрчиво къ новому правительству во Франціи. Это заставило его искать сближенія съ Англіей, единственной крупной страной Европы, гдѣ былъ проведенъ парламентскій порядокъ. Два западныхъ государства составили какъ бы особый союзъ, противоположный реакціоннымъ восточнымъ. Начала, на которыхъ строился Священный союзъ, были нарушены: Англія и Франція стала проводить свой принципъ *невмѣшательства* во внутреннія дѣла тѣхъ странъ, гдѣ поднимались народныя движенія. Это

Digitized by Google

оказалось выгоднымъ для бельгійской революціи: западныя правительства поддержали самостоятельность Бельгіи и обезпечили ея нейтралитетъ. Но въ приложеніи къ Польшѣ невмѣшательство привело къ тому, что ее предоставили собственной участи, и русская монархія справилась съ движеніемъ.

Буржуазная реакція. Во внутреннихъ дѣлахъ большинство крупной буржуазіи тоже хотѣло остановки революціоннаго движенія. Въ то время, какъ Лафиттъ, поставленный во главѣ министерства, Лафайетъ и др. напоминали о требованіяхъ республиканцевъ, сторонники „сопротивленія", Гизо и Перье, говорили, что революція кончена, и требовали борьбы съ республиканцами. Но имъ именно буржуазія была обязана своей побѣдой, и отъ этого союзника ей было трудно отдѣлаться. Пришлось ассигновать награду жертвамъ іюльской революціи и поставить на площади бывшей Бастиліи колонну въ память гражданъ, погибшихъ за гражданскія вольности; король принялъ въ аудіенціи пострадавшихъ раньше за политическіе проступки. Онъ усердно изображалъ популярнаго монарха, гулялъ пѣшкомъ въ старенькомъ буржуазномъ костюмѣ, жалъ руки національнымъ гвардейцамъ и выпивалъ вмѣстѣ съ рабочими; въ министерствахъ старались удовлетворить массу просителей предоставленіемъ очистившихся или вновь учреждаемыхъ должностей.

Между тѣмъ сказались тяжелыя послѣдствія переворота для промышленности. Многія дѣла пріостановились, особенно вслѣдствіе обострепія иностранныхъ отношеній. Лафиттъ разорился и закрылъ свой банкъ; масса рабочихъ была лишена заработка и заявила объ этомъ манифестаціями; многіе покинули столицу. Луи Филиппъ далъ отставку своимъ первымъ, болѣе либеральнымъ министрамъ. Новый глава министерства Казиміръ Перье, назвавшій свою политику „золотой серединой", имѣлъ въ виду установленіе порядка, разумѣя подъ нимъ главнымъ образомъ уличный порядокъ, спокойную торговлю, правильное дѣйствіе административной машины. Онъ провелъ законъ противъ вооруженныхъ сборищъ на улицахъ, запретилъ чиновникамъ участвовать въ политическихъ союзахъ и ввелъ залогъ для изданія газетъ. Послѣ смерти Перье, его преемники въ министерствѣ, Гизо, Тьеръ и другіе, расходясь только въ вопросахъ внѣшнихъ, продолжали его политику сопротивленія. Въ свою очередь противники іюльской монархіи, легитимисты, т.-е. сторонники Бурбоновъ, и особенно республиканцы, поднимали одно возстаніе за другимъ. Республиканцы вернулись къ формѣ тайныхъ союзовъ, которые много разъ подвергались преслѣдованію и закрытію, но тотчасъ же возрождались подъ новымъ названіемъ (Общество друзей народа, Общество правъ человѣка и т. д.). Группы студентовъ и рабочихъ примыкали къ нимъ, запасались оружіемъ или отбирали его у національныхъ

Digitized by Google

гвардейцевъ. Начинали съ постройки баррикадъ, изъ-за которыхъ отстрѣливались съ тѣмъ, чтобы идти потомъ на дворецъ и думу, какъ это было въ 1830 г. Во время похоронъ популярнаго генерала Ламарка всѣ улицы Парижа были наполнены необозримой толпой; всюду раздавались рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ; на возвратномъ пути кричали: „долой Луи Филиппа! да здравствуетъ республика!“ Вызваны были войска и національная гвардія; на улицахъ произошла настоящая двухдневная битва съ потерей до 800 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ.

Еще серьезнѣе были большія возстанія рабочихъ въ Ліонѣ и Парижѣ, въ которыхъ республиканскіе дѣятели выступали только вождями и устроителями. Въ Ліонѣ съ его большими шелковыми фабриками недовольство рабочихъ ткачей и мелкихъ мастеровъ было вызвано пониженіемъ заработной платы послѣ торговаго застоя 1830 г.; многіе были распущены и потеряли всякій заработокъ. Префектъ попробовалъ устроить соглашеніе между ткачами и хозяевами, но послѣдніе нарушили условіе. Тогда рабочіе вышли изъ предмѣстья Краснаго креста, гдѣ жило большинство ихъ, съ чѣрнымъ знаменемъ, на которомъ стояла надпись: „Жить трудомъ или умереть въ бою!“ Они захватили въ свои руки городъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней господствовали въ немъ. Но затѣмъ движеніе было подавлено войсками и буржуазной гвардіей.

Черезъ три года повторилось возстаніе рабочихъ въ Ліонѣ и начались сходныя движенія въ Парижѣ и другихъ городахъ. Опять произошли кровопролитныя битвы на улицахъ. Наконецъ, правительство произвело до 2000 арестовъ и передало палатѣ пэровъ судъ надъ массой лицъ, обвинявшихся въ нарушеніи государственнаго порядка. Затѣмъ, при содѣйствіи огромнаго большинства палаты, были проведены стѣснительные такъ наз. *сентябрьскіе законы* (1835), которые въ сущности ограничили обѣщанную въ 1830 г. политическую свободу. Ограниченія коснулись, во-первыхъ, суда присяжныхъ по политическимъ дѣламъ: судьямъ предоставили постановлять обвинительные приговоры въ отсутствіе обвиняемыхъ. Затѣмъ стѣснили свободу печати: строгія наказанія были положены за нападенія въ газетахъ на особу короля, за осужденіе существующей формы правленія и за восхваленіе республики, за возбужденіе одного класса противъ другого и даже за нападеніе на принципъ собственности. На основаніи этихъ законовъ власти дѣйствовали чрезвычайно придирчиво: никогда тюрьмы не были въ такой мѣрѣ наполнены.

Господство крупной буржуазіи. Въ сентябрьскихъ законахъ обнаружился тѣсный союзъ между іюльской монархіей и высшимъ слоемъ буржуазіи. Одинъ изъ депутатовъ, крупный промышленникъ, говорилъ въ палатѣ: „никакое общество не можетъ обходиться безъ аристократіи; государственный порядокъ іюльской монархіи опирается на свою аристо-

Digitized by Google

кратію, состоящую изъ крупныхъ промышленниковъ и мануфактуристовъ: они основали новую династію". И новая династія всѣми средствами старалась поддерживать классъ капиталистовъ. Чтобы имѣть послушное большинство въ палатѣ, правительство пускало въ ходъ различныя обѣщанія и подачки представителямъ крупныхъ предпріятій; съ ихъ интересами старались сообразовать систему налоговъ и пошлинъ. Въ то время, какъ налогъ падалъ главнымъ образомъ на земледѣльца, крупные фабриканты получали, напротивъ, поддержку отъ государства благодаря высокимъ почти запретительнымъ пошлинамъ на многіе ввозные товары, хотя отъ этого сильно терпѣли потребители. Рѣзко отдѣлялся этотъ слой отъ остальной массы и въ отношеніи военной службы. Богатый откупался отъ рекрутчины, и повинность падала на классы менѣе состоятельные. Пользуясь различными преимуществами, крупная буржуазія во Франціи проявляла однако мало энергіи и дѣятельности: она далека была отъ идей свободной торговли, которыя получили въ Англіи торжество къ серединѣ 40-хъ годовъ.

По отношенію къ интересамъ рабочихъ предприниматели были крайне невнимательны. Когда королю однажды представлялась депутація отъ рабочихъ, раскрывшая тяжелое положеніе ихъ, онъ сказалъ: „я могу только горько вздохнуть съ вами!" Власти и парламентъ не задумывались надъ реформами. На представленія рабочихъ отвѣчали, что „не дѣло палаты пріискивать работу". Въ то время, какъ въ Англіи начиналось фабричное законодательство, во Франціи почти ничего не было сдѣлано даже для охраны женскаго и дѣтскаго труда. Къ первому слабому закону (1841), который ограничилъ работу подростковъ до 12 часовъ, было прибавлено: „не должно настаивать на строгомъ и безусловномъ примѣненіи". Въ то же время предприниматели строго слѣдили, чтобы, согласно законодательству о „коаліціяхъ", рабочіе не составляли союзовъ и не вырабатывали соглашеній; въ такихъ случаяхъ къ нимъ примѣнялись суровыя карательныя мѣры. Они наказывались даже за устроеніе кассъ вспоможенія при болѣзни. Къ услугамъ господствующаго класса была національная гвардія, состоявшая изъ горожанъ средняго достатка; она исполняла въ городахъ роль полицейской охраны, и ей-то преимущественно приходилось биться противъ возставшихъ рабочихъ.

Послѣ ряда кровопролитій, послѣ многихъ судебныхъ процессовъ и безконечныхъ арестовъ буржуазія, повидимому, достигла неоспоримаго господства. Къ концу 30-хъ годовъ прекратились возстанія рабочихъ и республиканцевъ: всѣ вожди ихъ были изгнаны или сидѣли въ тюрьмѣ. На первый взглядъ казалось, что въ странѣ установилась правильная конституціонная жизнь: смѣнялись министерства съ переходомъ большинства отъ одной партіи къ другой, въ палатѣ происходили горячіе

Digitized by Google

дебаты и ораторскіе турниры. Но крупные вопросы внутренняго быта страны не затрогивались въ нихъ: между партіями, между вождями ихъ, Гизо и Тьеромъ и др., не было большой разницы въ воззрѣніяхъ. Вся шумная жизнь парламента стала казаться пустой мелочной игрой. „Франціи скучно“, сказалъ въ палатѣ одинъ изъ немногихъ сторонниковъ независимой оппозиціи, Ламартинъ. „Ничего, ничего и опять ничего“, такъ характеризовали дѣятельность палаты оппозиціонные журналы. Интересамъ офиціальной Франціи (pays lègal), ограниченной высокимъ избирательнымъ цензомъ, привыкли противополагать Францію дѣйствительную, которая однако не имѣла представительства.

Это отчужденіе страны отъ правительства и отъ политики чувствовалось особенно въ послѣднія 8 лѣтъ іюльской монархіи (1840—48), когда первымъ министромъ непрерывно состоялъ Гизо. Лично человѣкъ безкорыстный, онъ допускалъ однако широко примѣненіе подкупа для пріобрѣтенія покорнаго большинства въ палатѣ: министръ внутреннихъ дѣлъ оказывалъ давленіе на выборы посредствомъ префектовъ; въ палату старались провести побольше чиновниковъ: изъ 460 депутатовъ они составляли треть и всегда голосовали за правительство. Послушная министерству палата—„удовлетворенные“, какъ прозвали податливыхъ депутатовъ въ журналахъ—необычайно усиливала высокомѣрную увѣренность Гизо. На предложеніе расширить избирательное право онъ отвѣчалъ: „постарайтесь разбогатѣть трудомъ, и вы станете избирателями!“ О всеобщемъ избирательномъ правѣ онъ говорилъ, какъ о „нелѣпой системѣ, которой нѣтъ мѣста на свѣтѣ“. Во внѣшней политикѣ Гизо сталъ отклоняться отъ Англіи и сближаться съ консервативной Европой, съ Меттернихомъ: онъ даже поддерживалъ въ Швейцаріи реакціонную партію, стоявшую за іезуитовъ противъ демократовъ.

Между тѣмъ въ обществѣ снова появились и стали усиливаться теченія, враждебныя буржуазной монархіи. Городское населеніе средняго достатка, выключенное отъ участія въ политической жизни, стало поднимать голосъ въ пользу избирательной реформы. На парадахъ національной гвардіи король услыхалъ возгласы: „да здравствуетъ реформа!“ Послѣ этого смотры прекратились. Въ литературѣ стали опять возвращаться къ великой революціи, призывать къ ея продолженію и повторенію. Но между тѣмъ какъ при реставраціи идеализировали 1789 годъ и Національное собраніе, теперь прославляли 1793 годъ, Конвентъ и республику. Ламартинъ написалъ „Исторію жирондистовъ“, Луи Бланъ въ „Исторіи революціи“ изображалъ якобинцевъ и партію Горы выразителями великой идеи братства, идущей на смѣну индивидуализму. Мишле, историкъ-поэтъ, ушелъ изъ Нормальной школы (высшаго института для приготовленія профессоровъ), разойдясь рѣзко съ ея директоромъ Кузэ-

Digitized by Google

номъ, который при реставраціи былъ вмѣстѣ съ Гизо гонимымъ либеральнымъ профессоромъ, а при іюльской монархіи обратился также въ сторонника „золотой середины". Въ публичныхъ лекціяхъ въ Collège de France, привлекавшихъ массу восторженныхъ слушателей, Мишле поставилъ себѣ цѣлью „воспитать души" гражданъ въ идеально-республиканскихъ чувствахъ и понятіяхъ; въ его „Исторіи революціи" отдѣльныя личности отступаютъ передъ великимъ и святымъ героемъ, французскимъ народомъ. Мишле, сынъ крестьянина, считалъ истиннымъ народомъ земледѣльцевъ, деревню, крѣпко сжившуюся съ родной землей; онъ возвращался къ Руссо и народничеству.

Буржуазный радикализмъ и соціалистическія ученія. Въ средѣ самой буржуазіи, ея менѣе состоятельныхъ и въ то же время болѣе подвижныхъ образованныхъ слоевъ поднимается протестъ противъ мѣщанства, узкаго коммерческаго духа и безсердечія промышленнаго и дѣлового класса, банкировъ, лавочниковъ, нотаріусовъ, достигшихъ власти. Молодые литераторы и художники, „богема" (т.-е. цыгане), какъ ихъ зовутъ въ Парижѣ, студенты латинскаго квартала, въ своей шумной жизни, въ своихъ собраніяхъ, сходкахъ и балахъ, въ „театральныхъ битвахъ" при постановкѣ новыхъ пьесъ, бросали задорный вызовъ тупой ограниченности и педантическому самодовольству; въ костюмѣ, повадкѣ, оборотахъ рѣчи появился опять демократическій якобинскій типъ. На мѣщанскій этикетъ и лицемѣрныя приличія отвѣчали требованіемъ свободы чувства: искренность, правдивость чувства—лучшій направитель морали; общественной свободы не будетъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ свободы въ частной жизни, пока нерасторжимый бракъ связываетъ людей насильственно, пока въ семьѣ женщина остается порабощенной. Самымъ горячимъ выразителемъ этого настроенія въ 30-хъ и 40-хъ гг. была писательница (г-жа Дюдеванъ), выступавшая подъ именемъ Жоржъ Зандъ. Въ ея романахъ отражается также идеальное представленіе о народной массѣ, хранящей въ себѣ тихую и глубокую правду.

Къ этой вновь нарождающейся французской демократіи примыкали эмигранты изъ различныхъ странъ Европы, особенно изъ Польши, Италіи и Германіи. Парижъ былъ международнымъ центромъ республиканской пропаганды въ Европѣ; здѣсь сходились вожди изгнанныхъ и преслѣдуемыхъ партій, сближаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ французскими республиканцами; здѣсь печатались изданія на нѣмецкомъ, итальянскомъ и др. языкахъ, имѣвшія цѣлью подготовку революціи въ европейскихъ странахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось сильное движеніе въ средѣ рабочихъ, число которыхъ нарастало съ развитіемъ индустріи во Франціи. Послѣ неудачъ большихъ республиканскихъ возстаній 30-хъ годовъ многіе

Digitized by Google

приходили къ убѣжденію, впервые ясно выраженному Сенъ-Симономъ: важнѣе, чѣмъ политическая реформа, рѣшеніе соціальнаго вопроса. Помимо ученія сенсимонистовъ и фурьеристовъ, въ 40-хъ годахъ выдвинулись два направленія, Прудона и Луи Блана. Прудона (1809—65) нельзя называть соціалистомъ. Онъ рѣзко протестовалъ противъ существующаго экономическаго строя, въ которомъ нѣтъ и тѣни справедливаго распредѣленія богатствъ. На вопросъ, „что такое собственность?“ (таково заглавіе его брошюры 1840 г.) онъ отвѣчаетъ: „воровство“. Но Прудонъ не хочетъ принимать средствъ, рекомендуемыхъ коммунистами, уничтожать личное хозяйство, семью, частное жилище, чтобы замкнуть всѣхъ въ общественные фаланстеры. Онъ думаетъ, что рабочіе могли бы соединяться въ производительныя товарищества; обезпечить за каждымъ вознагражденіе сообразно труду можно посредствомъ системы „взаимныхъ услугъ“: съ уничтоженіемъ денегъ и процента слѣдуетъ учредить народные банки, которые руководили бы обмѣномъ, выдавая кредитные знаки, соотвѣтствующіе рабочимъ часамъ и оплачиваемые работой.

Иначе Луи Бланъ (1811—82). Въ своей „Организаціи труда“ онъ рекомендуетъ воспользоваться огромной силой капитала, орудующаго крупными предпріятіями. Какъ ни сильны отдѣльные предприниматели, они не могутъ выдержать конкуренціи съ государствомъ, если оно возьметъ въ свои руки большія отрасли производства. Постепенно можно будетъ перейти къ государственной организаціи всей промышленности. Управленіе всею хозяйственною жизнью будетъ сначала въ рукахъ государственныхъ агентовъ, а затѣмъ, когда воспитаніе подготовитъ общество къ новому строю, управленіе перейдетъ къ самимъ рабочимъ. Такой порядокъ возможенъ лишь при установленіи демократической республики, въ которой всѣ интересы будутъ равномѣрно представлены.

Возрожденіе католичества. Въ то же время въ обществѣ поднималось движеніе совершенно иного рода, возникала сильная католическая партія. Революція, казалось, уничтожила весь строй католической церкви; всюду церковь утратила своивладѣнія, доходы. Наполеонъ обратилъ духовенство въ чиновниковъ, зависимыхъ отъ правительства и лишенныхъ всякаго вліянія на общество: школы были отняты у нихъ, и преподаваніе сдѣлано вполнѣ свѣтскимъ. Глава католичества лишился своего положенія, какъ итальянскій государь.

Когда настала реакція, старые властители вернулись на свои мѣста. Папа, тотъ самый Пій VII, котораго Наполеонъ держалъ въ плѣну, получилъ обратно Церковную область и возстановилъ въ 1814 г. орденъ іезуитовъ, упраздненный за 40 лѣтъ до того по соглашенію съ европейскими правительствами. Папа опять потребовалъ безусловнаго повиновенія вѣрующихъ, какъ будто ничего не случилось: онъ судилъ консти-

Digitized by Google

туціонную хартію 1814 г. за то, что въ ней „не упоминается имя Божіе“, за провозглашеніе свободы совѣсти, ставящее наравнѣ съ ересями и іудействомъ святую церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія, и особенно за свободу печати, которая „грозитъ чистотѣ вѣры и нравовъ“. Съ этой поры папы не переставали въ своихъ энцикликахъ (окружныхъ посланіяхъ) громить освободительныя идеи и науку Новаго времени: они возставали противъ конституціоннаго устройства, противъ демократіи, противъ научнаго опыта и изслѣдованія.

И не въ однѣхъ только темныхъ массахъ, которыя остались чужды просвѣщенію XVIII в., встрѣчала сочувствіе духовная власть. Множество людей образованнаго класса, испуганныхъ ходомъ или идеями революціи, искали въ церкви защиты или ставили въ образецъ ея устройство, основанное на слѣпой покорности. Въ согласіи съ понятіями политической реакціи, новые поклонники церкви учили, что личность, освобожденная отъ покровительства вѣками освященной общины, личность, предоставленная собственнымъ силамъ и своему разсудку, неизбѣжно должна погибнуть, впасть въ отчаяніе и нравственную порчу. „Горе одинокому!“ Нужна высшая, таинственно связанная съ небомъ сила, нужна теократія (власть, покрытая божественнымъ авторитетомъ), чтобы указать слабому, ничтожному человѣку его мѣсто и его долгъ. „Анархіи“ новѣйшаго общества, его распаденію и разрозненности надо противопоставить неоспоримый авторитетъ; эта мысль занимала многихъ людей съ очень демократическими и научно просвѣщенными понятіями.

Сенъ-Симонъ и его послѣдователи были убѣждены, что за великимъ разрушеніемъ революціонной эпохи, за *критическимъ* періодомъ долженъ послѣдовать новый *органическій*, строительный, во время котораго общество соберется наподобіе церкви. Контъ, выставляя свое ученіе о трехъ періодахъ въ развитіи мысли человѣческой, одобрялъ многое въ богословскомъ періодѣ и главнымъ образомъ стройность и цѣльность средневѣковаго міровоззрѣнія и подчиненіе общества высшему духовному авторитету папъ. Послѣ великихъ потрясеній и крушенія старыхъ воззрѣній человѣчество, казалось ему, должно вступить въ спокойную эпоху „окончательнаго“ своего состоянія, когда трудъ и мысль получатъ строго методическое направленіе. Въ позднѣйшую пору своей жизни Контъ возстановилъ всю іерархію и литургію католичества подъ другими названіями: онъ предлагаетъ поклоненіе человѣчеству, которое въ лицѣ своихъ дѣятелей прошлаго составляетъ „Великое Существо“ для нынѣ живущихъ; всѣ акты жизни окружены у него религіознымъ освященіемъ; умершіе, присоединяясь къ Великому Существу, получаютъ апоѳеозъ; по особому календарю святыхъ, великіе люди почитаются въ опредѣленные дни года.

Всѣ эти различныя настроенія были благопріятны для возрожденія

Digitized by Google

католичества. Католическая церковь уже разъ въ XVI в. выскользнула изъ тяжелаго кризиса. Она и теперь вновь стала собирать силы, захватывая колеблющихся, нуждающихся въ утѣшеніи и поддержкѣ и обѣщая горячо, но неопредѣленно, заступничество темнымъ массамъ народа. Однако для отвоеванія потеряннаго церкви нужны были новыя силы. Духовенство въ XIX в. гораздо болѣе подходило къ этой цѣли, чѣмъ въ XVIII в. Исчезли старые прелаты, важные лѣнивые господа изъ высшихъ классовъ общества, въ роскоши проживавшіе свои доходы. Епископы и священники выходили теперь изъ семинарской среды, знали трудъ и бѣдность; въ ихъ распоряженіи, помимо проповѣди, была печать, и духовенство, скоро овладѣвъ новымъ средствомъ, выставило талантливыхъ публицистовъ. Главной цѣлью католической партіи было получить въ свои руки школу, чтобы вліять на подрастающія поколѣнія.

До революціи католическая церковь, въ случаѣ непокорности отдѣльныхъ лицъ, прибѣгала къ поддержкѣ „свѣтскаго меча“; но тогда свѣтская власть боялась ея и помогала ей. Теперь, въ XIX в., союзъ со свѣтской властью, равнодушной къ церкви, былъ для католиковъ невыгоденъ; напротивъ лучше было освободиться отъ ея надзора. Во Франціи, а также въ Бельгіи и Ирландіи ревностные католики выставили требованіе *отдѣленія церкви отъ государства*, то-есть полной независимости церковнаго союза. Они требовали для церкви тѣхъ самыхъ правъ, которыя предоставлены всѣмъ общественнымъ соединеніямъ.

Въ борьбѣ противъ правительствъ католики разныхъ странъ почувствовали необходимость соединить свои силы и сосредоточить общее руководство ими: власть папы, весьма слабая въ XVIII в., очень усиливается въ XIX в. Скоро исчезли вовсе сторонники національныхъ церквей, напр., галликанства; всѣ католики стали ультрамонтанами, вѣрными слугами папы.

Католичество стало однако не только болѣе монархичнымъ, но и болѣе демократичнымъ. Монахи и проповѣдники, выходившіе изъ среднихъ и низшихъ классовъ, знали хорошо народную массу, чувствовали больше близости къ народу или находили выгоднымъ для церкви поддерживать его стремленія. Нѣкоторые изъ нихъ были убѣждены, что католическая религія есть призывъ къ братству людей, къ демократіи и свободѣ. Это направленіе болѣе всего отразилъ на себѣ Ламеннэ (1782—1854). Въ концѣ имперіи и при реставраціи монахъ, сторонникъ властной неуступчивой церкви, онъ ко времени революціи 1830 г. все болѣе начинаетъ говорить о правахъ народа и притомъ въ выраженіяхъ, напоминающихъ якобинцевъ. Послѣ іюльской революціи Ламеннэ основалъ со своими друзьями журналъ „Будущее“ (l'Avenir), гдѣ требовалъ вмѣстѣ съ отдѣленіемъ церкви отъ государства всеобщаго избирательнаго права и свободы общественныхъ союзовъ.

Digitized by Google

Когда папа выразилъ по этому поводу неудовольствіе, Ламеннэ поѣхалъ въ Римъ для оправданія. Папа скоро послѣ его отъѣзда издалъ энциклику, въ которой осуждалъ снова требованія свободы совѣсти, печати и т. п. Ламеннэ подчинился, закрылъ свой журналъ и даже письменно обязался ничего не писать противнаго церкви (1832). Но черезъ два года среди рабочихъ возстаній онъ не выдержалъ и напечаталъ необычайно горячее воззваніе „Слова вѣрующаго“. Въ библейскихъ выраженіяхъ напоминаетъ онъ, что Христосъ возвѣстилъ освобожденіе бѣдныхъ, но теперь „земля стала опять мрачной и холодной“, и народъ изъ его бѣдственнаго состоянія не могутъ спасти ни свѣтская, ни духовная власть. У Ламеннэ есть страшное видѣніе: семь королей пьютъ кровь изъ черепа человѣческаго и проклинаютъ Христа, принесшаго въ міръ свободу. Папа осудилъ книгу Ламеннэ, какъ особенно вредную. Тогда Ламеннэ окончательно разорвалъ съ Римомъ, снялъ рясу и обратился въ энергическаго сторонника республики.

Друзья Ламеннэ не пошли такъ далеко, какъ онъ самъ. Они хотѣли помирить папу съ демократіей, но сами видѣли въ демократіи только средство для установленія новаго высшаго духовнаго авторитета надъ обществомъ: они хотѣли, наоборотъ, собрать всѣ испуганные новыми идеями консервативные круги и бросали вызовъ новому просвѣщенію; графъ Монталамберъ, бывшій сотрудникъ журнала Ламеннэ, въ серединѣ 40-хъ годовъ говорилъ въ палатѣ пэровъ: „Мы—потомки мучениковъ и не трепещемъ передъ потомками Юліана Отступника, мы—дѣти крестоносцевъ и не отступимъ передъ сѣменемъ Вольтера. Среди васъ поднялось новое поколѣніе, котораго вы не знаете“.

Февральская революція. Въ то время, какъ во Франціи росли радикальныя и консервативныя партіи, монархія Луи Филиппа теряла почву подъ ногами и лишалась сочувствія того самаго класса, который ее возвысилъ и поддерживалъ вначалѣ. Средніе буржуазные круги стали требовать избирательной реформы, распространенія правъ на служащихъ въ національной гвардіи и на людей съ высшимъ образованіемъ, а также выключенія чиновниковъ изъ палаты. Печать непрерывно изобличала администрацію въ злоупотребленіяхъ и продажности. Когда сошлась палата въ 1847 г., положеніе во Франціи было тревожно. Въ странѣ былъ неурожай, между тѣмъ подвозъ иностраннаго хлѣба запретили; это вызвало вздорожаніе цѣнъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ произошли возстанія, въ которыхъ приняли участіе не только рабочіе, но и крестьяне.

Сторонники реформы усилили агитацію: умѣренные соединились съ республиканцами. Безнадежный путь подачи правительству петицій былъ оставленъ. По примѣру ирландскаго агитатора О'Коннеля, политическіе ораторы стали объѣзжать провинціи и устраивать большіе банкеты, на

Digitized by Google

которыхъ произносились рѣчи въ пользу расширенія избирательнаго права. Между тѣмъ правительство продолжало оставаться въ поразительномъ ослѣпленіи. Гизо запретилъ назначенный на 22 февраля 1848 г. въ Парижѣ банкетъ сторонниковъ реформы, въ которомъ должны были принять участіе многіе депутаты и національные гвардейцы. Умѣренные вожди подчинились и отказались даже отъ процессіи на улицахъ, которая должна была двинуться къ мѣсту банкета. Но массы рабочихъ изъ предмѣстій и студентовъ изъ Латинскаго квартала, съ востока и юга Парижа, пришли въ западную аристократическую часть Парижа, требуя отставки Гизо. Король уступилъ, назначилъ другихъ министровъ, но было поздно; группы республиканцевъ начали, какъ въ 1830 г., строить баррикады. Король призвалъ войска и національную гвардію. Но онѣ дѣйствовали очень неохотно противъ возставшихъ. Когда вооруженные рабочіе стали приближаться ко дворцу, король выѣхалъ къ національной гвардіи, стоявшей во дворѣ, но былъ встрѣченъ враждебными возгласами: онъ рѣшилъ тогда бѣжать и отрекся въ пользу своего внука. Въ то время, какъ объ этомъ старались извѣстить палату депутатовъ, въ нее уже взошла группа возставшихъ; большинство депутатовъ разбѣжались; оставшіеся, между ними Ламартинъ, объявили себя въ пользу республики. Здѣсь же былъ составленъ списокъ членовъ временнаго правительства. Съ этимъ спискомъ, по обычаю, отправились въ зданіе Думы, гдѣ водворилась тѣмъ временемъ другая группа возставшихъ республиканцевъ, болѣе рѣшительныхъ и склонявшихся въ пользу соціалистическихъ идей; у нихъ былъ свой списокъ временнаго правительства, который присоединили къ первому, введя въ него Луи Блана и рабочаго Альбера, въ знакъ обезпеченія интересовъ четвертаго сословія.

Февральская революція 1848 г., продолжавшаяся два дня, дала для всѣхъ неожиданные результаты. Опять оказалось, что правительство, на видъ прочное, не имѣло никакой опоры и рухнуло при первомъ натискѣ. Опять, какъ въ 1830 г., одержали побѣду не тѣ, кто составлялъ видимую оппозицію, а небольшая группа, которая энергически билась съ оружіемъ въ рукахъ въ минуту общей растерянности. Но побѣдители не могли образовать правительства, такъ какъ даже въ Парижѣ у нихъ было мало сторонниковъ, а провинція была противъ нихъ.

Во временномъ правительствѣ къ тому же рѣзко раздѣлились двѣ партіи: умѣренные съ Ламартиномъ во главѣ, хотѣли только установить всеобщее избирательное право, не измѣняя положенія собственности, отношеній капитала и труда; другіе принадлежали къ партіи соціальной республики, принимавшей „красное“ знамя. Между ними Ледрю Ролленъ главнымъ образомъ думалъ о возрожденіи якобинской республики 1793 г. съ полномочными революціонными комиссарами въ провинціяхъ, но не

Digitized by Google

имѣлъ программы общественной реформы; соціалистъ Луи Бланъ, напротивъ, считалъ возможнымъ приступить къ организаціи труда. Такъ какъ рабочіе, побѣдившіе въ февральскіе дни, оставались при оружіи, то сами умѣренные признавали нужнымъ прежде всего удовлетворить ихъ: временное правительство объявило, согласно требованіямъ соціалистовъ, *право на трудъ*, т.-е. обязанность государства обезпечить всякому заработокъ. Затѣмъ была назначена правительственная „комиссія о рабочихъ“ подъ предсѣдательствомъ Луи Блана, и вызваны делегаты отъ рабочихъ для обсужденія желаній всего класса. Делегаты потребовали сокращенія рабочаго дня и устройства непосредственныхъ сношеній заказчиковъ съ рабочими безъ сдачи подрядчикамъ. Комиссія издала правила объ уменьшеніи рабочихъ часовъ, предложила третейскій судъ между хозяевами и рабочими, но предприниматели не обращали никакого вниманія на ея распоряженія.

Между тѣмъ умѣренные республиканцы ободрились отъ страха передъ радикалами: новой національной гвардіи отъ рабочихъ они противопоставили старую буржуазную и стали разгонять при ея посредствѣ манифестаціи рабочихъ. Они рѣшили удовлетворить одно изъ выставленныхъ соціалистами требованій, именно устроить *національныя мастерскія*, т.-е. общественныя работы для незанятыхъ. Но способъ, къ которому прибѣгли, явно указывалъ на то, что устроители хотятъ только оттянуть время и, можетъ быть, даже намѣренно обнаружить безцѣльность новаго учрежденія.

Революція 1848 г. создала, какъ и предшествующіе перевороты, безработицу; массы незанятыхъ людей устремлялись въ Парижъ искать заработка. Вмѣсто того, чтобы распредѣлить ихъ по спеціальностямъ и предложить имъ производительную работу, ихъ поставили всѣхъ безъ различія на землекопныя работы, въ сущности ненужныя, на Марсовомъ полѣ, съ платой по 2 франка въ день. Когда черезъ два мѣсяца число ихъ съ 6.000 возросло до 100.000, плату уменьшили до 1 франка въ день. По окончаніи работъ, ихъ совсѣмъ оставили безъ дѣла. Но такъ какъ въ казнѣ не было наличныхъ средствъ, и правительство не имѣло кредита для устройства займа, пришлось установить добавочный налогъ для покрытія издержекъ на національныя мастерскія, въ размѣрѣ 45% съ каждаго 1 франка существующихъ податей. Въ средѣ крестьянъ этотъ новый налогъ вызвалъ съ самаго начала вражду къ республикѣ и неопредѣленный страхъ предъ соціализмомъ, какъ будто съ нимъ вмѣстѣ приближалось отобраніе у нихъ земельной собственности. Еще рѣзче былъ этотъ страхъ у буржуазіи, которая видѣла предъ собою вооруженныхъ рабочихъ и представляла себѣ соціализмъ въ видѣ насильственнаго отнятія всего имущества. Поэтому всеобщая подача голосовъ при выбо-

Digitized by Google

рахъ въ учредительное собраніе не дала результатовъ, ожидавшихся республиканцами: въ палату вошло много консерваторовъ, именно сторонники двухъ низложенныхъ династій и католики, которые требовали реакціи. Они скоро увлекли на этотъ путь и умѣренныхъ республиканцевъ.

Учредительное собраніе рѣшило уволить рабочихъ, пришедшихъ изъ провинцій, и закрыть національныя мастерскія: оно предложило рабочимъ вступить въ армію или отправиться на землекопныя работы въ провинцію. Тогда рабочіе, сохранявшіе еще оружіе, подняли возстаніе и забаррикадировались въ восточныхъ кварталахъ Парижа. Собраніе поручило неограниченную власть надъ Парижемъ и начальство надъ войсками вмѣстѣ съ буржуазной національной гвардіей генералу Каваньяку: къ парижскимъ гвардейцамъ присоединились отряды буржуазіи изъ предмѣстій и сосѣднихъ городовъ, чтобы истребить соціалистовъ. Произошло *столкновеніе двухъ классовъ*, сопровождавшееся жестокимъ кровопролитіемъ: бились 4 дня, около десяти тысячъ человѣкъ было убито съ той и другой стороны. Каваньякъ велъ штурмъ рабочихъ предмѣстій по всѣмъ правиламъ военнаго искусства: послѣ побѣды плѣнныхъ рабочихъ разстрѣливали, какъ измѣнниковъ; предполагаемыхъ руководителей предали военному суду и сослали на каторгу въ нездоровую колонію Кайенну. Луи Бланъ бѣжалъ за границу. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе запретило всѣ соціалистическія газеты. Партія соціалистовъ была совершенно разгромлена: когда кто-либо изъ немногихъ соціалистическихъ депутатовъ начиналъ говорить въ собраніи, его прерывали смѣхомъ или криками раздраженія. Не успѣло временное правительство вслѣдъ за революціей провозгласить свободу печати, какъ уже черезъ 5 мѣсяцевъ собраніе назначило строгія наказанія, тюрьмой и штрафами, за статьи, въ которыхъ будутъ нападенія на государственный порядокъ, а также на принципъ собственности и права семьи.

Вторая республика и соціальная реакція. Учредительное собраніе выработало республиканскую конституцію 1848 г. Очень длинная, она полна сантиментальныхъ фразъ. Начинается она словами: „передъ лицомъ Бога и во имя французскаго народа“. Затѣмъ говорится, что граждане обязаны любить отечество, братски помогать другъ другу, исполнять нравственный законъ. Но послѣ іюньскаго возстанія выраженіе о правѣ на трудъ рѣшили не вводить въ конституцію и ограничились неопредѣленнымъ обѣщаніемъ помощи неимущимъ въ предѣлахъ возможности. Всеобщей подачей голосовъ избирается единственная палата, имѣющая законодательную власть. Власть исполнительная передается президенту, избираемому на 4 года, посредствомъ прямого и всеобщаго голосованія; ему подчинена военная сила страны и отъ него зависитъ назначеніе министровъ, безъ вниманія къ распредѣленію партій въ со-

Digitized by Google

браніи. Эта постановка президентской власти была большой ошибкой. Въ Америкѣ сильная власть президента, избираемаго всенародной подачей голосовъ, уравновѣшивается самостоятельностью отдѣльныхъ штатовъ, тогда какъ во Франціи съ ея централизаціей, массой чиновниковъ, постояннымъ войскомъ—президентъ, избранный всѣмъ народомъ, могъ стать какъ бы популярнымъ диктаторомъ или монархомъ, гораздо болѣе авторитетнымъ, чѣмъ собраніе. Напрасно часть республиканцевъ предлагала замѣнить всенародное избраніе выборомъ президента палатой.

Умѣренные республиканцы выставляли своимъ кандидатомъ Каваньяка. Но у него совершенно неожиданно оказался противникъ, на которомъ сошлись многіе изъ недовольныхъ переворотомъ 1848 г., — принцъ Луи Бонапартъ, племянникъ Наполеона I, принявшій его имя. Со времени реставраціи имя Наполеона соединяло призывъ къ завоевательной политикѣ Франціи вмѣстѣ съ идеями демократіи. Тьеръ во время своего министерства въ 1840 г. старался удовлетворить это настроеніе въ средѣ французскаго общества между прочимъ перенесеніемъ останковъ Наполеона I съ о. св. Елены въ Парижъ. Племянникъ императора, считая себя наслѣдникомъ его дѣла, сдѣлалъ при Луи Филиппѣ двѣ попытки вступить на французскую почву и поднять въ свою пользу народъ. Попытки носили почти комическій характеръ, заговорщики брали съ собою ручного орла, чтобы возвѣщать побѣду, но во второй разъ Наполеонъ попалъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ 6 лѣтъ; за это время невольнаго досуга онъ выработалъ изложенные впослѣдствіи печатно взгляды подъ названіемъ „Наполеоновскихъ идей“. Здѣсь говорилось о равенствѣ и народномъ верховенствѣ, о всесильномъ избранникѣ народа и въ неопредѣленной формѣ излагались нѣкоторыя соціальныя мечтанія.

Весною 1848 г. Луи Наполеонъ вернулся во Францію и былъ избранъ депутатомъ сразу въ 5 департаментахъ. На немъ сошлись самые разнообразные интересы и ожиданія. Сторонники изгнанныхъ династій, считая Наполеона ничтожествомъ, видѣли въ немъ средство для возстановленія монархическаго устройства; онъ вызывалъ надежды всѣхъ, кто боялся соціализма и желалъ реакціи. Тьеръ, бывшій врагъ клерикализма (вліянія духовенства), примкнулъ теперь къ католикамъ и привлекъ ихъ партію на сторону новаго неопредѣленнаго кандидата. Въ результатѣ президентскихъ выборовъ, осенью 1848 года, Наполеонъ получилъ огромный перевѣсъ, $5^1/_2$ милліоновъ голосовъ изъ $6^1/_2$ милліон. (Каваньякъ отъ умѣренныхъ республиканцевъ $1^1/_2$ милл., Ледрю Ролленъ отъ радикаловъ нѣсколько сотъ тысячъ).

Новый президентъ пригласилъ министровъ изъ консервативныхъ партій, которыя доставили ему побѣду. Тотчасъ же реакція пошла полнымъ ходомъ. Католики настояли на отправкѣ французской арміи въ

Digitized by Google

Италію на помощь папѣ противъ возмутившихся его подданныхъ, образовавшихъ римскую республику. Это была прямая противоположность поддержкѣ революціонныхъ движеній въ Европѣ, которую провозгласили радикалы въ началѣ революціи 1848 г. Затѣмъ новое правительство повело, какъ выразился графъ Монталамберъ, римскую экспедицію „во внутрь“. Католики составляли теперь настолько сильную партію, что добились „свободы преподаванія“, т.-е. отдачи въ ихъ руки школъ. Они воспользовались общимъ страхомъ передъ „разрушительными“ идеями соціализма. Тьеръ объявилъ себя въ пользу католическаго школьнаго закона: „отъ соціализма спасти можетъ только катехизисъ!“ Первоначальный проектъ о даровомъ и обязательномъ обученіи былъ отвергнутъ; консерваторы въ палатѣ не довѣряли свѣтскимъ учителямъ; министръ народнаго просвѣщенія, ревностный католикъ, назвалъ ихъ чиновниками соціалистической республики, а Ламартинъ прибавилъ, что они распространяютъ нелѣпыя „противообщественныя“ теоріи.

Законъ 1850 г. предоставилъ правительству удалять учителей безъ объясненія причинъ; священники получили надзоръ за народной школой; подъ видомъ свободы преподаванія было ограничено право государства завѣдовать учебными заведеніями; частныя лица пріобрѣли право открывать гимназіи и низшія школы. Этимъ правомъ воспользовались богатыя конгрегаціи, т.-е. духовные ордена, среди которыхъ выступили и іезуиты. Городскія управленія могли на выборъ открывать свѣтскія или духовныя училища. Франція быстро покрылась католическими школами; все женское образованіе перешло въ руки монахинь.

Консерваторы и католики въ своей борьбѣ противъ революціонныхъ началъ рѣшили „очистить всеобщее избирательное право“. Тьеръ говорилъ, что нельзя отдавать рѣшеніе государственныхъ дѣлъ въ руки „подлой толпы“. По закону того же 1850 г. избирательное право сохраняли лишь люди, пробывшіе не менѣе трехъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ; исключались отъ пользованія имъ осужденные за оскорбленіе властей, за участіе въ тайныхъ обществахъ. Этотъ законъ устранялъ отъ выборовъ и голосованій массу рабочихъ, вынужденныхъ часто передвигаться по характеру своихъ занятій, и большинство радикальныхъ вождей, на которыхъ полиція положила опалу; онъ вообще уменьшилъ число избирателей на 3 милліона.

Бонапартистскій переворотъ и вторая имперія. Сторонники реакціи дѣйствовали въ теченіе 2 лѣтъ въ согласіи съ президентомъ противъ республиканцевъ: они не замѣтили, что вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаютъ его власть. Луи Наполеонъ старался заполнить должности своими сторонниками и расположить къ себѣ армію. Во время его поѣздокъ по провинціямъ устраивались манифестаціи, участники которыхъ кричали: „да здрав-

Digitized by Google

ствуетъ императоръ!“ Конституція воспрещала переизбраніе президента республики на второе четырехлѣтіе. Когда бонапартисты предложили отмѣну этой статьи, въ палатѣ не оказалось въ пользу нихъ такого значительнаго большинства, которое требовалось для измѣненія конституціи. Тогда Наполеонъ объявилъ себя въ пользу всенароднаго голосованія по этому вопросу и сталъ готовить переворотъ.

2 декабря 1851 г. онъ приказалъ арестовать и выслать 80 враждебныхъ ему депутатовъ, между ними Тьера, Каваньяка и нѣсколькихъ радикаловъ; Парижъ и окрестности были приведены въ осадное положеніе. Президентъ обратился къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ объявлялъ о распущеніи палаты, возстановленіи всеобщаго избирательнаго права и предлагалъ высказаться общимъ плебисцитомъ въ пользу его переизбранія.

Трехлѣтняя реакція разстроила демократическія группы, и сопротивленія съ ихъ стороны не было. Нѣсколько радикальныхъ депутатовъ обошли предмѣстья и старались возбудить рабочихъ къ баррикадному бою, но почти никто не тронулся. Депутату Бодэну, погибшему потомъ въ перестрѣлкѣ, рабочій замѣтилъ: „стоитъ намъ биться изъ-за вашихъ 25 франковъ“ (суточные, выдававшіеся депутатамъ). Наполеоновскіе солдаты безпрепятственно прошли по улицамъ и стрѣляли въ безоружную толпу. Нѣсколько серьезнѣе было движеніе въ провинціяхъ. Во многихъ мѣстахъ мелкій, преимущественно деревенскій, людъ, ремесленники, винодѣлы, батраки, низшіе служащіе, подъ вліяніемъ вражды къ начальству, собственникамъ, сборщикамъ податей, составляли тайные союзы и платили взносы на организацію возстанія. Переворотъ 2 декабря далъ толчокъ ихъ движенію: въ нѣкоторыхъ городахъ юга и востока появились вооруженныя группы изъ деревень съ краснымъ знаменемъ и произвели демонстраціи, испугавшія состоятельные классы.

Эти движенія были подавлены правительствомъ; опять вся армія направляемыхъ изъ центра чиновниковъ оказалась послушнымъ его орудіемъ: префектамъ было предписано задерживать членовъ тайныхъ обществъ: ихъ судили на мѣстѣ комиссіи, составленныя изъ самого префекта, прокурора и военнаго генерала; въ закрытыхъ засѣданіяхъ этихъ судовъ не было ни защитниковъ, ни свидѣтелей; принимались только показанія мѣстныхъ властей, внушенныя страхомъ или желаніемъ выслужиться; изъ арестованныхъ болѣе 25.000—почти половина—были отправлены въ Кайену, которой боялись хуже смерти. Состоятельная буржуазія и землевладѣльцы, всѣ, кто избавились отъ страха передъ тайными союзами и соціализмомъ, были довольны и привѣтствовали благодарственными адресами Наполеона за „спасеніе общества“. Крестьяне-владѣльцы стали злѣйшими врагами соціализма, въ которомъ они видѣли страшный для нихъ „передѣлъ земли“.

Digitized by Google

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій и при усиленномъ давленіи со стороны администраціи производился плебисцитъ. Множество людей воздержалось отъ голосованія; $7^1/_2$ милліоновъ высказались за переворотъ противъ 650.000. Плебисцитъ заключалъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе новой конституціи, которую скопировали съ такъ наз. конституціи VIII года. Опять вводились законодательный корпусъ, сенатъ и государственный совѣтъ; первый, безъ права вносить предложенія и измѣнять законы, лишь голосующій предложенія правительства, составлялся изъ небольшого сравнительно числа депутатовъ; при ихъ избраніи правительство взяло обыкновеніе выставлять официальныя кандидатуры, т.-е. рекомендовать избирателямъ своихъ людей и брать на себя расходы по ихъ избранію; всякое избирательное собраніе для выясненія программъ и личности кандидатовъ было запрещено, какъ „посягательство на свободу избирателей“, т.-е., иначе говоря, избирателей и независимыхъ кандидатовъ осудили на полное молчаніе; выборами руководили мэры (головы въ общинахъ), которыхъ опять стало назначать правительство. Засѣданія палатъ были закрытыя, и пренія не могли появляться въ печати. Газеты были вообще крайне стѣснены: для ихъ изданія требовался высокій залогъ; статьи, вредныя по мнѣнію правительства, вызывали предостереженія, за двумя предостереженіями слѣдовало закрытіе. Проступки печати были отъ суда присяжныхъ переданы полицейскому разбирательству. Театръ былъ также строжайше стѣсненъ. Для того, чтобы слѣдить за общественнымъ настроеніемъ, пресѣкать заговоры и улавливать выраженія недовольства, было учреждено министерство полиціи; нити его проникали всюду, его тайные агенты, набранные большею частью изъ корсиканцевъ, выслѣживали самыя интимныя стороны частной жизни. Черезъ годъ послѣ переворота, 2 декабря 1852 года, президентъ получилъ отъ сената титулъ императора французовъ Наполеона III (Наполеономъ II считался рано умершій сынъ Наполеона I). И на этотъ разъ была продѣлана комедія плебисцита.

Общественный и политическій бытъ Франціи былъ откинутъ далеко назадъ за революціи 1848 и даже 1830 гг. Въ предшествующія десятилѣтія вмѣстѣ съ демократическими началами появились въ средѣ самой буржуазіи соціалистическія идеи; но когда онѣ на практикѣ обратились въ требованія возставшихъ рабочихъ, большая часть состоятельныхъ классовъ, испугавшись четвертаго сословія, стала искать спасенія въ реакціи. Реакція привела къ двумъ явленіямъ, принижавшимъ духовный обликъ страны: къ отдачѣ просвѣщенія въ руки католической партіи и къ потерѣ политической свободы. То и другое на 20—25 лѣтъ задержало развитіе французскаго народа.

Digitized by Google

IX.

Революція 1848—9 годовъ въ Италіи, Германіи и Австріи.

Національное движеніе въ Италіи. Одновременно съ французской революціей 48-го года и отчасти подъ вліяніемъ даннаго ею толчка произошли перевороты въ Италіи, Германіи и австрійскихъ земляхъ.

Въ Италіи, послѣ неудачныхъ попытокъ карбонаровъ въ началѣ 20-хъ годовъ, наступило затишье: старыя революціонныя партіи были разстроены. Но надолго старый порядокъ не могъ удержаться; онъ расходился съ интересами образованныхъ круговъ общества. Жизнь, протекавшая въ кругу мелкихъ государствъ, съ придирчивой полиціей и цензурой, отличалась бѣдностью и узостью содержанія. Людямъ таланта, знанія и энергіи негдѣ было приложить силы: итальянскіе университеты были полны живой массы студентовъ, но, по выходѣ, имъ была закрыта всякая сколько-нибудь самостоятельная дѣятельность: мѣстнаго самоуправленія и общаго представительства не существовало, журналы и газеты были до крайности стѣснены, крупныхъ общественныхъ работъ не возникало: ни публицистамъ, ни политикамъ-администраторамъ, ни техникамъ не открывалось простора. Промышленность также была связана; въ странѣ, перерѣзанной горными цѣпями и отдѣленной горами отъ остальной Европы, было бы очень важно возвести крупныя дорожныя сооруженія; но ихъ устройству мѣшала политическая раздробленность; торговый обмѣнъ былъ затрудненъ таможенными границами и пошлинами. Особенно страдалъ отъ этого густо населенный промышленный сѣверъ Италіи, т.-е. области Сардинскаго королевства и Ломбардія, принадлежавшая Австріи.

Самые различные интересы приводили къ одному общему желанію и призыву: Италія должна быть объединена, должна принадлежать себѣ, а не служить выгодамъ иностранцевъ, должна имѣть свободныя учрежденія. Движеніе къ этой цѣли, горячо выражавшееся въ итальянской литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ, получило названіе „воскресенія“ (risorgimento). Формы его были весьма разнообразны. Въ болѣе образованныхъ сѣверныхъ областяхъ, Пьемонтѣ, Ломбардіи, Тосканѣ, возникли съѣзды ученыхъ, натуралистовъ и техниковъ, на которыхъ очень скоро отъ вопросовъ улучшенія земледѣлія и мануфактуры, изученія географіи и исторіи Италіи, перешли къ обсужденію экономическихъ и политическихъ темъ. Для объединенія промышленныхъ интересовъ казалось крайне желательнымъ устройство общеитальянскаго таможеннаго союза, въ который вошли бы всѣ государства, при чемъ должны были исчезнуть пошлины, отгораживавшія ихъ одно отъ другого. На съѣздахъ

Digitized by Google

указывалось, какъ важно провести желѣзныя дороги, которыя бы связали различныя мѣстности, раздѣленныя протяженіемъ и естественными преградами: легкость сношеній повела бы къ сближенію интересовъ, рельсовые пути, какъ выразился одинъ патріотъ, помогли бы „спить нашъ сапогъ“. Ученые, литераторы, художники хотѣли распространить просвѣщеніе, любовь къ общему итальянскому языку, національной поэзіи, искусству. Желанное объединеніе казалось святымъ дѣломъ, великимъ завѣтомъ, который дала Италіи ея исторія. Какъ во Франціи возродившееся католичество соединилось съ демократическими началами, такъ въ Италіи оно сблизилось съ освободительнымъ и національнымъ движеніемъ; большая часть итальянскихъ революціонеровъ были вѣрующіе католики. Всего болѣе горячо религіозное одушевленіе высказалось у Мадзини, генуэзца, публициста, сидѣвшаго въ пьемонтской тюрьмѣ и бѣжавшаго за границу: для него свобода — самый святой и дорогой даръ, какой только человѣкъ получаетъ отъ Бога; бороться за свободу — значитъ исполнять Божью волю.

Національно-освободительное движеніе въ Италіи охватывало средніе зажиточные классы: профессоровъ, адвокатовъ, врачей, техниковъ, офицеровъ, частью промышленниковъ и менѣе землевладѣльцевъ. Рабочіе и крестьяне не примыкали къ нему; среди низшихъ классовъ только болѣе подвижные моряки и портовое населеніе Генуи и Ливорно, а также Сициліи принимали участіе въ возстаніяхъ. Вообще сѣверъ Италіи занялъ выдающееся мѣсто во всемъ движеніи до полнаго объединенія страны въ 1870 г.: здѣсь рѣзче дѣйствовало близкое сосѣдство ненавистнаго австрійскаго управленія; здѣсь офицерство было болѣе образовано и предпріимчиво, населеніе сидѣло плотнѣе: оно испытывало больше затрудненій въ добываніи средствъ пропитанія, и даже многіе должны были выселяться. Здѣсь, наконецъ, находилось самое сильное государство, Пьемонтъ, съ крупной арміей, которое могло взять въ свои руки борьбу съ иностранцами. Всѣ дѣятели объединенія, политики, литераторы, военные, Мадзини, Кавуръ, Гарибальди, Джоберти и др., были родомъ съ Ривьеры (берегъ Генуэзскаго залива), изъ Пьемонта или Тосканы.

Представленія о томъ, какъ произойдетъ объединеніе Италіи, были очень неясны: Италія находилась въ раздробленіи 13 столѣтій, всегда была предметомъ спора между чужеземцами и всегда видѣла у себя чужое господство: исторія ея не давала никакого указанія на способъ объединенія. Поэтому мнѣнія очень расходились. Пьемонтскій священникъ Джоберти, бѣжавшій во Францію, произвелъ сильное впечатлѣніе своей книгой о „нравственномъ и гражданскомъ первенствѣ итальянцевъ“, гдѣ онъ доказывалъ, что Италія самимъ Провидѣніемъ предназначена быть средоточіемъ человѣчества; страна должна быть объеди-

Digitized by Google

иена для этого, и во главѣ ея станетъ папа, который будетъ вождемъ Италіи и всего міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Джоберти и еще болѣе другіе писатели указывали на сардинскаго короля, какъ главнаго поборника противъ иноземцевъ. Многіе представляли себѣ объединеніе Италіи въ видѣ федераціи съ сохраненіемъ самыхъ сильныхъ государствъ и проведеніемъ въ нихъ либеральныхъ реформъ. Это былъ взглядъ умѣренныхъ.

Болѣе рѣшительные примыкали къ Мадзини, который видѣлъ спасеніе въ полномъ объединеніи Италіи и обращеніи ея въ демократическую республику. Съ цѣлью вербовки сторонниковъ демократіи Мадзини образовалъ за границей общество Молодой Италіи. Онъ скоро расширилъ свою дѣятельность и сталъ побуждать эмигрантовъ изъ другихъ странъ къ устроенію подобныхъ же обществъ, Молодой Германіи, Молодой Польши и т. п. Всѣ они составили Молодую Европу, общество подъ управленіемъ центральнаго комитета, которое ставило себѣ цѣлью освободить всѣ страны отъ монархическихъ правительствъ и устроить всюду демократическія республики; изъ республикъ долженъ былъ образоваться братскій союзъ.

Итальянскія правительства относились къ движенію очень недовѣрчиво: они боялись сильной Австріи, не хотѣли дѣлать и конституціонныхъ уступокъ, но они отчасти поневолѣ должны были пойти за движеніемъ.

Въ 1846 г. умеръ суровый реакціонный папа Григорій XVI. Преемникомъ ему избрали Пія IX, который былъ извѣстенъ за врага Австріи и вызывалъ надежды націоналистовъ, раздѣлявшихъ идеи Джоберти. Пій IX далъ амнистію осужденнымъ за политическіе проступки, смягчилъ цензуру, завелъ въ Римѣ національную гвардію и составилъ государственный совѣтъ изъ свѣтскихъ лицъ, тогда какъ раньше все управленіе было въ рукахъ духовенства. Подобныя же реформы были проведены въ Тосканѣ и въ сардинскомъ королевствѣ. Но онѣ почти никого не удовлетворили: всюду требовали изгнанія іезуитовъ, конституціоннаго устройства, борьбы съ австрійцами.

Революція въ Италіи. Пока правительства колебались, начались движенія революціонныя. Въ Сициліи сторонники конституціи призвали народъ къ оружію, выстроили въ Палермо баррикады и заставили войска отступить съ самаго острова: было образовано временное правительство и провозглашена конституція 1812 г. Въ Миланѣ и Венеціи произошли возстанія противъ австрійцевъ (начало 1848 г.). Это послужило окончательнымъ толчкомъ и для правительствъ четырехъ большихъ государствъ Италіи: короли сардинскій и неаполитанскій и герцогъ тосканскій ввели у себя конституціи, похожія на французскую хартію; даже папа согласился на устройство двухъ палатъ, не уничтоживъ, впрочемъ, высшаго совѣта кардиналовъ. Затѣмъ сардинскій король Карлъ Аль-

Digitized by Google

бертъ отправилъ свою армію въ Ломбардію, чтобы поддержать возстаніе противъ австрійцевъ. Къ нему примкнули отряды изъ Тосканы, Рима и Неаполя. Ломбардцы произвели у себя всенародное голосованіе и высказались огромнымъ большинствомъ за присоединеніе къ сардинскому королевству.

Но скоро обнаружилось непримиримое противорѣчіе умѣренныхъ и республиканцевъ. Столкновеніе между ними и военная неудача сѣверной Италіи въ борьбѣ противъ австрійцевъ привели къ крушенію всей итальянской революціи 1848 г. Въ Римѣ и Тосканѣ республиканцы потребовали учредительнаго собранія и заставили бѣжать папу и герцога. Римъ сталъ республикой съ временнымъ правительствомъ изъ трехъ лицъ, между ними Мадзини; онъ обратился ко всей Италіи съ предложеніемъ избрать депутатовъ въ общее учредительное собраніе и провозгласить итальянское единство. Папа въ то же время обратился съ протестомъ и просьбой о помощи къ европейскимъ державамъ.

Иностранныя силы въ свою очередь оказали главную поддержку реакціи въ Италіи. Австрійскій генералъ Радецкій разбилъ войско Карла Альберта и возстановилъ господство Австріи въ Ломбардіи и Венеціи; отряды австрійцевъ вступили въ Тоскану и другія области середины Италіи. Всѣ конституціонныя пріобрѣтенія были уничтожены; австрійцы устроили военные суды надъ возставшими, отняли у бѣжавшихъ революціонеровъ имущества, возстановили тѣлесное наказаніе. Та же Австрія вмѣстѣ съ Франціей обѣщала военную помощь папѣ. Французскіе клерикалы побудили президента Луи Наполеона, противъ желанія республиканцевъ, отправить отрядъ для возстановленія власти папы. Нѣкоторое время римскіе добровольцы подъ начальствомъ Гарибальди отбивали осаду; но ихъ было мало, французы взяли городъ и возстановили папу, который уничтожилъ всѣ дарованныя раньше вольности. Въ это же время неаполитанскій король, при помощи швейцарскаго наемнаго отряда, сломилъ сицилійское возстаніе и также уничтожилъ конституцію въ своихъ владѣніяхъ.

Въ разгромѣ 1849 г. только одно государство сохранило конституцію. Въ сардинскомъ королевствѣ нерѣшительный Карлъ Альбертъ послѣ неудачной войны отрекся отъ престола. Его преемникъ, Викторъ Эмануилъ II, передалъ управленіе вождю умѣренныхъ, графу Кавуру, много лѣтъ прожившему за границей и проникшемуся политическими и экономическими взглядами французской и нѣмецкой буржуазіи. Кавуръ старался развить вывозъ сѣверной Италіи; съ этою цѣлью онъ входилъ въ торговыя соглашенія съ другими странами и поднялъ генуэзскій флотъ. Армія была увеличена и преобразована по образцу Пруссіи. Чтобы покрыть траты, Кавуръ рѣшилъ обложить налогомъ церковныя имущества и главнымъ образомъ забрать въ казну огромное количество

Digitized by Google

совершенно безполезныхъ монастырей. Папа грозилъ королю отлученіемъ, но это не помѣшало закрыть болѣе 330 монастырей. Кавуръ въ то же время ставилъ цѣлью вдвинуть небольшое сардинское королевство въ среду вліятельныхъ державъ: онъ принялъ участіе въ затѣянной Наполеономъ III войнѣ противъ Россіи (крымской кампаніи), а затѣмъ въ Парижскомъ конгрессѣ, созванномъ въ 1856 г. для общеевропейскаго замиренія.

Въ лицѣ Кавура національно-объединительное движеніе стало на новый путь сравнительно съ „воскресеніемъ" 40-хъ годовъ. Тогда за полное объединеніе были почти одни республиканцы; оно представлялось въ видѣ общаго порыва, общаго возстанія. Кавуръ и умѣренные націоналисты начали готовить войну за объединеніе, напрягать для этой цѣли платежныя силы страны; стараясь сдѣлать ее сильной, т.-е. военной державой, они ввели небольшое сѣверное итальянское королевство въ крупную европейскую политику. Они содѣйствовали также развитію производительности страны и вступили въ столкновеніе со старой отсталой силой, католической церковью.

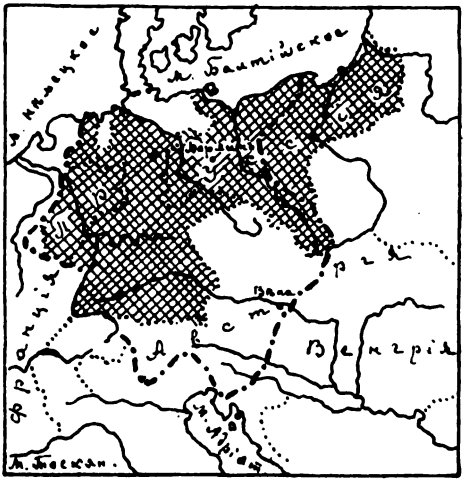
Національное движеніе въ Германіи. Несмотря на высокое развитіе просвѣщенія въ Германіи, въ ней было очень слабо либеральное и демократическое движеніе вплоть до 40-хъ годовъ. Два выдающихся писателя, евреи по происхожденію, Бёрне и Гейне, первый—демократъ-публицистъ, второй—свободомыслящій поэтъ, вынуждены были уѣхать изъ Германіи. Они поселились въ Парижѣ, сблизились съ французскими демократами и республиканцами, осмѣивали узкое нѣмецкое филистерство (мѣщанство) и старались вызвать въ своихъ соотечественникахъ увлеченіе болѣе богатой культурой Франціи. Гейне писалъ о 1830 годѣ: „Святые іюльскіе дни! Кто пережилъ ихъ, тотъ не плачетъ больше на старыхъ могилахъ, а вѣритъ восторженно въ воскресеніе народовъ!.." Свобода—это новая религія, французы—избранный народъ этой религіи". На родинѣ ихъ поддерживала небольшая группа писателей „Молодой Германіи". Большинство общества относилось недовѣрчиво къ движеніямъ, происходившимъ во Франціи и въ Англіи.

Съ тридцатыхъ годовъ въ Германіи начинается объединительное движеніе, подобное итальянскому. Оно возникаетъ главнымъ образомъ среди промышленнаго бюргерства. Въ Германіи промышленное развитіе отстало сравнительно съ Англіей и Франціей; крупная индустрія и машинное производство развивались туго; мануфактурные продукты готовились мелкими ремесленниками и кустарями; фабричныхъ рабочихъ было мало. Прусскій ученый чиновникъ мануфактурнаго вѣдомства, посѣтившій въ 20-хъ годахъ Манчестеръ, вынесъ впечатлѣніе чего-то фантастическаго: „Чудесами нашего времени показались мнѣ машины и помѣ-

Digitized by Google

щенія для нихъ, называемыя фабриками. На высокихъ мѣстахъ, господствующихъ надъ мѣстностью, стоятъ громадные ящики въ 8 и 9 этажей по 40 оконъ въ длину; прибавьте цѣлый лѣсъ высочайшихъ трубъ, похожихъ на иглы, такъ что непонятно, какъ онѣ стоятъ; особенно изумителенъ видъ ночью, когда тысячи оконъ блестятъ газовымъ освѣщеніемъ".

Несмотря на узкость интересовъ въ предѣлахъ мелкихъ государствъ, одно обстоятельство очень живо чувствовалось людьми, стоявшими близко къ торговлѣ: это именно множество таможенныхъ границъ, раздѣлявшихъ всѣ разбросанныя и отчасти переплетенныя между собою государства. Пруссія, владѣнія которой пересѣкались въ серединѣ мелкими самостоятельными областями, чувствовала въ особенности тяжесть таможеннаго раздробленія. Она вступила въ договоръ со своими сосѣдями, и въ 1834 году образовался *таможенный союзъ* (Zollverein), къ которому примкнули постепенно всѣ германскія государства, кромѣ Австріи; внутреннія пошлины при переѣздѣ изъ одной страны въ другую были отмѣнены; одна общая таможенная граница охватила всю Германію.



— . — . — Германскій союзъ послѣ 1815 года. Клѣточками показанъ таможенный союзъ къ началу 50-хъ годовъ (заключающій въ себѣ почти всю будущую объединенную Германію).

Это былъ важный шагъ къ объединенію. Сторонники широкаго промышленнаго развитія Германіи хотѣли дальнѣйшихъ мѣръ на этомъ пути. Фридрихъ Листъ (1789—1846), южанинъ, бывшій профессоръ и депутатъ въ Вюртембергѣ, сидѣвшій въ тюрьмѣ и высланный за оппозицію правительству, потомъ жившій въ Америкѣ и Франціи, въ свое время сильно хлопоталъ въ пользу таможеннаго союза. По возвращеніи своемъ въ 30-хъ годахъ въ Германію Листъ настоятельно заговорилъ о необходимости развитія *національной германской промышленности*. Онъ возставалъ противъ ученія Адама Смита о свободномъ международномъ обмѣнѣ и индивидуальной свободѣ: общечеловѣческіе интересы слишкомъ неопредѣленны, личные узки и случайны; настоящей живой средой съ взаимно-переплетающимися стремленіями можетъ быть только нація; наука политической экономіи поэтому должна была называться „національ-

Digitized by Google

ной экономіей". Благосостояніе націи не оттого возрастаетъ, что она накопитъ много богатствъ обмѣномъ, а оттого, что она разовьетъ свои производительныя силы. Эти силы зависятъ не только отъ трудолюбія, образованости отдѣльныхъ лицъ, отъ наличности естественныхъ силъ и капиталовъ въ странѣ, но также отъ общественнаго и политическаго устройства, которое создаетъ самостоятельность и могущество націи. Листъ горячо рекомендовалъ постройку желѣзныхъ дорогъ; для поднятія отечественной промышленности нужно, по его мнѣнію, отказаться отъ началъ свободной торговли и ввести покровительственныя пошлины.

Германскій радикализмъ въ политикѣ и философіи. Такое измѣненіе могло бы провести только сильное государство, объединивши всю націю. На Австрію нечего было разсчитывать: ея интересы лежали большею частью на востокѣ, далеко за предѣлами Германіи; вся ея политика была направлена на поддержаніе раздробленности и слабости германскихъ областей. Оставалась Пруссія, у которой были къ тому же крупныя военныя силы, чтобы заставить несогласныхъ войти въ союзъ и защищать потомъ единую Германію. Но либералы и демократы не могли примириться съ отсталымъ строемъ этого государства; весь югъ, гдѣ уже съ 1815 г. дѣйствовали конституціи, былъ противъ Пруссіи. Сторонники объединенія по большей части составили радикальную республиканскую партію: они думали объединить Германію на основѣ началъ народнаго верховенства: главнымъ объединяющимъ учрежденіемъ долженъ служить общегерманскій парламентъ изъ представителей всѣхъ областей.

Демократическое направленіе въ политикѣ поддерживалось радикализмомъ въ наукѣ и философіи. Ученіе Гегеля служило при жизни его оправданіемъ существующаго строя и господствующихъ понятій. Но послѣ его смерти приверженцы раздѣлились. Въ то время, какъ правые гегельянцы находили, что „абсолютный духъ", т.-е. сознаніе человѣчества, достигъ высшей точки развитія и дальше ему идти некуда, лѣвые считали періодъ критики неоконченнымъ. Въ самомъ *діалектическомъ* методѣ Гегеля они находили орудіе дальнѣйшей критики: ни одно убѣжденіе не можетъ имѣть притязанія на вѣчность, понятія постоянно развиваются, всякое положеніе (тезисъ), дойдя до крайности, вызываетъ отрицаніе (антитезисъ); изъ столкновенія противоположностей вырабатывается высшее положеніе (синтезъ), которое въ свою очередь является началомъ новаго движенія идей. Всякая ступень развитія, всякая форма общества необходима и оправдывается условіями своего времени; но она должна пасть передъ высшими требованіями, которыя постепенно вырабатываются въ ея собственномъ существѣ.

Примыкая къ ученію лѣвыхъ гегельянцевъ о непрерывномъ разви-

Digitized by Google

тіи, Фейербахъ (особенно въ „Сущности христіанства“) доказывалъ, что господство религіозныхъ системъ надъ умами кончилось; полная свобода сознанія указываетъ человѣку высшую цѣль въ самомъ себѣ и въ земной жизни, внѣ которой другой не существуетъ. „Богъ былъ моей первой мыслью, разумъ—моей второй, человѣкъ—третьей и послѣдней мыслью“. Земля—та область, съ которой ни одно ей принадлежащее существо никогда не будетъ отпущено“. Фейербахъ опредѣлилъ свою задачу такъ: „сдѣлать молодое поколѣніе изъ друзей божіихъ друзьями человѣческими, изъ вѣрующихъ мыслителями, изъ молельщиковъ работниками, изъ кандидатовъ загробнаго міра студентами земного, изъ христіанъ, которые, по собственному исповѣданію, наполовину звѣри, наполовину ангелы, сдѣлать цѣльныхъ настоящихъ людей“.

Одинъ изъ лѣвыхъ гегельянцевъ, Руге, просидѣвшій 6 лѣтъ въ крѣпости за участіе въ студенческомъ союзѣ, примѣнилъ діалектику Гегеля къ ученію о развитіи политическихъ формъ. Тогда какъ Гегель видѣлъ въ прусскомъ государственномъ строѣ высшую ступень развитія духа, Руге считалъ таковымъ демократическое устройство со свободой слова, судомъ присяжныхъ и т. д. и находилъ, что оно ближе всего къ осуществленію во Франціи. Руге основалъ нѣмецкій радикальный журналъ въ Парижѣ и старался привлечь къ участію въ немъ французскихъ республиканцевъ. Такъ же, какъ во Франціи, германская радикальная партія обратила вниманіе на положеніе рабочихъ.

Развитіе индустріи въ Германіи и начало соціализма. Въ 40-хъ годахъ въ Германіи начинается промышленный переворотъ, запоздавшій сравнительно съ Англіей на 60 лѣтъ, съ Франціей—на 30 лѣтъ. Какъ и всюду, переворотъ сопровождался болѣзненными, тяжелыми явленіями въ народной жизни. Большіе заводы и фабрики развивались главнымъ образомъ въ двухъ областяхъ съ особенно густымъ населеніемъ и вблизи каменноугольныхъ залежей, въ Рейнской области и въ Силезіи, въ первой — желѣзное и стальное производство, во второй — мануфактура, прядильная и ткацкая. Уже раньше силезскіе кустари, наполовину крестьяне, обязанные, кромѣ всего, повинностями на помѣщиковъ, не могли выдерживать конкуренціи иностранной, особенно англійской, мануфактуры, работавшей машинами; какъ выразился одинъ современникъ, они едва оплачивали соль для своей похлебки; прядильная машина работала въ 500 разъ скорѣе ручного способа и до крайности обезцѣнивала устарѣлые виды труда. Введеніе машинъ въ Германіи съ 40-хъ годовъ быстро и окончательно разстроило бытъ массы мелкихъ деревенскихъ работниковъ. Къ тому же хлопчатобумажное производство вытѣснило въ значительной степени старое полотняное, которымъ кормились прежніе прядильщики и ткачи. По Силезіи нѣсколько разъ проходилъ

Digitized by Google

жестокій голодъ, сопровождавшійся эпидеміей голоднаго тифа, отъ котораго люди умирали тысячами.

Доведенные до отчаянія дороговизной хлѣба, страшной смертностью дѣтей, безысходностью условій работы, силезскіе рабочіе такъ же, какъ ихъ сосѣди въ Богеміи, поднимались въ безплодныхъ возстаніяхъ, ломали машины, разрушали фабричныя зданія, уничтожали дѣловыя книги. Прусское и австрійское правительства подавляли безпорядки военной силой; мѣры, принимавшіяся къ исправленію тяжелыхъ матеріальныхъ условій, были слабы: въ голодный годъ продавали хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, устраивали общественныя работы, но основныхъ сторонъ въ положеніи рабочихъ не затрогивали. Главную цѣль вмѣшательства государства видѣли въ поддержаніи внѣшняго порядка; въ городахъ, куда во время безработицы и голода стекалось много бездомнаго, безпріютнаго люда, администрація оберегала состоятельные классы отъ этого „опаснаго элемента“, очищала улицы отъ скопленія его выстрѣлами, сажала схваченныхъ въ тюрьмы.

Бюргеры по большей части не видѣли въ рабочихъ своихъ враговъ; напротивъ, имъ казалось, что у нихъ общій противникъ—правительство и старый полицейскій порядокъ, который оно поддерживаетъ и отъ котораго главнымъ образомъ происходятъ бѣдствія простого народа. Но уже теперь, немногіе правда, публицисты указывали на совершенно особый характеръ интересовъ рабочаго пролетаріата и на то, что его бѣдствія—результатъ не государственнаго, а общественнаго устройства.

Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Руге, также лѣвый гегельянецъ, нѣмецкій эмигрантъ Карлъ Марксъ (1818—83) вмѣстѣ съ другомъ своимъ Энгельсомъ усвоили ученія французскаго соціализма, особенно Луи Блана, и ознакомились близко съ исторіей и современнымъ бытомъ англійскихъ рабочихъ, что имъ дало основаніе судить о дальнѣйшей судьбѣ пролетаріевъ въ другихъ странахъ. Въ Лондонѣ возникли съѣзды эмигрантовъ-соціалистовъ и образовался союзъ съ цѣлью „низвергнуть буржуазію, дать господство пролетаріату, уничтожить старое гражданское общество, основанное на противоположности классовъ, и основать новое общество безъ классовъ и безъ частной собственности“. По порученію этого союза Марксъ и Энгельсъ составили „Коммунистическій манифестъ“ къ рабочимъ, вышедшій въ февралѣ 1848 г. передъ самой европейской революціей.

Вся исторія человѣчества представлена здѣсь въ видѣ *борьбы классовъ*. Въ послѣднее время, въ эпоху буржуазіи, противоположность классовъ упростилась. Все общество раскололось на два враждебныхъ лагеря: буржуазію и пролетаріатъ. Буржуазія, т.-е. капиталъ, заинтересована въ распространеніи обмѣна по всей землѣ и въ развитіи индустріи.

Digitized by Google

Но по мѣрѣ возрастанія промышленности растетъ и пролетаріатъ, главный дѣятель производства. Различіе въ работѣ и въ вознагражденіи стирается вслѣдствіе машиннаго производства, и пролетаріи сходятъ все болѣе и болѣе на самый низкій уровень существованія. Но они также соединяются все въ большія и большія массы, ихъ ассоціація растетъ, и они все болѣе приходятъ къ сознанію своей силы. Чѣмъ дальше развивается индустрія, тѣмъ болѣе изъ-подъ ногъ буржуазіи ускользаетъ основа, на которой она производитъ и присваиваетъ себѣ производимое; первымъ дѣломъ она „производитъ себѣ могильщика“. Ея гибель и торжество пролетаріата неотвратимы. Манифестъ заканчивался призывомъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, объединяйтесь!“

Такъ же, какъ и въ Италіи, германское національное и освободительное движеніе усилилось съ половины 40-хъ годовъ и обратилось въ революцію подъ вліяніемъ толчка, даннаго февральскимъ переворотомъ 1848 г. во Франціи.

Мартовская революція въ Пруссіи. Съ 1840 г. въ Пруссіи правилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, съ романтическими взглядами, склонностью къ красивымъ рѣчамъ и данными для психическаго разстройства (онъ кончилъ сумасшествіемъ). Эти личныя черты короля внесли много тяжелой путаницы въ ходъ политики. Въ то время, какъ къ нему обращались съ напоминаніемъ о созывѣ народныхъ представителей, онъ выражался презрительно о верховенствѣ народа, о „бумажныхъ конституціяхъ“, тогда какъ самъ онъ получилъ „корону въ ленъ отъ Бога“, требовалъ строгаго соблюденія границъ между сословіями, такъ какъ онѣ положены самой природой, и т. п. Считая христіанство затронутымъ новой философіей, король снова началъ преслѣдованіе журналовъ и университетскаго преподаванія. Но послѣ обычнаго въ Пруссіи долгаго обсужденія въ комиссіяхъ Фридрихъ Вильгельмъ IV рѣшился на нѣкоторую реформу и составилъ изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній Соединенный ландтагъ (1847). Это общее собраніе сохраняло сословный характеръ; надъ нимъ была еще поставлена палата господъ изъ принцевъ и аристократіи. Ландтагу предоставлялось только вотировать новые налоги и подавать петиціи; король сохранялъ за собой право, когда сочтетъ нужнымъ, совѣщаться съ нимъ о законахъ.

Эта запоздалая и слабая уступка никого не удовлетворила. Собравшійся въ Берлинѣ ландтагъ требовалъ производства правильныхъ выборовъ, признанія за нимъ права контролировать бюджетъ, свободы печати и отказалъ въ займѣ, котораго просилъ король. Ландтагъ распустили, и пока король колебался относительно новыхъ уступокъ, произошла революція, такъ наз. „мартовскіе дни“ въ Берлинѣ.

Въ городѣ были небольшія, но дѣятельныя вооруженныя революціон-

Digitized by Google

ныя группы изъ учащейся молодежи, рабочихъ и иностранныхъ эмигрантовъ, главнымъ образомъ поляковъ. Когда они стали собираться на митинги подъ впечатлѣніемъ парижскихъ происшествій, противъ нихъ начались военныя приготовленія; офицеры изъ среды заносчиваго прусскаго юнкерства грозили очистить улицы отъ „сброда“. Внезапно король, подъ впечатлѣніемъ общаго движенія во всей Германіи, обратился съ воззваніемъ къ народу, признавая необходимость введенія конституціоннаго устройства. Толпа собралась передъ дворцомъ и благодарила короля, вышедшаго на балконъ (18 марта 1848 года). Случайные выстрѣлы вызвали наружу все раздраженіе, какое накопилось у революціонеровъ противъ войскъ. Въ Берлинѣ произошло то же, что было нѣсколько разъ въ Парижѣ: баррикады, уличный бой, поддерживаемый небольшими воинственными радикальными группами. Войска однако уже стали одерживать верхъ, какъ король подъ вліяніемъ умѣренно-либеральныхъ бюргеровъ рѣшилъ остановить кровопролитіе. Онъ удовлетворилъ требованіе возставшихъ, чтобы были удалены солдаты изъ города, согласился на образованіе изъ гражданъ національной гвардіи и вышелъ съ обнаженной головой почтить умершихъ борцовъ за свободу, которыхъ толпа проносила мимо дворца. Затѣмъ онъ согласился принять настоящую конституцію съ парламентомъ, избираемымъ всеобщей подачей голосовъ, отвѣтственными министрами, гласнымъ судомъ присяжныхъ, равенствомъ правъ и отмѣной сословій, свободой личности и печати; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказался за національное объединеніе: „Пруссія отнынѣ принадлежитъ Германіи“.

Избранное всеобщей подачей голосовъ, Національное собраніе въ Берлинѣ состояло изъ трехъ партій: радикаловъ и республиканцевъ, преимущественно западныхъ областей по Рейну, „феодаловъ“, т.-е. сторонниковъ аристократическихъ привилегій, главнымъ образомъ изъ среды землевладѣльцевъ болѣе отсталаго востока, и умѣренно-либеральной партіи, которая надѣялась соединить конституцію въ Пруссіи съ національнымъ объединеніемъ Германіи. Послѣдніе имѣли большинство: подъ ихъ вліяніемъ выработана была конституція, похожая на французскую іюльской монархіи, но безъ ценза; была устроена національная гвардія изъ бюргеровъ, которая охраняла новый порядокъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ революціонеровъ. Собраніе закончило реформу освобожденія крестьянъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи, остановленную въ 1816 г. Рѣшено было „регулировать“ всѣ оставшіяся повинности, т.-е. произвести ихъ выкупъ для тѣхъ крестьянъ, на которыхъ онѣ еще лежали; послѣ первой реформы, освободившей болѣе состоятельныхъ, должны были оставаться неосвобожденными еще бѣднѣйшіе крестьяне, безлошадные. Но землевладѣльцы не пропустили даромъ тридцати лѣтъ реакціи: гдѣ

Digitized by Google

только возможно было, они успѣли отобрать у крестьянъ земли и перевести ихъ на положеніе наемныхъ рабочихъ. Когда пришла реформа 1848 г., она почти не застала крестьянъ-собственниковъ. Въ парламентѣ вовсе не коснулись положенія сельскихъ рабочихъ: землевладѣльцы были враждебны какой-либо перемѣнѣ въ этомъ отношеніи, а бюргеры остались равнодушны къ дѣлу. Такимъ образомъ въ большей части Пруссіи сохранился земельный строй, который сталъ слагаться въ XVIII в. и болѣе всего напоминалъ Англію: крупныя и среднія помѣстья съ наемнымъ трудомъ безземельныхъ людей.

Франкфуртскій общегерманскій парламентъ. Революція въ Пруссіи была только частью общегерманскаго движенія. Во всѣхъ германскихъ государствахъ вслѣдъ за февральской революціей въ Парижѣ стали собираться митинги, требовали свободы печати и общаго парламента. Союзный сеймъ уполномоченныхъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ, долженъ былъ исполнить требованіе предварительнаго съѣзда (Vorparlament) политическихъ дѣятелей и назначить общіе выборы по всѣмъ германскимъ областямъ, включая сюда почти всю Пруссію и западныя части Австріи. Правительства, испуганныя движеніемъ, не препятствовали выборамъ.

Во Франкфуртѣ сошелся парламентъ почти изъ 600 членовъ для выработки общегерманской конституціи. По характеру это собраніе было похоже на французское учредительное 1789 г. Въ большей части германскихъ областей не было до тѣхъ поръ политической жизни, и въ депутаты преимущественно выбирали людей, выступавшихъ въ литературѣ за объединеніе и свободу, профессоровъ, писателей. Въ собраніи очень много занимались вопросами отвлеченными, произносилось много возвышенныхъ рѣчей; публика на хорахъ (засѣданія происходили въ огромной церкви св. Павла) вмѣшивалась шумно въ дебаты. Начали съ установленія „основныхъ правъ нѣмецкихъ гражданъ“.

Въ устроеніи общегерманскаго государственнаго единства франкфуртскій парламентъ натолкнулся на непреодолимыя затрудненія. Германское единство хотѣли основать на правѣ націи быть независимой отъ другихъ, составлять одно цѣлое, признавая въ то же время права другихъ націй; но какъ разъ два самыхъ большихъ государства, Пруссія и особенно Австрія, заключали въ себѣ области, населенныя совершенно другими народностями, славянами, венграми; большинство нѣмецкихъ патріотовъ желали ихъ выключенія, австрійское правительство, напротивъ, ихъ введенія въ новую имперію. Другой трудный вопросъ состоялъ въ томъ, какую форму приметъ новое національное государство. Въ парламентѣ было много республиканцевъ, но они не имѣли большинства; перевѣсъ принадлежалъ умѣреннымъ, которые хотѣли устройства союза съ центральной властью въ рукахъ императора, избраннаго народными пред-

Digitized by Google

ставителями, но съ наслѣдственнымъ положеніемъ. Трудность здѣсь заключалась въ томъ, что нельзя было обойти въ выборѣ двухъ самыхъ сильныхъ государей Германіи, прусскаго короля и австрійскаго императора; всякій иной не имѣлъ бы надъ ними авторитета. Но выборъ одного изъ двухъ означалъ бы конецъ вліянію другого въ Германіи, слѣдовательно выборъ съ неизбѣжностью приводилъ къ столкновенію между Австріей и Пруссіей.

Въ ожиданіи, что этотъ вопросъ рѣшится, было образовано временное правительство изъ „намѣстника имперіи", въ лицѣ одного австрійскаго принца и министерства при немъ; это правительство не имѣло ни арміи, ни бюджета. Парламентъ рѣшилъ избрать императоромъ прусскаго короля въ видѣ меньшаго изъ двухъ золъ. Новое препятствіе поставилъ самъ король прусскій: онъ желалъ получить имперскую корону отъ „равныхъ себѣ" нѣмецкихъ правителей и отклонилъ власть, предложенную ему народными представителями. По его мнѣнію, „противъ демократовъ одно спасенье—въ солдатахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ южно-нѣмецкія государства и Австрія отвергли выработанную парламентомъ конституцію. Множество депутатовъ, отчаявшись въ мирномъ рѣшеніи общегерманскихъ дѣлъ, разъѣхались; оставшіеся рѣшили, вопреки правительствамъ, обратиться къ народу и пригласить его къ новымъ выборамъ; республиканцы въ южной Германіи подняли возстаніе въ пользу единства и конституціи.

Революція въ Австріи и Венгріи. Австрійская революція носила другой характеръ, соотвѣтственно строю этого государства. Въ Австріи не было одной народности, которая бы имѣла численное и культурное преобладаніе; по количеству въ ней первое мѣсто занимали славянскія племена, но они были совершенно разрознены. Прежде всего они раздѣлялись на двѣ большія группы, сѣверную и южную, разъединенныя вдоль Дунайской равнины нѣмцами и мадьярами; но каждая группа распадалась еще на нѣсколько чуждыхъ другъ другу народностей: на сѣверѣ были чехи, словаки, поляки и русины, т.-е. русскіе, точнѣе малороссы; на югѣ—кроаты (хорваты), словенцы, сербы. Поляки и русины въ Галиціи были рѣзко раздѣлены по своимъ интересамъ въ качествѣ двухъ классовъ: первые были землевладѣльцами и горожанами, вторые—крестьянами, остававшимися въ подчиненномъ быту. Кромѣ всѣхъ названныхъ народностей, въ составъ Австріи входили румыны въ Трансильваніи и итальянцы въ ломбардо-венеціанской области.

Имперія раздѣлялась на двѣ основныя части, собственно Австрію, занимавшую западъ и сѣверъ, и Венгрію, охватывавшую востокъ и югъ. Въ каждой изъ нихъ перевѣсъ принадлежалъ народностямъ, не имѣвшимъ большинства, въ Австріи—нѣмцамъ, въ Венгріи—мадьярамъ. Тѣ

Digitized by Google

и другіе населяли сплошь лишь небольшія области; въ остальныхъ они были землевладѣльцами (особенно мадьяры, напр., въ Трансильваніи) при иноплеменномъ рабочемъ населеніи, славянскомъ и румынскомъ, и чиновниками. Національное возрожденіе вело въ Австріи къ результатамъ, обратнымъ его дѣйствію въ Италіи и Германіи. Тамъ дѣло шло о соединеніи раздробленныхъ частей, здѣсь, напротивъ, подъемъ націй долженъ былъ вести къ разъединенію, а можетъ быть къ распаденію государства. Поэтому Меттернихъ считалъ основой сохраненія Австріи неподвижность порядковъ, отсутствіе публичности, лѣнивое управленіе посредствомъ чиновниковъ. Крестьянская реформа, начатая Іосифомъ II и почти цѣликомъ отмѣненная его преемникомъ, замерла безъ движенія на 60 лѣтъ. Въ Австріи вовсе не печатали книгъ политическаго содержанія и не допускали либеральныхъ сочиненій изъ Франціи и Англіи; цензура была отдѣленіемъ полиціи, и ея произволу не было границъ; надъ людьми просвѣщенныхъ профессій былъ мелочный и досадный надзоръ.

1848 годъ сразу опрокинулъ этотъ строй. Въ Вѣнѣ произошли манифестаціи въ пользу свободы; такъ какъ прежній порядокъ не допускалъ никакихъ политическихъ союзовъ, то съ заявленіями выступили торговыя общества, книгопродавцы, частные клубы, студенты. Меттернихъ, правившій безпрепятственно около 40 лѣтъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Вѣнскіе бюргеры и студенты захватили въ свои руки власть и составили для защиты дѣла свободы Академическій легіонъ. Императоръ бѣжалъ изъ столицы, согласившись передъ этимъ созвать учредительное собраніе на основаніи всеобщей подачи голосовъ.

Оно сошлось лѣтомъ, имѣя въ своей средѣ депутатовъ со всей имперіи, кромѣ Венгріи. Характерной чертой австрійскаго собранія была многочисленность депутатовъ отъ крестьянства, около четверти всего количества; напротивъ, дворянъ было мало. Главнымъ дѣломъ этого собранія, просуществовавшаго три мѣсяца, было освобожденіе крестьянъ. Во время недавняго польскаго возстанія въ Галиціи крестьяне не только не пошли за помѣщиками, но даже, получивъ оружіе, бросились на ихъ усадьбы. Всюду они отказывались платить повинности и отбывать барщину. Настроеніе ихъ было очень возбужденное. Въ собраніи самый младшій изъ депутатовъ, Кудлихъ, сынъ силезскаго крестьянина, предложилъ резолюцію, похожую на рѣшеніе Національнаго собранія, принятую въ ночь 4 августа 1789 г.: отмѣнить „работу“, т.-е. всѣ существующіе виды подданства крестьянъ и зависимости отъ помѣщиковъ. Когда предложеніе Кудлиха было принято, крестьяне-депутаты бросились къ скамьямъ своихъ коллегъ, пожимая всѣмъ руки и шумно выражая благодарность. Деревенскіе депутаты и радикальная партія хотѣли безвозмезднаго освобожденія, но дворянство и часть бюргерства

Digitized by Google

потребовали вознагражденія помѣщиковъ. Прошелъ законъ, который устанавливалъ выкупъ повинностей; часть ихъ крестьяне выкупали своими средствами; треть выкупной суммы взяло на себя правительство, выступивши посредникомъ между землевладѣльцами и крестьянами и вручивъ первымъ государственныя процентныя бумаги на сумму, равную капиталу, въ который были оцѣнены повинности (въ 20 разъ больше сжегоднаго взноса). При такомъ характерѣ освобожденія крестьяне, въ противоположность прусскимъ, получали полностью всю землю, которой пользовались до тѣхъ поръ. Такимъ способомъ была проведена крестьянская реформа въ сѣверныхъ славянскихъ областяхъ Австріи, т.-е. въ Галиціи, Богеміи, Моравіи и Силезіи.

Одновременно произошла революція въ Венгріи. Мадьяры составляли въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отдѣльное государство и подчинились Габсбургамъ лишь подъ условіемъ сохраненія самостоятельныхъ учрежденій. Но вѣнское правительство пыталось постоянно навязать Венгріи свою власть и вытѣснить національный языкъ. Во время борьбы съ Наполеономъ мадьярамъ было обѣщано возстановленіе общаго сейма. Когда сеймъ сталъ собираться, въ немъ оказалось много сторонниковъ дворянскихъ привилегій и сохраненія крѣпостныхъ повинностей на землевладѣльцевъ; но появилась также партія демократическая, которая требовала конституціи, свободы печати и отмѣны дворянскихъ преимуществъ относительно подати и власти надъ крестьянами; во главѣ ея стоялъ съ 30-хъ годовъ молодой адвокатъ Кошутъ, основатель первой мадьярской политической газеты. Обѣ партіи согласно требовали отдѣленія Венгріи, признанія мадьярскаго языка господствующимъ и избранія особаго національнаго правительства.

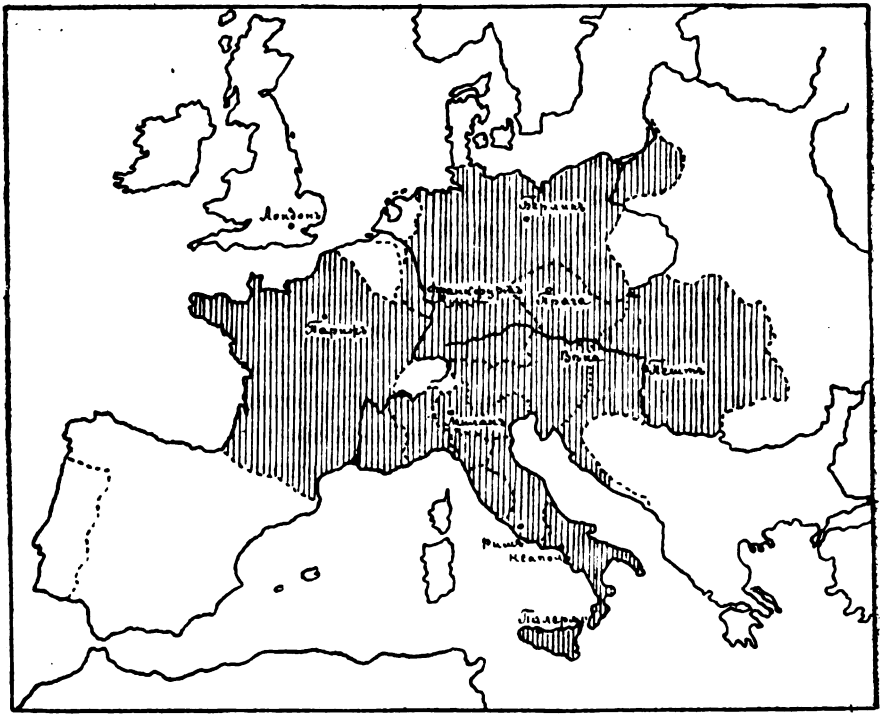
Въ 1848 г. среди общаго затрудненія мадьяры легко достигли цѣли: сеймъ былъ перенесенъ изъ пограничнаго города Пресбурга въ центръ Венгріи, Пештъ; собралось учредительное собраніе, демократы настояли на отмѣнѣ дворянскихъ привилегій; образовалось особое венгерское министерство, которое считало себя независимой властью, завело самостоятельныя дипломатическія сношенія съ европейскими державами и особое венгерское войско.

Обѣ революціи, нѣмецкая въ Вѣнѣ и мадьярская, вызвали протестъ славянскихъ народностей. До тѣхъ поръ движеніе среди славянъ было чисто литературное, направленное къ возстановленію національныхъ памятниковъ, очищенію и распространенію народнаго языка. Теперь, угрожаемые двумя дѣятельными народами, славяне обратились къ политикѣ. Мадьяры хотѣли распространить свой языкъ и своихъ чиновниковъ на всю территорію прежняго венгерскаго королевства; на это кроаты отвѣчали требованіемъ полной самостоятельности своей области. Чехи

Digitized by Google

потребовали уравненія съ нѣмцами и образованія независимой славянской державы изъ трехъ сѣверныхъ областей; въ Прагѣ образовалась чешская національная гвардія, вступавшая въ столкновенія съ нѣмецкой милиціей. Тамъ же собрался общеславянскій конгрессъ изъ сторонниковъ *панславизма*, т.-е. объединенія всѣхъ славянъ.

Въ Германіи и Австріи реакція наступила такъ же скоро, какъ въ Италіи. Движенія всюду были начаты небольшими радикальными группами, которыя проявляли большую рѣшительность въ первыхъ столкно-



Страны, охваченныя революціоннымъ движеніемъ въ 1848—9 годахъ.

веніяхъ, но не имѣли такого вліянія въ странѣ, чтобы пріобрѣсти власть или своей оппозиціей держать долго въ страхѣ правительства; умѣренно-либеральныя партіи были плохо организованы и, желая поскорѣе примириться съ правительствомъ, слишкомъ легко ему уступали; консерваторы, напротивъ, чтобы спасти свое общественное положеніе, поддерживали правительство очень энергично: сильная монархія, не ограниченная конституціей, должна была, по ихъ мнѣнію, служить также опорой привилегій. Крестьяне въ Австріи, добившись свободы и земли для себя, отступились вовсе отъ движенія. Правительства, въ началѣ движенія

Digitized by Google

испуганныя, потерявшія голову, скоро оправились и принялись отнимать сдѣланныя уступки.

Реакція въ Австріи и Германіи. Раньше всего реакція произошла въ Австріи. Вѣнскій дворъ сталъ опираться на побѣдоносныхъ генераловъ (Радецкій въ это время отвоевалъ у итальянскихъ націоналистовъ Ломбардію) и на вражду славянъ противъ нѣмцевъ и мадьяръ. Чешскій магнатъ, князь Виндишгрецъ, получилъ диктаторскую власть, бомбардировалъ Прагу, разсѣялъ конгрессъ панславистовъ и чешскій сеймъ; затѣмъ подступилъ къ Вѣнѣ и въ уличныхъ бояхъ истребилъ революціонную милицію, при чемъ былъ разстрѣлянъ германскій демократъ Блумъ, пріѣхавшій отъ франкфуртскаго парламента привѣтствовать вѣнскую революцію. Правительство перенесло учредительное собраніе изъ столицы въ провинціальный городокъ, а затѣмъ изгнало депутатовъ изъ залы засѣданій военной силой, объявивъ въ манифестѣ, что собраніе „противорѣчитъ истиннымъ основамъ монархіи". Возстановилась абсолютная монархія.

Вѣнскій дворъ отказался, послѣ этихъ успѣховъ, признать конституціонный строй въ Венгріи; онъ передалъ военныя полномочія на востокѣ врагу мадьяръ, кроатскому бану (намѣстнику). Съ мадьярами было однако труднѣе сладить, такъ какъ они имѣли войско; сеймъ въ Пештѣ объявилъ полную независимость отъ Австріи, провозгласилъ Венгрію республикой и выбралъ Кошута ея президентомъ (весной 1849 г.). Австрійскій императоръ (только что вступившій Францъ Іосифъ, который правитъ съ 1848 г. до нашихъ дней) просилъ у Николая I помощи противъ революціи. Большая русская армія, перейдя Карпаты, заставила сдаться менѣе сильную венгерскую, Кошутъ бѣжалъ въ Турцію. Австрійское правительство проявило необыкновенную жестокость; военные суды приговорили къ повѣшенію многихъ офицеровъ и къ разстрѣлу бывшаго перваго министра въ Пештѣ.

Подъ впечатлѣніемъ вѣнскихъ событій сталъ дѣйствовать и Фридрихъ Вильгельмъ IV. Онъ запретилъ всякаго рода политическія сходки, ввелъ осадное положеніе, обезоружилъ гвардію бюргеровъ, и когда національное собраніе протестовало и рѣшило отказать въ уплатѣ налоговъ, велѣлъ занять залу засѣданій военной силой и разогналъ его. Затѣмъ онъ замѣнилъ конституцію, принятую народомъ, новой жалованной подобно французской хартіи 1814 г. Въ ней была статья, похожая на ту, которой старался воспользоваться въ 1830 г. Карлъ X: король признавалъ за собой право, въ отсутствіе парламента, издавать указы, которые будутъ имѣть силу закона. Путемъ такого указа король измѣнилъ избирательное право: уничтожилъ тайную подачу голосовъ и внесъ значительный перевѣсъ богатыхъ надъ остальнымъ населеніемъ. Этотъ перевѣсъ

Digitized by Google

былъ достигнутъ страннымъ раздѣленіемъ избирателей, которое держится въ Пруссіи до послѣдняго времени: избиратели дѣлятся на три класса, равные по общей суммѣ податей, платимыхъ всѣми людьми класса; крупные плательщики такимъ образомъ отнесены въ высшій классъ и, будучи въ небольшомъ количествѣ, представляютъ избирательную силу, равную массѣ менѣе зажиточныхъ. Собравшаяся въ силу этого закона палата состояла, кромѣ того, болѣе чѣмъ наполовину изъ чиновниковъ; она соглашалась на всѣ измѣненія и даже отказалась отъ общаго контроля бюджета (1850 г.).

Еще раньше прусское правительство, отступивши отъ началъ политической свободы, подавило общегерманское движеніе. Прусскія войска помогли разсѣять республиканскія вольныя дружины въ южной Германіи, сражавшіяся за единство; съ плѣнными поступали такъ же, какъ въ Австріи, полевые суды присуждали ихъ къ разстрѣлянію, многіе бѣжали въ Америку, Францію, Англію. Республиканская партія, подобно итальянской, разстроилась надолго въ Германіи.

Въ Пруссіи вернулись во многомъ къ старымъ порядкамъ. Опять выступило на первое мѣсто чиновничество и крупные землевладѣльцы. Въ берлинскомъ университетѣ ректоръ обвинялъ науку въ томъ, что она боролась съ существующимъ порядкомъ и властями, и говорилъ, что она „должна совершить поворотъ назадъ“.

Вновь усилившаяся Австрія возстановила въ Германіи старое устройство слабаго союза. Опять во Франкфуртѣ сошелся сеймъ уполномоченныхъ отъ германскихъ государствъ: онъ отмѣнилъ „основныя права нѣмецкаго народа“, принятыя парламентомъ 1848 г. Рѣшено было потребовать, чтобы и отдѣльныя правительства, сдѣлавшія уступки революціи, выбросили изъ новыхъ конституцій всеобщее избирательное право и присягу солдатъ на вѣрность конституціи. Всюду, какъ въ наполеоновской Франціи послѣ 1851 г., стали „устраивать“ выборы съ офиціальными кандидатами, давить печать, высылать независимыхъ людей. Никогда эмиграція изъ Германіи не достигала такой высокой цифры, какъ въ началѣ 50-хъ годовъ.

X.

Объединеніе Италіи и Германіи. Демократическая республика во Франціи.

Событія 1848—49 гг. были большимъ уронomъ для радикальныхъ партій въ европейскихъ странахъ. Въ средѣ буржуазіи увлеченіе республиканскими идеями ослабѣло. Но національный вопросъ, выдвинутый радикалами, былъ подхваченъ умѣренными. Въ послѣдующіе 50-ые и

Digitized by Google

60-ые годы еще болѣе разрастается крупная промышленность, особенно въ Германіи; фабриканты и торговцы хорошо видѣли тѣ выгоды, которыя крупное государство могло дать національной промышленности въ борьбѣ ея съ индустріей и торговлей другихъ странъ. Правительства, наученныя опытомъ революціоннаго года, должны были теперь искать опоры не только въ дворянствѣ и землевладѣльцахъ, но и въ средѣ промышленной буржуазіи. Они взяли на себя дѣло объединенія посредствомъ внѣшней силы, но въ то же время согласились на конституціонныя уступки новымъ дѣятельнымъ классамъ общества.

Но образованіе въ Европѣ новыхъ большихъ политическихъ тѣлъ должно было вызвать соперничество и страхъ другихъ: Франція боялась объединенія Германіи; для Австріи объединеніе Италіи и Германіи означало выключеніе ея самой изъ той и другой страны. Борьба объединяющихся націй съ этими препятствіями привела къ кровопролитнымъ войнамъ; войны эти были окончательнымъ расчетомъ между европейскими силами и установили новое равновѣсіе въ Европѣ. Въ промежутокъ 16 лѣтъ отъ 1854 до 1870 года въ средней Европѣ произошло 6 крупныхъ войнъ, въ результатѣ которыхъ объединились двѣ большія націи.

Внѣшняя политика имперіи во Франціи. Національныя войны въ Европѣ получили сильный толчокъ отъ образованія имперіи. Наполеонъ III увѣрялъ, что „имперія знаменуетъ собою миръ“, и старался успокоить этимъ сельское населеніе, но въ то же время ему нужно было отвлечь французское общество сторонними предпріятіями отъ внутреннихъ вопросовъ: въ качествѣ наслѣдника великаго Наполеона онъ считалъ необходимымъ вернуть Франціи ея прежній военный перевѣсъ въ Европѣ; онъ надѣялся также примирить французовъ съ внутренней реакціей, пускаясь въ предпріятія, какъ бы прикрашенныя освободительными идеями, выставляя себя исполнителемъ воли народовъ, вѣрнымъ революціи.

Сначала Наполеонъ III, въ союзѣ съ Англіей, рѣшилъ ослабить твердыню европейской реакціи, т.-е. напасть на Россію, управляемую императоромъ Николаемъ I. Франція и Англія поддержали Турцію въ ея столкновеніи съ Россіей и послали соединенный флотъ ко входу въ Черное море, а затѣмъ и сухопутное войско, высадившееся въ Крыму. Къ союзникамъ присоединились сардинцы и турки. Обѣ стороны плохо вели войну, союзники по отдаленности ея театра и малочисленности войска, русскіе вслѣдствіе крайняго разстройства всего управленія, что отражалось въ отсутствіи дорогъ, неудовлетворительности продовольствія и вооруженія. Война затянулась обороной Севастополя. Въ это время умеръ Николай I, и новый императоръ Александръ II, по взятіи крѣпости союзниками, вступилъ въ мирные переговоры.

Сложный *восточный* вопросъ затрогивалъ разнообразные интересы:

Digitized by Google

дѣло шло о судьбѣ христіанскихъ народовъ, подчиненныхъ туркамъ, о сохраненіи или раздѣлѣ турецкой имперіи, о размежеваніи круга дѣйствій европейскихъ промышленныхъ силъ въ Малой Азіи, у Чернаго моря и Леванта. Для рѣшенія этихъ затрудненій былъ созванъ конгрессъ въ Парижѣ (1856). На этомъ собраніи французскимъ дипломатамъ несомнѣнно принадлежало первое мѣсто. Вмѣстѣ съ тѣмъ большая парижская выставка 1855 г., которую посѣтило множество иностранцевъ, показала блескъ и силу французской индустріи.

Наполеонъ III задумалъ воспользоваться перевѣсомъ Франціи для другой популярной цѣли—поддержки итальянскаго національнаго движенія. Въ 1858 г. стараніями Кавура былъ заключенъ договоръ, по которому Наполеонъ обѣщалъ сардинскому королю Виктору Эммануилу свою помощь противъ Австріи и за отвоеваніе сѣверной Италіи до Адріатики выговорилъ себѣ уступку Савойи и Ниццы. Когда Австрія потребовала разоруженія сардинцевъ, Наполеонъ двинулъ на помощь свою армію. Австрійцы были вытѣснены изъ Ломбардіи послѣ двухъ крупныхъ битвъ, при чемъ вмѣстѣ съ сардинскимъ войскомъ бился республиканецъ Гарибальди во главѣ отряда добровольцевъ (1859). Наполеонъ не исполнилъ условій договора. Онъ велъ переговоры съ Австріей независимо отъ итальянцевъ и, получивъ отъ сардинскаго королевства свою долю, Савойю и Ниццу, отдалъ ему только Ломбардію; Венеція осталась за Австріей. Этимъ онъ вооружилъ противъ себя національную партію въ Италіи; еще болѣе раздражилъ онъ ее потомъ упорной поддержкой свѣтской власти папы. Поэтому объединеніе Италіи съ 1859 г. пошло самостоятельнымъ путемъ.

Объединеніе Италіи и Ватиканскій соборъ. Во всѣхъ областяхъ средней Италіи, въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ, въ Романьѣ, принадлежавшей папѣ, населеніе отрекалось отъ своихъ правителей и черезъ посредство собраній депутатовъ или путемъ плебисцита высказывалось за присоединеніе къ сардинскому королевству. На югѣ Италіи произошла революція противъ правящей династіи Бурбоновъ. Гарибальди высадился въ Сициліи со своей „тысячей“, набранной преимущественно изъ ломбардцевъ. И въ Сициліи, и въ Неаполѣ армія короля не сопротивлялась; самъ король бѣжалъ въ гавань Гаэту, но не могъ увести съ собой флотъ; офицеры испортили рули и приказали выпустить воду изъ котловъ. Гарибальди съ торжествомъ въѣхалъ въ Неаполь и былъ провозглашенъ диктаторомъ всего юга. Но республиканцы составляли и здѣсь меньшинство. Когда произведенъ былъ плебисцитъ, онъ далъ подавляющее большинство сторонникамъ присоединенія къ сардинскому королю, и Гарибальди сложилъ диктатуру. Тѣмъ временемъ папская армія была обезоружена, и папѣ оставили только Римъ со старой вотчиной св. Петра.

Digitized by Google

Весною 1860 года сошелся въ Туринѣ парламентъ отъ всѣхъ областей Италіи и призналъ Виктора Эммануила *королемъ Италіи*. Населеніе сардинскаго королевства составляло 5 милліоновъ, населеніе объединенной Италіи 22 милліона. Настоящій объединитель полуострова, Кавуръ, умеръ внезапно вслѣдъ за этимъ рядомъ неожиданныхъ успѣховъ.

Оставались Венеція въ рукахъ австрійцевъ и Римъ подъ защитой французовъ. Масса итальянцевъ требовала, чтобы Римъ сталъ столицей Италіи и чтобы была отмѣнена свѣтская власть папы. Мадзини и Гарибальди настаивали на вооруженномъ дѣйствіи, чтобы избавить папскихъ подданныхъ „отъ тираніи поповъ“. Между тѣмъ папа болѣе, чѣмъ когда-либо, проявлялъ непримиримость и склонялся къ крайнему направленію реакціонныхъ ультрамонтанъ. Еще въ 1849 г. Пій IX въ энцикликѣ осудилъ соціалистовъ и объявилъ, что противъ „враговъ Бога и человѣческаго общества“ должна быть щитомъ верховная власть надъ міромъ римскаго первосвященника; онъ осуждалъ также и государей, которые захватомъ церковныхъ владѣній и нарушеніемъ власти іерарховъ подали примѣръ общему расхищенію и раздѣлу имущества, возвѣщенному соціалистами.

Въ 60-хъ годахъ папа пошелъ еще дальше въ своихъ осужденіяхъ. Въ энцикликѣ Quanta cura (папскія посланія называются по своимъ первымъ словамъ) онъ высказался противъ „заблужденій и чудовищныхъ мнѣній нашей глубоко печальной эпохи“, т.-е. противъ всего новаго европейскаго просвѣщенія и общественнаго строя. Къ энцикликѣ былъ приложенъ *силлабусъ*, списокъ современныхъ заблужденій. Ихъ было насчитано 80, и они были распредѣлены по рубрикамъ: осуждались всѣ философскія ученія подъ обозначеніями пантеизмъ, натурализмъ, раціонализмъ; осуждалась свобода совѣсти, равная въ глазахъ папы равнодушію къ вѣрѣ, осуждалось подчиненіе духовенства гражданскимъ законамъ и, помимо соціализма, также либеральныя ученія. Въ заключеніе папа заявлялъ, что не можетъ примириться съ „прогрессомъ, либерализмомъ и съ современной цивилизаціей“.

Непримиримость Пія IX грозила столкновеніями со всѣми странами, гдѣ было католическое духовенство и вѣрующіе католики, обязанные подчиняться папѣ; въ Италіи она лишь обостряла борьбу за національное объединеніе. Гарибальди три раза пытался вторгнуться со своими добровольцами въ папскую область. Но его останавливали французы, охранявшіе свѣтскую власть папы, и даже сардинскія войска. Въ третій разъ (при Ментанѣ 1867) почти вся его тысяча, цвѣтъ итальянской молодежи, была перестрѣляна французскимъ отрядомъ при безучастномъ присутствіи сардинской арміи.

Между тѣмъ въ 1866 году рѣшилась судьба Венеціи и опять, какъ

Digitized by Google

въ 1859 году, при участіи посторонней помощи. Союзникомъ итальянцевъ теперь была Пруссія, которая вела войну съ Австріей, чтобы окончательно вытѣснить ее изъ Германіи. Итальянцы напали на знаменитый четырехугольникъ крѣпостей, составлявшій съ давнихъ поръ защиту австрійскихъ владѣній. Хотя австрійцы разбили ихъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ въ 1848 году побѣдилъ Радецкій, хотя флотъ итальянскій былъ разгромленъ въ Адріатическомъ морѣ, но въ результатѣ всего итальянцы выиграли, такъ какъ ихъ противники потерпѣли полную неудачу въ Германіи. Опять Австрія уступила Венецію Наполеону, а онъ передалъ ее Италіи съ условіемъ, чтобы былъ произведенъ плебисцитъ о присоединеніи. Относительно Рима однако французскій министръ заявилъ, что Италія „никогда“ не войдетъ туда.

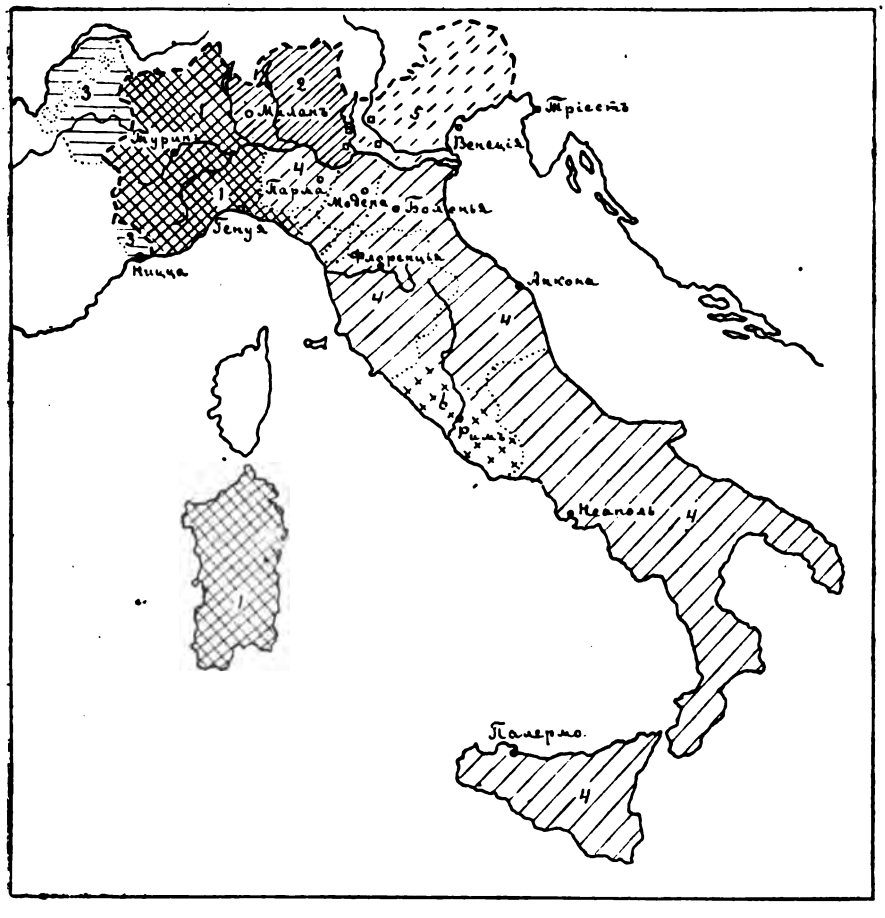
Чувствуя себя безопаснымъ подъ прикрытіемъ французскаго отряда, папа созвалъ вселенскій соборъ въ Ватиканѣ (зимой 1869 года). Обращаясь къ этой торжественной формѣ собранія, которой не было въ теченіе трехъ вѣковъ (со времени Тридентскаго собора), Пій IX имѣлъ въ виду закончить возстановленіе католической церкви. Увѣнчаніемъ ея строя онъ считалъ провозглашеніе абсолютной монархической власти папы; до сихъ поръ непогрѣшимой называли церковь, теперь предполагалось признать *непогрѣшимость папъ* и возвести это ученіе въ догматъ.

На соборѣ участвовало одно духовенство; рѣчи и пренія были на латинскомъ языкѣ; папа опредѣлилъ содержаніе вопросовъ и ихъ очередь. Ультрамонтаны имѣли большинство на соборѣ и торопились съ рѣшеніемъ. Противники папской непогрѣшимости, большею частью духовные изъ предальпійскихъ странъ, нѣсколько разъ пытались убѣдить папу, чтобы онъ снялъ съ очереди этотъ неудобный вопросъ. Папа, обиженный тѣмъ, что ему противопоставляютъ церковное преданіе, заявилъ: „церковное преданіе — это я!“ Епископъ, которому пришлось докладывать о догматѣ непогрѣшимости, привелъ въ его пользу такое разсужденіе: апостолъ Петръ былъ распятъ головою внизъ, его голова выдерживала всю тяжесть тѣла; такъ и папа, его преемникъ, держитъ на себѣ всю тяжесть церкви; но непогрѣшимъ тотъ, кто держитъ тяжесть, а не сама тяжесть.

Пренія были прекращены на серединѣ, и несогласное съ догматомъ меньшинство уѣхало до голосованія. Папа распустилъ соборъ, но догматъ непогрѣшимости, единственное дѣло, которое на немъ разобрали, былъ провозглашенъ. Еще разъ обнаружилась дисциплина внутри католической церкви; епископы всѣхъ странъ подчинились и признали новый догматъ; только нѣсколько нѣмецкихъ ученыхъ и священниковъ, считая, что папа совершилъ „церковную революцію“, отказали ему въ повиновеніи; себя они объявили *старокатоликами*, вѣрными исконной церкви.

Digitized by Google

Ко времени конца Ватиканскаго собора Франція объявила войну Пруссіи и отозвала изъ Рима свой гарнизонъ. Когда имперія Наполеона сокрушилась вслѣдствіе сдачи французской арміи при Седанѣ, итальянское войско заняло Римъ (въ сентябрѣ 1870 года). Этимъ закончилось *политическое объединеніе Италіи*. Въ папской области народъ былъ спро-



Объединеніе Италіи. 1 Сардинское королевство. 2 Ломбардія, пріобрѣтенная сардинскимъ королевствомъ въ 1859 г. 3 Савойя и Ницца, въ томъ же году уступленныя Франціи. 4 Неаполь, часть церковной области, Тоскана, соединившіяся съ Сардиніей въ итальянское королевство въ 1860—61 годахъ. 5 Венеція, пріобрѣтенная въ 1866 году. ▢▢ — крѣпости.

шенъ всеобщимъ голосованіемъ; папу признали неприкосновеннымъ государемъ въ предѣлахъ Ватикана и ассигновали сумму на содержаніе его двора, но король перенесъ столицу въ Римъ. Папа протестовалъ противъ лишенія его свѣтской власти и отказался брать „іудины день-

Digitized by Google

га" и входить въ какія-либо сношенія съ правительствомъ. Онъ рѣшилъ, въ качествѣ „ватиканскаго узника", никогда не выходить изъ своего дворца и воспретилъ духовенству и вѣрующимъ католикамъ принимать участіе въ выборахъ и вообще въ политической жизни.

Идеалистическое настроеніе, сопровождавшее борьбу за національное единство, за общую конституцію и за обладаніе Римомъ, скоро исчезло въ Италіи. Войны за объединеніе оставили глубокій слѣдъ въ видѣ долга, уплата котораго повела къ отягченію страны налогами. Въ итальянскомъ королевствѣ ввели префектовъ и вообще дорогую бюрократію по образцу Франціи; съ сѣвера, который велъ освободительную войну, слѣдомъ за гарибальдійцами и патріотами, явились чиновники и дѣльцы, которые бросились обстраивать Римъ и эксплоатировать желѣзнодорожные пути. Народныя массы, мало развитыя, во многихъ мѣстахъ на жалкомъ уровнѣ жизни, стояли далеко отъ политики. Избирательное право вначалѣ имѣли только собственники, платящіе налогъ, а такъ какъ большая часть итальянскихъ крестьянъ — арендаторы, то они и не пользовались участіемъ въ политической жизни. Лишь въ началѣ 80-хъ годовъ допустили къ подачѣ голосовъ всѣхъ умѣющихъ читать и писать и платящихъ не менѣе 20 лиръ налога.

Италія болѣе всего нуждалась въ распространеніи просвѣщенія, въ помощи земледѣльческому населенію, въ полезныхъ сооруженіяхъ, которыя могли бы вывести деревню изъ бѣдности и заброшенности, закрѣпленной вѣками раздробленія, небрежности мелкихъ правительствъ и господства разбойниковъ. Вмѣсто того правящія группы преслѣдовали политику національнаго возвеличенія Италіи, старались главнымъ образомъ поставить ее въ положеніе, равное съ другими крупными державами: занялись вооруженіемъ непомѣрно большой арміи, хотя Италіи никто не грозилъ, вступили въ воинственный „тройственный" союзъ съ Германіей и Австріей и, наконецъ, пустились по примѣру Франціи и Германіи, въ рискованныя колоніальныя предпріятія въ восточной Африкѣ. Главнымъ направителемъ великодержавной политики выступилъ бывшій гарибальдіецъ Криспи (въ качествѣ перваго министра 1887—96). Она принесла Италіи жестокое пораженіе: армія, посланная противъ абиссинцевъ, была ими уничтожена, и въ результатѣ пришлось покинуть мысль о колоніальномъ владѣніи на берегу Аравійскаго залива.

Одновременно съ объединеніемъ Италіи происходило объединеніе Германіи.

Либеральное бюргерство и начало рабочаго движенія въ Пруссіи. Пятидесятые годы въ Пруссіи, какъ и всюду послѣ неудавшейся революціи

Digitized by Google

1848—9 гг., были временемъ реакціи. У власти стояла „феодальная“ партія, опиравшаяся на землевладѣльцевъ восточныхъ областей Пруссіи. Либеральные бюргеры, считая безполезнымъ участіе въ нарламентѣ при стѣснительной системѣ избранія, большею частью воздерживались отъ выборовъ. Между тѣмъ индустрія, торговля, развитіе путей сообщенія во всей Германіи шли быстрыми шагами. За 15 лѣтъ отъ 1846 до 1861 добываніе желѣза возросло больше, чѣмъ вдвое, примѣненіе паровой силы на фабрикахъ увеличилось въ 6 разъ, количество механическихъ ткацкихъ станковъ—въ 4 раза. Длина желѣзныхъ дорогъ въ 1840 году была менѣе 500 километровъ, а въ 1860 году—болѣе 11.000.

Промышленные предприниматели настолько усилились, что правительство должно было относиться къ нимъ болѣе внимательно. Замѣнившій Фридриха Вильгельма IV его братъ Вильгельмъ I (съ 1857 г. регентъ, съ 1861 г. король) былъ раньше, въ 1848 году, сторонникомъ реакціи и бѣжалъ отъ раздраженія народа; теперь онъ заявилъ себя въ пользу конституціи и отстранилъ министровъ феодальной партіи. Либеральное бюргерство вышло изъ своего пассивнаго состоянія, приняло участіе въ выборахъ и скоро составило въ ландтагѣ большинство. Между нимъ и правительствомъ началась борьба по вопросу о реформѣ арміи.

Король считалъ основой прусской политики поддержаніе большого войска и съ этою цѣлью ввелъ трехлѣтнюю службу, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ составъ дѣйствующей арміи и запаса. Это вызывало чрезвычайное усиленіе бюджета въ Пруссіи. Палата рѣшительно отказала возвысить налоги. Всего настойчивѣе сопротивлялись правительству депутаты промышленныхъ областей на западѣ у Рейна и на востокѣ въ Силезіи: бюргеры въ массѣ были сначала противниками воинственной политики. Такъ возникъ четырехлѣтній *конфликтъ* (1862—66).

Вильгельмъ I разсматривалъ отказъ палаты, какъ попытку замѣнить управленіе короны вмѣшательствомъ народныхъ представителей, иначе ввести парламентское управленіе. Король ссылался на то, что онъ—неограниченный начальникъ арміи и что палата обязана давать ему средства на ея содержаніе; ландтагъ находилъ напротивъ, что это требованіе нарушаетъ его основное право вотировать налоги. Образовалась большая партія „нѣмецкихъ прогрессистовъ“, которая стояла за „правовое государство“, т.-е. за полное осуществленіе парламентскихъ началъ въ Пруссіи. Партія заключала въ себѣ цвѣтъ прусской интеллигенціи, между прочимъ историка Моммзена и натуралиста Фирхова.

Король распускалъ ландтагъ, но послѣ выборовъ прогрессисты возвращались въ возрастающемъ числѣ. Вильгельмъ I былъ готовъ отказаться отъ престола, но въ самый тяжелый моментъ кризиса призвалъ въ министерство Бисмарка, бранденбургскаго дворянина, представителя Пруссіи въ союз-

Digitized by Google

номъ сеймѣ. Бисмаркъ еще во время революціи 1848 года заявилъ себя рѣзкимъ противникомъ конституціоннаго порядка и сторонникомъ неограниченной монархіи. Онъ предложилъ дѣйствовать напроломъ и собирать налоги помимо воли палаты. Бисмаркъ опредѣленно выражалъ свою программу: „Единство Германіи осуществится не рѣчами и не рѣшеніями парламентскаго большинства, а желѣзомъ и кровью". Конфликтъ долженъ рѣшиться, по его мнѣнію, не соображеніями о правѣ той или другой стороны, а простымъ перевѣсомъ силы.

Во время конфликта впервые выступила *рабочая партія* въ Германіи. Она стала складываться въ округахъ большихъ индустріальныхъ предпріятій, въ Рейнской области, въ Саксоніи и Силезіи. Такъ какъ рабочіе сначала выражали свои желанія разрозненно и безпорядочно, ихъ старались организовать дѣятели изъ среды прогрессивной буржуазіи. Депутатъ Шульце-Деличъ внушалъ рабочимъ значеніе самопомощи и рекомендовалъ устраивать свободныя производительныя товарищества. Эти совѣты болѣе всего подходили для мелкихъ мастеровъ, но не для фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Его противникомъ выступилъ адвокатъ и журналистъ Лассаль (1824—64), ораторъ необыкновенно сильный и способный увлекать массы; онъ высмѣивалъ тѣ мелкія средства, какими Шульце-Деличъ хотѣлъ исправить огромное несправедливое раздѣленіе труда и капитала. Лассаль указывалъ рабочимъ, какую они дѣлаютъ ошибку, устраняясь отъ политики: они должны поставить на своемъ знамени борьбу за *всеобщее и равное избирательное право*, которое дастъ имъ вліяніе на весь ходъ государственнаго управленія.

Лассаль соединилъ ученіе Рикардо о желѣзномъ законѣ заработной платы и мысль Луи Блана о государственной организаціи труда. Рабочіе, по его мнѣнію, могутъ выбиться изъ-подъ гнета неумолимаго закона, который держитъ ихъ на нижайшемъ уровнѣ существованія, лишь въ томъ случаѣ, если станутъ сами предпринимателями: тогда падетъ раздѣленіе на заработную плату и прибыль капиталиста, и рабочіе получатъ полное вознагражденіе за трудъ. Но для этого нужно, чтобы государство дало имъ средства. Вѣдь государство само ничто иное, какъ великая ассоціація бѣдныхъ классовъ, такъ какъ рабочіе составляютъ 97% населенія. Государство не въ силахъ будетъ уклониться отъ помощи рабочимъ, когда они завоюютъ себѣ голоса соотвѣтственно своему числу. Чтобы приблизиться къ этой цѣли, надо образовать общегерманскій рабочій союзъ.

Въ 1863 году въ Лейпцигѣ сошлись депутаты отъ рабочихъ центровъ Рейна и Саксоніи. Лассаль былъ выбранъ несмѣняемымъ президентомъ рабочаго союза на 5 лѣтъ и получилъ почти диктаторскую власть. Въ виду конфликта Лассаль вступилъ въ переговоры съ Бисмаркомъ и обѣ-

Digitized by Google

щалъ ему поддержку рабочихъ массъ противъ общаго врага, буржуазіи; внезапная смерть Лассаля на дуэли помѣшала устройству этого союза. Бисмаркъ воспользовался потомъ мыслью Лассаля о введеніи всеобщаго избирательнаго права. Въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ образовалось еще другое движеніе, примыкавшее къ идеямъ Маркса и враждебное союзу съ государственной властью. Самымъ виднымъ его дѣятелемъ былъ саксонскій мастеръ-токарь Бебель, котораго познакомилъ съ ученіемъ Маркса эмигрантъ и боецъ 1848 года Либкнехтъ. Марксисты образовали *соціалъ-демократическую* рабочую партію, которая, въ отличіе отъ Лассаля, заявила непримиримое отношеніе ко всѣмъ другимъ партіямъ.

Сѣверо-германскій союзъ. Конфликтъ окончился вмѣстѣ съ войной, которая была первымъ шагомъ объединенія Германіи силой.

Бисмаркъ хотѣлъ вытѣснить Австрію изъ германскаго союза и поставить во главѣ его Пруссію. Онъ искалъ случая столкновенія и нашелъ его въ вопросѣ о Шлезвигъ-Голштиніи, двухъ сѣверо-германскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Даніи. Германскіе патріоты потребовали отторженія областей, и два большихъ національныхъ союза открыли подписку для вооруженія волонтеровъ противъ Даніи. Бисмаркъ поспѣшилъ заявить себя истолкователемъ воли націи и предложилъ Австріи дѣйствовать совмѣстно и независимо отъ слишкомъ медлительнаго союзнаго сейма. Прусскія и австрійскія войска побѣдили датчанъ, но затѣмъ двѣ большія германскія державы разошлись по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ Шлезвигъ-Голштиніи. Пруссія явно хотѣла военнаго захвата областей въ свою пользу, чтобы владѣть сѣверной границей Германіи и держать въ своихъ рукахъ соединеніе обоихъ морей, Балтійскаго и Нѣмецкаго. Населеніе самихъ областей было противъ присоединенія къ Пруссіи, которую ненавидѣли, какъ страну военщины и придирчиваго чиновничества, но не въ обычаяхъ прусской политики было справляться съ настроеніемъ народа.

Такъ какъ союзный сеймъ былъ безсиленъ рѣшить затрудненіе, Пруссія объявила разрывъ стараго союза и предложила новый проектъ устройства Германіи для достиженія „единства германской націи“; основой этого строя Бисмаркъ хотѣлъ сдѣлать парламентъ, выбранный всенароднымъ голосованіемъ; такимъ образомъ онъ принималъ объединительную программу либераловъ 1848 года. Не только Австрія была противъ этой перемѣны, но и вся южная Германія и еще другія германскія государства средней величины (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Саксонія, Ганноверъ). Произошла война 1866 года.

Направляемая замѣчательнымъ стратегомъ Мольтке, большая и хорошо обученная прусская армія быстро ее окончила: сопротивленіе разрозненныхъ отрядовъ небольшихъ германскихъ государствъ было раз-

Digitized by Google

сѣяно, главныя силы пруссаковъ вторглись черезъ Саксонію въ Богемію, и одной огромной битвой при Садовой заставили австрійцевъ просить мира. Онъ состоялся на условіяхъ, которыя совершенно преобразовали Германію.

Австрія вышла изъ ея состава; Пруссія присоединила къ себѣ три области (Ганноверъ, Гессенъ-Кассель и Гессенъ-Нассау), тѣ самыя, которыя отдѣляли ея западныя области отъ восточныхъ; теперь она владѣла сплошной территоріей, внутри которой были вкраплены лишь небольшія самостоятельныя владѣнія. Эти княжества, а также другія, лежавшія на окраинахъ Пруссіи, вступили съ нею въ новый *сѣверо-германскій союзъ;* внѣ союза осталась южная Германія за рѣкой Майномъ.

Вмѣсто прежняго слабаго соеденія въ „союзѣ государствъ", образовалось довольно сплоченное „союзное государство" съ конституціей, похожей на строй, выработанный въ 1848 году. Оно должно было управляться *президентской* властью прусскаго короля, *союзнымъ совѣтомъ* изъ делегатовъ отъ всѣхъ германскихъ правительствъ подъ предсѣдательствомъ прусскаго канцлера и *рейхстагомъ* (въ Берлинѣ), т.-е. собраніемъ представителей отъ народа, выбранныхъ *всеобщей подачей голосовъ*, по одному отъ каждыхъ 100.000 жителей. Королю предоставлено было назначать по усмотрѣнію канцлера, т.-е. главнаго министра, вѣдать сношенія съ державами, объявлять войну и заключать миръ, командовать общимъ войскомъ союза и назначать должностныхъ лицъ въ общемъ управленіи; король созывалъ и распускалъ рейхстагъ; но министры не были отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей. Рейхстагъ имѣлъ больше отрицательную силу—отказывать въ принятіи новыхъ законовъ, предлагаемыхъ правительствомъ. Но одна важная уступка общественному мнѣнію была сдѣлана: благодаря всеобщему голосованію рейхстагъ представлялъ отраженіе силы партій въ странѣ. Большинство населенія, повидимому, удовлетворялось этимъ порядкомъ.

Въ самой Пруссіи конфликтъ прекратился. Дворянство, сохранивъ преобладаніе въ прусскомъ ландтагѣ и преимущества въ чиновной и военной службѣ, примирилось съ конституціоннымъ строемъ. Съ другой стороны, въ бюргерствѣ произошелъ переворотъ: оно въ значительной мѣрѣ отказалось отъ мысли о мирномъ объединеніи въ духѣ 1848 года и увѣровало въ воинственную политику. Это рѣзко выразилось въ лѣтнихъ выборахъ 1866 года, происходившихъ во время войны Партія прогрессистовъ, поддерживавшая конфликтъ, потерпѣла пораженіе: изъ 230 прежнихъ своихъ мѣстъ въ палатѣ она сохранила едва 70. Въ ландтагъ вступило много консерваторовъ изъ отсталыхъ восточныхъ областей, гдѣ держалось крупное землевладѣніе. Частью изъ прежнихъ прогрессистовъ составилась новая большая партія *національ-либеральная*, которая заявила, что желаетъ вполнѣ поддерживать правительство въ его ино-

Digitized by Google

странной политикѣ; къ ней примкнули промышленники, въ нее же вошли по большой части профессора, защищавшіе идею объединенія Германіи.

Въ рейхстагѣ появились тѣ же партіи, но благодаря всеобщей подачѣ голосовъ тамъ могли выступить и противники насильственнаго образованія союза: это были представители другихъ народностей, поляки (изъ Познани) и датчане (изъ Шлезвига), затѣмъ вельфы изъ Ганновера (сторонники изгнанной пруссаками династіи) и, наконецъ, три соціалъ-демократа, смѣло возвышавшіе голосъ противъ милитаризма, несмотря на общій подъемъ патріотической воинственности.

Побѣда Пруссіи и объединеніе подъ ея главенствомъ сѣверной Германіи очень безпокоили Наполеона III, тѣмъ болѣе, что положеніе имперіи во Франціи стало очень шатко.

Внутренняя политика имперіи во Франціи. Строй имперіи основался болѣе всего на реакціи среди буржуазіи и крестьянства, испуганныхъ соціализмомъ; главной поддержкой правительства Наполеона было католическое духовенство, которое обращалось къ консервативнымъ чувствамъ населенія, желанію покоя и враждѣ къ переворотамъ. Въ первое время промышленные классы были удовлетворены расцвѣтомъ въ дѣлахъ, успѣхами французской индустріи за границей. Въ 1860 году Наполеонъ заключилъ торговый договоръ съ Англіей; при этомъ дѣятельное участіе съ англійской стороны принялъ Кобденъ, одинъ изъ главныхъ основателей фритрэда. Во Франціи были понижены пошлины на цѣлый рядъ англійскихъ товаровъ и соотвѣтственно сняты таможенные сборы съ французскихъ произведеній въ Англіи. Благодаря этимъ взаимнымъ облегченіямъ общая сумма ввоза и вывоза Франціи уже черезъ 5—6 лѣтъ удвоилась. Если же считать отъ 1848 до 1867 года, то французская торговля за этотъ срокъ возросла впятеро.

Правительство Наполеона III сильно поощряло и большія внутреніе предпріятія, которыя могли поднять французскую промышленность, постройку желѣзныхъ дорогъ, основаніе крупныхъ кредитныхъ учрежденій. Много было положено усилій на то, чтобы придать блескъ Парижу; въ различныхъ его частяхъ, а особенно въ старыхъ рабочихъ кварталахъ, съ ихъ запутаннымъ лабиринтомъ узкихъ переулковъ, сломали всѣ постройки и провели на ихъ мѣстѣ широкіе бульвары, т.-е. прямыя улицы въ видѣ аллей. Современники замѣтили, что, помимо украшенія города, это переустройство имѣло еще одинъ результатъ; сталъ невозможенъ старый баррикадный бой, уничтожены были условія для уличныхъ возстаній, которыми рѣшалась нѣсколько разъ судьба французскихъ правительствъ. Блескомъ своей индустріи, своихъ выставокъ, скачекъ, театровъ, празднествъ, придворной жизни Парижъ привлекалъ при имперіи массу иностранцевъ; но это были не эмигранты и республиканцы

Digitized by Google

Европы, подобные тѣмъ, которые въ 40-хъ годахъ искали во Франціи убѣжища и свободныхъ условій для своей дѣятельности; это были туристы и фланеры, игроки и спекулянты; сюда направлялись свободные капиталы, и между ними выкупныя суммы, полученныя русскимъ дворянствомъ послѣ реформы 1861 г. и непроизводительно брошенныя въ водоворотъ заграничной жизни.

Правительство держалось этой игрой интересовъ и само въ ней участвовало. Въ управленіе вошли дѣльцы весьма сомнительнаго характера, которые пользовались своимъ авторитетомъ для спекуляцій; расчетъ авантюристовъ, захватившихъ вмѣстѣ съ Наполеономъ власть, основывался на потворствѣ низменнымъ влеченіямъ въ обществѣ. Всякая независимость мысли преслѣдовалась. Мишле и Кине, республиканскіе историки, еще въ годъ переворота должны были прекратить свои лекціи и уѣхать изъ Франціи. Система стѣсненій печати сдѣлала журналы и газеты мелочными и безнравственными. Журналисты сами такъ характеризовали положеніе: „Прежде частная жизнь была ограждена стѣной, теперь общественная. Правительство въ вознагражденіе за послѣднюю, отдаетъ намъ на произволъ первую; у насъ патентъ на интриги и скандалъ". Газеты примыкали къ извѣстнымъ промышленнымъ и кредитнымъ аферамъ и служили имъ рекламой.

Та Франція, которая казалась для всѣхъ сторонниковъ свободы обѣтованной землей, „вторымъ отечествомъ", по выраженію Гейне, какъ бы перестала существовать. Ея голосъ звучалъ только въ негодующихъ заявленіяхъ эмигрантовъ, жившихъ въ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи; администрація строго слѣдила, чтобы ихъ произведенія не проникали въ страну, и тщательно обыскивала въѣзжавшихъ. Внутри сдавленный протестъ выражался въ распространеніи республиканскихъ идей; республика представлялась прежде всего въ видѣ нравственнаго оздоровленія страны. Но такъ какъ правительство заполняло палаты исключительно своими сторонниками и держало прессу въ полномъ подчиненіи, у республиканцевъ не было возможности публично высказываться; даже принадлежать къ республиканской партіи было крайне рисковано. Послѣ покушенія одного итальянскаго патріота на жизнь Наполеона III былъ изданъ „законъ общественной безопасности", на основаніи котораго министръ внутреннихъ дѣлъ распоряжался черезъ префектовъ заключать въ тюрьму безъ суда всякаго, кто раньше былъ осужденъ за политическій проступокъ, или прикрѣплять къ мѣсту жительства всякаго, кто „могъ" быть осужденъ за таковое.

Въ виду всѣхъ этихъ стѣсненій, появленіе въ законодательномъ корпусѣ въ 1858 г. пяти депутатовъ республиканской оппозиціи было очень важно; вся страна прислушивалась къ ихъ настойчивому протесту

Digitized by Google

Но правительство Наполеона III не только увидало предъ собою ободрившихся всегдашнихъ враговъ своихъ, оно утратило часть своихъ сторонниковъ. Императоръ въ своей безпокойной внѣшней политикѣ руководился идеей національнализма. Но, содѣйствуя объединенію Италіи, онъ косвенно помогъ разрушенію свѣтской власти папы. Католики-ультрамонтаны, которые такъ горячо поддерживали его во время второй республики и при проведеніи переворота 1851 г., разошлись съ нимъ послѣ итальянской экспедиціи 1859 года.

Наполеонъ III пытался пріобрѣсти поддержку поднимавшагося класса рабочихъ. Онъ исходилъ отъ нѣкоторыхъ неопредѣленныхъ соціалистическихъ понятій, которыя были выражены имъ еще въ сочиненіи молодыхъ лѣтъ, писанномъ въ тюрьмѣ. Во время его президенства была учреждена страховая касса для выдачи пенсій престарѣлымъ рабочимъ; такія же кассы были устроены потомъ для обезпеченія семей умершихъ рабочихъ. Подъ конецъ правленія Наполеонъ выражалъ намѣреніе ввести общее обязательное страхованіе рабочихъ. Онъ считалъ важнымъ предоставить рабочимъ свободу собраній. По закону 1864 г. они получили *право коалиціи*, отмѣненное первой революціей; рабочіе пріобрѣли возможность добиваться возвышенія платы, улучшенія своей участи совмѣстными силами.

Этихъ мѣръ было недостаточно, чтобы привлечь рабочихъ на сторону имперіи: они слишкомъ терпѣли отъ общихъ стѣсненій свободы слова и собраній. Поэтому рабочіе въ большинствѣ примыкали къ республиканской программѣ, особенно той, которую въ концѣ имперіи выставилъ адвокатъ и журналистъ Гамбетта (она называлась *бельвильской* по имени рабочаго предмѣстья, гдѣ впервые подробно была изложена).

Паденіе имперіи. Во второе десятилѣтіе имперіи силы оппозиціи все возрастаютъ. За военными и дипломатическими успѣхами 50-хъ годовъ слѣдовали неудачи въ 60-хъ годахъ. Въ 1864 г. Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе по поводу американскихъ дѣлъ. Въ междоусобной войнѣ Соединенныхъ штатовъ (1861—65) Франція держала сторону южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ, изъ которыхъ ея фабриканты получали хлопокъ. Наполеонъ хотѣлъ повредить сѣверянамъ и отвлечь отъ союза со Штатами Мексику; имѣя въ виду также помочь французскимъ капиталистамъ, ссудившимъ мексиканцевъ, онъ задумалъ основать въ этой странѣ союзную съ нимъ имперію, отправилъ туда французскую армію и предложилъ корону одному австрійскому принцу. Но сѣверо-американцы объявили, что поддержаніе монархіи въ Америкѣ иностранными силами несовмѣстимо съ республиканскими традиціями этого материка, и потребовали удаленія французскихъ войскъ. Тогда покинутый французами новый императоръ Мексики былъ взятъ въ плѣнъ республиканцами и

Digitized by Google

разстрѣлянъ. Неблаговидное поведеніе французовъ въ Мексикѣ, безцѣльная для интересовъ Франціи трата силъ послужили важнымъ оружіемъ для нападокъ оппозиціи въ печати и въ палатѣ.

Въ Европѣ Наполеонъ продолжалъ свою безпокойную политику, то предлагая державамъ созваніе конгресса съ цѣлью провести всеобщее разоруженіе, то носясь съ мыслью о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, о захватѣ Бельгіи, или возвращеніи Франціи границъ, утраченныхъ въ 1814 г. Но французская армія была въ крайнемъ разстройствѣ и для дѣйствительнаго вмѣшательства не годилась; всѣ вопросы, относившіеся къ объединенію Германіи и Италіи, рѣшались уже помимо Наполеона; онъ долженъ былъ допускать невольно результаты и оставаться бездѣятельнымъ зрителемъ. Бисмаркъ первый призналъ въ императорѣ „неразгаданную ничтожность“; онъ поощрялъ Наполеона въ его планахъ раздѣловъ и пріобрѣтеній, но когда самъ достигалъ успѣха, то отказывалъ въ удовлетвореніи и вообще старался довести до разрыва, чтобы разгромить Францію въ войнѣ.

Чѣмъ хуже складывались дѣла извнѣ, тѣмъ болѣе императорское правительство понимало необходимость сдѣлать уступки обществу, примирить съ собою оппозицію. Сначала палатамъ позволили опубликовывать свои дебаты и правильно контролировать бюджетъ. Когда однако въ законодательный корпусъ вступило въ 1863 году болѣе 50 человѣкъ оппозиціи и когда находившійся среди нихъ Тьеръ предложилъ приблизиться еще болѣе къ конституціонному порядку, дать странѣ свободу печати и собраній, главный министръ Руэръ, непримиримый бонапартистъ, отвѣтилъ рѣзко, что игра въ конституцію повела къ сверженію двухъ династій, что императоръ самъ правитъ и будетъ править. Однако послѣ войны 1866 года Наполеонъ сдѣлалъ новыя уступки: палата получила право *интерпеллировать* (запрашивать) министровъ по поводу ихъ дѣйствій; былъ изданъ законъ о печати, который отмѣнилъ систему разрѣшеній по залогамъ и предостереженій и вмѣсто того ввелъ *явочный* порядокъ (простое заявленіе редактора о выходѣ изданія); были разрѣшены сходки, но въ присутствіи чиновника, который могъ закрыть собраніе.

Уступки раздражали непримиримыхъ бонапартистовъ, которые боялись паденія имперіи, если она измѣнитъ своимъ принципамъ, но въ то же время не удовлетворяли и оппозицію. Всѣ вновь основанныя газеты были враждебны имперіи; огромный успѣхъ имѣлъ рѣзко нападавшій на нее „Фонарь“ Рошфора. Наконецъ Наполеонъ далъ отставку Руэру и предложилъ преобразованіе строя въ *либеральную имперію:* палата должна была получить законодательную инициативу (право вносить проекты), право выбирать себѣ предсѣдателя, принимать резолюціи общаго характера, министры должны были стать отвѣтственными предъ палатой. Въ мини-

Digitized by Google

стерство Наполеонъ пригласилъ большею частью либеральныхъ бонапартистовъ. Но на выборахъ 1869 года выступила радикальная партія, и ея ораторъ Гамбетта объявилъ „непримиримую оппозицію“ правительству.

Согласно общему наполеоновскому принципу реформа должна была подвергнуться общенародному голосованію. Отвѣтъ „да“ означалъ не только сочувствіе перемѣнѣ, но и одобреніе имперіи вообще. Опять были пущены въ ходъ всѣ средства давленія на общество. Майскій плебисцитъ 1870 года далъ 7 милліоновъ „да“ и $1^1/_2$ милліона „нѣтъ“. Эти послѣдніе голоса составились главнымъ образомъ изъ населенія большихъ городовъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели) оппозиція имѣла за себя большинство.

Франко-прусская война и объединеніе Германіи. Положеніе имперіи было однако очень непрочно. За Рейномъ сложилось сильное военное государство. Опасаясь его, желая отчаяннымъ шагомъ спасти себя, переоцѣнивая свои силы, правительство Наполеона объявило войну Пруссіи. Вмѣсто того, чтобы получить поддержку южныхъ нѣмцевъ, Франція увидѣла ихъ немедленное присоединеніе къ сѣверо-германскому союзу. Вся Германія вооружилась. Франко-прусская война была послѣдней крупной національной борьбой въ Европѣ. По размѣрамъ армій, по количеству жертвъ она была самой кровопролитной во всей исторіи Европы.

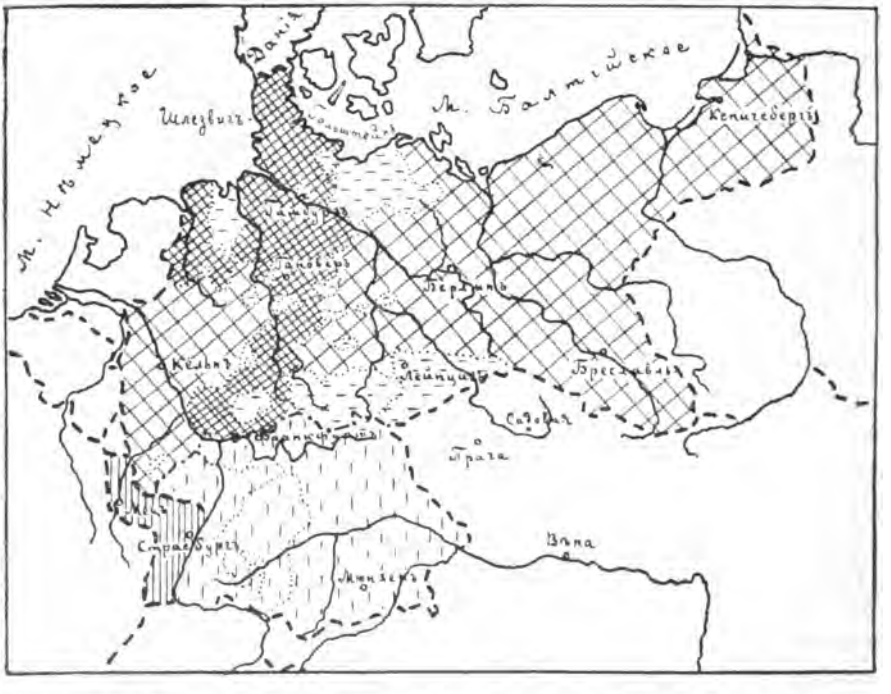
Французская армія оказалась въ жалкомъ состояніи: въ ней числилось 750.000, а въ дѣйствительности оказалось около $^1/_3$ этого количества; солдаты были хороши, но высшее руководство, снабженіе войска, развѣдочное дѣло — очень плохи; въ то время, какъ у нѣмцевъ были отличныя карты Франціи, французскіе военные таковыхъ вовсе не имѣли. Германскія войска были обучены по-новому, быстро передвигались, точно выполняли предписанія. Кампаніей руководилъ Мольтке, задолго разработавшій планъ нападенія на Францію. Нѣмцы предупредили французовъ своимъ натискомъ, и битвы начались въ Эльзасѣ на французской территоріи. Послѣ ряда пораженій лучшая часть французской арміи была заперта въ крѣпости Мецъ, а другая, шедшая на ея выручку, при которой находился самъ Наполеонъ, вынуждена была, въ числѣ 80.000, сдаться близъ бельгійской границы, въ Седанѣ, вмѣстѣ съ императоромъ.

При извѣстіи объ этомъ въ Парижѣ произошла революція (4 сентября 1870 года): династію Наполеона объявили низложенной и провозгласили республику: Ліонъ, Бордо и Марсель высказались еще раньше Парижа за республику. Республиканцы рѣшили продолжать войну съ Германіей, но арміи у Франціи больше не было: монархическій генералъ Базенъ, не желая защищать республику, сдался въ Мецѣ съ

Digitized by Google

180.000 солдатъ. Образовалось правительство *національной обороны*. Часть его осталась въ Парижѣ, который уже черезъ двѣ недѣли послѣ Седана былъ осажденъ нѣмцами; другая часть его собралась въ Бордо, и къ ней присоединился Гамбетта, вылетѣвшій изъ Парижа на воздушномъ шарѣ.

Между тѣмъ, какъ въ Парижѣ вооружили національную гвардію, и громадный городъ держался за своей двойной линіей укрѣпленій, въ тѣхъ частяхъ Франціи, которыя еще оставались не заняты нѣмцами, республиканское правительство стало собирать мобилей (запасныхъ) и



Объединеніе Германіи. Крупныя клѣтки—Пруссія въ 1815—64 годахъ, мелкія клѣтки—пріобрѣтенія Пруссіи въ 1864—66 гг.—·—·—граница Сѣверо-германскаго союза 1866—70 гг. Вертикальными полосками показаны области, отнятыя у Франціи въ 1871 г.

волонтеровъ, чтобы двинуть нѣсколько новыхъ армій на выручку Парижа. Имперія потеряла кампанію въ теченіе мѣсяца; республика, возникшая въ критическій моментъ, продержала оборону пять мѣсяцевъ. Но успѣха не могло быть противъ численнаго перевѣса хорошо приготовленнаго къ борьбѣ непріятеля. Вновь сформированныя арміи были отражены, Парижъ, вынуждаемый голодовкой, сдался. Бисмаркъ поставилъ условіемъ мира отдачу Эльзаса и половины Лотарингіи съ Мецомъ и уплату 5 милліардовъ военной контрибуціи (1871).

Digitized by Google

Во время войны произошло окончательное объединеніе Германіи. Германскіе короли и князья, собравшись при осадѣ Парижа въ Версали, предложили Вильгельму императорскую корону. На *германскую имперію*, въ которую вошли и южныя области, распространилось то устройство, которое уже было въ сѣверо-германскомъ союзѣ, при сохраненіи мѣстныхъ (26-ти) правительствъ и ландтаговъ. На основаніи имперской конституціи общегерманскій рейхстагъ, избираемый всеобщей подачей голосовъ, долженъ былъ состоять изъ представителей всей націи, независимо отъ отдѣльныхъ государствъ, вошедшихъ въ имперію. Рейхстагу главнымъ образомъ предоставлено разсматривать бюджетъ имперіи; общими дѣлами считаются содержаніе арміи и флота, управленіе дорогами, почтой и телеграфомъ, условія внѣшней торговли. Касса имперіи составляется изъ особыхъ взносовъ (матрикулъ) отдѣльныхъ государствъ.

Несмотря на всеобщее избирательное право, Германія сохранила во многихъ чертахъ монархическо-чиновничье устройство. Императоръ составлялъ министерство независимо отъ партій въ рейхстагѣ. Канцлеромъ остался заправлявшій политикой съ 1862 года Бисмаркъ, и въ этомъ званіи онъ пробылъ до 1890 года. Все это время онъ въ сущности неограниченно правилъ, вполнѣ подчиняя себѣ недалекаго Вильгельма I, назначая и смѣняя министровъ по своему усмотрѣнію и превративъ ихъ изъ товарищей въ подвластныхъ секретарей. Военное управленіе было почти изъято изъ вѣдѣнія рейхстага, такъ какъ его заставили принять законъ, по которому онъ опредѣлялъ военный бюджетъ не ежегодно, а на семь лѣтъ впередъ.

Въ рейхстагѣ ни одна партія не имѣла абсолютнаго большинства (т.-е. превышающаго половину всѣхъ голосовъ); въ отдѣльности онѣ были слишкомъ слабы, чтобы проводить мѣры въ духѣ своихъ программъ, а интересы ихъ слишкомъ разрознены, чтобы достигать между собою соглашенія. Обычный пріемъ Бисмарка и состоялъ въ томъ, что онъ сближался съ однѣми группами, дѣлалъ имъ уступки и проводилъ затѣмъ нужную ему мѣру противъ другихъ группъ.

При образованіи имперіи главной опорой его были національ-либералы, сторонники единства, соединявшіе военный патріотизмъ съ требованіемъ умѣренной политической свободы. Они поддержали канцлера въ борьбѣ съ совершенно новой *католической партіей*, незамѣтной до тѣхъ поръ въ Германіи, впервые сложившейся благодаря общимъ выборамъ и враждебной строю имперіи; партія назвалась *центромъ* по случайному положенію своему въ рейхстагѣ.

Въ имперіи было сначала проведено отдѣленіе церкви отъ государства: свѣтская власть предоставила духовенству свободно выбирать и

Digitized by Google

назначать на церковныя должности, оставила ему надзоръ за церковными школами и независимыя сношенія съ папою. Но католики, согласно притязаніямъ, все возраставшимъ съ 40-хъ годовъ до Ватиканскаго собора, добивались большаго—настоящей власти надъ обществомъ. Партія центра требовала, чтобы папѣ была возвращена свѣтская власть; она хотѣла ввести въ имперскую конституцію статью о „свободѣ религіи", т.-е., такъ же какъ во Франціи въ 1850 году, установить господство церкви надъ всѣмъ преподаваніемъ и надъ семейной жизнью. Епископы запретили старокатоликамъ учить въ университетахъ и школахъ и отлучили ихъ отъ церкви.

Когда во главѣ партіи центра сталъ Виндгорстъ, бывшій министръ свергнутой въ Ганноверѣ династіи, и соединилъ съ католиками недовольныхъ имперіей вельфовъ, поляковъ и эльзасцевъ, Бисмаркъ нашелъ, что положеніе опасно для новаго государства особенно потому, что „папа послѣ Ватиканскаго собора сталъ болѣе неограниченнымъ, чѣмъ какой-либо монархъ въ мірѣ, и въ лицѣ епископовъ располагаетъ слѣпыми орудіями своей воли". Бисмаркъ объявилъ въ парламентѣ: „мы не пойдемъ въ Каноссу" (мѣсто униженія германскаго императора передъ папою въ 1077 г.). Съ нимъ соединились либералы, требуя энергической борьбы противъ возрождающихся средневѣковыхъ понятій, которыя грозятъ всему просвѣщенію.

Во имя независимости имперіи парламентъ настоялъ на изгнаніи іезуитовъ изъ Германіи и принялъ противъ католическаго духовенства стѣснительные, такъ назыв. „майскіе", законы (1873—1875): вводился *гражданскій бракъ* (т.-е. необязательность церковнаго освященія союза), отъ кандидатовъ въ священники требовали посѣщенія свѣтскихъ университетовъ и сдачи экзаменовъ, наконецъ всякое назначеніе на духовную должность должно было идти на утвержденіе правительства. Къ тѣмъ епископамъ, которые не подчинялись требованіямъ, стали примѣнять суровыя мѣры; ихъ привлекали къ суду, отрѣшали отъ должности, лишали доходовъ, сажали въ тюрьму. Папа объявилъ всѣ новые законы противными церковнымъ уставамъ и недѣйствительными и привѣтствовалъ осужденныхъ епископовъ. Столкновеніе, которое либералы прозвали *культуркой борьбой*, приняло рѣзкую форму. Бисмаркъ поневолѣ долженъ былъ сблизиться со свободомыслящими; его упрекали въ томъ, что онъ опирается на евреевъ, на атеистовъ.

Одно время всѣ почти епископскія мѣста оставались вакантными, до тысячи священниковъ были смѣщены. Но Бисмаркъ не сломилъ католической партіи. Напротивъ, на выборахъ центръ выигралъ еще больше мѣстъ и сталъ самой сильной партіей въ рейхстагѣ (100 изъ 397). Католики ничего не уступили; пришлось ослабить мѣры строгости, вер-

Digitized by Google

нуть епископовъ; съ 80-хъ годовъ майскихъ законовъ почти не примѣняли.

Конституція и національные вопросы въ Австро-Венгріи. Одновременно съ объединеніемъ Германіи преобразовалась и австрійская монархія. Австрія вернулась въ 1849 году къ абсолютизму. Но неудачи, понесенныя ею въ эпоху національныхъ войнъ, привели ее къ конституціонному строю, похожему на другія европейскія государства. За двумя большими пораженіями 1859 и 1866 гг. послѣдовали и въ Австріи рѣшительныя реформы.

Финансовая нужда, какъ и вездѣ, заставила правительство обратиться къ обществу, которое раньше такъ старательно отодвигали отъ политики. Послѣ потери Ломбардіи австрійское правительство рѣшило преобразовать армію; на это потребовались большія средства, и ихъ надѣялись покрыть займомъ. Но выпущенныя бумаги были куплены только на одну треть: ни патріотизма, ни довѣрія къ власти не хватало въ странѣ. Императоръ самъ призналъ въ манифестѣ, что причиной военнаго пораженія были „издавна унаслѣдованныя злоупотребленія“. Онъ просилъ подданныхъ о содѣйствіи и обѣщалъ реформы.

Но отъ австрійскаго правительства, которое всегда, кромѣ эпохи Іосифа II, опиралось на аристократію и католическое духовенство, нельзя было ожидать демократической политики. Оно не обратилось къ народу, не созвало учредительнаго собранія, а пожаловало конституцію посредствомъ „диплома“ и „патента“ (указовъ), какъ гласили устарѣлыя канцелярскія выраженія. О всеобщемъ избирательномъ правѣ не было и рѣчи. Систему выборовъ придумали еще болѣе хитрую и еще менѣе справедливую, чѣмъ въ Пруссіи. Населеніе раздѣлили на 4 куріи, т.-е. разряды избирателей: крупныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ палатъ (изъ крупныхъ фирмъ), горожанъ и крестьянъ. Парламентъ, *рейхсратъ*, служитъ представительствомъ не страны, а курій, выбирающихъ отдѣльно и дающихъ огромный перевѣсъ земельной и денежной аристократіи: въ первой курін одинъ депутатъ приходится на 60 избирателей, во второй—на 30, въ четвертой—на 11.000 слишкомъ.

Конституція 1861 года была дѣломъ главнымъ образомъ нѣмцевъ западной половины государства. Но въ Австріи привлечь населеніе къ политикѣ значило поднять счеты между народностями, какъ въ 1848 году. Мадьяры согласны были принять только такой порядокъ, при которомъ они составляли бы независимое королевство. Поэтому они отказались участвовать въ парламентѣ и оставили правительство безъ поддержки въ войнѣ 1866 года противъ Пруссіи и Италіи. Послѣ этой войны произошла новая реформа, которая почти возвратила мадьярамъ порядки 1848 года. За венгерскимъ королевствомъ Австрія признала самосто-

Digitized by Google

ятельность, и политическій порядокъ основался на системѣ *дуализма*, т.-е. раздвоенія западной и восточной половины (къ западной части, впрочемъ, отошла Галиція). Союзъ двухъ государствъ называется Австро-Венгріей; каждая половина имѣетъ свою столицу (Вѣну и Буда-Пештъ), свой парламентъ, своихъ министровъ, свои законы и управленіе и свой національный языкъ. Онѣ соединены личностью государя, который называется въ одной половинѣ императоромъ, въ другой—королемъ; у нихъ общее управленіе во внѣшнихъ дѣлахъ и общіе финансы для арміи и флота; особые имперскіе министры ежегодно совѣщаются съ делегаціями, т.-е. выборными отъ обоихъ парламентовъ.

Этотъ порядокъ вызвалъ въ Австро-Венгріи оппозицію двоякаго рода. Во-первыхъ, со стороны либеральнаго нѣмецкаго бюргерства, требующаго расширенія избирательнаго права. Во-вторыхъ, со стороны народностей, оттѣсненныхъ двумя господствующими, нѣмцами и венграми: въ Австріи самостоятельности добиваются особенно чехи, въ Венгріи—хорваты. Борьба идетъ изъ-за равноправности языковъ въ судѣ, въ дѣловыхъ сношеніяхъ и особенно въ школьномъ дѣлѣ: чеховъ и нѣмцевъ, между прочимъ, старались примирить устройствомъ двухъ параллельныхъ и разноязычныхъ университетовъ въ Прагѣ.

Обѣ оппозиціи враждебны другъ другу: въ то время, какъ нѣмцы соединяютъ демократическія симпатіи съ наклонностью къ централизаціи управленія, славяне отстаиваютъ противъ нихъ самостоятельность областей, но подъ ея прикрытіемъ выступаютъ интересы землевладѣльческой аристократіи. Правительство колеблется между ними. Иногда оно клонитъ къ либерализму; въ 1892 году ввели всеобщее избирательное право въ странной формѣ: не отмѣняя четырехъ курій, для общей подачи голосовъ устроили пятую, такъ что перевѣсъ аристократіи въ парламентѣ остался. При такомъ направленіи политики въ оппозиціи соединяются національныя партіи. Если правительство опирается на консервативныя группы и даетъ просторъ мѣстной и племенной обособленности, противъ него поднимаются нѣмцы. Національные вопросы остаются крайне важными для Австро-Венгріи, но они обратились во внутреннія дѣла, которыя уже не грозятъ Европѣ воинственнымъ разрѣшеніемъ, какъ въ промежутокъ отъ 1848 до 1870 годовъ.

Конецъ національныхъ войнъ и милитаризмъ въ Европѣ. Послѣ франко-прусской войны Европа получила свой нынѣшній видъ. За 36 лѣтъ (1871—1907) внѣшнія столкновенія происходили только изъ-за отдаленнаго юго-восточнаго ея угла: на Балканскомъ полуостровѣ продолжалась борьба за независимость небольшихъ народностей, грековъ, ру-

Digitized by Google

мынъ, сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, противъ старыхъ завоевателей турокъ, составляющихъ въ европейской части Оттоманской порты меньшинство землевладѣльцевъ, чиновниковъ и солдатъ. Въ этой борьбѣ принимали участіе Россія и Австрія, поддерживая возстающихъ и пріобрѣтая отъ Турціи территоріи.

Съ 1830 по 1886 годъ идетъ постепенный *раздѣлъ Турціи:* выдѣляется Черногорія, Греція, потомъ Румынія, Сербія, Болгарія; Россія получаетъ устье Дуная, Австрія беретъ Боснію и Герцеговину. Самымъ крупнымъ моментомъ въ судьбѣ балканскихъ народностей была война 1877—1878 года, которую Россія вела за освобожденіе Болгаріи. Война грозила концомъ турецкаго господства въ Европѣ, но результаты ея были уничтожены вмѣшательствомъ Англіи, а для размежеванія интересовъ европейскихъ державъ на востокѣ былъ созванъ *третій большой конгрессъ* въ XIX вѣкѣ, Берлинскій (1878).

Къ 70-мъ годамъ XIX вѣка, послѣ рѣзкихъ столкновеній, европейскія націи объединились и разграничились другъ отъ друга. Далеко не всѣ удовлетворены: въ Австріи протестуютъ славянскія народности, въ Германіи—эльзасцы, недовольные присоединеніемъ къ имперіи, и поляки Познани, въ Италіи радикально-патріотическая партія считаетъ отечество „неискупленнымъ", пока въ подчиненіи Австріи остаются итальянцы на восточномъ берегу Адріатическаго моря. Но изъ-за этихъ протестовъ уже не можетъ возгорѣться общеевропейская война.

Никто не оспариваетъ права націи на „самоопредѣленіе", хотя это право въ началѣ XIX вѣка казалось революціонной идеей. Сильныя націи не только соединились въ сплоченныя политическія тѣла, но и получили конституціонное устройство, т.-е. право распоряжаться самостоятельно своими дѣлами. Но такъ какъ освобожденія и объединенія происходили насильственно, путемъ „крови и желѣза", они оставили тяжелый слѣдъ: создался особый воинственный патріотизмъ, очень сильный въ Германіи въ 70-хъ годахъ, выражавшійся въ лозунгѣ: „Германія, Германія превыше всего!" Опираясь на эти чувства, Бисмаркъ собирался черезъ 4 года послѣ франко-прусской войны разгромить Францію окончательно. Обратно, во Франціи не только сознавали необходимость обороняться отъ новаго нападенія безпокойнаго сосѣда, но въ свою очередь сильно распространена была мысль о „реваншѣ", т.-е. отмщеніи за потери 1871 года: говорили о возвращеніи отнятыхъ областей и, больше того, о захватѣ всего лѣворейнскаго берега. Въ виду этихъ острыхъ отношеній Франція ввела у себя по примѣру Германіи *всеобщую воинскую повинность.*

Эта повинность въ 70-хъ годахъ стала общей чертой всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Англіи: она, казалось, отвѣчала понятіямъ

Digitized by Google

демократіи, такъ какъ притягивала къ службѣ всѣ классы одинаково; но въ дѣйствительности она стала народнымъ учрежденіемъ только въ Швейцаріи, гдѣ всѣ способные носить оружіе обучаются строю въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и гдѣ народное ополченіе исключительно назначается для обороны страны. Въ другихъ государствахъ Европы все вниманіе обращено на увеличеніе состава дѣйствующей арміи, на скопленіе военныхъ массъ; содержаніе ихъ служитъ большимъ обремененіемъ для народа; армія считается силой, посторонней политикѣ, т.-е. это значитъ—она должна быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Эти черты небывалаго раньше преобладанія военнаго интереса и военныхъ силъ въ новоевропейскихъ государствахъ обозначили именемъ „милитаризма“. Бисмаркъ, его итальянскіе подражатели, особенно Криспи, и ихъ сторонники, ссылаясь на успѣхи національныхъ войнъ, любили говорить о *реальной* политикѣ, при чемъ разумѣли угрозы силой, вытѣсненіе болѣе слабаго противника, воинственные союзы. Согласно этимъ взглядамъ три государства средней Европы, Германія, Австрія и Италія, составили въ началѣ 80-хъ годовъ *тройственный союзъ;* въ отвѣтъ на него и въ видѣ обороны соединились Франція и Россія: при сравненіи этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу союзовъ обыкновенно подсчитывали количество солдатъ, которое каждый изъ нихъ могъ бы выставить въ крайнемъ случаѣ.

Промышленная буржуазія, главная сила, которая содѣйствовала національнымъ объединеніямъ, сначала выиграла отъ милитаризма. Большія военныя кампаніи и послѣдующее снабженіе войскъ припасами, амуниціей, снарядами требовали крупныхъ поставокъ. Артиллерійское вооруженіе германской арміи съ 60-хъ годовъ приняла на себя фирма Круппа въ Рейнской провинціи, и ея заводы образовали цѣлый городъ (Эссенъ) съ 100.000 рабочихъ. Контрибуція въ 5 милліардовъ, взятая съ Франціи, должна была пойти на уплату по исполненію большихъ сооруженій, слѣд., опять-таки въ руки промышленныхъ предпринимателей. Руководители политики постоянно повторяли фразу о поощреніи національной промышленности; обладатели капитала спѣшили пустить его въ оборотъ. Въ Берлинѣ поднялась строительная горячка; „грюндеры“, основатели компаній и предпріятій, разсчитывали на увеличившуюся покупательную способность въ обществѣ. Французскіе милліарды были однако очень скоро прожиты: они подняли цѣны на всѣ предметы, подняли и заработную плату. Но масса предпріятій оказались раздутыми и не могли себя покрыть; грюндерство кончилось множествомъ банкротовъ и безработицей уже черезъ 3 года.

Международный союзъ рабочихъ, ученіе Маркса и германская соціалъ-демократія. Иначе относились къ воинственной политикѣ объединенія

Digitized by Google

рабочіе классы. Развитіе національной промышленности, правда, увеличило во многихъ промыслахъ заработную плату, но въ то же время подняло цѣны на предметы первой необходимости. Тяжело отзывается на бытѣ рабочаго трехлѣтняя обязательная воинская повинность. Поэтому наиболѣе развитыя группы рабочихъ высказывались противъ войны и недовѣрчиво относились ко всей національной политикѣ. Бебель и Либкнехтъ протестовали въ парламентѣ противъ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи. Вожди рабочихъ вообще указывали на то, что между людьми труда разныхъ странъ нѣтъ и не можетъ быть вражды, напротивъ, ихъ интересы солидарны (согласны), и они должны соединиться въ общую организацію для противодѣйствія исключительной политикѣ національнаго.

Часть европейскихъ рабочихъ пыталась въ 60-хъ годахъ соединиться для общихъ дѣйствій такъ же, какъ въ 40-хъ годахъ объединялись европейскіе республиканцы. Соединеніе произошло въ 1864 году въ Лондонѣ, гдѣ представители англійскихъ трэдовъ предложили рабочимъ делегатамъ материковыхъ странъ составить *интернаціоналъ* (международное общество рабочихъ). Въ основу устройства былъ положенъ проектъ Маркса: разъ въ годъ долженъ былъ собираться конгрессъ делегатовъ отъ группъ, разсѣянныхъ въ разныхъ странахъ; онъ назначаетъ общій совѣтъ, засѣдающій въ Лондонѣ и подготовляющій дѣла. Интернаціоналъ не имѣлъ цѣли дѣйствовать возстаніями; его основатели хотѣли установить единодушіе въ средѣ рабочихъ и послѣдовательно мирнымъ путемъ добиваться ихъ освобожденія. На первыхъ конгрессахъ, собиравшихся въ Швейцаріи и Бельгіи, было рѣшено вести борьбу съ капиталистами посредствомъ рабочихъ союзовъ, затѣмъ требовать политическихъ правъ для рабочихъ, прекращенія войнъ и уничтоженія армій, передачи въ руки государства путей сообщенія, рудниковъ и лѣсовъ, а съ теченіемъ времени и земли, годной для обработки.

Самый вліятельный дѣятель Интернаціонала, Марксъ, продолжая мысли, высказанныя уже въ 1848 году, началъ систематически излагать соціалистическое ученіе въ своемъ сочиненіи „Капиталъ“ (съ 1868 года). Въ кругахъ соціалистовъ сложились подъ его вліяніемъ опредѣленныя представленія о ходѣ европейской исторіи и переворотѣ, ожидающемъ европейское общество въ близкомъ будущемъ. Въ основѣ ихъ—тотъ взглядъ, что строй общества, а вмѣстѣ съ нимъ политическій порядокъ и кругъ понятій во всякую эпоху зависитъ отъ экономическаго быта, точнѣе отъ *условій производства*. Въ средніе вѣка преобладало земледѣліе, и главные предприниматели, землевладѣльцы, были господствующимъ классомъ, составляли государство и выработали культуру рыцарства. Въ новое время водворился капиталистическій строй, основанный на крупной всесвѣтной индустріи и торговлѣ; онъ оторвалъ массу рабочихъ отъ земли и далъ

Digitized by Google

руководящее положеніе буржуазіи. Этотъ строй пойдетъ своимъ неизбѣжнымъ путемъ развитія. Большія предпріятія будутъ все расти и поглощать мелкія, капиталъ будетъ все болѣе и болѣе сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ. Всѣ самостоятельныя хозяйства исчезнутъ, и бывшіе владѣльцы земли или мастера ремесла сойдутъ на положеніе рабочихъ наемниковъ у капиталистовъ. Но въ крайности заключается спасеніе, и отъ обнищанія одинъ шагъ къ противоположному порядку: чѣмъ обширнѣе станутъ массы пролетаріевъ, соединенныхъ въ гигантскія предпріятія, тѣмъ крѣпче они сложатся въ организаціи для взаимной защиты своихъ интересовъ; съ другой стороны, капиталисты, уничтоживши мелкую собственность, собравши разсыпанныя до тѣхъ поръ сбереженія, сами расчистятъ рабочимъ дорогу: людямъ труда, уже сплоченнымъ въ непобѣдимую силу, останется только овладѣть сосредоточеннымъ богатствомъ. Тогда произойдетъ *обобществленіе* орудій производства: капиталъ, земля, строенія, сооруженія, машины станутъ достояніемъ организованной массы трудящихся, и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезнетъ на землѣ различіе классовъ.

Интернаціоналъ не имѣлъ никакихъ матеріальныхъ средствъ, чтобы проводить въ жизнь свои ученія. Но онъ внушалъ неопредѣленный страхъ правительствамъ и буржуазіи: думали, что у него большая касса для помощи рабочимъ въ случаѣ стачекъ; иной хозяинъ изъ-за такого опасенія готовъ былъ идти на уступки.

Война 1870—71 гг., поднявшая по обѣ стороны Рейна національное самолюбіе, повела къ паденію Интернаціонала. Въ его средѣ произошло къ тому же крупное раздѣленіе. Изъ него вышли руководимые русскимъ эмигрантомъ и революціонеромъ 1848 года, Бакунинымъ, сторонники *анархизма*: они высказывались противъ основной идеи соціалъ-демократіи, что рабочіе должны стремиться къ захвату политической власти для наилучшаго устройства своего матеріальнаго положенія. Государство, по мнѣнію анархистовъ, представляется зломъ само по себѣ, какъ главная и высшая форма принужденія; только съ его ослабленіемъ и отмѣной наступятъ лучшія условія для трудящихся классовъ.

Конгрессы Интернаціонала прекратились въ 1872 году. Однако паденіе международнаго союза рабочихъ не остановило соціалистическаго движенія въ отдѣльныхъ странахъ. Соціализмъ сталъ проникать въ *профессіональные* союзы рабочихъ, соединявшихся по видамъ производства. Особенно силенъ былъ ростъ его въ Германіи. Послѣ промышленнаго кризиса 1875 года рабочіе были очень раздражены. Лассалеанцы, т.-е. рабочіе-націоналисты, и марксисты, до тѣхъ поръ враждовавшіе съ ними, соединились въ одну партію и на общегерманскомъ конгрессѣ въ Готѣ выставили общую соціалъ-демократическую программу: они требовали

Digitized by Google

республиканскаго строя и непосредственныхъ практическихъ реформъ въ видѣ единаго прогрессивнаго налога, свободы союзовъ, нормальнаго рабочаго дня, запрещенія дѣтскаго труда, охраны фабричныхъ рабочихъ, отвѣтственности хозяевъ за жизнь и здоровье рабочихъ.

Къ концу 70-хъ годовъ за соціалъ-демократію было подано на выборахъ до полумилліона голосовъ; вмѣсто двухъ депутатовъ, сидѣвшихъ въ рейхстагѣ 1871 г., партія имѣла 12, при чемъ выдвинула представителя отъ самой столицы Берлина. Это было тѣмъ болѣе замѣчательно, что всѣ остальныя партіи на выборахъ соединялись противъ соціалъ-демократіи, и она могла проводить своихъ кандидатовъ только тамъ, гдѣ имѣла абсолютное большинство. Партія собиралась ежегодно на конгрессы, соединяла взносы сочленовъ въ крупную кассу, на средства которой велась агитація, издавалось болѣе 40 газетъ и оплачивалось содержаніе депутатовъ (въ Германіи депутаты не получаютъ жалованья).

Исключительные законы, торговая и соціальная политика Бисмарка. Въ виду угрожающаго роста рабочей партіи, Бисмаркъ воспользовался случайными покушеніями на императора, обвинилъ въ нихъ соціалистовъ, распустилъ рейхстагъ, въ которомъ преобладали либералы, и предложилъ новому рейхстагу вотировать „исключительные законы"; они воспрещали всякое собраніе, союзъ и сочиненія, имѣющія цѣлью ниспроверженіе общественнаго строя, а также все, что можетъ нарушить согласіе между разными классами населенія. Полиціи было поручено задерживать соціалистическія сочиненія и закрывать собранія соціалистовъ. Правительство могло также вводить, гдѣ бы оно нашло нужнымъ, малое осадное положеніе, воспрещать тамъ всякія собранія и высылать неудобныхъ или подозрительныхъ лицъ. Соціалъ-демократы послѣ этого въ теченіе 12 лѣтъ не могли выпускать открыто своихъ изданій въ Германіи: они перенесли свои журналы и газеты, свои собранія въ Швейцарію, Бельгію, Англію; дома они должны были скрывать свою дѣятельность въ клубахъ и кружкахъ подъ другими названіями. Въ періодъ исключительныхъ законовъ было посажено въ тюрьму около 1500 лицъ, почти 1000 выслано, закрыто болѣе 150 періодическихъ изданій и запрещена масса книжекъ и брошюръ.

Вступивши на путь реакціи, Бисмаркъ не ограничился мѣрами преслѣдованія. Онъ пытался начать въ имперіи новую промышленную политику.

При основаніи имперіи дали просторъ фритрэду: внѣшняя торговля была почти освобождена отъ пошлинъ; государство отказывалось отъ вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими; большая партія націоналъ-либераловъ, набиравшаяся частью изъ предпринимателей промышленныхъ округовъ, была главной опорой Бисмарка. Черезъ

Digitized by Google

нѣсколько времени Бисмаркъ, желая усилить доходы имперіи, пришелъ къ другому плану. Онъ предполагалъ ввести *монополію государства* на предметы обширнаго потребленія, табакъ и спиртные напитки, и обложить пошлинами ввозъ иностранныхъ товаровъ, за которые Германія ежегодно отдавала 4 милліарда за границу. Тогда имперія, получая огромные доходы изъ косвенныхъ налоговъ, не нуждалась бы больше во взносахъ отдѣльныхъ мелкихъ правительствъ и могла бы стать могущественнымъ руководителемъ національной промышленности.

Когда Бисмаркъ выступилъ съ этимъ планомъ, національ-либералы раскололись: часть ихъ осталась вѣрной идеямъ свободнаго обмѣна и присоединилась къ партіи „свободомыслящихъ“ (т.-е. прежнихъ прогрессистовъ). Другая пошла за Бисмаркомъ и согласилась на его новые налоги и на систему опеки промышленности. На тѣхъ самыхъ выборахъ 1878 года, послѣ которыхъ были изданы исключительные законы, старая либеральная партія, болѣе всего помогавшая основанію имперіи, потерпѣла сильное пораженіе. Бисмаркъ сблизился съ консерваторами, провелъ пошлины на ввозные товары, табакъ, керосинъ, кофе, и оградилъ пошлинами на иностранное зерно и ввозное желѣзо интересы германскихъ производителей хлѣба и металла. Такимъ образомъ онъ перешелъ къ *протекціонизму*, который соотвѣтствовалъ его представленію о сильномъ правительствѣ, руководящемъ промышленной жизнью страны. Бисмаркъ обратился также къ захвату заморскихъ колоній, почти неизбѣжно связанному съ государственнымъ покровительствомъ индустріи и торговлѣ. Германія заявила право на обширныя территоріи въ Африкѣ, на группы острововъ въ Тихомъ океанѣ, водрузила въ нихъ свой флагъ, начала покореніе туземцевъ, постройку колоніальнаго флота для сбыта отечественныхъ продуктовъ за океанъ.

Опираясь на эти успѣхи, имѣя передъ собою раздробленную и слабую оппозицію, Бисмаркъ въ 80-хъ годахъ давалъ чувствовать народному представительству свой перевѣсъ: онъ рѣдко говорилъ въ парламентѣ, выражался высокомѣрно и, не желая выслушивать критики, уходилъ изъ залы, когда на трибуну поднимался вождь свободомыслящихъ, Рихтеръ.

Бисмаркъ усвоилъ въ это время также враждебныя либерализму, нѣсколько неясныя идеи охраны труда, слишкомъ громко названныя именемъ *государственнаго соціализма*. Онъ опирался при этомъ на распространенное въ Германіи научное направленіе. Въ 70-хъ годахъ нѣсколько ученыхъ и промышленниковъ образовали *союзъ соціальной политики*: они начали рядъ изслѣдованій о положеніи рабочихъ, предлагали государству издать законы объ охранѣ фабричнаго труда, ввести фабричную инспекцію, страхованіе рабочихъ, заняться улучшеніемъ ихъ жилищъ.

Digitized by Google

Фритредеры, враждебные какому-либо вмѣшательству власти, считавшіе нужнымъ предоставить рабочій вопросъ естественному ходу вещей, прозвали членовъ союза „соціалистами на каѳедрѣ“; но профессора этого направленія не принимали ни политическихъ взглядовъ соціалистовъ, ни ихъ экономическихъ требованій объ имущественномъ равенствѣ, обобществленіи орудій труда и т. д.

Въ 1881 году Бисмаркъ началъ проводить нѣкоторыя требованія умѣренныхъ соціалъ-политиковъ. Его сотрудникомъ былъ одинъ изъ старыхъ друзей Лассаля, Бухеръ, составившій текстъ посланія, подписаннаго Вильгельмомъ I и заключавшаго въ себѣ слова: „государство не есть учрежденіе для однихъ имущихъ“. Бисмаркъ возвѣстилъ двѣ цѣли: обезпеченіе рабочаго въ случаѣ неспособности къ работѣ и доставленіе заработка лишеннымъ занятій (иначе проведеніе „права на трудъ“), но осуществилъ только первую. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были изданы законы, которые опредѣлили обязательное *страхованіе рабочихъ* отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ и на время старости или неспособности къ труду. На вознагражденіе или пенсіи рабочихъ отведены страховые капиталы, которые составляются изъ имперской ссуды, взносовъ предпринимателей и взносовъ самихъ рабочихъ.

Соціалисты отнеслись къ законамъ недовѣрчиво: мѣры были недостаточны въ ихъ глазахъ, предѣлъ старости, напр., былъ опредѣленъ слишкомъ поздній; это были благотворительные законы, они не измѣняли условій труда; это былъ только маневръ правительства, чтобы отвлечь рабочихъ отъ соціалъ-демократіи. Рабочіе были мало тронуты реформами. Все болѣе и болѣе примыкали они своими голосами къ партіи, стоявшей въ непримиримомъ противорѣчіи со всей правительственной политикой. Исключительные законы не остановили роста соціалъ-демократіи. Они были отмѣнены въ 1890 году съ уходомъ Бисмарка въ отставку (при новомъ императорѣ Вильгельмѣ II). На выборахъ этого года соціалисты получили почти полтора милліона голосовъ. Къ концу столѣтія они собрали почти два милліона; наконецъ, на выборахъ 1903 года они получили три милліона (изъ 8 милліоновъ голосовавшихъ) и провели въ рейхстагъ 80 депутатовъ; Берлинъ представленъ въ рейхстагѣ исключительно соціалистами.

По силѣ рабочей партіи Германія превзошла другія страны Европы; это обстоятельство находится въ связи съ быстрымъ возрастаніемъ германскаго населенія и болѣе значительнымъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, развитіемъ индустріи.

Парижская коммуна и буржуазная реакція во Франціи. Третья республика начала свое существованіе съ жестокаго междоусобія, которое было заразъ послѣдствіемъ паденія имперіи и тяжелой войны. Въ средѣ

Digitized by Google

мелкой буржуазіи и рабочихъ накопилось много раздраженія противъ произвола императорской полиціи и чиновниковъ, противъ разныхъ неблаговидныхъ пріемовъ наживы, процвѣтавшихъ при имперіи. Эти чувства сказались уже во время короткой парижской революціи 4 сентября, низвергнувшей имперію. Не успѣли опомниться парижане, какъ началась осада города съ двухмилліоннымъ населеніемъ. Войска не имѣлось, была образована національная гвардія, для чего вооружили около 300.000 преимущественно рабочихъ, мелкихъ мастеровъ и молодежи. Большею частью это были патріоты, требовавшіе „войны до послѣдней крайности". Въ теченіе 5 мѣсяцевъ люди были безъ дѣла, такъ какъ вылазокъ не предпринималось, но въ постоянной опасности отъ бомбардировки и къ концу подъ страхомъ голода.

Возбужденные всѣмъ этимъ, защитники Парижа были крайне поражены, когда узнали о полной капитуляціи страны передъ германскимъ нашествіемъ. Національное собраніе, сошедшееся въ Бордо, а потомъ въ Версали, было составлено изъ противниковъ войны, посланныхъ главнымъ образомъ крестьянами, землевладѣльцами и крупной буржуазіей, въ значительной мѣрѣ изъ консерваторовъ и сторонниковъ изгнанныхъ династій. Патріоты и республиканцы Парижа и большихъ городовъ видѣли въ нихъ „деревенщину", испугавшуюся жертвъ и опасностей войны за отечество. Съ прекращеніемъ осады Парижа люди достаточные спѣшили выѣхать изъ города; оставались въ опустошенномъ городѣ бѣдняки, рабочіе, мелкій людъ, которому некуда было дѣваться. Новое версальское правительство, во главѣ котораго собраніе поставило Тьера, довело ихъ раздраженіе до послѣдней степени: оно рѣшило отнять у національныхъ гвардейцевъ, т.-е. рабочихъ, не имѣвшихъ за остановкой дѣлъ никакихъ занятій, ихъ суточное жалованье въ $1^1/_2$ франка, а въ то же время потребовать почти немедленной оплаты квартиръ и вообще исполненія платежей, отсроченныхъ на время осады; послѣднія мѣры грозили полнымъ разоренiемъ мелкой буржуазіи. Но парижское населеніе было вооружено; національные гвардейцы приняли красное революціонное знамя, отказались выдать пушки, отбили регулярныя войска и разстрѣляли двухъ взятыхъ въ плѣнъ генераловъ. Въ Парижѣ была объявлена *коммуна*, т.-е. полная самостоятельность города; вожди коммунальной революціи помѣстились въ городской Думѣ, образовали новый городской совѣтъ и обратились съ воззваніемъ къ другимъ городамъ, предлагая преобразовать Францію въ федерацію коммунъ. Въ средѣ коммунаровъ было немного соціалистовъ, и въ Парижѣ не было произведено захвата или передѣла имуществъ; вожди революціи главнымъ образомъ вдохновлялись примѣромъ 1793 года, когда патріотизмъ якобинцевъ возстановилъ военную силу Франціи.

Digitized by Google

Состоятельные классы, имѣя во главѣ версальское правительство, повели настоящую войну противъ коммуны; произошла новая осада Парижа, съ обѣихъ сторонъ были совершены ненужныя жестокости: въ Парижѣ перебили „заложниковъ“ изъ числа состоятельныхъ людей, а версальскія войска захватили столицу и разстрѣляли нѣсколько тысячъ взятыхъ въ плѣнъ коммунаровъ. Массу захваченныхъ людей судили военными судами; сослали $7^1/_2$ тысячъ въ нездоровую колонію Новой Каледоніи; за политическіе взгляды приговаривали къ каторгѣ.

Кровавая драма 1871 года придала особый характеръ новому устройству. Такъ же, какъ въ 1848 г., на первое мѣсто выступили консервативныя партіи, или партіи „порядка“, какъ онѣ любили себя называть. Большинство въ національномъ собраніи раздражалось противъ „мятежныхъ“ рабочихъ и требовало самыхъ суровыхъ мѣръ противъ Интернаціонала, который обвиняли въ возстаніи коммуны. Представители труда, желавшіе сговориться между собою, должны были съ величайшими предосторожностями скрываться гдѣ-нибудь въ подвальномъ помѣщеніи трактира; ихъ выслѣживали при помощи добровольныхъ доносчиковъ и при малѣйшемъ подозрѣніи арестовывали. Поднималась даже рѣчь о томъ, чтобы отмѣнить данное въ 1864 году право коалицій.

Глава исполнительной власти Тьеръ, получившій титулъ *президента республики*, вполнѣ присоединялся къ этому настроенію: онъ находилъ, что „республика будетъ консервативной или ея вовсе не будетъ“. Но въ вопросѣ о формѣ правленія онъ расходился съ большинствомъ собранія. Монархисты имѣли въ палатѣ перевѣсъ; раздѣляясь на три враждебныя другъ другу династическія партіи (легитимистовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ), они согласны были въ томъ, чтобы не давать пока странѣ окончательнаго устройства и при первомъ случаѣ опрокинуть республику. Въ 1873 году двѣ первыя партіи сговорились, наконецъ, на избраніе королемъ графа Шамбора, внука Карла X. Но претендентъ самъ сдѣлалъ свое появленіе во Франціи невозможнымъ, объявивъ, что приметъ „бѣлое знамя Генриха IV и Жанны д'Аркъ“, и осудивши великую революцію 1789 года. Между тѣмъ собраніе свергло Тьера и избрало президентомъ генерала имперіи, командовавшаго при Седанѣ, Макъ-Магона, склоннаго на монархическую реставрацію; власть президента была при этомъ опредѣлена на продолжительный срокъ семи лѣтъ. Макъ-Магонъ составилъ министерство „нравственнаго порядка“ изъ монархистовъ. Оно поспѣшило „очистить“ персоналъ чиновниковъ отъ людей, расположенныхъ къ республикѣ; въ должности вошли по большей части прежніе служащіе имперіи.

Стѣснили театръ и печать, запретили уличную продажу газетъ. Католикамъ былъ предоставленъ полный просторъ: іезуиты устроили огром-

Digitized by Google

ное паломничество къ часовнѣ Сердца Іисуса Христа въ Парижѣ въ знакъ того, что они требуютъ возвращенія папѣ свѣтской власти. Богомольцы пѣли: „Спаси, Господи, Римъ и Францію!“ разумѣя для Франціи возстановленіе монархіи. Въ видѣ признанія, что іезуиты овладѣли Парижемъ, національное собраніе подарило имъ землю для закладки церкви Сердца Христова на высотахъ Монмартра, откуда виденъ весь громадный городъ, и гдѣ будто бы Игнатій Лойола собралъ своихъ первыхъ послѣдователей. Несмотря на то, что низшая и средняя школа уже находились въ рукахъ католиковъ, они требовали еще „свободы высшаго образованія“, т.-е. отдачи имъ университетовъ.

Республиканская конституція во Франціи. Однако въ странѣ не хотѣли подвергаться риску новой реставраціи, и поэтому росло расположеніе къ республикѣ, какъ порядку, обезпечивающему спокойствіе. На частичныхъ выборахъ (въ случаѣ смерти или выхода отдѣльныхъ депутатовъ) побѣждали республиканцы. Монархисты избѣгали называть Францію республикой, но должны были, наконецъ, согласиться на выработку конституціи.

Въ 1875 году въ собраніи республиканцы (лѣвые) были почти равны по количеству монархистамъ (правымъ). Въ представленномъ проектѣ устройства властей не упоминалось имени республики, и раздвоенное собраніе сначала не могло придти ни къ какому рѣшенію. Тогда отъ правыхъ отдѣлилась небольшая группа и перешла къ республиканцамъ; большинствомъ одного голоса рѣшили ввести названіе республики.

Точно такъ же ничтожнымъ большинствомъ былъ рѣшенъ вопросъ о *сенатѣ*, т.-е. верхней палатѣ. Монархисты хотѣли, чтобы его члены назначались президентомъ. Партіи согласились на томъ, чтобы $^1/_4$ членовъ сената въ качествѣ пожизненныхъ была назначена національнымъ собраніемъ, а позднѣе пополнялась бы самимъ сенатомъ; остальные $^3/_4$ подлежатъ избранію на 9 лѣтъ по департаментамъ, при чемъ избираютъ коллегіи изъ членовъ генеральныхъ совѣтовъ (земскихъ собраній) и представителей общинъ. *Палата депутатовъ* должна была выходить изъ всеобщей подачи голосовъ. Законодательная власть предоставлена обѣимъ палатамъ наравнѣ, закономъ становится то, что принято въ каждой изъ нихъ большинствомъ; бюджетъ разсматривается сначала палатой депутатовъ. Но сенатъ можетъ по предложенію президента вотировать распущеніе палаты. Оба собранія законно могутъ засѣдать лишь 5 мѣсяцевъ въ году; на остальное время президентъ можетъ отсрочить засѣданіе и править одинъ. Для выбора президента и для измѣненія основного закона сенатъ и палата депутатовъ соединяются въ конгрессъ.

Конституція 1875 года, дѣйствующая во Франціи понынѣ, не похожа на предшествующія французскія конституціи, начиная съ 1791 года. Въ

Digitized by Google

ней нѣтъ основныхъ правъ и она не составляетъ одного цѣлаго, а распадается на нѣсколько законовъ о верховныхъ властяхъ, принятыхъ въ разное время. Она носитъ слѣды монархическаго происхожденія: президенту, избираемому на семь лѣтъ, предоставлено положеніе конституціоннаго короля, располагающаго правомъ распускать палаты и назначать министровъ. Сенату, не выходящему изъ народныхъ выборовъ, дана возможность задерживать работу демократической палаты.

Въ дѣйствительности, политическая жизнь Франціи пошла по пути *парламентарной демократической республики*. Установились политическіе обычаи, которые стали сильнѣе неопредѣленныхъ законовъ. Палата, составленная изъ народныхъ представителей, съ самаго начала получила перевѣсъ надъ всѣми другими учрежденіями. Она стала выраженіемъ народнаго верховенства. Президентъ долженъ былъ справляться прежде всего съ мнѣніями ея большинства и сообразно этому составлять или мѣнять министерства. Министры стали считаться солидарными между собою, т.-е. они принимали общую программу и обязывались всѣ ея держаться; отвѣчая всѣ вмѣстѣ за правительственныя мѣры, они признаютъ осужденіе того или другого отдѣльнаго министра за приговоръ всему министерству и выходятъ коллективно въ отставку. Получился порядокъ, похожій на англійское управленіе кабинета. Въ странѣ установился, наконецъ, строй, отвѣчавшій характеру ея демократическаго общества,—строй, котораго она добивалась болѣе 80 лѣтъ. Одно наслѣдіе старой монархіи и наполеонизма еще оставалось во Франціи: слабое развитіе мѣстнаго самоуправленія и перевѣсъ въ провинціи чиновниковъ, назначаемыхъ изъ центра.

Новый политическій порядокъ установился не сразу. Послѣ принятія конституціи въ новой палатѣ большинство состояло изъ республиканцевъ. Однако, вопреки ясно выраженному настроенію страны, Макъ-Магонъ хотѣлъ „идти до конца“ и подготовить возвращеніе монархіи. Онъ далъ отставку республиканскимъ министрамъ и взялъ консерваторовъ (1877). Палата большинствомъ 363 голосовъ высказалась противъ новыхъ министровъ; тогда Макъ-Магонъ съ согласія сената распустилъ палату. Для новыхъ выборовъ консервативные министры выставили офиціальныхъ кандидатовъ, какъ во времена имперіи; вездѣ они смѣняли чиновниковъ и расположенныя къ республикѣ городскія думы, мѣшали устройству республиканскихъ собраній и распространенію республиканскихъ газетъ. Духовенство старалось возбудить вѣрующихъ противъ республики.

Въ отвѣтъ на это республиканцы всѣхъ оттѣнковъ, умѣренные и радикальные, объединились: всѣ 363 выступили съ одной общей программой. Гамбетта, главный вождь республиканцевъ, выставилъ два поло-

Digitized by Google

женія. Одно выражалось въ формулѣ: „настоящій врагъ нашъ—клерикализмъ“; другимъ онъ опредѣлялъ положеніе президента: „когда страна выскажется, надо будетъ подчиниться или подать въ отставку“.

Несмотря на всѣ усилія консерваторовъ, выборы дали большинство республиканцамъ. Всѣ тѣ избранія, которыя были произведены подъ давленіемъ правительства или духовенства, палата кассировала (признала недѣйствительными). Мирные пути для реакціи были исчерпаны; но Макъ-Магонъ не рѣшился на государственный переворотъ въ духѣ 2 декабря 1851 года. Онъ призвалъ опять республиканцевъ въ министерство, а черезъ годъ самъ ушелъ въ отставку. На его мѣсто былъ выбранъ старый республиканецъ 1848 года, Греви.

Реформы республиканской буржуазіи. Это былъ настоящій конституціонный президентъ, ставшій въ сторонѣ отъ борьбы партій. Побѣдившіе республиканцы выступили съ рядомъ реформъ, которыя должны были прежде всего обезпечить новый политическій строй. Въ знакъ примиренія съ радикальнымъ Парижемъ палаты перешли изъ Версаля въ столицу; осужденные коммунары были амнистированы (прощены); въ день взятія Бастиліи, 14 іюля, установили національный праздникъ. Провели полную свободу печати: проступки по дѣламъ печати подлежатъ суду присяжныхъ. Сотрудникъ Гамбетты въ устройствѣ національной обороны 1870 года, инженеръ Фрейсинэ, представилъ огромный планъ публичныхъ работъ по всей Франціи, переустройства желѣзныхъ дорогъ, проведенія каналовъ и улучшенія гаваней.

Другой республиканскій вождь, Ферри, повелъ энергическую борьбу противъ духовенства и его вліянія на просвѣщеніе. Онъ предложилъ отнять у католическихъ высшихъ заведеній званіе университетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить права преподаванія въ среднихъ школахъ всѣхъ членовъ недозволенныхъ во Франціи конгрегацій. Послѣднему требованію воспротивился консервативный сенатъ. Тогда республиканскіе министры рѣшили примѣнить къ недозволеннымъ конгрегаціямъ старые революціонные законы и удалить ихъ членовъ изъ Франціи: въ 1880 году были закрыты орденскіе дома іезуитовъ и другихъ обществъ; іезуитовъ выводили за руки изъ зданій и высылали; нѣсколько ихъ сторонниковъ изъ среды аристократіи горячо протестовали, но масса населенія осталась равнодушной; затѣмъ закрыли іезуитскія школы и до 300 монастырей. Натуралистъ Поль Беръ, указывая на огромный вредъ, нанесенный просвѣщенію католической школой, набросалъ обширный планъ новой постановки чисто свѣтскаго образованія. Въ этомъ духѣ Ферри провелъ преобразованіе народной школы. Первоначальное образованіе было объявлено *обязательнымъ, даровымъ* и *свѣтскимъ*. Каждая община должна имѣть школу, которая содержится на мѣстныя и государственныя сред-

Digitized by Google

ства; никто не можетъ уклониться отъ обученія въ ней своихъ дѣтей; преподаваніе закона Божія не обязательно.

Этими реформами въ существѣ исчерпывалась республиканская программа Гамбетты и массы его сторонниковъ. Самъ Гамбетта сталъ высказываться за остановку и умѣренность. На большомъ митингѣ Торговаго союза онъ, въ качествѣ предсѣдателя, говорилъ рѣчь противъ „химеръ“ и ученій объ имущественномъ равенствѣ, „приносящихъ лишь вредъ рабочимъ“. Трудъ и капиталъ должны не бороться между собою, а мирно соперничать на общее благоденствіе Франціи. Онъ говорилъ также, что особаго „соціальнаго вопроса“ нѣтъ, есть отдѣльные соціальные вопросы о частныхъ улучшеніяхъ въ бытѣ рабочихъ; достаточно предоставить общую свободу слова и собраній, чтобы разрѣшать всѣ затрудненія между рабочими и предпринимателями.

Въ палатѣ отъ Гамбетты отдѣлились радикалы, или крайняя лѣвая, упрекавшіе умѣренныхъ республиканцевъ въ томъ, что они покинули принципы и стали оппортунистами (т.-е. приноравливаются къ условіямъ и обстоятельствамъ). *Оппортунизмомъ* называли съ этого времени умѣренную буржуазную политику. Радикалы требовали отмѣны сената, какъ учрежденія, враждебнаго демократіи, подоходнаго налога (въ процентѣ, возрастающемъ съ размѣромъ дохода), выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, отдѣленія церкви отъ государства (т.-е. уничтоженія расходовъ на духовенство и на богослуженіе). Особенно рѣзокъ былъ разрывъ Гамбетты съ рабочими группами. Благодаря амнистіи, въ ихъ средѣ появились теперь прежніе соціалистическіе вожди. Когда Гамбетта выступилъ въ 1881 году передъ своими старыми избирателями въ Бельвилѣ, его встрѣтили свистками и не давали говорить. Въ свою очередь Гамбетта, расположенный къ диктаторскимъ пріемамъ, пригрозилъ „разыскать крикуновъ въ ихъ берлогахъ“. Но и въ средѣ умѣренныхъ республиканцевъ многіе находили его политику слишкомъ личной и противорѣчащей демократическимъ началамъ. Составленное Гамбеттой „великое министерство“ не оправдало ожиданій и было низвергнуто черезъ три мѣсяца (черезъ годъ, въ концѣ 1882 г., Гамбетта умеръ).

Его преемникъ въ министерствѣ, Ферри, продолжалъ политику оппортунизма, выгодную для крупной буржуазіи. Вмѣсто того, чтобы выкупить желѣзныя дороги, заключили на долгій срокъ договоръ съ большими владѣтельными компаніями и предоставили пути сообщенія въ ихъ полное распоряженіе. Ферри старался также дать просторъ интересамъ промышленности во внѣшней политикѣ. Послѣ возникновенія сильной воинственной Германіи надо было разстаться съ мыслью о французскихъ завоеваніяхъ въ Европѣ. Но можно было искать новыхъ рынковъ для французской индустріи въ колоніяхъ, стремиться къ пріобрѣтенію земли

Digitized by Google

въ странахъ невысокой культуры. У Франціи съ 1830 г. имѣлся Алжиръ, колонія, доставшаяся послѣ кровавой борьбы съ мѣстными кочевниками и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій создававшая больше расходовъ, чѣмъ выгодъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ къ нему присоединили сосѣдній болѣе богатый Тунисъ. Возникла мысль о томъ, чтобы связать сѣверо-африканскія колоніи съ владѣніями въ Гвинеѣ и Сенегалѣ черезъ Сахару. Но особенно Ферри поддерживалъ завоевательную политику въ восточной Азіи, именно въ Тонкинѣ, сосѣднемъ съ прежней французской колоніей Аннамъ.

Колоніальныя предпріятія французовъ, за исключеніемъ Туниса, не отличались успѣхомъ. Въ Египтѣ они должны были уступить вліянію Англіи, хотя проведеніе важнаго Суэцкаго канала, открывшаго кратчайшій путь изъ Европы въ южную и восточную Азію, было дѣломъ французскаго инженера Лессепса. Въ Тонкинѣ погибло много людей въ войнѣ съ туземцами и отъ нездороваго климата. На министерство Ферри посыпались обвиненія, что оно вовлекаетъ Францію въ рискованныя и разорительныя предпріятія, и оно должно было пасть (1885).

Черезъ три года враждебныя республикѣ партіи собрались около случайной личности генерала Буланже, въ которомъ монархисты, какъ въ Макъ-Магонѣ, видѣли лишь орудіе для низверженія существующаго строя. Еще разъ сплотились республиканцы всѣхъ оттѣнковъ, чтобы отстоять конституцію, обезпечившую странѣ спокойствіе. Послѣ этого республика утвердилась неоспоримо, и вопросъ о политической формѣ отступилъ назадъ. Во Франціи опредѣлились двѣ большія группы, составляющіяся каждая изъ нѣсколькихъ партій: 1) консервативная, опирающаяся на землевладѣльцевъ, крестьянъ, на духовенство, еще сильное въ болѣе глухихъ провинціяхъ, частью на крупную буржуазію, и одно время на генераловъ и офицеровъ арміи; 2) радикальная, лѣвое крыло которой составляютъ соціалисты, сильная главнымъ образомъ въ Парижѣ, Ліонѣ, Марселѣ, крупныхъ городахъ сѣвера, среди мелкой буржуазіи, большей части интеллигенціи и городскихъ рабочихъ. Соціализмъ долго не составлялъ партіи въ палатѣ, хотя во Франціи еще въ первой половинѣ XIX вѣка возникли главныя его ученія. Двѣ большія неудачи, въ 1848 и въ 1871 году, разстроили ряды рабочей демократіи; мелочная взаимная борьба обезсиливала соціалистическіе кружки. Наконецъ, крайне рѣзкимъ врагомъ соціализма во Франціи съ 1848 года было многочисленное крестьянство, крѣпко стоящее за неприкосновенность своей собственности. Но съ 90-хъ годовъ XIX в. соціалисты образовали большую силу въ палатѣ.

Digitized by Google

Въ 1898—1900 годахъ консерваторы и радикалы рѣзко столкнулись по поводу осужденія военнымъ судомъ, по приказу военнаго начальства, офицера Дрейфуса, который былъ отправленъ въ вѣчное одиночное заключеніе. Съ трудомъ удалось добиться пересмотра этого дѣла. Въ печати, собраніяхъ, на самомъ судѣ, вездѣ бились изъ-за общихъ вопросовъ: въ то время, какъ консерваторы защищали преувеличенное понятіе о національной чести и величіи, замкнутость арміи и неприкосновенность военной дисциплины, радикалы стояли за гуманность, чистый, независимый судъ и проведеніе въ армію гражданскихъ демократическихъ идей.

Побѣдой радикаловъ была въ 1905 году отмѣна наполеоновскаго конкордата и *отдѣленіе церкви отъ государства*. Поддержаніе культа стало дѣломъ исключительно вѣрующихъ приходанъ; государство не платитъ болѣе жалованья епископамъ и священникамъ; церковныя имущества переходятъ въ вѣдѣніе общинъ, которыя могутъ пользоваться ими для другихъ цѣлей, особенно просвѣтительныхъ.

XI.

Демократическое развитіе Англіи.

Рабочіе союзы и время остановки реформъ. Одновременно съ переходомъ Франціи, Германіи и Италіи ко всеобщему избирательному праву происходило развитіе демократіи въ Англіи. Бурные 40-ые годы смѣнились затишьемъ въ слѣдующее десятилѣтіе. Одна изъ причинъ этой перемѣны заключалась въ расширеніи англійской торговли и возрастаніи индустріи; Англія стала „міровой мастерской“ по выраженію одного изъ ея восхвалителей. Заработки во многихъ отрасляхъ промышленности повысились; распространились потребительныя товарищества, которыя понизили цѣну на предметы первой необходимости для бѣдныхъ классовъ. Но помимо того, что уменьшились основанія для жалобъ, измѣнилась тактика рабочихъ группъ, главныхъ участниковъ демократическихъ движеній эпохи 1815—48 гг.

Признавая невозможность общаго возстанія, рабочіе болѣе сложныхъ спеціальностей, такъ наз. въ Англіи „обученные“, т.-е. механики, типографы, каменьщики, плотники, башмачники и т. п., положили всѣ усилія на устройство трэдовъ. Основная цѣль этихъ мѣстныхъ союзовъ по спеціальностямъ состояла въ томъ, чтобы поддерживать сочленовъ, лишающихся работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса, произвола хозяина, по случаю болѣзни или при наступленіи неспособности къ труду, чтобы выдавать изъ общей кассы пособія неимущимъ, семьѣ умершаго или переселяющемуся рабочему; люди одного промысла сговаривались между

Digitized by Google

собою, какого образа дѣйствій держаться относительно предпринимателей, и выбирали представителей для переговоровъ. Трэды входили между собою въ союзы *(юніоны)* двоякаго рода: соединялись всѣ промыслы данной мѣстности, и соединялись одинаковые промыслы разныхъ мѣстностей или всей Англіи. Союзы послѣдняго рода поддерживались и развивались постояннымъ перемѣщеніемъ рабочихъ; переселявшіеся рабочіе основывали вѣтви въ новыхъ пунктахъ, и между родственными союзами составлялись федераціи. Рабочіе трэдовъ оставили мысль о всеобщей пріостановкѣ работъ, которая могла бы принудить имущіе классы къ уступкамъ; они допускали отдѣльныя стачки лишь въ случаѣ крайности. Многіе союзы предпочитали ассигновать суммы на эмиграцію безработнымъ, чѣмъ прибѣгать къ мѣрамъ устрашенія. Они исходили отъ взгляда, что между предпринимателемъ и рабочимъ всегда возможно и необходимо соглашеніе. Они сходились съ фритрэдерами буржуазіи въ томъ понятіи, что государство не должно вмѣшиваться въ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Ихъ цѣль была замѣнить „войну между классами“ „промышленной дипломатіей“. Поэтому долгое время трэды отрекались отъ участія въ политикѣ; изъ осторожности, въ собраніяхъ союзовъ было запрещено поднимать политическіе вопросы.

Между тѣмъ трэдъ-юніоны сами становились большой политической силой. Въ своихъ собраніяхъ рабочіе пріучались къ правильнымъ дебатамъ и выборамъ; отъ рабочихъ делегатовъ, составлявшихъ комитеты управленія, требовалось большое искусство и энергія для созыва и устройства съѣздовъ, для орудованія значительными союзными кассами; администрація дѣлъ стала настолько сложной, что союзы нанимали особый персоналъ служащихъ, которымъ платили жалованье. При крупныхъ столкновеніяхъ стала обнаруживаться ихъ соединенная сила: когда (въ 1859 г.) плотники и каменьщики соединились въ огромной стачкѣ съ цѣлью добиться 9-часового рабочаго дня, ихъ поддержали дружественные союзы подпиской, которая дала крупную сумму денегъ. Вслѣдствіе этого и предприниматели стали искать соглашенія съ рабочими. Во многихъ промыслахъ устанавливался обычай, въ силу котораго капиталисты вѣдались не съ отдѣльными небольшими группами рабочихъ, а съ могущественными соединеніями ихъ, которыя ставили общія условія найма и порядка работы. Союзы, служившіе вначалѣ взаимной помощи и страхованію, выдвинули новую цѣль: въ каждомъ производствѣ добиваться равномѣрной нормальной платы и одинаковаго рабочаго дня. Но ихъ стѣсняли законы относительно стачекъ, оставшіеся послѣ 1825 года: рабочіе имѣли право предъявлять хозяевамъ выработанныя въ своей средѣ требованія. но все, что служило къ подготовкѣ общихъ требованій, не только принужденіе товарищей, но и простое уговариваніе ихъ, строго наказывалось.

Digitized by Google

Это затрудненіе заставило руководителей союзовъ искать снова участія въ политической жизни, чтобы добиться лучшаго *рабочаго законодательства*. Въ 60-хъ годахъ нѣсколько талантливыхъ и энергичныхъ рабочихъ представителей въ центральныхъ комитетахъ трэдовъ, постоянно встрѣчавшіеся въ Лондонѣ, образовали какъ бы союзъ союзовъ, такъ наз. хунту. Ихъ усиліями возникъ Интернаціоналъ. Для Англіи они поставили важную политическую задачу: ввести представителей рабочихъ классовъ въ парламентъ. Это движеніе привело ко второй парламентской реформѣ 1867 года.

Послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ въ 1846 г. консерваторы въ Англіи надолго потеряли власть. Съ небольшими перерывами въ теченіе 20 лѣтъ (1846—1866) правили либеральныя министерства, которыя опирались на прежнихъ виговъ и присоединившихся къ нимъ пилитовъ, т.-е. консерваторовъ, обратившихся вмѣстѣ съ Пиломъ къ фритрэду. Но во внутреннихъ дѣлахъ либералы оставались бездѣятельными. Во внѣшней политикѣ либеральный министръ Пальмерстонъ дѣйствовалъ даже вопреки мирной программѣ фритрэдеровъ. Мирныя ожиданія сторонниковъ свободнаго обмѣна основывались на увѣренности въ огромной силѣ англійской индустріи, которой не хватаетъ только дешеваго сырья изъ-за границы, чтобы завоевать своими продуктами главные рынки Европы и другихъ частей свѣта. Между тѣмъ поднялась самостоятельная индустрія Франціи и Германіи, на востокѣ грозилъ экономическій ростъ Россіи; англійская промышленность встрѣчала соперниковъ, и являлась мысль защищать ея интересы силой: Пальмерстонъ и представлялъ собой воинственное направленіе англійскихъ торговыхъ интересовъ. Онъ старался поддерживать на материкѣ безпорядки, чтобы ослабить промышленныхъ противниковъ: въ 1848 г. содѣйствовалъ паденію Луи Филиппа, въ Крымской войнѣ въ союзѣ съ Наполеономъ думалъ ослабить Россію; также въ союзѣ съ Франціей онъ началъ войну съ Китаемъ, чтобы насильственно открыть отдаленные восточные рынки для ввоза опіума. Въ соотвѣтствіи съ этою воинственностью Пальмерстонъ принималъ вызывающій притязательный тонъ: однажды, по поводу оскорбленія въ Греціи англійскаго подданнаго, онъ собирался двинуть къ ея берегамъ англійскій флотъ и сдѣлалъ въ палатѣ знаменитое заявленіе, что имя англичанина должно всюду гарантировать ему почетъ и преклоненіе, какъ въ свое время гражданину властнаго Рима. Хотя въ дѣйствительности этимъ высокомѣрнымъ фразамъ плохо соотвѣтствовали военныя силы Англіи, однако Пальмерстонъ пользовался большою популярностью въ патріотически-промышленныхъ кругахъ англійскаго общества; консерваторы втайнѣ были довольны, что онъ стоитъ у власти, тѣмъ болѣе, что онъ противился всякой реформѣ внутри.

Digitized by Google

Вторая избирательная реформа. Со смертью Пальмерстона (1865) во главѣ управленія сталъ старый вигъ Россель, а главнымъ вліятельнымъ министромъ сдѣлался Уильямъ Гладстонъ. Въ началѣ своей дѣятельности (1833) „восходящая надежда суровыхъ и непреклонныхъ торіевъ", ставленникъ магната, располагавшаго „гнилымъ мѣстечкомъ", потомъ депутатъ строго консервативнаго Оксфорда, Гладстонъ постепенно перекодилъ налѣво, сталъ вмѣстѣ съ Пилемъ сторонникомъ свободной торговли, потомъ сблизился съ радикалами и наконецъ сдѣлался главнымъ направителемъ демократическихъ реформъ въ Англіи. Въ Гладстонѣ были черты богослова и проповѣдника: онъ любилъ исходить отъ возвышенныхъ общихъ принциповъ и умѣлъ придавать своимъ требованіямъ и проектамъ торжественно-гуманитарный стиль; до конца дней своихъ онъ держался чопорнаго англиканства и наивной вѣры, и въ то же время его „безпокойный умъ" заставлялъ его съ настойчивой послѣдовательностью идти впередъ по пути измѣненій, которыя онъ считалъ справедливыми, требовать свободы совѣсти для атеистовъ, признанія правъ католической церкви въ Ирландіи, а подъ конецъ политической карьеры стать, вопреки своимъ симпатіямъ, горячимъ защитникомъ ирландской независимости. Съ 60-хъ и до 90-хъ годовъ идеалистическая и демократическая политика Гладстона перебивается въ Англіи воинственными традиціями Питтовъ и Пальмерстона, преемникомъ которыхъ сдѣлался бывшій радикалъ 40-хъ годовъ, Дизраэли.

Когда трэды вызвали къ себѣ общее вниманіе, обѣ партіи, либеральная и консервативная, стали наперерывъ искать поддержки рабочей массы и предлагать съ этою цѣлью расширеніе избирательнаго права. Въ 1866 г., среди напряженнаго ожиданія страны, Гладстонъ внесъ проектъ реформы, который заключалъ въ себѣ значительное *пониженіе ценза*, особенно для городскихъ жителей. Гладстонъ говорилъ: „желающіе выключить массу рабочихъ должны показать неспособность, безтактность, недостойность рабочихъ классовъ. Всякій, кто не признанъ неспособнымъ или опаснымъ, долженъ участвовать въ политической жизни". Но во время обсужденія проекта отъ либераловъ отдѣлилась аристократическая группа и, ссылаясь на стачки, волненія въ Ирландіи, успѣхи трэдовъ, объявила, что демократическая перемѣна поведетъ къ революціи. Министерство потеряло большинство и вышло въ отставку, уступивъ мѣсто консерваторамъ (Дизраэли). Между тѣмъ движеніе въ пользу реформы приняло широкіе размѣры, какъ передъ 1832 и 1846 годами. Въ манифестаціяхъ, въ массовыхъ митингахъ передовую роль играли трэды. Въ лондонскомъ Гайдъ-паркѣ былъ назначенъ колоссальный митингъ, къ которому должны были двинуться разныя группы со своими знаменами; правительство распорядилось запереть паркъ, чтобы помѣшать собранію.

Digitized by Google

Часть собравшихся не захотѣла столкновенія съ полиціей и ушла на сосѣдній Трафальгаръ-скверъ; но другіе сломали рѣшетку и заняли Гайдъ-паркъ. На другой день вожди движенія предложили министерству удалить полицію и оставить паркъ подъ охраной народа. Правительство уступило и подъ впечатлѣніемъ манифестаціи поспѣшило съ реформой.

Проектъ его былъ дополненъ либералами, и реформу можно разсматривать, какъ дѣло Гладстона. Она была похожа на реформу 1832 г., не провозглашала общаго принципа и не давала общаго избирательнаго права. Опять отняли голоса у нѣсколькихъ мѣстечекъ и отдали болѣе населеннымъ городамъ и мѣстностямъ. Затѣмъ понизили цензъ и распространили избирательное право на квартиронанимателей, платящихъ не менѣе 10 фунтовъ (100 р.) въ годъ. Въ существѣ реформа давала право голоса большей части городскихъ фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ; въ деревнѣ она совсѣмъ не захватила бѣднѣйшаго класса, батраковъ. Но ее можно считать переходомъ къ демократіи; она увеличивала мѣстами вдвое, мѣстами втрое число избирателей (въ цѣломъ до 2.700.000); она вводила въ парламентъ людей мелкаго дохода и чисто трудовыхъ профессій.

Одновременно съ избирательной реформой происходило революціонное движеніе въ Ирландіи. Послѣ голода 1848 г. и огромнаго выселенія въ Ирландіи замерла политическая жизнь. Она стала опять возрождаться подъ вліяніемъ сѣверо-американской междоусобной войны, въ которой ирландцы-эмигранты принимали дѣятельное участіе. Бывшіе солдаты-ирландцы составили главную основу новой національной партіи, которая приняла легендарное имя *феніевъ* и ставила цѣлью вооруженное возстаніе и обращеніе Ирландіи въ независимую отъ Англіи республику. Изъ-за океана прибывали таинственные агитаторы; происходили ночныя собранія. Феніи вошли въ переговоры съ революціонерами на материкѣ. Возстаніе должно было начаться одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ Ирландіи и Англіи. Но европейскіе революціонеры не оказали никакой помощи, а въ Ирландіи большая часть сельскаго населенія не была расположена къ возстанію. Правительство предупредило планы и арестовало нѣсколько руководителей.

Несмотря на то, что движеніе потерпѣло неудачу, Гладстонъ съ обычной настойчивостью указывалъ, что въ Ирландіи неотложно необходимы коренныя реформы. Дизраэли распустилъ старый парламентъ, чтобы поскорѣе испробовать значеніе новаго избирательнаго закона для партій. Либералы одержали на выборахъ крупную побѣду надъ консерваторами. Средніе классы Англіи отошли по большей части къ торіямъ. Перевѣсъ дали либераламъ города сѣверной Англіи съ ихъ рабочимъ населеніемъ и Шотландія, страна демократическая. Половину побѣдив-

Digitized by Google

шей партіи составляли радикалы. Нѣсколькихъ радикаловъ, между ними Брайта, Гладстонъ ввелъ въ свое новое министерство (1868—74).

Демократическія реформы перваго министерства Гладстона. Гладстонъ поставилъ на первую очередь преобразованіе Ирландіи. Онъ началъ съ церковной реформы; протестантизмъ былъ чуждъ $^4/_5$ населенія страны, а между тѣмъ ирландцы-католики должны были содержать постороннюю для нихъ государственную англиканскую церковь. Теперь ее обращали въ церковь свободную, зависимую только отъ входящихъ въ нее членовъ. Имущество отбиралось казной и за выдѣленіемъ хорошей доли на содержаніе духовенства, остальное должно было пойти на содержаніе ирландскаго университета. Затѣмъ Гладстонъ провелъ *земельный актъ*. Въ большей католической части Ирландіи фермеры, мелкіе съемщики, не имѣли прочнаго права на обрабатываемую землю; реформа состояла въ томъ, что они получили право болѣе состоятельныхъ фермеровъ протестантской сѣверо-восточной области, Ольстера, по которому съемщикъ, въ случаѣ его удаленія собственникомъ (лендлордомъ), могъ требовать вознагражденія за произведенныя имъ улучшенія въ обработкѣ земли, за возведенныя постройки и т. д. Этимъ способомъ надѣялись создать болѣе прочное положеніе фермера и болѣе заинтересовать его въ самой обработкѣ, поднять производительность ирландскаго земледѣлія. Но недовольство въ Ирландіи зашло слишкомъ далеко, и реформы оказались запоздалыми. Въ Ирландіи скоро образовалась партія *гомруля* (т.-е. самоуправленія), которая настаивала на устройствѣ особаго парламента въ странѣ, съ тѣмъ, чтобы самостоятельно рѣшить волнующіе страну вопросы, особенно земельный.

Гладстонъ продолжалъ между тѣмъ демократическія реформы: прошелъ *школьный законъ*, который подготовилъ въ Англіи установленіе общаго обязательнаго обученія. Учебное дѣло въ Англіи было до тѣхъ поръ предоставлено частной заботѣ и средствамъ. По предложенію Форстера, бо́льшую долю взяла на себя государственная власть: вѣдомство просвѣщенія могло устраивать школьные комитеты и, хотя они набирались изъ мѣстныхъ людей и пользовались мѣстными суммами, оно могло снабжать ихъ государственной субсидіей, смотря по нуждамъ мѣстностей, и присылать правительственныхъ инспекторовъ. Реформа школы была особенно нужна для деревень, гдѣ бѣдное рабочее населеніе, вынужденное съ ранняго возраста посылать своихъ дѣтей на работу, не могло дать имъ никакого обученія. Деревня старой южной Англіи была вообще забытой, заброшенной областью. Въ то время, какъ фабричные и ремесленные рабочіе соединялись въ трэды, болѣе раздробленные, забитые нуждой рабочіе сельскіе не могли и думать о союзахъ. При первой же попыткѣ нѣсколькихъ батраковъ организоваться,

Digitized by Google

въ 30-хъ гг. они были арестованы мѣстными властями, т.-е. землевладѣльцами, и сосланы въ Австралію. Избирательная реформа 1867 года обошла ихъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ среди нихъ произошло движеніе, во главѣ котораго стоялъ Арчъ, поденщикъ и проповѣдникъ методистской секты; въ одномъ графствѣ средней Англіи возникъ сельскій союзъ съ цѣлью добиться сокращенія рабочаго дня и возвышенія платы. Такъ какъ крупные фермеры оставили эти заявленія безъ вниманія, сельскіе рабочіе апеллировали къ обществу; собрался конгрессъ делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей, которые образовали „національную унію земледѣльческихъ рабочихъ“. Въ ихъ средѣ замѣтно было сильное участіе секты методистовъ.

Продолжая свою политику освобожденія низшихъ классовъ, Гладстонъ провелъ, наконецъ, законъ, который далъ трэдамъ *право корпорацій*, т.-е. право владѣть землей и движимостью и защищать передъ судомъ собственные интересы своихъ сочленовъ. Затѣмъ, для того чтобы обезпечить независимость мнѣній на выборахъ, Гладстонъ, согласно давнишнему требованію радикаловъ, ввелъ *тайную подачу голосовъ*; при прежнемъ открытомъ голосованіи мелкіе служащіе и рабочіе, часто опасаясь потерять заработокъ, голосовали поневолѣ заодно съ предпринимателями и хозяевами.

Реформы министерства Гладстона были очень рѣшительны и существенно измѣняли старинный строй Англіи: онѣ *эмансипировали*, хотя и не въ одинаковой степени, рабочіе классы и приближали ихъ къ политической жизни; онѣ разрушали привилегіи старинныхъ могущественныхъ корпорацій, особенно, напр., англиканской церкви. Но онѣ ничего не мѣняли въ общественномъ устройствѣ Англіи; распредѣленіе земли, порядки наслѣдованія, положеніе людей труда оставались прежними. Какъ въ республиканской программѣ Гамбетты, Ферри и др., такъ и въ дѣйствіяхъ Гладстона не было соціальной политики. Согласно ученію радикаловъ о „самопомощи“, трудовымъ и владѣльческимъ группамъ людей предоставлялось защищать свои интересы или добиваться улучшенія своей участи путемъ свободной борьбы или соглашенія.

При такой политикѣ многія группы оставались неудовлетворенными въ своихъ ожиданіяхъ. Трэды были недовольны тѣмъ, что остались въ силѣ наказанія за подготовку стачекъ, и рѣшили отдѣлиться отъ либеральныхъ партій, выставивъ собственныхъ рабочихъ кандидатовъ. Диссентеры, главная сила радикальной партіи въ сѣверной Англіи, были недовольны тѣмъ, что Гладстонъ въ реформѣ ирландскаго университета и англійскихъ школъ не далъ образованію чисто свѣтскаго характера и не предоставилъ религіозные вопросы дѣлу совѣсти частныхъ лицъ. Ирландскіе гомрулеры, неудовлетворенные церковной и земельной рефор-

Digitized by Google

мами, отстали также отъ либераловъ. Наконецъ, хотя Гладстонъ нашелъ безусловно нетерпимымъ отстранять далѣе деревню отъ политической жизни, однако въ этомъ смыслѣ ничего не было сдѣлано, и поднимавшійся классъ сельскихъ рабочихъ оставался въ неизвѣстности, къ какой партіи примкнуть.

Возвращеніе ко власти консерваторовъ и начало имперіализма. Между тѣмъ привилегированныя группы, владѣльцы, состоятельные классы были задѣты и встревожены „разрушительной“ для нихъ политикой Гладстона: аристократія—сокращеніемъ церковныхъ богатствъ и отмѣной продажи военныхъ должностей; трактирщики и винооторговцы—мѣрами къ сокращенію продажи спиртныхъ напитковъ; коммерческіе круги, заинтересованные въ восточной торговлѣ,—миролюбивой внѣшней политикой Гладстона, которая вела, повидимому, къ распаденію Турціи и усиленію Россіи въ Черномъ морѣ и прилегающихъ земляхъ. Военная слабость Англіи вообще почувствовалась во время франко-прусской войны, когда все вмѣшательство ея могло выразиться только въ платоническихъ протестахъ.

При обсужденіи вопроса объ ирландскомъ университетѣ Дизраэли, вождь консерваторовъ, бросилъ Гладстону общій упрекъ, въ которомъ отразились опасенія высшихъ классовъ. „Въ теченіе четырехъ лѣтъ вы угрожаете нашимъ учрежденіямъ и тѣмъ стариннымъ дареніямъ, къ которымъ привыкло наше общество. Вы во все вмѣшались; вы подчинили своему контролю всѣ профессіи и занятія. Никто не покоенъ за свое имущество; никто не знаетъ, какія будутъ завтра его обязанности“.

Гладстонъ распустилъ парламентъ, и на новыхъ выборахъ побѣдили консерваторы; кандидаты, выставленные рабочими, не прошли вслѣдствіе особаго характера англійскаго избирательнаго права, не допускающаго перебаллотировокъ; при первой и единственной подачѣ голоса разбиваются между всѣми имѣющимися партіями и побѣждаетъ тотъ, кто получилъ *относительное* большинство, хотя бы это было меньшинство голосовъ вообще. Послѣ пораженія 1874 г. Гладстонъ думалъ совсѣмъ оставить политику.

Дизраэли (скоро ставшій лордомъ Биконсфильдъ), вступивъ во власть (1874—80), почти ничего не измѣнилъ во внутреннемъ строѣ: нѣкоторыя реформы Гладстона были даже докончены, напр., обязательное обученіе, отмѣна наказаній за агитацію среди рабочихъ и полное уравненіе трэдовъ въ правахъ съ предпринимательскими союзами. Но консерваторы повели совершенно другую иностранную политику: Дизраэли открылъ эру *имперіализма*. Онъ постоянно говорилъ о могуществѣ Англіи, ея міровыхъ интересахъ и необходимости поддерживать ихъ вооруженными силами, которыя „неисчерпаемы въ этой странѣ“. Главная колонія Англіи, Индія, съ ея 200-милліоннымъ населеніемъ, была объявлена

Digitized by Google

имперіей. Чтобы обладать Суэцомъ, т.-е. ближайшимъ путемъ къ Индіи, англійское правительство внезапно купило на большую сумму суэцкія акціи у египетскаго хедива. Опасаясь раздробленія Турціи и захвата Константинополя Россіей, Биконсфильдъ занялъ враждебное положеніе къ балканскимъ славянамъ, несмотря на то, что Гладстонъ громилъ въ рѣчахъ „болгарскіе ужасы", т.-е. звѣрства турокъ въ Болгаріи. Въ 1878 г., когда русскія войска перешли Балканы, въ Мраморное море для охраны Константинополя вступилъ англійскій флотъ; мало того, Биконсфильдъ сталъ мобилизовать индійскія войска, которыя, согласно индійской конституціи, не могутъ быть употребляемы въ другихъ территоріяхъ. Успѣхи Биконсфильда въ иностранной политикѣ увлекли даже часть либеральной оппозиціи, и военные кредиты въ 1878 г. были вотированы огромнымъ большинствомъ. Россія согласилась на пересмотръ своего договора съ Турціей и вообще всего восточнаго вопроса на конгрессѣ европейскихъ державъ. Передъ самымъ Берлинскимъ конгрессомъ Биконсфильдъ заключилъ съ Россіей особое соглашеніе, въ которомъ обезпечилъ „свободу" проливовъ, соединяющихъ Черное море съ Эгейскимъ, т.-е. заперъ ихъ для русскаго флота; въ то же время онъ тайно договорился и съ Портой, получивъ отъ нея Кипръ, важный по своему положенію противъ Суэца; Англія взяла свое еще до конгресса. Биконсфильдъ, всюду счастливый, казался самымъ искуснымъ политикомъ въ Европѣ; онъ пользовался нѣкоторымъ эффектомъ, окружая свои планы вначалѣ „восточной" тайной и затѣмъ внезапно открывая ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Одинъ захватъ слѣдовалъ за другимъ: занятъ былъ проходъ изъ Индіи въ Афганистанъ, островъ Сокотора на серединѣ пути отъ Суэца къ Индіи, Трансвааль въ южной Африкѣ.

Результаты скоро дали себя знать. Афганцы въ Азіи, буры (голландскіе колонисты) въ Африкѣ нанесли тяжелыя пораженія англичанамъ. Крупныя траты на отдаленныя экспедиціи вызвали большіе дефициты въ бюджетахъ Англіи и Индіи; всѣмъ бросалась въ глаза противоположность этихъ растратъ блестящему финансовому управленію Гладстона и либераловъ, державшихся мира. На выборахъ 1880 г. консерваторы потерпѣли пораженіе: Гладстонъ, семидесятилѣтній старикъ, выступилъ снова, неутомимо разъѣзжалъ и говорилъ рѣчи съ большимъ жаромъ и рѣзкостью. Снова произошла полная смѣна политики: Биконсфильдъ вышелъ въ отставку; образовалось второе министерство Гладстона (1880—85), въ которомъ либералы и радикалы были представлены поровну, но, кромѣ того, сидѣли представители рабочихъ трэдовъ. Гладстонъ, еще болѣе склонявшійся теперь къ радикализму, продолжалъ дѣло своего перваго министерства.

Digitized by Google

Ирландскій вопросъ и третья избирательная реформа. Но положеніе было труднѣе. Во главѣ ирландскихъ гомрулеровъ сталъ оргинизаторъ необыкновенно искусный и популярный, Парнелъ, протестантъ и англичанинъ по происхожденію, но выросшій въ Ирландіи и проникнутый горячею привязанностью къ странѣ. Парнелъ предложилъ ирландскимъ депутатамъ держаться оппозиціи во что бы то ни стало, какая бы партія ни была у власти; не давать англичанамъ заниматься своими дѣлами до тѣхъ поръ, пока Англія не будетъ вынуждена предоставить Ирландіи самоуправленіе. Въ парламентѣ ирландцы усвоили тактику *обструкціи*: пользуясь устарѣлымъ порядкомъ, благодаря которому для преній не существовало никакого ограниченія, ирландцы произносили безконечныя рѣчи и безнадежно затягивали всѣ дѣла. Парнелъ вступилъ въ самой Ирландіи въ соглашеніе съ *земельной лигой*, устроенной Девиттомъ, феніемъ, вернувшимся изъ ссылки. Земельный актъ 1870 г. не мѣшалъ владѣльцу требовать съ мелкаго съемщика непомѣрной арендной платы и при невозможности платежа выселять его. Масса ирландцевъ въ виду безвыходнаго положенія выселились въ 70-хъ годахъ въ Америку.

Земельная лига поставила цѣлью защиту ирландскихъ съемщиковъ, ограниченіе правъ лендлордовъ и обращеніе фермеровъ въ постоянныхъ владѣтелей земли на условіи „справедливой“ (умѣренной) платы собственникамъ. Земельная лига повела агитацію въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; въ теченіе полугода 2 милліона людей приняли участіе въ 450 митингахъ. Парнелъ совѣтовалъ крестьянамъ сопротивляться выселенію до послѣдней возможности; для организаціи борьбы онъ собралъ большія суммы, пожертвованныя ему ирландскими патріотами Америки. Лига ставила своимъ членамъ обязательство не занимать участка, съ котораго согнанъ арендаторъ; она пріобрѣла огромный авторитетъ въ странѣ, точно настоящее правительство, приказы котораго безпрекословно исполнялись; фермеры обязывались вносить въ ея пользу 1% съ суммы своей аренды; лига вела запись поведенію землевладѣльцевъ и произносила надъ ними приговоры. Капитанъ Бойкотъ, объявленный лигой въ опалѣ, былъ покинутъ всѣми работниками и прислугой; нигдѣ онъ не могъ ничего купить и какъ бы подвергся осадѣ въ собственномъ домѣ (слово „бойкотъ“ стало нарицательнымъ для борьбы такого рода). На подмогу ему, чтобы убрать поля, пришли нѣсколько десятковъ протестантовъ изъ Ольстера; правительство прислало солдатъ, чтобы охранить ихъ отъ нападеній и оградить при обратной перевозкѣ; но землевладѣлецъ все же долженъ былъ выселиться въ Англію. Крупные собственники Ирландіи обратились къ ея намѣстнику съ жалобой на терроръ, господствующій въ странѣ, но изъ страха просили не опубликовывать ихъ именъ.

Digitized by Google

Министерство Гладстона выступило въ началѣ 1881 г. заразъ съ двумя противорѣчивыми мѣрами: 1) объявило принудительный законъ для Ирландіи, которымъ отмѣнялись гарантіи Habeas corpus и администраціи давалось полномочіе арестовывать лицъ, обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ нарушеніи порядка и государственной измѣнѣ; 2) внесло новый *земельный актъ*, обезпечивавшій фермеру прочное владѣніе и „справедливую“ арендную плату, установляемую судомъ на 15 лѣтъ; казна обязалась давать фермерамъ ссуды при покупкѣ земли и переходѣ ихъ изъ съемщиковъ въ собственники.

Земельный законъ раздражилъ лендлордовъ и не примирилъ ирландскихъ гомрулеровъ. Одинъ изъ либеральныхъ министровъ, герцогъ и пэръ, вышелъ въ отставку, въ Верхней палатѣ виги голосовали съ торіями противъ билля; земельная лига потребовала уничтоженія крупной собственности и отдачи земли крестьянамъ. Позади гомрулеровъ опять выступали феніи; они совершали аграрныя убійства, производили динамитные взрывы и покушенія на представителей англійской администраціи. Громя „новое евангеліе грабежа“, Гладстонъ запретилъ лигу и объявилъ ее распущенной, велѣлъ арестовать Парнелла и другихъ вождей и пріостановилъ въ Ирландіи судъ присяжныхъ. Но принудительныя мѣры не помогали. Англійское правительство должно было пойти на уступки. Съ вождями ирландскаго движенія было заключено соглашеніе, которое они подписали, сидя въ Кильменгемской тюрьмѣ въ Дублинѣ: ихъ отпустили на свободу, а министерство обѣщало сложить съ ирландскихъ фермеровъ недоимки.

Гладстонъ спѣшилъ съ большой избирательной реформой для всѣхъ частей государства, надѣясь примирить въ демократическомъ порядкѣ всѣ слои населенія. Въ палатѣ общинъ его проектъ прошелъ безъ затрудненій, и даже лорды не задержали его. Реформа 1884 г. въ отличіе отъ предшествующихъ называлась „закономъ о народномъ представительствѣ“; радикалы старались ввести однообразный порядокъ подачи голосовъ, уравнять права населенія, расширивъ участіе въ выборахъ и увеличивъ число депутатскихъ мѣстъ отъ слабо представленныхъ мѣстностей. Реформа почти равнялась введенію въ Англіи общаго избирательнаго права; но принципъ всеобщаго голосованія не былъ выраженъ, какъ это произошло въ Германіи и Франціи; право было предоставлено только владѣтелямъ домовъ и квартиръ; такимъ образомъ взрослые сыновья, живущіе съ отцами, лица, помѣщающіяся въ меблированныхъ комнатахъ, прислуга, лишены его. И въ этомъ радикальномъ законѣ сказалась характерная черта англійской политической жизни: избѣгли полнаго переустройства и приняли мѣру, лишь приспособленную къ опредѣленному случаю и требованію. Главное практическое значеніе

Digitized by Google

реформы состояло въ томъ, что она распространяла избирательное право на сельскихъ рабочихъ.

Окончаніе демократическихъ реформъ и усиленіе соціализма въ Англіи. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе выступала радикальная партія со своими реформами, отъ нея отпадали группы умѣренныхъ либераловъ, переходившія къ консерваторамъ. Гладстонъ и радикалы выставили теперь такую программу, изъ-за которой отъ нихъ ушла послѣдняя группа умѣренныхъ. На выборахъ 1895 года Гладстонъ требовалъ преобразованія мѣстнаго управленія въ демократическомъ духѣ, переустройства палаты лордовъ и аграрной реформы въ Англіи. Такъ какъ сельскіе рабочіе были обезземелены, начиная съ середины XVIII в., теперь предполагалось возобновить надѣленіе ихъ небольшими участками за счетъ мѣстныхъ сельскихъ управленій; въ краткой формулѣ требовали выдачи батракамъ (коттерамъ) „трехъ акровъ и коровы". Называть подобный надѣлъ возстановленіемъ крестьянства было бы слишкомъ громко; никакой хозяйственной самостоятельности онъ не могъ дать сельскимъ рабочимъ; они получили бы при этомъ только собственную избу и огородъ. Но, главное, Гладстонъ со своими ближайшими сторонниками обратились къ гомрулю: они заявили, что предоставленіе Ирландіи самостоятельнаго парламента было бы мѣрой справедливой и лучшимъ средствомъ для успокоенія страны.

Противъ гомруля поднялось сильное движеніе: отдѣлились подъ названіемъ *уніонистовъ*, т.-е. сторонниковъ неразрывной связи Ирландіи съ Англіей, аристократическіе виги, но также часть радикаловъ во главѣ съ Чемберленомъ, бирмингамскимъ милліонеромъ; протестанты Ольстера образовали особую лигу противъ отдѣленія Ирландіи. Въ палатѣ послѣ горячихъ преній проектъ гомруля былъ отвергнутъ не особенно значительнымъ большинствомъ; Гладстонъ распустилъ палату, но поворотъ его идей былъ такъ неожиданъ для большинства страны, что на выборахъ партія гомруля потерпѣла гораздо болѣе сильное пораженіе: одни консерваторы, не считая присоединившихся къ нимъ либеральныхъ уніонистовъ, были многочисленнѣе гладстоніанцевъ и ирландцевъ, взятыхъ вмѣстѣ. Притомъ голоса въ пользу гомруля были поданы главнымъ образомъ окраинами и диссентерами сѣверной Англіи; старая Англія, югъ и Лондонъ были противъ. Съ этого времени партіи раздѣлялись по приверженности къ уніонизму или къ гомрулю. Количественный перевѣсъ получала то одна, то другая изъ нихъ; но попрежнему въ старой Англіи, которая давала и бо́льшую часть лордовъ Верхней палаты, уніонизмъ сохранялъ силу; когда Гладстонъ въ послѣдній разъ вернулся къ власти въ 1892 г. и опять предложилъ проектъ гомруля, онъ снова не прошелъ и былъ послѣ этого снятъ либералами съ очереди.

Digitized by Google

Ставши у власти, консерваторы (1886—92) такъ же, какъ это бывало и раньше, осуществили часть либеральныхъ реформъ. Они ввели вмѣсто стараго, аристократическаго мѣстнаго управленія, принадлежавшаго мировымъ судьямъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, новое, основанное на началахъ равенства: всѣ плательщики налога выбираютъ совѣты графствъ, которые заправляютъ общественными учрежденіями, дорогами, врачебнымъ и санитарнымъ дѣломъ и устанавливаютъ для покрытія расходовъ мѣстные налоги. Этимъ же совѣтамъ было разрѣшено пріобрѣтать земли для раздачи коттерамъ мелкими участками.

Еще позже, съ возвращеніемъ Гладстона къ власти, такіе же демократическіе совѣты изъ всѣхъ плательщиковъ налога были образованы въ мелкихъ кругахъ, приходахъ. Этимъ замкнулся кругъ *демократическихъ преобразованій* англійскаго парламента и администраціи, которыя были начаты и закончены Гладстономъ.

Въ политическомъ строѣ Англіи и въ ея администраціи установились демократическія начала; но общественный порядокъ ея остался неизмѣннымъ; тѣ же крупныя владѣнія въ Англіи и Ирландіи съ правомъ первородства и затрудненіями въ передачѣ земли; множество привилегій въ видѣ доходныхъ церковныхъ должностей и спеціальнаго употребленія старинныхъ вкладовъ и дареній; безвыходное положеніе безземельныхъ сельскихъ рабочихъ. Въ полной силѣ осталось и то устройство крупной промышленности, какое стало складываться со времени введенія машинъ и возникновенія мірового сбыта. Несмотря на это, въ Англіи долго не было мѣста для распространенія соціализма. Причина состояла въ томъ, что самыя дѣятельныя рабочія группы, устроенныя въ трэдахъ, привыкли добиваться своихъ цѣлей самостоятельно, безъ помощи государства; онѣ примыкали большею частью къ ученію радикаловъ, сторонниковъ фритрэда.

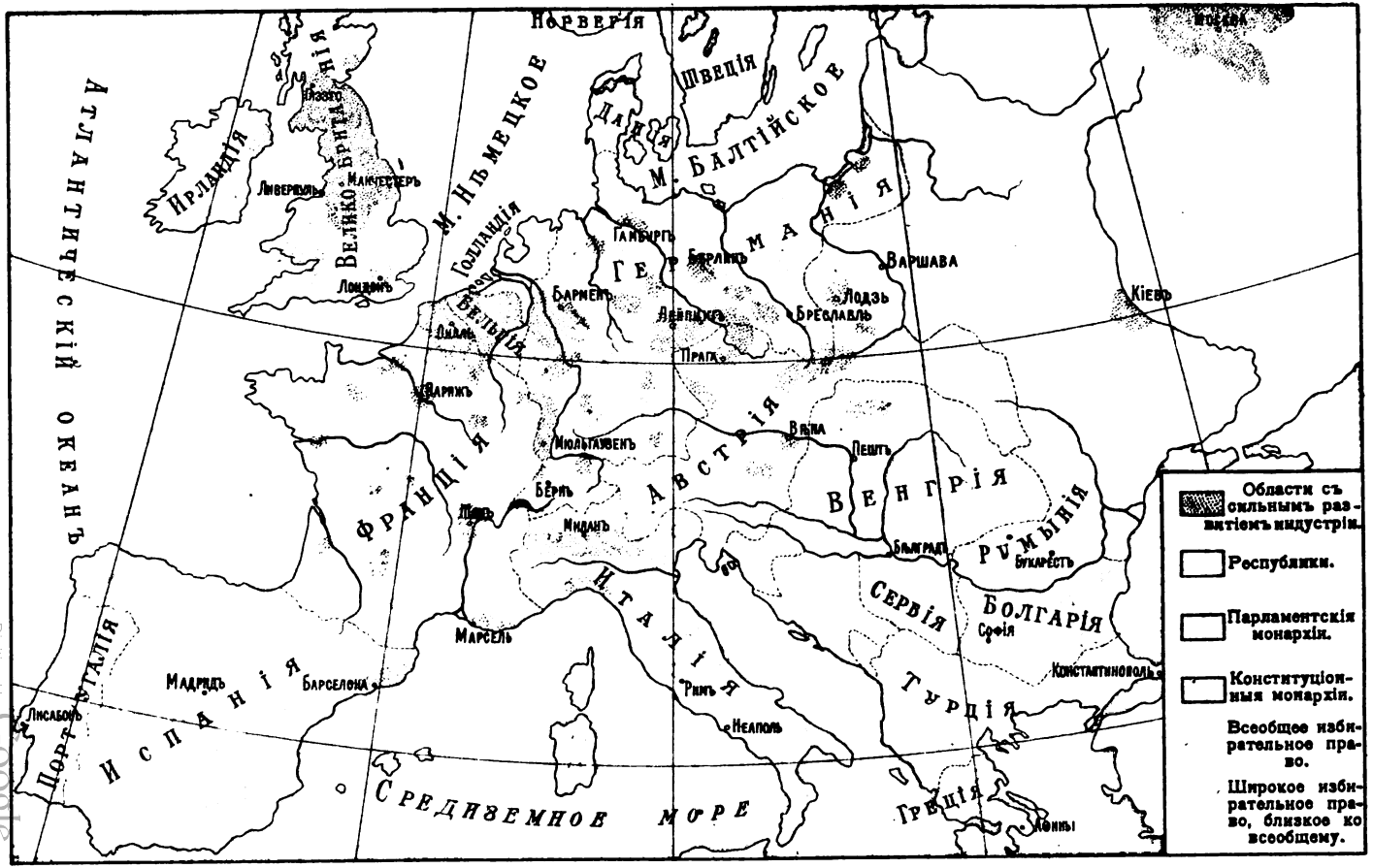
Въ 80-хъ годахъ положеніе стало мѣняться. Все чаще большія массы страдали отъ безработицы, въ особенности въ средѣ низшихъ и тяжелыхъ видовъ труда, носильщиковъ, углекоповъ, портовыхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Эти чернорабочіе, необученные технически, со случайными заработками, не были устроены въ союзы, какъ механики, каменщики и вообще разряды лучше оплачиваемыхъ рабочихъ, способныхъ дѣлать большіе и правильные взносы въ кассы взаимопомощи. Въ 1889 г. произошла большая стачка поденщиковъ на лондонскихъ докахъ, гдѣ совершается разгрузка и нагрузка большей части громаднаго торговаго флота Англіи. Вниманіе всего англійскаго общества было привлечено къ участи этихъ людей, руками которыхъ устраивается единственный въ свѣтѣ обмѣнъ богатства, и которые стояли на послѣдней ступени нищеты, жили чуть не подъ открытымъ небомъ или ютя-

Digitized by Google

лись въ темныхъ грязныхъ подвалахъ, голодали по цѣлымъ днямъ; получая въ случайные сроки колеблющуюся плату, они естественно не могли ни копить, ни улучшать своей жизни, а спускали заработокъ тутъ же, на граненыхъ набережныхъ лондонскаго порта, въ сомнительныхъ заведеніяхъ, въ игрѣ и пьянствѣ. Въ то время, какъ правительственныя комиссіи, благотворительныя общества и частныя лица занялись изслѣдованіемъ условій, въ которыхъ живутъ рабочіе, среди поднявшихся массъ появились соціалистическіе агитаторы, между ними особенно дѣятельный Джонъ Бернсъ, самъ рабочій, неутомимо говорившій на уличныхъ митингахъ и призывавшій къ организаціи. Вначалѣ трэды рѣшительно расходились съ новыми группами рабочихъ по вопросу о цѣляхъ и средствахъ организаціи; въ Англіи говорили о противоположности интереса „классовъ“, т.-е. союзовъ по занятіямъ съ сильной организаціей самозащиты, и „массъ“, т.-е. неопредѣленныхъ группъ, для охраны которыхъ необходимы общія государственныя мѣры. Подъ вліяніемъ движенія массъ англійскіе соціалисты выставили два главныя требованія. Первое—*націонализаціи* земли. Выраженіе принадлежитъ американскому писателю Генри Джорджу (особенно въ его книгѣ „Прогрессъ и Бѣдность“, разошедшейся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ по всему свѣту): оно означаетъ передачу всей земли, какъ главнаго орудія производства, въ руки всего народа или государства и раздачу ея участками въ аренду лично трудящимся; въ качествѣ средства къ установленію націонализаціи Джорджъ предлагалъ введеніе налога на землю, равнаго ея доходу, что побудило бы нынѣшнихъ частныхъ собственниковъ продать свои земли въ руки всего народа и отдать въ полное распоряженіе высшей власти. Другое требованіе состояло въ сокращеніи рабочаго времени и во введеніи однообразнаго для всѣхъ, *восьмичасового* дня. Въ средѣ самихъ трэдовъ признали важность соединенія всѣхъ рабочихъ на общей программѣ; на конгрессѣ трэдовъ, вопреки мнѣнію центральнаго комитета, были приняты оба главныя требованія соціалистовъ.

Возвращеніе престарѣлаго Гладстона въ министерство было кратковременно; уже черезъ годъ возрастающая слѣпота заставила его уйти († 1898). Либералы, не имѣя признаннаго вождя, колеблясь по вопросу гомруля и по вопросамъ внѣшней политики, потеряли скоро власть. Снова на 10 лѣтъ слишкомъ (1895—1905) вернулись консерваторы и съ ними воинственная политика имперіализма, начатая Биконсфильдомъ и нашедшая самаго энергичнаго продолжателя въ бывшемъ радикалѣ Чемберленѣ. Ея захваты и несправедливости во вновь присоединенныхъ территоріяхъ голландскихъ буровъ въ Африкѣ вызвали съ теченіемъ времени новый протестъ въ англійской демократіи. Въ 1905 году консер-

Digitized by Google



Западная Европа въ началѣ XX вѣка.

Digitized by Google

Digitized by Google

ваторы потерпѣли сильное пораженіе на выборахъ; власть перешла къ либераламъ, и такъ какъ въ парламентѣ появилась впервые значительная рабочая партія, одинъ изъ ея видныхъ представителей, Бернсъ, дѣятель доковой стачки 1889 года, вошелъ въ новое министерство.

XII.

Соединенные штаты Америки и Австралія въ XIX вѣкѣ.

Европейская эмиграція въ XIX в. Къ концу XIX в. въ главныхъ странахъ Европы установилось демократическое устройство, т.-е. равенство людей передъ закономъ (пока еще со значительными ограниченіями для женщинъ), всеобщее избирательное право и участіе всего народа въ управленіи. Въ свое время борьбу за эти начала предприняла буржуазія; но побѣда была одержана главнымъ образомъ силами рабочихъ классовъ, въ началѣ борьбы немногочисленныхъ и неорганизованныхъ; они разрослись и сложились въ теченіе самаго XIX в. вслѣдствіе быстраго увеличенія населенія и огромнаго развитія европейской промышленности. Можно считать, что населеніе Европы въ серединѣ XVIII в. было около 130 мил., въ началѣ XIX в.—175 мил., а въ концѣ XIX в. составляло около 400; оно болѣе чѣмъ удвоилось за сто лѣтъ и утроилось за 150 лѣтъ. По отдѣльнымъ странамъ и мѣстностямъ приростъ былъ еще значительнѣе, напр., въ индустріальныхъ областяхъ Германіи по Рейну и въ Силезіи, въ Бельгіи и сѣверной Франціи, въ Ломбардіи и сѣверо-западной Англіи.

Эта увеличившаяся масса людей могла найти себѣ пропитаніе на той же самой территоріи только при условіи огромнаго переворота въ техникѣ производства: безъ примѣненія сложныхъ машинъ, паровой и электрической силы немыслимы были колоссальныя предпріятія, занимающія на небольшихъ округахъ десятки и сотни тысячъ людей. Но такъ какъ въ обработкѣ земли усовершенствованія идутъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ приготовленіи фабрикатовъ, то производство выросло не одинаково въ различныхъ отрасляхъ; крайне увеличились городскіе промыслы и вслѣдствіе этого, помимо общаго народнаго прироста, выросло городское населеніе надъ сельскимъ; масса народа постоянно стремится въ города, вынуждаемая искать приложенія рабочей силы своей, не находящей въ деревнѣ достаточнаго заработка. При томъ передвиженіе облегчено сравнительно съ прежними временами необыкновеннымъ развитіемъ средствъ сообщенія. При Людовикѣ XIV для переѣзда въ дилижансѣ изъ Парижа въ Страсбургъ надо было употребить столько же времени, сколько въ настоящее время для проѣзда изъ Парижа черезъ океанъ въ Нью-Іоркъ.

Digitized by Google

Въ настоящее время Европа изрѣзана желѣзными дорогами, и переѣзды по самымъ длиннымъ протяженіямъ не превышаютъ 3—4 сутокъ. Работа въ сооруженіяхъ, служащихъ обмѣну и сношеніямъ, въ пароходствѣ, желѣзныхъ дорогахъ, почтѣ, телеграфѣ и телефонѣ, въ свою очередь, занимаетъ массу людей.

Вслѣдствіе такого развитія производительныхъ силъ и роста населенія Европа въ XIX в. болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждалась въ расширеніи своего господства и сношеній съ остальнымъ міромъ. Промышленные предприниматели и правительства, готовыя ихъ поддерживать, искали, внѣ тѣсныхъ предѣловъ Европы, рынковъ, для сбыта произведеній и для обезпеченія европейскихъ промысловъ обильной и дешевой доставкой сырыхъ матеріаловъ и средствъ для питанія. Это вело къ расширенію колоніальныхъ владѣній европейцевъ и вызывало мысль о промышленномъ и отчасти политическомъ раздѣлѣ міра между европейцами. Число людей, направляемыхъ въ другія части свѣта правительствами или промышленными компаніями, т.-е. чиновниковъ, солдатъ, приказчиковъ, моряковъ, было однако невелико сравнительно съ массой тѣхъ, кто выселялся самостоятельно, въ силу нужды или отыскивая болѣе благопріятныя условія жизни и работы. Такъ же, какъ приростъ населенія въ Европѣ достигъ наибольшей силы въ XIX в., и эмиграція изъ Европы приняла въ это время самые широкіе размѣры. Но эта эмиграція не была результатомъ собственно тѣсноты, скученности населенія. Она зависѣла отъ разныхъ невыгодныхъ условій и въ разное время была сильнѣе въ той или другой странѣ. Въ первой половинѣ XIX в. больше всего выселялись изъ Англіи, гдѣ раньше всего произошелъ промышленный переворотъ: особенно много было переселенцевъ въ тяжелые періоды промышленныхъ кризисовъ и безработицы; Ирландія дала огромное количество эмигрантовъ въ свои самые черные годы голода около 1847 г. Затѣмъ очень много двинулось европейскихъ переселенцевъ вообще, а въ частности англичанъ, около середины столѣтія, когда открылись золотыя розсыпи въ Калифорніи и въ Австраліи.

Во второй половинѣ вѣка главное мѣсто въ средѣ странъ, выпускавшихъ переселенцевъ, заняла Германія, а потомъ Италія. Среди итальянскихъ эмигрантовъ особенно бросается въ глаза перевѣсъ бѣдняковъ; дорогая и непосильная политика государства, тянущагося послѣ своего объединенія за крупными державами, съ его огромнымъ военнымъ бюджетомъ, тяжелыми налогами и тяжелой военной службой, вызвала истощеніе страны, и оно выразилось въ уходѣ массы людей. Въ годъ самой сильной эмиграціи изъ Европы (1888) ушло нѣсколько менѣе милліона людей, что составило около одной четверти прироста населенія за тотъ же годъ.

Digitized by Google

Европейская колонизація очень неодинаково распространилась въ различныхъ частяхъ свѣта. Промышленный и политическій захватъ направленъ былъ большею частью на богатыя населенныя земли теплой полосы (каковы Индія, Индокитай, острова юго-восточной Азіи), на тропическія земли, какова средняя Африка и половина южной Америки. Самостоятельная колонизація земледѣльцевъ, индустріальныхъ рабочихъ и торговцевъ направлена была въ страны, по климату и другимъ естественнымъ условіямъ болѣе похожія на Европу (Канада, Соединенные штаты, Аргентина и южная Бразилія, южная Африка, Австралія и Новая Зеландія). Въ общей сложности европейцы занимаютъ, заселили и захватили теперь около 63 мил. кв. километровъ, т.-е. почти половину всей суши на поверхности земли; изъ нихъ 10 мил. приходится на самую Европу, 40 мил. заселены европейцами и ихъ потомками, 23 мил. кв. килом. находятся лишь подъ властью европейскихъ государствъ, но не колонизованы европейцами (въ нихъ подчиненное европейцамъ населеніе = 330 мил.).

Тамъ, гдѣ европейцы образовали большія группы населенія, въ особенности если они уходили недовольные порядками родины, они быстро отрывались отъ метрополіи. Англійская Америка отдѣлилась уже въ XVIII в. и образовала Соединенные штаты. Въ 20-хъ годахъ XIX в. отдѣлились испанскія и португальскія колоніи центральной и южной Америки. Съ середины вѣка почти независимое положеніе заняли Канада, Австралія и Новая Зеландія. Но эти страны продолжаютъ и сейчасъ притягивать къ себѣ европейцевъ, онѣ не только основаны Европой, но и продолжаютъ питаться ея силами, образуютъ расширенную культуру Европы. Около 1800 г. можно было считать немного болѣе 9 милліоновъ людей европейскаго происхожденія въ разныхъ частяхъ свѣта, въ 1890 г. ихъ число превышало 90 мил., т.-е. оно удесятерилось.

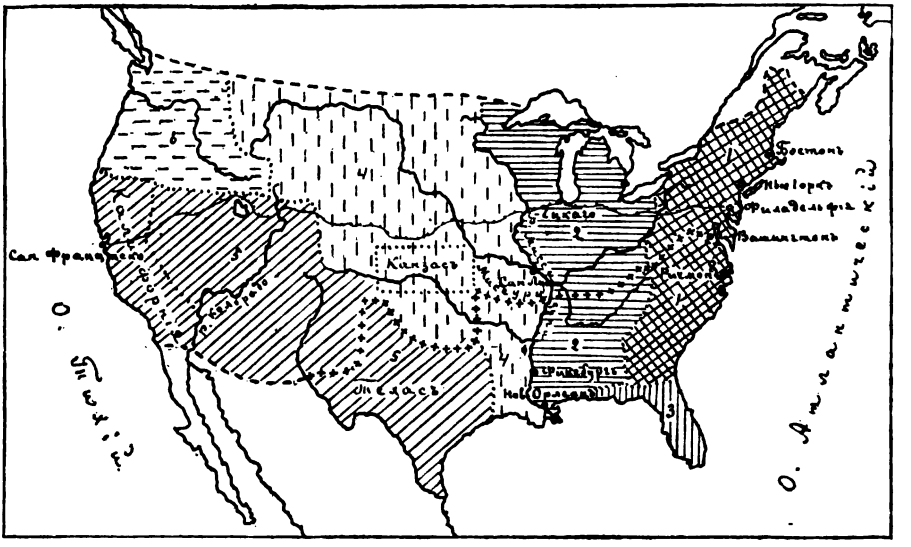
Главными странами, которыя поднялись изъ положенія европейскихъ колоній до самостоятельной силы, являются Соединенные штаты Америки и Австралія. Соединенные штаты образуютъ теперь непрерывно растущую богатѣйшую группу земель, которая по своимъ матеріальнымъ средствамъ и производительности во многомъ равняется цѣлой Европѣ и соперничаетъ съ ней.

Расширеніе Соединенныхъ штатовъ въ XIX в. Въ 1789 г., когда была принята федеральная конституція, въ отдѣлившихся отъ Англіи колоніяхъ было около 4 милліоновъ населенія; изъ бѣлыхъ $^4/_5$ имѣли роднымъ языкомъ англійскій; остальные были переселенцы или потомки таковыхъ изъ Франціи, Голландіи, Германіи; населеніе быстро возрастало въ теченіе XIX в. Въ 1820 г. оно было болѣе $9^1/_2$, въ 1850 г.— 23 милліона, а въ 1890 г. было равно 76 милліонамъ. Притокъ изъ

Digitized by Google

разныхъ странъ Европы, кромѣ Англіи, былъ такъ великъ, что въ настоящее время уже не одну пятую, а половину американскихъ жителей составляютъ люди, имѣющіе роднымъ языкомъ нѣмецкій, итальянскій и другіе, кромѣ англійскаго. Но переселенцы очень быстро приспособляются къ новымъ условіямъ, усвоиваютъ мѣстный господствующій англійскій языкъ и американизуются, примыкаютъ къ націи, сложившейся еще въ XVIII в.; при всей пестротѣ происхожденія въ сѣверной Америкѣ держится своеобразное народное цѣлое.

Огромный ростъ населенія въ сѣверной Америкѣ былъ бы невозможенъ безъ такого же быстраго расширенія территоріи. Въ этомъ отно-



Расширеніе Соединенныхъ Штатовъ: 1—первоначальные 13 штатовъ. 2—земли, уступленныя Англіей въ 1783 году. 3—Флорида, куплена у испанцевъ. 4—Луизіана, куплена у французовъ. 5—области, отнятыя и купленныя у Мексики. 6—области, колонизованныя въ половинѣ XIX вѣка. +++ граница двухъ союзовъ въ междоусобной войнѣ.

шеніи средняя часть сѣверной Америки представляла необыкновенно выгодныя условія: позади узкой полосы первоначальныхъ англійскихъ колоній тянулись отъ океана къ океану и были открыты для дальнѣйшаго движенія колонистовъ обширныя земли, богатыя плодородными степями (преріями), лѣсомъ и минералами, слабо заселенныя бродячими охотничьими племенами. Уже при образованіи республики Англія уступила ей свои притязанія на области, лежавшія между страной озеръ и Мексиканскимъ заливомъ до р. Миссисипи на западѣ. Въ началѣ XIX в. штаты пріобрѣли у Франціи устье Миссисипи (Луизіану) и земли на западъ отъ большой рѣки, затѣмъ купили у испанцевъ Флориду; въ 40-хъ

Digitized by Google

годахъ штаты отняли у Мексики Техасъ и Калифорнію, и владѣнія союза достигли Великаго океана. Новыя области становились сначала территоріями, т.-е. пользовались самоуправленіемъ, но не посылали депутатовъ въ конгрессъ; если число жителей въ территоріи превышало 60.000, она могла просить о принятіи въ число штатовъ, вырабатывала себѣ конституцію и вступала въ союзъ полноправнымъ членомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто первоначальныхъ тринадцати штатовъ въ настоящее время республика состоитъ изъ 45 штатовъ и 5 территорій, не считая ея новыхъ колоніальныхъ владѣній. Область союза съ 2 мил. кв. килом. въ концѣ XVIII в. доросла до 9 мил. кв. килом. и размѣромъ уступаетъ только Россіи, Китаю и Британской имперіи, т.-е. Англіи съ колоніями.

Сѣверные и южные штаты и вопросъ о рабствѣ. За время этого расширенія Соединенные штаты пережили крупный внутренній переворотъ въ своемъ общественномъ строѣ. Съ самаго начала въ средѣ штатовъ была противоположность группъ: южные штаты были областями большихъ плантацій табаку, риса, хлопка, сахару, которыя обрабатывались при помощи рабскаго труда черныхъ, негровъ; въ сѣверныхъ на ряду съ индустріей и торговлей, было развито хлѣбопашество и преобладало мелкое и среднее владѣніе, но трудъ былъ въ рукахъ исключительно свободныхъ людей. Само по себѣ рабовладѣніе вначалѣ не вызывало протеста большинства сѣверянъ и не помѣшало заключенію союза между штатами. Были купцы съ сѣвера, которые выгодно торговали неграми. Въ конституціи рабовладѣніе не упомянуто; но обезпечивъ отдѣльнымъ штатамъ свободу во всемъ, что не выдѣлено въ вѣдѣніе союза, конституція какъ бы поставила запретъ союзнымъ властямъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь штатовъ и опредѣлять что-либо относительно рабовладѣльческихъ порядковъ. Установители союза кромѣ того должны были ради примиренія интересовъ уравновѣсить отношенія сѣвера и юга: если въ палатѣ депутатовъ большинство могло перейти на сторону болѣе плотнаго населенія сѣвера, къ которому большею частью присоединялись и новые поселенцы, зато въ сенатѣ, гдѣ штаты были представлены одинаковымъ числомъ голосовъ, силы южанъ и сѣверянъ были уравнены. При всякомъ расширеніи союза южане старались сохранить это равенство. Когда въ число штатовъ просилась территорія свободная, они ждали возможности найти ей противовѣсъ въ другой, рабовладѣльческой, и допускали ихъ въ союзъ одновременно.

Между сѣверными и южными штатами была еще одна важная противоположность интересовъ: южнымъ штатамъ, производившимъ и вывозившимъ сырье въ Европу, была выгодна свободная торговля, сѣвернымъ, въ которыхъ развивалась своя индустрія и которые хотѣли оградиться отъ конкуренціи Англіи, напротивъ, была выгодна система покро-

Digitized by Google

вительственныхъ пошлинъ. Когда конгрессъ принялъ въ 1828 г. пошлины на ввозные товары, въ южныхъ штатахъ поднялось движеніи, которое угрожало выходомъ ихъ изъ союза и образованіемъ особой федераціи.

Такимъ образомъ прибавлялась еще третья противоположность: сѣверяне были преимущественно за сильную центральную власть и, если нужно, за проведеніе авторитета союза вооруженной силой, южане, въ опасеніи потерять свои особыя установленія и преимущества, болѣе отстаивали автономію (самостоятельность) штатовъ и въ крайнемъ случаѣ готовы были на отдѣленіе отъ союза. Большая партія *демократовъ*, вербовавшаяся главнымъ образомъ на югѣ и примыкавшая къ старинымъ началамъ союза, стояла за автономію штатовъ и за сохраненіе равновѣсія между ними; до конца 40-хъ годовъ демократамъ удавалось проводить своихъ кандидатовъ въ президенты. Но въ 40-хъ годахъ положеніе измѣнилось.

Южные рабовладѣльцы испытывали значительныя затрудненія: прекращеніе работорговли въ Атлантическомъ океанѣ закрыло имъ подвозъ свѣжихъ силъ негровъ изъ Африки: они должны были хлопотать о томъ, чтобы взращивать у себя въ Америкѣ новыя поколѣнія рабовъ. Это повело даже къ своеобразному раздѣленію труда: въ нѣкоторыхъ штатахъ растили и дисциплинировали негровъ-рабовъ, въ другихъ ихъ закупали и ставили на работу. Но болѣе всего грозилъ положенію рабовладѣльцевъ ростъ территоріи штатовъ на западѣ, который послѣдовалъ за отнятіемъ у Мексики Техаса и Калифорніи. Быстро двинулась туда колонизація, открылись калифорнійскія золотыя розсыпи, началось заселеніе богатѣйшихъ земель, до тѣхъ поръ нетронутыхъ и неизвѣстныхъ; американцы достигли Великаго океана. Изъ-за этихъ громадныхъ пространствъ загорѣлась борьба между сѣверомъ и югомъ. Западъ естественно притягивалъ свободныхъ рабочихъ, рабскій трудъ здѣсь былъ явно невыгоденъ; тѣмъ не менѣе предложеніе воспретить закономъ рабство въ западныхъ территоріяхъ не прошло на конгрессѣ; противники этого предложенія ссылались на то, что оно противорѣчитъ конституціи, охраняющей автономію отдѣльныхъ членовъ союза; рѣшено было держаться правила, что каждая территорія сама опредѣляетъ свое устройство и свои учрежденія.

Но это была послѣдняя побѣда рабовладѣльческихъ штатовъ. Противъ старой партіи демократовъ, которая отчасти охраняла ихъ интересы, образовалась, главнымъ образомъ на сѣверѣ, партія *республиканская*. Самой рѣзкой группой въ ея средѣ были *аболиціонисты*, т.-е. сторонники освобожденія негровъ и уравненія ихъ въ правахъ съ бѣлыми; остальные, составлявшіе большинство республиканцевъ, были равнодушны къ вопросу освобожденія или даже враждебны черным, но

Digitized by Google

хотѣли разрушить силу южныхъ штатовъ и дать на западѣ полный просторъ примѣненію капиталовъ сѣверянъ. Борьба обострилась еще болѣе вслѣдствіе огромнаго притока европейскихъ эмигрантовъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ; въ то время, какъ малоразвитые ирландцы становились на сторону демократовъ, нѣмцы, выселившіеся послѣ революціи 1848 г., примыкали къ республиканцамъ. Вопросъ о рабствѣ сталъ въ центръ борьбы, такъ какъ для южанъ это былъ вопросъ жизни; республиканцы находили однако затрудненіе въ томъ, что вопросъ нельзя было рѣшить, не затронувъ основъ конституціи. Имъ помогло поведеніе южанъ, вступившихъ на путь насилія.

Борьба перешла въ вооруженныя столкновенія, особенно въ новозаселенной территоріи Канзасъ (въ серединѣ 50-хъ годовъ). Въ сѣверныхъ штатахъ составились общества капиталистовъ для оказанія помощи мелкимъ свободнымъ фермерамъ, которые отправлялись колонистами въ территорію: но Канзасъ былъ окруженъ рабовладѣльческими штатами, и они въ свою очередь направили туда своихъ колонистовъ; когда губернаторъ территоріи рѣшилъ созвать законодательное собраніе, южане вступили массами, приняли незаконно участіе въ выборахъ и путемъ насилій и обмана оттѣснили противниковъ. Союзное правительство однако утвердило избранныхъ законодателей и допустило, чтобы они выработали рабовладѣльческое устройство новаго штата; мало того, союзныя власти прислали отрядъ для вооруженной поддержки рабовладѣльцевъ. На послѣдующихъ выборахъ въ президенты, правда, еще разъ прошелъ демократъ (Бьюкананъ); но у него уже не было абсолютнаго большинства (изъ 4 мил. онъ получилъ 1.800.000); его республиканскій противникъ получилъ немногимъ меньше; въ самой демократической партіи произошелъ расколъ, сѣверные демократы объявили себя противъ рабовладѣнія и порвали съ южными. Было несомнѣнно, что на слѣдующихъ выборахъ республиканцы одолѣютъ, и южане стали готовиться къ отпаденію.

Междоусобная война и ея послѣдствія. Въ 1860 г. голосами одного лишь сѣвера былъ выбранъ президентомъ республиканецъ Авраамъ Линкольнъ. Тогда южные штаты вышли изъ союза, выбрали своего особаго президента и образовали особую конфедерацію. Это повело къ четырехлѣтней войнѣ между сѣверомъ и югомъ, уніонистами и сецессіонистами (1861—65). На сторонѣ первыхъ былъ огромный количественный перевѣсъ: въ штатахъ сѣвера и запада, оставшагося вѣрнымъ союзу, было 20 милліоновъ населенія, въ южныхъ, отдѣлившихся штатахъ всего 5 мил. бѣлыхъ (при 4 мил. негровъ). Но населеніе юга было гораздо воинственнѣе; на его сторону перешли по большей части офицеры союзной арміи; негры послѣдовали за своими господами, и на нихъ легла вся тяжелая работа въ войскѣ, благодаря чему бѣлые солдаты получили

Digitized by Google

болѣе свободы движенія. Напротивъ, сѣверяне очень неохотно принимались за войну: сначала думали все дѣло предоставить наемникамъ и милиціи.

Но первые успѣхи искусныхъ въ войнѣ южанъ показали, что дѣло очень серьезно. Пришлось и на сѣверѣ вооружить огромныя массы. Южане, стараясь продвинуться какъ можно дальше на сѣверъ, выбрали столицей своей конфедераціи Ричмоидъ въ Виргиніи, въ небольшомъ разстояніи отъ союзной столицы, Вашингтона. Въ то время, какъ въ Виргиніи происходили массовыя нерѣшительныя битвы, исходъ борьбы готовился въ другихъ мѣстахъ. Сѣверъ взялъ верхъ своей промышленной и технической энергіей, перевѣсомъ матеріальныхъ средствъ. Фабрики и заводы работали надъ быстрымъ изготовленіемъ одежды и снарядовъ для импровизированнаго войска, получая вмѣстѣ съ тѣмъ огромныя выгоды. Одно изобрѣтеніе смѣнялось другимъ. Въ странѣ, гдѣ почти не было шоссе и обыкновенныхъ дорогъ, строили рельсовые пути гораздо скорѣе, чѣмъ въ Европѣ; впервые по нимъ стали пускать панцырные поѣзда. Заново приходилось создавать военный флотъ, котораго союзъ не имѣлъ вовсе; здѣсь также американцы соперничали другъ съ другомъ въ техническихъ усовершенствованіяхъ. Сѣверъ старался подорвать экономическую силу юга. Вывозъ хлопка составлялъ главное богатство южныхъ штатовъ; крупнѣйшіе потребители хлопка, Франція и особенно индустріальная Англія, симпатизировали поэтому югу. Всѣ усилія сѣверянъ были направлены къ тому, чтобы запереть вывозъ съ юга блокированіемъ берега; это вызвало вражду союза съ Англіей, тѣмъ болѣе, что англичане поддерживали каперовъ, выходившихъ съ юга.

Борьба была рѣшена въ пользу сѣвера благодаря тому положенію, которое заняли американцы западныхъ областей. Они крѣпко стояли за союзъ, потому что въ немъ они находили опору при своемъ устроеніи; они не имѣли раньше отдѣльной колоніальной жизни, какъ старые штаты. Это была новая Америка. Люди запада не столько держались за автономію небольшихъ группъ, сколько увлекались *панамериканизмомъ*, идеей „великой Америки“. Привыкнувъ устраивать самостоятельно свою судьбу среди первобытныхъ условій лѣсной и степной жизни, въ постоянныхъ стычкахъ съ воинственными дикарями, они представляли особый типъ: въ нихъ было много смѣлости, изворотливости, энергіи, изобрѣтательности; но изъ ихъ среды могли выходить также безпощадные хищники, безжалостные эксплоататоры. И лучшіе, и худшіе дѣятели междоусобной войны были по большей части съ запада. Къ числу представителелей запада можно отнести и Линкольна; оттуда были главные военные вожди, Грантъ и Шерманъ.

Жизненнымъ вопросомъ для западныхъ американцевъ было высвобожденіе воднаго пути по Миссисипи къ Мексиканскому заливу, пути,

Digitized by Google

который былъ запертъ южанами. На громадной рѣкѣ появился особый флотъ, при помощи котораго войска союза стали подвигаться къ югу. Наконецъ взятіе Грантомъ крѣпости Фиксбурга на нижнемъ Миссисипи отдѣлило отъ южной конфедераціи всѣ западныя области и обособило ее въ одномъ углу. Это послужило поворотомъ въ войнѣ. Шерманъ прошелъ отъ Миссисипи къ Атлантическому океану насквозь всю область южанъ, и ихъ военныя силы сдались. Югъ опять призналъ союзное устройство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилась также судьба негровъ. Линкольнъ въ началѣ не хотѣлъ затрогивать рабовладѣнія, но война сама подвинула дѣло: генералы союза, вступая въ области отпавшихъ штатовъ, приглашали негровъ идти въ союзную армію и обѣщали имъ за это свободу. На сѣверѣ видѣли ясно, какую сильную опору представляетъ рабовладѣніе для южанъ въ веденіи войны. Чтобы ослабить ихъ въ самомъ чувствительномъ пунктѣ, Линкольнъ объявилъ негровъ во всей области мятежныхъ штатовъ свободными (1862); тогда начались отпаденія негровъ отъ своихъ господъ. Съ окончаніемъ войны конгрессъ принялъ поправку къ основному конституціонному закону, отмѣнявшую рабство на всемъ протяженіи союза.

Линкольнъ, при своей умѣренности и справедливости, былъ бы самымъ подходящимъ посредникомъ для дѣла примиренія между двумя враждовавшими партіями въ союзѣ. Его выбрали на второй президентскій срокъ; но едва онъ вступилъ снова, какъ былъ убитъ. Его преемникъ (Джонсонъ) не сумѣлъ удержаться между партіями. Среди республиканцевъ выдвинулась группа, которая выставляла обществу на видъ „окровавленную рубашку“ и требовала безпощаднаго мщенія южанамъ за пятилѣтнее междоусобіе. На конгрессѣ непримиримые располагали большинствомъ и отвергли депутатовъ, избранныхъ югомъ; условіемъ для принятія южанъ вновь въ союзъ было поставлено немедленное уравненіе негровъ въ правахъ съ бѣлыми. Президентъ положилъ свое veto на рѣшеніе конгресса, а сенатъ потребовалъ его за это къ своему суду.

Конгрессъ ввелъ въ южныхъ штатахъ военное положеніе, поставилъ округа подъ начальство генераловъ и поручилъ имъ составить избирательные списки изъ бѣлыхъ и негровъ одинаково, но съ устраненіемъ всѣхъ, кто занималъ должность или депутатское мѣсто при правительствѣ конфедераціи. Сѣверъ обращался съ югомъ, какъ съ завоеванной страной. Республиканскіе агитаторы направились на югъ, привлекли заманчивыми обѣщаніями, въ родѣ огромной раздачи земли, голоса негровъ и явились въ качествѣ депутатовъ отъ побѣжденныхъ штатовъ на конгрессъ. Пользуясь угнетеніемъ и страхомъ, охватившимъ бывшую партію конфедераціи, республиканцы проникли въ собранія и различныя должности въ южныхъ штатахъ; между ними были люди сомнительные,

Digitized by Google

спѣшившіе выхватить у побѣжденной земли добычу. Началось невѣроятное расхищеніе имущества, принадлежавшаго союзу и мѣстнымъ обществамъ на югѣ. Оно достигло наибольшей степени въ эпоху двухсрочнаго президентства генерала Гранта (1869—77).

Уже раньше установился обычай при смѣнѣ президента замѣщать должности по назначенію людьми побѣдившей на выборахъ партіи. Этотъ обычай придавалъ выборамъ характеръ большой финансовой спекуляціи. Тѣ члены партіи, которые разсчитывали на захватъ доходныхъ должностей, на выгодныя поставки для правительства или на поддержку ихъ предпріятій, вкладывали большія суммы въ дѣло выборной агитаціи и покупали голоса избирателей. Эту трату они старались съ избыткомъ вернуть; тотъ, кого они избирали президентомъ, прежде всего былъ вынужденъ вознаградить своихъ сторонниковъ и допустить дѣлежъ между ними казенныхъ и общественныхъ суммъ и доходныхъ статей; въѣздъ новаго президента въ Бѣлый домъ сопровождался своего рода завоеваніемъ страны жадными карьеристами. Никогда это своеобразное явленіе американской политической жизни не выражалось съ такою яркостью, какъ послѣ междоусобной войны при президентѣ Грантѣ, предоставившемъ полный просторъ дѣльцамъ республиканской партіи. Образовался своего рода господствующій классъ, державшій страну въ своихъ рукахъ. Крупные чиновники, родственники президента, депутаты продавали свое офиціальное вліяніе за выгоды въ спекуляціяхъ. Чтобы получить разрѣшеніе на постройку Тихоокеанской дороги, акціонерное общество Crédit mobilier подкупило многихъ членовъ конгресса, раздавши имъ паи предпріятія.

Недовольствомъ общества воспользовалась партія демократовъ, которая стала оправляться отъ разгрома. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о правахъ цвѣтныхъ, демократы вспомнили старые пункты своей программы, защиту автономіи штатовъ—противъ наклонности республиканцевъ командовать изъ центра; они возражали противъ новаго *покровительственнаго тарифа*, повысившаго цѣны, требовали дешеваго управленія и честной администраціи. Въ началѣ второго президентства Гранта выборы въ конгрессъ дали демократическое большинство: было ясно, что продолжать это президентство съ его скандальнымъ управленіемъ на третій срокъ невозможно. Лишь съ уходомъ Гранта въ 1877 г. страна успокоилась отъ послѣдствій междоусобной войны.

Промышленное развитіе Соединенныхъ штатовъ. Богатство Соединенныхъ штатовъ стало расти еще быстрѣе со времени междоусобной войны. Неисчерпаемыя естественныя силы страны было легко поднимать при помощи постоянно прибывающихъ рабочихъ рукъ; свойственная американцамъ способность быстро совершенствовать всякую технику

Digitized by Google

ускоряла развитіе всѣхъ видовъ промышленности. Хорошо извѣстно имя Эдисона, изобрѣтателя телефона, фонографа и электрическихъ чудесъ: менѣе знакомы имена американскихъ инженеровъ, архитекторовъ и агрономовъ, но во всѣхъ этихъ областяхъ Америка превосходитъ Европу крупнымъ характеромъ своихъ сооруженій, быстротой выполненія, примѣненіемъ техническихъ удобствъ, и не только въ большихъ индустріальныхъ предпріятіяхъ, но и въ тѣсныхъ сельскихъ хозяйствахъ, гдѣ впервые появились элеваторы, крупныя жатвенныя и молотильныя машины и т. п.

Раздвинувши свои владѣнія на огромное пространство, американцы заинтересованы въ проведеніи путей сообщенія. Громадная водная система Миссисипи съ притоками, подходящая близко къ озерному бассейну и соединенная съ нимъ каналами, образовала вертикальный стволъ сообщеній въ союзѣ: надо было обезпечить также сношенія въ горизонтальномъ направленіи между Атлантикой, Тихимъ океаномъ, между старыми восточными штатами, обращенными къ Европѣ, и вновь колонизованнымъ западомъ, для котораго открылись новые торговые пути въ Азію. Этой цѣли должна была служить *междуокеаническая* дорога (Central pacific, оконченная въ 1869 г.) отъ Нью-Іорка черезъ Чикаго до С. Франциско, въ свое время первая по длинѣ на земномъ шарѣ. Теперь оба океана соединены уже четырьмя параллельными большими дорогами. Желѣзныя дороги въ Соединенныхъ штатахъ составляютъ общую длину въ 340.000 километровъ, далеко превосходя въ этомъ отношеніи Европу.

Съ увеличеніемъ населенія и занятіемъ американскаго запада промышленный характеръ Соединенныхъ штатовъ сталъ измѣняться, и республика скоро выдвинулась на совершенно новое положеніе въ міровой торговлѣ. Вначалѣ республика Соединенныхъ штатовъ почти не имѣла самостоятельной индустріи, вывозила нѣкоторые предметы, преимущественно техническіе, табакъ, рисъ, хлопокъ, индиго, и зависѣла въ отношеніи подвоза фабрикатовъ отъ Европы. Съ половины XIX в. Америка дѣлается поставщикомъ хлѣба на Европу. За 50 лѣтъ съ 1850 по 1900 г. производство зерна увеличилось почти въ 5 разъ, и Америка вырабатываетъ теперь одну пятую всего хлѣба на земномъ шарѣ. Еще бо́льшая доля мірового производства принадлежитъ Сѣверной Америкѣ въ добываніи каменнаго угля и металла: по каменноугольному производству штаты занимаютъ первое мѣсто въ свѣтѣ и поставляютъ $^1/_2$ всего мірового количества; такимъ же приблизительно положеніемъ они пользуются въ добываніи металловъ; но добываніе отдѣльныхъ металловъ еще выше; золота вырабатывается въ сто разъ больше, чѣмъ въ началѣ XIX в.; хлопокъ, производимый въ штатахъ, составляетъ 85% мірового количества.

Digitized by Google

Этими продуктами Америка стала наводнять старую метрополію свою, Европу. Но страна поднялась также чрезвычайно быстро въ индустріальномъ отношеніи. И чѣмъ больше она начала производить сама, тѣмъ менѣе она вынуждена покупать за границей. Вывозъ изъ Соединенныхъ штатовъ все болѣе и болѣе сталъ превышать ввозъ и давать огромные излишки. Въ свою очередь излишекъ производства и масса капиталовъ, ищущихъ приложенія, заставили американцевъ стремиться къ новымъ рынкамъ для сбыта. Они проложили торговые пути черезъ Тихій океанъ въ Азію, Китай и Японію, въ Австралію, затѣмъ въ близкія къ нимъ испанскія колоніи и въ республики Центральной и Южной Америки, почти лишенныя индустріи. Наконецъ, для Соединенныхъ штатовъ возникъ вопросъ уже не о защитѣ собственной индустріи дома, а о томъ, чтобы дать ей перевѣсъ въ другихъ странахъ и вытѣснить конкуренцію европейскихъ товаровъ. Для достиженія этой цѣли сенаторъ Макъ-Кинли провелъ въ 1890 г. въ конгрессѣ тарифъ, облагавшій бо́льшую часть европейскихъ, особенно англійскихъ, фабрикатовъ значительными пошлинами.

Американскій имперіализмъ. Новая торговая политика Соединенныхъ штатовъ повела къ измѣненію всей дипломатіи и иностранныхъ сношеній республики. Съ самаго своего основанія союзъ штатовъ держался, по возможности, миролюбивой политики относительно Европы. Американцы хотѣли только обезпечить себѣ независимость и оградить себя отъ нападенія европейцевъ. Поэтому во время революцій, вызвавшихъ отпаденіе отъ Испаніи и Португаліи Центральной и Южной Америки, президентъ Монро сдѣлалъ заявленіе, на которое потомъ часто ссылались; сущность его выражалась въ понятіи: „Америка для американцевъ“. Протестуя противъ вмѣшательства европейцевъ въ дѣла западнаго материка, Соединенные штаты въ это время и сами отказывались отъ воздѣйствія на внутреннюю жизнь другихъ американскихъ странъ. Но по мѣрѣ того, какъ росли экономическія притязанія республики, и она забирала всю Америку въ кругъ своей торговли, измѣнялся и смыслъ повторяемой постоянно „доктрины Монро“. Въ ней стали видѣть теперь не только требованіе, чтобы Европа отстранилась отъ западнаго материка, но и передачу руководства надъ всей Америкой главной, великой ея республикѣ. На этомъ основаній Соединенные штаты начали ставить условія южноамериканскимъ республикамъ, вмѣшиваться въ борьбу ихъ партій, присылая даже для подкрѣпленія своихъ требованій военные корабли. На этомъ же основаніи Соединенные штаты разстроили затѣянное европейцами прорытіе Панамскаго перешейка и выставили другой, выгодный для нихъ самихъ, планъ соединенія океановъ (нѣсколько сѣвернѣе Панамы черезъ Никарагуа). Мирная и только оборонительная политика постепенно обращалась въ воинственную и наступательную.

Digitized by Google

Очень небольшой шагъ отсюда былъ къ возникновенію американскаго имперіализма и появленію у республики внѣшнихъ, зависимыхъ отъ нея владѣній. Долгое время республика включала въ свой составъ только такія территоріи, которыя населялись американскими колонистами и послѣ извѣстнаго промежутка естественно должны были вступить въ союзъ полноправными членами. Области штатовъ и территорій были довольно однородны по климату и другимъ естественнымъ условіямъ. Но въ концѣ 60-хъ годовъ у Россіи былъ купленъ сѣв.-зап. уголъ материка, Аляска, въ полярномъ краю. Съ развитіемъ индустріи американцамъ понадобилось обезпечить себѣ торговыя станціи на океанической дорогѣ къ Азіи: они захватили Гавайскіе и Самоанскіе острова почти на срединѣ пути къ Японіи и къ Австраліи. Далѣе они потянулись за продуктами тропическихъ странъ. Ближе всего были сахарныя плантаціи на о. Кубѣ, старинной испанской колоніи. Въ президентство Макъ-Кинли, автора завоевательныхъ тарифовъ, американцы воспользовались возстаніемъ на Кубѣ противъ испанскаго управленія и, принявъ сторону возставшихъ, объявили Испаніи войну (1898). Теперь не было и помину отвращенія американцевъ къ войнѣ. Оказалось множество добровольцевъ, которые шли въ сухопутное войско и флотъ для борьбы, не заключавшей ни малѣйшаго намека на защиту возвышеннаго принципа или свободы своей родины. Языкъ американской прессы звучалъ тою же вызывающей воинственностью, какая слышалась во время національныхъ войнъ старой Европы.

Испанія была въ полномъ упадкѣ и могла выставить лишь совершенно устарѣлыя суда, которыя были въ получасовомъ бою (подъ С. Яго въ Кубѣ) сожжены выстрѣлами американскихъ броненосцевъ. Она совсѣмъ не могла отразить нападеній американцевъ на Филиппинскіе острова въ восточной части Тихаго океана. По договору съ Соединенными штатами Испанія должна была дать свободу Кубѣ и уступить американцамъ свои послѣднія колоніальныя владѣнія, о. Порторико въ Вестъ Индіи и Филиппины.

Политика Соединенныхъ штатовъ приняла характеръ, одинаковый со всякой другой завоевательной колоніальной державой. Независимость Кубы, которой потребовали Штаты отъ Испаніи,—лишь кажущаяся; въ своей торговлѣ островъ вполнѣ зависитъ отъ американскихъ промышленниковъ; они опредѣляютъ цѣны на главный продуктъ Кубы, сахаръ. Присоединеніе большого острова къ владѣніямъ союза неизбѣжно. На Филиппинахъ американцы еще менѣе стѣснялись: въ началѣ они воспользовались здѣсь также сильнымъ движеніемъ туземнаго населенія противъ испанской администраціи; но, отстранивъ испанцевъ, побѣдители обратились противъ партіи независимости и начали истреблять ее, какъ мятежниковъ.

Digitized by Google

Новое американское общество. Американская демократія представляетъ во многомъ черты, отличныя отъ европейской. Въ Европѣ съ ея остатками старинныхъ учрежденій, привилегій и предразсудковъ демократія далеко не достигла своихъ цѣлей, но, находясь въ борьбѣ съ устарѣлымъ неравенствомъ, она проявляетъ больше идеализма: тамъ, гдѣ она составляетъ особое общество, какъ, напр., въ англійскихъ трэдахъ или въ германской рабочей партіи, она старьется строго соблюсти равномѣрность труда и вознагражденія, справедливое распредѣленіе силъ, услугъ и выгодъ. Въ Америкѣ съ самаго начала не было аристократическихъ учрежденій, не было деспотической и притязательной церкви, не было гнета сосредоточенной власти: общество начало съ демократіи и свободной игры силъ. Несовершенства человѣческой природы, жажда пріобрѣтенія и наживы, наклонность къ эксплоатаціи чужого труда дали себя знать и здѣсь: американская демократія далека отъ идеала соціальной справедливости. Но она не поступится своими привычками къ свободѣ; поэтому она должна дать опытъ того, насколько возможно бороться съ недостатками строя, основаннаго на неограниченной свободѣ, путемъ настойчиваго и послѣдовательнаго приложенія тѣхъ же самыхъ началъ свободы.

Американское общество, уже ко времени составленія конституціи провозгласившее полную свободу совѣсти, не знаетъ споровъ между свѣтской и духовной властью. Въ немъ нѣтъ ни государственной церкви, ни властныхъ церквей вообще. Оно составляетъ группу самостоятельныхъ весьма многочисленныхъ сектъ; само католичество въ Соединенныхъ штатахъ находится на положеніи секты. Просвѣщеніе также составляетъ дѣло частныхъ лицъ или городскихъ обществъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ государство, вытѣсняя церковь, всюду наложило руку на школу. Американскіе университеты основаны и содержатся на частныя средства, обыкновенно очень щедрыя, и называются именами жертвователей. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ ученаго института, богаче обставленнаго, чѣмъ знаменитая обсерваторія Лика въ Калифорніи.

Въ Америкѣ нѣтъ сословій, нѣтъ предразсудковъ по отношенію къ какимъ-либо видамъ труда или происхожденію работниковъ. Въ сенаторы и президенты проходили, рядомъ съ генералами армій и банкирами, люди, пробившіеся личнымъ физическимъ трудомъ. Линкольнъ былъ сыномъ мелкаго фермера, основавшагося почти въ первобытной странѣ, пахалъ землю, былъ дровосѣкомъ, лодочникомъ, комивояжеромъ и, чтобы выбиться въ адвокаты, упорно работалъ надъ своимъ самообразованіемъ. Такимъ же мелкимъ фермеромъ съ запада, а потомъ офицеромъ волонтеровъ въ испанской войнѣ на Кубѣ былъ нынѣшній президентъ Рузвельтъ.

Это понятіе безусловнаго равенства помогло безъ большого затрудне-

Digitized by Google

нія рѣшить вопросъ, который такъ мучительно пробиваетъ себѣ путь въ Европѣ: *эмансипацію женщины*, допущеніе ея ко всѣмъ видамъ труда и предоставленіе ей въ обществѣ одинаковаго положенія и правъ съ мужчиной. Въ Америкѣ совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ начинается съ низшихъ школъ и продолжается почти сплошь черезъ всѣ среднія и высшія учебныя заведенія. Женщины занимаютъ должности муниципальныя и государственныя, выступаютъ адвокатами, агитаторами и публицистами, исполняютъ обязанности, требующія технической подготовки, машинистовъ, агрономовъ, каменщиковъ. Въ 1886 г. женщины впервые получили въ одномъ изъ штатовъ избирательное право, а въ настоящее время пользуются имъ въ четырехъ.

Въ Америкѣ до послѣдняго времени иначе стоялъ и рабочій вопросъ. Въ промышленныхъ округахъ бываютъ большія стачки, въ городахъ происходили крупныя волненія пролетаріевъ, но тѣмъ не менѣе соціализмъ не пріобрѣлъ значительной силы. У американскаго рабочаго меньше тѣхъ основаній для жалобъ, которыя заставляютъ рабочихъ европейскихъ сплочиваться въ большія политическія партіи и добиваться отъ государства улучшенія своей участи. Въ Америкѣ пока свободной земли много, и не закрыты способы пріобрѣтенія ея небольшими участками; постройка и сооруженія быстро идутъ впередъ, даютъ хорошіе заработки, и безработица рѣдко чувствуется. Но въ то же время нигдѣ нѣтъ зрѣлища такихъ непомѣрныхъ богатствъ, достигнутыхъ быстрой наживой и спекуляціями въ торговлѣ, индустріальномъ и строительномъ дѣлѣ; нигдѣ нѣтъ такого рѣзкаго вызова, брошеннаго понятіямъ людей о справедливомъ распредѣленіи продуктовъ общаго труда, какъ въ современной Америкѣ.

Особенностью ея являются колоссальные союзы капиталистовъ, *трёсты*, при чемъ соединяются не отдѣльныя фирмы, а объединенныя группы предпринимателей въ области того или другого производства. Трёсты большею частью—союзы союзовъ. Ни отдѣльные предприниматели, ни группы ихъ не соединяютъ капиталовъ; они лишь уговариваются относительно условій сбыта извѣстныхъ товаровъ и устанавливаютъ ихъ цѣну; въ результатѣ производители, не примкнувшіе къ союзу, не могутъ выдержать соперничества и должны или принимать условія союза, или прекращать дѣло. Трёстъ захватываетъ такимъ образомъ монополію товара, полное господство надъ его производствомъ, опредѣляетъ его размѣры, направленіе сбыта: таковъ, напр., громадный трёстъ стального производства, мѣдный и табачный трёсты, при чемъ первый представляетъ собою скопленіе капитала въ нѣсколько менѣе полутора милліарда долларовъ. Иные трёсты распространили свою силу за предѣлы Америки на Европу: американскій трёстъ керосина подъ управленіемъ Рокфел-

Digitized by Google

лера раздѣлилъ всю міровую торговлю этимъ продуктомъ съ трёстомъ Ротшильда, распоряжающимся русской нефтью. Особенно важенъ захватъ трёстами путей и средствъ сообщенія, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ (они представляли въ 1902 г. 30 милліардовъ капитала, между тѣмъ какъ на всѣ остальные торговые трёсты приходилось 70 милліардовъ).

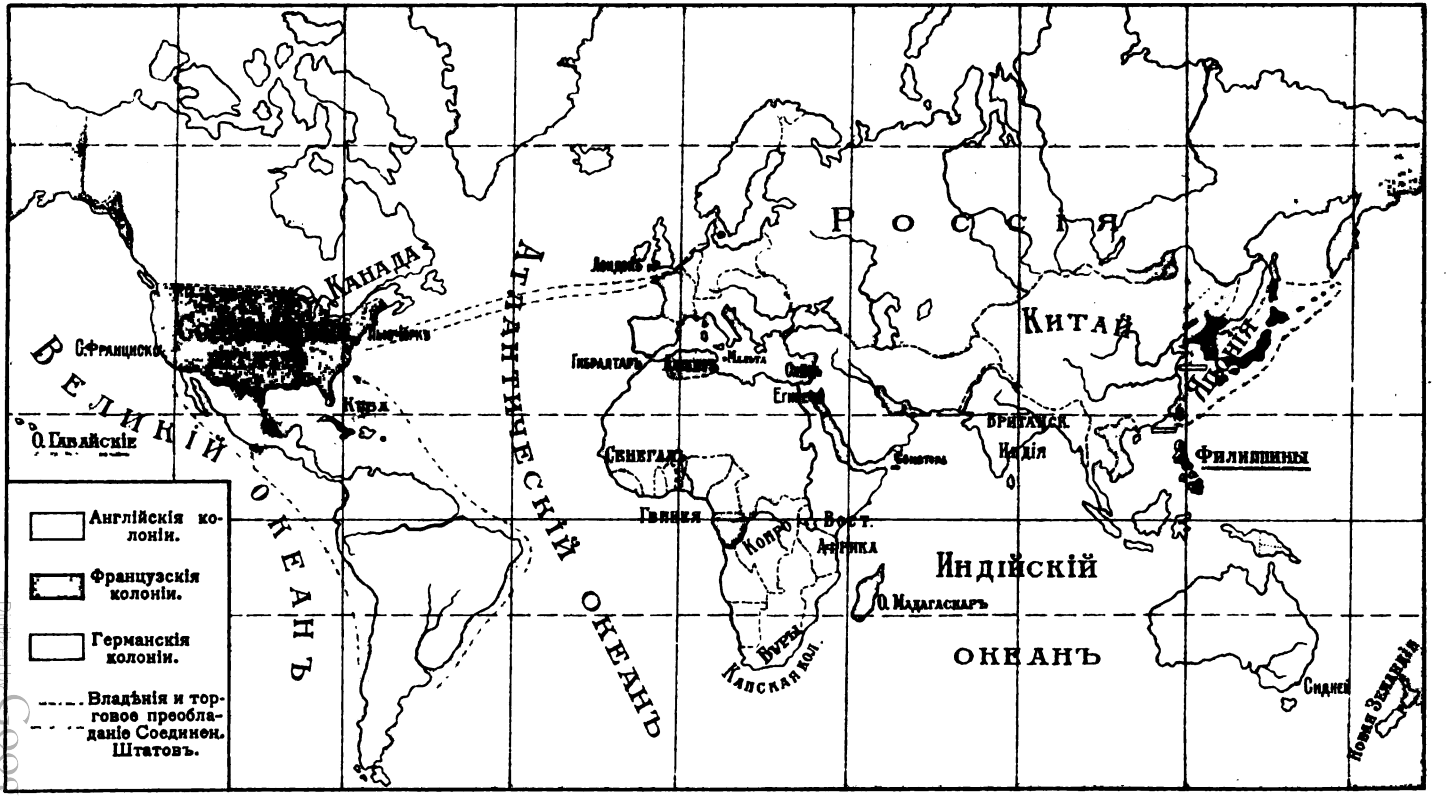
Благодаря этому, между прочимъ большая часть печати находится въ рукахъ финансистовъ; если бы газета вздумала проявить независимость по отношенію къ нимъ, ее лишили бы телеграфическихъ извѣстій и слѣдовательно прикончили. Главные руководители трёстовъ, Морганы, Рокфеллеры, Вандербильты, уже не имѣютъ индустріальной или коммерческой спеціальности: они—пайщики и управители объединенныхъ компаній, по обширности, сложности и разнообразію дѣлъ похожихъ на государственныя вѣдомства. Они сознаютъ себя какъ бы владѣтелями по божественному праву рудниковъ, фабрикъ и банковъ; они строятъ церкви и университеты и заставляютъ духовенство проповѣдовать въ интересахъ денежной силы. Одна изъ жертвовательницъ университета въ С.-Франциско отставила профессора политической экономіи за слишкомъ рѣзкія нападки на капитализмъ. Рокфеллеръ объявилъ, что надо устроить особый трёстъ для изданія Библіи съ тѣмъ, чтобы изъ нея были выпущены всѣ мѣста, гдѣ пророки или Христосъ враждебно говорятъ о богатыхъ.

Начало австралійскихъ колоній. Образованіе земельной аристократіи. Очень своеобразный характеръ приняло развитіе англійскихъ колоній въ Австраліи.

Этотъ отдаленный островъ-материкъ въ теченіе долгаго времени мало интересовалъ европейскихъ мореплавателей и колонизаторовъ. Въ XVI и XVII вв. они продолжали искать сказочныхъ богатствъ Индіи и пользоваться сокровищами случайно, вмѣсто Индіи, открытой Америки. Только старинная теорія заставляла предполагать существованіе „южной земли“ (terra australis), нужной будто бы для того, чтобы уравновѣшивать массу суши, находящуюся на сѣверномъ полушаріи; отсюда названіе Австраліи, которое существовало раньше, чѣмъ былъ открытъ въ дѣйствительности обозначаемый имъ материкъ.

Европейскіе мореплаватели коснулись береговъ Австраліи уже въ началѣ XVII в. Голландецъ Тасманъ нѣсколько позже проѣхалъ южно-австралійскимъ проливомъ, и его именемъ теперь называется островъ на югѣ Австраліи. Но прошло почти два столѣтія, пока началось заселеніе Австраліи. Это произошло послѣ открытій, сдѣланныхъ въ Тихомъ океанѣ англійскимъ кругосвѣтнымъ плавателемъ Кукомъ (въ 70-хъ годахъ XVII в.). Англичане только что потеряли американскія колоніи; тюрьмы были переполнены осужденными на каторгу и ссылку, которыхъ до тѣхъ поръ отправляли обыкновенно въ Виргинію. Рѣшено было посылать осу-

Digitized by Google



Колоніальныя владѣнія европейцевъ и американцевъ въ началѣ XX вѣка.

Digitized by Google

жденныхъ въ новооткрытую отдаленную страну. Первая партія въ 1787 г. ѣхала изъ Англіи въ Сиднеѣ (въ колонію Новый Южный Уэльсъ) 8 мѣсяцевъ Въ началѣ Австралія носила всѣ черты каторжнаго края: туда назначались суровые губернаторы съ деспотической властью, произвольно выселявшіе людей, истязавшіе розгами и цѣпями каторжныхъ и свободныхъ. На корабляхъ ссыльныхъ везли въ такой жестокой тѣснотѣ и при такомъ плохомъ питаніи, что половина умирала въ дорогѣ; привезенныхъ вытаскивали арканами, какъ товарные тюки. Припасовъ, скота, хлѣба и т. п. доставляли мало, и въ колоніяхъ постоянно происходили голодовки. Подневольный трудъ ссыльныхъ не давалъ ничего на скудной прибрежной землѣ.

Лишь постепенно, съ прибытіемъ свободныхъ поселенцевъ, колоніи стали оживать и приспособляться къ чуждымъ условіямъ страны. По климату только юго-восточная часть Австраліи подходитъ для европейца: и теперь въ этомъ углу (въ колоніяхъ Новый Южный Уэльсъ и Викторія) населеніе несравненно гуще, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ. За горами тянутся на всю центральную Австралію, на большую часть сѣвера и запада громадныя степи и пустыни, со скудной растительностью, слабымъ и неправильнымъ орошеніемъ, почти не поддающіяся европейскимъ культурамъ; онѣ служатъ мѣстомъ кочевки для туземныхъ племенъ, стоящихъ на самой низкой ступени развитія. Крайне трудны сообщенія черезъ этотъ массовый неизрѣзанный моремъ материкъ: всѣ колоніи представляютъ прибрежныя поселенія, возникшія врозь и потомъ лишь медленно подвигавшіяся въ глубь страны. Сѣверная Австралія (Квинслендъ) лежитъ въ тропической полосѣ и по климату непривычна европейцу. Помимо того, имѣется рядъ другихъ невыгодныхъ условій. Въ Австраліи нѣтъ большого лѣса, свойственнаго Европѣ и Сѣверной Америкѣ, слѣдовательно нѣтъ важнаго матеріала для стройки и отопленія. Особенно тяжело сказывается неправильность орошенія. Неожиданные жестокіе ливни и долгія засухи не поддаются никакому расчету. Иногда въ день выливается $^1/_3$ всего годового выпада. Тогда рѣки вздуваются, производятъ разрушенія, но вода испаряется или осѣдаетъ быстро, и нѣтъ возможности отвести и распредѣлить ее. Въ короткое время погибаютъ массы скота, разрушается полевая культура. Послѣ этого идутъ цѣлые годы полнаго бездождія. Можетъ быть, отъ этихъ неправильностей и неожиданныхъ катастрофъ зависитъ большое число душевныхъ заболѣваній въ Австраліи. Зато энергія колонистовъ, которымъ удалось примѣниться къ этимъ тяжелымъ условіямъ, созд ла въ Австраліи строй жизни, въ иныхъ чертахъ обогнавшій Европу.

Мѣстная австралійская растительность отличается скудостью, животныя мелки. Вся новая культура Австраліи привозная: европейцы перевезли

Digitized by Google

на материкъ лошадей, овецъ, верблюдовъ, табакъ, сахарный тростникъ, бананы. Въ началѣ XIX в. предпріимчивый Макъ Арчеръ перевезъ изъ южной Африки нѣсколькихъ мериносовъ и положилъ начало главной хозяйственной культурѣ Австраліи, производству шерсти. Для разведенія овецъ въ колоніяхъ оказались самыя подходящія условія, особенно по склонамъ юго-восточной горной цѣпи, въ области Новаго Южнаго Уэльса. Оно повело также къ развитію особой формы крупнаго землевладѣнія, такъ наз. *скуоттерства*.

Англійскій губернаторъ соглашался выдавать изъ земли, объявленной владѣніемъ короны, только мелкіе участки по 40—60 акровъ (15—22 десятины) для земледѣльцевъ изъ числа ссыльныхъ и свободныхъ поселенцевъ. Но Арчеръ поѣхалъ въ Англію (1803) и добился разрѣшенія на 5000 акровъ для отдѣльныхъ владѣльцевъ. Этимъ было положено начало австралійской земельной аристократіи. Овцеводы, скуоттеры, старались захватить для своихъ необозримыхъ стадъ неограниченное количество земли; они ограждали свои пастбища другъ отъ друга большими совершенно пустынными полосами.

Въ австралійскихъ колоніяхъ повторились отчасти классы и партіи, какіе были въ Англіи первой половины XIX в. „Первый австраліецъ“ (т.-е. англичанинъ, родившійся на австралійской почвѣ) Вентвортъ сталъ издавать демократическую газету, въ которой ратовалъ за эмансипацію ссыльныхъ: „слѣдуетъ обратить тюрьму въ колонію свободныхъ людей“. Но крупнымъ владѣтелямъ былъ выгоденъ дешевый трудъ ссыльныхъ, и Арчеръ требовалъ стѣсненія и наказаній для независимой печати, такъ какъ ею руководятъ „бѣшеные радикалы безъ стыда и принципа“. Вентвортъ выступилъ также съ требованіемъ автономіи для колоній.

Англійское правительство, наученное горькимъ опытомъ съ Америкой въ XVIII в., поспѣшило, послѣ возстанія въ Канадѣ, дать этой американской колоніи самоуправленіе (1838). Скоро и въ главной австралійской колоніи, Новомъ Южномъ Уэльсѣ, населенію дали участіе въ управленіи: при губернаторѣ былъ образованъ *законодательный совѣтъ*, на двѣ трети составленный изъ выборныхъ отъ состоятельныхъ людей. Около того же времени Австралія перестала быть мѣстомъ ссылки.

Но свободному колонисту-земледѣльцу, мелкому пользователю все-таки было трудно. Скуоттеры преобладали въ законодательномъ совѣтѣ и мѣшали земельной реформѣ. Англійское правительство пыталось ограничить ихъ захваты законами объ обязательной покупкѣ занимаемыхъ участковъ. Но овцеводы посылали своихъ пастуховъ забирать пастбища вдали отъ всякаго контроля и отказывались покупать землю. Имъ сдѣлали уступку и стали взимать съ нихъ лишь небольшую вступную плату (10 фун-

Digitized by Google

товъ), послѣ внесенія которой владѣтель, получившій разрѣшеніе, бралъ земли, сколько могъ и гдѣ хотѣлъ. Скуоттерство лишь еще болѣе расширилось: въ половинѣ XIX в. четыре крупнѣйшихъ скотовода владѣли почти 15 тысячами квадр. километровъ, т.-е. одной десятой частью всей Великобританіи. Неудачно шла также продажа земли мелкими участками: на аукціоны являлись „земельныя акулы“, которые скупали въ огромныхъ размѣрахъ все, что только было возможно, и перепродавали потомъ участки по повышеннымъ цѣнамъ. У новоприбывшихъ колонистовъ, получившихъ еще на родинѣ право на надѣлъ, откупали свидѣтельства; они оставались въ приморскомъ городѣ, куда прибыли, а земля уходила въ руки скупщиковъ.

Скуоттерство сильно мѣшало заселенію страны. Въ овцеводныхъ имѣніяхъ жизнь носитъ характеръ номадный. Во владѣніи приблизительно величиною въ 500—600 квадратныхъ километровъ пасутся 70.000 овецъ подъ надзоромъ 7 или 8 пастуховъ. Лишь на короткій срокъ появляются перехожіе рабочіе, быстро стригущіе машинами по 100 овецъ въ день, съ хорошимъ заработкомъ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, но совершенно незанятые остальную часть года,— бездомный полудикій людъ, нерѣдко погибающій въ степи. Въ самомъ большомъ скотоводческомъ хозяйствѣ еще недавно оказалось не болѣе 70 человѣкъ, тогда какъ оборотъ экономіи равнялся около 4 милліоновъ на наши деньги. (На такомъ же пространствѣ сахарная плантація потребовала бы, по крайней мѣрѣ, въ тысячу разъ болѣе рабочихъ.) Благодаря всему этому въ австралійскихъ колоніяхъ получались цѣлыя княжества съ полузависимымъ рабочимъ классомъ, не дававшія простора свободному труду, земледѣлію и мелкому землевладѣнію. Въ странѣ было небезопасно: бѣглые каторжники, отбившіеся пастухи, всякаго рода искатели добычи составляли разбойничьи отряды и грабили мирное населеніе; дома скуоттеровъ укрѣплялись въ родѣ замковъ.

Открытіе золота въ Австраліи и общественный переворотъ. Положеніе Австраліи рѣзко измѣнилось послѣ своего рода экономической катастрофы, случайной и внезапной. Въ 1851 г. почти одновременно съ открытіемъ калифорнійскихъ золотыхъ розсыпей началась разработка золота въ Австраліи (болѣе всего въ колоніи Викторія). Золото встрѣчалось въ видѣ самородковъ въ наносахъ старыхъ рѣчныхъ руслъ: для его добыванія не требовалось никакихъ машинъ и дорогихъ приспособленій; „копальщики“ рыли ямы и промывали землю и песокъ сквозь рѣшета; весь успѣхъ зависѣлъ отъ счастливыхъ находокъ. На первыхъ порахъ искателямъ удавалось зарабатывать до 25.000 франковъ въ два мѣсяца. Слухъ о золотыхъ залежахъ быстро привлекъ изъ Европы большое количество переселенцевъ въ малолюдную до тѣхъ поръ Австра-

Digitized by Google

лію. За десять лѣтъ отъ 1851 до 1861 г. количество населенія во всѣхъ южныхъ колоніяхъ увеличилось втрое, а въ Викторіи—вшестеро, при чемъ огромное большинство состояло изъ людей, ѣхавшихъ на свой счетъ безъ офиціальнаго вспомоществованія. Въ самой Австраліи промыселъ золота создалъ необычайную лихорадку: мелкіе землевладѣльцы, рабочіе, чиновники бросились въ южные округа, чтобы стать копальщиками; были области, въ которыхъ на мѣстѣ оставались только женщины и дѣти за уходомъ всего мужского населенія. Около Балларата, главнаго центра поисковъ, выросли лагери бараковъ и палатокъ: въ нихъ кишѣли постоянно передвигавшіеся искатели, представляя безпокойную массу, развлекавшуюся попойкой, азартной игрой и склонную къ кровавымъ ссорамъ; для наблюденія за ними завели многочисленную полицію, но и она разбѣгалась по пріискамъ: изъ города Мельбурна ушла однажды вся администрація.

Золотоискатели не хотѣли подчиняться властямъ, составили рабочую лигу наподобіе англійскихъ союзовъ, отказались вносить плату за дозволеніе къ пріиску и потребовали уравненія въ правахъ со старыми колонистами и землевладѣльцами: они укрѣпились даже военнымъ лагеремъ около Балларата. Губернаторъ соединилъ противъ нихъ всѣ военныя и полицейскія силы; лагерь былъ взятъ, но присяжные въ Мельбурнѣ оправдали схваченныхъ мятежниковъ, и копальщикамъ дали избирательное право. Съ этого времени наступилъ конецъ исключительному господству скуоттеровъ.

Золотая лихорадка кончилась черезъ 4 года, когда оскудѣли самородки: промыселъ направился на эксплоатацію золотоносныхъ жилъ, которая требовала дорогихъ машинъ: самостоятельные искатели уступили мѣсто инженерамъ и рабочимъ большихъ компаній капиталистовъ; старые копальщики разорились, ушли или обратились въ земледѣльцевъ и городскихъ фабричныхъ рабочихъ. Но разъ начавшійся притокъ новыхъ поселенцевъ былъ крайне выгоденъ для развитія Австраліи. Рядомъ съ безпокойной кочевой и воинственной жизнью степного края, съ его скуоттерами, пастухами и разбойниками, появились болѣе осѣдлыя группы мирнаго населенія, жившаго разработкой рудниковъ, индустріей, торговлей. Промышленные и городскіе рабочіе, частью переселившіеся изъ Англіи чартисты и ирландскіе республиканцы, требовали прочной и высокой заработной платы, лучшихъ и болѣе обезпеченныхъ условій жизни. Постепенно, рядомъ со старыми демократами, образовалась въ колоніяхъ *рабочая партія*, болѣе могущественная, чѣмъ гдѣлибо въ Европѣ.

Весь общественный и политическій строй колоній долженъ былъ измѣниться. Въ 50-хъ годахъ всѣ колоніи получили автономію: законо-

Digitized by Google

дательные совѣты при губернаторахъ были превращены въ *верхнія палаты*, и въ качествѣ нижнихъ палатъ введены *парламенты* изъ выборныхъ отъ населенія: колоніи, каждая въ отдѣльности, воспроизвели англійское конституціонное устройство съ отвѣтственными министрами. Онѣ даже опередили Англію: въ 1855 г. одна изъ колоній приняла у себя всеобщее избирательное право, за нею послѣдовали другія.

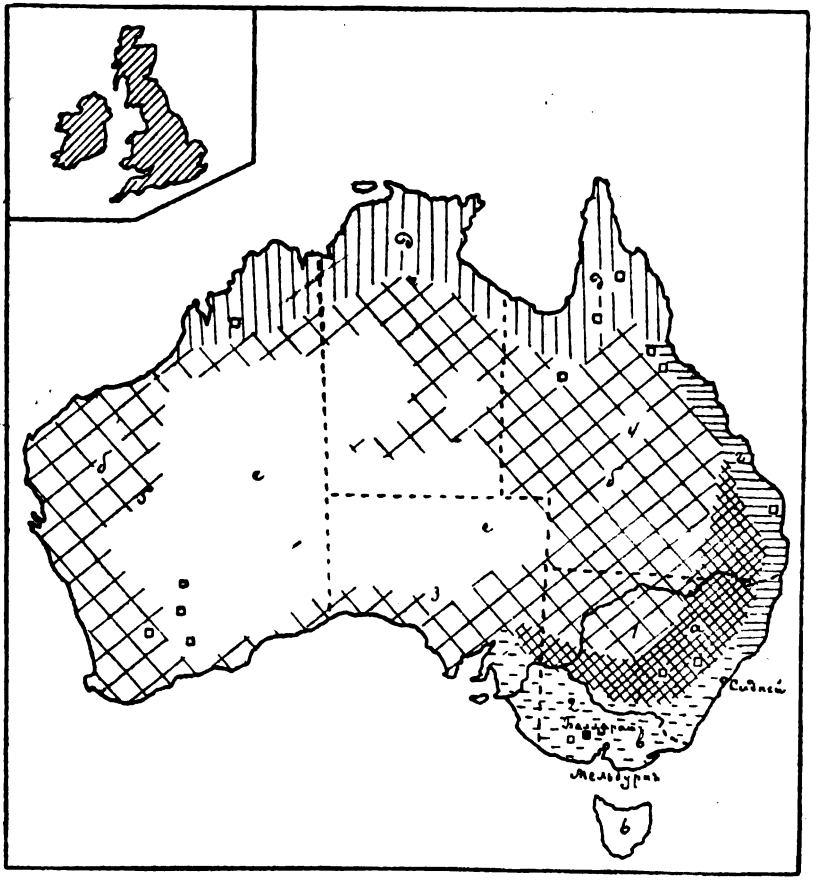
Самоуправленіе открыло доступъ ко власти *мелкимъ землевладѣльцамъ* (selectors), которые повели заново борьбу съ крупными скотоводами. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ прошелъ законъ, открывшій государственныя земельныя имущества для мелкихъ пользователей; на большихъ, еще не вымѣренныхъ, пастбищныхъ пространствахъ имъ позволялось нарѣзывать себѣ усадьбы для земледѣльческой обработки за небольшую плату съ льготной разсрочкой. Постепенно во всѣхъ колоніяхъ былъ установленъ кредитъ для покупки земли, предоставленный исключительно мелкимъ фермерамъ. Новопоселенецъ выбиралъ мѣсто, строилъ избу и огораживалъ поле отъ прохода овецъ. Скуоттеры всячески мѣшали ненавистнымъ „попугаямъ“; избѣгали сношеній съ ними, портили имъ воду или мѣшали провести къ себѣ орошеніе; крестьянинъ сидѣлъ одиноко со своей библіей, въ то время, какъ помѣщики въ округѣ катались другъ къ другу на праздники. Скуоттеры скупали мелкіе участки черезъ подставныхъ людей и складывали изъ нихъ большія имѣнія вопреки закону. Приходилось принимать новыя и новыя мѣры для охраны мелкихъ владѣльцевъ и обезпеченія крестьянской собственности. Но скуоттеры вынуждены были также улучшить положеніе своихъ рабочихъ въ виду того, что въ различныхъ городскихъ, фабричныхъ, металлургическихъ предпріятіяхъ установились выгодныя условія работы.

Демократическая федерація въ Австраліи. Рабочая партія въ Австраліи не остановилась на этомъ. Въ 1891 г. она выставила въ парламентѣ обширную программу реформъ. Во главѣ стояло требованіе признать естественное и неотъемлемое *право всего общества на землю*, на которой „всѣ должны жить и которая является при посредствѣ работы источникомъ всѣхъ богатствъ“. Въ борьбѣ за высокую трудовую плату австралійская рабочая партія выставила еще своеобразное требованіе, которое можетъ быть соединено въ лозунгѣ: „Австралія для бѣлыхъ“. Сначала переселеніе на южный материкъ ничѣмъ не было ограничено. Съ открытіемъ розсыпей, а въ особенности съ возникновеніемъ плантаціоннаго хозяйства, направились въ Австралію китайцы, японцы и полинезійцы (канаки) съ острововъ; владѣльцы сахарныхъ плантацій въ Квинсландѣ очень охотно брали дешевыхъ цвѣтныхъ рабочихъ. Движеніе грозило интересамъ бѣлыхъ рабочихъ, и они выступили съ несравненно болѣе рѣзкой программой, чѣмъ американскіе аболиціонисты: доступъ въ Ав-

Digitized by Google

стралію китайцамъ былъ совершенно закрытъ; полинезійцамъ поставили срокъ для обратнаго выселенія на острова.

Къ концу XIX вѣка Австралія представляла страну съ населеніемъ въ $4^1/_2$ милліона и богато развитымъ производствомъ. Между отдѣльны-



Австралійскія колоніи къ концу XIX вѣка. 1 Новый Южный Уэльсъ, 2 Викторія, 3 Южная Австралія, 4 Квинслендъ, 5 Западная Австралія, 6 Тасманія, а область наибольшаго развитія скотоводства, б—земли, годныя для пастбищъ, в—земледѣльческія области съ искусственнымъ орошеніемъ, г—сахарныя плантаціи, д—тропическія культуры, е—пустыни; □ мѣстонахожденія золота.

ми колоніями установились оживленныя сношенія; обнаружилось сильное движеніе къ ихъ объединенію. Въ столѣтней борьбѣ за обладаніе землей, въ работѣ насажденія новыхъ культуръ сложилась особая австралійская національность; по мнѣнію сторонниковъ объединенія, больше нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такихъ выгодныхъ условій, чтобы „весь мате-

Digitized by Google

рикъ принадлежалъ одной націи". Объединенія хотѣли ради охраны торговыхъ и промышленныхъ интересовъ посредствомъ установленія для всей Австраліи одной таможенной системы, т.-е. побужденіе было то же самое, какое привело къ объединенію сѣверо-американскихъ колоній; въ дальнѣйшемъ, подобно панамериканизму, рисовалась широко-австралійская политика съ распространеніемъ вліянія на весь Великій океанъ.

Англія, всегда очень осторожная къ Австраліи, и теперь въ 90-хъ годахъ пошла навстрѣчу объединительнымъ стремленіямъ австралійцевъ. Въ 1891 г. сошелся первый конгрессъ делегатовъ отъ австралійскихъ колоній, созванный стараніями Новоюжноуэльскаго министра Паркса; но лишь въ концѣ 90-хъ годовъ на второмъ конгрессѣ была выработана конституція австралійскаго союза. Англійское правительство приняло ее, и въ 1901 г. была объявлена „федерація австралійской республики (commonwealth) шести колоній" (Новый Южный Уэльсъ, Викторія, Южная Австралія, Западная Австралія, Квинсленъ, Тасманія). Австралійцы пользуются совершенно самостоятельнымъ правомъ законодательства и управленія; представитель власти, присылаемый изъ Англіи, имѣетъ такое же слабое участіе въ дѣлахъ, какъ въ Англіи король; управленіе — въ рукахъ кабинета, который составляется изъ среды партіи большинства въ палатахъ. Федеральный конгрессъ состоитъ изъ двухъ палатъ, похожихъ на американскія: одна, сенатъ, образуется изъ одинаковаго числа депутатовъ (шести) отъ всѣхъ колоній, другая изъ выборныхъ, посылаемыхъ колоніями пропорціонально числу жителей.

XIII.

Міровая политика бѣлой расы и Японія въ концѣ XIX вѣка.

Раздѣлъ Африки и Океаніи между европейцами и американцами. Образованіе Австралійской федераціи произошло въ то время, какъ Англія вела войну въ южной Африкѣ съ бурами, т.-е. голландскими колонистами двухъ самостоятельныхъ республикъ, Трансваальской и Оранжевой. Война эта была однимъ изъ выраженій *англійскаго имперіализма*, вытекающаго изъ міровыхъ, торговыхъ и промышленныхъ интересовъ Великобританіи.

Англичане проникаютъ двумя главными путями въ области „чернаго материка": черезъ Нильскую долину съ сѣвера и изъ Капской земли съ юга. Въ концѣ XIX в. въ южной Африкѣ произошло нѣчто похожее на переворотъ, пережитый Австраліей въ 50-хъ годахъ; открылись золотые

Digitized by Google

и алмазныя копи, начался притокъ европейскихъ и азіатскихъ рабочихъ. Это затрогивало положеніе старыхъ африканскихъ поселенцевъ, которые вели большей частью крупное скотоводческое хозяйство; къ соперничеству интересовъ присоединилось національное различіе: старые поселенцы были большею частью голландцы, частью признавшіе господство Англіи (въ Капской колоніи), частью отдѣлившіеся въ двѣ независимыя республики за Оранжевой рѣкой. Въ то время, какъ независимые буры имѣли на своей сторонѣ капскихъ колонистовъ-голландцевъ, англійское правительство поддерживало въ республикахъ такъ наз. уитлендеровъ, пришлое, частью англійское рабочее населеніе новыхъ рудниковыхъ и промышленныхъ округовъ. Отношенія такъ обострились, что обѣ стороны готовы были рѣшить ихъ войной. Губернаторъ Капской колоніи, Сесиль Родсъ, милліонеръ и владѣтель алмазныхъ копей въ Кимберлеѣ, выработалъ планъ промышленнаго и политическаго завоеванія всей южной Африки.

Далѣе проектировался колоссальный желѣзнодорожный путь въ длину всей Африки на соединеніе Капа съ Египтомъ. Немногочисленные, но воинственные буры, похожіе на скуоттеровъ Австраліи и плантаторовъ южныхъ штатовъ Америки, оказали упорное сопротивленіе; чтобы сломить ихъ, англичанамъ пришлось перевезти на корабляхъ и сосредоточить въ южной Африкѣ болѣе 200.000 солдатъ; за неимѣніемъ большого постояннаго войска въ Великобританіи, было очень важно воспользоваться добровольной помощью колоній; австралійцы также прислали вспомогательные отряды, какъ разъ въ то время, когда велись съ Англіей переговоры объ устройствѣ федераціи. Все это, казалось, происходитъ на руку развивающемуся имперіализму: въ Англіи стали говорить о тѣсномъ союзѣ всѣхъ колоній вмѣстѣ съ метрополіей на основѣ самостоятельности частей имперіи и при сближеніи ихъ интересовъ въ общей промышленной политикѣ.

Но въ имперіи англичанъ далеко не всѣ колоніи пользуются самоуправленіемъ. Давно получили независимость Австралія и Канада. Въ южной Африкѣ послѣ уничтоженія бурскихъ республикъ и присоединенія ихъ территорій къ Капской землѣ, начали вводить парламентское управленіе. Въ то же время громадная Индія, Индокитайскія владѣнія, другія африканскія колоніи управляются бюрократически, помимо правильнаго участія мѣстнаго населенія.

Имперіализму американскихъ Соединенныхъ штатовъ и Англіи соотвѣтствуютъ, хотя и болѣе слабыя, стремленія другихъ европейскихъ государствъ къ захвату африканскихъ, азіатскихъ и тихоокеанскихъ колоній въ качествѣ рынковъ и мѣстъ для водворенія европейскихъ колонистовъ и для устройства тропическихъ плантацій. Франція частью продол-

Digitized by Google

жала въ этомъ отношеніи старую политику, лишь измѣнивши театръ своихъ дѣйствій; она покинула Америку, соединила и нѣсколько расширила владѣнія въ Африкѣ и заново захватила колоніи въ Азіи. Германія выступила лишь со времени своего объединенія: она заняла области въ трехъ береговыхъ мѣстностяхъ Африки, а въ Тихомъ океанѣ часть о. Новой Гвинеи и нѣсколько островныхъ группъ на сѣверо-западѣ и въ центрѣ.

Въ результатѣ этихъ захватовъ Океанія (т.-е. острова Тихаго океана, кромѣ прилегающихъ къ Азіи) теперь подѣлена вся между Соединенными штатами, Англіей, между ея колоніями, Германіей и Франціей. Въ значительной мѣрѣ подѣлена и Африка между Англіей, Франціей и Германіей; остаются на окраинахъ независимыми только Абиссинія, Египетъ и Марокко. Дѣйствительный раздѣлъ Африки по большей части не идетъ дальше береговыхъ полосъ, хотя по имени и на картахъ границы проведены глубоко и соприкасаются между собой; но середина остается населенной племенами почти независимыми и во многихъ частяхъ неизслѣдованной (въ центральной Африкѣ есть еще основанное международной компаніей и находящееся подъ покровительствомъ бельгійскаго короля колоніальное „государство Конго“). Кромѣ южной и сѣверной окраины Африки, этотъ материкъ мало подходитъ для европейцевъ по климатическимъ условіямъ; они остаются наблюдателями, торговцами, администраторами въ странѣ, не селясь прочными группами, какъ въ Америкѣ и Австраліи. Туземное населеніе, довольно многочисленное, но разрозненное, большею частью стоящее на низкой ступени культуры, пока не мѣшаетъ европейскимъ захватамъ.

Начало раздѣла Азіи. Иной характеръ носятъ притязанія европейцевъ въ Азіи, и иначе относится къ нимъ здѣсь туземное населеніе. Англичане и французы успѣли занять весь Индостанъ и значительную часть Индокитая, въ Китаѣ Англія и Германія пріобрѣли опорные пункты и намѣтили кругъ своего промышленнаго вліянія. Англія давно уже владѣла входомъ въ бухту Сикіанга и захватила въ концѣ 90-хъ годовъ крѣпость (Вейхайвей) у входа въ заливъ Печили. Германія около того же времени, подъ предлогомъ мести за убійство двухъ христіанскихъ миссіонеровъ, заняла бухту Кіаочау у средняго Китая и пріобрѣла вліяніе на большую провинцію Шантунъ съ почти 40-милліоннымъ населеніемъ; въ сосѣдствѣ съ германской колоніей находятся богатѣйшіе въ свѣтѣ желѣзные рудники и каменно-угольныя копи. Еще рѣшительнѣе въ то же время продвигалась съ сѣвера Россія. Ея цѣлью было пріобрѣсти у Великаго океана незамерзающій портъ и связать Сибирь и свои владѣнія на „Дальнемъ Востокѣ“ съ центральными областями большимъ желѣзнодорожнымъ путемъ.

Эта задача привела къ отнятію гавани и крѣпости Портъ-Артура,

Digitized by Google

на Ляодунскомъ полуостровѣ въ томъ же заливѣ Печили, у Японіи, только что захватившей этотъ пунктъ у Китая; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія пріобрѣла у Китая право на постройку желѣзнодорожной вѣтви отъ большого сибирскаго пути черезъ Манчжурію къ заливу Печили; для охраны этого пути были введены военныя силы, и Манчжурія стала зависимой отъ Россіи областью. Такъ какъ около того же времени англичане заявили изъ Индостана притязанія на Тибетъ, также входящій въ Китайскую имперію, то казалось, что европейцы приступаютъ къ раздѣлу самаго большого азіатскаго государства, а съ нимъ вмѣстѣ намѣчаютъ въ не очень отдаленномъ будущемъ раздѣлъ и всей вообще Азіи.

Но азіатскія народности не то, что африканскія. Населеніе многихъ частей Азіи, напр., рѣчныхъ долинъ Ганга, Янтсекіанга или Японскихъ острововъ, по плотности не уступаетъ европейскимъ странамъ или даже превосходитъ ихъ. А главное—въ Азіи цѣлый рядъ крупныхъ народностей со старинной культурой, съ сознаніемъ своей самобытности. Вначалѣ, при появленіи европейцевъ, они могли уступать имъ вслѣдствіе своей раздробленности или технической отсталости. Расчеты европейцевъ главнымъ образомъ и были основаны на томъ, чтобы поддерживать эту раздробленность и отсталость. Но это удавалось лишь на недолгій срокъ. Появленіе чужихъ торговцевъ и офицеровъ вызывало раздраженіе и пробуждало заснувшую дѣятельность мѣстныхъ народностей; затронутыя на собственной территоріи, онѣ приходили къ мысли о необходимости сплотиться для отпора; въ ихъ средѣ возникали тѣ самыя національныя стремленія, которыя привели къ образованію крупныхъ государствъ Европы. Втянутыя насильственно въ кругъ европейской культуры, сначала враждебныя ей безусловно, онѣ потомъ стали быстро усваивать технику и науку европейцевъ, чтобы обратить противъ нихъ собственное ихъ оружіе. Такимъ образомъ онѣ сами въ короткій срокъ дѣлали огромный шагъ въ своемъ развитіи.

Этотъ переворотъ съ необыкновенной быстротой и силой осуществился въ Японіи.

Дореформенная Японія. До 60-хъ годовъ XIX вѣка Японія была закрыта для иностранцевъ и сохраняла бытъ, похожій на европейское феодальное средневѣковье. Японія только по имени составляла одно государство. Области, на которыя распадались японскіе острова, были разобщены между собою, между ними не существовало широкаго обмѣна продуктовъ: земледѣліе и индустрія работали только для покрытія мѣстныхъ потребностей. Раздробленность позволяла наслѣдственнымъ губернаторамъ *(дайміосы)* и служившему у нихъ рыцарству *(самураи)* держать въ подчиненіи рабочее населеніе, взимать съ него оброки натурой и требовать различныхъ барщинъ. Торговля и ремесла находились въ

Digitized by Google

рукахъ замкнутыхъ гильдій и цеховъ; ихъ члены не допускали соперничества постороннихъ, не входившихъ въ союзы, и устанавливали произвольно цѣны на товары, пользуясь огромными пошлинами на ввозные продукты. Вся торговля съ европейцами была въ распоряженіи одной Нагасакской гильдіи, которая скупала товары у голландскихъ купцовъ и продавала по цѣнамъ, зависѣвшимъ только отъ нея. Общее управленіе почти отсутствовало: не было ни общей арміи, ни бюджета; представитель старинной императорской власти, *микадо*, жилъ въ замкнутой придворной средѣ, окруженный церемоніями и религіознымъ почетомъ, но лишенный дѣйствительнаго авторитета, наподобіе мусульманскаго халифа позднѣйшихъ временъ или главы священной римской имперіи въ Германіи. Нѣсколько больше значенія въ общей политикѣ страны имѣлъ *шогунъ*, первоначально общій намѣстникъ императора, ставшій совершенно независимымъ отъ микадо и сдѣлавшій свою власть наслѣдственной. Общая неподвижность жизни привела къ тому, что всѣ должности, всѣ занятія стали наслѣдственными: Японія была страною рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга и замкнутыхъ кастъ.

Такой порядокъ могъ держаться лишь при полной отчужденности страны отъ остального міра. Японія лежала далеко отъ первоначальныхъ путей, по которымъ направлялись европейскіе колонизаторы, путешественники и торговцы. Дальше другихъ заходили въ XVII в. голландцы; они пріобрѣли право доступа въ Нагасаки, одну изъ гаваней Японіи; долгое время это право признавалось исключительно за ними. Общее отношеніе японцевъ къ иностранцамъ было крайне враждебнымъ.

Но въ половинѣ XIX вѣка началась глубокая перемѣна въ положеніи странъ, лежащихъ вокругъ Тихаго океана. Главнымъ толчкомъ послужила разработка калифорнійскихъ и австралійскихъ рудниковъ и быстрое развитіе американскаго запада. Эти явленія вызвали какъ бы промышленное открытіе Тихаго оксана. По громадному водному пространству начались оживленныя сношенія: въ то время, какъ къ берегамъ восточной Азіи, къ Японіи, Китаю и Индокитаю двинулись американскіе товары, въ обратномъ направленіи къ С.-Франциско потянулись рабочіе желтой расы, китайцы и японцы, вынужденные къ эмиграціи ростомъ населенія и тѣснотой. Въ 1853 году у береговъ Японіи появился американскій адмиралъ съ военными судами и потребовалъ открытія страны для иностранцевъ. Одновременно заявили такія же требованія русскіе и англичане. Японія не могла болѣе удержать своей замкнутости, начался огромный переворотъ во всей жизни большой, богатой и населенной страны. Онъ былъ въ свою очередь подготовленъ сильнымъ внутреннимъ движеніемъ.

Съ возрастаніемъ населенія страна не могла болѣе кормиться одними

Digitized by Google

собственными произведеніями; привилегіи гильдій, незнакомство съ техническими пріемами образованныхъ народовъ не позволяли вносить усовершенствованія въ земледѣліе и ремесло. Въ то же время увеличилась масса людей, не имѣвшихъ опредѣленнаго дѣла и службы, выключенныхъ отъ привилегій, каковы были, напр., младшіе сыновья семей торговцевъ и ремесленниковъ. Угнетенные дороговизной, которая искусственно держалась замкнутостью Японіи, не находя приложенія своихъ способностей, они составили недовольный, безпокойный элементъ, готовый къ протесту и возстаніямъ: больше всего ихъ было въ городахъ, въ качествѣ разносчиковъ, носильщиковъ, актеровъ и т. п. Но къ нимъ присоединялось также множество людей, уходившихъ изъ деревни, такъ какъ на землѣ тоже становилось тѣсно. Чтобы покрыть расходы на управленіе и на свои дворы, шогунъ и дайміосы усиливали налоги съ земледѣльческаго населенія, такъ что мѣстами крестьяне уплачивали $^4/_5$ своего сбора съ полей. Но и въ средѣ господствующаго класса были недовольные: множество самураевъ, также младшія дѣти разраставшихся семей, не находили службы или разорялись отъ дороговизны; обѣднѣвшіе снимались съ мѣстъ и искали вольныхъ занятій: прежде они шли въ монастыри, теперь они становились учителями, врачами, писателями, учеными. Въ новыя занятія свои они вносили воинственное одушевленіе, напоминая отчасти европейскихъ рыцарей-публицистовъ XVI вѣка. Въ ихъ средѣ сложилось новое просвѣтительное направленіе; оно носило частью національно-романтическій характеръ. Патріотическіе писатели нападали на существующіе порядки, на деспотизмъ шогуна, котораго они считали похитителемъ власти, на произволъ чиновниковъ, и изображали въ самыхъ привлекательныхъ и возвышенныхъ чертахъ старинный строй Японіи, когда она благоденствовала подъ отеческимъ управленіемъ неограниченнаго въ своей власти микадо; они требовали реформы въ видѣ возрожденія старинной монархіи. Но рядомъ съ этимъ взглядомъ стоялъ другой, именно—сознаніе необходимости сломить стѣны и запреты, замыкающіе Японію отъ остального міра, и усвоить чужую науку, изобрѣтенія и усовершенствованія.

Оба эти направленія, *реакціонное и радикальное,* соединились въ переворотѣ, который привелъ къ паденію власти шогуна. Дворъ микадо въ старинномъ священномъ городѣ Кіото заявилъ себя сначала врагомъ иностранцевъ, но всѣ враги шогуна начали соединяться около забытой до тѣхъ поръ священной особы. Шогунъ открылъ нѣсколько японскихъ портовъ иностраннымъ купцамъ: тотчасъ же начался наплывъ европейскихъ и американскихъ товаровъ, рѣзко измѣнились цѣны, начали разоряться купцы японскихъ гильдій, державшіе до тѣхъ поръ монополію, но въ то же время поднялись доходы казны шогуна. Перемѣна рѣзче

Digitized by Google

всего обнаружилась въ юго-западной Японіи; ея дайміосы, недовольные усиленіемъ шогуна, начали противъ него мятежъ во имя возстановленія власти законнаго государя микадо. Въ то же время обнаружилось сильное раздраженіе противъ иностранцевъ: суда американцевъ и европейцевъ подвергались обстрѣливанію, на бѣлыхъ нападали и убивали ихъ. Но при первыхъ же столкновсніяхъ съ европейскими эскадрами реакціонеры убѣдились въ превосходствѣ оружія и военнаго строя иностранцевъ. Они прежде всего поспѣшили завести у себя новые снаряды и по европейскимъ образцамъ обучить войско.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе при дворѣ микадо получали вліяніе совѣтники изъ среды радикальныхъ самураевъ. Рѣшительный моментъ наступилъ въ 1867 г., когда микадо сдѣлался четырнадцатилѣтній Мутсу Гито, на время правленія котораго и приходятся всѣ японскія реформы до настоящей поры. Сторонники національной монархіи потребовали, чтобы шогуиъ отрекся отъ власти въ пользу микадо; они указывали вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ обращеніи къ микадо, что надо порвать окончательно съ политикой отчужденія Японіи отъ остального міра. „Когда мы посѣщаемъ иноземныя страны и изучаемъ то, что тамъ есть хорошаго, когда мы сравнимаемъ ихъ постоянное движеніе впередъ, ихъ разумное управленіе, отличное военное устройство и обезпеченность ихъ населенія съ нашимъ нынѣшнимъ состояніемъ, мы легко можемъ понять, что̀ приводитъ народъ къ благосостоянію или упадку“. Они настаивали на томъ, чтобы бросить заимствованныя изъ Китая церемоніи и замкнутость двора, установить открытыя и искреннія отношенія съ иностранцами и объявить объ этомъ къ свѣдѣнію всего народа.

Переворотъ въ Японіи. Реформа общественнаго строя и конституція. Новый микадо безъ колебанія отдался движенію просвѣщенныхъ патріотовъ: онъ отрѣшилъ шогуна отъ власти, и когда тотъ вздумалъ сопротивляться, микадо при помощи тѣхъ же южныхъ князей, усвоившихъ европейское вооруженіе, разбилъ болѣе многочисленныя войска шогуна и занялъ его столицу Іедо. Затѣмъ въ особой торжественной аудіенціи микадо принялъ пословъ иностранныхъ державъ, и съ этого времени Японія открылась для европейцевъ и американцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вступила на путь реформъ.

Аристократія дайміосовъ, поднявшая впервые возстаніе противъ шогуна, скоро уступила мѣсто людямъ новой выслуги большей частью изъ самураевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе рѣшительнымъ сторонникамъ европейскаго просвѣщенія. Министръ Окубо, въ свое время глава одного изъ просвѣтительныхъ кружковъ молодой Японіи, предложилъ микадо, въ видѣ символическаго дѣйствія, покинуть священное Кіото и переѣхать въ свѣтское Іедо, которое было переименовано въ Токіо. Микадо объ-

Digitized by Google

явилъ, что будетъ привлекать на службу людей по уму и способностямъ независимо отъ преимуществъ рожденія и созоветъ *совѣщательное собраніе*, чтобы править согласно общественному мнѣнію. По созывъ такого собранія былъ отложенъ, чтобы провести сначала преобразованіе общественнаго строя. Дѣло шло о томъ, чтобы сломить замкнутость областей и классовъ, вывести Японію изъ феодальнаго и крѣпостного порядка.

Правительство объявило отмѣну наслѣдственныхъ должностей, рыцарскихъ и господскихъ правъ, состоящихъ въ полученіи разныхъ оброковъ и услугъ, оцѣнило доходы господъ на деньги и выплатило имъ капиталъ въ размѣрѣ суммы вчетверо или вшестеро большей. Самураи были освобождены отъ обязательнаго ношенія меча и военной службы и получили право избирать любое занятіе; часть ихъ, подобно дворянамъ европейскихъ странъ послѣ отмѣны крѣпостныхъ повинностей, не могла приспособиться къ новымъ условіямъ и разорилась; напротивъ, другіе изъ среды этого класса выказали большую энергію и изворотливость, стали во главѣ новыхъ промышленныхъ предпріятій, заполнили собою преобразованную армію и новую администрацію. Эта передовая часть самураевъ образовала воинствующую новую Японію, которая стремится къ расширенію своихъ владѣній, захвату новыхъ рынковъ, распространенію своихъ товаровъ, пропагандѣ японской культуры и объединенію желтой расы. Крестьяне, благодаря реформѣ, освободились отъ барщины и получили занимаемыя ими земли въ полную собственность съ правомъ продажи и раздѣла. Была объявлена полная свобода передвиженія, и уничтожены различныя преимущества торговыхъ гильдій и ремесленныхъ цеховъ. Затѣмъ ввели всеобщую воинскую повинность. Съ уравненіемъ правъ правительство объединило раздробленную до тѣхъ поръ страну и установило вездѣ однообразное управленіе.

Главное вниманіе новое правительство микадо обратило на развитіе промышленности и торговли. Избытокъ незанятыхъ рабочихъ рукъ, задержка въ разработкѣ богатствъ страны были одной изъ главныхъ причинъ великаго переворота въ Японіи. Руководители ея политики и хотѣли прежде всего поднять производительность страны, занять ея рабочія массы; они хотѣли поощрить развитіе капиталовъ, которые бы двинули разработку ея естественныхъ силъ. Государство само выступило крупнымъ предпринимателемъ, занявшись постройкой желѣзныхъ дорогъ, скоро изрѣзавшихъ страну во всѣхъ направленіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ была устроена обширная сѣть почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній. Правительство поощряло развитіе мореплаванія, увеличеніе торговаго флота и особенно ростъ индустріи. Въ Японіи, гдѣ до реформы было почти одно мелкое кустарное ремесло, поднялись крупные фабрики

Digitized by Google

и заводы, и съ 80-хъ годовъ она выступила на азіатскихъ рынкахъ, особенно въ Кореѣ и Китаѣ, конкурентомъ американцамъ и европейцамъ.

Въ Японіи были основаны университеты по европейскимъ примѣрамъ и для преподаванія заимствованной у европейцевъ науки; но помимо того множество молодыхъ японцевъ отправлялись въ Европу и Америку учиться по всѣмъ отраслямъ знанія техники. Въ 70-хъ годахъ возникла пресса, которая получила скоро большое распространеніе. Газетамъ пришлось предоставить извѣстную свободу, и съ ихъ стороны все болѣе и болѣе стало слышаться требованіе, чтобы въ Японіи введенъ былъ также и политическій строй на европейскій образецъ. Микадо обѣщалъ созвать совѣщательное собраніе еще въ 1869 году въ самомъ началѣ реформъ, но Японія обратилась на первыхъ порахъ изъ феодальнаго государства въ абсолютную монархію, управляемую посредствомъ чиновничества. Быстрое промышленное и военное развитіе ея выдвинуло однако вліятельные новые классы, которые требовали участія въ управленіи. Въ 1889 году Мутсу Гито, показавшій вообще умѣнье прислушиваться къ общественному мнѣнію, объявилъ введеніе конституціи въ Японіи. Выработка новаго конституціоннаго строя составляетъ дѣло маркиза Ито, одного изъ первыхъ японцевъ, которые до реформы въ началѣ 60-хъ годовъ рѣшились тайкомъ подъ страхомъ наказанія выѣхать въ Европу.

Въ 1890 году собрался *первый японскій парламентъ*. Японская конституція, похожая на прусскую, значительно отстаетъ отъ лучшихъ европейскихъ. Ея создатели, хотя и проникнутые европейскими идеями, находили, однако, что японскій народъ въ массѣ еще не готовъ для политической жизни, и потому ввели высокій цензъ, дающій участіе въ выборахъ только меньшинству высшихъ и образованныхъ классовъ населенія, особенно землевладѣльцевъ. Цензъ для права быть избирателемъ требовалъ 25-лѣтняго возраста и налога въ размѣрѣ не менѣе 15 іенъ (іенъ почти равенъ рублю); вслѣдствіе этого изъ числа около 16 милліоновъ японцевъ въ этомъ возрастѣ избирателями могли быть только полмилліона. Въ 1900 г. произошло небольшое пониженіе ценза. Въ Японіи нѣтъ парламентскаго правленія. Императоръ попрежнему считается „самодержавнымъ“, и хотя правительство обязано давать отчетъ въ управленіи собранію депутатовъ, вырабатывать съ нимъ вмѣстѣ законъ, представлять ему на утвержденіе бюджетъ, отвѣчать на запросы, однако микадо составляетъ министерства по своему усмотрѣнію, независимо отъ партій, по своему усмотрѣнію созываетъ и распускаетъ парламентъ; собраніе народныхъ представителей находитъ себѣ ограниченіе въ другой высшей палатѣ, составленной изъ членовъ императорской семьи и лицъ по назначенію микадо.

Digitized by Google

Великія реформы, проведенныя въ Японіи, приходятся на періодъ приблизительно въ 25 лѣтъ. Онѣ были вызваны сильнымъ общимъ подъемомъ народной жизни; но онѣ неравномѣрно захватили различные слои народа. Массы крестьянъ и рабочихъ слабо затронуты новой культурой; онѣ еще крѣпко держатся старинной вѣры, шинтоизма, съ его культомъ героевъ и святыхъ, въ то время, какъ высшіе классы по большей части равнодушны къ религіи или раздѣляютъ европейскій раціонализмъ. Не исчезла и старая вражда къ иностранцамъ, бурно прорывающаяся время отъ времени. Между тѣмъ Японія, насильственно сломавши рамки феодальнаго порядка, быстро отъ замкнутаго натуральнаго хозяйства перешла къ капиталистическимъ формамъ, къ скопленію массъ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Рабочіе стали организоваться, наподобіе европейскихъ и американскихъ, въ союзы и подняли борьбу за улучшеніе условій существованія.

Внѣшнее расширеніе Японіи. Японскій капитализмъ такъ же, какъ европейскій и американскій, выдвинулъ колоніальную политику: Японія ищетъ рынковъ для сбыта продуктовъ индустріи, земель для поселенія избытка своего рабочаго населенія и большихъ государственныхъ предпріятій для приложенія своихъ капиталовъ. Но къ промышленному движенію присоединяется еще не остывшая воинственность самураевъ. Поэтому Японія, въ послѣднія 15 лѣтъ, выступаетъ въ качествѣ самой дѣятельной завоевательной державы.

Японія старалась прежде всего овладѣть прилегающими къ восточной Азіи островами и выступающими берегами материка, Формозой и Корейскимъ полуостровомъ. Корейцы—около 6 милліоновъ—не могли оказать сопротивленія сопернику многочисленному, отлично вооруженному, обладающему военнымъ флотомъ и отдѣленному отъ нихъ узкимъ проливомъ. Но японцы хотѣли обезпечить себѣ и тылъ Кореи, т.-е. доступъ въ заливъ Печили и къ Манчжуріи. Это повело сначала къ войнѣ съ Китаемъ (1895 г.). Японцы высадили войска въ Кореѣ, подвинулись вдоль залива, разбили плохо организованныя китайскія силы и захватили крѣпость и гавань Портъ-Артуръ, командующую надъ входомъ въ заливъ и лежащую у входа въ Манчжурію. Это чрезвычайное усиленіе Японіи обезпокоило европейскія державы, имѣвшія свои интересы въ Китаѣ. Опираясь на Германію и Францію, Россія потребовала у Японіи выдачи Портъ-Артура обратно Китаю, а черезъ нѣсколько времени пріобрѣла его въ свою очередь у Китая въ аренду на 99 лѣтъ, одновременно съ военнымъ занятіемъ Манчжуріи (1900). Съ этого времени главнымъ противникомъ Японіи въ ея завоевательной материковой политикѣ становится Россія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ готовились японцы къ войнѣ, выстроили огромный флотъ, занявшій одно изъ пер-

Digitized by Google

выхъ мѣстъ въ мірѣ. Въ началѣ 1904 года произошло столкновеніе, въ которомъ Японія получила полный перевѣсъ. Россія потеряла весь свой флотъ, не только вновь выстроенный тихоокеанскій, но и старый балтійскій, не поспѣвшій во-время на помощь къ первому. Японцы взяли во второй разъ Портъ-Артуръ и въ колоссальныхъ сраженіяхъ оттѣснили русскія арміи изъ южной Манчжуріи къ сѣверу. Результатъ мирнаго договора, заключеннаго при посредничествѣ Соединенныхъ Штатовъ лѣтомъ 1905 г. въ Портсмутѣ, далеко превзошелъ ожиданія Японіи. Она пріобрѣла новую территорію, почти равную своей собственной: Корею, южную Манчжурію съ Ляодунскимъ полуостровомъ и Портъ-Артуромъ и южную половину Сахалина.

Возвышеніе Японіи важно не только само по себѣ, но и по тому общему вліянію, какое оно оказываетъ на остальную Азію. Европейцы захватили въ Азіи территоріи и опорные пункты, пользуясь застоемъ среди крупныхъ старо-культурныхъ ея народностей. Быстрое пробужденіе и развитіе одной изъ этихъ націй, какъ бы спавшихъ долгіе вѣка, подняло сознаніе у другихъ, у китайцевъ, индусовъ, сіамцевъ, малайцевъ. Такъ какъ самыя многочисленныя между ними принадлежатъ къ монгольской расѣ, въ Европѣ назвали возрожденіе Азіи „желтой опасностью“.

Болѣе всего европейцевъ безпокоитъ громадный Китай. Въ странѣ уже поднималось угрожающее для бѣлыхъ движеніе сектантовъ-патріотовъ, такъ наз. боксеровъ. Правительство Небесной имперіи сколько ни даетъ обѣщаній иностранцамъ, но не въ силахъ остановить постоянно возникающіе мятежи противъ нихъ. Японцы ведутъ въ Китаѣ свою пропаганду, распространяютъ книги, газеты; множество молодыхъ китайцевъ и китаянокъ, покидая вѣковую замкнутость, ѣдутъ учиться въ Японію.

Digitized by Google

Digitized by Google